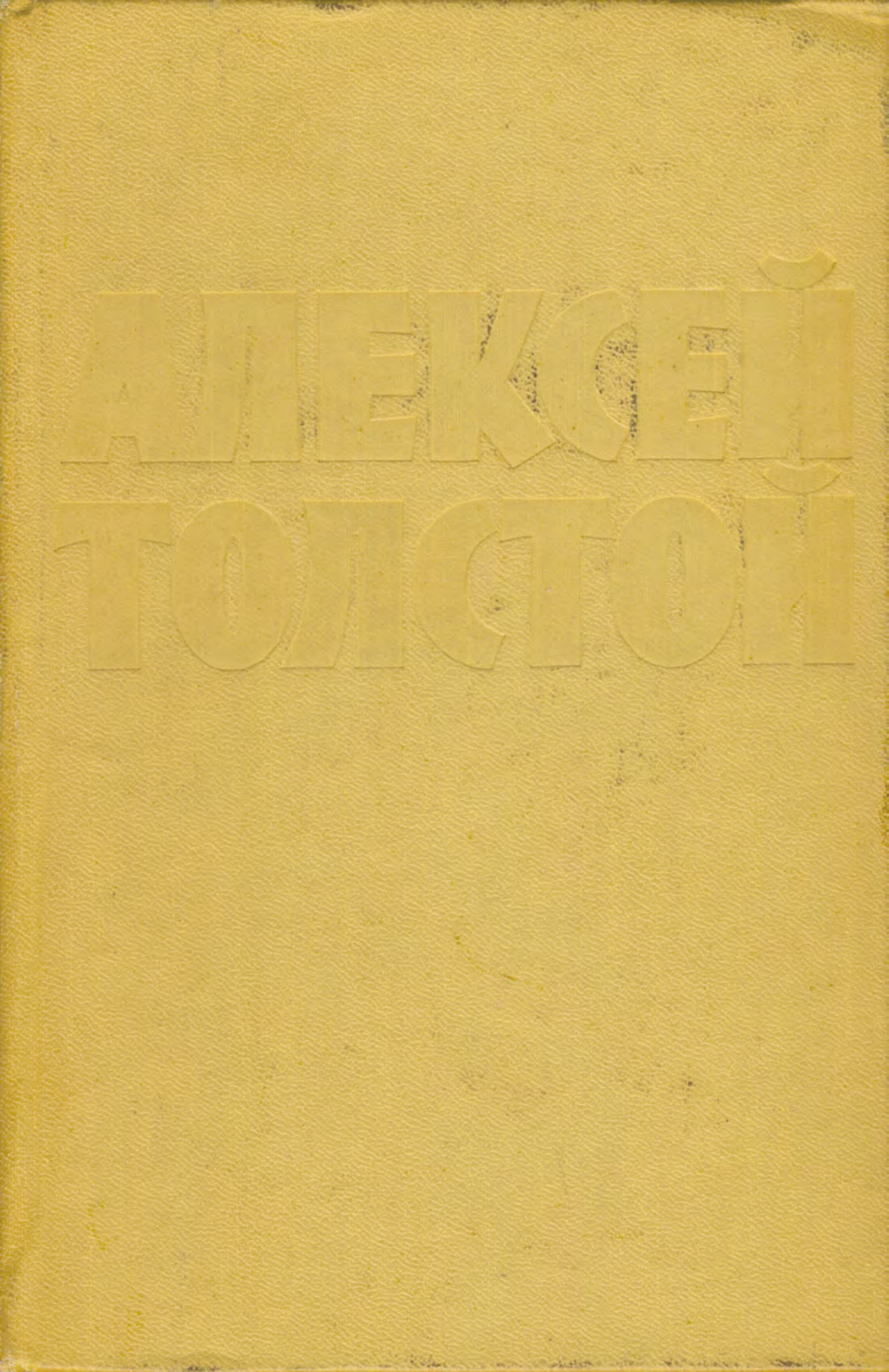

АЛЕКСЕЙ
ТОЛСТОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в десяти томах

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1960

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том девятый

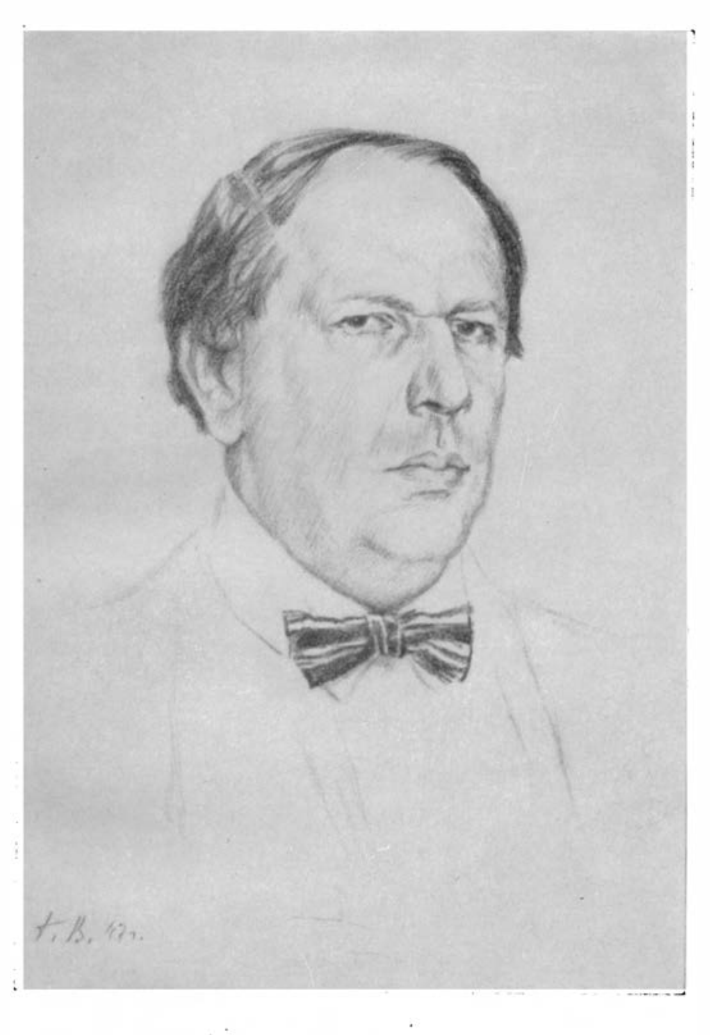
ПЬЕСЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1960

Под редакцией
А. В. АЛПАТОВА, Ю. А. КРЕСТИНСКОГО
А. С. МЯСНИКОВА, В. О. ПЕРЦОВА,
Л. И. ТОЛСТОЙ, В. Р. ЩЕРБИНЫ

Подготовка текста и
комментарии *А. Л. Сокольской*

Оформление художника
В. МАКСИНА

А. Н. ТОЛСТОЙ

Портрет работы художника
Г. Верейского

ПЬЕСЫ

НАСИЛЬНИКИ

(ЛЕНТЯЙ)

Комедия в пяти актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клавдий Петрович Коровин, 30 лет.

Вадим Вадимыч Тараканов — его дядя.

Кобелев — помещик, 40 лет.

Алексей Алексеевич Носакин — помещик, 60 лет.

Фока — его сын, 24 лет.

Марья Уваровна Квашнева — троюродная сестра Коровина.

Сонечка — ее дочь, 19 лет.

Артамон Васильевич Красновский, 30 лет.

Нина Александровна Степанова — 27 лет, девица, бывшая учительница, теперь страховой агент.

Нил Перегноев — в услужении у Коровина, 40 лет.

Катерина — экономка Коровина.

Никитай — кучер Квашневой.

Володька — ямщик.

Живописец — ученик Маковского, посланный в деревню изучать быт.

Действие происходит в доме Коровина и около.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лесная поляна. Посреди осокорь, у него и у березы листва осенняя; в глубине гривка, поросшая кустами; за ними, под косогором, невидимая лесная дорога. Артамон глядит на дорогу. Между берез ходит Нил, ищет грибы.

Артамон. Ничего не видно.

Нил. Обязательно должны подъехать, обещались.

Артамон. Ты все путаешь, скажи ясно и коротко, что она писала?

Нил. Писала она — привезу, мол, дите, в последний раз, окончательно; чтобы сегодня, мол, непременно посватался, потому, говорит, на весь уезд срам.

Артамон. А что Клавдий Петрович, напугался, наверно? Вообще, как на него подействовало?

Нил. Клавдий Петрович письма не дочитал, положил на окошко, говорит: ужо́ прочту... Ветер подул, письмо в сад улетело. К тому же он портрета хватился в это время. Ведь вот, Артамон Васильевич, Клавдию Петровичу отвалено мерою и лесов этих и земли, а живет он много хуже вас. Отчего сие,— как говорил папаша мой — диакон,— кругом тебя и трава, и козявки в ней, все это копошится тоже со своим удовольствием; погляди повыше: лес растет,— ты его руби, а он растет, а повыше леса облака. Вот в них вся сила. Первое дело — надо спокойствие иметь. Лети куда хочешь, доро́г много и везде хорошо. Вот! А Клавдия Петровича нашего раздирает, хоть и сидит

он — головы не повернет, а лучше бы из стороны в сторону бегал.

Артамон. Эх, черт, были бы деньги!

Нил. Не в деньгах сила. Вот мне не приказано дома разговаривать совсем... А разве могу молчать? С грибами неодушевленными и с теми говорю с удовольствием. Иной такой гриб стоит — шляпу перед ним снимешь. У вас вот тоже, хоть, кроме штанов да развалящего хуторишка, нет ничего, а живете с большим удовольствием. А наш Клавдий Петрович при своих поместьях только дремлет да на портрет глядит.

Артамон. Скорее бы уж кончали они эту канитель. Говорю — приедет старуха, накричит...

Нил. Марья Уваровна-то? Еще бы, натерпелась тоже, сватавши; год уже ездит; как произведет себя в тещи, начнет воевать...

Артамон. Главное — сегодня ей на глаза не попадаться. Послушай, мне до зарезу необходимо поговорить с Сонечкой, приедет она со старухой, как думаешь?

Нил. Обязательно вместе приедут.

Артамон. Я не о себе, конечно,— о Клавдии Петровиче хлопочу. Ты устрой, Нил, чтобы она в сад пришла сегодня. Устроишь?

Нил. Как бы нашему барину урона не вышло?

Артамон. Ах ты дурень!

Нил. Дурень, дурень, а вижу,— за чужой невестой безобразно прихлестываете.

Артамон. Осторожнее, вот я тебя...

Нил. Нет и нет грибов. Куда попрятались? Бывает, что и свинья гриб сожрет. Сказать надо управляющему, чтобы свиней в лес не пускал.

Артамон. Что? Намеки?

Нил. Артамон Василич, не трогайте меня, и так ведь душа еле держится.

Артамон. А про меня скажи, что убежал, мол, на охоту. А к вечеру ей шепни, что, мол, в саду... понял?

Нил. Понял.

Артамон. Попробуй только ослушаться, немедленно Клавдию Петровичу расскажу, кто портрет спрятал... Я видел вчера, как ты его прятал.

Н и л. Артамон Василич, лучше сучок сломайте, отколотите меня в свое удовольствие: не заикайтесь вы барину насчет портрета. Впутали и впутали меня совершенно напрасно... Не поверите, Клавдий Петрович как хватится, как огорчится — где портрет,— в первый раз за всю бытность кулаком на меня пошел...

А р т а м о н. Отстань, Квашнева просила спрятать, а не я.

Н и л. Хорошо. В каких выражениях прикажете Сонечке передать — с вытаращенными глазами или шепотком, с подмигом? Одно, можете себе представить, действует сразу, сию минуту прибежит; а другое полегче — она и повальяжиться, и припудриться успеет; я их характер вполне понимаю — девица-с!

А р т а м о н. Передай два слова: люблю и жду. Едут, кажется,— бубенцы!

Н и л. Нет, это с той стороны.

А р т а м о н. И с той.

Н и л. Да, и с той позванивают.

А р т а м о н. Это они. *(Заглядывает сквозь кусты.)* Соня. В белой шапочке.

Н и л *(глядит)*. Барыня какая-то едет, неизвестная. Батюшки! Колесами зацепились!

Г о л о с В о л о д ь к и. Да не лезь ты, леший. Держи!

Г о л о с Н и к и т а я. Но, голубчики, левей держи!

Г о л о с В о л о д ь к и. Левей, левей, сам ты правей. В болото, что ли, полезу? Не при... Стой!.. Тпру!..

Треск.

Г о л о с Н и к и т а я. Вороти, вороти! Но, родные!

Треск.

Смотри, опрокину...

Треск.

Ах ты, стой, осаживай!

Г о л о с В о л о д ь к и. Легче, легче, зацепишь!

А р т а м о н. Боже мой! Они опрокинутся.

Н и л. В болото-то по ступицу засели.

Голос Нины. Осторожнее, осторожнее, ямщики!

Голос Квашневой. Вот я вас, мошенники!.. Вороти, Никитай! Никитай, кнутом их, кнутом!..

Голос Никитая. Ничего, проедем. Но! Выноси, родные...

Страшный треск, плеск воды, молчание.

Голос Володьки. Ах ты собачий сын!

Голос Никитая. Зацепились, беда какая...

Артамон. Оба тарантаса сломались. Я убегу. Нил, ты помоги им вылезти. Я поблизости все время буду... Смотри же, не забудь, шепни.

Нил. Будьте надежны...

Артамон. Чтобы старуха не слышала. Смотри же, старый гриб... *(Ушел направо в лес.)*

Нил. Смотри, смотри, насмотрелся... Ах ты... Привязался к чужой невесте, жулик... *(Глядит под косогор.)* Никак кучера собрались драться... Подожди, дай срок, я тебе разъясню...

Из-под кручи выскакивает Володька с кнутом.

Володька. Я тебе покажу, как перепрокидывать!

Из-под кручи вылезает Никитай с кнутом.

Никитай. Ты зачем барский тарантас увязил?

Володька. Я тебе покажу перепрокидывать!

Никитай. Ты зачем меня увязил?

Володька. Я тебе покажу!..

Никитай. Покажи...

Нил. Кучера, кучера, как вам не совестно, господа в болоте сидят, а вы бранитесь... *(Кидается их разнимать, и от обоих ему попадает.)* Ай, светы мои! ай! светы мои!

Володька. Ишь ты, как подвернулся!

Никитай. Кажись, я все по тебе да по тебе, Нил?

Нил *(отбежав)*. Меня-то за что? Бесстыдники...

Володька. Кабы не он, я бы тебе пух выпустил, дядя Никитай.

Никитай. Ты на меня рискнул?

Голос Квашневой. Никитай!

Нил. Господ тащите, бесстыдники! Иду! Вот вам Клавдий Петрович всыплет перцу.

Голос Квашневой. Никитай, Никитай, иди же ко мне.

Никитай. Сейчас. Ах, молодой какой, да неласковый...

Голос Квашневой. Никитай, Никитай...

Никитай. Иду, не тысяча ног. *(Идет.)* С тобой, Володька, ужо расправлюсь. Я знаю, ты краденых лошадей в Колывань гонял. *(Улезает вниз.)*

Володька. Ишь ты... И то, пойти барышню мою вызволить. Дядя, подсоби-ка. *(Идет.)*

Нил. От Никитая вытерплю, от тебя не снесу... Где такой закон — кнутами стегать... Вор, конокрад, уж наверно...

Володька. Заладили... *(Улезает вниз.)*

Снизу появляется Нина, протягивает Володьке руку, тот ее вытаскивает.

Нина. Нечего сказать — ямщик! Иди скорей, отвяжи чемодан, брось его на сухое место...

Володька. Ладно... Только, барышня, раньше как завтра к вечеру отсюда не выберемся, ось поломана... Доведется вам пешечком до усадьбы дойти, коней и чемодан я туда доставлю... *(Ушел.)*

Нина. Ах, как неприятно...

Нил. Доброго здоровья, сударыня...

Нина обернулась, взглянула.

Никакой неприятности от посещения нашего барина, кроме удовольствия, никто еще не получал.

Нина. Вы кто такой?

Нил. Дьяк в расстриге, Нил Перегноев, нахожусь в настоящее время при Клавдии Петровиче личным секретарем и переписчиком.

Нина. Клавдий Петрович Коровин? Кажется, я слышала. Что же он, писатель? Что вы переписываете?

Нил. Ничего отроду не писали, спят да бормочут под нос — все их препровождение; а я для ради занятия из старых газет новости в тетрадь вписываю и им

иногда читаю,— они и дивятся, сколько людей на свете живет.

Нина. Именье большое?

Нил. Большое, никому даже неизвестно, сколько земли в нем. В одной усадьбе дома друг на дружке стоят — до чего их множество.

Нина. Страховано?

Нил. Не могу сказать. Управляющий знает... А живем скучно — мухи и те вывелись. Муха любит общество, можете себе представить. А штату нашего всего я да Катерина — достойная женщина, хотя с пороком: три раза в году напивается, как змей, с разрешения монаха Пигасия; имеет к тому аттестат. А уж напьется, беда! Будто черт ее какой вилами шпыняет...

Нина. Вы всегда столько говорите?

Нил. На стороне балуюсь, а дома строжайше запрещено; у Клавдия Петровича кружится голова, когда говорят или еще — по дверям шмыгают... Вот сами увидите; он вам обрадуется: вы замечательное сходство имеете...

Нина. Какое сходство?

Нил *(таинственно)*. Не человеческое... Про портрет ничего не знаете? Ну, то-то, он у нас пропал. Уж такое горе!

Нина. Не понимаю.

Голос Квашневой. Не тащи, не тащи ты меня, руки вывернешь, старый бес...

Нил. Это Квашнева, Марья Уваровна, лезет. Необыкновенный, можно сказать, кладезь добродетелей. *(Бежит к обрыву, чтобы помочь Квашневой взобраться.)*

Нина. Какие все странные. Или после города по-иному все. *(Глядит на деревья, задумалась.)*

В это время Квашнева, а за ней Сонечка вылезли из-под кручи. Квашнева сердито стряхнула с себя руки Нила и Никитая.

Квашнева. С тобой, Никитай, в жизни больше не поеду. Вон! Прочь от меня, негодники! Иди к лошадям. *(Садится на пень.)* Подраться ему приспичило. Ведь лошади могли дернуть и расшибить меня, как тыкву.

Н и к и т а й. Не дернули же. *(Уходит.)*

Н и л. Вы сухонькая, Марья Уваровна, капельки не попало, дозвольте репейничек снять.

К в а ш н е в а. А ты, чучело, сударь мой, передай своему Клавдию Петровичу: на него в суд подам за негодные дороги...

Н и л. Дождь один виноват, плюхал всю ночь, плюхал, Марья Уваровна...

К в а ш н е в а. Вот я тебе плюхну. Я тебе не Марья Уваровна. Да что ты стоишь? Беги, одна нога здесь, другая там, доложи барину, что сижу в его лесу на пне, как куча.

Н и л. Лечу-с... *(Повернулся, побежал.)*

К в а ш н е в а *(вдогонку)*. Народ гони с рычагами, коляску рукой не вызволить...

Н и л *(стал)*. А я старался, грибков для вас посбирал, все думаю — уж чем угодить Марье Уваровне... *(Убегает.)*

К в а ш н е в а. Вот так пассаж! Чинили, чинили коляску, а теперь опять чини. Софья, не сиди на голой земле, подстели ватерпруф.

Сонечка слушается.

И вам, сударыня, хоть и не знаю имени-отечества, а не советую. У нас помещица одна, Собакина, села на холодную землю и простудилась...

Н и н а. На мне теплая юбка, ничего...

К в а ш н е в а. Мошенники эти кучера, нарочно норовят залезть куда-нибудь погаже, в болото.

С о н е ч к а. Воображаю, мама, Клавдий Петрович как засуетится. Ну, чтобы если приехали просто, а вы все сердитесь.

К в а ш н е в а. Она у меня дурочка... Замуж ее отдаю за Коровина. Но до чего неповоротлива! Я за нее расшибаюсь, она же вот, как сейчас,— каменная, нос этот у нее кверху...

С о н е ч к а. Заладили свое при посторонних.

Н и н а. Скажите, где застраховано это имение?

К в а ш н е в а. Не здешняя вы?

Н и н а. Нет, проездом.

К в а ш н е в а. Ну, то-то. Сколько я крови через его страховку испортила — сказать трудно, нигде не застраховано — вот и все. На что глухой наш уезд, а даже мужик последний от огня в сохранности, кроме Клавдия Петровича, подите с ним поговорите...

Н и н а. Вот и прекрасно, очень кстати...

К в а ш н е в а. Да... Ну да... *(Помолчав.)* Что кстати-то?

Н и н а. Это меня очень устраивает.

К в а ш н е в а. Устраивает; конечно, не пешком же вам за собой чемодан таскать... Клавдий Петрович тарантас одолжит с удовольствием.

Н и н а. Именье огромное, я слыхала, должно быть, Коровин прекрасный хозяин.

К в а ш н е в а. Да уж такой хозяин... По правде скажу — все мы живем с прохладцей, не торопясь, не как в других уездах; там и фабрики, телефоны, и не разберешь — помещик это или жулик. Слава богу, телефона у нас нет и в помине. Как можно с человеком говорить и рукой его нельзя достать, ведь он тебе в трубку такое брякнет — поди потом судись!

С о н е ч к а. Что это вы, мама.

К в а ш н е в а. Говорю, значит знаю, не перебивай. Живем тихо, ну, а уж на Клавдия Петровича плюнешь иногда, до чего увалень.

Н и н а. А что?

К в а ш н е в а. Нельзя сказать, чтобы ленив, а необыкновенный увалень. В поле ему ехать — дрожки эти с утра до ночи у крыльца стоят, а он лежит на диване, переворачивается.

С о н е ч к а. На стене газеты читает: в зале штукатурка обвалилась, под ней старые газеты, честное слово!

К в а ш н е в а. А ты не смейся при посторонних,— кто смеется, тот глупый. Прислугу такую же завел, вот этого Нила, прости господи, да чучелу Катерину. Нарочно таких не выкопаешь... Так вы куда это едете?

Н и н а. По делам.

К в а ш н е в а. По каким делам?

Н и н а. Страховым.

К в а ш н е в а. Страховым? Ах, батюшки!

Нина. Я страховой агент.

Квашнева. Агент? Софья, уйди-ка, посбирай грибы...

Сонечка встает.

Иди, иди...

Сонечка. Кажется, не маленькая... *(Ушла направо.)*

Квашнева *(очень заинтересованная)*. Замужем?

Нина. Нет.

Квшнева. Девица?

Нина. Право, не знаю, как ответить. Я самостоятельная, моя фамилия Степанова, зовут Нина Александровна.

Квашнева. А не из евреев?

Нина. Нет, не из евреев.

Квашнева. То-то, хотя евреи хорошие бывают. *(Рассматривает.)* Агент... *(Жалобно.)* Ай, ай, ай, милая! Это страховое-то для вида у вас только?

Нина. Как для вида, я этим живу, небольшой пока заработок, но все зависит от старания.

Квашнева. Стараться приходится?

Нина. Не всегда, конечно; вот как сегодня в лесу — право, не хочется ни о чем хлопотать.

Квашнева. Размякли?

Нина. Почему-то мои воспоминания все связаны с такой вот осенью...

Квашнева. Значит, было дело...

Нина. Да, женщины трудно забывают некоторые вещи.

Квашнева. По холостым, чай, больше ездите?

Нина. Что?

Квашнева. А вы на старуху-то не фыркайте. *(Шепотом.)* Дело женское,— сама, скажу по секрету, дочь мою Софью насилу держу, так и рвется. Вот какие девицы пошли. Подите-ка поближе.

Нина подходит.

Есть у нас один помещик, нахал и мот, именьишка половину в карты проиграл, половина — под векселями. Словом, одни усищи — весь его капитал.

Хорошо. Дочь моя Софья и влюбись в него, прямо вынь да положь. Много ли девчонке нужно. А ведь я мать, милая. Сами едва выкручиваемся. Одна надежда на Коровина. Говорю прямо — свои мы, одной семьей живем... А этот прохвост видит, что кусочек мимо рта проходит, возьми да и расскажи все Коровину, Клавдию Петровичу. Тот и уперся: не женюсь и не могу. Прямо в стену рогами. А мне дурацкий предлог придумал с каким-то портретом. Видела я этот портрет. Так — мордашка, на вас похожа отчасти... Да какая бы ни была, нельзя же в портрет втюриться, его не ущипнешь. Словом, еду окончательно припереть жениха... Ах, милая моя, увидела я вас и сразу поняла, что мне господь помощницу послал.

Нина. Что вы, какой же я вам совет подам?

Квашнева. Не совет, душа моя, а дело... Вам все равно. Вы женщина видная, да и занятие ваше по мужской части,— вертнете раза два хвостом, Артамошка этот и голову потеряет, о моей дуре забудет и думать. Падок он до женщин, Артамон-то Васильич.

Нина. Какой Артамон Васильич?

Квашнева. А Красновский.

Нина. Он здесь?

Квашнева. А вы разве знакомы?.. Еще бы, его все дамы очень знают. Вот я и говорю — вас бог послал... едем, едем со мной, душенька. Проживете денька три, Клавдий Петрович даме нипочем не откажет, застрахуется у вас непременно; экипаж вам дадим новешенький, поедете отсюда уж не одна, а с приятелем. Ну, что? Согласны, красавица?

Нина *(отходит)*. Ах, подождите.

Квашнева. Пожду, не каплет. Подумайте, душенька, в эту вашу страховку все равно никто не поверит.

Никитай *(входит)*. Барыня!

Квашнева. Что тебе?

Никитай. Муха лошадей заела.

Квашнева. Сейчас побегу твоих мух отгонять! Иди, иди прочь, сорви ветку, отмахивайся.

Никитай стоит.

Пошел!

Никитай. Не пойду я, меня там Володька срамит.

Квашнева. Какой Володька?

Никитай. Ихний кучер.

Квашнева. И срамит, верно, за дело.

Никитай. Не за дело срамит; в ноги кланяется: прости, пожалуйста, говорит, ты меня конокрадом обозвал.

Квашнева. Ах, батюшки, он моих лошадей украдет! *(Встает, торопливо идет в кусты и под кручу.)* Разиня!

Нина *(стоит, страшно задумавшись; потом бежит к кустам)*. Владимир, Володька, ямщик! Ну что, можно ехать? Как-нибудь? А верхом? Что? Ну, а села нет поблизости? *(Отходит.)*

Голос Сонечки *(вдали)*. Ау!

Голос Артамона *(поближе)*. Ау!

Так несколько раз. Голос Артамона все ближе, Сонечкин удаляется.

Нина *(вслушивается со страхом)*. Знакомый голос.

Артамон *(входит)*. Соня, где ты? *(Увидал Нину.)*

Нина горько усмехается.

Артамон. Что за черт?.. Неужто ты? Нина! *(Засмеялся.)*

Нина отвернулась.

Ведь это прямо анекдот, вдруг ты — в нашей глуши. Да каким же ветром?.. Ведь ты же в Москве живешь?

Нина. Нет, здесь.

Артамон. Голубушка моя, но ведь ты чертовски похорошела!..

Нина. Ах, что там.

Артамон. Нет, прямо красавица!

Нина. Что вам нужно?

Артамон. Значит, сердишься?

Нина. На что? Просто странно...

Артамон. А разве ты забыла?.. Ведь хорошо было... посмотри, совсем как тогда, в Царицыне.

Нина. Что в Царицыне? О чем вы говорите, опомнитесь, пожалуйста. Вы шли куда-то, идите, вас звали...

Артамон. Фу, какая злючка... О тебе, Ниночка, я всегда вспоминаю с благодарностью...

Нина *(резко смеясь)*. Я думаю, благодарить было за что.

Артамон. Ага, значит помнишь. Скажу откровенно, я страшно раскаиваюсь.

Нина. Мне от этого не легче.

Артамон. Я поступил не так,— должен был немедленно жениться...

Нина. Скажите...

Артамон. Подожди. Но ведь мы сделаны не идеально. А мое правило — не раскаиваться и всегда начинать сызнова.

Нина. А мое не такое... Да, вы очень оригинальный тип, Артамон Васильевич.

Артамон. Оригинальный? Я не из обидчивых. Кстати, зачем ты заехала сюда?

Нина. По делу.

Артамон. Неужто все еще уроки и уроки? Я нахожу вообще — учить детей глубоко безнравственно. Учишь, учишь и вдруг какой-нибудь гадости научишь.

Нина. Успокойтесь. Теперь я страховой агент.

Артамон *(засвистал)*. Здорово! Суфражистка?

Нина. Глупо.

Артамон. То-то, смотрю — ты премило одета. Знаешь, что? Тебе все равно придется заехать в Коровино... Останься на неделю — и все там застрахуй... А? Я тебе помогу Клавдия Петровича уговорить.

Нина. Мерси. *(Садится.)* Вас, кажется, ждут.

Артамон. Да, увы!

Нина. Бедная девушка.

Артамон. Ты про кого?..

Нина. Про ту, кто вас зовет.

Артамон. Откуда ты знаешь?

Нина. Боже мой,— знаю... Мне даже поручено спасти ее.

Артамон. Тебя Квашнева просила меня отбить... *(Смеется.)* Милая моя, она всех молодых женщин об этом просит. Тебе, конечно, все равно, но, клянусь, девочка влюбилась, но я почти как брат, ухаживаю для тренировки.

Нина. Успешно идет эта ваша тренировка?

Артамон. Ах, Нина, ты немножко только войди в мое положение... После тебя — никто, поверь, никто не может понравиться.

Нина. Даже певичка от Яра.

Артамон. Фи! Это было под пьяную руку, ты слишком нетерпима... И притом совершенно не дооцениваешь себя... Ведь ты чертовская женщина! И я люблю эту твою дьявольскую ревность.

Нина. Пожалуйста, я ни к кому не ревную...

Артамон. Нина... приходи вечерком в сад... По некоторым причинам я удираю сию минуту и не явлюсь до вечера... Родная моя, на минутку забудь, попробуй, приди... Я должен рассказать невероятно много...

Нина *(после молчания)*. А если приду?

Артамон. Ты же знаешь, что!.. Мне здесь смертельно скучно... Я понял, что без тебя нет жизни нигде. Ну, приди... Если нужно — ругай меня, поколоти, только приди...

Голос Сонечки. Ау!

Нина. Зовет, идите.

Артамон. Милая, согласись... *(Хватает ее, целует.)* Родная моя, как я тосковал.

Нина. Пусти...

Квашнева *(глядит на них из-за кустов)*. Ох, батюшки, запыхалась...

Артамон исчезает, Квашнева входит.

Как воз везу, разорвет меня как-нибудь в одночасье.

Входит Сонечка с охапкой листьев.

Сонечка. Это не вы аукали, нет?

Нина не отвечает.

В лесу то там, то здесь аукнется. Смотрите, какие листья. *(Вздыхает.)*

Квашнева. Нилку этого посылать, как за смертью... *(Соне.)* Кто аукался?

Сонечка. Я почем знаю. Ходят в лесу по грибы и аукаются... Мама, кого мы ждем? Пойдемте...

Квашнева. Уйдешь, а без хозяйского глаза коляску рычагами разворочают... Отсырела я, вот что... Чаю хочу.

Вдали голоса.

Идут никак, слава богу... Софья, покричи!

Сонечка *(идет и аукает)*. Ау! Мы здесь!

Голоса приближаются — откликаются ближе.

Квашнева. Мать за дуру почитает — знаем мы, какие в лесу грибы аукаются, отвернись на минутку. *(Быстро перекинулась к Нине.)* Ну что, красавица, надумали? Видела, все видела, время не теряли, спасибо,— так то лучше, сразу быка за рога. Чем могу, отблагодарю — брата моего уговорю страховаться... Согласны... значит?

Нина *(с трудом)*. Хорошо. Согласна.

Сонечка. Мужики пришли.

Квашнева. Спасибо вам, милая. Заварим с вами кашу — только ложку припасай.

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зал в доме Коровина. Под вечер. Три высоких окна прямо; убранство залы старое, перед окном кресло с большой спинкой, скрывающей Клавдия Петровича. Направо дверь, налево ступени, арка и видна столовая.

На ступеньках стоит Нил, повыше — Катерина.

Катерина. Ну что, Нил?

Нил *(шепотом)*. Я уж распорядился, побежали выручать; приказал, чтобы рычаги захватили беспременно. Спит наш?

Катерина. Бог его знает, голубчика, спит али так глазки закрыл. Давно чего-то не шевелился.

Нил. Сказать надо бы, что гости-то.

Катерина. Да как сказать, сама не знаю, что надо; помутилось в глупой моей голове. Нил, ведь срок завтра моему аттестату.

Нил. Катерина, любезная моя, воздержитесь, время не такое; дайте молодых окрутим, тогда пейте на здоровье.

Катерина. Пропадущая моя голова; за что, за что господь наслал такую скверность...

Нил. Без толку не пошлет, была, стало быть, к тому причина; ведь вы не без яду, Катерина Ивановна...

Катерина вздыхает.

Гостям приготовили покушать?

Катерина. Петуха велела зарезать, с кашей его сварю.

Нил. Что это вы, Катерина Ивановна: с кашей только бедные едят...

Катерина. Так с чем же, петух ведь лиловый.

Нил. Изрубить его мелко и в котлету.

Катерина. И то надоумил — обеспамятела я, обестолковела.

Нил. А вы погромче, может наш-то проснется...

Катерина. Ох, боюсь,— вдруг раскроет глазки и огорчится...

Нил. Что же нам делать? Приедет Квашнева, кинется к нему сразу — хуже будет.

Катерина. Ты сам постучи.

Нил. И то, постучать да прибрать, пока гости не наехали. А вдруг возьмут да наедут. Долго ли до беды. *(Сходит в залу, будто прибирает, двигает кресла, роняет вещи.)* Артамон Василич, вот уж хлюст, боюсь я его до смерти.

Катерина. Насилу его после чая в сад прогнала; вчера говорил, говорил, говорил, говорил — птица и та помолчит в свое время; наш-то совсем затосковал; что делать будем?

Нил. Чего ему у нас нужно, никак не добьюсь.

К а т е р и н а. Барину паровик свой продает. У нас паровиков и без его достаточно; а он: ты, говорит, Клавдий Петрович, купи все-таки, по крайности ездить на нем будешь.

Н и л. Станет вам Клавдий Петрович на паровике ездить! *(Таинственно.)* Дело не в паровике; Артамон Василич воду мутит,— охота ему за Сонечку с нашего барина получить отступного.

К а т е р и н а. Вот грех, прости господи! *(Вздыхает.)* Пойду петуха щипать.

Н и л. Идите, да воздержитесь, Катерина Ивановна.

Катерина вздыхает и уходит.

(Громко.) Ох приедут гости — Марья Уваровна с дочкой и еще неизвестная путешественница. Ей-богу, сейчас приедут... *(Роняет кресло.)* Клавдий Петрович, а Клавдий Петрович!

К л а в д и й *(высовывает из-за спинки голову)*. Что ты так стучишь?

Н и л. А я говорю — гости могут приехать.

К л а в д и й. Не надо их.

Молчание.

Послушай... *(Садится на диван.)*

Долгое молчание.

Сегодня она опять приснилась.

Н и л. Портретная-то?..

К л а в д и й. Да. Сначала вижу — будто я маленький и залез на дерево. На ветках все гнезда, и птицами пахнет. Залез и сижу, а внизу, на земле, красные бумажки валяются, от прошедшего фейерверка. Вдруг стало мне грустно, а потом еще грустнее... Сижу на дереве, заплакал... *(Задумался.)*

Н и л. Вот со мной тоже бывает! Сижу, сижу и ни с того ни с сего заплачу.

К л а в д и й. Странно стало — отчего грущу, и вдруг понял — вижу, по нашей поляне идет фигура. Так и захолонуло. Потом все перепуталось, перепуталось, перемешалось.

Нил. И у меня тоже, постоянно в голове все перепутается.

Клавдий. Сны оттого чудесны, что легко перелетаешь, не нужно ходить, маяться... То на дереве сидишь, и вдруг уже перед балконом... А полукруглое окно, знаешь, под крышей, сразу раскрылось, на подоконник облокотилась девушка, глядит глазами на небо, на сад, на дорожки и улыбается грустно... А сердце мое вот так и стучит; вглядываюсь, у ней знакомое лицо, родное... Хочу, чтобы и на меня посмотрела — посмотрит, и будет счастье... Рукой бы махнуть — не двинуться, а лицо у нее такое знакомое, боже мой...

Нил. На Сонечку сходственное?

Клавдий. Нет. Сонечку никогда не вижу во сне, она не настоящая... А на нее, на Нину, на наш портрет... *(Встает.)* Нил, найди портрет... Прошу тебя... Он никуда не мог деваться, его спрятали нарочно... Он сто лет висел здесь, тридцать лет я гляжу на него... Найди, жить не могу... Она единственная... Мне казалось, если я долгие годы буду глядеть и хотеть, она придет. А жизнь пролетела... я ничего не сделал... К чему все это, когда любить некого...

Нил. Осмелюсь посоветовать, Клавдий Петрович,— женились бы на Квашневой, ей-богу; а то одна тоска у нас — хоть в лес беги...

Клавдий. Женюсь, только не на ней. Послушай, какое имя — Нина!

Нил. Почему Нина? Может, ее совсем и не так звали. Слушать вас прямо опасно — виданное ли дело жениться на изображении!

Клавдий. Ничего не понимаешь,— если суждено, она придет. Чем я виноват, что полюбил только портрет; но ведь лицо у нее единственное — другого не полюбишь; я вот даже и не знаю, откуда он попал в наш дом. А люблю. Не просто это. Оставь. Не можешь найти, так не разговаривай.

Нил. Ох, беда какая! Где же я его найду?

Клавдий *(сел в кресло напротив, [Нил] стал у стены, где ободрана штукатурка)*. Тут я про Напо-

леона Третьего разобрал, ты перепиши в тетрадь, а то видишь, как высоко,— читать трудно.

Н и л *(влезает на стул, читает).* «Пруссаки заняли все высоты — французы отступают...»

К л а в д и й. Какое было кровопролитное сражение.

Н и л. Да ведь это, Клавдий Петрович, давно очень было...

К л а в д и й. Ну что же, а я говорю, кровопролитное.

Н и л. Учитель здешний рассказывал — немцы вот поссорятся и бранят друг друга, а рукой ни-ни. А французы всегда дерутся молча.

К л а в д и й. Глупости какие... Где мой носовой платок?

Н и л. В кармане, чай.

К л а в д и й. И то, в кармане. Вот что — ты пойди, а я посижу, устал что-то сегодня.

Н и л. Как же сидеть, Клавдий Петрович? Господи, ведь гости сейчас приедут.

К л а в д и й *(с испугом).* Какие гости?

Н и л. Да все она же, Квашнева с Сонечкой, и еще путешественница одна...

К л а в д и й. Ах, как это, Нил, наверно, ты сам их зазвал.

Н и л. Вот лопнуть — сами.

К л а в д и й. А ты скажи — меня дома нет, в поле уехал.

Н и л. Не поверят, Клавдий Петрович, виданное ли дело, чтобы вы по полям ездили.

К л а в д и й. Ну в город, что ли, уехал, в гостиницу... Я знаю — Квашнева опять начнет уговаривать жениться.

Н и л. Эх...

За окном шум голосов.

Идут!

К л а в д и й. Что вы со мной делаете, всегда помешают, человек только подумать собрался, минуты нет спокойной. *(Идет к столовой.)*

Н и л. Куда вы?..

Клавдий. Спрячусь... а ты что-нибудь придумаешь.

Нил. Ничего не придумаю. Клавдий Петрович, ведь они через столовую пройдут.

Клавдий. В самом деле... *(Поспешно идет направо.)*

Нил *(отчаянно)*. Клавдий Петрович, да что же я им скажу?..

Клавдий *(пробуя запертую дверь)*. Скажи ты им, скажи... Кто дверь запер?

Нил. Давеча сами приказали.

Клавдий. Что делать... Ах!.. Вошли... Пропал! *(Стал у двери.)*

Из столовой выходят Квашнева и Сонечка.

Квашнева. Опять, чай, спрятался.

Клавдий кланяется.

Вот он, сударь. Здравствуй, в гости приехала, дочь привезла. Рад? Да ты что к двери прилип?

Клавдий. Я за носовым платком...

Квашнева. Платок в руке, не ври...

Клавдий. Ах, какая забывчивость. *(Подходит, здоровается.)* Присядьте, пожалуйста...

Квашнева и Сонечка садятся. Нил стоит на ступеньках.

Квашнева. Ну, отец, я на тебя в суд подаю, за дороги... Ну, что выпучил глаза, пошутила, не подам. А ты вели нарубить тальнику, да и завали дорогу.

Клавдий. Сейчас распоряжусь. *(Вскочил.)*

Квашнева. Успеешь, успеешь, садись. Коляску все равно на твой счет починю. Садись. Ну, делал что?

Клавдий. Думал много...

Квашнева. Об ком думал, об нас?..

Клавдий. Отчасти...

Квашнева. Отчасти, ах ты, тугодум. Об нас подумай, ведь дочь, смотри, выросла, куда ее дену? Трудно мне, старухе.

Клавдий *(глядит на Соню)*. Должно быть, очень трудно.

Сонечка. Мама...

Клавдий. Кушать не хотите?

Квашнева. Хорош хозяин. Очень даже хотим.

Клавдий. Сейчас распоряжусь. *(Вскакивает.)*

Квашнева. Сядь, опять сорвался...

Клавдий *(уже подбежал к Нилу)*. Вот я ему насчет завтрака и насчет дороги скажу...

Сонечка *(тихо)*. Мама, нельзя так сразу, мне, правда, противно.

Квашнева. А мне очень приятно. Плюну вот и уеду. Все скажут, старуха лезла, лезла, а жених за дверь поворот указал. Так и скажут...

Сонечка. Ах, только без меня, пожалуйста.

Квашнева шепчет ей на ухо.

Клавдий *(громко)*. Ну все там прочее... *(Тихо.)* Распорядись и что есть духу беги с той стороны, и в дверь, в щелку подглядывай; я кашляну и махну платком, тогда ты вбеги и крикни: «Телята в малинник ушли». Понял? не перепутай.

Нил. Так заору — перепугаются.

Клавдий. Кричать не нужно, а ты убедительно скажи.

Нил. Ну, ладно.

Клавдий. Ступай скорее.

Нил уходит, Клавдий возвращается к дамам.

Квашнева. Ну, что Катерина твоя, терпит еще?

Клавдий. Терпит. Катерина прямо замечательная. Что поделаешь, если у нее один порок. Вот этой весной так напилась, так сильно напилась, что залезла в лопухи и там кричала сверчком. Я даже спрятался.

Квашнева. Храбрый, нечего сказать.

Клавдий. Как-то жутко стало! Вот на днях опять срок пришел ее аттестату, чуть ли не завтра.

Квашнева. Ах, батюшки, завтра тебе и обеда некому варить... Софьюшка, ведь нам надо остаться до завтра, как ты думаешь?

Сонечка. Все равно останемся.

Клавдий. Может быть, дела у вас неотложные?

Квашнева. Ничего... для тебя все дела отложу. Ты, Софьюшка, пойди сейчас на кухню и в сто-

ловую, помоги, присмотри. Приучайся, приучайся, душа моя, не все девичью косу плести.

Сонечка. Что это вы, мама! *(Уходит.)*

Клавдий вздохнул в тоске.

Квашнева. Да.

Клавдий. Да...

Квашнева. Ну-с, Клавдий Петрович..

Клавдий *(подходит к окну)*. Воздух чистый сейчас, осенний.

Квашнева. Осень на дворе.

Клавдий. Вот зима настанет, окна не отворишь.

Квашнева. Форточку отворяй.

Клавдий. Разве что форточку, я и не догадался... Зимой тоже хорошо, уютно, еще лучше.

Квашнева. Довольно... виляешь... Сколько тебе лет?

Клавдий. Тридцать.

Квашнева. И тебе не стыдно?

Клавдий. А что?

Квашнева. Тридцать лет у окошка просидел, такой богатырь!

Клавдий. Все не соберусь прокатиться.

Квашнева. И никогда не соберешься. А ведь я тебя как родная мать люблю.

Клавдий. Благодарю вас.

Квашнева. Слезами обливаюсь — глупый ты, глупый... Жениться надо тебе.

Клавдий *(встает, испуганно отойдя)*. Ах, как можно!

Квашнева. То есть «как можно»? Как все.

Клавдий. Я так не хочу: все равно это не поможет. Не думайте, чтобы я не хотел жениться... трудно говорить об этом, Марья Уваровна.

Квашнева. Об одной твоей пользе пекусь. С десяти ты годков сироткой; матушка твоя, умираючи, говорила — не оставь его, Марья, жену ему найди достойную, малютке моему. *(Поплакала.)*

Клавдий *(растрогался)*. Марья Уваровна, спасибо вам; мне скучно жить одному.

Квашнева *(тащит его к дивану)*. Слушай. На той неделе сама в город ездила на бал, невест глядеть; думаю — найду ему кралю,— нет и нет, все девки одна хуже другой — от одной пахнет противно, другая злючка, и все до одной — рожи, с души воротит.

Клавдий *(перебивая)*. Но мне ведь одна только нужна.

Квашнева. Подожди, знаю, что не десять, не турок... Ну вот, расстроилась я. Вернулась домой, позвала дочь и ну разглядывать, как стеклышко.

Клавдий. Что это вы, Марья Уваровна, фу!

Квашнева. А ты не стыдись, дело житейское, жену брать — не поросенка купить. Чем ждать да искать — вот твоя невеста. *(Показывает на столовую, где Сонечки нет.)* Соня, Сонюшка, иди сюда...

Клавдий. Постойте, подождите, сейчас... *(Оглянулся на дверь, кашлянул, махнул платком.)*

Дверь приотворилась, вбежал Нил, крикнул неестественным голосом.

Нил. Те... те... лята по ягоду пошли!

Клавдий *(поспешно встав)*. Ах, телята, телята...

Неловкое молчание, Квашнева глядит на обоих.

Квашнева. Вот как. На французские фокусы пустился. Ну, хорошо, и я тебя фокусами. *(Подходит к Нилу.)* А ты знаешь ли, перед кем стоишь, поросенок? Вот, чтобы знал, чтобы помнил. Вон! *(Бьет его по щеке и выталкивает за дверь. Возвращается к Клавдию.)* У тебя, видно, ягоды по осени поспевают. Благодарю, заплатил за материнскую заботу. Ожидала от тебя всего, а хитрости не ждала.

Клавдий. Извините меня...

Квашнева. А ты слышал, что поговаривают, будто старуха Квашнева на богатство польстилась и дочь свою продает Клавдию Петровичу за деньги, а он, мол, отказывает.

Клавдий. Неправда, какой ужас.

Квашнева. Говорят, в холостой дом девицу возить не полагается, а Квашнева, мол, возит. Ну, откажись, выгони нас...

Клавдий. Ладно уж, ладно.

Квашнева. Нет, не ладно. Как ты думаешь — дитя свое родное запереть в твоем дому на мученье с этаким тюфяком, чтобы она без счастья увяла,— мне это приятно? Может быть, я долг свой выполняю, дочку мою, как в могилу, под венец веду,— об этом думал ты, черствый.

Клавдий. Я виноват во всем, поступайте, как хотите.

Квашнева. Нет, сударь, так не говорят, ты проси, умоляй меня, в ногах валяйся,— может быть, теперь я нипочем не соглашусь.

Клавдий. Марья Уваровна, подождите, вы все сразу и много, я уж и так перепутался... А поверьте мне — я своими чувствами пожертвую. Я живу во сне, и любовь моя сонная, к девице несуществующей,— гляжу с детства на ее портрет и мечтаю. Ну и что же — помечтал и довольно...

Квашнева. Так, так...

Клавдий. Настоящая жизнь грубая, не нравится мне она, но я признаю — моя обязанность жить, как все... Страшно это, конечно, поэтому я так долго и колебался; я готов сделать предложение вашей дочери...

Квашнева. Вот!

Клавдий. Но ведь не обо мне идет речь,— я откажусь от фантазий и все, но Сонечкино счастье разбить не волен.

Квашнева. Ложь, наболтали тебе.

Клавдий. Нет, правда... Сонечка любит Артамона, и он любит Сонечку, хорошо, по-мужски.

Квашнева. Слава богу, договорились. С этого бы начать надо. В том-то и дело, друг мой, Софье, не скрою, нравится Артамон, но больше оттого, что она была оскорблена твоим невниманием. А твой Артамон — знаешь, что выкинул сегодня в лесу,— диву я далась... Наехали мы на девицу какую-то, зацепились, вылезли. Расспрашиваю, откуда, кто такая *(подмигнув)*,— страховой агент... понимаешь? И только на минутку отвернулась. Хвать — Артамон тут как

тут... Оказывается, он эту агентшу давно знает, гляжу, уж целуются, да как — взасос.

Клавдий. Как же это он? Может быть, случайно поцеловались?

Квашнева. Целуются-то очень даже не случайно; Артамошка так и завился около нее, и все... Ниночка... Ниночка.

Клавдий. Что?

Квашнева. Ниной ее зовут...

Клавдий. Ах да... Куда же вы ее дели?

Квашнева. В конторе чай пьет.

Молчание.

Ну, вывертывайся, что же ты молчишь!

Клавдий. Делайте как нужно, я не противлюсь.

Квашнева *(обнимая его)*. Вот так-то давно надо было... Вот и конец моей маете... Глупый ты, глупый, жену-то какую тебе приберегла. Вон идет, погляди, полюбуйся.

Клавдий *(не смотрит в окно)*. Видал уж, видал...

Квашнева. Ты другим глазом погляди. За сирень зашла, сейчас выйдет... Ох, да это не она...

Клавдий *(взглянув в окно)*. Кто это? Кто она?

Квашнева. Приезжая, та самая...

Клавдий *(в страшном волнении)*. Что это... что это... что это...

Квашнева. Ты, отец мой, спятил...

Клавдий *(кидается к окну)*. Ушла...

Квашнева. Ты про кого?

Клавдий. Нина!..

Квашнева. Откуда ты ее знаешь?

Клавдий. Господи боже мой! Ущипните меня, Марья Уваровна...

Квашнева. Да чего ты увидал? Уж не черти ли тебе представляются. *(Глядит в окно.)*

Клавдий. Точно с портрета сошла.

Квашнева. А, вот о чем: действительно, и я заметила — очень похожа. Эта девица, милый *(подмигнув)*, холостой страховкой занимается...

Клавдий. Чем? Что?

Квашнева. Потом объясню. *(Берет его под руку.)* Пойдем закусывать, все животики подвело.

Клавдий. Не тащите меня, я успокоюсь.

Квашнева. Ну, посиди, я невесту пошлю. *(Уходит, кличет Соню.)*

Клавдий. Что я наделал... Господи, что же это?.. Сон? Какой страховкой? При чем Артамон? Ну, проснись, проснись, проснись! Какое сходство? Наверно, и не похожа совсем.

Входит Сонечка.

Сонечка. Идемте завтракать... Мама велела...

Клавдий. Ах, это вы...

Сонечка. Не узнали? Идемте, все равно уж...

Клавдий. Да, да, надо присесть, присядем. *(Садится.)*

Сонечка отвернулась.

Квашнева *(появляясь на лестнице)*. Что за голуби... рядком сидят, наговориться не могут. Умилительно!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Лунная ночь. Поляна перед домом. Окна вверху освещены. С балкона лестница. Внизу прямо — дверь, над ней старается Нил, отпирая замок; подле стоит Катерина с подушками и чемоданом.

Нил. Ржа керосину боится, ест он ее; пчела дыму боится; вы, Катерина,— водки. А я людей боюсь, очень их опасаюсь... Все кого-нибудь боятся. Вот я и думаю: как лучше — со страхом жить или без него? Бояться плохо, а не бояться тоже не хорошо; кто ничего не боится — тому все равно, а кому все равно — тот отчаянный.

Катерина. Будет болтать, иди отпирай.

Нил. Вот Артамон Василич на что бесстрашный, а от Квашневой у него паника. Ночь на дворе, а он

еще не являлся. Сонечка два раза сад обошла, и путешественница наша тоже... Поди его найди, не иначе как на деревне с девчонками...

Катерина. Ну, иди, иди.

Нил. Готово. Пожалуйте. *(Отворяет дверь.)*

Катерина входит во внутрь.

Поговорить досыта нельзя! А на что мне тогда язык — пить, есть я и без него попрошу.

Появляется из-за деревьев Сонечка.

Сонечка. Нил, ты никого не видел?

Нил. Сейчас должен прийти,— обязательно, говорит, буду...

Сонечка. Вот странно, я никого не дожидаюсь. *(Помолчав.)* Где мама?

Нил. С Клавдием Петровичем в кабинете, документы просматривают. Сырость большая в саду, я сбегаю шаль принесу.

Сонечка. Не надо. *(Идет.)* Все-таки, если кто-нибудь придет... я буду сидеть в липовой аллее... *(Ушла.)*

Нил. Ну и хлюст! За что его так любят? Усищи отрастил, она и думает, что он весь такой — шелковый.

Слева из сада появляется Нина.

Нина. Где Артамон Васильевич?

Нил. Не приходил еще, дожидаемся.

Нина. Где же он ходит?

Нил. Неизвестно. Не иначе как на деревне задержался.

Нина. Когда явится, скажи, чтобы не трудился меня разыскивать. *(Уходит.)*

Нил. Может, в липовой аллее подождете?

Нина. Что? Где эта липовая аллея?

Нил. Сейчас направо первая, так прямиком и дойдете. Барышня! — а постелить приказано вам здесь, и чемодан принесен.

Нина ушла. Катерина выходит.

Катерина. В помещении дух очень тяжелый.

Нил. Не проветривали, вот грибком и поросло. Что же теперь будет, Катерина Ивановна?

Катерина. Что, Нил, что еще будет?

Нил. За ужином шампанское пили, поздравляли жениха с невестой, обкрутили, значит. А жених-то — как на поминках — туча тучей. Невеста куска не проглотила — шмыг в сад к полюбовнику; а эта путешественница,— увидите, Катерина Ивановна,— подожжет она дом, до чего зла... То ей Клавдия Петровича подавай, то Артамона, никого добиться не может; и глаза у нее такие неприятные, как у кота лесного...

Катерина. Ох, Нил, а мне все равно... Подкосились резвые мои ноги. Беда подошла.

Нил. Да неужто, Катерина Ивановна?

Катерина. Скрутило нутро, подвалило под грудь — и все слышу, будто из бутылки жидкость льется.

Нил. Да уж никак вы согрешить успели?

Катерина. Огорчилась я, Нил, за нашего голубя, голубчика Клавдия Петровича, выпила стакан за его здоровье. Отлегло!

Нил. Батюшки-светы!

Катерина. Теперь воздержусь, но не дай бог, Нил, еще огорчиться... *(Садится на ступеньки.)*

Нил. Чего уселись! Доведете вы меня, Катерина Ивановна, до полнейшего отчаяния! Весь страх потеряю.

Катерина. Сижу — значит велено. Ох, не начинай ты гнилых разговоров...

Нил. Это вы гниль разводите, Катерина Ивановна, а я вам опять повторяю: вы женщина ветхого происхождения, я же хоть и в соку, но на вас решительно никакой охоты жениться не имею. Напрасно только пугаете.

Катерина *(тихо)*. Подлый!

Молчание.

Нил *(визгливо)*. Если вы меня коснетесь, я в лес убегу.

Молчание. Сзади подкрадывается Артамон, хватает Нила.

Ай, ай, ай!

А р т а м о н. Передал? Сказал?

Н и л. Чего вам нужно? Все я передал, ходят они обе, ждут... Срам один.

А р т а м о н. Ждут! Вот неприятность... А я в деревне задержался. Где же они?

Н и л. Обе в липовой аллее, вместе дожидаются... По одному ведь делу...

А р т а м о н *(в отчаянии)*. Что ты наделал! Где у тебя голова? *(Засмеялся. Трясет Нила.)* Ты нарочно их свел?.. Я тебя доконаю... *(Бросил Нила, побежал.)*

Н и л. Действительно он меня доконает.

К а т е р и н а *(тихо)*. Нил.

Н и л. «Я тебя доконаю»... Доведете вы меня до поступков — все раскрою... И вас обличу, Катерина Ивановна, вы портрет спрятали.

К а т е р и н а *(тихо)*. Нил!

Н и л. Нет у меня никакой жалости.

К а т е р и н а. А мне хоть в воду, все равно, Нил!

Н и л. Ну, воды-то вы боитесь, впрочем..

К а т е р и н а. Увидишь... Жалко будет, Нил... Так жалко... Ни за что погубил женщину... Неужто тебе генеральшу надо? А я, может быть, сама благородного происхождения... Вглядись в меня, Нил, ведь в личике у меня сходность есть кое с кем.

Н и л. Тьфу! Катерина Ивановна, нашла чем хвалиться... Происхождение ваше не что другое — барское озорство, и этим вы до крайности отвратительны... А насчет портрета действительно отвиливаете... Я на вашем месте сидел бы да каялся...

К а т е р и н а. Погоди у меня, я тебе штуку подстрою... Рот разинешь...

Н и л. Это вам голову оторвут, а вы и рот разинете...

Со стороны обратной, куда убежал Артамон, выходят С о н е ч к а и Н и н а.

Н и н а. И слушать не хочу.

С о н е ч к а. Клянусь — между нами еще ничего такого не было.

Н и н а. Не хочу, повторяю вам, какая мерзость!

Сонечка. Вот и кричите на меня. Нина Александровна, я так влюбилась...

Нина. Мне-то это зачем знать?

Сонечка. Помогите мне.

Нина *(вдруг мягко)*. Нет, не помогу вам в этом деле.

Сонечка. По крайней мере не говорите ничего ни маме, ни Клавдию Петровичу.

Нина *(помолчав, резко)*. Не знаю, может быть и скажу. *(Пошла к двери.)*

Нил *(Нине)*. Барышня, Артамон Василич пришли, вас очень ищут.

Нина. Что? А вас кто просил путаться?

Нил *(отступая)*. Да, господи, я насчет общего дела стараюсь.

Нина. Думаете, я женщина — надо мной можно издеваться! Я и сдачи дам, поняли?

Нил. Еще бы не понять,— Артамон Василич, тот прямо за воротник ухватил.

Нина затворилась.

Пронесло тучу мóроком... А спросить действительно — для чего Нил Перегноев запутался в этой канители?..

Сонечка. Нил, мама не выходила еще из кабинета?

Нил. Не должно...

Сонечка. Что? Не слышу, подойди ближе.

Нил подходит.

Ты что сказал этой... противной?

Нил *(шепчет)*. Пришел, дожидается.

Сонечка *(вспыхнув)*. Какие пустяки говоришь. Почему же его не видно? Поди проводи меня до пруда.

Уходят. На балконе появляются Квашнева и Клавдий.

Квашнева. Духота у тебя в кабинете, а здесь дышать можно.

Клавдий. В саду воздух всегда легкий.

Квашнева. Утром подпиши страховой лист... а к вечеру надо гостей позвать... Чай, уж полночь:

спать чего-то захотела... Где же Софья?.. Софья!.. Софьюшка!

Клавдий. Не зовите, пускай погуляет... Вы подите, а я за ней пошлю Нила, он разыщет.

Квашнева. Нил, конечно, разыщет. Клавдий Петрович, скажи мне по душе, какой у тебя гвоздь в голове засел?.. Ведь ты ничуть не рад... Другой бы жених, задрав хвост, как теленок, за каждым кустом целовался, одних бы глупостей этих натворил целый короб!

Клавдий. Идите спать, Марья Уваровна...

Квашнева. Ох, Клавдий, я все понимаю...

Клавдий *(с испугом)*. Что? Нет, вы не знаете... Пожалуйста, идите спать...

Квашнева *(молчит, отошла)*. Завтра за Вадим Вадимычем Таракановым пошлю, вот он тебя вразумит.

Клавдий. Вы не сделаете этого...

Квашнева. Нет, пошлю! Опомнись, Клавдий, пока не поздно.

Клавдий провожает ее, тотчас возвращается.

Катерина. Сокрушил ты меня, сокрушитель. Зачем такие подлые на свете живут. Хоть бы дождик пошел. Днем одно светит, а ночью другое — хоть бы кто меня в столб обратил...

Клавдий *(поспешно сходит с лестницы, но внизу натыкается на Катерину)*. Ах, как я испугался!

Катерина. Это я, батюшка, глупая женщина.

Клавдий. Что сидишь, ведь поздно... Иди спать...

Катерина. Велено мне, батюшка; теща приказала, сиди, мол, до самого света, пока вы спать не ляжете...

Клавдий. Вот еще новости!.. Для чего же меня караулить?

Катерина. Уж этого не знаю... Думается мне, родной, в этакую ночь, когда светит и светит, надо бы мужчин в одну комнату запереть, а женщин в другую, а ключи отдать бесчувственному какому, вроде Нилки... Очень это я понимаю.

Клавдий. Нет, Катерина, я не такой... Хотя неправда... Кажется мне вот, что весь сад живет в такую ночь... Приезжая барышня, она здесь, кажется, спит?

Катерина. Здесь-то здесь, милый, только вам не полагается о посторонней дамочке думать — своя завелась...

Клавдий. Конечно... Дело уж сделано. Ах, Катерина, я, конечно, не стою Сонечки, но все-таки она чужая...

Катерина. Сроднитесь, муж да жена на одной полочке. Вам страшно, а девке-то каково?

Клавдий. Никому не говори — не такую надо мне жену...

Катерина. Действительно, чересчур легка... Ну, покóрмите — потолстеет. Гуся и того раскормить можно, а уж я постараюсь. Приезжая-то повиднее...

Клавдий. А ты видела ее, разговаривала?

Катерина. В чемодане у нее две рубашки, юбчонка и полдюжины платков, больше ничего не нашла — бедная она, нищая...

Клавдий. А говорила?.. о чем?

Катерина. Говорить не говорила, а вот когда спать она ложилась — я посмотрела в щель...

Клавдий. Разве можно подглядывать.

Катерина. А на случай, может она какая кривобокая... А у нее бочки, сударь мой, как яблочки.

Клавдий *(затыкает уши)*. И слушать тебя не хочу... Ты всегда неприличное...

Катерина. Совестливый... Мы, женщины, на том и стоим, чтобы пряменькая была...

Клавдий. Лицо какое?

Катерина. Лицо аккуратное...

Клавдий. А волосы?

Катерина. Волосы рыжеватенькие, черные... Сокол, тебе-то на что?..

Клавдий. Я просто так... *(Ходит по площадке.)* Слушай, будто птица вспорхнула... Или это приезжая во сне? Может быть, ей сон плохой снится? Или ты низко подушки постелила? А кваску поставила?

Взглянуть бы надо,— ведь гостья... Нехорошо гостей дурно принимать... Так и есть: у нее свеча горит... *(Приближается к двери.)* Подсматривать очень дурно, ты никогда этого, Катерина, не делай... Вдруг взглянешь, а оттуда на тебя глаз глядит... А вдруг, я говорю, какое несчастье... Я, как хозяин, должен... Это уж прямо вежливость... *(Наклоняется, глядит в щель.)* Ах!

Катерина *(хватает Клавдия, уводит от двери к лестнице)*. Стыд, бесстыдники!.. Идите, идите наверх... Вот завтра теще все доложу... К девице подглядывает... А может, она как раз блох ищет.

Клавдий. Иду, иду, не кричи... Не толкайся, что ты так больно толкаешься...

Катерина. Еще больнее толкну!

Клавдий ушел. Катерина сходит вниз. В кустах появляется Нил.

Нил, а Нил, что скажу-то...

Нил. Всенародно объявляю, с вами в одном доме спать не лягу ни за что! *(Идет.)*

Катерина *(спешит за ним)*. Не беги, постой, Нил! Где ты меня такую нашел... *(Убегает за ним.)*

Сонечка *(появляется из сада)*. Кажется, яснее ясного — пожалуйста, не ходите за мной...

Артамон *(вслед за ней)*. Клянусь тебе нашим чувством, она, разумеется, влюблена, но я один раз пошутил только, кажется поцеловал...

Сонечка. Ах, вот как, поцеловал? Продолжайте, это очень забавно.

Артамон. Я люблю тебя, я жить без тебя не могу... Милая, клянусь!.. Я виноват перед тобой... Ведь то было слишком давно...

Сонечка. Ах, сегодня...

Артамон. Ничего сегодня не было... Последний раз, два года назад, мы встретились в Москве, в Царицынском парке. Она ревела, навязывалась мне, но я оказался непреклонным... Я всегда мечтал, что встречу такую, как ты, очаровательную...

Нина во время этого разговора приотворяет дверь, смотрит и слушает.

Я отогнал ее, как надоедливую муху. И вдруг сегодня, в лесу, неожиданно встречаемся. Она вспоминает такую же осень в Царицыне, чуть не плачет, расстраивается — и хлоп мне на шею... Что я поделаю — оттолкнуть, расхохотаться?.. Я растерялся, нечаянно наши губы прикоснулись... Мне почудилось, что это твои поцелуи... Она говорит: приходи вечером в сад; я отвечаю: хорошо, приду... Нарочно удираю в деревню и опаздываю, уверенный — эта курица наконец поймет... Сжалься, Соня!..

Сонечка. Ах, если бы все это было так...

Артамон. Подумай — завтра обручение, потом свадьба,— нам совсем нет времени еще ссориться...

Сонечка. Она так ждала тебя! Обозлилась... Наговорила мне дерзостей... Удивляюсь, как такие могут нравиться мужчинам.

Артамон. Она уверена, что в нее можно влюбиться сразу, а все над ней смеются...

Сонечка. Все-таки я тебе не верю...

Артамон. Милая крошка... Я твой на всю жизнь... Ты пойми — Марья Уваровна выдаст тебя за кого угодно, только не за меня,— это вопрос решенный... Клавдий же Петрович даже не знает, блондинка ты или брюнетка...

Оба смеются.

Он нам не помешает; даже приятней и любить и немножко обманывать...

Сонечка. А вдруг он мне понравится...

Артамон. Никогда... Ах, вот что... Вы бы раньше мне это сказали...

Сонечка. Милый, не сердись, я нарочно...

Артамон. Об этом не говорят нарочно... Вы меня обманываете...

Сонечка. Ведь это я на тебя обиделась. Это ты должен прощения просить... Душка...

Артамон. Вы ему тоже говорите — душка...

Сонечка. Честное слово, еще ни разу... Фу, глаза какие — гвóздиками... Перестань... Вот тебе щечка...

Артамон. Мне щечки мало...

Сонечка. Вот тебе губы. *(Целует.)*

Артамон. Радость моя!.. Я с ума сойду...

Сонечка. Что ты, что ты...

Артамон обнимает ее. Нина выбегает из двери, не в силах удержать крика. Наверху раскрывается окно, выглядывает Квашнева, видит окаменевших от страха влюбленных.

Нина. Лжет, лжет, лжет...

Квашнева. Влопались! Пропала моя голова! *(Скрывается.)*

Влюбленные разбежались в разные стороны.

Клавдий *(входя)*. Что случилось? Нина, Нина!

Нина. Он лжет, уведите меня, спрячьте меня... *(Рыдает.)*

Клавдий *(обхватывает ее, ведет на лестницу)*. Не волнуйтесь, не плачьте... пойдемте... пойдемте...

Когда они взошли на балкон, из дома ворвалась Квашнева.

Квашнева. Оставь эту гадину! Это она все намутила... Клянусь тебе, Клавдий, Софья его в темноте за тебя приняла... Тебе говорят — это последняя дрянь, она всему причиной...

Клавдий. Не трогайте, не хватайте руками...

Квашнева *(Нине)*. А ты, змея, на чужого жениха не лезь. Вон отсюда сию минуту... вон на конюшню... Я тебя на водовозной бочке велю увезти...

Нина. Не трогайте меня!

Клавдий *(Квашневой)*. Ах вы... что вы... *(Поднимает руку.)*

Квашнева. Батюшки!.. Убивец!..

Клавдий. Вот я вас всех...

Квашнева *(попятилась и побежала с лестницы)*. Народ! убили... *(Бежит в кусты.)* Ай, ай!

Клавдий. Они меня довели... Простите меня... Для вас что-нибудь невозможное сделать хочется... Оттого так раскричался...

Нина. Я плохо поступила...

Клавдий. Все хорошо... Это они... я им еще выговорю. Пойдемте в кабинет... Там никто не тронет...

Уходят.

Н и л *(выбегает из-за кустов)*. Вот, выкуси! Так я тебе и попался... Откуда у нее прыть взялась... По аршину сигает, проклятая, и при этом так смеется — мороз меня подрал.

Из кустов возвращается К в а ш н е в а.

Нет, нет, Катерина Ивановна, лучше не подходите, у меня кирпич!

К в а ш н е в а *(выходит)*. Батюшки мои, что делать... Нил...

Н и л. Что случилось, Марья Уваровна?

К в а ш н е в а. Клавдий Петрович спятил... Беги на конюшню да пошли трех верховых... Сейчас записки напишу... Первым долгом, послать к Вадиму Вадимычу Тараканову. Потом за дядьями — за Носакиным и Кобелевым... Беги, беги...

Н и л. Позвольте, доведу!..

К в а ш н е в а. Оставь, не пойду я в дом,— боюсь, убьет.

Нил уходит.

Я на тебя, изверг, нажалуюсь. Мошенник, по кустам, как солдат, бегает. Да что же это за дети пошли!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Позднее утро. Обстановка второго акта. Все шторы спущены; в столовой светло, кипит самовар. За столом сидит К в а ш н е в а, пьет чай; рядом с ней С о н е ч к а. Н и л перетирает чашки.

К в а ш н е в а. Так и не спал?

Н и л. Всю ночь не спал, на ларе сидел около кабинета.

К в а ш н е в а. Значит, шельма в кабинете дрыхнет.

Н и л. Да.

К в а ш н е в а. Фу, чай какой у вас противный.

Н и л. Не знаю, чем противный у нас чай.

Квашнева. Верховые давно вернулись?

Нил. Часа два, как вернулись.

Квашнева. Что же Тараканов сказал верховому?

Нил. Сказал, что к обеду приедет; скоро быть должен.

Квашнева. А дядья что сказали?

Нил. Да ведь я вам уж докладывал.

Квашнева. И двадцать раз спрошу — двадцать раз ответишь.

Нил. Не угодно ли котлет холодненьких; горячего не варили, Катерина совсем плоха...

Квашнева. Давай попробуем котлет... *(Пробует.)* Противно, не хочу... Живописец скоро придет?

Нил. Живописец на кухне дожидается.

Квашнева. Так беги позови его.

Нил уходит.

А ты чего уткнулась, подними голову, рёва-корова.

Сонечка *(поднимает голову)*. Уедемте отсюда, мамаша.

Квашнева. Я тебя непременно отколочу, пока ты еще не барыня... *(Идет в залу, поднимает штору.)* Молчи лучше. Что прикажу, то и сделаешь...

Сонечка заплакала.

Перестань реветь, сейчас тебя живописец писать будет. *(Из-за шкафа вытаскивает портрет.)* Действительно, с этой шельмой большое сходство. *(Соне.)* Покажи-ка нос. Ну откуда у тебя такой нос противный?.. Кажется, у нас в роду все носы были, как носы, а у тебя — кверху... Уж не в дедушку ли Африкана пошла... Он раз по комоду носом проехался, так всегда и жил с изъяном... Поди сюда, сядь...

Сонечка идет, садится у окна.

Слушай... Вы сколько раз поцеловались?

Сонечка. Мама!..

Квашнева. Отвечай! Мне нужно, коли спрашиваю.

Сонечка. Несколько раз, не помню...

Квашнева. А говорили громко или тихо?

Сонечка. Тихонько, да...

Квашнева. Ну, значит, он и половину не слышал... Только бы шельма ему всего не рассказала... Я дело поверну умно.

С подносом входит Нил.

Нил. Пришел живописец...

Квашнева. Подавай его сюда...

Живописец входит из столовой в залу и кланяется.

Квашнева. Ты кто такой?

Живописец. Дворянин.

Квашнева. Ах, несчастный! До петухов напились, я чай...

Живописец. Это вас решительно не касается...

Квашнева. А вы, может, совсем не живописец?

Живописец. Любимый ученик Маковского...

Квашнева. Кого? Ну, да мне все равно... мазать-то умеете?

Живописец. Учитель всегда говорил — ты, брат, талантище.

Квашнева. Так и сказал?

Живописец. Да, так и сказал. В тебе, говорит, в одном, братец, гордость наша, надежда. Силища. Нутро...

Квашнева. Как же вам не стыдно довести себя до такого безобразного вида?

Живописец. Изучение бытового жанра привело меня в настоящий вид. Послан Константином Маковским изучать быт, так сказать, на лоно. Пылкость натуры и художественный темперамент дозволил мне проникнуть в суть жанра глубже других... изучаю самое нутро...

Квашнева. Мы, батюшка, не виноваты, не рычите басом.

Живописец. Вы толпа, вы требуете от артиста красивых ботинок, а до искусства какое вам дело!

Квашнева. Не требую, я с просьбой...

Живописец. Ну, это дело другое,— просите...

Квашнева. Вот портрет... *(Показывает.)*

Живописец. Кисть недурна; помыть, что ли, надо, или копию?

Квашнева. Вот моя дочь...

Сонечка. Здравствуйте...

Живописец. Сударыня, извиняюсь, проклятая рассеянность; ведь хотел надеть фрак и забыл. Однажды я вот так же в общество пришел, извините, совсем раздет...

Квашнева. Ну, ладно, глядите сюда. Устроить надо так, чтобы портрет остался таким же самым, но сделался похож на мою дочь. Можете исхитриться?

Живописец. Носы не те.

Квашнева. Кабы не носы, не позвала бы. А вы уж как-нибудь устройте, на то, сударь, и художеству учились. Заплачу.

Живописец. Деньги, ха-ха... Пожалуй, можно запустить тень под носом... *(Соне).* Повернитесь-ка. Сделаю; через месяц.

Квашнева. Ах, мошенник! Виновата, простите... Нам сегодня понадобится, через час.

Живописец. А искусство?

Квашнева. Какое там искусство. Мой Ванюшка, пастух, в два дня целый забор выкрасил вохрой. Идите, а то ведь я добра, добра, да и рассержусь.

Живописец. Маляр!

Уходит с Сонечкой, унося портрет.

Квашнева. Нил!

Нил появляется на лестнице.

Позови Артамона Васильевича...

Нил уходит.

Ну, Клавдий Петрович, побушевал — теперь будет! Шелковым станешь, как угодно согну.

Входит Артамон.

Ну?

Артамон разводит руками.

Квашнева *(встает и угрожающе приближается к Артамону, который пятится).* Ну?

Артамон. Ничего. Виноват.

Квашнева. Нил, принеси чернил и бумаги. Садись. *(Показывает на стул.)*

Артамон садится.

Пиши: «Обожаемая Нина».

Артамон. Как?

Квашнева. Пиши, что говорят... Хуже будет...

Артамон. Марья Уваровна, я дворянин, я человек свободный, я не позволю издеваться... Вы меня с кучерами по саду ловите; я домой поеду...

Квашнева. Пиши: «Если ты можешь, прости меня...» Дома тебе жрать нечего, я знаю... «Я терплю глубочайшие страдания». Глубочайшие зачеркни. «Мой поступок не имеет названия, он подлый...»

Артамон. Может, это не писать?

Квашнева. «Он подлый и гнусный, но все же я люблю одну тебя».

Артамон. «Люблю одну тебя».

Квашнева. «Я молод и глуп».

Артамон. Так...

В правую дверь стучат; слышны шаги и голос Клавдия.

Квашнева. Собирай, собирай бумагу, внизу допишем... *(Хватает Артамона за рукав, тянет к столовой.)* Скорее ты поворачивайся, все дело погубишь.

Они уходят через столовую. Клавдий высовывает голову.

Клавдий. Нил! Где ты? Нил, отчего тебя не дозовешься? Иди! *(Идет в столовую.)* Нил, куда же ты провалился?

Голос Нила. Иду-с! *(Появляется.)*

Клавдий. Подай мне таз, кувшин и полотенце.

Нил уходит. Клавдий сходит в залу.

Проснулась, попросила воды... В кувшин необходимо налить розового масла, так делается. Вот только у нас нет ничего. Я всегда говорил — необходимо делать

запасы... *(Поднимает еще штору.)* Изумительное утро. А ведь, пожалуй, поздно. *(Глядит на стенные часы.)* Полдень. Как она хорошо заспалась... Как вообще все хорошо...

Входит Нил с тазом и проч.

Нил. В кабинет отнести?

Клавдий. Я сам отнесу, не ходи за мной. *(В дверях.)* Ну что, ты рад?

Нил. Радуюсь, Клавдий Петрович!

Клавдий. То-то! *(Уходит.)*

Нил. Пустяки одни... Ерунда, какой еще никогда не было. Ведь это прямо сражение. А кому попадет? кто со страху и нашим и вашим — Нилу.

Клавдий *(возвращается)*. Отворила дверь, просунула ручки и взяла. Я спросил: хотите чаю? Ответила — пожалуйста! Грустно так. Ничего, я все устрою. *(Задумался.)* А что Марья Уваровна?

Нил. Марья Уваровна действует.

Клавдий. Ей все объясню... Знаешь, Нил, я ночь не спал, и теперь еще многое точно туманом подернуто — ужасно приятно; главное — страшная радость... Так и подмывает рассмеяться. *(Смеется.)* Ты меня не разочаровывай, пожалуйста. Чай-то, чай надо приготовить. Вот здесь. *(Ставят столик у окна, накрывают.)* Принеси две чашки получше. Только подумай, я всегда здесь один сидел, мечтал об ней, и вдруг сидим вдвоем, пьем чай, друг на дружку смотрим... Это гораздо лучше снов. Эту ночь я прямо уснуть боялся, чтобы опять не увидать себя одиноким.

Нил *(вздыхает)*. Клавдий Петрович!

Клавдий. Нет, нет, замолчи, не омрачай... *(Прислушивается.)* Идет, кажется. Ты слышишь, как платье шумит. Уйди, уйди...

Нил уходит. Клавдий подбегает к двери, растворяет. Входит Нина.

С добрым утром...

Нина. Я заспалась, извините меня.

Клавдий. Спите на здоровье... Я люблю, когда спят. Сюда, сюда. *(Показывает на столик, бежит в*

столовую за чаем.) Вот смотрите, какие хорошенькие чашки...

Нина. В самом деле хорошенькие.

Клавдий. Чаю вам налью. Я люблю, когда спят, потому что во сне живется лучше. Если сон плохой — я помню, что это сон, а если хороший — приятно. Правда, чай хорошо пахнет? Можно сесть?

Нина. Боже мой, почему вы такой странный?

Клавдий *(садится, глядит на Нину)*. Вот дождался вас; удивительно...

Нина. Вы меня где-нибудь видели?

Клавдий. Еще бы...

Нина. В Москве я часто бывала в театре и на концертах...

Клавдий. Как странно — вы жили, ходили в театр, а я не знал, думал, что одинок; не стоит теперь об этом.

Нина. Может быть, в поезде?.. У меня очень плохая память.

Клавдий. В каком поезде? Какое у вас пятнышко на губе; Нина Александровна, не очень сердитесь, я, бывало, закрою глаза и сейчас увижу это пятнышко, потом и весь рот, серьезный, ласковый, и лицо все чудесное... Уткнусь, бывало, и лежу красный...

Нина. Где мы встречались?

Клавдий. Нигде... Вот жалко, пропал портрет... *(Оглядывается.)*

Нина. Ах, вот вы о чем, понимаю...

Клавдий. Бог с ним, теперь не нужно. Правда? У нас в доме много портретов — посмотрите, все такие рожи. И между ними был один — чудесный, как вы сейчас. Я по целым часам глядел на него.

Нина. Он был похож на меня, странно...

Клавдий. Я видел его во сне, разговаривал с ним и наконец поверил — настанет время и та, что была написана, о ком я думал, придет живая... Но вот портрет пропал, я страшно взволновался... и вы пришли. *(Встает и ходит.)* Я ждал тридцать лет...

Нина. Ах вы бедный!

В столовой голоса Квашневой и Нила.

Клавдий. Нет, я не бедный!.. *(Вздрогнул.)* Нельзя, нельзя! *(Бежит к лестнице.)* Нил! Нил!

Нил появляется.

Никого не сметь пускать... Кто здесь хозяин?

Нил. Я и то не пускаю... Вот барышне письмо передать приказали. *(Подает письмо.)*

Клавдий. От кого? Какое письмо?

Нил. Не могу знать, Марья Уваровна передала... Чистое наказание! *(Уходит.)*

Клавдий *(дает письмо Нине)*. Прочтите.

Нина *(видит почерк на конверте и бросает письмо на стол)*. Ах, все тоже... Клавдий Петрович, дайте мне экипаж, я должна ехать...

Клавдий. Куда?

Нина. Я хотела застраховать ваше имение... Вам это необходимо, а мне было бы очень выгодно... Но из-за меня столько неприятностей... здесь... Очень тяжело еще по некоторой причине... Я поеду... А как-нибудь через месяц, вы обещаетесь, и застрахуете. Хорошо?

Клавдий. Путается чего-то у меня... Вот что — я махну платком, если воробьи улетят с куста — значит это не сон. *(Машет в окно.)* Кш... Правда... Нина! Я не могу отпустить вас... Скажите: для чего вам нужно ехать?

Нина. Мне кажется, вы действительно честный, очень чистый, но ужасный чудак...

Клавдий. Все равно.

Нина. А я могла бы понять по-другому ваши поступки...

Клавдий. По-какому по-другому?.. Что вы подумали? Боже мой! Вы не мое воображение. Вы сами по себе, вы думаете по-своему, живете самостоятельно, вы чужая...

Нина. Слава богу, наконец поняли...

Клавдий. Кем вы были прежде? Намекните только, остальное постараюсь представить.

Нина. Зачем? Вам неинтересно.

Клавдий. Но я прошу вас...

Нина. И рассказывать-то не о чем. Родилась в Москве, фамилия моя Степанова... С девятнадцати лет сама зарабатываю хлеб, очень глупым и невыгодным способом, который почему-то называется честной работой... Два раза болела тифом... А сколько раз влюблена была — не помню...

Клавдий. Влюблена?

Нина. Теперь, конечно, и не влюбленность, а злость к вам, мужчинам... Еще лет десять проживу, потом решительно стану никому не нужной... Я вас, мужчин, и не виню; женщина по-другому устроена: в известное время хочется и дома и детей...

Клавдий. Какое несчастье, какое ужасное несчастье...

Нина. Вот видите, Клавдий Петрович, невеста у вас хорошенькая; право же, не следует ухаживать за посторонней женщиной, хотя бы и с очень смутными намерениями... Помиритесь с Квашневой, простите вашу невесту... Она мало виновата, приберите к рукам вашу фантазию, расстроенное воображение... а я уеду...

Клавдий. Трудно все понять; но будто завеса упала: у меня хватит силы, уж чувствую... Скажите, кого любили?

Нина. Право же, не стоит, нелюбопытно...

Клавдий. За руку его держали?

Нина. Держала, я думаю, не помню...

Клавдий. И целовали?

Нина *(резко)*. Да, и целовала...

Клавдий. Он не умер от этого?

Нина *(засмеялась так же резко)*. Он-то перенес отлично...

Клавдий. Кто он?

Нина. Боже мой, их много было...

Клавдий. Главный?

Нина. Артамон Васильевич Красновский.

Клавдий. А...

Нина. Довольны? Что еще нужно? Спросите?.. Может, подробности нужны?

Клавдий. Подождите, Нина Александровна, я пойму, я много могу понять... Я к страданию привык.

Мне тяжело оттого, что я думал — вы без прошлого... Но от этого вы станете еще милей мне... Теперь я будто касаюсь вас сердцем. Я никого еще не любил, никого не целовал... Это грешно... Нина! Я не оскорбить вас хочу, а милости жду. Не отталкивайте, если очень противен — закройте глаза. Все для вас, все ваше, вы краешком только подумайте обо мне, сердце у вас доброе, нежное, женское... *(Кладет ей голову на колени.)* Люблю... вас...

Нина *(вставая и осторожно отстраняя Клавдия)*. Я верю, верю... *(Берет письмо.)* А вот вам другое признание... *(Разрывает конверт, читает. Дает Клавдию.)* Прочтите...

Клавдий *(читает)*. Просит прощения, умоляет опять прийти на свидание в сад... Нельзя любить сразу двух. Это ложь...

Нина. Да, ложь...

Клавдий. Он оскорбил вас, он обидел жестоко... Он негодяй... Я его уничтожу...

Нина. Поняли наконец?

Клавдий. Нина, а вы?

Нина. Влюблена, конечно... Обидчик мой, а люблю — странно?

Клавдий. Странно очень. Что же будет... Пойдете?

Нина. Захочется в подлости выкупаться — пойду... А может быть, не пойду... Характер испорченный у меня. И вам, Клавдий Петрович, нехорошо за мной ухаживать. Вы чистый, невинный, мечтатель, высокой души...

Клавдий. Не слушаю, я не слушаю.

Нина. От комплиментов краснеете. Жизнь у вас особенная. И жену вам нужно особенную, такую же, без прошлого.

Клавдий. Нет, нет.

Нина. А я измученная, с ущемленным самолюбием, если полюблю — со зла; на свидание побегу — тоже со зла; а любовнику — сама не знаю — поцелуй подарю или пощечину — что хватит силы...

Клавдий *(после молчания)*. Нина! Останьтесь, все равно... *(Идет за ней.)* Нина!

Н и н а. Что?

К л а в д и й. Не любите?

Н и н а. Нет...

К л а в д и й. Не останетесь?

Н и н а. Нет...

К л а в д и й. Не хотите подумать?

Н и н а. Нет.

К л а в д и й. Я умру тогда...

Н и н а. Нет... не умрете...

Г о л о с К в а ш н е в о й. Пусти меня, идол, не хватай за руки!

Г о л о с Н и л а. Вы сами хватаете, я, чай, не деревянный. Барин не велел пускать.

Г о л о с К в а ш н е в о й. Тогда я и барина твоего поколочу.

Н и н а. Вот вам развязка. Прощайте. *(Идет к двери.)*

К л а в д и й. Нина, Нина!

Н и н а *(остановилась в дверях)*. До свидания. *(Ушла.)*

Клавдий кинулся за ней, но дверь замкнулась.

К в а ш н е в а *(врываясь через столовую)*. Что, дождался? Вадим Вадимыч Тараканов приехал.

К л а в д и й. Пропал! Пропал я совсем! *(Замахал руками.)*

В столовой слышны грузные шаги. Появляется Т а р а к а н о в, вид у него внушительный. Клавдий в отчаянии. Квашнева кланяется вошедшему, потом руки у нее лезут в бока, и она оглядывается на Клавдия.

Т а р а к а н о в *(сходит вниз)*. Вот и я...

К в а ш н е в а. Здравствуй, родной мой, рассказать не могу, как я благодарна...

Т а р а к а н о в. Чего там... Ну, ну, ты чего тут натворил?

К л а в д и й. Я ничего не натворил, ни в чем не виноват.

К в а ш н е в а. Как не виноват?

Т а р а к а н о в. Разберу, не горячись. *(Садится.)* Садись, Маша... А ты постой там.

Квашнева. Я, чай, умаялся, Вадим Вадимыч. Ведь двадцать пять верст по таким дорогам. Потерпи, батюшка, дело важное,— один ты и судья и расправщик...

Тараканов. Ну?

Квашнева. Письмо-то мое прочел? Нарочно я все отписала, чтобы рассудил по дороге. Скажи — тяжко это?..

Тараканов. Тяжко...

Квашнева. Как пожелаешь, батюшка, сейчас ли судить, или когда дядья приедут?.. Подумай...

Тараканов *(думает)*. Капель...

Квашнева. Нил, водки, скорей!

Нил появляется с подносом.

Тараканов *(глядя на Нила)*. Отчего ты лохматый?

Нил. Меня, ваше высокородие, вот они причесали...

Квашнева. За дело... Такой стал невежа... Поди вон.

Нил уходит.

Тараканов *(молча поколыхался от смеха)*. Причесала!

Квашнева. Такие дела, такие мерзкие дела, Вадим Вадимыч, в мемуары описать, ни за что не поверят... *(Повернувшись к Клавдию.)* Скажи на милость, Клавдий, женщина я или нет? Хотя бы я и не женщина была— все равно, я твоя тетка... *(Тараканову.)* А он по мне кулаками колотил, как по барабану...

Клавдий. Неправда...

Тараканов. Где же у тебя барабан?

Квашнева. По всем местам колотил. Мало ему показалось — отдал приказ меня в комнату не пускать, ломать руки... Хорошо, что я догадалась — схватила Нилку сама,— без рук бы осталась при своей рыхлости...

Клавдий. И это неверно...

Тараканов *(Клавдию)*. Подойди! *(Поднимается, наводя страх.)* Сейчас, я тебя... *(Ничего не сделав, садится.)* Потом, отойди...

Клавдий отходит.

Квашнева. Все это, отец мой, терпимо... Одного не могу снести — вчера за ужином подали шампанское, пили за здоровье жениха и невесты, и вдруг такой пассаж!.. Девица-невеста в доме, а он, невзирая ни на что, эту шельму в кабинет привел...

Клавдий. Эх вы...

Тараканов *(Клавдию)*. Ты что... порядку не знаешь?

Клавдий. Пусть до конца говорит, потом я...

Квашнева. Видел? Ответить нечего... Уселся с этой дрянью вот здесь чай пить, и то она, то он высунутым языком дразнят. Софьюшка до сих пор слезами ревет.

Клавдий. У вас бред, Марья Уваровна.

Квашнева. Это ты бредишь, у тебя и глаза мутные.

Тараканов. Действительно, дело серьезное... Погодите тарантить... Разберусь, подумаю... Капель!

Квашнева. Нил!

Нил *(входит с подносом)*. Дядья приехали... *(Уходит.)*

Квашнева. Батюшки! Где у меня Софья — встретить некому... *(Бежит к выходу.)* Сейчас, сейчас! *(Ушла.)*

Тараканов *(Клавдию)*. Как же ты это... сдрейфил?

Клавдий. Дядюшка, я никому не хочу зла; просто очень тяжело. Жизнь вдруг стала важной и сложной, а заставляют жениться... Пожалейте меня, отпустите...

Тараканов. Я холостой, и ты холостой, нехорошо... ты в роду последний, над собой права не имеешь...

Клавдий. Нет, имею...

Тараканов. А я говорю — нет...

Входят Носакин, Фока и Кобелев.

Н о с а к и н. Ну вот — ехали, ехали и доехали... *(Сыну.)* Фока, улыбнись Вадиму Вадимычу. Как ваш желудок?

Т а р а к а н о в. С желудком швах. Что не заедешь?

Н о с а к и н. Фоку не могу ни на минуту с глаз спустить... А везти к вам опасно...

Т а р а к а н о в. Привози, ничего... *(Кобелеву.)* Ну, а как ты?

Носакин подходит к Клавдию.

К о б е л е в. Я прямо с веялки, нашу управскую выписал, отлично работает... даже не успел помыться... Что — опять неприятности?

Т а р а к а н о в. Клавдия и Соньку на смычок... норову много; Квашнева одна не сладит.

К о б е л е в. Та, та, та! Женить его, женить!.. *(Наклоняется к уху.)* А знаешь, из-за чего все это?

Н о с а к и н *(Клавдию)*. Что грустен, родной? Все думаешь?

К л а в д и й. Все думаю.

Н о с а к и н. Счастливые не думают. А ты ценишь ли свое счастье как надо?

К л а в д и й. Я рад вас видеть...

Н о с а к и н. Это что за новая мода... Откуда «вы»? «Ты», кажется, всегда было. Ах ты, забывчивый!

К л а в д и й. Спасибо. Ты вникни... Я расскажу подробно... Началось это... Идем к окну...

Идут. Клавдий рассказывает.

К о б е л е в *(Тараканову)*. Уверяю тебя и ко мне заезжала... Страховой агент, и препикантна...

Т а р а к а н о в. Призвать надо... Погляжу. Пикантна, говоришь?

К о б е л е в. Из-за чего бы Клавдий на стену полез?

Т а р а к а н о в. Да... Зря не полезет.

К о б е л е в. Приезжает ко мне под вечер, дождик страшный... Я ведь на холостом положении; думал, думал — оставил ночевать, а сам глаз не могу сомкнуть. Понимаешь, в ней есть что-то такое... Вышел со свечкой в коридор, дверь у нее отворена, она спит на кровати...

Ну, что бы ты сделал? Честное слово даю — не струсил, но вернулся... Ведь я грязен, mon cher, как помазок, — весь день верчусь: то в амбары, то на скотный; послушал бы, как я с мужиками ругаюсь... Прибежал к себе, взялся вот так... и час проклял, когда управляющего прогнал... Ведь не брать же мне ванну среди ночи!

Тараканов. Компрометируешь сословие, возьми управляющего...

Кобелев. Ах, не расстраивай, mon cher.

Входит Квашнева, ставит портрет к стене, здоровается.

Носакин. Добрейшая Марья Уваровна, ручки, ручки, позвольте. А вот мой Фока.

Фока кланяется.

Квашнева. Какой балбес вырос.

Фока *(угрожающе)*. Папаша!

Носакин. Молчи, терпи, Фока...

Квашнева *(Кобелеву)*. Ну, спасибо, спасибо, что приехал.

Кобелев. Прямо от веялки оторвали, матушка; не пеняй, если грязен.

Квашнева. И верно. В бороде целый ворох... Ну, все равно, поцелуемся. Что жена?

Кобелев. Телеграфирует из Парижа: «Сезон начался — вышли тысячу». А у меня хлеб не продан...

Квашнева. И нипочем не высылай. Вернется.

Кобелев. Сохрани бог...

Тараканов. Капель!..

Квашнева. Нил, водки! Господа, садитесь... Вадим Вадимыч, садитесь... Просила я вас приехать для того, чтобы рассудить меня с племянником моим, Клавдием Петровичем. Записки мои прочли, с делом ознакомились, жених перед вами, — что думаете, говорите...

Носакин. Я скажу... Клавдий мне растолковал. Я вот как рассуждаю: Софьюшка, Марьи Уваровны дочь, девица отменная, и я бы за счастье почел быть ее свекором... Ведь Фока мой — поглядите на него — учиться нипочем не хочет, только дерется со всеми да грубит, силы у него неестественно много. В Симбир-

ске, например, повыдергал на бульваре все скамейки с корнем.

Квашнева. Ты на другое сбился, Алексей Алексеевич, о Фоке не горюй, за него всякая дура пойдет...

Носакин. То-то, что не всякая, страшен очень... Как ухватит предмет тяжелый — так душа у меня вон со страху.

Фока. Не срамите, папаша, я уйду.

Носакин. Фока, сиди, пожалуйста. Я вот к чему: думает и думает Фока мой о Софьюшке; сегодня как узнал про ее обручение — ухватил угол на крыльце, да так все и своротил на сторону. Поэтому я рассудил — Клавдий, если отказывается, имеет резон, принимая в расчет наше с Фокой счастье. Бобылями ведь живем.

Клавдий. Конечно... Не понимаю, чем я лучше Фоки? Если он так чувствительно любит, я не хочу мешать его счастью.

Квашнева. Фоку боюсь и дочь за него не отдам... Разговор кончен.

Тараканов. Резонно!

Кобелев. Действительно, Алексей Алексеевич, ты немного не на тему. Я только что высказал Вадиму Вадимычу мое мнение. Так. Женщина, господа, должна быть равноправна — это труизм. Всеобщий конституционный строй, небывалый подъем техники, движение суфражисток...

Квашнева. Понес!

Кобелев. И цетера, и цетера... все в сумме ведет к тому, чтобы женщина высоко подняла знамя своих прав.

Тараканов. Ты тово...

Носакин. Говорит, как... на прошлом собрании плакали...

Кобелев. Итак, мы имеем случай: девушка без средств, без имени, без положения, смело бросается в волны жизни. Кроме обычных препятствий, для нее возникает еще новое одно — это мужчины... Мужчина, который не верит, который подмигивает... который готов на всякий скверный анекдот...

Квашнева. Батюшки, она и его околпачила... Да ты знаешь ли, что она страхует-то?

Кобелев. Подождите, господа! Женщина страховой агент — это сильно... При этом привлекательна, умна, молода... И вот скучающий помещик, который не умеет сам себе изжарить яичницу,— он, встретив молодую, кипучую энергию, понятно и законно увлекается,— она — откровение...

Тараканов. Не таранти...

Квашнева *(Носакину на Кобелева)*. Как начнет говорить, так и потопит...

Носакин. Соловей...

Кобелев. С другой стороны, Марья Уваровна, вы простите меня, эта часть речи немного щекотлива...

Квашнева. Уж ври до конца.

Кобелев. Помня ваш дружеский совет о моей жене, позволяю себе быть откровенным. Господа, Сонечка — еще дитя, но женщина...

Квашнева. Как женщина? Кто тебе сказал?

Кобелев. А, боже мой, я говорю о поле... И мы, господа, не знаем ее симпатий. Мы помним только, что этот брак желателен Марье Уваровне...

Квашнева. Ошельмовал! Зачем же я тебя позвала тогда?

Кобелев. Я не могу говорить, когда обостряются личные интересы... Мое резюме — спросите их, они вернее сами себя рассудят. *(Сел.)*

Тараканов. Ты знаешь, тово... неблагонадежный...

Носакин. Ни к чему свел, вот всегда так...

Клавдий. Теперь можно мне?

Квашнева. Не позволяй, Вадим Вадимыч, я теперь должна обелиться.

Тараканов. Сама позвала, не пеняй... Клавдий, скажи, да покороче...

Кобелев *(Носакину)*. Я всегда за молодежь.

Носакин. Эх, молодежь! *(На Фоку.)* Вот она, молодежь, стоит — орясина.

Фока. Папаша!

Клавдий. У меня никогда не было секретов, но я молчал оттого, что жил до сегодняшнего дня как во сне. Сегодня совершилось необыкновенное — я проснулся...

Тараканов. Это я, брат, каждый день делаю.

Клавдий. Я полюбил женщину. Она отказалась от моей любви... Что будет — не знаю.

Тараканов. Отказалась — и слава богу. Значит, дело просто.

Клавдий. Это ничего не значит. Жить, как раньше, я не могу, я полюбил...

Квашнева. Объясни ему наконец, Вадим Вадимыч...

Клавдий. Вы ее совсем не знаете, Марья Уваровна, и не вам... судить... Она необыкновенная...

Кобелев. Я говорил...

Клавдий. Но все равно, кто бы ни была она... Я ждал ее всю жизнь. Она пришла, и я полюбил... Все изменилось, все стало прекрасным... Вы знаете чувство, когда проснешься в солнечное утро...

Тараканов. Постой, постой... Как ты ее ждал? Ждут, брат, знакомых...

Клавдий. У меня висел портрет, такой похожий, будто с нее и списан...

Квашнева *(бежит к портрету)*. Этого я и ждала! Врешь ты, любезный друг. Портрет такой действительно есть, писан с его троюродной прабабки, Квашневой, с моей родной бабушки, и похож, как две капли, на дочь Софью.

Клавдий. Неправда.

Квашнева. А вот мы посмотрим, правда или неправда! *(Показывает портрет.)*

Клавдий. Я плохо вижу, что с ним...

Квашнева. То-то, что с ним. На кого похож? Ну?

Носакин. Действительно, будто на кого-то похож.

Клавдий. И то, и не то.

Тараканов. Нос замазан...

Квашнева. Какой нос, что нос, премилый нос...

Клавдий. Не спал всю ночь и смутно вижу...

Квашнева. Как хочешь глаза продирай — Софья, вылитая Софья. Господа, я его как стеклышко вижу. Клавдий против совести не пойдет. Вчера вечером Софья моя беседовала с Артамоном Красновским в саду, и нахал этот возьми да и облапь ее у Клав-

дия на глазах! А страховая-то эта тоже видела, вылетела бомбой, шельма, на шею ему кинулась, и он ее в кабинет... Ну, а уж потом, с нашим-то благородством,— коли согрешил, так женись.

Клавдий. Марья Уваровна, я очень сдержанный, но за себя не отвечаю. Не смейте так говорить про чистую женщину. *(Наступает.)*

Квашнева. Ай, ай, ай! Озверел, держите его... *(Отступает за кресло.)*

Клавдий. Все равно... Я не позволю... *(Наступает.)*

Носакин *(прячется за Фоку)*. Стой, не вертись, Фока...

Кобелев. Mon cher, перестань, ты смешон.

Клавдий доходит до Тараканова, который схватывает его и сажает в кресло.

Тараканов. Садись...

Клавдий. Дядюшка, мне нельзя мешать...

Тараканов. Слушай мое решение. Марья, сходи за дочерью.

Квашнева уходит.

Кобелев. Простите, господа. Я уезжаю. Мне просто неприятны эти эксцессы... Вы как-нибудь разберетесь... Да, Клавдий, пожалуйста, передай этой барышне мою просьбу заехать в Отрадное, я хочу застраховать постройки. До свидания. *(Уходит.)*

Тараканов *(вдогонку)*. Ты, послушай, застрахуй в другом месте.

Кобелев *(в дверях)*. Что? Не понимаю. *(Прощается с вошедшею Квашневой и Сонечкой.)*

Квашнева. Уезжай, уезжай, батюшка, я на тебя сердита.

Кобелев. Я только исполнил свой долг, Марья Уваровна. До свидания. *(Ушел.)*

Носакин. Может быть, Вадим Вадимыч, и нам с Фокой уехать?

Тараканов. Нельзя, Фока нужен.

Квашнева. Вот моя дочь! Софьюшка, мы обсуждаем родственные дела, не стыдись, сядь...

Сонечка. Мама!

Квашнева. Молчи! *(Берет портрет.)* Глядите, вот портрет, а вот лицо.

Носакин. Удивительно.

Тараканов. Конечно, похожа. Гляди, Клавдий...

Клавдий. Это обман!

Тараканов. Так и постановим — Марье Уваровне верить, племянника моего Клавдия в расчет не принимать, а девицу Софью допросить — желает ли обрачиться. Вот. Уф! Нил... капель...

Нил входит с подносом.

Сонечка *(вскакивая, ласкает Тараканова)*. Вадим Вадимыч, милый, вы хороший, вы добрый, пожалейте меня. Я сама ничего не смею. А мама заставляет замуж идти...

Квашнева *(хватает дочь)*. Не слушай ее, Вадим Вадимыч.

Сонечка. Дядюшка, я не люблю его, я за другого хочу.

Тараканов. Что? Не слышу. *(Тянет Сонечку к себе.)*

Квашнева *(тянет дочь к себе)*. А ты не слушай, а приказывай: она рехнулась.

Сонечка. Я не рехнулась, но замуж я не пойду.

Квашнева. Клавдий, иди сюда... *(Стаскивает его с кресла.)* Сюда, ближе... Проси прощения, поцелуй невесту — и шабаш.

Клавдий. Не хочу.

Тараканов. Захочешь...

Клавдий. Нет, не хочу...

Тараканов. Ты мне говоришь?

Клавдий. Вам, дядюшка, и всем.

Носакин. Фока, видишь, гадкий пример.

Тараканов. Да ведь я тебя заставлю...

Клавдий. Заставить нельзя...

Тараканов. Я тебя в амбар запру.

Квашнева. Опомнись, Клавдий.

Клавдий. Сонечка, откажись от меня, заяви твердо...

Сонечка. Я бы сама рада, Клавдий, только ты не поддавайся.

Тараканов. Коли вы так... Фока, сбегай в сад, приведи сюда страховую девицу...

Клавдий. Вы не сделаете этого.

Носакин. Фока, беги мелким горошком...

Фока побежал.

Клавдий. Фока, подожди...

Фока стал.

Боже мой, что говорить?

На лестнице появляется живописец.

Живописец. Эй, вы там, господа хорошие, деньги платить желаете?

Квашнева. Уходи, уходи, кто тебя звал?

Живописец. Звал меня желудок, требующий водки...

Квашнева. Вот тебе деньги, убирайся...

Тараканов. Ты кто такой?

Живописец. Я живописец, а ты кто?

Тараканов. Я?.. Я Тараканов.

Живописец. А мне наплевать, что ты Тараканов.

Тараканов *(затопав ногами)*. Как ты смеешь спрашивать, кто я такой?

Живописец. Но, но, но! Ловко подмазал, ай да я, талантище! *(Уходит.)*

Тараканов. Как он меня... Уж... как он меня...

Клавдий. Так вы меня обманули... Значит, все обман, обман... *(Берет портрет, стирает замазанное.)* Посмотрите, дядюшка. Вот она настоящая... Красавица...

Тараканов. Эге...

Клавдий. Я вам покажу, что это она... *(Подбегает к окну.)* Где-нибудь там в саду...

Квашнева. Не беспокойся... вон она на балконе с Артамоном целуется.

Носакин. Одно лицо...

Тараканов. Хороша мордашка.

Клавдий. Она... он с ней. За руки ее схватил... Что он делает... Негодяй... Он оскорбит... Ударила его... Так... Еще... Милая... Пустите...

Тараканов. Шалишь!..

Квашнева. Вадим Вадимыч, Фока, держите его... Убежит, не поймаем.

Клавдий. Не смейте в моем доме... Отпустите меня... Я позову людей... Я вас выгоню...

Фока бросается на Клавдия.

Носакин. Ах, убьет! *(Убегает.)*

Тараканов. Меня, старика, из дому гнать! Мальчишка! Подожди, умру, делай что хочешь... кверху ногами ходи. А пока посиди под замком. Фока, тащи его в кабинет, под замок. Ах, затылок... Сейчас жила лопнет...

Квашнева *(Клавдию)*. Гляди, убили старика...

Фока утаскивает Клавдия в кабинет, запирает.

Сонечка. Мама, уйдемте... *(Заплакала.)*

Квашнева. Идем, идем, Софьюшка. Уложу тебя и сама лягу.

Ушли.

Тараканов. Фока!

Фока подбегает к нему.

(Ему на ухо.) Беги на конюшню. Закладывай тройку... Немедленно девицу эту вези сам в Колывань... Там ждите меня... Понял?

Фока. Понял... Вас обязательно дожидаться?

Тараканов. Посмей не дождаться! Марш!

Фока уходит.

На этакую бабу всякий облизнется!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Там же. В столовой зажжена лампа.
Из столовой выбегает Нина, за ней Фока с чемоданом.

Нина. Что вы пристали, куда захочу, туда и поеду...

Фока. Ну, ну, какая бойкая... Говорю, довезти вас велено до Колывани. А уж там поезжайте сами по себе...

Нина. Что это? Конвой? Где Клавдий Петрович?

Фока. Спрятан.

Нина. Я буду жаловаться... вы все насильники! Сию минуту дайте лошадей, я поеду... где Клавдий Петрович?

Входит Тараканов и запирает двери на крючок.

Тараканов. Т-сс... что, цыпленочек?

Нина. Кто вы такой?

Тараканов. Успокойтесь, цыпочка. Я дядя его... Тараканов. *(Отводит.)* Клавдий Петрович страшный развратник, он про вас сейчас такие вещи наговорил. Он сказал, будто выписал вас по карточке из Москвы...

Нина. Это неправда!

Тараканов. Мы его заперли, чтобы он за вами не кинулся... Поезжайте немедля в Колывань, ночью сам там буду... *(На ухо.)* Я думаю, он спятил...

Нина *(страшно задумалась)*. Нет, не может быть...

Тараканов. Коли я говорю, значит...

Фока *(поглядел в окно)*. Лошади поданы.

Тараканов. Пожалуйте.

Нина. А впрочем, может быть, вы и правы... Женщине так мало нужно, чтобы поверить. Передайте ему... Нет, ничего не передавайте... Прощайте... *(Уходит.)*

Тараканов. Фока, ты понял?

Фока. Понял!

Уходят все.

К в а ш н е в а *(выходит из столовой)*. Кому лошадей подали? *(Увидев за диваном Нила, который вошел раньше.)* Ты что тут делаешь?

Н и л. От Катерины прячусь, пришипился...

К в а ш н е в а. Хорош...

Н и л. Я заявляю вам, что служить больше не могу и не желаю...

К в а ш н е в а. Ах ты, рожа...

Н и л. У меня не рожа, а образ... Пожалуйте расчет по всем книгам... Теперь я что захочу, то и делаю. Захочу ходить, ногами топать — и затопаю. И еще врать буду; начну врать и врать через колено. Всем навру-с, как сегодня некоторые.

К в а ш н е в а. Вот я Вадима Вадимыча позову, он тебе внушит.

Входит Т а р а к а н о в.

Вадим, он мне нагрубил, поговори с ним...

Т а р а к а н о в. Некогда, некогда, сестра, уезжаю.

К в а ш н е в а. Куда?

Т а р а к а н о в. И так запоздал. По делам...

К в а ш н е в а. Ты рехнулся. Ведь я же за попом послала... Поутру обручение...

Т а р а к а н о в. Ты что тут грубишь?

Н и л. Если барина моего за крючок посадили, то я и подавно готов страдать. Хотя от вашего обращения от меня одна шкурка осталась.

Т а р а к а н о в. Какая шкурка?

Н и л. Бездушная шкурка безо всякой преданности... И для вас я теперь, не Нил, а Нил Иваныч Перегноев и водяным именем больше называться не желаю. Батюшка мой был шутник и при святом крещении изволил надругаться, хотя и сам назывался Иваном. Поэтому я хоть и Нил, а Иваныч; а просто Нил — это река-с, на которой живут эфиопы...

Т а р а к а н о в. Ну, извини меня, братец, я тебя поколочу.

Н и л *(зажмурясь)*. Претерплю... Пострадаю... За Клавдия Петровича муки приму.

Н о с а к и н *(вбегая)*. Женщину, женщину в пруду нашел...

Квашнева. София!

Носакин. Нет, бог еще миловал, не она... Вот эта, как... Думаю... дай перед ужином посижу на пруду... Пришел, сел на пенек, гляжу, а в воде плавает женщина, на груди своей охапку белья прижала, боится упустить...

Нил. Катерина!

Носакин. Она самая, Катерина, в пруде...

Нил. Окромя Катерины, хоть в распьяном виде, никто не полезет ночью белье полоскать... Вадим Вадимыч, вдарьте вы ручкой, чтобы дух из меня выскочил. Каюсь... Я убийству причина... Через подлое мое обращение спозналась она с холодной водой...

Носакин *(радостно)*. Подготовил такой эффект — обрадую вас, господа, сюрпризом: бог миловал. Вытащили бабу без повреждения. Сейчас сидит на траве и громким голосом своим восклицает: «Где мой Нил, где мой Нил...»

Нил. А вы не врете?

Тараканов. Что, попался! Нет, брат, иди!.. И женю я тебя на ней в наказание; сватать приеду сам нарочно, ха-ха!..

Нил. Она из хитрости в пруд кинулась... Водой меня доняла...

Носакин. Идем же... Презабавнейший анекдот, господа... Сейчас к вам Артамона и Сонечку пришлю. Они подробно все расскажут. *(Уходит с Нилом.)*

Квашнева *(вдогонку)*. Кого пришлешь? Кого?

Носакин. Артамошку и Сонечку, на пруду они все время сидели... *(Ушел.)*

Квашнева *(Тараканову)*. Ты понял? Что делают!.. Ведь Артамона я сама проводила.

Тараканов. Проводила, а он вернулся. Будто не знаешь, нынче ночью...

Квашнева. Что ночью?..

Тараканов. Не ночью, а под утро.

Квашнева. Ну? Говори, идол!..

Тараканов. А ты не наваливайся... Я думал, ты знаешь. Все видели...

Квашнева. Что видели?

Тараканов. А ну тебя, и видели, и знают. В мезонине...

Квашнева. В мезонине...

Тараканов. Вот то-то. Спроси кого хочешь. Не глухие и не слепые... Да и сам я недавно видел, как они целовались...

Квашнева. Целовались... Вадим, позови ты их. Суди... Я не могу больше...

Тараканов. Ну да... Прощай, десятый час...

Квашнева. Не пущу.

Тараканов. Все равно уеду...

Квашнева. Вадим, я все знаю. Ты в Колывань едешь. Постыдись.

Тараканов. Однако прощай... *(Идет.)*

Квашнева. Вадим, через труп мой перешагнешь... *(Цепляется.)* Не пущу...

Тараканов. Марья, обижусь...

Квашнева. Сейчас дочь приведу... Посиди секунду... *(Убежала.)*

Тараканов. Так и посидел. *(Уходит.)*

Клавдий *(стучит)*. Куда все ушли?.. Что случилось?.. Отоприте.

Из столовой быстро входит Сонечка.

Сонечка *(подбегает к окну)*. Артамон, Артамон, здесь никого нет... Все на пруду. А дядя уехал...

Через окно впрыгивает Артамон.

Артамон. Вот ключ от его двери.

Сонечка. Какое счастье! Где нашел?

Артамон. У меня под подушкой.

Сонечка. Постой... Ты думаешь все сказать ему?

Артамон. Я тебе это тысячу раз толковал, он только будет доволен.

Сонечка *(прыгая)*. Ты любишь меня? Я твоя?.. Милый, милый... *(Тихо.)* Муж... Поцелуй...

Артамон *(суя ключ)*. Не мешай...

Сонечка. Не хочешь?

Артамон. Боже мой... *(Целует.)* Вот... черт, не отпирается...

Сонечка. Постой... А вдруг он передумал и сам захочет жениться?..
Артамон. Тогда что? Я не знаю...
Сонечка. Опасно...
Артамон. Спроси через дверь...
Сонечка. Спроси ты... *(Толкает его.)*
Артамон. Нет, ты... *(Толкает ее.)*
Сонечка. Меня не послушает.
Артамон. А на меня зол.

В саду голос Квашневой: «Софья, Софья!»

Сонечка. Все пропало, мама...
Артамон. Ах, черт!.. Сейчас... *(Наклоняется к замочной скважине, оттуда громкий голос.)*
Голос Клавдия. Отоприте...

Артамон отскакивает.

Сонечка. Ай!
Голос Клавдия. Выпустите меня...
Артамон. Видишь ли... Собственно, мы не можем, но если ты побожишься?.. Ты не сердит?
Голос Клавдия. Нет, я совсем не сердит... Я все слышал и вполне согласен. Я хочу дать вам денег на свадьбу, сколько хочется Марье Уваровне...
Артамон. Черт возьми, ты очень умно придумал. *(Отворяет дверь.)* Постой, а ты не шутишь?
Клавдий *(выходя)*. Я никогда не шучу. Милые мои, только ведь она не согласится...
Артамон. Согласится! *(Отводит Клавдия в сторону.)* Как бы тебе сказать... Соня и я...

Он и Клавдий глядят на Сонечку, которая покраснела.

Клавдий. Я сразу заметил, вы стали другими. Как хорошо, вы теперь как один человек. Пока не любишь, нет и жизни. Я ужасно измучился взаперти.
Артамон. Ты начал о деньгах. Прости, но сейчас для всех это — самое важное...
Клавдий. Да возьми сколько нужно...
Артамон. Но ведь меньше пятидесяти тысяч едва ли...

Клавдий. Возьми больше... Мне ведь не особенно нужно... Когда-нибудь отдашь... Сонечка, поди сюда...

Сонечка *(со страхом)*. Что тебе?

Клавдий. Соня, он сделал мне большое зло...

Артамон. Нет, неправда. Я должен все рассказать...

Клавдий. Я знаю, ты не мог иначе. Сегодня я сидел и думал: застрелить мне тебя просто или на дуэль вызвать...

Артамон. Вот тебе и выпустили!..

Сонечка. Клавдий, голубчик... ты плохо думал. В него стрелять нельзя...

Клавдий. Наконец я решил, что нужна дуэль... Видишь ли, Артамон: в сущности, мне больше хочется самому умереть, чем убить тебя.

Артамон. Ты прав... отчасти...

Сонечка. Да, да... ты прав...

Клавдий. Я объясню, и ты поймешь... Во мне всегда был изъян... Тебе трудно понять — ты всегда жил, а я готовился жить. Я ждал женщину, ты только вдумайся — женщину... Я представлял, как на портрете, что она должна быть такой, и ждал такую... Нина Александровна похожа совсем... но разве значит, что она та, о ком я думал?

Артамон. Нам нужно поторопиться... Что ты хочешь — устроить наше счастье, как ты обещал, или драться?.. Марья Уваровна с минуты на минуту влетит.

Клавдий. Ты все-таки не понял. Вот Сонечка поймет, быть может, она еще нежная... Сонечка, ты знаешь: он любит еще Нину?.. Да?

Сонечка. Право, не знаю.

Артамон. Терпеть не могу! Хочешь, побожусь!

Клавдий. Сонечка, закрой глаза и загляни; она любит его?

Артамон. Хороша любовь — сам в окно видел, закатила мне две пощечины!

Сонечка. Вот если бы он так же надо мной насмеялся — сразу бы разлюбила... Помни это, Артамон, никогда не изменяй!..

Клавдий (*Соне*). Ты уверена? Ты заглянула? Да? Загляни поглубже... Соня, Соня, она оттолкнула меня...

Артамон. Клавдий, ты просто наивен... Я побожусь, что она тебя даже полюбит...

Клавдий. Полюбит! Что ты, что ты...

Сонечка. Когда так влюблены, разве девушка может отказать?

Клавдий. Вы не смеетесь? Погляди в глаза ты... (*оборачивается к Артамону, потом к Сонечке*) и ты... А не оскорблю ее, если не послушаюсь, поскачу вслед?

Сонечка. Нисколько!

Артамон. Скачи, брат, сломя голову. Если ты действительно влюблен, так под землей найдешь...

Сонечка. К тому же я сильно опасаюсь, что Фока над ней снахальничает...

Клавдий. С ней разве Фока?

Артамон. Да. В том-то и дело. И сам Вадим Вадимыч в Колывань поскакал... Скорей, сию минуту, верхом!

Сонечка. Да не свались.

Клавдий. Ох, нет... Я вцеплюсь в гриву, стисну ногами. Ты знаешь Баяна, он любит меня... умрет, а не остановится, только надо говорить ему ласковые слова, и он все скачет, все скачет... Артамон, сожми руки, как можно сильней. (*Жмет руки, подходит к Сонечке.*) Поцелуй меня в губы покрепче...

Голос Квашневой.

Сонечка. Не надо, Клавдий.

Артамон. Ничего, он, как брат...

Клавдий. Нет, не как брат, а как влюбленный, но не в тебя, в твою любовь к нему... в нежность... Во все чудеса...

Сонечка. Вот тебе. (*Целует.*)

Артамон. Вывезла!

Убегают Соня и Артамон в одну сторону, Клавдий — в другую.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Въезжая. Горит лампа; за окнами брезжит. На столе самовар. Фока пьет чай и водку. Нина около него, сжала голову руками.

Фока. Это папенька меня за дурака выдает, а я не так-то прост, скажу по секрету. Дураком с нашими удобнее, вот отчего. Не стесняются, а я присматриваюсь и матерьялец собрал разнообразный... Хоть бы тот же Вадим Вадимыч — вот у меня где сидит весь... Может быть, я да еще один человек знаем весьма любопытный анекдот про него... Знаю, а молчу до времени, не приспело... Про всех знаю, все фигли-мигли вижу насквозь... Весь уезд затрещит, только слово скажу. Это карьера. Этого папенька мой не понимает... Капитал почище вашего Коровина...

Нина. Пейте, пейте...

Фока. Я выпью... Вот то-то... Например, на кой вам черт, что я гимназию не кончил? Решительно эта гимназия ни при чем. Извините, я очень хорошо понимаю, что требуется от мужчины: силища — раз, расторопность — два... И нахальство — это самое главное... Верно?

Нина. Я же сказала, что вы клевещете на себя.

Фока. Ерунда! Я человек современный, этими качествами обладаю в совершенстве, и притом карьера...

Нина. Пейте, пожалуйста, пейте.

Фока *(наливает)*. Выпьем с вами.

Нина. Я больше не могу, и так уж голова кружится.

Фока. Ну, чего там кружится... Может, это не от вина. А?

Нина. Вы начали говорить о качествах?

Фока. Например, Артамон — против меня ничего не стоит... А почему к нему лезут? Почему живет в свое удовольствие, а я принужден терпеть?.. Все — дурак, дурак! А дурак не кто иной, как мой папенька. Наплевать! Артамону скоро жрать нечего, а я на серебре буду есть...

Нина. Видите, как хорошо...

Фока. А если я терпеть больше не хочу! Слышите... карьеру к черту в одну минуту! Кто я такой — Носакин!.. А вам известно ли, что такое Носакин? Мой дед из-за женщины оттяпал себе мизинец — тут же, при ней... А? Наплевал я на карьеру — жить хочу... Развернусь, пропаду, а накрушу — волосы у всех дыбом станут!

Нина. Не надо такой жертвы, успокойтесь, выпейте.

Фока. Что же вам, мало? Миллиона захотелось... Нет, знаете ли, может быть, я подороже вашего миллиона стою. Я сейчас, например, Вадиму Вадимычу на ушко — не найдется местечка тысячи на четыре?.. Что?.. Фока? Дурак!.. Т-сс... Может быть, неудобно, чтобы некоторые узнали то-то и то-то? Готово. Я говорю — готово!

Нина. Голубчик, советую вам, не жертвуйте так легкомысленно своим будущим из-за простой женщины. Это не умно.

Фока. Значит, вы не обиделись?

Нина. На что?

Фока. На все давешнее.

Нина. Я поняла. В вас много непосредственной, но еще грубой силы; вас нужно обуздать.

Фока. Папенька обуздывает; Вадим Вадимыч прямо говорит: сокращу; и вы за то же принялись.

Нина. Вы мало знаете женщин. Чем сильнее вы нравитесь, тем дольше мне хочется испытывать влечение, неудовлетворенность, скучать по вас.

Фока. А вы долго намерены скучать по мне?

Нина. Я еще боюсь немного. Уж если довериться кому, так наверняка... Например — вдруг сейчас приедет Вадим Вадимыч, а вы и струсите...

Фока. Я струшу? Ха-ха... Струшу!

Нина. Теперь-то я почти уверена, что вы защитите меня от этого ужасного человека...

Фока *(приближая лицо к лицу Нины)*. Зачем же дело стало?

Нина. Ах, я просила бы не говорить об этом... Успокойтесь... ложитесь спать, я же поеду... Если Тараканов

нагрянет, постарайтесь выдумать историю. Только, смотрите, не говорите, что я в городе. Сейчас велю запрягать... *(Идет к выходу.)*

Ф о к а. Нина Александровна. *(Она остановилась.)* Успеете, садитесь, еще по одной...

Н и н а. Поймите, я боюсь, что Тараканов...

Ф о к а. Наплевать на Тараканова! Садитесь...

Н и н а. Что еще? Ведь мы уже решили...

Ф о к а. Сядьте.

Н и н а. Я вас боюсь... *(Идет к двери.)*

Ф о к а. Нина!.. подожди!..

Н и н а. Что за наглость!.. Я должна ехать сию минуту...

Ф о к а. На чем?

Н и н а. Как?!

Ф о к а. Ездят на лошадях. А ни Володьки, ни лошадей нет...

Н и н а. А где же лошади?

Ф о к а. Послал с Володькой к конокраду... Угостить хочу сам, не все на ваши деньги...

Н и н а. Вы сумасшедший, или... *(Подходит.)* Что вам нужно? Вы действительно чудовище... Я отворю окно и закричу...

Ф о к а. Сколько угодно, изба на краю села, одни собаки залают.

Н и н а. Фока, поговорим серьезно. Вы мне нравитесь, но я не терплю грубости...

Ф о к а. На этом ходе вы уже срезались, Ниночка. Придумайте поновее.

Н и н а. Нет, не срезалась. Я вас ненавижу.

Ф о к а. Хо-хо-хо!

Н и на. Вы мне противны...

Ф о к а. Ха-ха-ха!

Н и н а. Попробуйте подойти... Попробуйте тронуть!..

Ф о к а *(встает, подходит и хватает Нину)*. Вот как...

Н и н а. Оставьте. *(Вырывает руки.)*

Фока опять схватывает.

Не ломайте руки... Больно...

Ф о к а *(целует)*. Раз в жизни. *(Целует.)*

Н и н а *(вскрикивает)*. Что вы сделали... Неужто вам не жалко?.. И без меня много девушек... А у меня прибавится лишний камень на сердце. Неужто, если я женщина, нужно всем насильничать...

Ф о к а. Молчи. Сейчас моя воля. И плакать перестань...

Н и н а. Я так измучилась. *(Идет к перегородке. Фока за ней. В дверях Нина вдруг толкает Фоку в грудь и быстро запирается.)* Вот!

Ф о к а. Ах, черт! Врешь... Отопрешь! Отопри, Нина! *(Ломит дверь плечом, потом схватывает скамейку и ударяет скамейкой.)*

В это время входит К л а в д и й, Фока его не видит.

К л а в д и й. Фока! Ты что стучишь?

Ф о к а. А! Это вы!.. Ну, стучу... Вам какое дело?..

К л а в д и й. Где Нина Александровна?

Ф о к а. Почем я знаю...

К л а в д и й. Где Нина Александровна?

Ф о к а. Да вам-то что?

К л а в д и й *(вырывая скамейку)*. Я дядюшку в лесу прибил, а тебя здесь убью!..

Ф о к а *(отступая к окну)*. Ну, ну, только троньте... *(Приготовляется кинуться на Клавдия, но, взглянув в окно, мимо которого пробежала Нина, восклицает.)* Удрала в окошко. Ах, черт! *(Выпрыгивает в окно.)*

На улице вскрик Нины, возглас Фоки и густой голос Тараканова.

Клавдий бросается к окну.

К л а в д и й. Какой ужас! *(Поспешно выходит в дверь.)*

За окном беготня и крики. Затем в дверь врывается Н и н а, растрепанная, останавливается посреди комнаты.

Н и н а. Какой ужас.

Голоса за сценой.

Ф о к а *(за сценой)*. Не смей бегать, не уступлю никому, моя все равно.

Т а р а к а н о в *(за сценой)*. Не смей, мальчишка, вот я тебя...

Возня, удары, крики. Входит К л а в д и й.

К л а в д и й *(тяжело дыша)*. Мало им, надо было больнее... Простите... Может быть, я не прав...

Н и н а *(с пылающими глазами)*. Вам досталась, берите...

К л а в д и й. Боже мой, что вы, успокойтесь...

Н и н а. Вам не все ли равно...

К л а в д и й. Ну, я уйду сейчас... я только покараулю, чтобы они не ворвались. Вы постучите, когда я понадоблюсь... Я буду в сенях. *(Уходит.)*

Н и н а. Не поможет, не беспокойтесь, не позову! *(Засмеялась, смех перешел в плач. Упав на лавку, она забилась.)*

К л а в д и й *(вошел и присел над Ниной)*. Перестаньте, не нужно плакать. Подумайте о чем-нибудь веселом. О чем плакать... Обиды или зла никакого нет... Все это мелочи, сами выдумываем... Честное слово, я сразу понял... и решил непременно увидеть вас...

Н и н а. Ах, дайте воды...

К л а в д и й *(подавая воду)*. Непременно, думаю, скажу ей одну вещь...

Н и н а. Какую же вещь скажете?

К л а в д и й. Вы правы, вы во всем правы, а я просто так — человек. От каждого вашего страдания, от каждого вашего падения вы поднимаетесь все выше, как солнце, а мне не достигнуть вас никогда; но, увидев хоть раз, я освещен на всю жизнь... Вы сейчас уедете, мы не встретимся, наверно, больше, потому что вы меня ведь не любите; но вы моя жена... Это на словах выходит глупо, а на самом деле так. Еще водицы? Я пойду поличу кого-нибудь, чтобы лошадей нашли. *(Идет, останавливается, смотрит, как Нина ложится; снимает пальто, подкладывает ей под голову.)*

Н и н а. Спасибо...

Он быстро возвращается.

Клавдий Петрович...

Он опять идет к двери.

Что вы сказали? Я плохо поняла...

Клавдий. Свои мысли...

Нина. Неужели так думаете? Как жаль — ведь это неправда... Я обыкновенная слабая женщина...

Клавдий. Это ничего не значит... Может быть, и вам и другим представляетесь обыкновенной, а я увидел другое в вас. Я думаю, у каждого есть портрет возлюбленной; коли встретишь ее — так на всю жизнь. А все остальные — случайные люди. У вас есть, конечно?

Нина. Был; я бросила.

Клавдий (*тихо*). А если только возможно, я поеду туда, куда вы поедете...

Нина. Клавдий Петрович... Подойдите ближе...

Клавдий. Зачем?

Нина (*приподнимается*). А я виновата перед вами?

Клавдий. Ничем.

Нина. Глядите в глаза... Милый мой, милый мой! (*Обняла, целует.*)

Клавдий (*с громким, радостным криком склоняется над ней*). Жизнь моя, жизнь!

Занавес

КУКУШКИНЫ СЛЕЗЫ

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марья Петровна Огнева — актриса.

Степан Александрович Хомутов — ее муж, разорившийся помещик.

Дмитрий Иванович Яблоков — его друг, тоже из разорившихся мелких помещиков. Человек пожилой.

Давыд Давыдович Бабин — богатый землевладелец из крестьян.

Наталья Владимировна Бельская — сирота, живет в собственном доме, в уездном городе.

Шавердов — почтмейстер.

Анюта.

Дарья.

Гармонист.

Два мужика.

Действие происходит в уездном городке, в начале июня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Низкая комната, грязь и нищета. Окно и две двери, одна выходная, другая в чулан. Хомутов лежит на кровати. Яблоков у стола ест. Из двери высовывается почтмейстер.

Почтмейстер. Яблоков, поди-ка сюда.

Яблоков. Да ну тебя.

Почтмейстер. Иди, говорю: получена невероятная телеграмма.

Яблоков. Все ты врешь, братец мой, целый день врешь.

Почтмейстер. Да ты выдь-ка.

Яблоков *(переставая есть)*. А что такое?

За дверью звонок.

Почтмейстер. Погоди, сейчас приду. *(Скрывается.)*

Яблоков. Ходит и врет. Всякие шутки выдумывает. Никто ему не верит. А может, и правда какая-нибудь телеграмма пришла? *(Бросает ложку.)* Так, брат ты мой, туго нам, как никогда не бывало. Что делать? А?

Хомутов молчит.

Яблоков. Чего ты валяешься?

Хомутов молчит.

Слушай, князь Хованский опять про тебя спрашивал. Ему нужен управляющий, который бы не крал; хоть дурак, только бы не вор. Ты как об этом думаешь? А?

Хомутов. Отстань, пожалуйста, от меня.

Яблоков. То есть как отстань? Объясни мне, пожалуйста — как это я от тебя отстану? *(Совершенно рассердился.)* Бездельник, лежебока.

Хомутов. В управляющие я не пойду,— я уж сказал.

Яблоков. Нет, ты мне объясни,— почему ты в управляющие не пойдешь?

Хомутов. Так.

Яблоков. То есть как это так?

Хомутов. Так, не желаю ничего делать. Мне жить надоело. Что ты ко мне пристал?

Яблоков. Неврастеник несчастный!

Хомутов. Если тебе понадобились деньги — иди сам в управляющие.

Яблоков. Как же это я так — возьму и пойду в управляющие, хотел бы я знать... Кто это меня возьмет в управляющие — хотел бы я знать... Ах! Давеча у судьи в девятку играли, я думаю: что такое карты? Случай, удача. Рискнуть?.. А?.. И только хотел было рискнуть, карты в руках вот так и заходили, судья глядит и смеется... Что, брат, говорит, руки стали дрожать?.. И все через тебя я черт знает кем стал.

Хомутов. Извини, если тебе очень трудно меня кормить.

Яблоков. Перестань.

Хомутов. Ссоримся, суетимся. А умрем все равно в назначенный срок. Все уйдем в космос.

Яблоков. Куда?

Хомутов. К черту.

Яблоков. Что это за манера жалкие слова говорить. Иди умойся. Наташа сейчас придет.

Хомутов. Зачем? *(Встает с постели.)*

Яблоков. По делу.

Хомутов идет в чулан, и слышно, как там фыркает водой.

Давыд Давыдович опять ей руку и сердце,— с предложением...

Хомутов *(из чулана)*. Давыд Давыдович красив и богат. Что же...

Яблоков. Представь — она опять отказала. Он все векселя ее отца, царствие небесное, скупил и векселями ее теснит, силой хочет заставить. Вот мужицкая-то кровь где сказалась! Только не на такую нарвался: Наташа девчонка, девчонка, а характер! Ну, а если я за дело взялся — он на ней женится.

Хомутов. Еще бы.

Яблоков. Анютку знаешь, дьячкову дочь?

Хомутов. Знаю.

Яблоков. Сейчас Давыд Давыдович с Анюткой по бульвару гуляет перед Наташиными окнами. Понял?

Хомутов. Нет.

Яблоков. Это мой новый план. Удар по самолюбию. Знаешь, у меня полна голова разных планов. Применить их не к чему, вот горе.

Входит почтмейстер.

Ты опять врать пришел?

Почтмейстер *(громко)*. Нет, я врать бросил, нынче я за барышнями ухаживаю. *(Манит Яблокова пальцем.)*

Яблоков. Ну?

Почтмейстер *(тихо)*. Телеграмма.

Яблоков. От кого?

Почтмейстер *(подавая телеграмму)*. У меня даже в ушах зазвенело.

Яблоков *(прочтя, вскрикивает)*. Ради бога, молчи, ничего ему не говори.

Почтмейстер. Вот это сюрприз.

Яблоков. Удар.

Почтмейстер *(указывая на чулан)*. Ты говоришь — я вру, а он до чего доврался.

Яблоков. С ним удар может случиться. Надо подготовить. Я начну издалека.

В дверь стучат.

Войдите!

Входит Наташа.

Наташенька, голубушка моя, ручку.

Н а т а ш а. Здравствуйте, Дмитрий Иванович, я к вам по делу.

П о ч т м е й с т е р. Наталья Владимировна, а у нас необыкновенное происшествие...

Я б л о к о в *(показывая Наташе телеграмму)*. Вот, не угодно ли прочесть, что преподнесли.

П о ч т м е й с т е р. На что я хладнокровный скептик, а как прочел — даже икать стал... извиняюсь.

Н а т а ш а *(прочитав телеграмму)*. Боже мой, что же вы будете делать?

Я б л о к о в. Тсс... Главное, необходимо его подготовить... Степан!

Х о м у т о в *(из чулана)*. Да, да.

П о ч т м е й с т е р. Моется, извиняюсь.

Н а т а ш а. Дмитрий Иванович, я пришла за помощью.

Я б л о к о в. Батюшка ваш покойный, царствие ему небесное, когда умирал — говорил: помни, Дмитрий, поручаю дочь мою тебе. И я прежде всего ваш слуга-с, да. Рассказывайте, что еще за беда?

Н а т а ш а. Давыд Давыдович...

Я б л о к о в. Мужик, купчина, кулачище...

П о ч т м е й с т е р. Митя, ты выражаешься.

Н а т а ш а. Завтра срок одному векселю.

Я б л о к о в. А велик вексель?

Н а т а ш а. Двести рублей.

Я б л о к о в. Эх, деньги! Где же их достать! Просить нужно, пускай перепишет.

Н а т а ш а *(взволнованно)*. Ах, нет! Я ничем не хочу быть обязанной Давыду Давыдовичу. Не желаю просить. Ни за что! Если бы знали, как мне важно заплатить именно в срок.

Я б л о к о в. Дом опишет?

Н а т а ш а. Нет же. Не это...

Я б л о к о в. Значит, нужно к завтрему достать двести рублей. Я еще не могу ясно сообразить, но уже что-то мерещится.

Входит Х о м у т о в и здоровается.

Х о м у т о в. Здравствуйте, Наташа. Спасибо, что не побрезговали нами.

Наташа. Перестаньте, Степан Александрович.

Почтмейстер *(Яблокову)*. Начинай.

Яблоков. Степан...

Хомутов. Что?

Яблоков. Скажи, пожалуйста, есть у тебя жена?

Хомутов. Да.

Яблоков. Где она сейчас?

Хомутов. Я не знаю! Где-нибудь...

Яблоков. Она актриса?

Хомутов *(все более удивляясь, тревожно)*. Да, моя жена актриса.

Яблоков. Скажи, пожалуйста, сколько лет ты не видел свою жену?

Хомутов. Я не видел Машу пять лет... Мы расстались... Ты же знаешь все это... Слушай, зачем ты вдруг?.. Несчастье случилось?

Яблоков. Никакого несчастья, не таращи глаза, успокойся....

Хомутов. Вы получили известие?

Яблоков. Да...

Хомутов. Какое известие?.. Наташа, ради бога... Ах да, наверно, опять просит выслать немного денег. Бедняжка! *(Наташе.)* Маша особенная женщина, она любит все изящное и необыкновенное. У меня никогда не хватало духу решиться написать ей, что я вот такой. Пусть думает все что угодно, только не это. Если она узнает, что я нищий,— я знаю: простит, будет жалеть... Но именно этого-то я и не хочу. Ради бога, что вы получили от нее? Я как-то писал Маше, что служу... Я лгал ей все время, все пять лет. Я ревновал ее, оскорбил, бросил... Я разорился, стал вот таким... Она не должна меня прощать... Покажите...

Яблоков. Подожди. Значит, твоя жена думает, что ты богат, у тебя в городе дом и все тебя уважают?

Хомутов. Да, она, наверно, так и думает.

Яблоков. Прочти телеграмму.

Хомутов. Телеграмма? *(Читает.)* «Завтра приезжаю на три дня, встречай почтовым. Маша»... Маша...

Яблоков. На три дня, на три дня приезжает. Тут написано...

Наташа. Бедный Степан Александрович.

Почтмейстер. Ну, знаешь, твоя жизнь прямо биография.

Хомутов. Зачем приезжает Маша?

Яблоков. А затем, что здесь богатый муж, свой шикарный дом, положение... Эх ты...

Почтмейстер. Однако у вас здесь хлев, кроме шуток.

Хомутов. Принять Машу здесь! Нет. Скажите ей, что я куда-нибудь уехал... *(Идет к двери.)*

Яблоков *(удерживает его)*. Подожди, мы что-нибудь придумаем.

Хомутов. Что ты придумаешь — какую-нибудь глупость.

Яблоков *(стукает ему пальцем по лбу)*. Завтра в три часа приедет твоя жена, понял?

Хомутов. Нет... невозможно.

Наташа. Степан Александрович, привезите вашу жену ко мне в дом.

Яблоков. Ну вот об этом-то я и хотел говорить. Спасибо, Наташа.

Наташа. Мы можем сказать, что это ваш дом, хомутовский.

Яблоков. Именно. На Степана наденем фрак. Встретим актрису шампанским. Надо же показать, как мы к искусству относимся! Грибами обросли! Да я цыганский табор притащу! Штопором по городу пройдусь! Вот жизнь!

Почтмейстер. Я слышал — актрисы разговаривают промеж себя исключительно анекдотами. Эту часть вы мне предоставьте.

Яблоков. Разговаривай, почтмейстер, вали в мою голову!

Хомутов. Еще раз обмануть, так цинично, так грубо...

Яблоков. Да, и обманем, Степан Александрович, в чистом виде, так что комар носу не подточит.

Почтмейстер. А когда к нам губернатор приезжал — насажали же мы фальшивых деревьев на площади и получили благодарность.

Хомутов. Да ведь денег у нас нет... Какой ты, Митя, право... жестокий человек.

Яблоков. Да, денег на это нужно много. Денег нет!

Хомутов. Как здесь накурено, как гнусно! *(Хватает шапку.)* Одним словом... *(Быстро уходит.)*

Яблоков. Куда? *(Почтмейстеру.)* Иди за ним..., утопится... ей-богу, утопится... я его знаю.

Почтмейстер. Пустяки. Ни на что решительное он не способен. *(Уходит.)*

Наташа. Ах, боже мой, как грустно.

Яблоков. Нельзя ли продать чего-нибудь из старого?

Наташа. Дмитрий Иванович, теперь вам не до меня, прощайте, голубчик. Пускай — будет что будет. *(Идет к двери.)* Ужасно неприятно, что всего этого легко избежать... Но Давыд Давыдович пускай и не ждет от меня словечка, так ему и передайте.

Яблоков *(который до этого грыз ногти)*. Наташа, у меня идея пришла. Ах, какая вы, право, вам бы вскочить и убежать. Садитесь. Слушайте.

Наташа. Ну?

Яблоков. Едет актриса. Так? Нужно ее принять с помпой. Иначе — скандал. Нужны деньги. Так? Теперь — Давыд Давыдович любит вас без памяти, об этом весь город знает.

Наташа. А мне какое дело. А кто ему позволил меня любить! Как смеет любовь эту мне навязывать?! Угрожать!

Яблоков. Да ведь он с отчаяния за векселя ухватился. Его пальчиком поманить, только пальчиком, он нас деньгами завалит.

Наташа. Что? Что?

Яблоков. Намекнуть: не отчаивайся, мол. Только намек. Хотите, это я даже могу намекнуть.

Наташа. Я, должно быть, плохо вас понимаю.

Яблоков. Я говорю — схитрить нужно. Хитрости-то с мизинчик... Ведь Давыд Давыдович от радости ума решится, а Степана спасем от смерти! А деньги мы потом ему отдадим, честное слово дворянина, отдам.

Наташа. Какой вы дурак!

Яблоков. И дурак, и свинья, и прохвост! Наташа, раз в жизни закройте глаза и сделайте подлость. А потом удивительно приятно бывает: господи, больше никогда не буду так поступать. Вроде как на полке́ веником...

Наташа, не прощаясь, поворачивается, идет к двери.

Ну, я виноват, виноват. *(Хватается за нее.)*

Наташа. Оставьте меня, Дмитрий Иванович.

Яблоков. А может быть, только маленькое словечко ему скажу.

Наташа. Пустите платье...

Яблоков. Бейте, до смерти! Не пущу...

Быстро входит Давыд Давыдович Бабин и, захлопнув дверь, держит ее за ручку.

Бабин *(Наташе)*. Извините, не знал, что вы здесь.

Яблоков. Давыд Давыдович, голуба моя, вот кстати...

Наташа *(Бабину)*. Позвольте мне пройти.

Бабин делает жест ужаса.

Бабин. Невозможно!

Дверь дергают.

Отворить никак нельзя.

Голос Анюты за дверью: «Нет, голубчик, отворишь».

Ах, мерзкая!

Наташа *(внезапно засмеялась)*. Давыд Давыдович, разве можно так обращаться с девицами, впустите ее. Анюта, войдите, я вас не съем.

Бабин, махнув рукой, отходит в глубину комнаты. Появляется Анюта, сердитая, дикая девушка, глядит исподлобья.

Яблоков. Анюта!

Анюта. Вот, вошла.

Наташа. Здравствуйте, Анюта. *(Подает ей руку.)* Давно вас не видно, хоть бы на минутку забе-

жали. Какая стала красавица! А я уезжаю скоро, Анюта, совсем. Прощайте. *(Кланяется, не замечая Бабина, и уходит.)*

Яблоков *(провожая Наташу)*. Я к вам все-таки забегу. *(Возвратясь от двери, Анюте.)* Ты зачем в дом ломилась?

Анюта. Ломилась, я с кавалером пришла.

Яблоков. Какой он тебе кавалер, молчала бы лучше.

Анюта. Влюбилась в него, вот какой кавалер. Я об нем третий год думаю.

Яблоков. Бесстыдница!

Анюта. Какой мой стыд, когда папаша меня за косы за дверь выволок. *(На Бабина.)* Пускай он женится.

Бабин. Лучше женюсь на козе.

Анюта. Как вам будет угодно.

Яблоков *(Анюте)*. Да не женится он, путается только для отвода глаз.

Анюта. Как это для отвода глаз?

Яблоков. У меня такой план, чтобы вас с ним кое-кто видел на бульваре. Поняла? А ты уж обрадовалась. Иди домой.

Анюта. Нахально разговариваете.

Бабин. Анюта, прости меня, пожалуйста, уйди лучше, у нас разговор сейчас будет секретный.

Анюта. Послушаю.

Бабин. Мало, что ты меня навек сейчас опозорила. Не лезь в мою жизнь, выкину!

Анюта. Испугалась.

Бабин. Анюта, все, что я тебе говорил, все спьяну. Не тебя люблю и не через тебя мучаюсь. Брошу тебя по одному словечку, сама знаешь кого. Опозорю и кину, как рвань.

Анюта. Голубчик, такие слова не забуду. Ты меня, видно, плохо знаешь. Тебе живым не быть за такие слова.

Бабин *(тихо)*. Уйди! *(Берет себя за ворот рубашки и разрывает ее до подола.)* Уйди...

Анюта. Убей, убей,— ну?

Яблоков *(хватает Анюту, толкает к двери).* Смертоубийство еще с вами тут будет. Поди, поди, моя цыпочка. *(Затворяет за ней дверь, возвращается.)* Ну, у тебя характер, Давыд Давыдович! Отдышись, успокойся. Хочешь водички?

Бабин. Да, Митя, плохо мое дело. Не надо было тебя слушать. Теперь о Наталье Владимировне и думать даже напрасно. Конец.

Яблоков. Ну, разумеется, я всегда виноват. Придумал я хорошо, да ты ни к чему не годен. Наташу нужно заставить ревновать, вот мой план. А ты что делаешь: с векселями на нее навалился. А сейчас — что это была за сцена? Я велел тебе прогуляться с Анютой, держать себя независимо, несколько вызывающе, рассчитывал на укол самолюбию. А ты весь день таскаешь Анютку по городу, как гулящую девку, и вид у тебя весь какой-то нелепый.

Бабин. Митя, что мне делать?

Яблоков. А я почем знаю. Женись на Анютке, сиди в лавке, торгуй дегтем.

Бабин. Рассчитывать, значит, не на что, так... Совсем недавно стояли мы с Натальей Владимировной на балконе, я осмелел и взял ее за руку, она ничего, руку не отняла и сама усмехнулась так дивно! Неужели никакой надежды, Митя?

Яблоков. Отдай ей твои паршивые векселя. Передай мне, я отнесу.

Бабин. Отдать?

Яблоков. Давай.

Бабин. Нет! Какая моя сила — одни деньги. Тут хоть по делу к ней зайдешь на минутку, а то она и как звать-то меня забудет.

Яблоков. Послушай, мог бы ты мне дать взаймы пятьсот рублей до пятницы? Я отдам.

Бабин. Я тебе сказал: женюсь на Наталье Владимировне — озолочу, а так целкового не дам,— мое слово крепко.

Яблоков. Ну да, я понимаю.

Бабин. Плохой ты советчик. Путаешь, путаешь, бессовестный. Пришибить тебя давно пора.

Яблоков. Подожди, давай говорить серьезно.

План с Анюткой потерпел фиаско, признаюсь. Но ты пойми: Наташа тебя любит.

Бабин *(вскрикивает)*. Оставь! Замолчи!

Яблоков. На тонкую игру ты не способен, я вижу. Слушай — завтра приезжает Степанова жена, актриса. Блондинка, понимаешь, гранд-кокет. В Париже не найдешь такой бабы, ей-богу... Шик,— вся в шелку...

В окне показывается Хомутов, слушает и проходит в направлении к двери.

Вот тут-то тебе и нужно действовать. Развернись. Покажи натуру. На тройках катай актрису, пои шампанским, денег не жалей ни на что! Тряхни черноземом, чтобы во всем уезде рты поразинули. Ну, уж если тогда Наташа останется к тебе равнодушной — можешь мне голову откусить.

Бабин. Развернуться я могу... Ну а дальше-то что?

Яблоков. Наташа, конечно, обозлится сначала, потом представится, что ей все равно. Потом реветь начнет. Самолюбие женское, кровь молодая. Увидит, что зверь-то от нее уходит — тут она гордость-то свою зубами заест. А ты, смотри, только эту минуту не прозевай: моментально всем кутежам — точка, и ягненочком к Наталье Владимировне — в ножки бух... Будь я проклят!

Бабин. Ох, Митька, топишь ты меня...

Яблоков. Наташа горда, как бес! Вот причина. Ее нужно разжечь, чтобы или в воду, или тебе на шею.

Бабин. Но как же так с незнакомой женщиной... Кутить... Комедь ломать... Мне противно...

Яблоков. Велик труд нашел с актрисой шампанское пить. Эх ты — тетеря.

Бабин. Да если опять хуже выйдет?

Яблоков. Все равно, брат, хуже некуда. А уж если и не выйдет ничего, по крайней мере время проведем и выпьем,— понимаешь...

Бабин. Постой... А Степан? Ведь это жена его.

Яблоков. А мы так сделаем: дня три дадим су-

пругам понежиться, а потом под каким-нибудь предлогом отправим Степана к тебе на хутор.

Бабин. Какой ты все-таки дрянной человек.

Яблоков. Да, действительно ты выражаешься.

Бабин. Сколько тебе за сводничество?

Яблоков. Я собой не торгую.

Входит Хомутов. Яблоков поспешно.

Пятьсот. Пока только пятьсот.

Бабин *(достает деньги).* Все равно как с горы качусь. На! Пропадать! Прощай. *(Уходит.)*

Хомутов. Ну?

Яблоков. Денежки нам дали. Вот жену твою и встретим. Ты рад, а?

Хомутов. Отдай деньги назад!

Яблоков. Зачем?

Хомутов. Отдай деньги, я тебе приказываю.

Яблоков. Это что за тон.

Хомутов. Отдашь!

Яблоков. Я ему благодетельствую... Я расшибаюсь... А он... Да кто ты такой? Ничтожество! Что прикажу, то ты и будешь делать.

Хомутов. Вот когда ты меня попрекнул. Так на же тебе. *(Срывает с себя пиджак и шапку, бросает на пол.)* Я — нищий... А я пойду пешком за две станции. Дождусь поезда и Машу предупрежу. Ты ее, несчастную, беззащитную, за деньги продаешь. Я не позволю! Ты увидишь, на что я способен....

Яблоков. Степа, как ты шуток не понимаешь. Мало ли что говорится, когда дают деньги. Притом Давыд Давыдович будет очень сдержан с ней первые три дня, она же только три дня и пробудет. Понял? *(Смеется.)*

Хомутов. Врешь.

Яблоков. Ну, хорошо, иди предупреждай. А она возьмет тебе и скажет: Степан Александрович, дай-ка мне денег, я в дороге издержалась! Да прокати меня на тройке, с шампанским, мы, мол, актрисы, привыкли на тройках... Да спросит, почему ты такой ободранный, в опорках. Стало быть, все ложь? Все лгал! Ввел жену в ложное положение, в дорожные

издержки. Возьми деньги, отдай, предупреди. Ничтожество! Куча грязных тряпок! Лгунишка!

Хомутов. Господи боже мой!

Яблоков. Завтра ты у меня рожу свою перекроишь на веселую. Да! И сразу я тебя жене не покажу, я тебя выдержу, пока не обойдешься. Ты врать будешь и притворяться, как я велю. Ты у меня еще и фрак наденешь. Понял?

Хомутов. Понял! Все понял.

Яблоков. Голова лопается, сколько дел! Сначала вот что: идем к портному. Ну, пошевеливайся... *(Тащит его с постели за рукав.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала с колоннами. Налево дверь во внутренние комнаты. Прямо двери на балкон и в сад. Направо маленькие хоры, под ними дверца. В глубине направо входная дверь.

До поднятия занавеса слышен голос Яблокова: «Тащи его, тащи на себя. Да поверни его, поверни боком. Не так. Стой! Стой!» Слышен треск, занавес поднимается. На хорах два мужика ставят органчик. Посреди зала, задрав голову, Яблоков.

Яблоков. Грохнули! Черти окаянные! На чем мне теперь играть? Ставь его к стене. Да легче! Не лезь в нутро, ручищами-то не лезь.

Покуда мужики ставят орган на место и затем уходят, Яблоков кидается к Дарье, которая принесла портрет, влезла на стул и хочет повесить.

Не так, баба. Переверни его. Еще поверни. Что же ты его кверху ногами вешаешь! Ведь это генерал. Слезай! Теперь все, кажется. Дарья, подойди ко мне.

Дарья. Что, батюшка?

Яблоков. Смотри у меня, баба! Разговаривай, как я тебя учил: дом этот Степана Александровича Хомутова, и все это его, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоков. Наталья Владимировна живет только здесь, комнату снимает, и она тебе не барыня, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоков. Ты здесь в дому с малолетства, грудью Степана Александровича выкормила, и зовут тебя не Дарья, а Домнушка, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоков. Ступай неси посуду.

Дарья. Барин...

Яблоков. Что еще?

Дарья. Ведь меня Дарьей зовут...

Яблоков. А вот я стукну по твоей глупой голове, тогда поймешь, как тебя зовут! Поняла?

Дарья. Поняла, поняла, батюшка.

Яблоков. Накрывай стол. Да чтоб у меня самоваров этих не было.

Дарья. А как же гостья если с дороги захочет чаю?

Яблоков. Гостья ничего, кроме шампанского, не захочет.

Дарья уходит.

(Перед зеркалом.) Хорошая поддевка, отличная поддевка, совсем как на меня сшита.

Входит гармонист.

Тебе что?

Гармонист. Пришел я.

Яблоков. Музыкант?

Гармонист. Очень даже музыкант. Звали,— вот пришел.

Яблоков. Лезь на хоры, на органе будешь играть.

Гармонист. На органе нам неудобно.

Яблоков. Когда я скажу: «музыка», верти его за ручку, он сам заиграет.

Гармонист. Ладно. Только я рядился — когда играть, пиво чтобы пить, это обязательно. *(Ушел на хоры.)*

Яблоков. Батюшки, седьмой час. Домна! Эй, баба!

Дарья появляется.

Поезд опаздывает на три часа. Я бегу на вокзал. Как только услышишь свисток — наливай бокалы и жди. *(Указывает ей на голову.)* Это что у тебя?

Дарья. Повойник.

Яблоков. Чепчик, чепчик надень. Вернусь — голову оторву. *(Уходит.)*

Дарья. Чепчик? А где я возьму чепчик!..

Гармонист *(с хор)*. Свадьба, что ли, у вас предполагается?

Дарья. Какая там свадьба. Прибежал этот вот утром, барышне моей двести целковых сунул, и сам — на чердаки, по чуланам, тащит все, переставляет, гвозди колотит.

Гармонист. С чего же это он обрадовался?

Дарья. Барышня моя вот деньгам-то обрадовалась, парень. Из дому убежала и чаю не пила. Дом-то теперь больше не наш, ей-богу. И меня, милый человек, по-другому зовут. Кого теперь слушаться, кому служить?

Гармонист. А кто на тебя шибче закричит, тому и служи.

Дарья. Спасибо, милый человек, надоумил.

Гармонист. Тетка, протяни-ка мне вот ту бутылку, что подлиннее.

Дарья подает ему бутылку, в это время появляются Наташа и Бабин.

Гармонист скрывается за арку, что на хорах, Дарья, захватив тарелки, тоже уходит.

Наташа. Вас никогда нельзя застать дома. Я два раза забегала в лавку, была в конторе и у амбаров. Где вы пропадаете?

Бабин. Я маловато занимаюсь теперь делами, это верно.

Наташа. Где вы были? Садитесь.

Бабин. Утром в степь ездил на хутор, честное слово...

Н а т а ш а. Да мне-то все равно, где вы были и с кем...

Б а б и н. Наталья Владимировна, вы насчет вчерашнего поведения моего? Выслушайте меня. Не виноват перед вами ни в чем...

Н а т а ш а. Не виноват? *(Смеющимися глазами смотрит на него, он, уверяя, прикладывает руку к груди.)* А мне не нравится, когда мужчина ни в чем не виноват...

Б а б и н. Нет, что же, я все-таки...

Н а т а ш а. Может быть — очень виноват?

Б а б и н. Это вы про что?.. *(Взглядывает в ее смеющиеся глаза, опускает голову.)* Кругом виноват... Понимаю... Наталья Владимировна, так ведь отчего же это происходит?.. Я бы, кажется... Да нет... Говорить не умею.

Н а т а ш а. Не находите странным, что я искала вас все утро и привела сюда?

Б а б и н. Нахожу...

Н а т а ш а. Ах, вы находите... И, конечно, поняли, что я по вас необыкновенно соскучилась... Или, может быть, ревную к Анютке? Ну?

Б а б и н. Ненавидите вы меня, Наталья Владимировна...

Н а т а ш а. Не знаю,— пожалуй, угадали...

Б а б и н. Да... Угадать нетрудно...

Н а т а ш а *(резко)*. Позвала вас вот зачем... При вас папин вексель, сегодняшний? Дайте-ка...

Б а б и н *(поспешно доставая)*. Сию минуту. *(Подает.)*

Н а т а ш а *(вынимает деньги)*. Двести рублей. Получайте... *(Берет вексель и рвет.)* Давыд Давыдович, я мою жизнь устрою, как я захочу, а не как хотят другие... Запомните хорошенько...

Б а б и н. Покорно благодарю. *(Прячет деньги.)* Только вы напрасно беспокоитесь. Векселями вас принуждать не будем.... *(Вынимает векселя.)* Чтобы вам спать спокойно, не трудиться меня разыскивать... Порвем-с... *(Рвет векселя на мелкие куски, бросает на столик, уходит в сад.)*

Наташа. Что вы делаете?! Как вы посмели?! Какая глупость!..

Бабин *(в дверях)*. Не угодил,— простите...

Наташа. Ненавижу вас... Вы грубиян!..

Бабин. Да уж у меня теперь сердце с цепи сорвалось,— не осудите...

Уходит и в то же время из парадной двери появляется Хомутов.

Хомутов. Приехала.

Наташа. Смотрите — разорвал все, на мелкие кусочки! Грубый, невероятный, жестокий человек. Пускай сам теперь подбирает. Никакого великодушия... просто самодурство... *(Прикусила губу с досады.)*

Хомутов. Он очень тяжелый человек. Его нужно опасаться. Наташа, они задумали отнять у меня Машу.

Наташа. Я сама должна позвать. А до тех пор жди терпеливо. Я не кукла.

Хомутов. Она мало изменилась. Гляжу, стоит на площадке, платье в клеточку, поезд подходит, и вдруг — глаза наши встретились, я сейчас же спрятался в палисаднике. Через кусты видел, как она стояла на перроне с букетом, нюхала его и смеялась. Митя, почтмейстер, начальник станции и телеграфист держали бокалы и вдруг закричали «ура!» Я убежал.

Стук экипажа.

Наташа. Вот они, кажется, подъехали. Идите встречайте.

Хомутов. Нет, я не покажусь! Я не смею. Я должен услышать сначала ее голос, привыкнуть немного... Иначе сейчас же ей все открою, скажу — уезжай... Наташа, я вам объясню их план: Митя уговорил Давыда Давыдовича кутить с Машей.

Наташа. Вот как... Я этого не знала.

Хомутов. Наташа. вы никому не говорите. Я стану за этой дверкой и буду слушать. Митя думает, что я до вечера ушел в степь.

Голоса, шаги.

Пожалуйста, не выдавайте меня.

Поспешно уходит за маленькую дверцу, что под хорами. Пробегает Дарья. Появляется почтмейстер с букетом.

Почтмейстер. Встретили,— туалет, шляпа — умопомраченье. *(Кланяется входящим.)*

Входят Огнева и Яблоков.

Яблоков. Милости просим, Марья Петровна, не споткнитесь о порог.

Почтмейстер. Еще раз — ура!

Огнева. Дорогое, родимое гнездо. Как стильно!

Яблоков. Все до последнего гвоздя в стиле ампир.

Огнева *(кланяется Наташе)*. Здравствуйте.

Яблоков. Это племянница.

Огнева. Чья племянница?

Яблоков. Наша.

Огнева. Познакомимся, моя прелесть.

Наташа *(сухо)*. Здравствуйте.

Яблоков *(Наташе поспешно)*. Вот, Наташенька, к нам и хозяюшка пожаловала.

Наташа. Очень рада. *(Повернулась и ушла.)*

Огнева. Она дикарка?

Яблоков. Она у нас дурочка, заговаривается: несчастная любовь.

Дарья. Здравствуйте, матушка барыня.

Яблоков *(благодушно)*. Это Домнушка, нянька.

Огнева. И даже старая няня, ну что же это такое?

Яблоков. Домнушка, неси бокалы.

Домна уходит и приносит бокалы, на хорах появляется музыкант.

Огнева. Здравствуй, милый дом!

Яблоков. Пожалуйте за стол, Марья Петровна. С дороги проголодались. И мы, по правде сказать, до смерти голодны.

Садятся.

Почтмейстер. Желудок присоединяется к всеобщему торжеству.

Огнева. Никогда, никогда не забуду сегодняшней встречи. Я растрогалась до слез...

Яблоков. Все кричат — медвежий угол! А мы столице не уступим. Для нас искусство — все! Пожалуйста, ветчинки.

Огнева. В Баку, помню, меня тоже принимали. Молодежь хотела выпрячь лошадей, но местный богач Алексей Карпович отбил у них и умчал на автомобиле.

Яблоков. И у нас хотели выпрягать, да я побоялся — завезут куда-нибудь в канаву. Про Алексея Карповича не слыхал, но зато у нас местный миллионер Давыд Давыдович, наш приятель, покажет, черт возьми, как нужно чествовать артистов. Верно, почтмейстер?

Почтмейстер. Да, этот покажет! Надо бы за ним послать. *(Дарье.)* Сбегай за Бабиным.

Дарья. Он в саду. *(Уходит.)*

Яблоков *(поднимая бокал)*. Господа, в нашем болоте, в нашем, так сказать, хлеву появился яркий солнечный луч... Ну, нет у меня слов... Одно: от всего сердца,— с приездом! Музыка!

Почтмейстер. Ура!

Музыкант вертит ручку органа, который издает весьма странные звуки.

Огнева. Боже мой, даже музыка. Я не могу, я сейчас заплачу. Я не ждала, что меня знают в таком медвежьем углу, так горячо любят. Ваш город — игрушка, прелесть... Как никто до сих пор не догадался приехать сюда на гастроли. Мне хочется както особенно вас поблагодарить.

Почтмейстер. Мы и так всем довольны.

Яблоков. Пожалуйте — рыбы, и еще винца.

Огнева. Я опьянею.

Яблоков. Вот удивительно, как это я проголодался. Что, почтмейстер, это тебе, брат, не каша. Вот так балык!

Огнева. Кушайте, милые мои, кушайте. *(Встает, отходит от стола.)* Как здесь хорошо. Боже мой, совсем, как из «Горя от ума».

Почтмейстер. А вы слыхали рассказ — «Горе от ума наоборот»?

Яблоков. Молчи. Успеешь. *(Ест.)*

Огнева. Мы, бродячие артисты, только мечтаем об этих диванчиках, трогательных предках на стене; о цветных окошечках; наверно, в трубах здесь везде вороньи гнезда; смотрите, какие глупые колонки! Хочется прижаться к ней, закрыть глаза, и она расскажет прелестную задумчивую повесть: как построили этот дом и жизнь протекла здесь, точно в сказке, беспечно и немного грустно. И, быть может, у этой колонны, так же как я, стояла девушка в локонах, в изящном старинном платье и плакала, что все пройдет, все минет...

Яблоков. Вот Степан, то же самое, прижмется к шкафу какому-нибудь да как завоет.

Почтмейстер. А у нашего купца Штукатурова, знаете, вся обстановка в пароходном стиле «Самолет». Даже спасательные круги в столовой,— ей-богу, не вру...

Огнева *(возвращается к столу)*. Простите, что я вас покинула, кушайте, друзья мои. Мне стало грустно. Вспомнились разочарования. Быть может, я создана для тихой жизни в таком дому, а вышло по-иному.

Пауза.

(Дрожащим голосом.) Почему нет с нами Степана?

Почтмейстер *(кашлянул)*. Да, в самом деле,— куда он провалился?..

Яблоков. Надо же было ему как раз уехать в уезд по делам. Я телеграммы разослал во все концы. Двое верховых до сих пор скачут. К вечеру должен явиться. Страшный чудак, он еще сначала оденется с иголочки, во фрак, и только тогда придет здороваться.

Огнева. Степан?.. Я совсем забыла его лицо.

Почтмейстер. Рыжеватый.

Яблоков. А давненько вы с ним не видались.

Огнева. Пять лет. Мы встретились в Москве, там и повенчались. И прожили только год. Он выду-

мал меня ревновать, это было так глупо. У нас всегда были странные отношения.

Яблоков. Нет, отчего же, ничуть не странные.

Огнева. Оставьте, очень даже странные.

Молчание.

Почтмейстер. Этот купец Штукатуров напечатал объявление: «Вновь открыты семейные бани. Мой девиз в полном смысле — пар и кипяток». Ейбогу, не вру.

Молчание.

Огнева. Он очень некрасиво поступил со мной.

Яблоков. Марья Петровна, он слегка со странностями... На вид чудак, даже меланхолик, но добрейший человек...

Почтмейстер. Как-то недавно понес такую чепуху,— мы так и легли... Но, в общем, умнейший человек.

Огнева. Все равно, я ничем не заслужила такого отношения. Это очень, очень обидно. Вы его друзья, вы должны ему объяснить, что нельзя мучить женщину столько лет.

Яблоков. А сам-то он как мучается: сядет у окна и смотрит на какую-нибудь вывеску или на фонарный столб, да так весь день и просидит.

Огнева. Тогда зачем было расходиться — странно! Кажется, мог пригласить побывать у себя. Как будто так легко самой навязываться. Передайте ему, что я хочу его видеть. Я должна сообщить очень важную перемену в моей жизни. И прибавьте, я не навязываюсь, могу завтра же уехать.

Яблоков. И не подумаем, раньше трех дней не отпустим.

Из сада появляется Бабин.

Почтмейстер. Те же и он.

Огнева *(вскрикивает)*. Кто? Кто?

Почтмейстер. Рекомендую: местный оригинал, богач и сердцеед, Давыд Давыдович Бабин.

Огнева. Представьте, в первую минуту я подумала, что это Степан, так испугалась. Здравствуйте, я о вас уже наслышалась.

Бабин *(здоровается)*. Здравствуйте. Что у вас тут — шампанское?

Яблоков. Наливай, и за здоровье жрицы искусства!..

Бабин. За мужа меня приняли, мало похож. А Степан где?

Яблоков. Я же тебе толковал, что он по делам...

Бабин. Так. Понимаю.

Огнева. В последнем письме он писал, что настолько занят, даже нет времени приехать повидаться.

Яблоков. У него одних неразобранных дел в канцелярии тысяча папок. Вот даже урваться не может отремонтировать дом. Извольте поглядеть, штукатурка отвалилась, дранки видны.

Огнева *(живо)*. Разве это его дом?

Бабин. Гм.

Яблоков. А как же, в прошлом году купил за сорок две тысячи. А вдруг, говорит, жена приедет, нужно ее принять по-княжески.

Огнева. Значит — Степан богат?

Яблоков. Невероятно. Шесть тысяч десятин земли, спиртовой завод и две мельницы.

Огнева. Я ничего этого не знала. Богат?.. Свой дом... Почему же он никогда не присылал мне денег?

Почтмейстер. Действительно, почему же это он денег не присылал?

Бабин. Чудаки.

Яблоков. Да заложено все, Марья Петровна, сильно заложено, все заложено.

Почтмейстер. Разорен вдребезги.

Яблоков. Ну, как так разорен, чего ты болтаешь? Осталось, все-таки здорово осталось.

Огнева. Я ничего не пойму. Вы так меня взволновали. Все это мне знать гораздо важнее, чем вы думаете. Пожалуйста, друзья мои, сделайте, чтобы он пришел. Я чувствую, он где-то близко... Здесь какая-то тайна.

Яблоков. Ей-богу, честное слово, уехал,— я же сам положил в тележку жареных цыплят ему на дорогу.

Бабин. Митька, перестань! Наливай.

Яблоков. Действительно, господа, выпьем. Музыка!

Гармонист *(издав несколько звуков на органчике)*. Дмитрий Иванович, он скрипит, совершенно неспособно.

Яблоков. Играй, тебе говорят!

Гармонист. Играй, играй. *(Внезапно хватил на гармонике камаринского.)*

Яблоков *(вскочив)*. Не то, не то! Марш.

Огнева. Что это? Боже мой.

Яблоков. Маленький род оркестра. Степан раньше держал настоящих музыкантов. Спились. Эх, русский народ!

Бабин *(ударив по столу)*. Пить! Давайте пить!

Яблоков *(Бабину на ухо)*. Ради бога, легче, не наваливайся. *(Музыканту.)* Марш играй, тебе говорят!

Почтмейстер. Люблю бесшабашную жизнь. Напьюсь, ей-богу.

Бабин. Пейте все.

Огнева. Господа, я пью, я пью... за... за что?.. У меня кружится голова,— какие перемены, как все странно... Еще не знаю — нужно ли мне все это: муж, семья, положение в городе. Я люблю театр. Всю жизнь кочевала по гостиницам... С чужими людьми... В чаду... Ведь тем только и живешь, что скоро все забывается — уколы, обиды, слезы. Ведь вы не знаете, как умеют некоторые обижать. Нет, нет, я что-то не про то говорю. Мне странно, что сегодня начинается совсем иная жизнь, спокойная, уверенная... Я хозяйка этого дома? Чудно́... Или мне все еще жалко расстаться со свободой?..

Бабин. К черту бабью свободу. Помнить надо: коли любить, так любить до смерти. Вот и все.

Яблоков. Ты это к чему?

Бабин. К слову.

Огнева. Он медведь. Вы мне нравитесь. *(Бабину.)* Хотите дружить?

Бабин. Это как же дружить мы будем?

Огнева *(смеется)*. Господа, вы все такие милые. Примите меня в вашу семью.

Яблоков. Вы-то нас к себе примите,— без искусства мы, можно сказать, шерстью обросли.

Почтмейстер. Именно, запсели. Извиняюсь.

Бабин. Дружить так дружить. Почтмейстер, беги ко мне, вели заложить тройку. Ящик с шампанским в ноги. Едем!

Почтмейстер. Лечу... *(Уходит.)*

Огнева. Не знаю, ехать или не ехать?..

Бабин. В степь, на хутор. Цыган найдем. Всю ночь песни. Вот жизнь!

Огнева. Ну, пусть сегодня будет мой последний день. Сегодня в последний раз я — Маша Огнева. На тройке, в степь, как сумасшедшие. *(Другим тоном.)* Вы меня напоили. Я говорю глупости.

Бабин. Марья Петровна, вам тоже деться некуда. Давайте вместе, как бобыли, размотаем это вот постылое — от чего больно. Вы не бойтесь, если невзначай и обижу. У меня здесь все оторвалось. Денег много. *(Подходит с бокалом.)* Давайте брудершафт!..

Огнева. Нет, не хочу... Он меня не понял.

Яблоков *(Бабину)*. Послушай, Марья Петровна до смерти спать хочет, а ты нахальничаешь.

Огнева. Мне надоело — не успеешь приехать в город, сейчас же начинаются приставанья, тройки, рестораны. Вы все должны помнить, что я жена вашего друга. *(Берет бокал.)* А от всех шампанских у меня седые волосы появились. Я больше не хочу. *(Бросает бокал на пол.)* Нужно было сразу вам сказать. Я бросила сцену и приехала к мужу навсегда.

Яблоков *(в ужасе)*. Что вы говорите!.. Навсегда?!

Бабин *(смеется)*. Ай да Митя, ай да лысый... Попался, кто кусался!..

Яблоков. Нет, вы приехали на три дня. Дольше здесь оставаться нельзя.

Огнева. Почему?

Яблоков. Нельзя. Понимаете, невозможно!

Огнева. Понимаю: Степан до сих пор не может мне простить. Так объясните же ему,— я не виновата. Я даже ничего не помню, не знаю, как это случилось. Кажется, я вошла в уборную, там сидел какой-то знакомый. Ну, как-то случайно поехали ужинать. Вот и все. Господи, но ведь я актриса, я женщина... Могу же я быть виновата. Приведите его... Я хочу просить прощенья.

Яблоков Вы лучше, Марья Петровна, потом как-нибудь приедете.

Огнева. В чем дело? Слушайте... Я хочу его видеть.. Если он не явится, я прокляну. Я отомщу. Я руки на себя наложу...

Бабин. Наплевать на него. Едем на хутор. *(Хватает ее за руки.)* Оба несчастные. Ну и черт с нами! Гулять так гулять!

Огнева. Пустите меня, это ужасно!

Бабин. Некоторые меня хуже зверя считают. А я как вот лягушка растоптанная... Ах, Огнева... *(Целует ей руки.)*

Огнева. Как вам не стыдно... Пустите... Я не хочу...

Яблоков. Батюшки, ерунда пошла.

Огнева. Пустите же, вы нахал! *(Вырывает руки.)*

Хомутов выходит из двери, стоит, глядя на жену.

Огнева. Ты... Здесь...

Хомутов *(глухим, отчаянным голосом)*. Маша... *(Качается и вдруг падает на пол.)*

Яблоков. Это сейчас пройдет... Это у него от голода... Воды, воды дайте!..

Бабин. Умора! *(Хохочет.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Закат. Хомутов в кресле, подперев голову, смотрит на жену. Она у стола. Поодаль на диване Яблоков.

Огнева *(мужу)*. Быть может, вы ответите хотя бы на главные вопросы. Положение женщины, которая ничего ровно не понимает, более чем странное. Для чего вы прятались за дверью?

Хомутов. Я слушал... Я не мог...

Яблоков *(ворчит)*. Ничего он не делает как люди, все у него навыворот.

Огнева. Почему вы во фраке? Где вы служите?

Хомутов. Прости, это выше моих сил...

Яблоков. Да мировой судья он.

Огнева *(недоброжелательно)*. Что?

Яблоков. Должность почетная, занят по горло...

Огнева. Чей это дом?

Яблоков. Его. Заложен.

Огнева. Объясните, пожалуйста, что за личности ваши друзья?

Яблоков *(не громко)*. Так!

Хомутов. Митя мне друг. Но вот отношение мое к тебе он понимает поверхностно.

Огнева. У вас есть именье, завод, мельница?

Хомутов. Машенька, зачем тебе все это знать?

Огнева. Зачем мне интересоваться вашим материальным положением, хотите сказать... Я получаю, Степан Александрович, в театре полтораста рублей, на своих туалетах. И работаю, как водовозная кляча. Вот прошлой весной меня заставили привидение играть. И, когда проваливалась, так треснулась головой об люк, что этого люка вам никогда не забуду.

Хомутов поднимается.

Да станьте, пожалуйста, и стойте. С вокзала пешком с чемоданом по осенней грязи вы никогда не ходили? А рожать в гостинице вы пробовали? А знаете, сколько стоит пара панталон для офицерского фарса? Благодарю вас, вы очень были расточительны... Я не знала, куда деваться от вашей щедрости...

Хомутов. Я не мог... Ты поймешь когда-нибудь... Больше ничего не могу сказать...

Пауза.

Огнева. Вы писали мне двусмысленные письма... Я надеялась... Вы подлец...

Хомутов закрывает лицо руками.

Яблоков. Будет вам ссориться, господа.

Хомутов *(дрожащим голосом)*. Прости меня за проклятую, за несчастную любовь.

Огнева. Не ломайте рук. Не кривляйтесь. *(Решительно.)* Я хочу знать всю правду.

Хомутов. Всю правду? Митя?

Яблоков. Ты бы, Степа, прошелся по саду. Соберись с мыслями.

Хомутов. Маша, я прожил гнусную жизнь. Я малодушный, ничтожный человек. Но я хочу, понимаешь, чтобы конец этой муки был прекрасный, я хочу тебе дать хотя бы три дня счастья. Я понял это сегодня ночью. Ты, бездомная бедняжка, отдохни здесь несколько дней, проживи их тихо, светло. Ты актриса, ты можешь себе все представить. Не все ли равно, если нет у нас ничего, можно все это выдумать, только бы любить друг друга... Представь, что ты видишь сон...

Огнева *(с досадой и слезами)*. Как это все непонятно... Ничего не понимаю...

Яблоков усиленно старается показать Огневой, что у Степана голова не в порядке.

Хомутов. Ты уедешь и когда-нибудь, в тоске, в бедности, в горе, вдруг вспомнишь эти три дня, и вся жизнь твоя осветится...

Огнева. Но почему вы все время говорите про какие-то три дня? Я же вам ясно сказала, что бросила сцену навсегда? Вы заставляете меня самой навязываться... Черт знает что...

Хомутов. Счастье коротко, что три дня, что три года, что мгновение.

Огнева (*затыкая уши*). Говорите, прошу вас, по-человечески!

Хомутов. Митя, что нам делать? Придумай... Так же нельзя.

Яблоков (*сморкается*). Ну вас тут совсем!

Огнева. Что это за напыщенные разговоры. У меня кружится голова от них. И вы, и вы, и ваш этот почтмейстер, что за типы? Как червяки извиваетесь. Я ничего не хочу «представлять», я, слава богу, не на сцене. Этот дом мой, или я здесь чужая?

Хомутов (*пьет воду*). Да, да, ты права, конечно.

Огнева. Вы лжете или трусите? Я хочу знать правду! Слышите...

Входит Дарья, зажигает лампы.

Я не могу никуда ехать, никуда поступить, потому что продала все платья и костюмы, а деньги проиграла в вагоне. У меня осталось шесть рублей тридцать копеек. (*Достает из сумочки и показывает.*) Вот, если не верите.

Яблоков. Покажите-ка. Действительно.

Хомутов. Маша, только не падай духом. Говори, говори все до конца.

Огнева. Домнушка, подите сюда.

Дарья. Аюшки. Иду, иду, матушка.

Огнева. Вот шесть рублей тридцать копеек. Это вам на чай.

Яблоков. С ума сошла!

Дарья. Спасибо. Дай бог тебе здоровья, пожалела старуху.

Огнева. Поди и позови сюда барышню.

Яблоков. Зачем?

Огнева. Скажи, что я очень прошу, именно сейчас.

Дарья. Уж не знаю, как к барышне и подступиться... (*Уходит.*)

Огнева (*мужу*). Не бойтесь, мой друг. Мы с ней поговорим, как женщины. Иногда рубище и слезы бывают краше гордости. А у вас я ничего не прошу, ни жалости, ни любви. (*Идет к балкону.*)

Хомутов. Маша... Ты ужасно ошибаешься.

Огнева *(в дверях)*. Когда я смотрела в окно вагона на поля и телеграфные столбы и поезд приближался к этому городу — неожиданно и совсем глупо начало замирать сердце, как у девочки. Вот и все, этим все кончилось. Ночь, звезды, глупое сердце. Трудно представить, что в такую ночь нужно закутаться в платок и уйти одной... Куда?.. Зачем?.. *(Медленно уходит на балкон.)*

Пауза.

Яблоков. Нелепый ты человек... Даже врать не умеешь!

Хомутов. Митя, ты сам видишь... Так дальше нельзя... Непереносимо. Я должен рассказать Маше все, все...

Яблоков. Попробуй! Скажи. Она с отчаяния черт знает что натворит. Руки на себя наложит.

Хомутов. Ей нужно почувствовать, как я ее люблю. Я должен сделать что-то героическое.

Яблоков. Надо достать тысячу рублей. *(Грызет ногти.)*

Хомутов. Тебе бы только деньги, деньги. Маше нужна великая любовь, а не жалкая тысяча рублей...

Яблоков. Ты какой-то Дон-Кихот, просто дурак... Придумал! Достану у Давыда Давыдовича. Хочешь пари на полтинник?

Хомутов. У Давыда Давыдовича. *(С внезапным подъемом.)* Вот кого я должен уничтожить. Он не смел хватать Машу за руки! Я знаю — такие, как он, Машу оскорбляли всю жизнь! Для этих богачей для бессовестных она фарсы должна была играть! От таких рожала в гостинице... Я, я избавлю ее от этого унижения.

Яблоков. Замолчи ты, неврастеник...

Хомутов. Теперь я знаю, что мне делать.

Яблоков *(хватает его за руку, увлекает к столу, сажает на стул)*. Степан, Степа. Иди. Садись. Ешь, пей. *(Суетится.)*

Хомутов. Пусти, не хочу!

Яблоков. Ешь телятину. На сардинку. Пей. Это у тебя от голода.

Хомутов *(падает головой на стол)*. Митя, Митя, как я ужасно виноват...

Яблоков. Ничего — обойдется. Ты, главное, на меня положись. У меня предчувствие такое, что все обойдется. Уж слишком скверно. Хуже некуда, значит должно быть лучше.

Хомутов. Нет, убить его, убить... И самому умереть... Она поверит, тогда поверит...

Яблоков. Перестань. Выпей беленького.

Входит Наташа.

Наташа. Вы меня звали?

Яблоков. Наташенька, ведь я вам услужил?

Наташа. Ну?

Яблоков. Ангел мой, выручайте. Мы попали в отчаянное положение: Марья Петровна подозревает Степана и вас.

Наташа. В чем?

Яблоков. Фигли-мигли.

Наташа. Какая чепуха!..

Яблоков. В том-то и дело, что разуверить ее невозможно... Или — все раскрыть, но тогда она руки на себя наложит. И при всем том Степан настроен героически.

Наташа. Как странно, Дарья сказала, что Марья Петровна очень весело настроена,— будто бы даже собралась с Давыдом Давыдовичем на тройке.

Яблоков. Послала за вами, хочет говорить. На коленях умоляю — представьте нас в самом лучшем виде. Сейчас ее приведу. *(Спешит к балконной двери.)*

Наташа. Не понимаю, зачем нужен этот разговор.

Хомутов. Наташа, вы чистая и счастливая девушка, вы найдете слова убедить Машу, как я люблю и не смею, не могу ей этого сказать.

Наташа. Ну, нет, о любви не умею и не буду разговаривать... Любовь — мучительство какое-то... Фу!

Хомутов. Любви нужна жертва. А я провалялся пять лет на боку. Любовь приходит к сильным и мужественным только.

Входят Огнева и Яблоков.

Яблоков. Она с придурью, вы осторожнее.

Огнева *(стремительно подходит к Наташе, берет ее за руки.)* Наташа, я хотела с вами говорить. Мы обе женщины. Вы юная, милая, цветущая. Дай бог вам большого долгого счастья. Верьте мне — я люблю вас, как сестру. Пусть к вам не закрадется даже капелька сомнения. Я глупая, легкомысленная, не нужная никому баба. Кукушка без гнезда... *(Оборвала, прикрыла глаза ладонью.)*

Хомутов. Ужасно — мучиться и не уметь выразить...

Яблоков. Молчи. Терпи.

Наташа. О чем вы плачете? Перестаньте.

Огнева. Я ничего не прошу у вас. Но мне страшно уходить ночью одной в платочке...

Наташа. Уверяю вас — вы ошибаетесь. Никто вас отсюда не гонит, и вы ничего не понимаете.

Огнева. Нет, нет, нет... Я не могу больше лжи. Когда-нибудь вы поймете, как трудно мне сейчас просить у вас. Я с ума схожу от страха. Мне бы только до осени прожить... Потом спишусь с провинцией и уеду.

Наташа *(почти с гневом)*. Поймите же, так нельзя! *(Бросилась в кресло, закрылась руками, даже ножкой топнула.)* Как вы смеете так унижаться! Боже мой, не смеете!.. Не смеете!

Огнева *(растерянно)*. Я же не собираюсь ревновать... Я только прошу сдать мне комнату наверху, до осени, с пансионом... Я заплачу когда-нибудь...

Наташа *(с гневом Хомутову)*. Вы ничтожный, отвратительный человек! Убирайтесь отсюда... *(Яблокову.)* Все это вы придумали! Глупо. Жестоко. *(Огневой.)* Они вас обманывают, вы ничего не видите. Все это омерзительный маскарад... Ваш муж нищий. А это мой дом, а не их... Поняли наконец?

Яблоков. Эх, бабы!

Огнева. Что вы сказали?.. Нищий?

Яблоков. Да шутит. *(Махнув рукой, отошел к дверям.)*

Огнева *(мужу)*. Отвечайте...

Хомутов. Все это правда...

Огнева. Что все? А этот дом?

Хомутов. Ничего у меня нет. Нигде не служу. Нищий.

Яблоков. Фу! Ерунда какая! *(Ушел в сад.)*

Огнева. Это, конечно, опять шутка? Да?

Хомутов. Мы, Маша, хотели хоть на три дня увести тебя из этой жалкой, нищей жизни... Мы обманули, но мы хотели роскошного обмана... Не вышло...

Огнева. Что же мне теперь делать?.. Я надеялась, я думала, у меня дом, когда станет не под силу, поеду к мужу отдыхать, забывать все кошмары... Но это слишком ужасно... А ваш фрак?.. Маскарад? Издевательство? Почему вы молчите?.. Мне страшно! Ах, значит, вот как вы мне отомстили за прошлое? А вам известно, в какие я положения попадала?

Хомутов. Не понимает, не понимает...

Огнева. Вы отомстили мелко и подло...

Хомутов. Маша, не мщу... Люблю...

Огнева. Любит... Влюблен! *(Зло смеется.)* А хотите, покажу карточки моих поклонников?.. У меня наверху целый чемодан. Купцы, военные, студенты...

Наташа *(поспешно встала, пошла к дверям)*. Я буду неподалеку. Когда вы кончите, приду... *(Ушла.)*

Огнева. Я еще не то могу порассказать... Все разбегутся... Я вашей честью очень мало дорожила... Я и здесь поклонника себе заведу, будьте покойны...

Хомутов. Маша, ты лжешь на себя.

Огнева. Я ненавижу вас... Боже мой, никого, никого, никого... *(Садится.)*

Хомутов. У нас есть комнатка, у почтмейстера. Ты могла бы там пожить...

Пауза.

Огнева. В Баку у меня был поклонник — грек. Отвратительный, черномазый.

Пауза.

Хомутов. Тебя люблю только я один, больше никто.

Огнева. Благодарю вас...

Хомутов. Люблю я, и больше никто.

Огнева (*жалобно*). В жизни не была занята в более пошлом фарсе...

Входит Бабин.

Бабин. Лошади готовы. (*Всмотревшись.*) Сейчас поедем?.. Али отложим... Как хотите...

Огнева. Давыд Давыдович.

Бабин. Что прикажете?

Огнева. Увезите меня..

Хомутов (*подходя к Бабину*). Вон!..

Бабин. Что?

Хомутов. Вон отсюда. Не смеешь с ней разговаривать.

Бабин. Не трогай меня сейчас, Степан Александрович.

Хомутов. Ты мой враг... Я тебя убью...

Огнева (*мужу*). Что это за мука! Убирайтесь! Чтобы я вас не видела больше.

Хомутов (*глядя ей в глаза*). Я уйду. Но я вернусь, Маша. Я тебе докажу. (*Уходит.*)

Бабин. Не долго с ним полюбезничали.

Огнева. Представьте — нищий! И разыгрывал пошлейший фарс. Отомстил! Но я их вывела на свежую воду.

Бабин. Хорошо теперь цыган послушать! Степных, кочевых. Они понимают тоску настоящую. (*Пьет вино.*) За тоску, Марья Петровна.

Огнева. Послушайте, вы, должно быть, чуткий, отзывчивый человек.

Бабин. Мужик в высшей степени несуразный.

Огнева. Не скромничайте. Вы любите искусство?

Бабин. Стихи читаю. Да, стихи люблю. Пушкина подарила мне прошлой весной Наталья... А к чему вам это знать?

Огнева. По-моему, вы должны любить театр. В вас есть что-то артистическое. Я хотела посоветоваться. У меня большое горе. На железной дороге пропал мой сундук со всеми туалетами, и там же лежали деньги. Я в ужасном положении! В чем я буду

играть? Ах, я не могу дня прожить без театра! Сцена моя жизнь. Запах кулис, огни, гул зрительного зала, аплодисменты, цветы... Я всего этого теперь лишена. *(Поднесла платок к глазам.)* Завтра же я бы уехала из вашего медвежьего угла. Давыд Давыдович, хотите быть моим антрепренером?

Бабин. Нет, мне сейчас не до смеху, Марья Петровна.

Огнева. Ах, русские всегда удивительно неподвижны! В Баку один грек антрепренер предлагал мне двести рублей за выход. Я отказалась. Как хотите, конечно. Тогда мы так сделаем. Давыд Давыдович, я вам выдам вексель, а вы мне дадите тысячу рублей...

Бабин. Опять вексель? Не-ет. Мне так не нравится.

Огнева. Что вам не нравится?

Бабин. Егозливо разговариваете.

Огнева. Егозливо?

Бабин. Вот как по моему характеру нужно сейчас: либо в воду головой, либо такой разгул, чтобы себя забыть.

Незаметно появляется Наташа.

Тоска у меня такая черная, такая окаянная! Провались все на этом месте! Сначала было подумал, мы с вами товарищи... Эх... Прощайте.

Огнева *(схватила его за руку)*. Нет, не уходите.

Бабин. Пустите рукав.

Огнева *(тихо)*. Возьмите меня, ну хоть в конторщицы. *(Тихо.)* Делайте что хотите.

Пауза, он смотрит на нее.

Бабин. Но ведь это значит... дальше идти некуда!

Огнева. Да, некуда.

Бабин *(внезапно увидал Наташу, неподвижно стоящую в дверях)*. Сейчас принесу деньги, подождите, Марья Петровна.

Ушел. Огнева медленно оборачивается и тоже видит Наташу.

Огнева. Вечные беспорядки у нас на железных дорогах. Ужасно неудобно! Приходится прибегать к любезности...

Наташа (*стремительно подходит к ней, обнимает*). Молчите!

Огнева громко заплакала.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Раннее утро. Сад. Налево балкон. Направо скамейка. Яблоков и почтмейстер сидят и курят. По мере действия встает солнце, расходится туман, запевают птицы, начинает куковать кукушка.

Почтмейстер. Что касается меня, то я начну ухаживать за Анюткой. У нее скверный характер, но в высшей степени чувственный.

Яблоков. Пошляк.

Почтмейстер. Пошлого в моей жизни одно,— только то, что я почтмейстер. Во всем же остальном — натура незаурядная.

Яблоков. Солнце встало. Кукушка кричит. Вот тебе и попраздновали. И все из-за того, что не могут они попросту: ешь, пей, веселись. Непременно им нужно выяснять отношения. Будто бы не все равно, правду я говорю или вру. В жизни все относительно. Все правда, и все неправда.

Почтмейстер. Самое главное в жизни — половой вопрос.

Яблоков. Летели бы сейчас на тройках в степи. Под козлами ящик с шампанским. Лица счастливые. Впереди перспективы. Эх! Все кричат — Яблоков врет, Яблоков выдумывает. Извините, Яблоков прежде всего философ. Что нам хочется выдумать, то и есть на самом деле. Я представлю, например, что у меня в кармане тысяча рублей, и у меня подъем духа. Говорят: существует Америка, а ты ее видел? Я тоже

не видал, а знаю, потому что мне хочется, чтобы была эта самая Америка.

Почтмейстер. Эта философия называется буддизм. А жизнь есть проклятая несправедливость. Например: мне бы надо было служить офицером... И фамилия моя была бы — граф Олсуфьев... Пойдем спать.

Яблоков. Хорошо бы водочки сейчас под яишницу.

Быстро входит Хомутов.

Хомутов *(показывает на дом)*. Он там?

Яблоков. Ты куда?

Хомутов. Он там, я спрашиваю? *(Заглядывает в балконную дверь.)* Где Давыд Давыдович?

Яблоков. Я почем знаю.

Хомутов. Скрывается! Вы его прячете!

Яблоков. Что у тебя за вид, скажи, пожалуйста?

Хомутов. Хорошо. Я буду его ждать здесь.

Почтмейстер. Давыд Давыдович домой пошел, ей-богу не вру.

Хомутов. Он пошел спать? Прекрасно. *(Быстро уходит направо.)*

Яблоков. Степан, постой... Куда?

Хомутов скрывается.

Почтмейстер, видел — какие у него глаза? Идем за ним.

Почтмейстер. Нет, извините. Достаточно развлечений.

Яблоков. Трус, вот ты кто. Беги по крайней мере к воротам, если Давыд Давыдович с той стороны вернется — предупреди, чтобы со Степаном ни в каком случае не встречался. Вот еще беды не бывало... *(Спешит вслед Хомутову.)*

Почтмейстер. Извиняюсь, у меня и без того психология испорчена. *(Закуривает.)* «Папиросочка, мой друг, ты меня пленяешь, мечты навеваешь, люблю тебя всей душой, страстно всей душой...»

Идет налево, мимо балкона, на котором появляются Наташа и Огнева, зябко закутанная в платок.

Н а т а ш а. Вы что тут ходите?

П о ч т м е й с т е р. Приходил сообщить насчет тройки, но так как развлечения неожиданно прекратились — иду к себе почивать. *(Огневой.)* Благодарю за приятно проведенное время. Всегда готов к услугам — почтмейстер Шавердов. Счастливых снов. *(Уходит.)*

Н а т а ш а. Светло.

О г н е в а. Как вы думаете, Давыд Давыдович принесет денег?

Н а т а ш а. Не знаю... Пойдемте купаться...

О г н е в а. Сыро.

Н а т а ш а. Принесет... не волнуйтесь...

О г н е в а. Вы уверены?.. Все сейчас на волоске. И так всю жизнь... Принесет? Он обаятельный человек, я сразу поняла... Я верну ему долг до рождества, гораздо раньше, чем до рождества... У таких, на первый взгляд грубых,— я знаю,— отзывчивое, бесконечно нежное сердце...

Н а т а ш а. Вы находите — у него нежное сердце?

О г н е в а. Я сразу почувствовала: это редкий, удивительный тип,— герой любовник. Поверьте моей опытности — такие люди любят страстно, один раз на всю жизнь.

Н а т а ш а *(неожиданно завертелась)*. Так вы в этом уверены? Знаете — мне часто снится сон, будто я лечу высоко, до самых облаков. Мне легко, прохладно, кружится голова, и сердце часто, часто бьется. И чувствую — я лечу оттого, что это любовь.

О г н е в а. Милочка, какая вы еще девочка. Ах, лишь бы чувствовать, что на земле, среди множества, множества людей есть родной человек... Он простит и пожалеет.

Н а т а ш а. Ну нет,— никакой жалости.

О г н е в а *(прислонясь головой к балюстраде)*. Когда увидишь, что земля велика, людей на ней много, настрадаешься, прольешь немало слез — тогда станет ясно, что жить нам всем очень недолго и не с чего быть заносчивой. Любовь — как нам она нужна! Вот тот же Давыд Давыдович — сильный и молодой, а я чувствую — у него какое-то страшное горе, точно он каждую минуту на шаг от гибели.

Н а т а ш а. Какое же у него может быть горе?

О г н е в а. Давеча он так мне сжал руки, так уверял, что мы поймем друг друга,— я поняла: он любит, мучается — безнадежно.

Н а т а ш а *(резко)*. Откуда это вы решили: безнадежно?..

О г н е в а. В глазах его прочла отчаяние. *(Почти театрально.)* Над жизнью занесен кинжал...

Н а т а ш а. Решили, конечно, что в вас влюбился?..

О г н е в а. В меня?

Пауза.

Деточка моя, я уж давно так не решаю... Давно ни на что не надеюсь... Участие, нежность — даже и во сне не снятся... Хотя при незнакомых мужчинах все еще притворяюсь. Ах, как я устала, как устала...

Н а т а ш а. И не жалко, и никогда не пойму этих настроений... Денег нет — вздор: будут... Одиночество — тоже вздор,— у вас муж...

О г н е в а. Муж... Какой-то одержимый... Он алкоголик, по-моему... Непонятный... Боюсь его... Если бы не вы, душечка, я бы не пережила этого дикого кошмара: надругаться над женщиной, попавшей в отчаянное положение... Нет, нет... Принесут денег, вечером — в поезд, и — забыть и спать... Проснуться далеко, далеко,— в окне мелькают телеграфные столбы... Степи, жаворонки — и слезы... Где-нибудь — счастье, хоть на мгновение...

Н а т а ш а. Фу... Какая духота... Вы купаться пойдете или нет? *(Отошла, оглянулась.)* Чего вам нужно? Чтобы жалели... Так если кто по-настоящему жалеет и любит вас до отчаяния, так это Степан Александрович... *(Ушла.)*

О г н е в а. Что вы сказали? Наташа... *(Спешит за ней.)* Подождите, Наташа... Я не расслышала... *(Уходит.)*

На балконе появляется Д а р ь я. Зевает громко.

Д а р ь я. Зеваю и зеваю — должно быть, к дождю. *(Кричит в сад.)* Барышня! Ставить самовар-то?

Г о л о с Н а т а ш и. Да, ставь.

Дарья. И спать не ложились. Вот делать-то людям нечего...

Появляются Бабин и Яблоков.

Бабин. Отстань, отстань от меня...

Яблоков. За что ты меня толкнул? Я тебя спасаю, а ты дерешься. Бешеный мужик.

Бабин. Я еще тебя наизнанку выверну. *(Дарье.)* Баба, где Марья Петровна?

Яблоков. Поди скажи ей,— деньги, мол, принесли.

Дарья. Деньги? Сейчас сбегаю. *(Уходит.)*

Яблоков. Я тебе толкую — у Степана револьвер Смит и Вессон.

Бабин. А мне какое дело?

Яблоков. Ведь он же тебя убьет.

Бабин. Ну и пускай убивает. Наплевать. А вот ты почуял деньги — и лезешь ко мне и крутишься, как дьявол.

Яблоков. Начихал я на твои деньги.

Бабин. А хочешь — дам тысячу рублей? Поехал бы ты в Москву, купил новую шляпу, закатился в ресторан, портсигар бы завел серебряный. Ну, стань на лапы...

Яблоков. Какая ты все-таки свинья! Слушай, здесь тебе, ей-богу, опасно оставаться. Вот, кажется, кто-то идет. Ты деньги дай мне, а я их передам Марье Петровне. А сам уходи... Давай!..

Бабин *(показывает)*. Вот они. И бумажник новенький.

Яблоков. Нет... А как же Марья Петровна? Слушай... Вот что... Я не милостыню прошу. Как только в железку выиграю — отдам.

Бабин *(бросает бумажник на землю)*. Подними.

Яблоков *(оглядывается — не видит ли кто)*. Ну, если подниму?

Бабин. Твои!

Яблоков наклоняется, Бабин придерживает бумажник ногой.

Яблоков. А ты не держи ногой.

Бабин. Поцелуй сапог — отпущу.

Яблоков. Давыд, зачем ты меня обижаешь?.. Ведь у меня немного, но осталось все-таки гордости... Конечно — поцелую.

Бабин. Злейший ты мой враг, Митька. Хуже чем обидел меня — уничтожил. Проходимец! Была бы охота — я бы тебя растоптал. Не хватайся за ногу, поди прочь... *(Толкает его.)*

Яблоков *(кричит)*. Ну, топчи, топчи, топчи!..

Входит Хомутов.

Хомутов *(Бабину.)* Встань!

Яблоков *(вскрикивает)*. Степа!.. Ради бога...

Бабин. Нет. Я посижу.

Хомутов. Знаешь, для чего тебя ищу?

Бабин. Знаю. Вон он у тебя торчит из кармана.

Яблоков. Господа. честное слово, не надо.

Хомутов. Я должен тебя убить...

Бабин. Ну, убивай.

Яблоков. Господа, господа, постойте...

Хомутов. Ты оскорбил мою жену. Ты всем сделал зло. Ты и сейчас издеваешься.

Яблоков. Степа...

Бабин *(Хомутову)*. Не лопочи. Боишься, что ли? Зачем пришел, то и делай.

Сзади за дверьми незаметно появляются Наташа и Огнева.

Хомутов. Машиной руки нельзя коснуться безнаказанно, ты понял? Грязной мысли не должно быть о моей Маше...

Яблоков. Степан, я вас помирю. Давыд Давыдович принес Марье Петровне деньги, тысячу рублей... *(Показывает бумажник.)*

Хомутов *(Бабину)*. Ты еще и деньги предлагаешь моей жене!.. Подлец!

Бабин. Предлагаю...

Хомутов. Стой... *(Вынимает из кармана револьвер.)*

Бабин. Подожди... Подожди... *(Вздохнул.)* Стреляй.

В это время Огнева закричала, а Наташа бросилась к Хомутову. Раздался выстрел. Бабин покачнулся... отер со лба пот.

Хомутов *(закрывая лицо)*. Ах!.. Кончено!

Наташа. Отдайте сию минуту!.. *(Отнимает у Хомутова револьвер.)*

Яблоков. Мимо! Ура!

Бабин *(Хомутову)*. Все, что ли?

Яблоков. Все, все, больше ничего не будет. Уходи...

Бабин идет к дверям.

Наташа *(догоняет его)*. Не ранены?

Бабин. Да нет...

Наташа. Слушайте, вы ничего, совершенно ничего не поняли.

Бабин. Это верно... У меня, Наталья Владимировна, все па́морки отшибло.

Наташа. Па́морки... Идите сюда...

Они уходят в сад.

Огнева *(Хомутову)*. Этот выстрел не бутафорский? Нет? Зачем вы стреляли, зачем?

Хомутов. Промахнулся... И тут не смог...

Яблоков. Умнее ничего не придумал... Эх ты, Кутузов. *(Скрывается, пряча бумажник.)*

Огнева. Для чего ты это сделал? Объясни мне, Степан!

Хомутов. Я люблю тебя.

Огнева. Ты это сделал из-за меня?.. Неужели — для меня?.. Только из-за того, что меня обидели?.. Ты хотел убить?.. Пожалел?

Хомутов. Я всякого убью, кто посмеет тебя обидеть... Всех обидчиков... Перестреляю...

Огнева. Ты не смеешься!.. *(Заглядывает в глаза.)* Нет, сейчас ты не можешь смеяться... Степан, да знаешь ли, что ты для меня сделал! *(Схватив его за руки, повышенно.)* Ты вернул мне жизнь!..

Хомутов. Я падший человек. Да. Но я поднимусь. Да... Я должен жить для тебя. Да. Так жить, чтобы ни одной слезинки твоей не упало.

Огнева *(увлекая его на скамью)*. Говори, говори.. Ты не понимаешь — какой в тебе погибает талант... Говори обо мне... О любви...

Хомутов. Маша, ты самая изумительная женщина в мире.

Огнева. Этого мне никто не говорил. Ты, первый, понял меня. Девушкой я была мечтательная. Чудилась слава, любовь... Ведь это можно вернуть?.. Еще не поздно? Степан, мне хочется, чтобы ты хорошенько понял: я была невинной, чистенькой... Тяжелые годы минули, все — сон, правда? Для тебя — я изумительная. Мы будем жить... Степан, ты пойдешь на сцену. Я сделаю из тебя гениального актера. Провинция... Ростов-на-Дону... Баку... Тифлис... Три сезона... Потом гастроли. Потом — подписываем в Москву. О, как мы будем играть! Ты выше Мамонта Дальского...

Хомутов. Маша, за что мне это? Повернись... Взгляни... Ты ангел...

Огнева. Мне хочется плакать от счастья. Постой... Кукушка... *(Считает.)* Раз... Два... Три...

Дарья *(вносит самовар, ставит на стол)*. Самовар подала... Барышня, чай весь вышел, в лавку надо сбегать... Барышня-а!

Наташа *(появляется из сада, волосы слегка в беспорядке, щеки красные)*. Что, чай?

За ней появляется Бабин, радостно насуплен, морщит нос.

Дарья. Чаю нету...

Наташа. А! Ну, все равно... Давыд Давыдович, хотите чаю?

Бабин. Чего?

Дарья. Барышня, да вы не в своем уме...

Наташа. Убирайся, поди принеси варенья...

Бабин. Я сбегаю... Наташа...

Наташа *(глядя на него, морщась от смеха)*. Я сбегаю... Па́морки... *(Звонко захохотала.)*

Бабин поднял брови, ахнул, захохотал.

Огнева. Наташа, мне кукушка накуковала пять лет.

Наташа. Так мало? Нам больше...

Хомутов. Давыд Давыдович, прости.

Бабин. Какое прости... Вали в меня хоть из пушки, сто раз!

Огнева. Ах, я бы хотела обнять все небо...

Хомутов. Маша, с чего мы начнем?

Огнева. Сегодня же начнем проходить Отелло.

Яблоков *(входит с бумажником в руке)*. Так... Самовар... Помирились... Во всех случаях жизни нужно поставить самовар, тогда все станет понятно.

На него никто не обращает внимания.

Марья Петровна... Давыд Давыдович... Я вот тут во время суматохи захватил бумажник... Все-таки я не подлец... Сто рублей я удержал на законном основании, как свой гонорар... Именно... Сутки не спавши, за сто рублей,— вы найдите другого — с вами возиться... Да еще и били в ту же цену...

Ему никто не возражает.

Ну, остальные — девятьсот — возвращаю. *(Кладет бумажник на стол.)* Пересчитайте... И вообще никакой благодарности и ничего такого не надо...

Почтмейстер *(внезапно появляясь)*. Господа, получена невероятная телеграмма...

Все. Что? Что такое?

Почтмейстер. Вот: «М. П. Огневой. Иркутск».

Яблоков. Да врет он, ходит и врет.

Почтмейстер. На этот раз... *(Помуслил палец, показал.)* Обсоси гвоздок... Не вру — читай сам...

Огнева *(читает)*. «Иркутск. Предлагаем сезон. Двести пятьдесят. Два бенефиса»... Друзья мои, два бенефиса!..

Занавес

КАСАТКА

Комедия
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анатолий Петрович (князь Бельский).

Варвара Ивановна Долгова — его тетка.

Илья Ильич Быков — ее воспитанник.

Раиса Глебовна — невеста Быкова.

Маша, Марья Семеновна Косарева — Касатка.

Абрам Алексеевич Желтухин.

Анна Аполлосовна — двоюродная тетка князя.

Вера — ее дочь.

Стивинский.

Уранов.

Дуняша — горничная.

Панкрат — матрос.

Первое действие в Петрограде; остальные — в имении Долговой и на Волге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в гостинице. У карточного стола сидит князь. Уранов и Стивинский стоят на уходе. Напротив на диване сидит Маша и, подперев подбородок, смотрит на игроков. В комнате накурено, беспорядок, пустые бутылки, остатки еды.

Уранов. Говорю вам, хочу спать. Надоело.

Стивинский. Действительно — шестой час. Хорош я буду завтра. Нет, как я буду завтра петь?

Князь. Детское время. Я прикажу подать еще бутылку шампанского. В конце концов ужасно глупо — я совершенно проигрался. Для моего спокойствия хотя бы сядьте, и я промечу последний банк.

Уранов. На орехи, что ли, будем играть. Эх, князь, ложитесь-ка спать лучше.

Стивинский. У меня трещит лоб, трещит затылок, голова как пепельница с окурками. А голос — вы послушайте... *(Берет ноту.)* Это соль? Петушиный вопль. Я погиб!

Князь. Прекрасный голос. Дивное соль. Запишем на мелок, я отдам. *(Благородно.)* Честное слово. Я вас прошу наконец... Маша, скажи им, чтобы они это... ну, как это... Я не могу заснуть, если не промечу.

Маша. И не спи, никто не заплачет.

Уранов. Денежки, денежки надо показать, тогда о чем угодно просить можно. Так уж на свете устроено.

Князь. Ужасно неприятно.

Уранов. Эх, князек... Сегодня я у вас выиграл, а вчера меня на бирже взяли за рога. Едва жив ушел. Все мы, как говорится, сегодня князь, а завтра мразь.

Стивинский. Ну, я пошел. *(Маше.)* Касатка, красота моя, прощайте, богиня. Хотел бы я как-нибудь прийти, помузицировать, вспомнить старые времена.

Маша. Подождите. *(Идет к столу.)* Алексей Иванович, ну? *(Снимает с пальца кольцо.)* Сколько стоит?

Уранов подходит.

Уранов. Вещица!

Стивинский. Шикарная штучка. Какая вода!

Маша. Сколько даешь, я спрашиваю?

Князь. Моя милая, это последний ресурс.

Уранов. Тысячу рублей дам, ей-богу, только что это вы.

Маша. Тысячу за это кольцо? Все равно садись, мечи.

Уранов. Идет. *(Садится, берет карты.)*

Все стоят около.

Маша. Король треф.

Уранов. Идет. *(Начинает класть карты направо и налево.)*

Князь. Подумать, что какой-то король треф сейчас распоряжается нашей судьбой.

Стивинский. Вы любитель сильных ощущений, князь?

Князь. О нет, я склонен к меланхолической и чистой жизни. Но, к сожалению, мне ничего больше не остается, как испытывать сильные ощущения.

Маша *(Уранову)*. Сдавайте расторопнее.

Уранов. Сдаю, как умею.

Стивинский. У него слишком толстые пальцы.

Князь. Такое чувство, что эти пальцы шевелятся у меня в мозгу.

Стивинский. Остались четыре карты.

Князь. Вот случай!

Уранов. В банке тысяча?

Маша. Да, ва-банк!

Уранов. Король треф бит.

Маша. Бит! *(Князю.)* Король бит. *(Уранову.)* Иду на все. Десятка пик.

Князь. Маша!

Уранов. Идет. В банке две тысячи. *(Мечет направо, налево.)*

Стивинский *(Уранову)*. Ты, брат, паук, биржевик. А жаль кольца.

Уранов. Бита.

Маша. Бита!

Стивинский. Бита!

Князь. Не везет.

Маша. В банке четыре тысячи... На все, хотите?

Уранов. Ой ли?

Князь *(Маше)*. Ты сошла с ума!

Маша. Пусти ты меня. *(Уранову.)* Мечи.

Князь. Моя милая, в конце концов мне придется платить своей шкурой.

Маша. Много дадут за твою шкуру. Своей расплачусь.

Уранов. Идет, идет. Шкурка дорогая.

Князь. Черт знает какая нелепость!

Маша. Девятка червей.

Стивинский. Резня!

Князь *(Стивинскому)*. В такие минуты я чувствую себя ужасно одиноким. Никогда не нужно отыгрываться. Это закон. Мы попали в роковую полосу. Два раза я выплывал, но на этот раз...

Уранов. Бита! *(Встает.)* Игра кончена. *(Надевает на палец кольцо.)* За вами семь тысчонок. Когда прикажете получить?

Маша. Я не знаю... На днях... Когда-нибудь... Я отдам...

Стивинский. Расскажи — никто не поверит.

Уранов. А из чего платить будете? Милая дамочка, жалко, жалко мне вас. Марья Семеновна, на два слова.

Маша. Да... вы о чем?

Уранов. Пожалуйте в коридор или лучше всего ко мне в комнату. Сейчас и порешим, чтобы потом не было оглядки.

Маша *(слабо)*. Я не хочу.

Стивинский *(у стола проверяет карты.)* Все верно. Удивительный случай.

Маша *(Уранову)*. Не могу. *(Со слезами.)* Отстань!.. *(Князю.)* Что же ты молчишь?

Князь *(Уранову)*. Вы, кажется, намерены простить мне долг? Ни за что! Карточный долг — долг чести. Я не плачу моему портному потому, что такого рода долги наказуемы государством. В душе я анархист, как это ни странно. Когда я еду занимать деньги, то даю себе честное слово не платить. Этим я протестую. Но долги за зеленым столом не подлежат охране закона, поэтому я их плачу. Этим я тоже протестую.

Уранов. Когда прикажете получить?

Князь. На днях.

Уранов *(вынимает вексель)*. Векселек нетрудно будет подписать?

Князь. О, сколько угодно. *(Садится, подписывает.)*

Стивинский *(Маше)*. Что он вам предлагал?

Маша. Ну, ясно что...

Стивинский. Мужик!

Уранов *(прячет вексель)*. Вот так-то будет вернее. Я подожду. Ну, князь, не сердитесь, играли по чести. Прощайте, Марья Семеновна, ручку.

Князь. Убирайтесь вон!

Уранов. Благодарю за угощение. *(Ушел.)*

Стивинский. Ну, князь, лапу.

Князь. Что я хотел сказать, Стивинский?.. Да, кстати... у вас не найдется до четверга?

Стивинский. Сам по трешницам стреляю.

Князь. Впрочем, я так... *(Провожает Стивинского до дверей. Возвращается. Приподнимает штору и замирает у окна.)* Игра кончена.

Рассвет.

Маша. Один ты во всем виноват. Ах, дура я, дура... Год целый таскаюсь за ним, как мещанка. Какие предложения отклоняю. Отказываюсь от каких денег. До чего ты мне противен.

Князь. На улице совсем светло и много народу. Идут по делам. Озабоченные. У всех есть хоть сколько-нибудь денег. У каждого дом и семья.

Маша *(сидя у пианино, положив подбородок на спинку стула)*. Побить тебя хочется.

Князь. Этого ты сделать не посмеешь.

Маша. Как еще посмею.

Князь. В редких случаях я еще могу применить к тебе физическую силу. Но я для тебя неприкосновенен, абсолютно.

Маша. Скука.

Князь. Впереди целый пустой день. Моя кровь насыщена табаком и винными парами. Плохо, когда нельзя заснуть.

Маша. Вечером отравлюсь.

Входит Абрам Желтухин, сильно заспанный и в помятой одежде.

Желтухин. Французский.

Маша. Что?

Желтухин. Францюсский.

Князь *(не оборачиваясь от окна)*. Что ты говоришь, Абрам?

Желтухин. Францюсский жанр. Говорю, в комнате — францюсский жанр. *(Потягивается.)* Хорошо. А я всхрапнул часика четыре. Пить, а? Промочить есть чем, Касатка?

Князь. Вон каменщики мостят улицу. Идет чухонка, несет молоко.

Желтухин *(Маше)*. Что с ним?

Маша. Проигрались.

Желтухин. Как, дотла?

Маша кивает.

Я в коридоре на Уранова наскочил, он тоже говорит — фю-ю!

Князь. На этот раз мы погибли.

Маша *(несколько повышенно)*. Роковой конец.

Пауза

Желтухин. Что же, спать будем или разговаривать? Спать, по-моему, неудобно как-то сейчас. А?

Князь. В гостинице долг очень велик. По ресторанам тоже должны везде, кроме третьего разряда. Если переехать из этой гостиницы в другую, меня сейчас же арестуют.

Желтухин. Да, здесь хорошая гостиница, отличная гостиница. Персидский бест. Все жулики здесь живут, шулера, спекулянты.

Князь. Ты не забудь,— на моих плечах женщина.

Желтухин. Что, Касатка, видно, покровителя надо искать?

Маша. Не могу. Ненавижу мужчин. *(Показывает на горло.)* Вот у меня где клубок сидит.

Князь. Этот шаг Марья Семеновна не повторит. Касатка стала порядочной женщиной. Я ее поднял. Если когда-нибудь мои дела поправятся, я на ней женюсь.

Желтухин. Женишься!.. Ну, прямо золотые слова... Ты слышишь, Маша, он сказал, что женится, и я свидетель.

Маша *(князю)*. Что-то уж очень ты уверен. Смотри, как бы я сама тебя на улицу не выбросила.

Желтухин. И не думай его бросать. По рукам пойдешь.

Маша. Хуже не будет.

Желтухин. Ну, уходи.

Маша. Кабы не полюбила я этого... павлина...

Желтухин. Оба вы нерьвастервики.

Князь. Нужно говорить неврастеники. Если бы только заснуть и проспать весь день! Абрам, ты инженер, придумай что-нибудь.

Желтухин. Во-первых, я бывший инженер, в настоящее время без практики. Но шулером я не был

никогда, нет. Хотя несколько раз били, но зря. Надо мной тяготеет квипроќво.

Князь. Какую-нибудь службу взять, должность.

Желтухин. На всякой службе нужно работать как вол. И куда бы ты ни поступил — все равно жалованье твое пойдет судебному приставу.

Князь. Ты прав. Биржевая игра?

Желтухин. Облапошат.

Князь. А как ты смотришь на такую идею — если отыграться в карты?

Желтухин. Деньги нужны.

Князь. Занять?

Желтухин. Ну, займи...

Князь. Да, конец. Безвыходно.

Маша *(негромко)*. Ненавижу вас обоих. Пустомели.

Желтухин. Подожди, я все-таки подумаю. Во-первых, нельзя представить, чтобы мы пропали. Мы, в общем, превосходные люди, веселые, никого не обижаем. Почему же мы? Пускай другие пропадают.

Князь. Клянусь тебе, я начну новую жизнь. Мне тридцать два года. Из них последние двенадцать лет я делал усилия создать новую, светлую жизнь. От этой мечты я не откажусь никогда. Подумай — моя карьера начиналась блестяще. В министерстве меня обожали. Одному швейцару я был должен восемьсот рублей. Но вот... Грустно вспомнить. Был день, когда все полетело вниз. Это был мой первый крупный проигрыш. Меня погубили рестораны, игорные дома и скачки. Но не женщины, нет. В моей жизни два начала: темное — это игра, и светлое — женщины. Любовь всегда очищает. Пока я способен волноваться, я еще не погиб. Женщины общества теперь мне недоступны. Увы, я слишком потрепан. Я порвал со светом. Теперь мой идеал — малютка, блондиночка, мещаночка, кроткое существо. Тюль на окне, герань, птички. Там покой, там блаженный сон, отдохновение от этих воробьиных ночей.

Маша. Блондинка? Кто такая? *(Идет к нему.)*

Желтухин. Маша, Касатка, брось, это он в идеале.

М а ш а *(князю)*. Нет! Как ее зовут? Ты мне в глаза гляди, когда тебя спрашивают. *(Садится около.)*

К н я з ь. Как ты бездарна. Какая ты femme.

М а ш а. Фам! А пока у меня деньги были,— тебе черные волосы нравились. Блондинка! Сегодня же узнаю, какая у тебя милочка. Я ему верила. Весь год была верна. Ущипнуть себя никому не позволила. Да ты помнишь,— каким тебя в игорном доме подобрала? Худой, небритый, пиджачишко на нем коротенький. Стоит дрожит. «Мне, говорит, мадам, отчего-то все холодно». Влюбилась. Обстановку мою в сорок тысяч прожил. Драгоценности проиграл, две шубы продал, одну обезьяньего меха, другую на горностае, сверху жеребенок. Что же ты? Отвечай, хиздрик!

К н я з ь *(Желтухину)*. Ты не находишь, что идет сильный дождь?

Ж е л т у х и н. Н-да, сквозит.

М а ш а. Ненавижу. Я от тебя не отстану. Высохну, назло чахотку получу. У меня и теперь кровь горлом хлещет.

Ж е л т у х и н. Перестань чепуху говорить! Гадко.

К н я з ь. Маша, а когда мы сходились, помнишь, какие были слова?

М а ш а. Какие слова?

К н я з ь. О чувствах, о возвышенном, чем сердце было полно. Помнишь наш первый романс? Маша, ты жестока. Касатка, ты слишком резко берешь. *(Схватывает гитару.)* Когда-нибудь поймешь,— я хотел только любви, но я малопрактичный человек.

Ж е л т у х и н. Всегда до слез прошибет.

М а ш а. Ничему не верю!

К н я з ь. Наш романс. *(Запевает фальшивым голосом.)*

М а ш а. Перестань. Положи гитару. Мука моя! Не хочу, все равно не хочу я тебя!

Ж е л т у х и н. Эх, не так поешь. *(Берет у князя гитару и поет тот же романс с большим чувством.)*

М а ш а. Господи... Господи...

К н я з ь. Да, в жизни есть красота.

Ж е л т у х и н *(откладывает гитару)*. А все-таки положение у нас, братцы мои, перпендикулярное,

Князь. Мы можем пойти по дворам и петь.

Желтухин. Действительно. С попугаем билетики вытаскивать на счастье... Эх, Анатолий, Анатолий, голова у тебя фиником, никуда не годится. Нельзя ли нам уехать? Нет ли у тебя какой-нибудь завалящей тетки?

Князь. Тетки? Да, у меня есть одна тетка. Она помещица.

Желтухин. Помещица? Значит, живет в деревне, на всем готовом? Анатолий, едем к тетке! Пусть она нас покормит с недельку, ну, с месяц. Я сейчас в таком положении: как проснусь, так и думаю — все равно пропал, и уж весь день — никакой фантазии. Мне бы с недельку пожить спокойно, я бы вывернулся. Ей-богу, вывернусь и вас вытащу.

Князь. Дай бог памяти, как ее зовут? Варвара Ивановна Долгова. Она всегда была большим чудаком. Добра и гостеприимна. Представь, все время старается поддерживать со мной переписку. Где-то валялось ее письмо, а я до сих пор не распечатал. Решил прочесть в светлую минуту... *(Достает письмо.)* Абрам, это прежде всего святая женщина!

Желтухин. Ну, тогда нам к ней ехать нечего.

Князь. Почему?

Желтухин. Как же я вдруг приеду к святому человеку? Мне все время будет совестно.

Князь. Ты можешь приехать несколько позже. Я тетушку приготовлю. *(Идет к окошку, глядит на промозглую площадь, со вздохом опускается на диванчик.)* Представь, живет в старом, наполовину запущенном доме, в нижнем этаже, где темно от кустов сирени и весь день кричат воробьи.

Желтухин *(растроганно)*. Птички... а!

Князь. В комнатах пахнет шалфеем, некрашеные полы, киоты, ходят босые девки. По праздникам приезжают сонные помещики со своими помещицами. Пьют чай в саду, говорят о гусях, о какой-то пшенице или вспоминают прошлое, как дедушка женился на бабушке и какие были праздники и балы. А во втором этаже навалена пшеница, там бегают только мыши, грызут штофные диваны и старую библиотеку. Абрам,

все это не так давно было моим родным. Как далеко, как безнадежно все это далеко! Какие там пекутся сладкие пирожки, какие засолы. Какие закаты за рекой! Деревенские песни. Вечером выйдешь в рожь,— пахнет медом, повиликой, булькают перепела, и чувствуешь, что душа без греха. Да.

Маша заплакала.

Там не бывает головной боли и отвращения ко всему. А? Ты о чем, Маша?

Желтухин. Знаешь, Анатолий, ты все-таки свинья.

Маша. Не поеду с тобой никуда.

Князь. Почему? Вот каприз!

Желтухин. Да, брат, она права отчасти.

Маша. Нет охоты мне что-то со святыми женщинами разговаривать.

Желтухин. Брось, Маша. Хочешь, побожусь, что его тетка, наверно, сама с прошлым.

Князь. Абрам, будь корректнее!

Маша. Действительно, его сиятельство вдруг привезет тетушке такой сюжет. Как она жива останется. Все рассолы у нее прокиснут. Из меня, дружок, никаким ветром греха не выдуешь.

Желтухин. Фу ты, какая дура! Ну, не дура ли ты, говоришь пошлости.

Маша *(князю)*. Предатель, предатель самый последний!

Князь. Tiens. Маша, я, кажется, ничего не сказал. Ну да, я вспомнил прошлое, на минуту забылся. Прости. Все же я никогда не переставал помнить, что из нас троих я... ну, как это сказать... самый миниатюрный в нравственном отношении. Я скажу тетушке, что ты моя жена. Надеюсь, господа, мы не будем много говорить о своем прошлом.

Желтухин. Сохрани бог! Ты меня не узнаешь. Только насчет еды ты уж предупреди, что я сангвиник.

Князь *(успевший за это время пробежать письмо)*. Тетушка пишет, что у них готовится радостное со-

бытие — свадьба какой-то девицы Раисы Глебовны с Ильей Ильичом. Илья Ильич Быков — это ее воспитанник, управляет именьем.

Желтухин. Вот как раз на свадьбу-то мы и приедем. Очень кстати. Анатолий, садись, пиши тетке.

Князь присаживается.

А ты, Машенька, с ним все-таки помягче, надо принять во внимание его происхождение. Как ты его ни мусоль, а все-таки — князь. Нет-нет, да и прорвется.

Князь. Я пишу: «Ма tante, мы с женой и другом решили на короткое время посетить вашу усадьбу». Вот дальше как?

Желтухин *(осматривая пустые бутылки)*. Ну, это совсем не то. Подожди. *(Уходит во внутреннюю дверь.)*

Князь. Мне все последнее время жилось очень не легко. И, конечно, это не могло не отозваться на чувстве к тебе, Маша. Мы передохнем, осмотримся, а там можно начать новую жизнь. Почем я знаю,— меня могут назначить наконец земским начальником... В деревне все случается. У тебя будет положение, а не какое-то безвоздушное пространство в отеле.

Маша. Хорошо. Ты меня просишь?

Князь. Да, прошу.

Маша. А зачем тебе, чтобы я поехала?

Князь. То есть как зачем? Я не знаю. Какой глупый вопрос. Если я поеду один, то мы, значит, расстались! Это необыкновенно нелепо. Мы же любим друг друга. Не смотри, пожалуйста, на меня такими глазами.

Маша. Я тебя не люблю.

Князь. Неправда. Не верю. Ты говорила это мне сто раз. Зачем доводить отношения до такой остроты? И без того сердце готово остановиться. Маша, умоляю...

Маша *(серьезно)*. Я поеду с тобой. Мне деться сейчас некуда, сам понимаешь. Но что из этого выйдет, я не знаю. Если ты меня предашь, помни, я ни тебя, ни твоей тетки не пожалею. Я ведь мягка, покуда люблю хоть немножко, а выкину из сердца — ни жалости, ни стыда у меня нет.

К н я з ь. Ну да, ну да, ну да...

Ж е л т у х и н входит с бутылкой.

Ж е л т у х и н. Сунулся в шляпную картонку — и, разумеется, бутылка. *(Откупоривает.)* Садись и пиши. Поймешь ты когда-нибудь, что такое Желтухин? *(Диктует.)* «Незабвенная тетушка. Тоска по родным местам настолько подточила мой организм, что я сделался совершенно болен. Воспоминания детства не дают мне покоя. Город с его электричеством мне опротивел. Я хочу тишины и правды в кругу родных...»

К н я з ь *(сквозь зубы)*. Ну, это слишком витиевато...

Ж е л т у х и н. Пиши. *(Диктует.)* «Дорогая тетушка, несколько недель, проведенных под вашим гостеприимным кровом, вдохнули бы в меня новую жизнь. Ах, тетушка, тетушка, сколько я выстрадал за эти двенадцать долгих лет! Я почти старик...»

К н я з ь *(пишет)*. «...выстрадал за эти двенадцать долгих лет...»

Ж е л т у х и н *(диктует)*. «Со мной приедет друг моей жизни, моя жена Марья Семеновна, с которой я в непродолжительном времени намерен сочетаться законным браком».

Маша смеется, берет гитару и наигрывает.

Ничего смешного не нахожу... «А также, с вашего позволения, приедет мой друг детства...»

К н я з ь. Позволь, какой же ты мне друг детства?

Ж е л т у х и н. Эх, какой ты, ей-богу. Без этого нельзя. Какой ты эгоист... *(Диктует.)* «Он человек странный, даже отталкивающий на первый взгляд, но добрая душа и не пьет». За это уж я ручаюсь... «Все животные имеют право на отдых, птицы вьют гнезда, лисы роют норы... Дорогая тетушка... жизнь тяжелая и даже нелепая штука *(со слезами)*, и тем, кто бьется из последних сил, чувствуя, как с каждым днем все туже затягивается на шее петля...»

Медленный занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната деревенского дома, служащая одновременно кабинетом и столовой. В глубине арка, за ней коридор, направо и налево и в самой глубине стеклянные двери в сад, залитый солнцем. Видны кусты цветущей сирени. Налево дверь в комнаты. У стола Илья Ильич Быков стоя пьет холодный чай. Раиса наклонилась над книгой.

Илья. За эти три дня мы с тобой совсем не говорили. Такая суета. Хочется тебе сказать много, много серьезного, Раиса. Ты слушаешь меня?

Она подтверждает, что слушает.

Развлечения, праздность, весь этот шум привлекательны, быть может, конечно. Но мы должны со всей серьезностью отнестись к новому шагу... Послезавтра наша свадьба... Раиса?

Раиса. Да, слушаю.

Илья. Свадьба. Ты хорошенько уясни себе ее значение. Мы вместе росли детьми, шалили, мечтали. Да, да, все это было превосходно. И, наконец, настает день, когда должны быть насуплены брови. Это невесело. Мы должны рука об руку вступить в суровую жизнь... Это сознательный конец юности, глупым грезам...

Голос его слегка дрожит.

Раиса. Пожалуйста, Илья, закрой окошко, сквозит.

Илья. Ради бога, Раиса, не думай, что я тебя упрекаю. Но приезд этого князька, бессонные ночи, пустопорожние разговоры — не вовремя... Посмотри на тетю Варю, она волнуется больше нас. Совсем измучена. В нас еще не сдержаны какие-то порывы, Раиса. Я хочу сказать — инстинкты.

Раиса. О чем ты волнуешься, Илья?

Илья. Я волнуюсь? Ни капельки.

Раиса. Что-нибудь случилось?

Илья. Я говорю,— возмутительно врываться в чужую жизнь накануне крупнейшего события.

Раиса. А кто же ворвался? Ты сам читал письмо князя. Мы с тетей Варей над ним плакали.

Илья. Ах, над чем вы с тетей Варей не плачете! Проревели весь день, когда вылупился четырехногий цыпленок.

Раиса. Цыпленочек на четырех ногах жить не может. Конечно, его было жалко.

Илья. А этого князя мне ничуть не жаль. Бездельник и пустой болтун.

Раиса. Он хороший человек и очень несчастный.

Илья. Скажите!..

Раиса. Да.

Илья. Вот, если хочешь, Марья Семеновна действительно достойна сожаления. Это сложная и глубоко страдающая натура.

Раиса *(поджав губы)*. Может быть.

Илья. Ты что-то слишком поджимаешь губы, Раиса. Вообще мне до князей сейчас дела нет. Пусть тетка с ним и нянчится, как с писаной торбой. Я бы издал государственный закон против бездельников и шалопаев. Под ногами болтаются.

Пауза.

Ты что читаешь?

Раиса. «Гигиену молодой женщины». Тетя Варя приказала прочесть эту книжку несколько раз подряд.

Илья. Это очень полезное чтение, конечно. Вообще нам нужно побольше читать серьезных книг.

Раиса *(уныло.)* Будем читать.

Голос тети Вари: «Ду-унь, Дуняша!», и голос Дуни: «Сича-ас».

Они встали. А самовар холодный. *(Бежит и в дверях сталкивается с тетей Варей.)*

Варвара. Раиса!

Раиса. Тетя Варя!

Варвара. Ты опять бегаешь!

Раиса. Самовар надо подогреть.

Варвара. Я тебе сто раз толковала: ты не имеешь права подвергать себя опасности — ломать ноги. Ты девчонка или невеста наконец? Ты совер-

шенно не думаешь о своем организме. После свадьбы делай что хочешь, хоть на голове ходи.

Р а и с а. Что вы, тетя Варя, я очень думаю о своем организме.

В а р в а р а. Ну, иди.

Раиса уходит.

Совсем обезножила. Ох, батюшки, дай-ка мне папироску. Хорошо ты смотришь за невестой, нечего сказать.

И л ь я. Не могу я больше ей говорить: помни о почках, о каких-то там органах. Оставьте ее в покое. Она и так на меня второй день дуется.

В а р в а р а. Вот девчонка! О чем вы тут с нею говорили?

И л ь я. О свадьбе.

В а р в а р а. Не чаю, когда эта свадьба пройдет. Уеду к дяде Григорию отдыхать на две недели. *(Волнуясь.)* Илья, конопляного масла нигде нет.

И л ь я. Придется купить подсолнечного. Все равно рабочие жаловались, что конопляное масло прогорклое...

В а р в а р а. Делай что хочешь. Но подсолнечное пуд — шестнадцать с полтиной. Если мы разоримся,— не моя вина. Дунька!

Бежит по коридору Д у н я ш а с ведрами.

Д у н я ш а. Чего вам?

В а р в а р а. Ты куда?

Д у н я ш а. Помои от молодых господ.

В а р в а р а. Ну и, наверно, расплескала их по всему коридору.

Д у н я ш а. Лопни глаза, ни капельки. *(Скрывается.)*

В а р в а р а. Проснулись, слава богу. Второй час. Что это такое? Чем они живы? Не ждала я таким увидеть Анатолия. Постарел, жалкий какой-то. Скажи мне, Илья, как мужчина, любит он ее?

И л ь я. Князь — Марью Семеновну? Черт его знает.

В а р в а р а. Что ты говоришь? Ну, а она его?

И л ь я. Не знаю.

В а р в а р а. А ведь он хочет на ней жениться.

И л ь я. Да, обещал, но, кажется, не особенно торопится.

В а р в а р а. Кто она такая?

И л ь я. Не знаю. *(Берет скрипку.)*

В а р в а р а. Она с прошлым, по-твоему?

И л ь я. Да, я думаю, что она с прошлым. *(Наигрывает.)* Вообще Марья Семеновна странная женщина.

В а р в а р а. В самом деле, сыграй мое любимое.

Илья начинает играть берсез.

Мне очень, очень жалко Анатолия. Он весь в тетку Анну Аполлосовну. Душевный мальчик. Я рада, что он вырвался наконец из этой столицы.

И л ь я *(играя)*. Ветчинный окорок в городе не достал. Придется обойтись без окорока.

В а р в а р а. К свадьбе я думаю заколоть индюка, того, что дерется.

И л ь я. Можно заколоть индюка.

В а р в а р а. Они, оказывается, жили в гостинице и обедали по ресторанам. Какой же это желудок выдержит? Нет, ты подумай.

И л ь я. Да... Странная женщина Марья Семеновна. *(С этой минуты он начинает играть страстную арию.)*

В а р в а р а. Что ты мне ни говори, а я чувствую, чувствую: у них страшная драма. Они что-то скрывают. Эта женщина ему не пара. Но, во всяком случае, наш долг сделать для Марьи Семеновны все возможное, если у них кончится катастрофой. *(Прислушивается к музыке.)* Илья, ты что?

И л ь я. А что?

В а р в а р а. Что ты сейчас играл?

И л ь я. Не знаю, право, задумался.

В а р в а р а. Поди-ка сюда.

Он подходит.

(Грозит пальцем.) Смотри у меня, Илья.

И л ь я. Оставь, пожалуйста!

В а р в а р а. У тебя трудный характер. Помни, ты весь в отца. Я до сих пор иногда во сне вскрикиваю, как он придет на память. Вот какой был человек.

Взглянет, бывало, своими глазами, так вся и обомрешь, даром что был простой кучер... А какие страсти! Какая буйная жизнь! И погиб-то он необыкновенно. Вывел ночью из конюшни племенного жеребца, пьяный вскочил на него, засвистал пронзительно и помчался куда глаза глядят. Проскакал десять верст, слышишь ты, и ринулся с обрыва в Волгу. Ужасно! Ему всего было мало.

Илья. Во всяком случае, Раису я уважаю и люблю, и тебе не о чем беспокоиться.

Варвара. Дай-то бог, дай-то бог. Все-таки ты поменьше бывай с этой-то... с черной.

Илья. Мне не нравится этот разговор, тетя Варя. Ты слышишь, в высшей степени мне не по душе.

Варвара. Фрр... Как петух индийский.

Входят князь и Маша.

Князь. Ma tante! С добрым утром.

Варвара *(целует его в лоб)*. Какое тебе, батюшка, утро. Скоро ночь на дворе.

Маша. Здравствуйте.

Варвара *(целует Машу)*. Как спали, дорогие мои?

Маша. Благодарю вас.

Князь. Я спал, как младенец. Просыпаюсь утром, и ни одной гадкой мысли. Здешний воздух делает чудеса. Не правда ли, Мари? Я давно не чувствовал в себе такого подъема духа.

Маша. Воздух очень прекрасный.

Дуняша вносит самовар и уходит.

Варвара. Вот и самовар: это по счету четвертый греем. Скушайте лепешек. Те ржаные, а вот из крупчатки. В Петербурге этого не пекут. Или уж такую подадут лепешку, что потом весь день животом валяешься.

Маша. Благодарю вас.

Князь. Ma tante...

Варвара. Скажи по-человечески: тетка. А по-французски мне обидно. Недушевно как-то,— словно

ты в меня репьем суешь. Ешь простоквашу. *(Садится к самовару.)*

К н я з ь. Тетушка, позвольте расцеловать ваши ручки. Боже ты мой, значит есть еще в России добрые, бескорыстные, чистые люди. Я счастлив...

И л ь я *(набивает у камина трубку)*. Гм. У нас говорится: телячья радость по поводу свежего воздуха.

В а р в а р а. Илья!

И л ь я. Я не сказал ничего обидного, тетя Варя.

В а р в а р а. Илья, ты невозможен! *(Делает страшные глаза.)* Он у меня буреломом. У Анатолия, очевидно, веские причины так радоваться.

К н я з ь. Ma foi! Тысячи причин. Ну вот. Выхожу из умывальной комнаты в коридор, вдруг скрипит дверь. Отвратительно, когда скрипят двери. Мне всегда в этом случае мерещится, что должен войти господин во фраке и сказать: «Не угодно ли вам заплатить по счету?» На этот раз вместо фрака появляется очаровательнейшее существо, ваша невеста, Илья Ильич. Боже мой! Ведь я в деревне, у тетки!

В а р в а р а. Тебе, Анатолий, хорошо пить отвар из ромашки с цитварным семенем.

К н я з ь. Благодарю. Далее, меня просто умиляет, до чего здесь все заняты каким-нибудь делом. Выглядываю в сад, смотрю: Илья Ильич тащит какой-то мешок, вы, тетушка, браните босую девку, собачка — и та сидит на цепи. И по траве, прямо по росе, босиком, ступая крошечными ножками, идет Раиса Глебовна с решетом крыжовника. Илья Ильич, вы счастливейший из людей!

М а ш а *(вскрикивает)*. Ай!

В а р в а р а. Что такое?

М а ш а. Я обрезала руку.

И л ь я *(быстро подходя)*. Покажите. Глубоко?

М а ш а. Нет, теперь не больно.

И л ь я. Я говорил, чтобы не подавать на стол острых ножей. Для хлеба есть пила.

В а р в а р а *(Илье)*. Пусти, пусти, батюшка, я сама завяжу.

И л ь я. Положите йодоформу.

М а ш а. Благодарю вас, мне совсем хорошо. *(Внимательно глядит на Илью, садится на диван.)*

К н я з ь. Мари, ты косолапа... Так какие же ваши планы после свадьбы, Илья Ильич? Едете за границу?

Варвара у аптечного шкафчика.

И л ь я. Зачем? Нам и здесь дела много.

В а р в а р а. Покос, рожь нужно жать, пахать пар.

К н я з ь. Пахать пар? Гм! Но молодой женщине захочется выезжать, показывать туалеты. Вы не боитесь, что она соскучится в такой глуши?

И л ь я. Ну, на такой бы я не женился.

К н я з ь. Вы правы.

М а ш а *(внезапно)*. Илья Ильич, вы жили в Петербурге?

К н я з ь. Что? Что?

И л ь я. Да, я там учился в лесной академии. Лет шесть тому назад.

В а р в а р а. И кончил с золотой медалью.

К н я з ь. Браво, браво.

М а ш а *(Илье)*. Гляжу, гляжу,— ей-богу, я вас видала.

К н я з ь *(поспешно)*. Мари, у тебя плохая зрительная память... Бывает, что встретишь человека на улице, мельком, а потом и привяжется его лицо.

М а ш а. В Аквариуме, конечно, бывали, в саду, где открытая сцена?

И л ь я *(с тревогой)*. Да... бывал... А что?

М а ш а *(смеется)*. Помните ученых попугаев? С хохолками.

И л ь я. Попугаев?.. Боже мой!.. Ну?

М а ш а. Каждый раз, когда попугаи кончали, музыка играла вальс и появлялась...

И л ь я *(вскрикивает)* Касатка!! *(Точно лишился языка, не отрываясь смотрит на Машу.)*

В а р в а р а. Какая Касатка?

К н я з ь. Тетушка, вы представьте. Однажды Марья Семеновна, еще до нашего замужества, конечно, находилась в таком трудном материальном положении, что пришлось поступить на сцену, петь романсы. Всякий труд благороден, не правда ли? Что?

Маша. Я не только романсы пела.

Варвара. Чем же вы там еще занимались?

Князь. Ну, дай бог памяти... Прыгала через обручи.

Варвара. Через обручи прыгала?

Князь. Работа тяжелая и очень почтенная, по крайней мере я так нахожу. *(Отходит к окошку.)*

Варвара. Так вы акробатка?.. Господи помилуй!.. А уж я, простите, Марья Семеновна, чуть голову не свихнула, все думала, чем вы занимаетесь?

Маша. Я, Варвара Ивановна, и прачкой была.

Варвара. Прачкой?

Маша. И горничной, и в магазине служила. Я сама деревенская, псковская.

Варвара. Боже мой, боже мой!..

Князь. Мой друг, все-таки это не тема для беседы. У каждого из нас были ошибки...

Варвара. А что это значит — Касатка?

Пауза. Входит Раиса.

Раиса. А я вас жду в саду. Здравствуйте, князь. *(Маше.)* Мы с вами виделись. Вода такая свежая, славная. Я купалась.

Князь. Славная, свежая. Боже, какая молодость...

Раиса *(прикладывает ладони к щекам)*. Какие пустяки вы говорите.

Варвара. Анатолий, ты не педагогичен.

Илья *(Маше, глухим голосом)*. У вас были светлые волосы, не правда ли...

Маша *(вспоминает)*. Да, раньше у меня были светлые волосы, как рожь.

Князь *(Раисе)*. Если вам не скучно со мной, позвольте предложить руку. Я стар и безопасен. Пойдемте рвать крыжовник.

Раиса взглядывает на тетку.

Варвара. Идите, идите.

Раиса. Надо решето захватить.

Князь. Решето! Боже мой!

Маша *(многозначительно)*. Анатолий!

Князь. Что, Мари?

Маша. Ты, может быть, забыл?

Князь. Я забыл. Что? Важное? Не помню. *(Легкомысленный жест.)* Какая-нибудь чепуха.

Маша *(сквозь зубы)*. Иди, иди, голубчик...

Князь уходит с Раисой.

Варвара. Илюша... Марья Семеновна... Объясните же мне.

Илья *(не слушая ее, обращается к Маше)*. Было особенно душно в этот вечер... После полуночи пошел дождь. Я все-таки дождался и побежал за автомобилем. Вы окатили меня грязью... Я упал.

Маша. Я помню и другое. Каждый вечер...

Илья. Я приходил каждый вечер глядеть на вас.

Маша. Выхожу, бывало, петь. Смотрю, в публике глаза, черные, как угли. Горло перехватывало, так, бывало, испугаешься.

Илья. Боялись моих глаз?

Маша. Известно. С такими глазами жди беды.

Варвара *(берет Илью за руку)*. Друг мой, я уважаю всякое мужское прошлое. Это твой духовный опыт. Но сейчас, Илюша, будь благоразумен. Одолей свой характер. Марья Семеновна, надеюсь, поймет и сама поможет нам. Вели заложить дрожки, поезжай в луга.

Илья *(резко)*. Тетя Варя, я положил расходную книгу тебе на стол. *(Хватает счеты.)* Книга запущена.

Варвара. Успею проверить, батюшка.

Илья. Немедленно! *(Отворяет боковую дверь.)* До моей свадьбы должны быть проверены все счета.

Варвара. Хорошо, хорошо. Ураган! Чистый бурелом! *(Берет счеты, уходит.)*

Илья бросается в кресло, закрывает лицо.

Илья. Это вы!.. Да... Ужасно!

Пауза.

Маша. И вспомнила я вас только сейчас! Когда руку обрезала, а вы подскочили. Ну и глаза. Еще страшнее стали, право.

Илья. Зачем вы приехали?

Маша. Ай-ай-ай! Я вот в цирке служила, помню, бросила раз в клетку львам зарезанного голубя. Так у них потом целую неделю глаза горели.

Илья *(вскакивает)*. Вам здесь нельзя оставаться, уезжайте!

Маша. Куда же мы поедем? Мы проигрались. Мы такие несчастные.

Илья. Я дам денег вашему князю.

Маша. Не возьмет. Он благородный стал от здешнего воздуха.

Илья. Я проиграю в карты две, три тысячи рублей.

Маша. На неделю не хватит. Да и князь собирался прожить здесь до осени.

Илья *(ходит по комнате)*. Тот год в Петербурге навсегда погребен, отрезан, я не хочу вспоминать ни одной минуты прошлого. Вам-то лестно, конечно, припоминать, как одурелый идиот, мальчишка, пялил на вас глаза. Вы смеялись, когда я сорвался с автомобильной подножки, и, должно быть, не слыхали, что я кричал вслед. Да, да. Вы были очень великолепны в горностаях и перьях. Как я вас ненавидел! О господи! Длинные эти белые ночи без сна, на железной кровати. Какие кошмары лезли в голову. Я неотступно жил в ваших комнатах. Моим воображеньем были пропитаны все ваши платья. Я пробирался за вами во все спальни, душил вас, молил пощады... Ужасно! Умирал у ваших ножек. Я их хорошо помню. Красные каблучки на туфельках. Раскаленными каблучками прямо в мозг... Никто, ни одна женщина не могла погасить моего воображения. Я знал,— гибну, гибну!.. И каждый вечер снова шел глядеть, как вы, надменная, порочная и все же потрясающая, пели фальшивым голоском все одну и ту же мерзость про какого-то старичка.

Маша *(взволнованно)*. Вы так меня... любили?

Илья *(с резким жестом)*. Тетка увезла меня... Она чуть с ума не сошла от моих писем. Я вылечился. *(Кричит.)* Я вас забыл... Вы понимаете?!

Пауза.

Маша. Забыть такую любовь?

Илья. Я люблю мою невесту. Раиса чистая, достойная девушка. Мы все радуемся этому браку. Я счастлив, я больше ничего не хочу.

Маша усмехается.

Чему вы смеетесь?

Маша. Вижу, что любите очень вашу невесту.

Илья. И вот с этой минуты ни разу даже не позволю себе подумать ни об одной женщине, кроме Раисы.

Маша. Наплачутся от вас женщины, Илья Ильич. Вот через таких-то и травятся и карьеру свою теряют. *(Подходит к нему.)* И руки таким целуют. Каких-каких глупостей не наделает наша сестра.

Илья *(тихо)*. Вы слышали, что я сказал? Я на Раисе женюсь и любить ее буду.

Маша. А меня?

Илья. Марья Семеновна, не шутите.

Маша. Вот видите, чуть было с вами про Анатолия не забыла. А он как меня любит, такой мягкий, нежный муж. А я, как бешеная, мучаю его, все хочу чего-то необыкновенного. *(Показывает на окно.)* Посмотрите, идут с вашей Раисой, не наговорятся. А ведь, правда, между ними какое-то сходство. Простите меня, Илья Ильич, и забудемте, что было. Идите-ка, я вас поцелую, родной мой. *(Целует его в лоб.)*

Илья *(отскакивает)*. Черт!

Маша. Вы что? Укололись?

Илья. Все, что я сказал, так и будет. Я так решил! *(Быстро уходит.)*

Маша. «Я так решил!» Довольно глупо.

Осторожно появляется тетка.

Варвара. Ну, что?

Маша. Ничего.

Варвара. Я спрашиваю,— что Илюша? Успокоили вы его?

Маша. Да. Я его успокоила.

Варвара. Голова кругом идет. Накануне свадьбы такой камуфлет. Вас я не виню. Но, моя милая, надо

постараться, чтобы Раиса не узнала. Вот откуда не ждали беды!

Маша. Давно он любит ее?

Варвара. Раису? С детства.

Маша. Ну, тогда не страшно.

Варвара. А что такое?

Маша. Иду к себе волосы поправить. *(Уходит.)*

Варвара. Какая странная. Характер. Ведьма, настоящая ведьма.

Вбегает Дуняша

Дуняша. Матушка барыня, пойдите-ка сюда.

Варвара. Что еще такое?

Дуняша *(прикрывая рот, чтобы не засмеяться).* Человек какой-то пришел с чемоданом. Толстущий... Вас спрашивают.

Варвара. Что же ты смеешься? Какой еще человек? Где он?

Дуняша. На черном крыльце.

Тетка уходит. Дуняша прибирает стол. Появляются князь и Раиса с решетом крыжовника.

Барышня, к нам барин какой-то пришел пешком.

Раиса. Гость?

Дуняша. Какой там гость. Вихрястый. Пришел на кухню — «кваску бы мне», говорит. Пять ковшиков выпил. Сопит. Сил нет. *(Смеется.)*

Раиса. Убирайся, пожалуйста.

Дуняша уходит.

Князь. Вот ножницы.

Раиса. Я вас научу. Видите с этой стороны хвостик?

Князь. Изумительно! Хвостик?

Раиса. Ну да, он так называется.

Князь. Его нужно отрезать и затем крыжовник положить в рот.

Раиса. Да нет же. На тарелку нужно положить, для варенья. Вам бы только смеяться надо мной.

Князь. Я не смеюсь.

Раиса. А по-моему, вы считаете меня глупой.

Князь. Мечтой. Мечтой, которая может сниться в жизни только раз, когда душа угасает, когда безнадежно и хочется отдыха, смерти. Тогда снится нежный и милый сон, точно кто-то протягивает руку, говорит: «Проснись. Светло...» Ну, да все это, конечно, не важно.

Раиса. Вы очень несчастный?

Князь. Я бы сказал, что мне было отпущено не особенно много счастливых дней. Не хватило достаточно уменья и ловкости устроить жизнь. А может быть, не хватало человека около меня, друга, девушки. Одно время у меня не было квартиры. Я ночевал в парке или на набережной, на каменной скамье. К счастью, стоял жаркий июль, и я не схватил простуды. Но было грустно. Простите, что я вспомнил об этом.

Раиса. Какое там простите... *(Отвернулась в слезах.)*

Князь. Раиса! Конечно, я — счастливчик. В общем — я эгоист. Из-за меня не стоит уронить даже слезинки.

Раиса. Сок в глаза попал.

Князь. Вот за эту минуту я готов спать всю жизнь где-нибудь на барже. Мне больше ничего, ничего не нужно! *(Целует ей руку.)*

Раиса. Что вы! Ну, что вы!..

Входит тетка.

Варвара. Объясните мне, что это значит? Говорят, кто-то пришел... Батюшки! Раиса! Анатолий!

Князь. Тетушка, мы стрижем хвосты.

Варвара. Раиса, подай-ка мне мой мигрень-штифт. Ничего не понимаю,— какие хвосты?

Князь. У крыжовника.

Варвара. Нет, уж ты лучше оставь ее в покое.

Князь. Тетушка! Я готов сию минуту уехать, если только вы подумали что-нибудь нехорошее. Ради бога.

Раиса *(подает мигрень-штифт)*. Тетя Варя, он такой милый! Мы решили друг друга звать брат и сестра. А вечером сговорились поехать на кордон, смотреть закат над Волгой. Можно?

Князь. Это пока маленький секрет. Я бы не хотел брать с собой Мари. Она просто не любит природы.

Маша появляется из сада и слушает, незамеченная.

Раиса. Вот странно, как это не любить природы?

Князь. Маша — прозаик. Она слишком тяжеловесна. Ей нужны чувства, которыми можно свалить быка.

Маша кивает головой.

Раиса. Ах, ах!

Князь. Мила в обыденной жизни, но слишком самобытна.

Раиса. У нас в епархиальном училище был пруд, полный-полный рыб. Бывало, сидишь у воды, и хочется чего-то необыкновенного, такого, такого... *(Приложила руки к щекам.)*

Князь. О милая!.. Дитя!

Варвара. Никуда вас не пущу. *(Сморкается трубой.)*

Маша подходит.

Маша *(князю)*. Нам поговорить нужно.

Князь. О чем? Мари, пожалуйста, поговорим завтра.

Маша. Нет, я сейчас хочу поговорить.

Князь *(закрывает глаза.)* Слушаю.

Варвара *(сорвалась с кресла)*. Совсем позабыла. Сорочки тебе подвенечные принесли. Пойди примерь.

Раиса. Какая скука, тетя Варя.

Маша *(князю)*. Ты все-таки меня предал.

Князь *(отпрянув)*. Мари!

Маша. Как мне с тобой теперь поступить, я спрашиваю?

Князь. Что за тон?

Варвара *(толкает Раису)*. Иди же ты. У них серьезное объяснение.

Князь. Ты просто невоспитанна. Я и разговаривать не хочу.

Маша. И я не хочу много с тобой говорить. *(Ударяет его по щеке.)*

Раиса *(кричит)*. Анатолий!

Варвара. Стыдно!

Князь. Маша! За что? Так больно!.. *(Садится к столу, закрыв лицо.)*

Варвара. Как вы посмели? Моего племянника! Князя Бельского! Вы! Вы!

Появляется Абрам Желтухин с гитарой и роняет чемодан.

Желтухин. Здравствуйте.

Маша. Абрам! Абрам! Я не могу больше! Увези меня!

Желтухин. Так это я за этим шестнадцать верст пешком с чемоданом шел? А у вас тут опять мордобой!.. *(Спохватившись, тетушке.)* Виноват... Абрам Желтухин... Потомственный дворянин... Друг детства... *(Расшаркивается.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Утро. Большие двери в глубине раскрыты настежь, видна поляна сада с уходящей дорожкой и сельская церковка. В комнате накрытый стол. У стола стоит Желтухин. Из боковой двери высовывается Варвара.

Варвара. Дуня! Дуняша!

Желтухин. Я не стесню вас?

Варвара. Вы, батюшка, присаживайтесь. Заморите червячка. До обеда еще далеко. Дуняша!

Желтухин. От волнения как-то проголодался и, пожалуй, перекушу.

Входит Дуняша.

Варвара *(Дуняше, подавая сюртук)*. Вот, пойди передай Илье Ильичу. Да не забудь сказать, что этот сюртук деда Михайлы Михайловича.

Дуняша. Деда Михайлы Михайловича.

Варвара. Подожди. Вот еще булавка в галстук. Эта, скажешь, булавка прабабки Аплечеевой. Иди.

К жениху я и заходить боюсь. Вчера весь день пропадал на охоте. Дуняша говорит, вернулся поздно и ночью не спал.

Дуняша, взяв одежду, уходит.

Сейчас заперся наверху и не то бреется, не то так со зла чем-то скрипит. *(В отчаянии.)* Они с Анатолием ходили купаться, и я чувствую: что-то между ними произошло.

Желтухин. Вот и опять упали духом, Варвара Ивановна. Ай-ай-ай! *(Прижимает к груди вилку с куриной ножкой.)* Клянусь вам, все идет как по маслу. Все трения мною устранены. У супругов мир, а жених с невестой, как всегда перед венцом, чудят немного.

Варвара. Не такой, не такой ждала я свадьбы. Захожу только что к Раисе,— сидит на постели, один чулок натянула, другой ногой болтает, и глаза шалые. Мать моя, говорю, бывало, раньше-то и дружки, и сватьи, и крестная, вся большая родня около невесты хлопочет. Каждую вещь, и чулочек и подвязочку наденут ей с молитвой. А ты сидишь одна, как сова, надулась. *(Взглянув в окно, всплескивает руками.)* Смотрите, смотрите, бежит,— фата набоку! *(Кричит.)* Раиса, Раиса! Не смей ты бегать по траве! Вот девчонка неслух! *(Быстро уходит в сад.)*

Желтухин *(опять присев и оглядывая стол).* Подумайте, чего еще человеку нужно? *(Выпивает и закусывает.)*

Входит Маша.

Маша. Абрам, я должна говорить с Ильей Ильичом.

Желтухин. Он бреется, к нему нельзя.

Маша. Пойди позови его. Скажи — на минутку.

Желтухин. Что ты, что ты, ангел мой! Хоть тресни, а не позову. После венца молодые сейчас же сядут на троечку, запылят и — до свидания. В свадебное путешествие вниз по Волге. Вообще ты успокойся. Скушай поросеночка.

Маша. Да ты кем тут поставлен? Швейцаром тебя, что ли, наняли?

Желтухин. Прежде всего я дворянин и порядочный человек и никакого безобразия в этом доме не допущу.

Маша. Я же только минуточку поговорю. Мне нужно, нужно видеть его.

Желтухин. Ей-богу, ты оставь Илью Ильича. Нас и так здесь едва терпят. Слышала,— нынче утром они с Анатолием, говорят, поругались.

Маша. Знаю.

Желтухин. Из-за чего?

Маша. Вот поэтому-то я и хочу с ним говорить. Он не смеет мной распоряжаться. Абрам, весь день вчера я искала его. Зачем он бегает? Чего он боится? Разве я лезу к нему? Сейчас увидел меня в окошко, весь так и потемнел. Может быть, я ему сказать хочу, что мне до него и дела нет.

Желтухин. Ты не пищи и не подпрыгивай. Выпей винца. Илья Ильич мужик и грубиян. На тебя и смотреть не хочет, и очень хорошо.

Маша. Хочет он, хочет глядеть на меня! Не смеешь так говорить! И женится только со зла. Иди зови.

Желтухин. Нет.

Маша *(ударяет по столу)*. С ума сойду!

Желтухин. Тише. *(Испуганно оглядывается.)*

Маша. Такая тоска, ночь у меня на душе!

Желтухин *(в ужасе)*. Марья! Да ты не влюбилась ли в него? Сохрани господи!

Маша. Не знаю... Такого со мной еще не бывало. Места себе не нахожу. Ненавижу вас всех. Не бывать этой свадьбе! Я на дорогу лягу.

Желтухин. Глупая, дикая баба.

Входит Варвара.

(Меняя тон.) Устрою свиданье, только молчи. *(Громко.)* Пойди выкупайся. *(Толкает Машу к двери.)* Поплавай, да подольше.

Маша уходит.

Вот, кстати, вы спрашивали, что такое Касатка? Это ее псевдоним.

Варвара садится и закуривает.

Скажем, если бы я решил пойти на сцену, то моя фамилия была бы не Желтухин, а Краснухин или Угар-Валдайский. С вашего позволения, съем еще и этого цыпленочка.

В а р в а р а. Кушайте на здоровье. Представьте, какое безобразие: на усадьбе все пьянешеньки.

Ж е л т у х и н. Зато цыпленок у вас — прямо необыкновенный цыпленок. Так и тает, шельмец. В общем, Марья Семеновна добрейшая женщина. А если и дерется иногда, то исключительно из доброты, чтобы словами не терзать. Конечно, и я в первую минуту был ошеломлен. Вхожу и вдруг — бац, бац по щекам. И где же? В дворянском доме, где даже простой мухе так, кажется, и скажешь: прошу вас, не приставайте ко мне, пожалуйста. Но Касатка в данном случае поступила очень тонко: одним ударом Анатолия с облаков — прямо на землю, и все по своим местам.

В а р в а р а. Так-то оно так, а все-таки...

Ж е л т у х и н. Главное — после венца молодых немедленно посадить в коляску и увезти куда-нибудь подальше.

В а р в а р а. Спасибо вам, батюшка. Я уж и тройку велела заложить. Ужасно у меня предчувствие гадкое.

Ж е л т у х и н *(горячо)*. Варвара Ивановна, не будь нас здесь, ей-богу что-нибудь роковое могло случиться с вашим домом. Когда мы собирались сюда, я даже сон видел, будто ваш дом горит.

В а р в а р а. Сохрани бог, какие вы сны видите!

Ж е л т у х и н. И говорю Анатолию: едем, я фаталист. Мы принесем счастье, хотя сами и погибнем, быть может, да черт с нами! Виноват.

В а р в а р а. Золотой вы человек, Абрам Алексеевич. Скушайте поросенка.

Ж е л т у х и н. Не могу больше. Хотя поросеночка, пожалуй бы, съел. А когда-то и у меня была своя деревенька.

В а р в а р а. В какой губернии?

Ж е л т у х и н. Самарской.

В а р в а р а. Это не около ли Мелекеса?

Ж е л т у х и н. Так — в сторонке. Мы, Желтухины, выходцы из Литвы. Мой прадед был даже графом.

Варвара. Скажите...

Входит Илья, держа в руке сюртук.

Илья. Тетя Варя, где бензин?

Варвара. Сейчас, батюшка.

Илья. Сюртук грязен и жмет под мышками.

Варвара. Нет, Илюша, прошу тебя, будь в этом сюртуке. В нем венчались и дедушка и мой отец.

Илья. Хорошо. Скоро все-таки меня поведут в церковь?

Варвара. Сейчас, подожди немного. Присядь. Только есть тебе ничего нельзя. Не волнуйся. Возьми себя в руки.

Илья. Оставь, пожалуйста. Я совершенно спокоен. *(Садится и чистит бензином сюртук.)*

Желтухин. Счастливец. Красавец. Эх, черт, скинуть бы мне двадцать годков, показал бы я вам, как надо жениться.

Илья. Вы, я вижу, здесь в роли капитана на погибающем корабле.

Желтухин. Как-с? Я не совсем понял?

Варвара *(поспешно)*. Видишь ли задержка за твоими шаферами. Ах, Илюша, как ты меня огорчил. Не пригласить на свадьбу дядю Григория! Его тетка и моя тетка обе — Ивашенцевы. От того Ивашенцева, что при Александре Первом на ручном медведе проехался.

Желтухин. Как же, помню, помню.

В глубине появляется Маша с полотенцем. Ее видит один только Илья.

Илья *(вскакивает, кричит)*. Это невыносимо! Я не могу больше ждать!

Варвара. Скоро, скоро, батюшка.

Илья. Я иду наверх, к себе. Когда ударят в колокол — спущусь. *(Внезапно Желтухину.)* Скажите, Желтухин, этот ваш князь — порядочный человек?

Маша скрывается.

Варвара. Илья! Анатолий — двоюродный племянник Анны Аполлосовны.

Ж е л т у х и н. Редкой души человек.

И л ь я. Это я знаю. А стрелять он умеет?

Ж е л т у х и н. То есть как стрелять?

И л ь я. Из пистолета.

Ж е л т у х и н. Мух бьет на лету. Не верите?

И л ь я. Передайте ему, что если он вообще не прохвост, то обязан сдержать свое слово. *(Идет к двери.)*

В а р в а р а. Какое слово? Что ты говоришь?

И л ь я. Пожалуйста, тетя Варя, не трепыхайся. Мы разговаривали с твоим Анатолием в купальне, и я выяснил, что он забывает некоторые свои обещания. Вот и все. И вообще передайте ему, что не жениться до сих пор на Марье Семеновне неопрятно с его стороны. *(Оборачивается в дверях, с бешенством.)* Если он сегодня же не перевенчается с Марьей Семеновной, я его убью. *(Уходит.)*

В а р в а р а. Как ты смеешь говорить при мне таким тоном! *(Но Илья уже ушел, и она приступает к оробевшему Желтухину.)* Нет, как это вам понравится?!

Ж е л т у х и н. Варвара Ивановна... Все к счастью.

В а р в а р а. Акробатка ваша во всем виновата! Она, может быть, несчастная женщина, но я в таком состоянии сейчас, что жалеть ее не могу-с. Есть устои, милостивый государь, которые шатать нельзя-с...

Ж е л т у х и н. Нам... дворянам, Варвара Ивановна, конечно, дико...

Вбегает Д у н я ш а.

Д у н я ш а. Воейкина приехала, Анна Аполлосовна. Куда провести?

В а р в а р а. Ну, вот наконец посаженая мать приехала. Ты, глупая девка, наверно, сюда хотела ее вести. Проси в залу. Подожди, я сама. Убери объедки. *(Спешит к дверям, сталкивается с князем.)*

К н я з ь. Тетушка, какой грустный день.

В а р в а р а. Слушай, сударь, ты мне не позорь семейной чести.

К н я з ь. Ma tante!

В а р в а р а. Я тебе приказываю молчать, глаз не поднимать, покуда молодые не уехали. Понял?

К н я з ь. Слушаю-с.

В а р в а р а. Потом с тобой поговорим всерьез. *(Ушла.)*

Ж е л т у х и н *(конфиденциально Дуняше)*. Что же, ты не говорила барыне?

Д у н я ш а. Говорила.

Ж е л т у х и н. Как же ты ей сказала?

Д у н я ш а. Как вы научили, так и сказала.

Ж е л т у х и н. Повтори-ка.

Д у н я ш а. Сказала: думается, мол, мне, матушка барыня, что приезжие господа нам к счастью.

Ж е л т у х и н. Так, так, так. Ну, а Варвара Ивановна что тебе ответила?

Д у н я ш а. Ничего не ответили. Задумались.

Ж е л т у х и н. Задумалась? На тебе еще полтинник. Смотри, постоянно ей повторяй.

Д у н я ш а. Ладно. *(Уносит посуду.)*

Ж е л т у х и н. Волосы дыбом становятся!

К н я з ь *(глядя в сад)*. Вот по этой дорожке она пройдет в последний раз. Трава еще не успела просохнуть и замочит подол ее платья и ножки. Ударит колокол, она наклонит голову, наденет кольцо. Через десять лет будет считать себя увядшей. Потом старость. Как все просто.

Ж е л т у х и н *(дергает его)*. Анатолий.

К н я з ь. Да.

Ж е л т у х и н *(ревет)*. Женись на Марье, тебе говорю.

К н я з ь. Оставь, Абрам, мне очень трудно сегодня.

Ж е л т у х и н. Ты хочешь, чтобы тебя пристрелили, как дурака? Женись, ну, хоть через неделю. Дай только всем честное слово, что женишься.

К н я з ь. Это нужно?

Ж е л т у х и н. То есть как это нужно? А твое обещание?

К н я з ь. Tiens!

Ж е л т у х и н *(свирепо)*. Эти твои тьены ты брось. Посторонним людям — и то за тебя совестно. Бесчестный лгун!

К н я з ь. Я не могу простить Маше некоторых вещей.

Ж е л т у х и н. Будто она тебя мало била?

К н я з ь. Ты жалкий человек, Абрам. Над тобой слишком властен желудок. Шумишь, во все вмешиваешься... Ты, оказывается, дурно воспитан!

Ж е л т у х и н. Я дурно воспитан?

К н я з ь. Во всяком случае, не волнуйся. Сегодня мы уезжаем отсюда.

Ж е л т у х и н. Как?

К н я з ь. Да, все трое.

Ж е л т у х и н. Куда?

К н я з ь. Не знаю. Куда-нибудь.

Ж е л т у х и н. В ночлежку?

К н я з ь. Да, я думаю, что нам придется жить некоторое время в ночлежном доме.

Ж е л т у х и н *(жалобно)*. Анатолий, что ты мне говоришь!

К н я з ь. Быть здесь свыше моих сил. Еще раз упасть и так разбиться. Мне слишком грустно, Абрам. В гостинице где-нибудь, в номере, будет легче пережить. Хотя стоит ли вообще переживать... Подвести итог самому себе, мужественно признать дефицит и закрыть лавочку.

Ж е л т у х и н. Хорошо! Кончено! Уехали! Голодаем! В кулак свистим! Так бы ты мне и сказал. Знаешь, как я к тебе отношусь? Тьфу! Выродок!

В это время ударяет церковный колокол. Князь схватывает Желтухина.

К н я з ь. Ты слышишь? Дьячок начал читать часы. Это казнь! Абрам, я жалкий, бессильный выродок. Только что встретились мы с Раисой в саду. Я прочел в ее глазах решимость. Да, да. В ту минуту она была готова на все. Она ждала моего слова, знака. А я сказал шутку. Я не мог ей предложить самого себя. Не смею. Что может быть безобразнее? Я презираю себя.

Входит Р а и с а в подвенечном платье. Она рассеянна, жалко улыбается, подходит к Желтухину.

Р а и с а. Тетя Варя, уже звонят, пора.

Ж е л т у х и н *(вздохнув)*. Это я, Желтухин. Вот, право, как это все так...

Князь делает ему знак, он уходит в сад.

Р а и с а *(князю)*. Я хотела что-то сказать вам... Уже звонят. Батюшка запоздал на сенокосе. Нынче весной мы с тетей Варей несли свечи после двенадцати евангелий. Ночь была звездная, на дорожке хрустел снежок. Я поскользнулась и чуть не упала, а свеча погасла. Илюша много смеялся. *(Вздохнув.)* Вы верите в дурные приметы?

К н я з ь. Не знаю, Раиса, должно быть, верю.

Р а и с а. Вот Марья Семеновна руку обрезала. Я так и подумала — что-то случится. Невеселая наша свадьба, правда? Вашей жене здесь, должно быть, очень тоскливо. Вы уезжаете, и мы уедем сегодня. Прощайте, Анатолий. *(Дрогнувшим голосом.)* Прощайте.

К н я з ь. Прощайте.

Р а и с а. Вы куда-нибудь далеко уезжаете?

К н я з ь. Да.

Р а и с а. Вам не будет опять плохо жить?

К н я з ь. О нет, напротив.

Р а и с а. Не понравилось у нас, я так и думала. Здесь такая глушь. Совсем деревенское захолустье. А мне всегда казалось,— лучше наших мест не найти. Я родилась вон в том домике, при церкви, а с двенадцати лет, после папиной смерти, живу у тети Вари. Илюша говорит, что сегодня кончилась моя юность. Конец глупым грезам. Правда это? Полкан, собака наша, увидел меня да как завыл. Как нехорошо.

К н я з ь. Раиса...

Р а и с а *(поспешно)*. Что? Что?

К н я з ь. Давеча в саду я оскорбил вас, Раиса. Дело в том, что я ничтожный и грешный человек.

Р а и с а. Нет...

К н я з ь. Я выродок. Таких людей не принято пускать в порядочный дом.

Р а и с а. Не верю вам.

К н я з ь. Я бывал нечист в карты. Я не платил долгов. Обманывал женщин. Ни разу не сделал усилия стать лучше. Все последнее время жил на средства Марьи Семеновны. Я никого не любил... Вот почему я снес эту пощечину. Я заслужил ее. Боже мой!.. Раиса!..

Раиса заплакала.

Раиса. Все равно мне вас жалко.

Князь. Поймите,— этого не может быть. Этого не может быть!

Входит Илья.

Илья. Звонят. Ну, что же — пора идти. А где все?

Раиса. В зале.

Илья. Э, да ты плачешь. Послушайте, князь, вы и тут, кажется, поспели. Нажаловались. Ну и пошляк же вы, ваше сиятельство.

Князь *(тихо)*. Вы раздражены и не правы.

Раиса *(Илье дрожащим голосом)*. Если ты сию минуту не попросишь у него прощения,— мы рассоримся.

Илья. Это еще откуда гром загремел? Я должен извиняться? Не узнаю тебя, моя милая.

Раиса. Я тоже тебя не узнаю, Илья.

Илья. Да ты книжек, что ли, каких-нибудь начиталась? Что такое? Откуда?

Раиса. Да, я слишком много читала глупых книг. *(Швыряет со стола несколько томов.)* Читай сам, пожалуйста.

Илья. Раиса, ты с ума сошла!

Раиса *(дрожащим голосом, закрыв глаза)*. Я не люблю тебя больше. Ты грубый, тупой, бессердечный, упрямый человек...

Илья. Чепуха!.. *(Вытирает лоб.)* Дурацкие бредни. Ты отлично понимаешь, что мы должны... *(Кричит.)* Может быть, и мне в горле застряла эта свадьба. Я же молчу. *(Внезапно.)* Раиса, ты влюблена? Что? Ну, отвечай... Да?

Раиса молчит, стиснув зубы.

Князь. Оставьте ее.

Илья. Уйди.

Князь. Не мучайте ее.

Илья. Уйди, говорю.

Раиса. Уйди сам, уйди сам.

Князь *(берет его за плечи)*. Вы сильный и мужественный. Будьте же честным.

Илья *(освобождается)*. Я ведь в самом деле тебя убью...

Р а и с а. Не смеешь! Боже мой, как глупо!

Появляется М а ш а. Илья мгновенно утихает и глядит на Касатку.

М а ш а. Звонят. *(Илье.)* Что глядите? Я вас не съем.

И л ь я. Вообще какого черта!

М а ш а *(протягивает руку)*. Нате.

И л ь я. Что это?

М а ш а. Должно быть, вы обронили.

И л ь я. Я ничего не терял.

М а ш а. Булавка из галстука. Возьмите.

Он протягивает руку. Она быстро и крепко сжимает ее.

И л ь я *(тихо)*. Пустите мою руку.

М а ш а *(тихо)*. Больно?

И л ь я. Да.

М а ш а *(тихо, взволнованно)*. Зачем?.. Зачем?..

И л ь я *(вырывает руку)*. Благодарю вас.

Маша делает жест отчаяния, он платком вытирает кровь на руке и идет к выходу, где появляются В а р в а р а, А н н а А п о л л о с о в н а и В е р о ч к а.

В а р в а р а *(Илье)*. Куда? Нет, не пущу.

А н н а. Раиса, здравствуй, душа моя. Венчаться надумали? Повенчаем. Дело простое... Анатолий! Сударь мой, здравствуй. *(Обнимает его.)*

В а р в а р а *(Илье)*. Девки из деревни пришли, хотят славить. Как ты думаешь, хватит у нас водки?

Она подходит с Ильей к шкафу и меряет водку в четверти. Вера целуется с Раисой. Маша отходит в глубину за камин.

А н н а *(выпустив князя из объятий)*. Не узнал старую тетку Анну Аполлосовну?

К н я з ь. Что вы, тетя Анна! Конечно, узнал. Вы мало изменились.

А н н а *(хохочет мужским басом)*. Разодолжил! Подарил рублем! Да я, отец мой, совсем старая стала, и мясов прибавилось вдвое. *(Хохочет)*. На прошлой неделе произошел даже от этого неприятный пассаж: ехали мы с дядей Григорием в его коляске, той, что

на круглых рессорах. И вдруг в колдыбашине, помнишь, за поворотом из рощи, есть у меня рытвина, коляску тряхнуло, и обе рессоры пополам. *(Хохочет.)* Ну, ведь и дядя Григорий не легок стал. Ты к нему непременно съезди, поклонись. Он тебя любит. Нехорошо, нехорошо родных забывать, племянник. Что же ты мне про себя не рассказываешь? Чай, поди по министерству пошел? Лицо у тебя какое-то озабоченное.

Князь. Нет, тетя Анна, я не служу.

Анна. Ну, и это тоже хорошо, греха меньше. А то нынче все в дела кинулись. Помещика нашего, Бабкина, помнишь? Пошел служить и проворовался... Женат?

Князь. Нет, тетушка.

Анна *(взглянув на Касатку.)* Слышала, слышала про твои проказы. У нас в уезде тетку Варвару никто, конечно, всерьез не принимает. У нее всегда кунсткамера в дому. Либо воспитывает кого, либо спасает. Мой совет, подумай хорошенько, раньше чем жениться на твоей Жульете. А лучше всего совсем не женись.

Князь. Благодарю вас, тетушка, за совет.

Анна. Что же я тебя с Верочкой не познакомлю? Вера.

Вера перестает шептаться с Раисой и подходит.

Вера. Да, мама.

Анна. Познакомься, да поцелуй его: родственник.

Князь. Очень рад увидеть вас, кузина.

Анна *(хлопнув дочь по спине)*. Она у меня, разумеется, «стремится». А я еще по старине: замуж выйдешь, милая моя, тогда и стремись, хоть на луну. *(Отходит к Илье.)* Ну, а ты, жених, что нос повесил? Угости-ка меня табаком. Крепкий, наверно, куришь?

Илья. Крепкий.

Вера *(князю, шепотом)*. Раиса мне все рассказала. Какая трагедия. Она только тети Вари боится, иначе бы давно покончила с собой. Но, если вы скажете хоть одно слово, она не пойдет под венец.

Князь *(с тихим отчаянием)*. Зачем вы говорите мне?!

Вера. Вам надо подойти к Илюше, нанести ему оскорбление перчаткой по лицу и вызвать на дуэль.

Князь. Не понимаю...

Вера. Произойдет страшный скандал, тетя Варя упадет в обморок, у мамы разболится ишиас, и батюшка откажет венчать. А вы тем временем будете стреляться. Господа, сделайте так, пожалуйста.

Князь. Благодарю вас за лестное мнение обо мне, кузина. К сожалению, я лишен права носить рыцарские шпоры.

Вера. Все равно, это будет страшно интересно.

Вбегает Дуняша.

Дуняша. Обедня началась. Батюшка беспременно велел всем идти в церковь.

Варвара. Ну, слава богу!

Дуняша. Барыня, еще барин Желтухин велел вам сказать, что приезжие господа нам к счастью...

Варвара. Ах, оставь, пожалуйста, весь день лезешь ко мне со своими глупостями.

Дуняша. Виновата. *(Уходит.)*

Варвара. Ну, дети мои, Раиса, Илюша. Что бишь хотела вам сказать в напутствие? Много что-то сочинила ночью, да голова дырявая стала. Присядемте. *(Вынимает бумагу.)*

Все присаживаются.

Вот тут завещание. Я уж вам говорила. Свадебный подарок. Половину имения отказываю Раисе, а другую половину — Илье. А я у вас так буду жить, завалящей старушонкой, покуда ноги не протяну... Да, вот еще вам на дорогу, каждому по триста рублей. *(Дает деньги в конвертах.)*

Раиса. Тетя Варя, милая...

Илья. Тетушка... *(Целует ее.)*

Варвара.. Ну, ну, перестаньте благодарить. Не люблю. *(Указывает в сад.)* Вот пойдете вы этой дорожкой, она будто и коротка, а путь по ней дальний, и преград много, а еще больше соблазнов.

Анна. Много, много соблазнов. Хорошо говоришь, Варвара.

Варвара. Но соблазны не страшны. Напротив. Одно только нужно: в чувстве своем быть честным и верным. Любишь — не стыдись, люби во всю мочь, а разлюбил — так и скажи.

Маша *(громко)*. Вот это верно!

Анна. Что? Что такое?

Илья. Идем!

Варвара. Гм... гм... Ну, пойдемте, друзья...

Анна. Раиса, дай-ка мне руку, дитя мое. *(Дочери.)* Подальше от этой женщины. Да не забудь оторвать у невесты кусок фаты.

Вера. Очень нужно. Такой брак, фи! *(Уходит.)*

Варвара. Илюша, а ты мне дай руку.

Илья. Тетушка, я лучше пойду сам.

Варвара. Тогда, Анатолий, дружок мой, возьми-ка меня... Ноги что-то ослабли.

Все направляются к выходу.

Марья Семеновна, а вы что же?

Маша. Я не пойду в церковь.

Варвара. Воля ваша.

Анна. Так-то и лучше, без посторонних.

Все уходят. Маша берет гитару, трогает струны. Появляется Желтухин.

Желтухин. А я в церковь иду.

Маша. Иди.

Желтухин. Ладана боишься? Ведьма! Что — сорвала свадьбу? А я после венца перед тетушкой на колени встану... И мне не стыдно. Стану и разревусь. Да-с. Пойди-ка такого выгони на ветер.

Маша. Пошел вон! *(Берет несколько аккордов. Затем облокачивается и плачет.)*

Желтухин исчезает.

Люблю, люблю, люблю...

Пауза. Появляется Илья.

(Вскрикивает.) Пришел?!

Илья *(сильно вздрогнув)*. На одну минуту. *(Подходит.)* Во всей жизни нашлась только одна минута...

Это ужасно... Чудовищно... Но ведь жжет меня... Касатка, прощай! *(Пытается ее обнять.)*

Она резко отстраняется.

Маша. Я закричу на весь дом.

Илья. Почему?

Маша. Прошла охота.

Илья. Но ты нарочно ждала меня?

Маша. Ждала.

Илья. Знала, что приду?

Маша. Знала.

Илья. Так что же тебе? Эта минута, быть может, больше всей моей жизни.

Маша. А мне теперь дела нет до твоей жизни. Пропади ты с невестами, с тетками... Тоже — сокровище подарил, минутку. Что, я на ней верхом стану скакать? Да мне теперь и всего-то тебя не надо. Много возни с таким.

Илья. Я не уйду.

Маша. Вот и хорошо. Давай в шашки играть.

Илья. Не мучай меня.

Маша. Очень нравлюсь?

Илья. Тебе нужно, чтобы я оказался подлецом?

Маша. Вот сейчас совсем обижусь. Иди, дружок, венчайся хоть со всей деревней. Чересчур ты ни в чем не виноватый. Пресный.

Илья. Маша, что мне делать?

Маша. Идемте в церковь, и на «ты» больше не разговаривать. Скоро я сама стану княгиня. Тогда никто не посмеет выпрашивать минутку. *(Берет его под руку.)* Погибшее создание, видно? Смириться мне нужно? А я на солнышке отогрелась и вдруг подумала, что и меня можно полюбить на всю жизнь...

Илья обхватывает ее и целует.

Целуйте... Все равно. Бог с вами. Люблю.

Илья. Подожди. Подожди, Маша... *(Глядит ей в лицо.)* Милая!.. Маша! *(Внезапно.)* Едем!

Маша. Куда?

Илья. Не знаю. Едем! Все равно.

Маша. С ума сошел!

Илья. *(торопливым страстным шепотом).* Тройка запряжена... в каретнике... Я сам приказал... трехлетки... как ветер...

Маша. Что ты!.. Что ты!.. Раиса?

Илья. Плевать! Ничего не бери с собой... только плед... Мы пробежим через вишенник... Сюда идут... скорее!

Маша. Боюсь!

Илья схватывает ее на руки.

Пусти!

Илья. Молчи, молчи!.. *(Несет ее к выходной двери.)*

Маша. Илья! Илюша! Любовь моя! Радость!..

Илья с Машей на руках скрывается. Из сада появляется Желтухин.

Желтухин. Илья Ильич, вас ждут, Илья Ильич!.. Маша! Машенька!.. Эй, господа, куда же вы?.. Батюшки-светы!.. *(Стучится в дверь.)* Марья Семеновна, послушайте, так, право, неудобно. *(Прислушивается.)*

В это время за окном проносится с бешеным топотом и звоном тройка.

Увез! Увез! Держите его! Разбойник! *(С этими словами бросается к выходу.)*

За сценой гул голосов, женский крик и, когда занавес опускается, слышен набат.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маленькая пристань на Волге. Горит керосиновый фонарь. В темной воде отражаются звезды. Громко щелкают соловьи на берегу. На мешках спит Касатка. Сбоку выходят Илья и матрос Панкрат, который почесывается. Он бос и без шапки.

Илья. Когда же придет пароход, я спрашиваю?

Панкрат. Пароходу скоро надо быть. *(Плюет в воду.)* Через три четверти часа.

Илья. Ты эти три четверти часа брось. Говори прямо, на сколько опоздание?

Панкрат. Депеши не было, мы не знаем. *(Уверенно.)* Пароход обязательно сидит на мели.

Илья. Ну, а пароход снизу?

Панкрат. Да они в одно время приходят.

Илья. Почему же и его нет до сих пор?

Панкрат. Тоже, чай, на мель залез. Разве здесь мыслимо проехать? Перекаты.

Илья. Что же нам теперь делать?

Панкрат. Светать скоро начнет. Соловей шибко запел. Это он непременно к дождю. Али так поет, кто его знает. Беда, много соловья в тех кустах.

Илья. Свежо. Ветерок поднялся. *(Пледом прикрывает ноги Маше.)*

Она просыпается.

Маша. Илья, милый...

Илья. Парохода все еще нет.

Маша. Мне снилось сейчас... Ах, как странно.

Илья. Что снилось тебе?

Маша. Заснула на этих мешках,— кажется, так сладко никогда не спала. *(Кладет руки Илье на плечи.)* Тихо. Вода плещется... Кто это щелкает?

Илья. Соловьи.

Маша. Ну да.

Панкрат. Чаю не желаете? Чайник все равно буду кипятить.

Илья. Хорошо. Да. Пойди вскипяти.

Панкрат уходит.

Маша. Илья, такой ночи не было в моей жизни.

Илья. Тебе не сыро?

Маша. Нет. Знаешь, что мне снилось? Будто я лежу в поле, и я — простая, деревенская, какая была давно. В темноте в поле — шаги и никого не видно. А я все-таки знаю, что идешь ты. Вот и весь сон.

Илья. Да, да, пришел к тебе... навсегда.

Маша. Илья, никому тебя не отдам. Но мне что-то грустно... Должно быть, от счастья... Прости меня, Илья, только мне все кажется, что мне не за что та-

кое счастье. *(Вздохнув.)* Ночь-то, ночь, хоть бы и не кончалась. Я люблю тебя, знаешь как? Всей душой... всей кровью люблю...

Илья *(целует ее)*. Люблю всей кровью. *(Целует.)* У тебя светятся глаза. Волшебное, дивное лицо.

Маша. Долго ты будешь любить меня?

Илья. Маша!

Маша. По моему расчету, два года. Разве я такая, чтобы меня любить всю жизнь?

Входит Панкрат.

Панкрат. Чайник вскипел.

Илья. Хорошо, хорошо, мы сейчас придем.

Панкрат. Чай, сахар чей будет, ваш или своего заварить?

Илья. Маша, пойдем лучше на берег.

Маша. Пойдем.

Панкрат. С кормы сходите прямо на песок. А то тут грязища. *(Идет за ними по мосткам до берега.)*

Илья *(с досадой)*. Знаем.

Он и Маша уходят направо.

Панкрат. Какой сердитый. Тоже не велика птица — соловей...

Появляется Желтухин с гитарой и чемоданом.

Желтухин *(подойдя и опуская вещи)*. Как звать-то?

Панкрат. Панкратом.

Желтухин. Скоро будет пароход?

Панкрат *(сплевывает)*. Через три четверти часа.

Желтухин. Вот, братец ты мой, какие дела. Уезжаю.

Панкрат. Далеко?

Желтухин. За границу.

Панкрат. Не понравилось?

Желтухин. Так как-то... Не душевно. Скучно. Дороги ужасно пыльные. И люди какие-то дикие у вас. Удивительно некультурно. Глушь!

Панкрат. За границей, что говорить, легче.

Желтухин. Не останавливаясь ни в одной из европейский столиц, проеду прямо в Монте-Карло. Видишь, чемодан? Мой приятель наиграл его полный денег, триста с чем-то тысяч в одну ночь. А чемодан потом мне подарил. И везде у них асфальтовые дороги, автомобили, кафе на каждом повороте. Сигара стоит три копейки самая лучшая.

Панкрат *(с сомнением)*. Вы кто же — рюсский?

Желтухин. Русский дворянин. А что, на пароходе имеется четвертый класс?

Панкрат. На товарных бывает четвертый класс.

Желтухин. У меня вот тут поросеночек с собой да баранья ножка. Кабы водочки, а?

Панкрат. Где ее достать! Сами бьемся.

Желтухин *(душевно)*. Я бы выпил, Панкрат.

Панкрат. Ну уж, идемте.

Они идут налево, в это время слышен колокольчик.

Желтухин. Подожди. А вдруг это Варвара Ивановна едет? За мной. Одумалась. Панкрат?

Панкрат. Все может быть.

Колокольчик ближе и голос: «Тпрру».

Желтухин. Необыкновенная женщина, но крута. Я даже руками развел — кремень.

Появляется Варвара.

Варвара *(Желтухину)*. Вы что же это — пешком ушли? Я, кажется, могла бы дать лошадь.

Желтухин. Ей-богу, как-то не сообразил, Варвара Ивановна...

Варвара. Думаю, что вы тоже это назло мне сделали, для сраму.

Желтухин. И в мыслях не было, Варвара Ивановна...

Варвара *(трясет головой)*. Стыдно, очень стыдно. *(Панкрату.)* Кто-нибудь еще дожидается здесь парохода, кроме него?

Панкрат. Дожидаются.

Варвара. Кто же? Может быть, Илья Ильич?

Панкрат. Он самый.

Варвара *(Желтухину)*. Вот видите, я же говорила, что они здесь... *(Панкрату.)* Где Илья Ильич?

Панкрат. На берегу.

Варвара. Где же?

Панкрат. Вот, поправее тех кустов, там, надо быть, он и находится.

Варвара. Вон у тех кустов?

Панкрат. Это не кусты, это телеги стоят, а полевее чуть, там кусты.

Варвара *(с волнением и надеждой)*. Один?

Панкрат *(плюнув)*. С женщиной.

Варвара. С женщиной? Ну хорошо. *(Уходит направо.)*

Желтухин. Происшествие вышло у нас в высшей степени неприятное, но надо посмотреть философски, с птичьего полета. Может быть, все это к счастью? А как я сказал ей, Панкрат, это слово... Боже ты мой!.. Вспомнить жутко... Я в купальне спрятался. И, знаешь, сижу там, гляжу на воду, тихо, птички летают, а у меня слезы прямо градом. Опять город, опять номера, бильярды, времяпрепровождение!.. Не те года мои, Панкрат!

Панкрат. Вам самое подходящее — к ней на хлеба. Спокойно.

Желтухин. Я и по хозяйству могу распорядиться. Но в особенности — огород. Такой, брат, тебе артишок выращу — с капустный кочан. Ей-богу, гораздо больше, чем с капустный кочан. Я, Панкрат, сегодня напьюсь, пожалуй.

Уходит с Панкратом налево, унося гитару. На конторку осторожно поднимаются Раиса и князь с маленьким чемоданчиком. Говорят громким шепотом.

Раиса. Уверяю вас, я слышала голоса.

Князь. Никого нет.

Раиса. А вдруг здесь тетя Варя?

Князь. Нет, она бы нас обогнала.

Раиса. Она могла проехать верховой дорогой. Ай! Слышите?

Князь. Да...

Раиса. Очень страшно.

Князь. Раиса... Вам страшно? Вы уже раскаиваетесь? Быть может, вернуться?

Раиса. Вернуться?.. Что вы... Они замучили меня! Не хотела венчаться, заставили, теперь я же оказалась виновата.

Князь. Раиса, куда же мы едем все-таки?

Раиса. А я почем знаю?.. Проводите меня до Симбирска... Там у меня дядя, служит в конторе... Поступлю переписчицей... Буду служить до глубокой старости.

Князь. Я предполагал другое.

Раиса. Что вы предполагали? Всю дорогу молчали, покуда мы сюда ехали... Думали о вашей Марье Семеновне... Уходите...

Князь. Нет...

Раиса. Да... да... Прощайте... Не нужно мне никаких проводов. Уеду одна.

Князь. Раиса... Раиса...

Раиса. Вот, вот, вот, именно Раиса... *(Села, заплакала.)*

Князь. О чем?

Раиса. Вы такой странный...

Князь. Вы должны понять...

Раиса. В высшей степени обидно... Сама же предложила вам уехать и теперь вижу, что вы едете только из вежливости.

Князь. Нет... нет... только не из вежливости...

Раиса. Но почему вы молчите все время? Да, нет...

Князь. Раиса... Я не смею вам говорить некоторых слов...

Раиса *(быстро, с надеждой)*. Каких?

Князь. Это кощунство... Я столько раз легко повторял эти слова... Нет, Раиса... Я мучаю, я оскорбляю вас...

Раиса *(поспешно)*. Да, да, ужасно оскорбляете. Ну? *(Глядит ему в рот.)*

Пауза.

Князь *(глухим, страшным голосом)*. Я вас... люблю...

Раиса. Ай! *(Шепотом.)* Носовой платок!

Князь. Сейчас, сейчас... *(Достает из чемодана.)*

Раиса. Это совсем не платок! Пустите, нельзя у меня рыться в чемодане. *(Достает платок.)* Очень скоро вы разочаруетесь во мне, я уж знаю. *(Громко было заплакала.)*

Князь наклоняется к ней.

Князь. Люблю вас... люблю вас... люблю вас... *(Целует.)*

Раиса. Еще... Ну...

Князь. Люблю тебя... люблю тебя... люблю тебя...

Раиса. Анатолий... я тоже...

Князь. Я ничего не понимаю.

Раиса. Анатолий... я тоже...

Панкрат *(появляется)*. Может, чай пить станете? Чайник вскипел.

Князь. Послушай, матрос...

Раиса. Панкрат.

Панкрат. Ну?

Князь. Пароход скоро?

Панкрат. Пароход не проходил. Запаздывает.

Раиса. На сколько?

Панкрат. На три четверти часа.

Князь. Хорошо, иди, иди...

Панкрат. Соловьи-то, а? Самая беспокойная птица.

Князь. Благодарю вас.

Панкрат. Шут их возьми, как орут громко...

Панкрат уходит. Князь близко около Раисы.

Раиса. Ну?

Князь. Нежные девичьи волосы. Милое, милое лицо... Глаза мои, звезды мои...

Раиса. Знаете, Анатолий, только никому не говорите... Я полюбила вас с первого дня, как увидала,

Князь. Снова — жизнь, бесконечная жизнь.

Они целуются. Появляется Илья.
Илья громко кашляет.

(Отскакивает от Раисы, Илье.) Я готов драться с вами каким хотите оружием!

Илья внезапно начинает хохотать.

Превосходно! Вы мне неприятны! *(Ударяет его перчаткой.)*

Илья *(обхватывает его)*. Да, молодец, молодчина! Маша, Маша!

Появляется Маша.

Князь. Пустите же. *(Освобождается.)* Я не позволю шутить над Раисой Глебовной, вы слышите!

Раиса *(Илье)*. Я тебя ненавижу!

Илья. Маша, целовались. *(Смеется.)* А мы собрались прощенья у них просить.

Раиса. Не нуждаемся в ваших извинениях. Анатолий, идемте на берег.

Князь. Да, сейчас идем. Марья Семеновна, я хочу только предупредить вас, что считаю себя перед вами в большом долгу и готов исполнить ваши требования,— все, кроме одного.

Маша. Спасибо, Анатолий. Мне ничего не нужно от тебя.

Илья. Ну, довольно. Мы у вас прощенья попросили, вы желаете сердиться, мы уходим.

Князь *(Илье)*. Всегда к вашим услугам.

Илья. Ладно, разберемся...

В это время Желтухин, незаметно подкравшись, бросается на Илью.

Желтухин. Вот он где! Варвара Ивановна!

Маша. Абрам!

Желтухин. А!.. Удрать хотели!

Илья *(стряхивая его)*. Не цепляйтесь вы за меня.

Желтухин *(кричит)*. Тетя Варя, тетя Варя! Поймал! Держу!

Раиса. Боже мой, здесь тетя Варя...

Илья. Маша, не бойся.

Голос Варвары. Иду, иду.

Молчание, слышны шаги по мосткам, тяжелое дыхание. Появляется Варвара.

Желтухин. Вот они. Здесь. Все четверо. Поймал.

Варвара. Все здесь? Ну, давайте разговаривать. *(Садится.)* Спасибо тебе, Илья. Осрамил на весь уезд. Большое будет веселье в уезде. Да уж я-то — старый гриб, на меня можно и наплевать. А вот что нам с девушкой делать после такого позора? В монастырь — одно место. Ведь после таких историй на девицах не женятся. Разве что найдется какой-нибудь отпетый человек... А где его я буду искать?

Князь. Тетушка...

Варвара. Помолчи... Ну, Илья. Грустно тебе — вижу. Но после сам поблагодаришь, что вовремя тебя остановили от безумия... Отойди от этой женщины.

Князь. Тетушка...

Илья. Тетя Варя, пусть это все зарубят у себя на носу: Маша — моя возлюбленная жена.

Варвара. Что ты говоришь?.. Илюша!..

Илья. Это кажется тебе невероятным и недопустимым. Поэтому мы уезжаем, Маша и я... А когда мы вернемся, я хочу, чтобы все было вероятно и допустимо.

Варвара. Илюша, какая беда!

Илья. По-твоему, беда, а по-моему, счастье, о котором я не смел мечтать. Кстати, Раиса тоже уезжает — с князем...

Варвара. Раиса?.. Анатолий? Да вы шутите надо мной?..

Князь. Тетушка... Мы не шутим...

Раиса. Тетя Варя, мы не шутим...

Варвара. Не подходите ко мне... Своевольники. Бесстыдники. Этого я не переживу, так и знайте...

Два гудка парохода один за другим.

Панкрат. «Самолет» подошел и «Меркурьевский» — в одно время аккурат. Пожалуйте в лодку.

Варвара. Прочь, прочь! Делайте как хотите. Уезжайте с глаз долой. Не хочу вас, не хочу никого. Панкрат, подавай им лодку.

Панкрат. Есть.

Раиса. Тетя Варя, мы скоро вернемся...

Князь. Тетя Варя, я человек, рожденный заново... Я полон решимости.

Варвара. Убирайтесь, слышать ничего не хочу...

Илья. Мы тебе напишем с дороги.

Князь, Раиса и Илья идут к трапу, спускаются в лодку. Маша подбегает к Варваре и опускается у ее ног.

Маша. Я буду ему верной женой. Ни одна женщина не сможет так любить Илюшу. Не успеет он и подумать, а уж я все исполню. Везде поспею. Не гневайтесь, простите нас, Варвара Ивановна. Я много, много делала дурного, а полюбила в первый раз... Позвольте мне жить с ним, покуда он сам не разлюбит.

Варвара *(глядит в ее лицо)*. Так вы любите его? *(Делает движение, чтобы обнять, и отстраняет.)* Нет, не могу сейчас. Уезжайте. Да уж недолго прохлаждайтесь на пароходах. Животы испортите от ресторанной пищи...

Илья. Маша!..

Маша уходит.

Желтухин *(перегнувшись через перила)*. Прощайте, счастливой дороги...

Голоса. Прощай, Абрам. Жди нас. Прощай.

Желтухин. Пишите. Пишите. Счастливый путь. *(Машет шляпой.)*

Слышны плеск весел и голоса отъезжающих.

(Поворачивается к Варваре.) Каков неожиданный поворот обстоятельств, Варвара Ивановна. Даже недолго и прослезиться. А я решил с товарным пароходом поехать. И удобнее как-то и дешевле. За границу еду.

Варвара. Уехали... В одну минуту все разломали, все перевернули, по-своему устроились. Глупые, глупые, смешные дети... Боже мой, но ведь Раиса даже калош не взяла! Ах, девчонка!

Желтухин. На пароходе сухо, Варвара Ивановна.

Варвара. Что?

Желтухин. Я говорю, вот она, молодость-то... (*Разводит руками.*) И нам, старикам, одно остается — надеяться, что все будет к счастью. Виноват, Варвара Ивановна, я в том смысле, что самое главное в жизни — это счастливое расположение духа, сердечная дружба и любовь...

Варвара. Любовь, любовь. Вот уж и светает. И соловьи поют громче.

Желтухин. Не смею вас больше беспокоить. Прощайте, Варвара Ивановна.

Варвара. Прощайте, батюшка. Что я хотела вам сказать?.. Да... Куда ехать-то собрались? За границу? Там, чай, и без вас обойдутся. Оставайтесь уже у меня жить, все равно.

Желтухин. Кто? Я? У вас?.. Жить?..

Варвара. Молодежь будем поджидать. Не поссоримся. (*Идет с мостков на берег.*)

Желтухин за ней.

Желтухин. Варвара Ивановна, слов у меня нет никаких. Лишился! Кроме того, Варвара Ивановна, давно хотел сказать: у меня большой опыт по саду, огороду и тому подобное. В особенности — откармливать поросят... (*Панкрату.*) Тащи мой чемодан в коляску, скорее... А уж артишок, Варвара Ивановна, выгоню... Вот... на удивление всему уезду...

Варвара вздыхает. Издалека прощальные голоса.

Все животные имеют право на отдых, птицы вьют гнезда, лисы роют норы... Ах, дорогая тетушка, жизнь тяжелая и даже нелепая штука...

Занавес

РАКЕТА

Пьеса
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семен Павлович Хрустаков — инженер. Действие застает его на временном отдыхе — ему 43 года.

Даша — его жена, 27 лет.

Конкордия Филипповна — мать Хрустакова.

Люба — сестра Хрустакова, 25 лет.

Никита Алексеевич Табардин — Любин муж, 30 лет.

Дмитрий Аполлонович Алпатов — отец Даши, помещик.

Константин Михайлович Заносский — актер.

Николай Николаевич Белокопытов — художник.

Толстяк.

Податной инспектор.

Дама.

Пристав.

Супруг.

Супруга.

Барышня Шунькина.

Горничная.

Садовник.

Лакей.

Действие происходит в июле месяце, на даче Хрустакова «Сезон» и в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Внутренность дачи. Прямо, в глубине, стеклянная стена с дверью на балкон и в сад, где видны два стеклянных шара, клумбы, фонтан, забор. Дворник поливает цветы. Направо, на передней сцене, фонарь из цветных стекол, выходящий на север. В фонаре две качалки, столик, ковры, подушки. С левой стороны балконных дверей плетеная мебель, за ней дверь в спальню. Налево, на переднем плане, тоже дверь. Все помещение и обстановка новые и безвкусные, в смешанном стиле загородного ресторана и английского коттеджа. Преобладают розовые тона. В фонаре на качалках лежат Даша и Люба, едят вишни. В дверях балкона Конкордия держит Алпатова за пуговицу. Вдалеке кричит мороженщик. На стеклянных шарах нестерпимо блестит солнце.

Конкордия. Мы сделались буржуями, собственниками дачи. На это могут быть только две точки зрения. Во-первых, приобретая собственность, я расписываюсь, как несостоятельный должник: для нас, идейных людей, всякая собственность есть жернов, надетый на шею. Когда мой сын купил эту дачу, перестроил по своему вкусу и назвал «Сезон», я написала моему другу, секретарю «Народного Колоса»: собираю чемоданы и бегу от детей, от пошлости, подыщи мне чердак. Да. Собственность я отрицаю безусловно.

Алпатов. Ну, как сказать... Вы все-таки немного резки в суждении.

Конкордия. А все-таки дача под Москвой — это культурно. Надо же немного быть европейцами. Чу-

точку культуры,— говорю я. Будь у нас в Москве хорошая мостовая, нас бы уважали больше в Европе. Даю руку на отсечение.

Алпатов. Я вас глубоко понимаю, добрейшая Конкордия Филипповна. Сорок семь лет я владею клочком земли, и до сих пор меня коробит от слова «помещик». Я строго запретил крестьянам называть себя барином. Когда я вижу крестьянскую спину, согнутую над сохой, вопрошающее лицо мужика, бедность и мрак нашей деревни,— я чувствую себя вечным преступником, злостным банкротом.

Конкордия. Друг мой, вы — хорошо говорите.

Алпатов. Покуда моя дочь Даша была ребенком, росла и развивалась в девушку, я еще мог повторять: «Ты делаешь незаметное, но нужное дело, ты вписываешь в чистой душе ребенка вечные истины добра и справедливости». И я мирился с положением помещика. Но теперь...

Конкордия. Эх, голубчик, мы все так или иначе у общественного пирога.

Алпатов. Но мы отклонились от главной темы. В основу воспитания моей дочери я положил метод рационального наблюдения над явлениями природы...

Конкордия. Понятно.

Они повертываются спинами и медленно идут в сад.

Даша *(с качалки)*. Почему эта дача розовая?

Люба *(с другой качалки)*. Даша.

Даша. Аюшки.

Люба. Как ты все-таки решилась?

Даша. Разговаривают, разговаривают с самого утра два эгоиста...

Люба. А что, если муж узнает?

Даша. Ну, узнает.

Люба. Костенька Заносский только на сцене хорош, уверяю тебя. А в жизни — фи. Дергается, некрасив, не выпускает папироски изо рта. И ведь вот поди ж ты, огромный успех у женщин. Все-таки в нем есть какая-то упоительная гнильца.

Даша. Люба, у тебя есть любовник?

Л ю б а. Ты с ума сошла.

Д а ш а. Я знаю, кто.

Л ю б а. Ну,— кто?

Д а ш а. Николай Белокопытов, художник.

Л ю б а. Какая чушь. Ты — глупа.

Д а ш а. Хорошо бы совсем поглупеть на этой даче... Ни один человек не объяснит, для чего вон там торчат стеклянные шары. В клумбе петуньи, крокет, и повсюду плетеная мебель. Как я ненавижу плетеную мебель.

Л ю б а. Ну, уж извини. Всего удобнее для дачи.

Д а ш а. Отчего наш сосед ночью не выворотит забора, не загонит к нам в сад коров и лошадей. Они бы сломали плетеную мебель и сожрали все петуньи. На нашей даче ничего, ничего хорошего не может случиться.

Л ю б а. С чего это ты выдумала болтать насчет Николая Белокопытова. Мне, милая, совсем не нравятся твои выходки. Если ты заводишь себе разных поклонников, то я для этого достаточно порядочна. Николай Белокопытов рисует мой портрет, вот и все.

Д а ш а. Ну, хорошо, хорошо. Голую тебя рисует?

Л ю б а. Пошло.

Д а ш а *(с тоской)*. Виновата.

Л ю б а. При Франциске Первом знаменитая фаворитка Диана де Пуатье велела писать себя обнаженной. У меня, милая моя, фигура ничуть не хуже.

Д а ш а *(смеется)*. Фаворитка.

Л ю б а. Нечему смеяться.

Д а ш а. А что скажет Никита?

Л ю б а. Мой муж не мещанин. Портрет я повешу у него над столом. Этот сюрприз давно задуман.

Д а ш а. Вешать приват-доценту голую женщину над головой — неудобно. Он будет рассеиваться во время работы. *(Вынимает записочку и читает.)* «Моя Прима Вэра, моя солнечная. Не могу дождаться мига, когда в мастерской снова зашелестит твое платье».

Люба вскакивает, выхватывает записку и рвет.

Л ю б а. Где ты взяла?

Даша. У тебя нашла на туалете. Мне очень понравился стиль.

Люба. Не понимаю, откуда она взялась. Это написано не мне. *(Садится.)*

Пауза.

Даша. Когда Никита приезжает?

Люба. Во вторник. Не знаю.

Даша. По-моему, он приедет сегодня.

Люба. Откуда ты знаешь?

Даша. Так, знаю. Чувствую. Ты очень по нем соскучилась?

Люба. Какая ты злая. *(Заплакала.)*

Даша. Ну-у, как скучно.

Появляются Алпатов и Конкордия.

Алпатов. Дрепер и в особенности Бокль украшали наши деревенские вечера. Сколько дивных минут мы переживали с Дашей, читая Геккеля «Мировые загадки». Нет и нет, в психологии моей дочери не может быть существенного изъяна. Просто увидела в магазине новенькую шляпу.

Конкордия. Тут дело не шляпке. А до ваших Боклей и Дреперов ей сейчас дела нет.

Алпатов. Вы говорите в таком тоне, Конкордия Филипповна...

Конкордия. В каком я тоне говорю, Дмитрий Аполлонович?.. Вам самолюбие дороже всего, а здесь на очереди семейная катастрофа. У Семена больное сердце. Это нужно помнить.

Алпатов. Убейте меня, не понимаю.

Даша. Слава богу, поссорились.

Конкордия *(Даше)*. Я стараюсь тебя понять и отказываюсь. Я хочу к тебе подойти, и не могу. У нас нет точек соприкосновения.

Алпатов. Видишь ли, дочурка, мы тут расспорились. Конкордия Филипповна находит, что ты держишь себя как-то странно последнее время.

Даша. Правда?

Конкордия. Семь лет замужем, и никакого идейного общения с мужем. Ты и Семен никогда не

спорите, никогда книжки вместе не прочтете. *(Любе.)* И тебе, матушка, не мешало бы послушать. Я тебя не для того родила, чтобы целый день вишни есть.

Люба. Поехали за орехами, мамаша.

Конкордия. Нет уж, потерпи. Я все лето молчала. Хоть и гнусно было жить с родными детьми. У какой-нибудь швеи семейно, у слесаря в сыром подвале свободнее дух, чем у вас. *(На Алпатова.)* Вот, спасибо, приехал. А то одна, слова им не скажи.

Люба. Да из-за чего ты волнуешься, мама?

Даша *(Конкордии)*. Вам хочется со мной поссориться... Поссоримся. Вам не нравится мое поведение? Что в нем вам не нравится?

Конкордия *(смотрит на нее, поправляет пенсне, затем обращается к Любе)*. Дело в том, что собирай-ка ты чемоданы да, не дожидаясь мужа, поезжай к нему в деревню к этим, как их...

Люба. Меня не звали. Я туда не поеду. Так и знайте. Там его друзья, не мои.

Конкордия. Дача тесная. Друг у дружки на носу сидим. Целый день мороженщики кричат. У Семена — сердце. Никите здесь и работать негде. Послушай меня, поезжай с мужем хоть в Крым, от греха подальше.

Даша *(поднявшись)*. Что это значит?

Конкордия *(едва сдерживаясь)*. Я с дочерью разговариваю. Об своих делах, не об твоих.

Даша. Я знаю, что вы меня ненавидите. Но прошу вас воздержаться от плоских и мещанских намеков. *(Идет в сад.)*

Конкордия. Мещанских? Да? Мещанских!

Из левой двери, из спальни, появляется Хрустаков, в подтяжках, заспанный, потягивается.

Хрустаков. Жена, ты куда? А я, кажется, поспал.

Играет шарманка, Даша уходит.

Вы что без меня раскуксились, ребятишки? *(Потирает руки.)* А недурна дачка. Только еще свежей краской припахивает. Зато спится в ней, умереть...

Конкордия. Твоя жена только что наговорила мне дерзостей.

Хрустаков. Что ты? Охота ругаться в такую жару. Кури поменьше, мать, не читай толстых журналов, сними нижнюю юбку. Сразу повеселеешь.

Люба. Мама, в каком ухе звенит?

Конкордия. Вы ослепли. Ничего не видите. Мозгами лень пошевелить. Готовы допустить грязь, распутство. Только бы не потревожили их благополучия. Мне здесь делать нечего.

Хрустаков. Мать, ты о чем?

Конкордия. Сам догадайся. Есть вещи, о которых прямо не говорят.

Люба. Ему лень догадываться. Опять начнутся колики. *(Смеется.)*

Хрустаков. Что-нибудь ужасное? А хорошо бы теперь чайку.

Конкордия *(Алпатову)*. Дайте мне руку, идемте. Я убегу когда-нибудь из этого дома.

Она и Алпатов уходят.

Хрустаков *(смеется)*. Либералка.

Люба. Она уверена, что у Даши с Никитой что-то есть.

Хрустаков. Ей непременно нужно везде найти какую-нибудь гадость. Моя Даша не такой человек.

Люба. Ты в ней уверен.

Хрустаков. Еще бы. *(Подумав.)* В ком можно быть уверенным. Видишь ли, сестренка, главное, никогда ничего не нужно предполагать.

Из сада входит Константин Заносский.

Заносский. Здравствуйте.

Хрустаков. Ура! Тень отца Гамлета.

Люба. Я думала, Даша пошла вам навстречу.

Заносский. Не видел.

Хрустаков. Смотрели, смотрели бенефицианта. Ну, брат, какого ты Карандышева изобразил, черт знает что такое. Хочешь пива?

Заносский. Нет.

Хрустаков. А я все-таки принесу. *(Уходя, напевает.)*

Люба. Костенька?

Заносский. Что, Любовь Павловна?

Люба. Как же вы так мне изменили?

Заносский. Я не имел чести находиться с вами в таких отношениях, при которых можно изменить.

Люба. Злюка.

Заносский. Я не люблю, когда со мной говорят фамильярно или зовут уменьшительным именем.

Люба. Скажите. Это на вас после бенефиса накатило. Действительно,— гений.

Заносский *(сквозь зубы)*. Да, гений.

Люба. Ну, и сидите один. *(Уходит, кричит в саду.)* Даша, Даша, там гений тебя дожидается.

Хрустаков *(появляется с бутылкой и стаканами)*. Холодненькое, с иголочкой. Первая вещь. Мы тут весь день чего-нибудь пьем, то чай, то воду, как отравленные. А говорят, хорош квас из морошки.

Заносский. Не пил.

Хрустаков. А бузу пил?

Заносский. Ради бога, сделай одолжение, не спрашивай меня, что я пил, чего не пил.

Показывается Даша.

Даша. Я вас не ждала.

Заносский. А я пришел.

Даша. Напрасно.

Хрустаков. Черт знает, господа. Все злятся сегодня, особенно женщины. *(Даше.)* Ты его похвали, артистов нужно хвалить громко и долго.

Даша. Вы играли добросовестно. Я смеялась над вашим Карандышевым. Вероятно, много получили цветов.

Заносский. Много, кроме одних — от вас.

Хрустаков. Ого!

Даша *(спокойно)*. Вы пришли, чтобы ссориться. Семен, оставь нас, пожалуйста.

Хрустаков. Нет, шалишь. Не уйду.

Даша. Уйди, я тебя прошу.

Хрустаков. В таком случае пойду ухаживать за барышней Шунькиной. У нас напротив, на скамейке, сидит барышня Шунькина, каждый вечер с книжкой. Малороссийский костюм, бусы, носик пуговкой и прочее. Сажусь рядом, спрашиваю, что читаете? «Омут», говорит, Горчакова. Смотрю — «Обрыв» Гончарова. Книжка засаленная. Омут. *(Смеется, уходит.)*

Даша. Если я не ответила на ваше письмо, значит, не хотела вас видеть. Вы пришли совсем напрасно.

Заносский. Ни один человек не причинял мне столько страданий. Я отказался от ужина в мою честь. Я выгнал женщин из уборной. Я не распечатал ни одного письма. Я играл как никогда. Только для вас. Вы не пожелали меня видеть. Вы не ответили на мое письмо. Вы обидели во мне артиста. Вы — замороженная, порочная, бездушная. Вы злы...

Даша. Очень сожалею, что лишила вас стольких удовольствий. Но какое вы имеете право так разговаривать со мной? Я вас не хочу больше. Кажется, ясно.

Заносский. А вы имели право... *(сжав кулак)* быть моей...

Даша *(живо)*. Мне не хочется вспоминать об этом.

Заносский. А вы подумали тогда обо мне? Почему, если вам нужен был... любовник, так это именно должен быть я.

Даша *(тихо)*. Не обижайте меня, Константин Михайлович.

Заносский. Я люблю вас. Я весь истерзан. Один... один. Думаю... думаю... О, как я страстно люблю вас.

Даша. Не нужно. Успокойтесь.

Заносский. Вы не хотите меня?

Даша. Нет.

Заносский. Не придете?

Даша. Может быть. Не знаю.

Он сидит, закрыв лицо руками, она ходит.

Счастья вам не будет в нашей связи, Константин Михайлович. Одна мука. Я виновата перед вами. Мне тоже очень тяжело.

Заносский. Да не слепой же я. Понимаю. Вы не можете меня любить. Юродивый, гнилой актер.

Даша. Я не по хорошему чувству тогда к вам пришла. Я помню — ливень, гроза, ветер... Я бежала к вам. Хотелось, чтобы ветром свалило, истерзало в грязи, в дожде... Хотелось, чтобы еще хуже было, больней, безнадежней себе, и вам, и ему.

Заносский. Кому? О ком говорите? Вам, мне и кому еще? Мужу... Нет...

Даша. Нет.

Заносский *(сдерживая страшный тик)*. Нет, так все-таки нельзя... Вы скажите...

Даша. Не скажу я больше ничего, Константин Михайлович. Я не знаю, что будет. Может, прибегу к вам завтра.

Заносский *(порывисто встает, идет к двери)*. А крыжовник вы любите, Дарья Дмитриевна? У меня на даче вот такой поспел.

Табардин *(из сада входит с чемоданчиком)*. Виноват.

Даша. Никита! *(Идет к нему, не дойдя останавливается.)* Никита, я испугалась. Мы тебя не ждали.

Табардин. Здравствуй, Дарья, милая. Ну, у вас и духота. Фу!

Даша. Вы не знакомы?

Мужчины здороваются.

Табардин *(Заносскому)*. Очень рад. *(Даше.)* Ты похудела. По-моему, ты выросла.

Даша *(с улыбкой)*. Что ты, Никита.

Табардин. Мне казалось, что ты вот на столько меньше. Как я рад, что встретил тебя первую. *(Смеется.)* Ты похожа на обыкновенную садовую розу.

Даша. На петунью.

Заносский. Один антрепренер имел обыкновение говорить актрисам, которые ему нравились: «Вы, милочка, настоящий лепадекок»...

Т а б а р д и н *(любезно).* Да?.. *(Даше.)* Так вы меня не ждали. А в деревне начался сенокос, и все стали ложиться после заката, а вставать на заре. Я было тоже попробовал, но не спал три ночи и уехал. *(Серьезным тоном.)* Ну что, Люба здорова?

Д а ш а. Она, кажется, на музыку пошла. Я провожу тебя.

Т а б а р д и н *(вполголоса).* Этот господин к тебе пришел?

Д а ш а *(Заносскому).* Прощайте, заглядывайте как-нибудь.

З а н о с с к и й. Итак, до завтра, Дария Дмитриевна. Я жду. *(Уходит.)*

Д а ш а. Он актер, очень талантлив. Мы все тут, по-дачному, влюблены немножко.

Пауза.

Т а б а р д и н. Гм, как странно. Помнишь, у Гоголя: пошел дед вприсядку, загребает вензеля, и вдруг на том же проклятом месте — стоп. Не успел я перешагнуть калитку, как почувствовал все то же знакомое томление какое-то. Здесь отравленный воздух, Даша. Вы, конечно, весь день валяетесь, едите шоколад, разговариваете о чувствах.

Д а ш а *(смеется).* Да.

Т а б а р д и н. Конкордия Филипповна обижается на здешнюю неинтеллигентность и кого-нибудь выводит на свежую воду. Кто у нее сейчас на очереди?

Д а ш а. Я. А теперь еще папа гостит.

Т а б а р д и н. Воображаю, разговоры. А твой муж спит после обеда, пьет пиво, красит дачу. Узоры какие развел. Я, кажется, раскаиваюсь, что вернулся. Ну а ты, Даша?

Д а ш а. Я под шумок завожу любовные шашни.

Т а б а р д и н. Не люблю, когда даже так шутишь. Я проехал на лошадях около ста верст по степям. Всю дорогу звенели косы, пели жаворонки, ветер... Какой широкоплечий, крепкий народ. Какие чудесные лица. Знаешь, о ком я несколько раз вспоминал? О тебе.

Д а ш а. Ты вспоминал обо мне?

Т а б а р д и н. В тебе есть что-то простонародное. Правда, правда. Много силы хорошей, внутренней. А живешь на даче. Тебе бы косить, или побил бы тебя муж хорошенько. Что ты так смотришь?

Д а ш а. А ты что смотришь?

Т а б а р д и н *(разговор в дверях)*. В деревне я начал писать книгу. Собирался два года, а там в неделю обдумал почти весь план. *(Тихо.)* Мне было ужасно одному хорошо. Душевно, опрятно. Ты это поймешь. За несколько недель во мне что-то оформилось и легло незыблемо, как кристалл. Точно я вырос или побывал на горе. Иногда мне казалось даже — я слышу отдаленные звуки. Словно где-то за тучами запели трубы. Боюсь, что теперь затоскую по одиночеству.

Д а ш а. У тебя и лицо стало иное, Никита. Прекрасное.

Т а б а р д и н. Ну, еще что выдумала.

Д а ш а. Люба давала мне читать твои письма. Я чувствовала, как ты мужаешь, становишься спокойным, ясным, сильным. Мне было больно, и завидно, и тошно. Ах, как тошно здесь. Точно мухе на липкой бумаге.

Пауза.

Никита, я не люблю моего мужа. *(Отходит.)* Он хороший и честный, конечно. Добродушный остряк в подтяжках. *(Разговор на плетеной мебели.)*

Т а б а р д и н. Это ужасно.

Д а ш а. Не могу так жить. Я завязла по уши. Стала бабенкой. У меня появились дурные привычки. Закусываю губы, смеюсь многозначительно, когда совсем не смешно. На прошлой неделе накупила неприличного белья в прошивочках. Смотри — я никогда не носила таких чулок, а еще через неделю начну завиваться, пудриться до лилового цвета, напутывать ленточки. Заведу актера. О господи. Напущу полон дом гимназистов. Кончится же это чем-нибудь. Мне душно даже от этой нитки... *(Срывает жемчуг.)*

Т а б а р д и н. Ну, а теперь скажи, что с тобой.

Д а ш а *(стремительно отходит. Разговор в фонаре)*. Нужно, чтобы муж побил. По-твоему,

Т а б а р д и н. Я тебя не видал такой никогда.
Д а ш а. Гнусная?
Т а б а р д и н. Страшная.

Пауза.

Д а ш а. Хочешь вишен? Ешь.
Т а б а р д и н. Это ты здесь сидела, ела вишни?
Д а ш а. Да.
Т а б а р д и н. Сколько косточек.
Д а ш а. Здесь очень прохладно.
Т а б а р д и н. Хорошо лежать и читать.
Д а ш а. А я все думаю...
Т а б а р д и н *(быстро)*. О чем?
Д а ш а. Нет, я говорю, что раскрою книгу. Сама лежу и думаю.
Т а б а р д и н. Да, понимаю.
Д а ш а. Мы хотим перенести сюда твой стол и книги. Будешь работать.
Т а б а р д и н. Ты говорила Семену?
Д а ш а. Что?
Т а б а р д и н. Обо всем.
Д а ш а. Нет. Не хочу.
Т а б а р д и н. Скажи все-таки. Нужно, чтобы ты поговорила с ним откровенно. Он человек не глупый. Поймет, успокоит тебя, может быть, ты поедешь... в Кисловодск.
Д а ш а *(резко)*. Действительно, не догадалась. Чего проще. Сегодня же поговорю с мужем. Он тоже горой стоит за Кисловодск.
Т а б а р д и н. Даша.

Пауза.

Из-за простого настроения нельзя делать человека несчастным. Семен к тебе очень добр. Вообще он милый, душевный парень. Жили с ним семь лет, и вдруг разрыв. *(Смеясь.)* Запрети ему носить подтяжки.
Д а ш а *(гневно)*. А ты запрети своей жене быть пошлой. Ты стал примерным и добродетельным — это новость.

Табардин. Если я сделал ошибку, то моя жена в этом не виновата. Любу переделать нельзя. И почему другие должны страдать из-за моих желаний,— не знаю. Мало ли чего я хочу.

Даша. Смиренный какой. Тебе бы в монастырь.

Табардин. Мне, Даша, трудно с тобой говорить. У тебя такие глаза, что вот-вот произойдет катастрофа. С эдакими глазами ты всегда будешь права.

Даша. Ты что-то путаешь, путаешь, Никита... Соскучился по Любочке, сознайся прямо...

Слышен голос Любы.

Слышишь? Иди.

Табардин. Не нужно бы мне приезжать, вот что...

Даша. Испугался катастрофы. Спасибо, что надоумил. Иди же, она тебя ждет.

Табардин. Да, это действительно ее голос. (*Медленно уходит.*)

Даша (*одна. Некоторое время стоит неподвижно, подходит к чемодану Табардина, открывает его, вынимает карточку, рассматривает со злобной усмешкой*). Люба... Любочка... Любовь... (*Разрывает карточку и бросает ее в чемодан. Затем вынимает оттуда коробочку с папиросами, закуривает. Берет зонт, идет к выходу, вернулась, швыряет зонтик на пол, ложится в качалку.*)

Входит Алпатов.

Алпатов. Ты видела его, видела?

Даша. Видала.

Алпатов. Ну, мы с ним поспорим.

Даша. Отец, увези меня в деревню.

Алпатов. Ах, как я был бы рад. А что, вспомнилось детство? Но, видишь ли, я сам без копейки. Я вот чего боюсь — Никита Алексеевич не религиозен, как ты думаешь? Что-то в нем есть такое, чего не могу понять.

Даша. Идолопоклонник.

Алпатов. Не может быть. Что же это у него — искренно?

Из сада входят Хрустаков, Люба и Табардин.

Хрустаков. Нет, братец мой, ты должен посмотреть цветные стекла изнутри. Хороши?

Табардин. Я уже видел.

Хрустаков. А ты прищурься. Фантасмагория.

Алпатов. А я собираюсь с вами поспорить.

Табардин. С удовольствием.

Хрустаков. Иди же, смотри. В этой даче соблюдены две вещи: внешнее изящество и удобство для большой семьи. И, представь, нет мальчишки, разносчика, прыщавого дачника, который, проходя, не остановился и не посмотрел бы на дачу. Прямо удивительно.

Люба. Не дергайте мне мужа. Он — мой.

Хрустаков *(Алпатову)*. Помилуйте. Он говорит — безобразный фасад.

Алпатов *(удивленно)*. Тсс.

Люба *(мужу.)* Ты не нежен со своей птичкой.

Табардин. С чего ты взяла.

Люба. Ты разлюбил свою маленькую.

Табардин. Люба, ради бога...

Люба. Ты приехал злой, нехороший, чужой... Я вижу.

Табардин. Что ты видишь? Боже мой, что ты видишь!

Даша *(из качалки)*. Он слишком тебя любит, будь покойна.

Люба. Пусть попробует изменить. Это очень трудно, милый мой. Я не из тех, кого обманывают...

Табардин *(порывисто хватает чемодан)*. Наверх? Да? Кто у меня рылся? *(Замечает карточку, смотрит на Дашу, обращается к Любе.)* Да, кстати, Люба... Кто-то... Ну, одним словом, дети моего приятеля нечаянно разорвали твою карточку. Вот.

Люба. Плохо ты меня бережешь. Говорят, это плохой знак. Смотри, Никита. *(Грозит.)*

Табардин и Люба уходят.

Хрустаков. Ну, дети, я опять пить хочу. *(Садится около Даши.)* Дай-ка я тебя поцелую, яблочко мое крымское. А, знаешь ли, глупый ты человек, что в пятницу день твоего рождения. И мы решили пу-

стить ракету, а также... *(Щелкает себя по воротнику, напевает.)* Мы будем пить шампанское вино.

Д а ш а *(быстро приподнимаясь)*. Семен, ты любишь меня?

Х р у с т а к о в. Ох, батюшки.

Д а ш а. Если любишь, мог бы ты мне простить?

Х р у с т а к о в. Подожди... Подожди. Что ты говоришь? Что простить?

Д а ш а. Выслушай меня внимательно. Я виновата.

Х р у с т а к о в. Зачем тебе понадобилось? Не нужно, Дашенька. Потом как-нибудь.

Д а ш а. Я не могу больше лгать...

Х р у с т а к о в *(вскрикивает)*. Пощади. Сердце. *(Хватается за сердце.)*

Д а ш а. Прости, я забыла. Папа, дай воды, пожалуйста. *(Хрустакову.)* Хотя тебе лучше, наверное.

Х р у с т а к о в. Да, как будто бы отлегло. Я бы красненького вина лучше выпил. *(Опирается на Алпатова и Дашу.)* Милые вы мои оба. Стоит ли расстраивать себя из-за пустяков. Жизнь налаженная, устроенная, приятная. Сколько сил потрачено хотя бы на эту дачу. Все надо было выкрасить, пригнать, сделать изящным. И жизнь наша легкая, красивая. А чтобы ее сделать такой, немало было положено трудов. Дашенька, вижу, что нудно тебе иногда, коломытно. Ты как-нибудь устрой. Мы все не без греха. А лучше всего, начни принимать углекислые ванны. Но не бей ты наотмашь... Не ломай главного...

Д а ш а. Главного. Что ты называешь главным?

Х р у с т а к о в *(Алпатову)*. Опять обиделась.

А л п а т о в. Да, что-то такое есть...

Х р у с т а к о в. Даша, ты куда?

Д а ш а *(за это время порывисто надев перчатки, шляпу)*. Я приду поздно. Ужинать меня не жди. *(Уходит.)*

Х р у с т а к о в *(чешет затылок)*. Эх ты, черт... да.

Пауза.

А в общем, папаша, мой девиз — не унывай, брат мастеровой.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же, вечер. В фонаре горит лампа. У стола сидит Табардин. Вокруг разбросаны книги.

Табардин. Какая бессмыслица. Нелепость. Черт.

Входит горничная с подносом, на котором сервирован чай.

Послушайте, Маша, что сказал Семен Павлович? Он где ночует, в Москве?

Маша. Нет, барин обещались с последним поездом приехать. Скоро, должно быть.

Табардин. Который час?

Маша. Да уж второй час, барин.

Табардин. Любовь Павловна спит?

Маша. Все спят.

Табардин. Да, вот еще что... Дарья Дмитриевна еще не вернулась?

Маша. Никак их голос сейчас слыхать.

Табардин. Хорошо, хорошо, уходите.

Маша уходит; он прибирает книги, швыряет несколько томов.

Черт знает какой завал. *(Идет к балконной двери, за которой слышны голоса.)* Даша, это ты?

Голос Даши. К тебе можно?

Табардин. Да, да, я тебя поджидаю.

Даша *(в дверях оборачивается назад)*. Зайдемте.

Голос Заносского. Не хочу.

Даша. Я вас прошу. Вы слышите, я хочу.

Табардин. Константин Михайлович, заходите.

Заносский входит.

Вы откуда?

Заносский. Гуляли.

Даша в изнеможении, с закрытыми глазами садится на диван, Заносский на стул. Табардин хлопочет около чайника.

Табардин. Я начинаю думать, что здесь малярийное место. Всего с приезда прошло пять дней, а я чувствую себя больным, опустошенным. Голова ту-

манная, вместо мыслей какие-то обрывки выскакивают, точно кузнечики. Сажусь писать, и все кажется мне глубоко бездарным, давно известным. Не могу найти нужной книги, кусаются комары, раздражает каждый пустяк.

Заносский. Что-нибудь философское пишете?

Табардин. Так, одно исследование. План книги огромный. Но, собственно, для защиты диссертации я готовлю третью главу «Разложение трагедии в драму девятнадцатого века». А это интересно, пожалуй, и для вас как актера.

Заносский *(сухо)*. Я никогда не читаю книг.

Табардин. Причину разложения, потерю трагического пафоса я вижу в измельчании любовной энергии. Любовь нашего времени есть частное дело между двумя любовниками. Современная драма только приподнимает занавеску над альковом и показывает любопытным тот или иной любовный анекдот, из которого ровно ничего, кроме анекдота, и не вытекает. Любовь в античной трагедии представляется как мировое событие. В нем принимали участие боги, оно устрашало народы. Да-с. Обманутая Медея устремляется за мщением в небеса и оттуда, с окровавленной колесницы, бросает любовнику останки своих детей. А в современной драме ведут истерические разговоры, боятся выстрелить из пистолета, замахиваются и не ударяют. Здесь трусит автор, не решаясь подсыпать яду, трусит актер слишком резкого жеста, трусит зритель, как бы его не одурачили. И все оттого, что любовь за двадцать веков разложилась, стала буржуазной и прибегает к помощи гражданских законов, чтобы как-нибудь не оказаться пережитком, выдумкой старых поэтов. Важнейшая ее часть, сущность любви, метафизика, предана насмешке, поруганию, забвению. Правду я говорю, Даша?

Даша. Я не знала, что ты занимаешься любовью, Никита. Хотелось бы мне почитать, что ты можешь написать о любви.

Табардин. По-твоему, в любви я ничего не смыслю. Муж я плохой, верно. В любовники, пожалуй, не гожусь, а о любви напишу.

Даша. Но, надеюсь, не почерпнул своих выводов из личного опыта.

Пауза.

Табардин. Ты, Дашенька, старайся касаться более общих тем.

Даша. Воображаю, ты надуваешь Любу, и она устремляется в колеснице на небеса, искать мщения...

Заносский. Хи-хи-хи.

Табардин. Что с тобой сегодня?

Даша. Я спать хочу. Я устала. Мне надоела любовь. Какое гнусное слово — любовь. Представляется окошечко, герань, кисейная занавеска и за ней разомлевшая девица вожделеет, румянится, косится на окошко — не идет ли? Да придет он, придет, хоть не румянься.

Заносский. Странные понятия, Дарья Дмитриевна.

Даша. Быть бы теперь старухой, нацепила бы фаншон. Вот воля-то...

Заносский. Очевидно, вам нравится топтать в грязь самые возвышенные чувства. Это смело, смело, может быть. Но благородно ли, я спрашиваю? Не знаю.

Даша. Ах, будто бы ваши возвышенные чувства потерпели крушение.

Заносский. Моими чувствами живут тысячи людей. Да-с. Плачут и смеются. Я не позволю их топтать в грязь, выставлять напоказ перед этим господином.

Табардин. Послушайте, у вас какие-то разоблачения начались. Я лучше уйду.

Даша. Не уходи. Это наш обычный разговор.

Заносский. Виноват. У меня достаточно гордости, чтобы молчать. И хотя Дарья Дмитриевна, очевидно, привела меня сюда разоблачать — я молчу. *(Закрывает рот рукой.)*

Даша. Не грызите ногтей.

Табардин. Вот и чай готов. *(Заносскому.)* Вам покрепче?

З а н о с с к и й. Да. Мне с лимоном и много сахару.

Т а б а р д и н *(наливая Даше чай)*. Ты странная женщина. Сидишь, едва живая от усталости, а колешься, как оса... Глаза у тебя строгие и умные, но дикие. Одичавшие. Ты слышала, как поет черная оса, тоненько, будто ей ужасно печально. А сама подманивает муху какую-нибудь лупоглазую. Откуда у тебя эта пронзительность появилась, уж и не знаю. Я тебе в чай варенья положил.

Д а ш а. Никита, тебе нравится мой любовник?

Заносский роняет стакан.

Т а б а р д и н *(в ужасном смущении)*. Какой?

Д а ш а. Вот этот.

Т а б а р д и н. Как глупо. Ах, как глупо. *(Размахивает руками, уходит в сад.)*

З а н о с с к и й. Так вот для чего вы меня сюда привели?

Д а ш а. Уходите. Вы мне не нужны.

З а н о с с к и й. Знаете, Дарья Дмитриевна, знаете, Дарья Дмитриевна...

Д а ш а. Возьмите шляпу, она упала под стол. Уходите.

З а н о с с к и й. Все-таки ты была сегодня у меня и завтра придешь... Ненавижу тебя. О, как я тебя ненавижу... *(Обнимает ее.)*

Д а ш а *(с отчаянием и злостью)*. Да оставьте вы меня, господи.

З а н о с с к и й *(бешеным шепотом)*. Наша страсть, наша любовь, безумие наше, мука... Пойми, Даша. *(Целует ее.)*

Д а ш а *(заплакала)*. Несчастный вы человек, Костенька. Идите домой.

Заносский схватывает шляпу и убегает. Даша сидит в углу дивана. Входит Т а б а р д и н, не глядя на нее, роется в книгах.

Т а б а р д и н. Я ищу Овидия. Куда-то завалился.

Д а ш а. Томик Овидия у меня в спальне.

Т а б а р д и н. Даша, что теперь будет?

Д а ш а. А мне все равно.

Т а б а р д и н. Значит, ты уходишь?

Д а ш а. Куда?

Т а б а р д и н. Ну, к этому... к актеру...

Д а ш а. Я его не люблю. Ты видел.

Т а б а р д и н *(садится на диван, за стеной слышны шаги)*. У Конкордии Филипповны опять зубы болят.

Пауза.

Дело в том, что я привык тебя уважать.

Д а ш а. Отвыкнешь.

Пауза.

Т а б а р д и н *(в тоске)*. Удивительно неприятно.

Д а ш а. Ты-то чего. Я не твоя жена, ни с какого бока тебя не касаюсь. Не все ли тебе равно, выполняю я клятвы, данные перед алтарем, или треплю юбки. Очевидно, я развращенная и родилась. Мне двадцать семь лет. Конкордия Филипповна называет меня сытой самкой. Много ем сладкого, ну и вот, получился актер. Иду спать. Прощай.

Т а б а р д и н *(схватывает ее)*. Подожди, ради бога. Так нельзя уходить. Это ужасно. Я не хочу. Я больше так не могу.

Д а ш а. Что ты не можешь?

Т а б а р д и н. Ты всегда казалась мне совершенной, Даша. В тебе было какое-то затягивающее очарование...

Д а ш а *(поспешно)*. Только не вздумай жалеть меня. Слышишь. Я убегу.

Т а б а р д и н. Мои мысли всегда были поглощены работой. Я говорил: хорошо, когда одолею книгу, тогда начну жить внимательно. Мне было покойнее знать, что ты неподалеку, что я всегда могу тебе прочесть написанное, поговорить. Да что там, сидеть вечером, молчать, слушать тебя... Помнишь, как прошлое лето мы уходили смотреть закат.

Д а ш а. По дороге во ржи. Помню.

Т а б а р д и н *(стоя перед Дашей)*. До смерти не забуду этих закатов за рекой. Появлялись какие-то

берега, с небывалыми, изумительными водами, и в них острова, красные, как угли, а дальше города, пальмы. Точно нас заманивали в райскую страну.

Даша вздыхает.

Дорога шла рожью, потом в лесок с белыми грибами. Помнишь?

Даша. Помню.

Табардин. Так зачем же эта отвратительная нелепость... актер. Гнусная обезьяна. Подумать, он касался тебя...

Даша. Что же поделаешь. Пришлось.

Табардин. Ничего тебе не пришлось. Не верю. Ты лжешь с самого часа моего приезда. Ты измучила меня. Скажи, что произошло? Даша, ты знаешь, я никогда не ревновал тебя к Семену, он муж, он вправе, в порядке вещей, и ты все равно оставалась чиста...

Даша *(поднявшись)*. Мне ужасно не нравится наш разговор.

Табардин. Ты была мне самым нужным, самым прекрасным другом...

Даша *(перебивая)*. Я была под рукой, не далеко и не очень близко. Не беспокоила излишне, а при случае доставляла много невинных удовольствий. Скажем, как томик со стишками про закат и прочее. В одну прекрасную минуту мне все это надоело. Видишь ли, я стала бояться, как бы ты не назвал меня своим ангелом-хранителем. На эти роли я не гожусь.

Табардин *(кричит)*. Ты говоришь чепуху. Ты нарочно не хочешь меня понять.

Даша. Попробуй Любу взять себе в ангелы. Чего лучше, спокойно и удобно. У Любочки такие небесные глазки.

Табардин. Зачем опять говоришь о Любе? Ты порвала ее карточку... Даша, неужели...

Даша. Пусти, не люблю тебя.

Табардин. Она не виновата. Она простая женщина, милая, трогательная. Мне трудно поступить жестоко. Будь справедлива... Даша...

Даша. Пусти мое платье.

Т а б а р д и н. Куда ты увлекаешь меня? Милая, милая... Зачем ты так сжала губы? Тебе больно. Взгляни на меня.

Пауза.

Я тебя люблю, Даша.

Д а ш а. О чем ты говоришь, господь с тобой. *(Быстро идет к дивану, заплакала громче, ложится.)*

Табардин в смятении, схватывает было воду, но бросает стакан, опускается у дивана и кладет на него голову. Появляется Л ю б а, в капоте.

Л ю б а. Послушайте, вы никому не даете спать. *(Пораженная.)* Что это значит?

Табардин поднимается.

Хороши позы. *(Хохочет.)* Можно подумать — супружеское объяснение. *(Садится.)* Ну-с, в чем же у вас дело, послушаем. И костюмы, кажется, в беспорядке. *(Смеется.)*

Т а б а р д и н. У Даши очень тяжелое настроение. Иди. Нам нужно еще договорить.

Л ю б а. Ты, кажется, гонишь меня.

Т а б а р д и н. Я скоро приду.

Л ю б а. Дашины настроения мне все известны. Ничего оригинального. Удивляюсь только, что эти настроения разрешаются по ночам, в отсутствие Семена.

Т а б а р д и н. Ты раздражена. Поди ляг и успокойся. Мы будем разговаривать тихо.

Л ю б а. Если хочешь моего мнения, то причина всех Дашиных настроений очень простая — неряшливость.

Т а б а р д и н *(кладет ей руку на голову, мягко)*. Я знаю, ты справедливая и добрая. Успокойся. Нам всем нужно сейчас много силы и спокойствия.

Л ю б а. Не трогай мою прическу. Не уйду и не успокоюсь. Я не дура. *(Даше.)* Ошибаешься, милая моя, в расчете. Мой муж не какой-нибудь Костенька Заносский. Твои «роковые» приемы нам только смешны. Вчера еще ночью мы над тобой хохотали.

Т а б а р д и н. Неправда.

Даша садится прямо, внимательно глядит на Любу.

Л ю б а *(быстро)*. Вчера ночью, в постели, чуть не подавились от смеха.

Т а б а р д и н. Лжешь.

Д а ш а *(со сдержанной яростью)*. На другой день, как уехал Никита, Белокопытов и ты...

Т а б а р д и н *(поспешно)*. Люба, можешь делать все, что тебе угодно, знай это заранее.

Л ю б а *(мужу)*. Ты ей поверил? Тебе не стыдно! *(Даше.)* А где у тебя доказательства? Письма? Свидетели?

Д а ш а *(Любе)*. Ты не смеешь упрекать его ни в чем. Ты не смеешь.

Л ю б а *(мужу)*. Пойдем сейчас на дачу Белокопытова. Он пишет мой портрет. Слушай, я требую, чтобы ты сейчас же пошел со мной к Белокопытову.

Т а б а р д и н *(холодно)*. Не волнуйся. Я тебе верю.

Л ю б а *(Даше)*. Лгунья. *(Мужу.)* Котик, совсем светло. Я хочу, чтобы ты меня приласкал. Я такая вспыльчивая. *(Подходит к Табардину, ласкается.)*

Т а б а р д и н *(с омерзением отстраняясь)*. Застегни капот. Неприлично.

Л ю б а *(раздраженная, сквозь слезы дразнит)*. Неприлично... Неприлично... Пред кем это неприлично?

Т а б а р д и н *(подходит к Даше)*. Тебе лучше уйти.

Д а ш а. Нет. Я останусь до конца.

Л ю б а *(плачет)*. Я всегда знала, что ты сделаешь меня несчастной.

Появляется К о н к о р д и я.

Мама, мама!

К о н к о р д и я. Подожди. Где я? В интеллигентном доме, или это притон разврата? Или я действительно отстала от века, ополоумела, старая кукушка. *(На Табардина.)* Этот при жене к свояченице пристает. *(Даше.)* Эта сударыня... уж ты прости меня за русское слово — гетера. Ну-с, объясните мне, «старому вороньему пугалу», на чем же вы порешили?

Л ю б а. Мама, убирайся отсюда. Ты все портишь.

К о н к о р д и я. Ах, я тебе не нужна. Уеду, не бойся. И навсегда, на этот раз. Но, уж извини, выскажу всю правду. Наболело. *(На Дашу.)* Вот в ком все зло. Трутень, аморальная личность. Растлевает все, к чему прикоснется.

Т а б а р д и н. Действительно уходите, Конкордия Филипповна.

К о н к о р д и я. Не волнуйся. Тебя я, пожалуй, меньше всего виню. Ты просто из рыхлого теста. Но жениться не имел никакого права. *(На Любу.)* До чего ее довел. Она была у меня идейная девушка, стремилась на курсы. На что стала похожа? Не вылезает из корсета, пудрится до полусмерти, и, наконец, приятель завелся. Мазила какой-то.

Л ю б а. Мама... Ты глупая, мерзкая женщина...

Т а б а р д и н *(швыряет толстую книгу)*. Перестаньте...

Тишина.

К о н к о р д и я. Моя совесть спокойна... по крайней мере. *(Идет к двери.)* Маша. Беги за извозчиком. Больше рубля не давай. *(Проходит к себе.)* Лишаи на общественном организме.

Л ю б а *(робко)*. Я даже не понимаю, как это со мной случилось. Просто со мной несчастье случилось, вроде как собака укусила. Нельзя оставлять молодую женщину одну на целый месяц. *(Плачет.)* Я такая глупая, я же не понимаю, чего от меня хотят.

Т а б а р д и н *(берет ее за локоть, ведет к дверям)*. Иди к себе.

Л ю б а. Придешь?

Т а б а р д и н. Не знаю.

Люба уходит. Табардин подходит к Даше.

Вот видишь, какая штука.

Д а ш а. Дай мне папиросу. *(Берет и, сломав, бросает.)* Отвратительно, когда женщина курит. *(Показывает на диван.)* Сядь.

Т а б а р д и н. Разрыв с Любой представлялся мне долгим и мучительным. Как все стремительно оборвалось. Знаешь, мне легко. Во мне всегда была тоска

по любви. Но казалось — любовь неосуществима, не для меня. Этот разговор с Любой — последний. Кончено. Даша, ты казалась мне недоступной, обольстительной.

Даша *(быстро встав)*. Прошу тебя — подними шторы, открой окна.

Табардин *(распахивает окна)*. Кажется, сейчас из головы начнет валить пар или я сойду с ума. Меня давил миллион пудов, и вдруг их сняли. Смотри, какое утро.

Даша. Дачные петухи поют.

Табардин. Даша, ты плачешь. О чем?

Даша. О твоих словах.

Табардин. Какое грустное, какое милое у тебя лицо...

Даша. Я помню очень давно, до замужества, мы с папой были в Вене. Вечером, на Пратере, горело много огней, за деревьями играла музыка. Печально и торжественно пели трубы. Ходили изящные люди, и внизу катился Дунай, весь в закатном свете. У меня билось сердце, и казалось — в жизни случится что-то изумительное...

Пауза.

Никита, прошлым летом я сделала синее платье, чтобы тебе понравиться.

Табардин. Да, да, синее с белым воротничком. И строгие изумительные глаза. А помнишь, ты сказала: «Тебе не кажется, что этот вечер уже был в нашей жизни когда-то?» Мы шли по меже, во ржи.

Даша. Мне хочется, где бы ты ни был, с кем бы ты ни жил, не забывай меня такой, Никита.

Табардин. Ты любишь меня?

Она молчит.

Даша... Это ты, та самая Даша. *(Обнимает ее, она внезапно освобождается.)*

Даша. Что ты делаешь? *(Отходит.)* Ты забыл. Я — нечистая, Никита, я — поганая.

Пауза.

Ты бы ушел. Уйди в сад.

Т а б а р д и н *(коснеющим языком)*. Я люблю тебя. Слышишь?

Д а ш а. Будем лучше молчать.

Т а б а р д и н *(страстно)*. Я убью этого актера.

Д а ш а. Зачем же его? Тебе меня хочется убить, дружок. Дружок... Ты слишком поторопился. Успокоишься, а завтра утром станет ясно, что целоваться нам — нельзя. Нехорошо. Еще отвратительнее, чем мне с актером.

Т а б а р д и н. Я хочу, чтобы мы были выше, понимаешь — выше и чище.

Д а ш а. Выше и чище... Лил дождик, я прибежала к актеру, потребовала шампанского, разговаривала с ним цыганским голосом, честное слово.

Т а б а р д и н *(сквозь зубы)*. Замолчи, замолчи... Это нужно забыть совсем.

Д а ш а. Тебе я нужна нетронутая, чистая. А во мне сейчас одни лужи. Мне нечем больше тебя любить, я боюсь тебя любить. *(С усмешкой, тихо.)* Частное дело между двумя любовниками.

Т а б а р д и н. Какая жестокость. Как это все жестоко и не нужно...

Д а ш а. Хорошо бы завести автомобиль в сто двадцать сил и макинтош — чем страшнее, тем модней, и катать по Европе. Опустошенная, наглая, веселая... Вот я — вся. Никита, прости меня.

Т а б а р д и н. Зачем ты мне все это говоришь? Мне — больно. Мне ужасно, что ты, Даша... Моя Даша... Так обыкновенно, как все, сорвалась... Не могу жить... Не хочу жить... Невозможно... Дышать мне нечем... *(Выдвигает ящик стола, берет револьвер.)*

Даша кидается к нему.

Д а ш а. Отдай. Не смей. Отдай сию минуту. Ну, отдай же, милый. Разожми руку. Вот так. Мальчик мой старенький. Можно ли детям давать такие опасные вещи.

Она прячет револьвер за платье, он стоит, закрыв лицо руками.

Ну, прости меня. Я сама не знаю, что говорю.

Т а б а р д и н. Уйди, Даша.

Даша. Уйду, уйду. Только ты успокойся.

Табардин. Я спокоен.

Даша. Я не хочу, чтобы ты страдал. Я сделаю все. Я стану лучше. Я как-нибудь постараюсь быть чистой. Может быть, мне удастся все осилить. А если не осилю... Никита, счастье умереть за твою любовь.

В балконных дверях появляется Хрустаков, обремененный кульками и свертками.

Хрустаков. Ну и черт, дорога. На извозчике прямо из Москвы. Ай-ай. Четвертый час, господа, а у вас лампы горят. И керосин жжете, и дачникам соблазн. *(Поднимая свертки.)* Два раза со всем этим бутором угодил в канаву.

Даша. Ах, как это все несносно. *(Сдержавшись.)* Зачем ты столько накупил?

Хрустаков. Что ты, матушка. Да ведь завтра день твоего рождения. Я и гостей позвал.

Даша. Этого еще недоставало! Я уйду из дома.

Хрустаков *(роняет свертки)*. Вот тебе барбарис. Ах, черт, погибла белорыбица. Кошмар. Конец этому дому. *(Упавшим голосом.)* Даша, а я тебе в чайном магазине зашел кофейничек купил никелевый, со свистком.

Даша. Ах, боже мой. Хорошо, хорошо, будет все, как ты хочешь.

Хрустаков *(подбирая свертки)*. Ну, то-то. Ах, горячка. Пригласил я, Дашенька, небольшую, но теплую компанию. Будет превесело, увидишь. Ну — дети, спать надо. Спать. Никита Алексеевич, ты как насчет муммакордон-вэр.

Табардин. Оставьте меня.

Хрустаков *(подхватывая Дашу)*. Идем, идем, у них «нервы»...

Даша и Хрустаков уходят.

Табардин *(вдогонку)*. Я уезжаю завтра...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Садик перед дачей. Прямо в глубине — терраса и стеклянная дверь в комнату первого акта. Направо беседка. Налево забор с калиткой. В саду Маша накрывает столики, около нее Хрустаков. Дворник привязывает проволоку для бумажных фонариков. Время перед закатом

Хрустаков *(Маше)*. Как ты вилки кладешь. Ты их крестом кладешь. Ведь так несчастье может случиться. Перед каждым кувертом ставь меню. Гость должен понимать, чего ест. Когда блюдо поднесешь — не тычь ему в ухо или в затылок, а говори: не угодно ли вам откушать ухи, или седла бараньего, или — вот котлеты дю-воляй. А молча он и дома налопается. *(Дворнику.)* Да выше, выше зацепи за сучок. Гости у меня все фонари головами посшибают. Да не лезь ты в клумбу. Эх, весь сад испоганил...

Появляется Алпатов.

Алпатов. Даши нигде нет.

Хрустаков *(поправляя цветы)*. Ах, черти окаянные.

Алпатов. В спальной разбросан весь гардероб. Очевидно, она уже оделась. Заметьте — она одевалась не меньше двух с половиной часов. Семен Павлович, что здесь происходит?

Хрустаков. А то происходит, что хоть все бросай свиньям собачьим.

Алпатов. Всю ночь были крупные разговоры. Затем Конкордия Филипповна, уезжая, подошла к моей двери и крикнула несколько резких фраз. Я был в одном белье и мог только высунуться. Вы не находите, что наш приват-доцент... Гм... Ведет себя двусмысленно. Я ничего не утверждаю, но мне жаль бедняжку Любовь Павловну. Она ходит за мужем весь день с такими умоляющими глазами, что я, право, готов вмешаться.

Хрустаков. Патологическая семейка. Если я до сих пор еще не сдох, то это чудо. *(Лезет на табурет, подвязывает фонари.)* Со вчерашнего дня мечусь,

как бес. Молока нет, перцу нет. За булками только сейчас побежали. Я все покупай, я волоки на дачу пятьдесят пять кульков, вина, закуски, фейерверк, торт. Все это течет, опасно для жизни, а здесь — дача настежь, никого не дозовешься, мать в истерике скачет в Москву. Позвольте вас спросить,— для каких окаянных дьяволов я стараюсь?

Алпатов. Да, грустно, грустно.

Берет газету. Появляется Люба.

Хрустаков. То-то и оно-то.

Люба. Брат.

Хрустаков. Ну?

Люба. Он опять куда-то ушел.

Хрустаков. А наплюю я на всех вас когда-нибудь, честное слово.

Алпатов *(развертывая газету)*. Так-с. А я еще сегодня газет не читал, представьте.

Люба. Брат, Никита не хочет мне простить. Он уезжает.

Хрустаков *(у которого падает фонарь)*. Не пищи ты, Христа ради, под руку.

У него падает второй фонарь.

Комары эти еще привязались... Подай мне фонари.

Люба. Поговори с ним.

Хрустаков. Уезжает, значит — сама виновата. *(Слезает с табуретки, оглядывает фонари.)* Получилось что-то китайское. *(Берет табуретку и несет ее в дом.)*

Алпатов. Вы знаете, колоссальные события в газетах.

Хрустаков. В газетах всегда события. На то они и газеты. *(Уходит.)*

Алпатов. Какой ваш брат оригинал.

Люба. Не знаю, чем мой брат оригинал. Не глупее многих других.

Алпатов *(засмеялся)*. Милая барышня... милая барышня.

Люба. Я не барышня — дама.

Алпатов. Всю жизнь я верил в русскую женщину, в ее отзывчивую, чуткую натуру. Я никогда не был близок с мужчинами. Меня ценили и понимали только дамы... Любовь Павловна, мне до слез больно на вас смотреть. Вы любите человека недостойного и жестокого. Ваш муж — фат.

Люба. Что вы ко мне целый день лезете. Как вы смеете про мужа говорить гадости. Лучше присматривайте за вашей Дашей, она очень хороша.

Алпатов. Ай-ай-ай... кипяток. *(Поправляет бороду.)* Вот и еще раз Дмитрий Алпатов всех раздражил, всем в тягость. Не те люди, не те времена.

Входит Табардин с книжкой.

Табардин. Люба, твой голос слышен у ворот. *(Алпатову.)* Где Даша?

Алпатов *(вытянув шею)*. Даша? Что-с? Не имею чести знать. *(Уходит.)*

Табардин *(не глядя на Любу)*. Я бы не хотел никаких объяснений, Люба.

Люба. Никита, ты завтра едешь?

Табардин *(остановился, коротко)*. Да.

Люба *(вздыхает)*. Куда? В Крым?

Табардин. В Москву.

Люба. Надолго, Никита?

Табардин. Не знаю.

Люба. Тебе нравится мое платье? Ты любишь голубой цвет.

Табардин. Нравится.

Люба. Какой красивый закат. *(Тихо.)* Совсем, совсем меня разлюбил.

Табардин *(возвращаясь)*. Ты никак не можешь понять, Люба, что я уезжаю не потому, что ты целовалась с каким-то Белокопытовым.

Люба. Я его ненавижу, честное слово. Я даже не считаю это изменой. Просто потемнение какое-то...

Табардин. Я не ревную и не оскорблен. Люба, я просто несчастен.

Люба. Думаешь, я не замечала, как ты приглядываешься к Даше. Терпела же. Но когда ее распущенность перешла всякие границы, не могу молчать,

извини. Теперь сам видишь, как можно полагаться на женщину. Все одинаковы, милый мой. На такую еще нахалку нарвешься, затаскает по магазинам, как пиявка. И думаешь,— другие за тобой ухаживать станут. Да с твоим кишечником тебя задушат на одной жирной пище. Я не могу тебя оставить на произвол. Только такие, как Дарья, швыряются мужьями...

Т а б а р д и н. О Даше ты мне поминать больше не смеешь.

Л ю б а. Почему это я должна молчать! Вот еще.

Т а б а р д и н. А потому, что я слишком долго притворялся, что должен тебя любить. Я не хочу больше лгать. Я не хочу быть справедливым.

Л ю б а. Никита, опомнись.

Т а б а р д и н. Я не опомнюсь. Я не хочу говорить вежливо с тобой, когда мне хочется кричать. Я слишком долго сидел в грязи. Я не хочу благополучия и смирения. Я виноват перед тобой и твоей семьей. Я гнусен, грешен и пуст. И ты мне отвратительна сейчас. *(Отходит.)*

Л ю б а. Господи, там все слышно.

Входит Д а ш а.

Д а ш а. Я не опоздала? Никого еще нет. Стол накрыт. Нужно зажигать фонари. Маша! Маша!

Т а б а р д и н *(оборачиваясь, сдерживая волнение)*. Где ты была?

Д а ш а. У вечерни.

Т а б а р д и н. В церкви?

Д а ш а. Да. А потом долго сидела в парке. Здешняя церковь совсем новенькая, бревенчатая и пахнет смолой. Кроме меня, были только две няньки, наш зеленщик и стриженые мальчики. Они стояли на коленях и глядели священнику в рот.

Входит М а ш а.

Зажгите фонари.

Маша зажигает.

Л ю б а. Молилась. Воображаю.

Д а ш а. Я молилась о том, чтобы с этой минуты не лгать.

Л ю б а (*засмеялась*). Удивительно.

Д а ш а. Мы жили сносно и дружно только оттого, что лгали друг другу во всем, всегда. Чтобы не обидеть, чтобы самому было спокойно, чтобы люди не осудили. Так вот пусть с нынешнего дня будет совсем не спокойно, и не удобно, и не прилично.

Л ю б а. Да, да, да, да. Это новые штучки готовятся.

Д а ш а (*печально*). У тебя горько под языком,— так ты сейчас ненавидишь меня, Люба.

Л ю б а. Я бы тебя попросила оставить мой язык в покое. (*Мужу.*) Я не уйду отсюда, так ты и знай.

Т а б а р д и н. Даша, я могу спросить? Ты мне ответишь?

Д а ш а. Да.

Т а б а р д и н. Такое твое решение... Все, что с тобой сейчас, твои слова... Даша... Это от любви?

Д а ш а. Ты хочешь сказать: запели во мне трубы... зовут — вернись, моя чистота... (*Смеется.*)

Л ю б а. Теперь я поняла,— это шантаж.

Г о л о с Х р у с т а к о в а. Черти окаянные! Люба, Люба! Меня задушил воротник. Какой идиот выдумал завязанные галстуки. (*Появляется на балконе.*)

Табардин в это время медленно уходит в глубь сада.

Даша, ну наконец-то. Разве можно так пропадать. Завяжи, пожалуйста, галстук.

Д а ш а. Может быть, Люба лучше завяжет.

Л ю б а. Семен, скажи раз и навсегда, кто здесь хозяйка: я или она?

Х р у с т а к о в. Тише ты, овца. Сейчас придут. Беги, пудрись. Глазищи наревела, всех гостей перепугаешь...

Л ю б а. Все вы эгоисты, грубияны... Ненавижу... (*Уходит в дом.*)

Х р у с т а к о в (*которому Даша завязывает галстук*). А я уж собрался гостям отказ посылать... Ты, пожалуйста, будь полюбезнее. Люди милые, простые...

Да нельзя же так туго затягивать... Представь, эта дура Матрена перепакостила селедки. Я ей говорил: ты с горчицей и покрепче... Завязала?

Даша. Семен, ты простой, хороший, честный человек. Я была тебе плохой женой.

Хрустаков. Ну вот, чего там разбирать. Дайка я тебя поцелую, душа моя...

Даша. Я сделала тебе много, очень много зла. Я порочная, неверная, дурная жена. Все семь лет я мечтала...

Хрустаков. Кто старое помянет... Завязала? Мерси.

Даша (*распуская галстук*). Я завяжу еще лучше.

Хрустаков. И так было хорошо, ей-богу.

Даша. Все семь лет я мечтала о другом человеке. Ночью лежала рядом с тобой и разжигала себя думами о любви к кому-то, кого еще не знала, но хотела. Он казался мне совершенным. Я слышала твое дыхание и плакала от отчаяния.

Хрустаков. Подожди. Все это я замечал. Но к чему ты сейчас это говоришь? Ты фантазерка, это мне как раз и нравится, перчик такой, кайенский...

Даша. Когда Никита пришел к нам в дом, он был тот, о ком я мечтала. Подумай, жить рядом с ним три года, какая мука, какой грех...

Хрустаков. Мне Люба про что-то другое болтала...

Даша. Вот тут-то и наступает мой самый кошмар, грязь, мрак, ужас...

Хрустаков (*задыхаясь*). Дашенька, уволь. Вижу, ты хочешь очиститься, стать честной передо мной, а делаешь очень больно.

Пауза.

Я тебя, детка, и грязненькую люблю. Такая ты мне ближе. Сам-то я, думаешь, хорош? Помирать буду, ты ко мне приди, все расскажу. (*Оглядывается на дом.*) Вот какие были дела. (*Сжав кулак, зажмурился, всхлипнул.*) Даша, ты была мне женой, и на том спасибо.

Даша. Ну, не плачь. Дай я тебе рубашку поправлю. Вот так. Ты очень представителен в новом пиджаке.

Хрустаков. Я, знаешь, чересчур набегался. *(Вынимает платок, из кармана вываливается карточка.)* Вот, совсем забыл. Понимаешь, гостям по почте послано меню: раки бордолез, уха, седло баранье, салат писанли, котлеты дю-воляй, бомб глясэ, кофе и выпивка. А на обратной стороне стишки: «В день рождения жены гости все поражены». Нравится? Сам придумал.

Входит Табардин.

Не сшиби фонарь.

Табардин. Что?

Хрустаков. Пить будешь?

Табардин. У тебя, кажется, крепкие папиросы. Дай мне несколько штук.

Хрустаков *(вынимает портсигар)*. Бери все. Никита, хороший ты все-таки человек, ей-богу. Дай-ка тебя обниму. *(Трясет за плечи.)* Друзья мы с тобой, друзья. Друг друга уж не выдадим, а?

Табардин *(с трудом)*. Нет, мы не друзья, Семен.

Хрустаков. Так. Вот что я придумал: выпьем. *(Наливает.)*

Табардин. Да. Мне холодно.

Хрустаков. Кричат: июль, июль, а вечер, смотри, какой сырой.

Табардин. Семен, я уезжаю от вас навсегда...

Хрустаков. Понимаю. Нехорошо. Горько. Вообще... так как-то... Ты ее все-таки прости, овцу. Да ведь еще вернешься. Но задерживать не смею. Эх, грехи. Дашенька, выпей-ка и ты. Который годок-то стукнул? Двадцать семь? Старуха моя.

Чокаются.

Даша *(берет бокал)*. За твое здоровье, Никита.

Хрустаков. Да, за твое здоровье, Никита.

Слышен в глубине дома звонок.

Эге, идут. Ну, я побежал. *(Уходит.)*

Даша. Не люблю, когда жалко. Щекочет в носу, представляется, что вот человек беззащитен, обижен, начинает стареть, а я мучаю его. Все это неправда. Семен посильнее нас с тобой. Закован в такое добродушие, ничем не прошибешь. Ну, довольно. *(Глядит на вино в бокале.)* Никита, тебе не кажется, что я сошла с ума?

Табардин. Мы оба, Даша, немного сошли с ума.

Даша. После вечерни мне стало вдруг так легко, так легко, точно я на пол-аршина над землей. Если выстрелить, то пуля пройдет сквозь грудь, как через облако. Говорят, когда человек умирает, душа его летит быстро, высоко. Так ей хочется наконец полетать... *(Показывает на закат.)* Побывать вон там, окунуться в небесные воды... А потом душа все же вернется к телу, хоть и мертвому... А если любишь другого человека больше, чем себя, больше всего, то душа вернется к нему. Он живет, а ты прислушиваешься к его мыслям, он заснул, приляжешь около, и захочется, чтобы он почувствовал, как ты близко.

Табардин. Даша, ты должна отдать мне револьвер.

Пауза.

Ты не хочешь понять меня. Вчера слишком много всего свалилось, и я не выдержал, растерялся, назови, как хочешь. Точно толкнулся я и полетел куда-то, где все ново, где нет ни одной установленной меры.

Даша. Ты у меня под самым сердцем сейчас, такой родной. Я люблю тебя с тех пор, когда ты был совсем маленьким и пил молоко.

Табардин. Я бесконечно волнуюсь, думая о твоей жизни. Даша, я чувствую, как ты ускользаешь, как ты уходишь от меня. Я вынесу какие хочешь муки, только будь со мной навсегда. Прости.

Даша. Когда станешь старый старичок,— будешь ворчать всегда и зябнуть, тебя придется укутывать пледом. Зато на душе будет ясно и все страсти, все горечи отойдут, как дым... Как мне легко сейчас,

Никита. *(Показывает на грудь.)* Здесь точно бьется пчелка, бьется и жалит.

Табардин *(опускается перед ней на колени, обхватывает, припадает к ногам)*. Я не понимаю тебя. Люблю тебя. Тоска смертельная.

Даша. Встань. Зачем ты смущаешь меня?

Табардин. Даша, уедем.

Даша. Ты хочешь простить мой грех. Любить меня грязную, примириться. Неужели и тебе тоже все равно. Человек мой, Никита. Дай мне освободиться. Пусть страстью, пусть злобой, пусть гибелью, но я должна содрать с себя всю кору, всю грязь.

Табардин. О чьей смерти, о чьей смерти ты говоришь все время?

Даша. Ты знаешь.

Появляется первый гость, толстяк. Смотрит на фонари, и лицо его расплывается от удовольствия. Читает карточку.

Толстяк. «Раки бордолез»... Гам! «Уха, баранье седло, салат писанли»... Ого! Кофе, выпивка... Так. Увидим.

В задумчивости останавливается перед столом. Даша покидает беседку. Табардин уходит в сад. Даша подходит к толстяку.

Даша. Вам очень хочется кушать?

Толстяк *(вздрагивает, оборачивается)*. Дарья Дмитриевна, поздравляю, мамочка... *(Прослезясь, целует руки.)* От души.

Даша. Кузьма Кузьмич, вам перцовки, рябиновой или простой?

Толстяк *(бормочет)*. Я перекусил, признаться... Хотя, если перцовочки... Ну, а как супруг? Душевно вас всех люблю. Как здоровье ваше драгоценнейшее?

Даша *(ведет его к закусочному столу)*. К водке нужен сандвич не простой. Положу-ка я вам на гренок ломтик рябчика, кусочек помидора, тончайший кольчик луку, ветчины, икорки и все это накрою устрицей. Готовьте рот. Ну?

Толстяк. Удивительно.

Даша. Теперь сами видите, что стоило ко мне приходить.

Толстяк. Да, матынька моя. Ручку. Стоило, ей-богу стоило приходить. Ах, забавница! Ах, забавница. Ах, егоза Ивановна.

В саду появляется Шунькина. Даша идет к ней. Толстяк направляется к балкону, где виден Хрустаков.

Хрустаков. Кузьма Кузьмич, сколько лет. Вот уж обрадовал.

Толстяк. Здравствуй, солнышко. *(Целует, уходят в дом.)*

Даша *(берет Шунькину за подбородок)*. Как мы живем, Раичка?

Шунькина. Плохо, душечка Дарья Дмитриевна. Поздравляю вас...

Даша. Замуж не собираетесь?

Шунькина. Ой, что вы.

Даша. Какая досада. А Семен к вам, знаете, очень неравнодушен последнее время.

Шунькина. Вы смеетесь надо мной, Семен Павлович такой милый.

Даша. Представьте себе, я с ним расхожусь.

Шунькина. Ай.

Даша. Нужно, чтобы его вторая жена была простая, домовитая, честная девушка.

Шунькина. Дарья Дмитриевна, душечка, полноте. Господи, что вы говорите. Я вас так люблю, так боготворю...

Входит Белокопытов, здоровается с Дашей и Шунькиной.

Белокопытов *(Даше)*. Очень рад. Поздравляю... Искренно... рад... *(Целует руку.)*

Даша. Здравствуйте, Белокопытов.

Белокопытов. У вас тут, я вижу, фоль журнэ. Дьявольские эффекты. Красиво... красиво...

Даша отходит к клумбе и рвет цветы.

Белокопытов *(Шунькиной томным голосом)*. Поухаживайте за мной.

Шунькина. Оставьте, пожалуйста, ваши приемы.

Идут в дом.

Белокопытов. Я давно собираюсь вас писать в малороссийском костюме на фоне золотых тыкв.

Шунькина. К чему эти намеки, не понимаю. *(Смеется.)*

Хрустаков *(появляясь на террасе)*. Весьма одолжили. Сколько лет, сколько зим. *(Уводит гостей в дом.)*

Даша *(вошедшей горничной)*. Принесите вазы, кувшины какие-нибудь, все равно...

Маша уходит. Подходит из сада Табардин.

Табардин. Я помогу тебе. *(Наклоняется, срывает цветы.)* Что с тобой, Даша?

Даша. Сама не знаю. Вот еще табак и флоксы. Я сама не знаю, что делаю... Смеяться ли мне, или убежать?

Входит гимназист.

Гимназист. Дарья Дмитриевна, позвольте поздравить вас со днем ангела, как говорится...

Даша. Вот первый человек, который угадал, что здесь происходит: день моего ангела. Как говорится, идите в дом.

Гимназист. Виноват. *(Уходит в дом.)*

Даша. Мы сядем с тобой здесь и поставим цветы.

Входит Маша.

Маша, а эти на тот конец. И сейчас же несите еду. Скорее.

Маша уходит.

Табардин. Кружится голова, точно мы летим.

Даша. Под облака, Никита. Как журавли... Бедная, глупая птица...

Табардин. Нужно опомниться... Даша... Даша...

Даша *(идет к дому, на ступеньках террасы останавливается)*. Мне страшно. *(Медлит секунду, скрывается.)*

В саду появляется Заносский в смокинге с цветком.

Заносский. А! Мое почтение.

Табардин. Вы?

Заносский. Я.

Табардин. Мне кажется, Константин Михайлович, вам не следовало приходить...

Заносский. А, пустяки. Свои люди. Ну, что, братец, счастлив?

Табардин. Я не намерен затевать ссоры. Прошу вас уйти.

Заносский. Уйду, когда хочу. Мне хочется на вас глядеть. Лицо так и сияет. С мужем поладили?

Табардин (*тихо*). Уходите вон.

Заносский. Трубочист.

Табардин негромко вскрикивает, делает стремительное движение по направлению Заносского, но удерживается.

Заносский. Осторожнее, у меня кастет.

Табардин. Послушайте, Заносский, я не трус и вас ненавижу всем существом. Но тронуть, избить вас не могу. Вы понимаете?

Заносский (*кашляя и смеясь*). А где у тебя существо? Сладострастник. Мужчинка. Мухомор!

Табардин. Вы неприличны. Идемте в парк. Там объяснимся.

Заносский. Как ты смеешь со мной разговаривать? Ты знаешь, с кем говоришь? Мерзавец!

Пауза.

Табардин медленно поворачивается, по пути опирается на стул, ломает его, швыряет в клумбу. Заносский опускается к столу, подпирает голову, плечи его несколько раз сильно вздрагивают.

Заносский. Вы меня смертельно обидели.

Из дома слышна музыка — марш: «Дни нашей жизни». В сад выходят: толстяк, податной, Хрустаков, Шунькина, пристав с Алпатовым, Белокопытов, Люба, лохматый господин, дама, супруг и супруга, гимназист и Даша после всех.

Хрустаков. Тсс, одну минуту, я сделаю последний осмотр.

Податной инспектор (*оглядываясь*). Фу ты, ну ты.

Дама. Вчера играли до пяти утра, а в среду разошлись только в семь. Нынешнее лето поветрие на винт.

Податной инспектор. Винт выдуман ссыльными в дебрях Сибири, игра глубоко самобытная, можно ею гордиться.

Лохматый господин *(супругу, с раздражением)*. Общественное движение назревает, я вам говорю. Просто вы, значит, не читаете газет.

Супруг. Пора, пора, конечно, что и говорить.

Супруга *(супругу)*. Ваня, смотри, раки.

Супруг. Ишь ты.

Алпатов *(приставу)*. Вы представитель полицейской власти, вы мне симпатичны, но я вас отрицаю в принципе.

Пристав. Точка зрения мне лично неприятная.

Люба. Ай, мое платье!

Белокопытов *(подскакивая)*. Я хочу сидеть рядом с вами.

Люба. Молчите. Я на вас сердита.

Хрустаков. За столы! Рекомендую начать с того, что на зубах хрустит. Водка — вещь с самолюбием.

Заносский *(Даше)*. Здравствуйте, красавица.

Даша *(Табардину тихо)*. Никита, спаси меня.

Табардин. Он сейчас уйдет.

Хрустаков. Месье и медам, представьте, что вы попали в какую-нибудь такую альгамбру. Прошу за столы.

Даша *(Заносскому)*. Вы все-таки пришли.

Заносский. Я получил приглашение. Вот. С подробнейшим описанием блюд и стишками. Для вас можно было сочинить стишки попикантнее. Во всяком случае, поздравляю вас, Дарья Дмитриевна. Перелом жизни и радужные огни. Будем праздновать.

Даша. Хорошо. Оставайтесь.

Хрустаков *(подлетает к Заносскому)*. Драгоценнейший, не заметил тебя сразу. Извини хлопотуна. Очень рад.

Заносский. У тебя сегодня роскошно. Будем пить. *(Садится к столу.)*

Хрустаков. Весьма счастлив. *(Бежит к Даше, на ухо.)* Ради бога, пожалей меня, все молчат, скандал.

Даша. Иди на свое место, Семен.

Толстяк. А я остался без дамы, Дарья Дмитриевна...

Супруга *(супругу)*. Ваня, по-моему, будет скандал.

Супруг. Ну, матушка, садись. Какой там скандал.

Толстяк. Первую рюмочку за матушку Дарью Дмитриевну.

Шунькина *(на Заносского)*. До чего интересный, бледный.

Пристав. С вашего позволения, я выпью.

Хрустаков *(снимает с большой миски крышку, поднимается клуб пара)*. Месье и медам, внимание — раки. Эх, родные мои, нечего греха таить, все мы изнервничались за это лето. Колкости да капризы, особенно дамы. Придерутся, что нос у тебя туфлей, и пошла губерния. Язык — враг пищеварения. Загляните-ка в эту миску. Раки... Мамочки... Вот где жизнь.

Толстяк *(ест)*. Хорошо. Ух! Горячо.

Пристав. За здоровье новорожденной.

Супруг. Не могу ли я попросить у вас перцу.

Податной инспектор. А все-таки русский человек прежде всего плут.

Заносский. Кто сказал плут? Великолепно — русский человек — плут и мерзавец... ха... ха...

Алпатов. Я наблюдал за это лето, как участились ссоры, уличное хулиганство, разрывы между близкими. Точно в воздухе носится смерч. Мы все на краю гибели. Более не осталось ни святого, ни прочного. *(Толстяку.)* Вы не читали сегодняшних газет? Колоссальные события.

Толстяк *(поперхнувшись)*. Колоссальные... Да... Да... Колоссальные.

Алпатов. Мой вывод таков.

Даша *(внезапно)*. Перестаньте... Молчите... Невыносимо.

Хрустаков. Даша, что с тобой? Она у меня большая чудачка. Представится ей какая-нибудь фантазия... *(Смеется.)*

Пристав. Нервный век, господа. Из-за чепухи страдаем, а большого не видим.

Хрустаков *(отчаянным голосом)*. Даша! Смотри! Порваны все цветы... Подлецы. Перепакощены все клумбы. Кто посмел здесь распорядиться?

Даша. Я.

Хрустаков. Какая жестокость... Ай... ай-ай. Погубить такую красоту.

Даша. Суди меня.

Заносский. Не только за это судить.

Пристав. Хорошенькая женщина всегда виновата...

Податной инспектор. Если ты женщина — значит, ты грешна. Откуда — не помню.

Даша. Судите меня все.

Заносский *(громко захохотал)*. Судить ее. Каким судом? Расстрелять...

Даша. Судите все мои грехи. Я же клянусь говорить правду.

Хрустаков. А, будет тебе!.. Кому это интересно.

Гости. Слушаем, слушаем, слушаем!

Заносский. Тише...

Даша. Зачем такие испуганные лица? *(Обращаясь то к одному, то к другому гостю.)* Вам охоты нет волноваться? Вам страшно, что я скажу что-нибудь неприличное? Вам, может быть, стыдно за меня? Я не собираюсь оправдываться. Нет. Я в тысячу раз ужаснее, грешнее, чем вы все. Я хочу сделать вам больно, обидеть, чтобы у вас даже мысли не было простить меня. Понять и простить грешки, какой ужас! Нужно возненавидеть, осудить сначала, а слезы, любовь придут сами, как утешение. Вы, и вы, и вы тоже заплачете когда-нибудь горькими слезами. Пусть это будет сегодня. Зачем ждать, когда освобождение всегда с нами. Я по горло опротивела самой себе, а когда бабе тошно, надо бежать на улицу, голосить на весь народ, чтобы был срам и стыд и унижение... Только тогда, господи, только тогда... Ведь настанет же минута, когда мы станем дороги друг другу, у всех заблестят слезы, и все в жизни покажется малым, жалким и милым! *(Табардину.)* Дай мне вина.

Хрустаков. Даша, какую ты чепуху понесла,

Д а ш а *(мужу)*. Ты мой злейший враг. Ты был ко мне снисходителен. Прощал даже то, что за все семь лет ни часу не любила тебя. И замуж вышла за тебя только потому, что затомилась от нищеты, от скуки, безделья, от пустопорожних разговоров отца.

А л п а т о в. Ну, это прямо невыносимо слушать.

Д а ш а. Таких женщин зовут одним хлестким словом... Принимаю.

Х р у с т а к о в. Довольно. Замолчи. *(Задохнувшись, прячет лицо в руки.)*

Д а ш а. Семь лет душа моя гнила в безделье и трусости. От меня не было радости даже простой собачонке. Но зато как мнила о себе, с каким высокомерием глядела на женщин. Ты, Люба, росла чистенькой. С досады и скуки я постаралась тебя развратить.

Л ю б а. Пусть она замолчит. Она сумасшедшая!

Т а б а р д и н. Говори, говори, Даша, скорее.

Х р у с т а к о в. Господа, извиняюсь... Ужин кончен.

Д а ш а. Подождите... Вот наша семья. Дружная, веселая, обыкновенная. Семья, как у всех. Семья с одним крошечным изъяном: если хоть раз сказать правду — взлетит на воздух весь дом... И ужаснее всех была я. Потому что любила, в бессонные ночи умирала от тоски по нем. *(Указывает на Табардина.)* Боролась, не смела, лгала... И тогда все казалось мне пресным. Действительно, наслаждение — со всеми поссориться, лежать в праздности и чувствовать, как гниет душа, как идет от нее чад, сладкий, точно опиум. И наконец не стало силы больше. От ненависти, от отвращения — вот пошла к нему. *(На Заносского.)* Вот к этому человеку... Поймите меня...

Т а б а р д и н. Ох!

З а н о с с к и й. Врешь! Я вытолкал эту женщину от себя пинками.

Вскакивают Табардин и Хрустаков.

Х р у с т а к о в. Убью! Убью его!

Т а б а р д и н. Никто не смеет...

Д а ш а *(вынимает револьвер)*.

Все вдруг затихли.

Нет. Это сделаю я сама. Господи, прости меня.

Т а б а р д и н *(кидается к ней)*. Даша. Остановись...

Д а ш а. Люблю тебя... Люблю больше жизни. Прощай.

Взвивается ракета.

Никита! Какой блеск. Откуда? Ракета? Смотри, смотри... Поднялась... Рассыпалась... *(Бросает револьвер.)* Не могу. Мой любимый, мой единственный. Краса моя. Не могу... Прости.

Гости обступают ее.

Т а б а р д и н. Идем, идем! *(Гостям.)* Пошли, пошли прочь.

З а н о с с к и й *(подняв револьвер)*. Послушайте... Это действительно тварь. Таких женщин надо бить, бить... Убивать. *(Стреляет в нее.)*

Смятение. Даша скрывается. Пристав отнимает у него револьвер.

Ох, Даша... Даша... Даша...

Т а б а р д и н. Вы, вы, вы все с ума сошли. *(Убегает вслед за Дашей.)*

Х р у с т а к о в. Остановите ее!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната на пятом этаже. Большое окно на улицу. Видны башни и купола Кремля, Замоскворечье, лесистые холмы и над ними плотные, белые облака. Пять-шесть облаков плывут над городом. В воздухе голубоватый, прозрачный туман. Изредка дребезжит экипаж, звенит трамвай, слышны гудки автомобилей. У окна стоит Д а ш а. Входит л а к е й с серебряным подносом, на котором кофе, хлеб, масло. Ставит поднос, уходит.

Даша опять продолжает глядеть в окно. В дверь стучат.

Д а ш а *(оборачивается)*. Нет, подожди. *(Бросает пеньюар на еще не убранную кровать и задвигает ее ширмой.)* Теперь можно. Войди, Никита.

Входит Н и к и т а в пальто и шляпе.

Т а б а р д и н *(робко и нежно)*. С добрым утром.
Д а ш а. С добрым утром.
Т а б а р д и н. Ты хорошо спала?
Д а ш а. Успела только раздеться и не помню, как легла на подушку.
Т а б а р д и н. А я долго не мог заснуть, сидел у окна и, знаешь, о чем думал? Завтра день, послезавтра еще день, и так целая вечность... Как у тебя светло.
Д а ш а. Ты остановился в гостинице?
Т а б а р д и н. Да. От тебя видна вся Москва.
Д а ш а. Кремль как на прянике отпечатан, посмотри.
Т а б а р д и н. В самом деле
Д а ш а. Я глядела на эти облака минут двадцать, и ни одно не сдвинулось с места. Сколько крыш за Москвой-рекой. А вот то — Воробьевы горы. Смотри — идет поезд.
Т а б а р д и н. По Брянской дороге, из Киева.
Д а ш а. С юга. Какой большой свет...
Т а б а р д и н *(берет ее руку)*. Даша, на всю жизнь.
Д а ш а *(смущенно, умоляющим голосом)*. Мы еще не пили кофе.
Т а б а р д и н. Разве подано? Какой проворный лакей.
Д а ш а. Садись на диван, Никита.
Т а б а р д и н. Что?
Д а ш а. Ты голоден?
Т а б а р д и н. Не знаю, право. Не думал об этом.
Д а ш а. Мы ничего не ели с вчерашнего дня.
Т а б а р д и н. Да.

Пауза.

Д а ш а. Не будем вспоминать, хорошо?
Т а б а р д и н. Ты сама отчего не пьешь кофе?
Д а ш а. Мне почему-то стало неловко есть, когда ты смотришь. *(Смеется.)*
Т а б а р д и н. Я отвернусь. Сегодня все утро какие-то крики на улицах.
Д а ш а. Что-нибудь случилось?

Т а б а р д и н. Не знаю. Я думаю — если бы меня спросили, где я сейчас, в Москве, в Нью-Йорке или на планете Марс, я бы затруднился в точности ответить.

Д а ш а. Никита, как звали твою мать?

Т а б а р д и н. Александра Юрьевна.

Пауза.

Я едва помню ее, но до сих пор часто вижу во сне. Она хотела, чтобы все были счастливы, и умерла в голодный год, девяносто первый.

Д а ш а. Ты похож на мать?

Т а б а р д и н. Глаза и рот.

Д а ш а. А как звали отца?

Табардин смеется.

Ну, конечно, Алексеем. Никита, как ты думаешь, что самое главное, для чего ты был маленьким, вырос и столько наделал бед?

Т а б а р д и н. Раньше я думал, что призван что-то там сделать в науке. Гм. Что самое главное? Отчего у тебя мокрые волосы? Ты брала ванну?

Д а ш а. Душ.

Т а б а р д и н. Так нужно закрыть окно.

Даша кладет ему руку на руку, удерживая.

Д а ш а. Сиди.

Он припадает губами к ее руке.

Никита, милый.

Пауза.

Т а б а р д и н. Ты совсем особенная. Новая. Точно девушка.

Д а ш а. Вот выдумал.

Т а б а р д и н. Что выдумал?

Д а ш а. Какая же я девушка.

Т а б а р д и н. Я хотел сказать, что ты на путешественницу похожа, откуда-нибудь из Америки. Непонятная, самостоятельная какая-то... аккуратненькая.

Д а ш а. Ну вот — ложка упала.

Табардин. Знаешь что? Я схожу куплю арбуз.

Даша. В самом деле, купи арбуз. Только красный, навырез. *(Останавливает его.)* Никита, мне страшно будет одной. Они придут. Они наверно придут.

Табардин. И пусть приходят. Я решил говорить напрямки. Что вы желаете? Чтобы не было скандала. Хорошо. Мы уезжаем. Вам скучно в одиночку ложиться спать, менять женатую жизнь на холостую? Старые привычки на новые? Очень жаль, очень жаль. И до свидания, вот порог. Никаких сентиментов с этими людьми.

Даша *(вздрагивает)*. Вчерашний день как сон. Во мне еще остался яд от вчерашнего.

Табардин. Не знаю — грех был вчера или нет, но мы точно вылетели из подвала, на свежий воздух, на солнце.

Даша *(улыбаясь)*. Сегодняшний день тоже как сон, Никита. *(У окна.)* Прищурься немного. Кружится голова.

Табардин. Гляжу. Да, кружится.

Даша. Точно мы мчимся с какой-то изумительной земли.

Табардин. Даша.

Даша. Что?

Табардин. Ты — моя жена. Мне хочется заплакать, когда гляжу на тебя, какая ты красивая. Даша, можно поцеловать руку?

Даша. Можно.

Он целует, затем наклоняется к губам.

Табардин. Можно?

Даша. Можно.

Табардин. Ты не сердишься на меня. Не сердишься? *(Целует ее.)*

Даша. Ах, Никита...

В дверь стук. Они не слышат. Появляется Конкордия, надевает пенсне, смотрит.

Конкордия. Здесь посторонние.

Даша вскрикивает, отвертывается к окну.

Т а б а р д и н. Что вам угодно?

К о н к о р д и я *(в дверь)*. Теперь можно войти?

Т а б а р д и н. Что вам нужно от нас? Я спрашиваю.

Входят Х р у с т а к о в и Л ю б а.

Х р у с т а к о в. Вот где вы.

Л ю б а. Никита. *(Плачет.)*

Х р у с т а к о в *(Даше)*. Я за тобой приехал.

К о н к о р д и я. Семен, сядь. Люба, садись и ты. Я буду говорить за всех. Прошу не перебивать.

Х р у с т а к о в. Да что же говорить. Дело ясное.

К о н к о р д и я. Я настояла на этом свидании и отвечаю за все последствия. Мы, слава богу, люди культурные и в создавшемся тяжелом положении обойдемся без излишних эксцессов, не оскорбляя человеческого достоинства физической силой. Хотя, должна признаться, что мне многого стоило удержать сына от вспышки вполне законной энергии. Семен, дай спички. Итак... *(Ломая спички, закуривает.)* Вчерашний скандал, очевидно заранее обдуманный, имел целью создать посредством широкой общественной огласки препятствие к возвращению этой особы в семью моего сына. Да. Общество возмущено чрезвычайно. Но не рутиной нашей мещанской семьи, как вы надеялись, и не страданиями этого человека. Люба, перестань сморкаться. Вашей неслыханной наглостью, милостивая государыня, общество возмущено до самых основ.

Х р у с т а к о в. Не так, мамаша, говорите.

К о н к о р д и я. Молчи. Мне важен принцип, а не салонные выражения. Женщина, которая жила на средства мужа, пользовалась его трудом, ела, пила и прочее, обязана чувствовать себя должником, если она честная женщина. *(Затягивается папиросой, поправляет пенсне.)* Уплатите ваш долг — тогда вы свободны.

Х р у с т а к о в. Опять сбились, мамаша. Не в деньках дело.

Л ю б а *(сморкаясь)*. Боже мой. Боже мой.

Конкордия. Либеральное общество вообще на стороне свободного брака. Мы боремся за право женщины. Но общество не может санкционировать хулиганства, разврата и разбойничьих инстинктов. Всего, из чего вы устроили себе свободный брак. Вы уничтожили на даче цветники, и окошко в спальной оказалось разбитым.

Хрустаков. Да ветер это разбил...

Конкордия. Все равно — акт хулиганства. Затем вы, на глазах у всех, вступили в связь с другом вашего мужа. Но ваш инстинкт требует новой жертвы. Вы хватаете первого попавшегося родственника и увозите его от семьи. Наконец — ваше вчерашнее поведение направлено непосредственно к разрушению общества и семьи. Резюме — спросите у вашей совести. *(Стоя наливает себе кофе.)*

Хрустаков. Разве можно так поступать, в самом деле? Если бы просто где-нибудь в лодке жили, тогда другое дело, не понравилось — ушла. А у нас дача своя, семья, знакомства, я по городским выборам хочу пойти. А у тебя что? Только одно настроение. Какая ему цена? Химический процесс в мозгу. Выделяется кислота, вот и настроение. А ведь тут дом, люди, вещи...

Люба. Совершенно с тобой согласна. И, главное, мы должны подумать о нашей нравственности. У мужчин могут быть какие угодно приключения на стороне, но очаг — это святыня.

Конкордия *(Даше)*. И ко всему, эти двое несчастных готовы вас простить. Что касается меня, я настаиваю передать дело широкому освещению печати.

Даша. Семен, тебе нужно понять хорошенько, что жены нет больше у тебя. Она исчезла, умерла, понял? Тебе казалось, что у тебя была жена.

Хрустаков. Как так казалось? Да ведь в церкви венчались. Закон был. Я даже через полицию тебя могу потребовать, если захочу. Вот какое дело.

Конкордия. Полиция. Семен, откуда у тебя эти понятия?

Х р у с т а к о в. А оттуда, что я муж. И мне надоело уговаривать ее бросить этого господина.

Т а б а р д и н. Разговор кончен.

Х р у с т а к о в. Нет, не кончен.

Л ю б а. Мы не уйдем.

Т а б а р д и н. Нет, вы уйдете.

Х р у с т а к о в. Сам убирайся. *(Кричит.)* Стреляться!

Т а б а р д и н. А вот это дело.

Л ю б а. Никита, Семен, умоляю. Я не могу. Я уйду.

Д а ш а *(Хрустакову).* Если ты хочешь моей смерти — скажи. Если пришел убить меня — стреляй. Больше мне нечем заплатить тебе, ты понял. Но его ты не смеешь трогать.

Х р у с т а к о в. Мамаша, накапай пятнадцать капель, пузырек в сумке. *(Опираясь на стол.)* Развратники.

Л ю б а *(Табардину).* Жестокий, жестокий человек. У меня живого места не осталось. Я состарилась за вчерашний день.

К о н к о р д и я. Принципиально вопрос решен.

Х р у с т а к о в. И вообще я отсюда не уйду. *(Садится у двери.)*

Т а б а р д и н *(пожимая плечами).* Бред. Кошмар какой-то. Даша, идем. Я не хочу, чтобы ты слушала их... мерзости.

Д а ш а. Вы хотите меня насильно удержать за этой дверью. Смешные люди. *(Хрустакову.)* Ты предлагаешь мне подлость, от твоих слов, от твоей усмешечки пропадает охота жить. Если ты нас убьешь, мы в то же мгновенье станем одной душой, одной любовью. Гляди. *(На окно.)* Отсюда люди кажутся игрушечными, а дома коробочными, а здесь только пятый этаж. Каким же это все покажется ничтожным с той высоты, куда мы уйдем. Там будет только наша любовь. А теперешние муки, и сложности, и пустяки пронесутся перед нами, как пыльный столб. Меня нельзя заставить, нельзя удержать. Я, по-вашему, безнравственная, без стыда и долга? Да. Вот моя жизнь, мой стыд, мое бессмертие. *(Целует Табардину руки, он в смущении и волнении повторяет.)*

Табардин. Милая, милая, милая моя. *(Они отходят к окну.)*

Люба. Оставайтесь, мамаша, если хотите, меня тошнит. *(Брату.)* Пусти. *(Быстро уходит.)*

Конкордия. Неслыханная история.

Хрустаков. Мама. Я больше не могу.

Конкордия. Подожди... капли, капли выпей...

Врывается Алпатов.

Алпатов. На автомобиле в двадцать три минуты... Несчастье!.. У меня обгорела борода. На даче пожар.

Хрустаков. Что?

Алпатов. На даче пожар, Семен Павлович.

Хрустаков. Моя дача горит.

Алпатов. Очевидно, залетели искры от фейерверка.

Хрустаков. Мамаша, вы понимаете что-нибудь? *(Схватывается за голову.)* Дача горит. *(Выходит.)*

Конкордия *(нервно надевая перчатки)*. Если дача сгорит, мы станем опять интеллигентными людьми. Это вы, сударыня, внесли в нашу семью буржуазный дух. Во всяком случае, здесь я сделала, что могла. *(Уходит.)*

Алпатов. Представьте себе картину. Они уехали утром в город, часов в семь, я продолжал спать и вдруг слышу — воняет. Открываю глаза — воняет дымом. Ну-с, как же вы здесь оба? Дашенька, могу тебя поздравить с новым счастьем. Любишь его, дурочка?

Даша. Папа, оставь нас одних.

Алпатов. Понимаю, фють, я старый воробей. *(Расправляя бороду, хохочет.)* Я рад. Твоя бывшая семья мне не импонировала. Рад, рад за тебя. Ну-с. Уединяйтесь, уединяйтесь, а я здесь поблизости возьму комнатку. *(Уходит.)*

Табардин. Даша, милая, ты совсем побледнела. Приляг. *(Ведет ее к дивану.)* Ты дрожишь.

Даша. Мне холодно.

Т а б а р д и н. А лоб мокрый. Когда-нибудь все равно нужно было с ними покончить. Зато вышло решительно.

Д а ш а. Мне тяжело.

Т а б а р д и н. И мне тяжело, очень. Но зачем ты так часто возвращаешься к смерти.

Пауза.

Ты точно все время стоишь на лезвее. Мы должны с тобой прожить много, много лет.

Д а ш а. Знаю.

Т а б а р д и н. Мы должны так жить, чтобы смерть пришла как вечер, как отдых. А теперь нужно забыть о смерти.

Д а ш а. Знаю.

Т а б а р д и н. Так что же с тобою?

Д а ш а. Ах, не знаю.

Появляется А л п а т о в на цыпочках.

А л п а т о в. Виноват. Вот так штука. По коридору ходит Константин Михайлович, взволнованный, совершенно взъерошенный. Что делать?

Д а ш а *(быстро поднимаясь)*. Позови. Скорей.

Алпатов уходит.

Никита, прошу тебя, уйди.

Т а б а р д и н. Ты не боишься?

Д а ш а. Нет; Никита, сделай это для меня, поди. *(Указывает на дверь в другую комнату.)*

Т а б а р д и н. Господь тебя храни, милая.

Д а ш а. Пожалуйста.

Табардин уходит. Появляется З а н о с с к и й.

З а н о с с к и й. Я хочу знать, почему до сих пор меня не арестовали? Я спрашиваю. Я требую. *(Оглядывается.)* Извиняюсь, я ворвался. Я сейчас уйду.

Д а ш а. Вам ужасно тяжело, Константин Михайлович.

З а н о с с к и й. Виноват. Я не могу спать. У меня нет силы, чтобы повеситься. Я пришел это вам сказать... Ну... и больше ничего.

Даша. Если бы вы могли знать, как я виновата перед вами, Константин Михайлович. Я ни перед кем не была так виновата. Но я не могу. Простите, простите меня, я слабая, отпустите меня, ради бога.

Заносский. Вам жалко меня? Вы плачете? Перестаньте, что вы делаете. Мне ничего не нужно.

Даша. Я не могу, не могу, пока вы не простите меня, я не могу жить.

Появляется Табардин. Даша бросается к нему, заглядывает в глаза.

Никита, что ты? Куда? Не уходи.

Табардин. Я приду потом.

Даша. Не уходи.

Заносский. Я больной, одинокий человек. После ваших слов мне еще больнее, Дарья Дмитриевна, но я теперь могу... Я хочу сказать — теперь я пойду и засну... Во всяком случае, я теперь сделаю все, что хотите, для вас. *(Подходит к Табардину.)* Табардин. *(Обхватывает его, целует.)* Я, впрочем, старый дурак. *(Убегает.)*

Даша. Никого не обижать. Буду жить, как мышь, тихо.

Табардин. Ты дивная, Даша. Ты обольстительный человек.

Даша. Когда вчера поднялась ракета — показалось, будто она вылетела у меня из груди. Точно душа взвилась, как огненный змей, рассыпалась и засияла. За что мне такое счастье? Разве я заслужила, Никита? Слушай,— знаешь, зачем нам счастье? Нам нужно сделать что-то огромное... Ах, зачем я женщина.

Табардин. Какое счастье, что ты женщина.

Даша. Подожди. Если нужно будет умереть. Ты готов? Но не с жертвой, а радостно... Умереть за всех...

Табардин. Радость моя. Любовь моя.

Даша. Нас, обыкновенных людей, вдруг вознесло на такую высоту. Мы не будем лукавыми. Ну, что же ты... Господи, ты ничего не соображаешь.

Табардин. Я ничего не соображаю. Ты, ты в моих глазах, в моем мозгу, в крови. Ты говоришь, двигаешься, шумит твое платье... Я мучаюсь.

Даша *(внезапно тихо)*. Ты мучаешься. Почему ты мучаешься?

Табардин. Даша... Даша... Я не могу сказать... Я люблю тебя... Пойми... пойми... пойми же ты, милая...

Даша. Что понять?

Пауза.

(Быстро подходит к Табардину, обнимает его шею, глядит в глаза.) Никита, не сердись на меня, ты еще не знаешь, как я тебя люблю... Но пусть это будет не сейчас, не скоро. Будь терпелив. Мы сами почувствуем, когда станем достойны этого счастья. Будь мужествен. Иначе мы опять вернемся в душный мрак, откуда вырвались с такой мукой. Будь добрым... Пощади...

Табардин. Даша, мне трудно... Я задыхаюсь. Это выше сил.

Даша. Никита... Уйди... Уйди... Оставь меня одну... Ради нашей любви... Ради всего святого...

Табардин идет к двери.

Уйди.

Он уходит.

Любовь... Любовь... Спасите нас... силы небесные.

В окно слышен шум толпы, музыка.

Занавес

МРАКОБЕСЫ

*Комедия
в четырех действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лиза (Лизавета Антоновна).

Василий Петрович Драгоменецкий — разорившийся дворянин.

Мирра Михайловна Хорошенкова — купчиха.

Константин Павлович — дьячок.

Зоя — его дочь.

Егор Иванович Вологодов — доктор.

Акила — старец-чудотворец.

Прасковья Алексеевна — его сожительница.

Володька.

Баба.

Девки, нищие, юродивые, калеки, странники.

Действие происходит до революции.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лужайка перед церковью. Сбоку на веревках, вынесенная проветриться, висит поповская одежда. За оградой виден провинциальный городок. На траве лежит Володька, напротив на лавочке Зоя, грызет семечки. Баба выколачивает шубу.

Володька. Как зовут-то?

Зоя. Зоя.

Володька. А сколько тебе лет?

Зоя. Вчера было за сто.

Володька. Девка?

Зоя. А тебе к чему это знать?

Володька. Я всегда должен знать все по этой части... Если ты баба, с тобой один разговор, а если девка — другой. Я сразу вижу, что ты девка.

Зоя. Какой догадливый.

Володька. На том и стоим, что мы догадливые.

Зоя. Откуда же ты будешь сам-то?

Володька. Живал в столицах, за границей и даже в Африке у чернокожих. *(Сплевывает.)* Все одно и то же. Только там бабы много умнее нашего. Ты, значит, из скита приехала?

Зоя. Из скита Лысогорского. Мы с тятенькой приехали за свечами и за мылом.

Володька. Лавочники?

Зоя. Мы дьячки.

Володька. Это не у вас на Лысой горе старец появился, Акила?

З о я. У нас. А ты про него не выражайся.

В о л о д ь к а. Я туда скоро приду. Ждите.

З о я. Только тебя там и дожидаются.

Входит дьячок — К о н с т а н т и н П а в л о в и ч.

Д ь я ч о к. Я на постоялый двор побежал, а ты вот где сидишь. Ну, Зоюшка, все укупил. Попоим лошадок и поедем с богом. Это чья же одежда-то висит?

В о л о д ь к а. Поповская. Выветривать повесили ржавый дух.

Д ь я ч о к. А ты зачем развалился у храма? Бесстыдник! Идем, Зоя, отсюдова.

З о я. Тятенька, подождите, сейчас венчать кончут, посмотрим жениха с невестой.

Б а б а. Ну уж и свадьба. Без оглашения — прискакали, и венчать. Кое-как, без певчих. Боятся они чего, или уж не терпится, что ли.

Д ь я ч о к *(садится на лавочку)*. Кого венчают-то?

В о л о д ь к а. Дураков.

Д ь я ч о к. Как дураков? Каких?

В о л о д ь к а. Он дурак — зачем женится, она дура — зачем замуж идет,— элементарно.

Д ь я ч о к. Как? А вот я схожу за полицейским, чтобы тебе по затылку наложили как следует. Крапивник.

Володька смеется.

З о я. А ты слушай, что он болтает-то. Жених Василий Петрович.

Д ь я ч о к. Ну? Да что ты!

З о я. А невеста вдова...

Д ь я ч о к *(поспешно)*. Богатая.

З о я. Да подожди... Невеста-то Мирра Михайловна Хорошенкова.

Д ь я ч о к. Ликования достойно... Богатейшая, благолепнейшая женщина. Зойка, ты пойми... Богомольнейшая женщина, скит наш не оставляет без внимания. Отец Акила ее превыше всех вознес. Дай ей господь многие лета... А замуж-то за кого выходит?

З о я. Да говорю, за барина, за пьяницу-то этого — Василия Петровича Драгоменецкого.

Дьячок. Весьма доволен высокобрачному торжеству нашей благодетельницы.

Ударил колокол.

Обрáчились.

Володька. А чем же этот Акила у вас в скиту занимается?

Дьячок *(строго)*. Старец врачует душевные, равно и телесные скорби. Особенную силу имеет против других старцев — бесов выгонять. Беса блудного, унылого, чревоугодного, запойного и возмутительного. Запреты кладет — бродяге, чтобы не бродил, безобразнику — чтоб не безобразил. Дожди ниспосылает в сухое время. От бесплодия разрешает чрево женщинам и скотам. Большую помощь оказывает по женской части.

Баба. Пришла это к нему женщина, милые мои, жалуется животом,— муж ее не любит, бьет. Старец возложил руки да как закричит: «Пошла вон!» — и вылезает, милые мои, из этой женщины змея пестрая.

Зоя. Ой, пестрая, говоришь?

Володька. Ну, уж это пустяки.

Дьячок. Истину говорит эта женщина. Чудеса великие у нас в скиту.

Вбегает из ворот Лиза. Она в простеньком платье и в косынке.

Лиза. Венчают?

Дьячок. Вам кого надо, девица?

Лиза. Его... Он здесь... Василий Петрович?

Дьячок. Совершенно верно. Обряд окончен.

Лиза. Обвенчался! *(Хочет бежать в церковь.)*

Володька заслоняет дорогу.

Баба. Батюшки, держите ее!

Володька. Мамзель, вы куда спешите?

Лиза. К нему. Пустите меня!

Володька. Не могу, при всем желании.

Лиза. Нужно мне. Пожалуйста.

Володька. Извините, мамзель, мне за это деньги заплачены — вас не пускать.

Лиза. Деньги платили — в церковь меня не пускать. Господи помилуй! Что же я ему сделала? В церковь не велят пускать...

Володька. Извините, боятся скандала с вашей стороны.

Лиза. Да какой скандал, когда любила я его!.. А он тайком от меня...

Зоя. Хотела свадьбу сорвать: есть такие шельмы.

Лиза. Соседи сказали,— не поверила. Ведь еще вчера он ко мне приходил... *(Опять кинулась.)* Не верю!.. Не верю! Не его венчают!..

Володька. Мамзель, ваше дело пропащее.

Лиза. Пропащее? *(Села на ступеньки, заплакала.)*

Володька. Фу ты, как вы ревете. Послушайте, плюньте ему, негодяю, в рожу, когда он выйдет,— препятствовать не стану. Что я, действительно нанялся буржуям? Поищите другого раба. Элементарно.

Дьячок. Ах ты мошенник! Деньги взял, а сильных мира сего поносишь.

Володька. Эх, деньги вчера пропил.

Дьячок. Идем, Зоя.

Зоя. Тятенька, послушаем, как она плачет.

Баба *(Лизе)*. А ты, сударушка, громче кричи, на голос. В прошлом году тоже одна женщина здесь брякнулась да заголосила так хорошо. Народ со всего квартала сбежался, жениху пиньжак весь изодрали.

Дьячок. Выходят. *(Встает, снимает шляпу.)*

Лиза вскакивает, прижав руки к груди, смотрит на выходящих.

Зоя. Тятенька, молодая-то — чистая картинка.

Появляется Драгоменецкий под руку с женой, за ним Вологодов. Позади несколько человек любопытных.

Володька скрывается.

Лиза. Василий Петрович!

Молодые останавливаются.

Мирра. Ай! Кто это?

Лиза. Василий Петрович! Зачем ты обманул меня?

Драгоменецкий (*смотря поверх головы*). Где наша карета?

Лиза. Сказал бы сам. Ни минуты бы не стала тебя держать...

Мирра. Послушайте, что вы к нам привязались?

Вологодов. Не будем волноваться. (*Лизе.*) Сударыня, успокойтесь.

Лиза. Я спокойная. Я никого не трону.

Мирра. Уберите ее! У нее серная кислота!

Драгоменецкий. Не кричите пронзительно. Идемте же.

Лиза. Васенька... Разлюбил... Обманул...

Драгоменецкий. Я ничего не понимаю. Здесь такой шум... (*Снимает цилиндр, вытирает пот.*)

Лиза. Я только спросить хочу и уйду. Скажи: зачем же ты вчера приходил?

Мирра. Ну, уж это слишком нагло... Полицию надо позвать.

Лиза (*ей*). Ты молчи. Ты не смеешь говорить.

Мирра (*глядит на Лизу мгновение молча*). Ай! Ай! Ай!

Вологодов. Послушайте, крикните кто-нибудь, чтобы карету поскорее...

Зоя. Тятенька, умру, интересно.

Лиза. Что же ты молчишь? Или я с ума сошла?

Драгоменецкий (*Лизе*). Я вас вижу в первый раз. Я вас не знаю.

Лиза. Нет!.. Нет!..

Драгоменецкий. Вы приняли меня за кого-нибудь другого. Позвольте нам пройти.

Пауза.

Зоя. Липкая какая, пройти не дает.

Дьячок. А ты не лезь с глупыми разговорами.

Пауза.

Лиза. Прощай, Васенька.

Драгоменецкий. Прощайте. (*Жене.*) Идемте, Мирра Михайловна.

Мирра. Вас, милая, нужно в больницу запереть, а не пускать по городу. Сумасшедшая. *(Подобрав платье, бежит к воротам.)*

Вологодов спешит за нею. Драгоменецкий идет медленно, едва передвигая ноги, держа высоко голову.

Зоя. Никогда не допустила бы себя до такого срама при всем народе.

Дьячок. А я вот поздравить их даже не успел с законным браком.

Драгоменецкий *(оборачивается в воротах и говорит Лизе, глядящей ему вслед)*. Прощай, Лиза, прости! *(Ушел.)*

Лиза. Не прощу! Не могу! *(Садится на лавочку.)*

Зоя *(Лизе)*. Послушайте, а он к вам часто ходил? Несчастная!

Дьячок. Не приставай. Видишь, она без сознания. *(Лизе.)* Девица хорошая, вот вам книжечка. *(Вынимает из шляпы и дает.)* Не велика, но чудесно в ней описано местонахождение нашего скита и природа окрестностей. А вот портрет старца Акилы и все им содеянное. Сходите, сходите к нам, получите облегчение. *(Тянет Зою за рукав к выходу.)* Идем, идем, Зойка.

Зоя. Тятенька, что это у нее лицо какое страшное — сейчас помрет. Тятенька, какие подлецы на свете мужчины.

Дьячок и Зоя уходят.

Баба *(Лизе)*. Ах, девушка, ни при чем ты осталась. Тебе надо с первого раза рыжую эту за волосы схватить. А уж теперь она им завладела. Барин-то какой красивый. Вот теперь слез-то прольешь! А ты сходи, сходи к отцу Акиле. Ах ты, горькая,— ни отца, ни матери, всякий тебя обидит...

Вологодов быстро входит.

Вологодов. Ну, что она?

Баба. Обмерла. Нет, где уж, она жить не станет. Сиротка, говорят, в гимназии училась и жила бедно... На людей белье шила... Глядите-ка, кончается.

Вологодов. Уйдите... Я хочу с ней поговорить.

Баба. Поговори, поговори, батюшка. *(Отходит к висящей одежде и спустя некоторое время, захватив какую-то шубу, удаляется совсем.)*

Вологодов *(Лизе)*. Василий Петрович только что просил меня с вами переговорить. Я отвечаю за все его поступки. Вам угодно выслушать?

Лиза поднимает голову. Глаза ее высохли и блестят, как в лихорадке. Она говорит почти спокойно, но выражение слов ее находится в несоответствии с их смыслом.

Лиза. За какие поступки вы отвечаете?

Вологодов *(резко)*. За все.

Лиза. Говорите.

Вологодов. Василий Петрович очень удручен всем здесь происшедшим.

Лиза. Мне тоже это показалось...

Вологодов. Вы не поняли меня... Он очень озабочен вашим горем.

Лиза. Пожалуйста, передайте, что никаких скандалов с моей стороны больше не будет.

Вологодов. Та-та-та, совсем не в том дело.

Лиза. А сегодня... Только потому, что ничего не знала, не поверила... Побежала... Мне все равно нужно было за ситцем — в город... Вот куда это я записочку потеряла, все было записано, что купить... *(Поискала и сейчас же забыла.)*

Вологодов *(кусая губы)*. Ну да, я понимаю...

Лиза. Пускай не боятся. На улице их встречу — на другую сторону перейду. Испугались кого... *(Задрожали губы, отвернулась.)*

Вологодов. Свадьба эта была решена внезапно. Дело в том, что денежные дела Василия были очень тяжелы. Оставался буквально один выход — пулю в лоб. Конечно, все это не оправдание, да я и не намерен его оправдывать. Он сам себя считает глубоко виноватым перед вами. Вот его собственные слова. Садясь в карету, он мне шепнул: «Передай ей, что я подлец и негодяй».

Лиза. Это к чему же вы мне все говорите?

Вологодов. Простите, Елизавета Антоновна, ваша судьба, ваша дальнейшая жизнь совершенно нам не безразлична.

Л и з а. Замуж за него все равно не пошла бы... На коленях проси, не пошла бы. Не знаю, из-за чего вы так беспокоитесь. Я всем очень довольна.

В о л о г о д о в *(мрачно, почти с отвращением)*. Все это он скрыл от вас потому, что так требовала его теперешняя жена: свадьбу держать в тайне. Ну, вот и все... Елизавета Антоновна, разрешите мне как-нибудь заехать к вам. Я был бы счастлив. Если не ошибаюсь, вы живете все там же, за речкой.

Л и з а *(засмеялась)*. Да, за речкой. За рекой я живу. Одна. И ход у меня отдельный, прямо в садик.

В о л о г о д о в. Елизавета Антоновна, не считайте меня за подлеца. Ох, черт! Вся эта история в высшей степени омерзительна... Я только хочу знать, что бы я мог сделать для вас?

Л и з а. Уйти, уйти... Уходите.

В о л о г о д о в. Слушаюсь. *(Уходя, обернулся.)* Елизавета Антоновна, если что случится с вами... ради бога...

Л и з а. Со мной ничего не случится... Что вам еще?

В о л о г о д о в. Прошу простить меня. *(Идет и в воротах сталкивается с Володькой.)*

В о л о д ь к а. Извиняюсь, господин, я немного не усмотрел за этой женщиной, да ведь она лезла прямо дуром.

В о л о г о д о в. Убирайтесь к черту!

В о л о д ь к а. Это я могу каждую минуту, а только с вас приходится на чаишко.

В о л о г о д о в. На! *(Швыряет деньги, уходит.)*

В о л о д ь к а. На! Как собаке... Думаете, не возьму,— я возьму, но с величайшим презрением. Элементарно. Ну-с, мамзель, как ваши дела? Может, прикажете вас до дому проводить после такой катастрофы?

Л и з а. Нет, не нужно, я сама дойду. *(Идет, покачнулась.)* Ах, что это у меня в голове звенит? Точно колокольчики. Точно кузнечики. Жарко... Водицы бы испить. А то свет очень красный... *(Опускается на траву.)*

В о л о д ь к а. Мамзель, так нельзя... Мамзель, здесь нехорошо, здесь пыльно...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Трапезная при заезжем дворе, который содержит Константин Павлович. Столы и скамьи. Одна дверь входная, две другие — в комнаты. Окна на скит. Прилавок с большим самоваром и расписной посудой. За прилавком — Константин Павлович. У стола — Прасковья Алексеевна пьет чай.

Дьячок. Народу к нам валит. Прасковья Алексеевна, народ идет,— поглядел я, умилился: за рекой прямо полки, полки идут — богомольцы, странники, убогие, божьи люди... А рыбки соленой мало привез из города... Говорил Зойке, паскуднице, рыбы надо воз купить. Бог милостив, поторгуем завтра.

Прасковья. Я вот скажу старцу, чтоб процент с тебя назначил, с торговлишки-то.

Дьячок. Процент? Что вы, Прасковья Алексеевна! Да ведь это ж суета.

Входит Лиза.

Прасковья. Зачем пришла? Какое желание?

Лиза. Я бы хотела поговорить с отцом Акилой.

Прасковья. Не знаю, захочет ли старец говорить с тобой. Что-то ты больно бледная, тощая. Больная?

Дьячок. Летом у нее горячка была, Прасковья Алексеевна, едва не померла в земской больнице. Хорошая девушка, допустите ее до старца.

Прасковья. А чем кланяешься?

Лиза *(с недоумением смотрит на обоих)*. Я не знаю.

Дьячок. Спрашивают вас, что вы принесли? Холстинки, яиц или, например, уточку, курочку?.. С чем вы к отцу-то пойдете? А то двумя полтинниками поклониться — еще лучше.

Лиза. У меня с собой немного денег. *(Кладет кошелек на стол.)*

Прасковья взглядывает на дьячка, он, в свою очередь, глядит на Прасковью Алексеевну.

Прасковья. Как же, Константин Павлович?

Дьячок. Так уж, Прасковья Алексеевна.

Прасковья. Посчитай-ка, Константин Павлович.

Дьячок. С удовольствием. *(Осторожно берет кошелек и считает деньги.)*

Прасковья *(Лизе)*. Горячка была?

Лиза. Лежала без памяти до Петрова дня. А как встала, обещалась сходить к старцу, пусть работу возложит на меня.

Дьячок. Не верю я этому полтиннику, Прасковья Алексеевна.

Прасковья. Ну-ка. *(Пробует на зубок.)* Чистый.

Дьячок. Ну-ка я. *(Пробует на зубок.)* Бога гневить нечего, хороший полтинник. *(Лизе.)* Это вы дадите старцу, а это на свое пропитание у меня оставите. *(Прасковье.)* Допустить возможно ее.

Прасковья. Хорошо, я тебя допущу к отцу Акиле.

Лиза. Покорно вас благодарю.

Дьячок. А теперь идите к себе, девица, вас позовут, когда нужно.

Лиза. Нельзя ли поскорее? Тяжело мне... Сегодня бы.

Прасковья *(наливая себе чаю)*. Какая настойчивая!

Дьячок. Завтра большой выход к народу. А сегодня старец никого не принимает — с богом беседует.

Лиза. Ну, хорошо.

Лиза идет и в дверях сталкивается с Зоей.

Зоя. Что вы под руку лезете?

Лиза уходит. Зоя бежит к прилавку, хватает калач и мчится к двери.

Дьячок. Куда? Кому?

Зоя. Приехали.

Дьячок. Кто?

Зоя. Да сейчас. *(Убегает.)*

Прасковья. Замуж ее надо поскорее выдать.

Дьячок. Зла, зла, да. Очень строптива. Прасковья Алексеевна, еще стаканчик с мятным листом. А вы бы с блюдечка пили, с блюдечка-то хлёбче...

Прасковья. Не хочу больше чаю. Наливки хочу.

Дьячок. Смородиновой?

Прасковья. А ты наливай, не спрашивай.

Дьячок *(наливает)*. Вот так же одна женщина, свояченица брата моего, привыкла и привыкла наливочку-то пить,— глядь, водянкой и захворала. Летом — и то в валенках ходит, ноги гниют. Кушайте на здоровье, Прасковья Алексеевна.

Входит Зоя.

Зоя. Найдите себе другую слугу, я все ноги отбила. *(Идет за прилавок.)*

Дьячок. Кто приехал-то, я спрашиваю?

Зоя. Да Мирра Михайловна с мужем, и доктор с ними.

Дьячок. Ну, слава богу, пожаловали наконец... Зойка, шляпа где моя? Радость бог послал. Я уж и так каждую неделю писал благодетельнице — скучаем, тоскуем, на личико бы только ваше посмотреть. Ох, Прасковья Ликсеевна, и радость, и что-то я заробел.

Прасковья. Кто боится, тому черт приснится.

Дьячок. Тьфу, поминаете черта под праздник. *(Зое.)* В каком они номере остановились?

Зоя. Да где всегда.

Дьячок. Вот она, шляпа. *(Уходит.)*

Прасковья. Благодетельница лечить супруга, что ли, привезла?

Зоя. От запоя. За благодатью приехали.

Прасковья. Пьет?

Зоя. Ужасти! На красную горку повенчались, он сразу и запил.

Прасковья. Налей-ка еще смородиновой.

Зоя. Безобразничает, ничего знать не хочет. Скружилась она с ним.

Прасковья. Значит, сглазили.

Зоя. Ну да. И сглазила его Лизавета, с вами-то которая сейчас говорила,— она,

П р а с к о в ь я. Вот как! Она?

З о я. Я сама видела: только это они из-под венца вышли, она подбегает, глазищами и уперлась в него, замыргала. Он так и переменился в лице, затрясся. Вот страшно было глядеть, я даже побледнела.

П р а с к о в ь я. Что же ты мне раньше-то не сказала? Это дело надо во внимание принять.

За сценой слышен кашель.

Батюшки, старец проснулся. Накрывай на стол, чтоб ему со сна-то поскорее чаю напиться, а то опять будет кричать.

Уходит в боковую дверку. Зоя накрывает ширинкою угол стола. Входит В о л о д ь к а.

В о л о д ь к а. Папиросы имеются?

З о я. Имеются.

В о л о д ь к а. Пачку «Трезвону».

З о я. Без денег не дам.

В о л о д ь к а. Я бумажник в овраге оставил.

З о я. Ну и ступай в овраг, откуда пришел.

Володька хватает ее за талию.

В о л о д ь к а. Так ведь мне же одному там скучно.

З о я. А ну тебя... Только платье мнешь. *(Продолжает накрывать на стол.)* Хотя бы занялся делом, право. Тятенька вам жалованье хорошее положит, одёжу справим. В люди можете выйти.

В о л о д ь к а. Нет уж, это ты брось — на меня покушаться. Я лучше уйду от греха.

З о я *(бросает ему с прилавка пачку папирос)*. Нате.

В о л о д ь к а *(закуривает)*. Я тебе сейчас докажу. Во-первых, вам, мещанам, лавочникам, жить на свете — много забот, копейки считать — скука. Разным графам, князьям в эту сторону — «ах, пардон», в эту сторону — «ах, мерси»; теснота, с ума сойти. Скажем, царю ничего бы житье, но опасно: ни по улице пройти, ни в ресторане рюмочку пропустить; нос высунул — покушение. Вот и выходит, значит, во-вторых: одному мне только и весело жить на свете. Когда ты это пой-

мешь, тогда пожалуйста, мы с тобой за грибами можем сходить.

З о я. За грибами?

В о л о д ь к а. Сыроежки собирать. Элементарно.

З о я. Ах ты бесчестный! Совести у тебя нет!

В о л о д ь к а. Так ведь я же тебя не силой в овраг тащу.

За стеной кашель и голоса.

З о я. Убирайся. Старец сюда идет.

Володька прислоняется к косяку. Входят А к и л а и П р а с к о в ь я. Акила — огромный, с длинной гривой, с бородой веником, кряжистый мужик. В холщовой рубахе с красными подмышниками, в рыжих сапожищах.

А к и л а. Я сон видел. Будто я в саду. На цветах птицы поют. Будто я по самый пупок в землю врос.

П р а с к о в ь я. К чему же сон-то? Вот дивно.

А к и л а. Вспотел я. Жарко. *(Садится к столу.)*

Прасковья и Зоя служат ему.

П р а с к о в ь я. Откушай, батюшка.

З о я. Прошу покорно — откушайте чаю.

А к и л а. Не желаю.

П р а с к о в ь я. Вот — жамки на меду. Вот — коржики. Вот отведай лепешки крупитчатые,— только из печи выкинули.

А к и л а *(толкает тарелки)*. Не хочу. Фу, дрянь! Противно.

П р а с к о в ь я. А ты грибочков солененьких откушай, растрави аппетит-то.

А к и л а. Прохладного.

П р а с к о в ь я. Зоюшка, беги за квасом.

Зоя убегает и сейчас же возвращается со жбаном.

А к и л а. А к тому я сон видел, что я помереть должен. Да.

П р а с к о в ь я. О-о-о-о-о-о-о... Не говори, не говори так, батюшка, о-о-о-о-о-о-о...

З о я. О-о-о-о-о-ох.

А к и л а *(Прасковье)*. Не вой. Желаю преставиться. Надоело,— одни бесы, рожи кругом. Тьфу!

Прасковья *(подает ему жбан)*. Ужасы какие.

Володька *(сплевывает)*. Чудеса.

Зоя. Отец, вы хоть бы вот Владимира-то пристыдили. Живет при скиту шестую неделю, спит в лесу. Ничего не делает, как дикий.

Акила *(Володьке)*. Ты рот разинул, оглянись.

Володька оглядывается.

Видел?

Володька. Нет.

Акила. А я видел. Да. *(Пьет из жбана.)*

Зоя. Вот, батюшки, страсти.

Акила *(спокойно)*. Вон из-за плеча у него рыло высовывается. Рогатый. Фу, смрад какой!

Прасковья *(Володьке)*. Уходи, уходи с нечистым духом.

Володька. Чудно что-то... Вот, скажи на милость.

Акила. Иди к дьячку в услужение при лавке. Я за тебя помолюсь. Может, тогда бес-то отвалится. Понял?

Володька. Понял.

Зоя. Уходи, уходи.

Володька. Ну и политика. *(Уходит.)*

Зоя. Хорошенько его, отец, постращайте,— такой непокорный.

Акила. А ты уж и рассолодела. Ну-ка, садись рядом.

Прасковья. Зоя, сядь напротив.

Акила. В каждое время я могу огорчиться. Что тогда?

Прасковья *(толкает Зою к двери)*. Уходи, уходи от греха.

Зоя ушла.

Что ты с девкой-то озорничаешь? Мало ли тебе, что ли, сладкого?

Акила. Ты карга, старая ворона, я вот на тебя червей напущу. Да.

Прасковья Сократись, сократись, господь с тобой.

А к и л а. Много воли взяла, Прасковья. Ай, побью.

П р а с к о в ь я. Пошел бы ты сейчас в баню, право, а то больно гневный. Ведь тебе сейчас с благодетельницей надо разговаривать,— неровен час, ты и напугаешь.

А к и л а *(удивился, обрадовался)*. Благодетельница приехала?

П р а с к о в ь я. С мужем прибыли только что.

А к и л а. Ну, твое счастье. *(Слезает с лавки, причесывает волосы.)* Давно я Мирру Михайловну не видел. Ах, ах... Поди к ней, скажи — желаю, скажи, с ней ласкаться.

П р а с к о в ь я. Батюшка, а ты не забудь, что я тебе сейчас про Лизавету-то рассказывала.

А к и л а. Про каку таку Лизавету?

П р а с к о в ь я. Да которая Василия Петровича сглазила на красную горку.

А к и л а. Ладно, не забуду.

Входит Л и з а.

П р а с к о в ь я *(бросается к ней)*. Нельзя! Сказано — нельзя. Куда, куда лезешь?

Л и з а. Не могу больше... Батюшка, выслушайте меня.

П р а с к о в ь я. Завтра, завтра приходи.

Л и з а. Не останусь я здесь ни минуты. Грех вам, если не примете меня. Места себе не нахожу.

А к и л а. Как зовут?

П р а с к о в ь я. Да Лизавета, она самая.

А к и л а. Вот ты какая, Лизавета. Ну, подойди.

П р а с к о в ь я. Подойди к старцу. Порядок знаешь? Дары положи под ширинку, чтобы он не видел. Дай я тебе помогу. *(Берет у Лизы кошелек, кладет на стол, кланяется и уходит.)*

Лиза стоит перед Акилой.

А к и л а. Ну? Что мы делать-то будем, а, лебедь? Ну, давай шептаться. Садись.

Л и з а. Погибаю. Сил больше нет.

А к и л а. Вижу, вижу, давно не плакала. Ничего, поплачь, порыдай.

Л и з а. Любила я, батюшка.

А к и л а. Знаю. И кого любила — знаю.

Л и з а. Он здесь. Только что видела его. Мимо двери шла. Лежит на постели. Бледный. Спит ли, мертвый ли — не знаю. Зачем его привезли? Куда мне деться?

А к и л а. Сядь. Деться тебе все равно некуда. Птица — и та сама от себя не может улететь. Поняла?

Л и з а. Обиды не могу забыть. Любви его не могу забыть. Разве я могу жить с такой памятью? Ведь все было грехом — и слова наши, и ласки,— ложь, ложь, ложь...

А к и л а. Трудно жить в грехе. А в святости еще труднее. Ох, трудно, лебедь, жить в святости. Как же ты с ним грешила-то?

Л и з а. В огне мне сгореть — не забуду. На людей ли гляжу, проснусь ли ночью — каждая минуточка во мне как игла, живая. Встала я после горячки,— маюсь, маюсь, места себе не нахожу. Поцелуи его, ласки — ложь, ложь...

А к и л а. А как вы ликовались-то? Все говори.

Л и з а *(стиснув зубы)*. Не могу. Не спрашивай.

А к и л а. Ишь ты, как тебя перекореживает. А не постегать ли?

Л и з а. Сними с меня грех. Трудом, мукой, унижением, плетями стегай... Только бы забыть... Возьми у меня душу и память...

А к и л а. Вытерпишь?

Л и з а. Все вытерплю.

А к и л а. Вот ты как. А ну, сними с гвоздя лестовку.

Лиза кидается и подает лестовку.

Ишь ты, какая расторопная. Больно буду стегать, девка.

Л и з а. Да, да, да.

А к и л а *(замахнулся, опустил руку)*. Постой. Погляди на меня. А ты в меня веришь, Лизавета?

Л и з а. Верю, верю.

А к и л а *(хватает ее за плечи; внезапно).* Ведьма!

Л и з а. Что вы!.. *(Отшатнулась.)*

А к и л а *(отталкивает ее).* Гордыня окаянная! Грехом брезгуешь... Чиста очень. А зачем ко мне пришла? Гнушаться мною пришла?

Л и з а. Что вы... что вы...

А к и л а *(бросает лестовку).* Не хочу тебя стегать, не желаю. Нет тебе прощения... Сластена...

Л и з а. Батюшка!..

А к и л а. Вот сапог. Почище тебя бабы валялись, мордой об него терлись. А тебе сапог не дам поцеловать. Бесовка!

Л и з а. Неправда!

А к и л а. Чиста, чиста... А меня за кого почитаешь? Кто я! Мужик юродивый, да? Сейчас у тебя милостыньку попрошу. Сейчас у меня дерганье во всем теле начнется. Это ты видела? А гусаком, хочешь, покричу? Вот ты как меня понимаешь! Так нет тебе ни горького, ни кислого. Провались сквозь землю.

Л и з а. Простите... Пощадите меня...

А к и л а. Нет, тебе помощи. Кишь, бесовка... *(Кричит.)* Прасковья!

Л и з а. Нет, нет, я сама уйду!

А к и л а. Погоди, погоди. *(Орет.)* Прасковья!

Входит П р а с к о в ь я.

Гляди, кто она оказалась — бесовка!

П р а с к о в ь я. С нами крестная сила!

А к и л а. Искушать меня пришла. Вот беда-то. А я пощупал, а у нее хвост. Во, полтора вершка.

П р а с к о в ь я. Ах, змея, ах, семя крапивное!

Л и з а *(в отчаянии).* Неправда, не бесовка я!

А к и л а. Гляди, как ее перекореживает. Ах, ненавистница! За святостью ко мне пришла. Полтинник сунула — на. Как псу. Чужим горбом святость норовит заработать.

П р а с к о в ь я. Ах, бесстыжая...

А к и л а. Униженья захотела. Я тебя унижу. Прасковья, беги за Василием Петровичем.

Л и з а. Нет, нет, только не это!

Прасковья уходит.

Умру, не останусь. Не могу. Какое хотите испытание, только не это. Отпустите!

А к и л а. Лизавета.

Л и з а. Что?

А к и л а. Ты зачем человека испортила?

Л и з а. Как я испортила?

А к и л а. Я спрашиваю: каким зельем ты его опоила?

Л и з а. Кого?

А к и л а. Человек с утра до ночи без просыпу пьян. С женой не спит. Безобразничает. Сгорел человек.

Л и з а. Про кого вы говорите?

А к и л а. Про Василия Петровича говорю, змея подколодная.

Л и з а. Василий Петрович... Нет... Не я погубила Василия Петровича.

А к и л а. Лизавета, сейчас он сюда придет. Сейчас ты ему все простишь. Чтобы к завтрему утру он и думать о тебе забыл.

Л и з а. Хорошо, останусь.

А к и л а. Поди, поди. *(Толкает ее за прилавок.)* Посиди, лебедь, я тебе кивну, когда надо.

Входит Д р а г о м е н е ц к и й. В дверях ему что-то говорит Вологодов, который остается за дверью. Драгоменецкий пьян. Лицо бледное. Держится твердо, прямо. Войдя, не видит Лизы, скрытой за прилавком.

Д р а г о м е н е ц к и й. А! святой отец. Здравствуйте!

А к и л а. Здравствуй, Василий. Давно я тебя ждал. Садись.

Д р а г о м е н е ц к и й. Благодарствуйте.

А к и л а. А ты со мной попроще. Я человек легкий. А ты расстегнись, душа-то и возликует. Говори, говори, родной.

Д р а г о м е н е ц к и й. Что я хотел вам сказать? В сущности, я чувствую здесь себя довольно глупо, святой отец.

А к и л а. А я еще не святой. Нет, грешный. Зови меня — папа.

Драгоменецкий. Слушаюсь. Меня привезла жена. Для чего, честное слово, не знаю. Она верит в вас... папа... Уговорила приехать и исцелиться. Я подчинился. Утверждают, что я много пью. Но что же делать, когда у меня жажда. Кстати, мы привезли вам отличной мадеры.

Акила. Спасибо, сынок. А с какого дня у тебя жажда?

Драгоменецкий. Не помню. Боже мой, давно.

Акила. Не с весны ли?

Драгоменецкий. Да, вы правы — жажда с весны.

Акила. Припомни, не случилось ли с тобой чего весной-то?

Драгоменецкий. Случилось... случилось... *(Трет лоб.)* Кажется, со мной ничего не случилось. *(Безнадежно.)* Не помню. Не помню.

Акила. Женщина к тебе не привязалась ли какая-нибудь?

Драгоменецкий смотрит на него, не отвечая.

Лизавету забыл? *(Трясет его.)* Вася, да ты не в себе!

Драгоменецкий. Кто плачет? Кто здесь все время тихонько плачет? *(Оглядывается на прилавок, за которым слышен голос Лизы, зажавшей платком рот.)*

Акила. Вот она! Гляди, вот она, твоя хворь!

Драгоменецкий *(поднявшись)*. Лиза!

Лиза. Теперь можно идти мне, отец Акила?

Драгоменецкий. Елизавета Антоновна, как странно...

Акила. Гляди, гляди на нее. Поганка злая. Бесица. Сосуд скверный. Вот кто тебе сердце сушил...

Драгоменецкий. Какое счастье видеть вас.

Лиза. Мне нет счастья видеть вас, Василий Петрович.

Акила. Вася, Вася, постой... Читай за мной... *(Начинает петь.)*

От духа святого,
От печати Христовой,

От спасовой руки,
От богородицина запечатанного замка.

Драгоменецкий *(бросаясь к Лизе)*. Не уходи, умоляю!

Лиза *(с мученьем)*. Что вам нужно? *(Быстро садится к столу.)*

Акила. Дую, плюю, отженяю всякого злого человека, порченика, пыточника, насилочного пакостника, лихую девку, змею Скорпию... Плюй, Вася, плюй ей на хвост.

Драгоменецкий *(топая ногой в бешенстве)*. Убирайтесь ко всем чертям!

Прасковья *(в дверях)*. Отец, отец, не гневи его.

Драгоменецкий. Пошел вон! Вы мне надоели!

Акила. Вот гром грянул.

Акила и Прасковья скрываются.

Драгоменецкий. Лиза... *(Берет ее руку.)* Девочка моя, как я истосковался... Прости. Ну, подними же лицо. Зачем ты дрожишь?

Лиза. Мне страшно. Вы пьяны.

Драгоменецкий. Да. Я пью теперь довольно много. Я очень давно пьян. С тех самых пор. Я сделал ошибку.

Лиза. Я вам простила, Василий Петрович.

Драгоменецкий. Зачем ты так жестоко говоришь со мной? У тебя всегда был нежный голос, Лиза. Сядь... Я должен сообщить тебе страшную тайну. Лиза, я терпеть не могу мою жену. От нее пахнет сырой говядиной. Она попрекает меня своим капиталом. Я с ней больше не разговариваю. Довольно. Молчу, усмехаюсь и пью. И так — три месяца.

Лиза. Больны вы станете от этого.

Драгоменецкий. Ты угадала. Я сознательно себя жгу. Дочитываю последнюю главу романа. Лиза, какие были чудные страницы... Подожди, не убирай руки. Моя жизнь кончилась с того часа, помнишь, на церковном дворе. Как ты глядела на меня, родная... Темные, любимые глаза в смертельной тоске. По ночам я вспоминал эту роковую минуту и пил, пил, пил...

Л и з а *(в тоске).* Нет, не могу, не могу!

Д р а г о м е н е ц к и й. Ты не хочешь меня больше любить, Лиза?

Л и з а. Ведь ты и сейчас меня обманываешь. Знаю, как словечки твои подкрадываются, запутывают. Не хочу.

Д р а г о м е н е ц к и й. В моей жизни я любил только одну женщину, тебя, дитя мое. Дай погладить твои руки. Худые, любимые руки. Лиза, зачем прошло счастье? Помнишь, домик за рекой, твоя комнатка... Проснешься ночью, на плече — твоя головка, твои волосы...

Л и з а *(дико).* Да кто ты?.. Дьявол?.. Забыл, что ли, все?

Д р а г о м е н е ц к и й *(в восторге).* Дикая... смуглая... степная.. *(Поет.)* «Целовать твои смуглые плечи и румянец щеки твоей алый»... Ах, черт, вина бы... Лиза, бежим... Эх, тройку бы... К чертям Мирру Михайловну... *(Швыряет кольцо.)* Лиза,— вдвоем в степь... Любовь, простор, тоска... Ночью у костра ты глядишь на меня диким взором... Цыганка! *(Держит ее в объятиях.)* Веришь? Любишь? Целуй, милая...

Л и з а. Не хочу... не верю...

Д р а г о м е н е ц к и й. Подожди. Я все устрою. У меня чертовски сильный характер. Мы уедем. Ты будешь богатая, счастливая. Я буду дарить тебе персидские шали, кольца, бриллианты... Дай мне забыться... Ну, хоть бы на день, на час, на минуту. *(Целует ее.)*

Л и з а. Скоро же костер твой догорел, Вася. Оставь меня. Пусти меня. *(Идет к двери.)*

Д р а г о м е н е ц к и й. Лиза, кажется, я не сказал ничего резкого. Не уходи. Ты у меня одна. Не покидай. Будь милосердна.

Л и з а. Ну, что это в самом деле!

Д р а г о м е н е ц к и й. Понимаешь, они меня спаивают. Мирра ненавидит меня. У нее виды на Егора Ивановича. Да, да. Егор тоже как будто и друг мне и что-то хитрит, я вижу. Моя жизнь ужасна. Путаница, ложь, кошмар.

Л и з а. Ах, боже мой, маленький, что ли?

Драгоменецкий. Я знаю, зачем меня сюда привезли. Я только показываю вид, что не знаю. Послушай, завтра они из меня хотят выгонять блудного беса. Я боюсь. Это ужасно неприятно. Лиза, пощади, спаси меня!

Лиза. Ну, разве можно так! *(Целует его в голову.)*

В дверях появляются Мирра, Акила и дьячок.

Акила. Вот они что вытворяют!

Мирра. Василий Петрович, отойди от этой дряни.

Лиза овладевает собой, отходит к окну.

Драгоменецкий. В чем дело, господа? Пожар? Губернатор приехал? Почему такое волнение умов? Входите, садитесь.

Мирра *(Акиле)*. Пьяный?

Акила. Пьяный, матушка, пьяный. Я с ним шептался — нестерпимо коньяком от него так и бьет.

Мирра *(мужу)*. Идите сию минуту ложитесь спать.

Драгоменецкий. А вот это видела? *(Показывает кукиш.)*

Дьячок *(бросается, заслоняя от него Мирру)*. Матушка Мирра Михайловна, позвольте, я вас заслоню.

Акила *(сбоку дует на него)*. Выложи и выложи из раба божия Василия хмель — не просыпь головной, нутровой, жильной и поджильной, из семидесяти жил, с головы до тулова, из тулова в ноги, в сыру землю, за темные леса, за дикие острова, где ворон кости не заносит, ныне и во веки веков — аминь.

Дьячок *(поет по-церковному)*. Ныне и присно и во веки веков — аминь.

Драгоменецкий. А ну вас к черту! *(Уходит, хлопает дверью.)*

Акила. Тяжел у него хмель. Даже в пот ударило.

Дьячок. Даже паленым завоняло.

Мирра *(на Лизу)*. А с этой что будем делать?

Дьячок. А прогнать ее. Пошла отсюда, чернявка поганая!

М и р р а. Нет, подождите, прогнать ее мало. Опять прилипнет, муха. *(Лизе.)* Вы больная, кажется? Мужчину не можете видеть спокойно?

Лиза усмехнулась.

Ах, вам смешно. Вы в себе очень уверены? Нет, мне эта кошачья смерть нравится. Мощи тараканьи. Туда же, посмеивается. Вас опасно на свободе держать. Какая-то чересчур страстная.

Л и з а *(стремительно подходит к Мирре)*. Ты все это про себя сказала.

М и р р а. Ай!

Л и з а. Все кольца себе на руках изгрызи, а любовь не купишь... Мне смешно на тебя глядеть. Ненавижу тебя. Зла тебе хочу. Ах! *(Стискивает руки.)* Убила бы тебя!

М и р р а. Ай-ай, она покушается на меня! Вы слышали? Хватайте ее! Бегите за стражником!

Акила и дьячок хватают Лизу. Из боковой двери стремительно выбегает П р а с к о в ь я и кидается к Лизе.

П р а с к о в ь я. Батюшки, благодетельницу нашу убивают, держите воровку!

А к и л а. На цепь ее!

Д ь я ч о к. Полотенчиком, полотенчиком руки-то ей крути!

М и р р а. Вяжите!

Из средней комнаты появляется В о л о г о д о в.

В о л о г о д о в. Слушайте, что это такое?!

М и р р а. Егор, полюбуйтесь,— явилась.

В о л о г о д о в. Вы все с ума сошли!

М и р р а. Эта гадина кинулась на меня с ножом.

Л и з а. Лжешь!

В о л о г о д о в *(дьячку и Прасковье)*. Отпустите девушку.

Д ь я ч о к. Егор Иванович, опасно.

В о л о г о д о в. Ну? Что я сказал!

М и р р а. Егор, и вы туда же... Поздравляю!

В о л о г о д о в. Чепуха, бред, сумасшедший дом. *(Отталкивает дьячка и Прасковью.)* Пошли прочь!

Дьячок. За рукоприкладство, Егор Иванович, ответить недолго.

Вологодов. Елизавета Антоновна, идите, я вас провожу.

Мирра. Егор, вы действительно сошли с ума!

Акила. Блуд, блуд кромешный.

Лиза. Нет, Егор Иванович, вы уж за меня не заступайтесь. Пускай они меня берут.

Акила. Благодетельница, мы ее в часовню запрем, а завтра осрамим при всем народе.

Мирра. Это — дело.

Лиза идет к двери. Дьячок и Прасковья кидаются за ней.

Дьячок. Уйдет, уйдет!

Прасковья. Уйдет, уйдет!

Лиза. Не уйду, не бойтесь.

Вологодов. Елизавета Антоновна!

Лиза *(оборачивается в дверях)*. Я ведь и вправду злодейка. *(Ушла.)*

За ней — дьячок и Прасковья. Вологодов секунду стоит в нерешительности.

Мирра *(визгливо)*. Егор Иванович, подойдите же ко мне, у меня сердцебиение.

Вологодов. Ну, и тем лучше... *(Уходит.)*

В раскрытую дверь слышно пение калек.

Мирра. Негодяй! *(Кинулась за ним. Остановилась.)* Завтра всенародно требую осрамить эту девку. Завтра всенародно требую осрамить моего мужа...

Акила. Лебедь, лебедь, горячей, горячей кружись, кружись... кружись... *(Притоптывает, шлепает в ладоши, кружится.)*

Горы белые стояли,
Птицы белые летали,
Восплескали, закружились...
Живу душу причастились...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Двор в скиту. С одной стороны — церковная паперть, с другой — часовенка, где за решеткой Л и з а. В глубине — ворота. Сбоку их — ларек с торговлишкой Константина Павловича. Д ь я ч о к развешивает воблу, баранки и прочее. Удары колокола. Дьячок подпевает службе. Вбегает З о я.

З о я. Привела. Идет.

Д ь я ч о к. Ах, безбожник, ах, некрещеный! Народ во храм, а он в овраге дрыхнет.

З о я. Что ему на глаза-то лезть, когда вы иного слова не скажете,— вор да бродяга.

Д ь я ч о к. А уж ты около оврага так и мелькаешь, так и мелькаешь, и мелькаешь с утра до ночи. Смотри, Зойка, со двора нагишом прогоню, если, упаси бог...

З о я. Мое девичество, не ваше.

Д ь я ч о к. Срамница!

Г о л о с В о л о д ь к и *(поет)*.

Сяду я на корабль трехмачтовый,
Я покину родные места,
Доплыву до страны незнакомой,
Поцелую дикарку в уста.

Д ь я ч о к. Пожалуйте, артист. Святое место, а он орет во всю глотку.

Появляется В о л о д ь к а.

В о л о д ь к а.

Там, где вьется река Амазонка,
Я не буду тебя вспоминать,
Буду петь и смеяться я звонко,
Чернооких красавиц лобзать.

Д ь я ч о к. Коротко говоря, бери три целковых. Соглашайся.

В о л о д ь к а. Смотря по тому, какая предложена будет работа. Если обременительная для моего здоровья — спрячьте деньги.

Дьячок. После обедни старец выйдет к народу и будет изгонять блудного беса.

Зоя. Из Василия Петровича.

Дьячок. Всенародно. Чудо сие велико и страшно. Ну, согласен за трешницу?

Володька. А чего я согласен-то?

Зоя. Тятенька, не путайте, говорите прямо.

Дьячок. А ведь чудо может оказаться невидимое.

Володька. Как невидимое?

Дьячок. Чудо произошло, а ничего не видать. Ведь это как бог пошлет: удостоит видимого чуда — и бес выходит во всем поганом образе. И бывает — народ ударится за ним ловить. А не удостоит — получается чудо невидимое, бес выйдет, как в прошлом году: знаем ведь, вышел, и даже, проклятый, завонял, а невидимо.

Зоя *(у лотка)*. Серой они обыкновенно воняют.

Володька. Что ты?

Дьячок. Серой, серой. А ведь народ дурак. Народ не верит, бога гневит. Покажи им беса с хвостом, рогами... Что тут делать?

Володька. Податься вам некуда.

Дьячок. На сей случай, с благословения старца, рога и хвост у нас заготовлены. Для маловерных. Говори — согласен?

Володька. За трешницу дурака валять? В овраг пойду, я еще не выспался.

Дьячок *(бежит за ним)*. Ну, три с полтиной. Хорошо — четыре целковых? Ах, стяжатель! Ну, пять. Ей-богу, больше не дам.

Зоя. Владимир, поди сюда.

Володька. Вот это другой разговор. *(Подходит к лотку.)*

Зоя. Ты зачем безобразничаешь? Другая бы и глядеть в твои бесстыжие зенки не стала. Соглашайся.

Володька. А награда от тебя будет?

Зоя. Там увидим.

Володька. В овраг придешь?

Зоя. Там увидим, говорю... Да соглашайся.

Володька. Чертом народ пугать?

З о я. Ну да, чертом.

В о л о д ь к а. Ради твоей красы... *(Целует ее.)*

З о я. Пусти! *(Отбегает к отцу.)*

В о л о д ь к а. Ну и до чего целоваться ловка.

З о я *(дьячку)*. Согласный.

В о л о д ь к а. Фу ты, до чего целоваться ловка...

Д ь я ч о к. Веди, веди его в сарайчик.

З о я *(Володьке)*. Иди в сарайчик.

Д ь я ч о к *(вдогонку)*. Лицо пострашнее намажь.

Из церкви выходит Д р а г о м е н е ц к и й.

Д р а г о м е н е ц к и й. Прошу покорно разговаривать с женщинами. *(Дрожащими пальцами закуривает сигару.)* Упряма и зла. Да, да, сударыня,— это я готов вам бросить в лицо... Всенародно изгонять из меня этого, как его... Черт знает что такое... Я понимаю — в пустыне, среди невежественного племени, в библейские времена... Но, помилуйте, господа, в век электричества... Мещанка! Ну, заплатила мои долги. Мерси. Ну, спасла от тяжелого материального положения. Мерси, мерси... Вы же носите фамилию Драгоменецких. Я могу в конце концов попасть в газеты с этим глупым обрядом.

Д ь я ч о к *(кланяется)*. Василию Петровичу.

Д р а г о м е н е ц к и й. А, здравствуй. Скажи, любезный, не видел ли ты Егора Ивановича?

Д ь я ч о к. А Егор Иванович сейчас тут ходил.

Д р а г о м е н е ц к и й. Ты что это, баранки здесь продаешь?

Д ь я ч о к. Торгуем, Василий Петрович, чем бог послал. Народу, народу нонче в обитель принесло, как песку морского. Будто у них почта-телеграф. Чуда великого ждут. Про вас интересуются: какой из себя, да то да се.

Д р а г о м е н е ц к и й. Э-э-э-э-э-э... Приносит тебе прибыль эта торговля?

Д ь я ч о к. Питаемся, Василий Петрович, бога гневить не стану. А вы пошли бы прилегли на постельку, до времени нехорошо народу показываться.

Д р а г о м е н е ц к и й. И без тебя знаю, любезный, что мне делать.

Дьячок. Извините.

Драгоменецкий. А что, эта процедура — очень неприятная?

Дьячок. Про что вы?

Драгоменецкий. Ну, как это по-вашему,— изгнание беса?

Дьячок. Какой бес, прямо говорю.

Драгоменецкий. Так...

Дьячок. Иной бес выходит со скрежетом зубовным, аки лютый кобель.

Драгоменецкий. Так, так, так...

Дьячок. А иной — наложит старец руки, он легко и вышел. И не побеспокоит.

Драгоменецкий. Собственно, я не понимаю— откуда же он выходит?

Дьячок. Из пупка большей частью, Василий Петрович.

Драгоменецкий. Вот как.

Входит Вологодов.

Дьячок. Чудо сие неизъяснимо.

Драгоменецкий. Егор, я тебя искал.

Вологодов *(сухо)*. Да.

Драгоменецкий. Представь, Мирра и слышать не желает,— требует, чтобы я подвергся этому глупому обряду. Они, оказывается, согнали народ. Особый молебен служат сейчас. Помоги, пожалуйста, выручи как-нибудь.

Вологодов. Возьми моих лошадей, уезжай в город,— кажется, просто.

Драгоменецкий. Куда я поеду? У меня с собой что-то около двух рублей. План безнадежный. Мирра опять придет в ярость, поскачет за мной, начнутся скандалы, писк, и опять меня повезут к святому старцу. Она чертовски упряма. А после вчерашнего особенно зла на меня. Я сглупил, сознаюсь.

Вологодов *(со сдержанным бешенством)*. Поди сию минуту и скажи все это Елизавете Антоновне.

Драгоменецкий. Зачем? Мы так вчера внутренне поняли друг друга. Какая прелесть Лиза. Вчера было между нами волнующее объяснение.

В о л о г о д о в. Если ты не пойдешь к ней и не скажешь ей все, я тебя ударю.

Д р а г о м е н е ц к и й. Ты разговариваешь совсем не по-дружески, послушай.

В о л о г о д о в. Я тебе больше не друг.

Д р а г о м е н е ц к и й. Жили, жили — и вдруг какая-то муха укусила. Хорошо, если ты так резко ставишь вопрос, я переговорю. Где я могу найти Елизавету Антоновну?

В о л о г о д о в *(показывает на часовенку)*. Здесь.

Д р а г о м е н е ц к и й. Здесь? А, она молится. *(Идет на цыпочках к часовне.)* Лиза... Я пришел... Нам нужно объясниться. Ты слышишь меня? Алло, Лиза... *(Стучит согнутым пальцем в решетку.)* Отвори. *(Вологодову.)* Висит замок, Лизы там нет.

В о л о г о д о в. Она там.

Д р а г о м е н е ц к и й. Странно. *(Взглядывает за решетку в темноту часовни.)* Лиза. Ты не хочешь меня выслушать? Ты обиделась, что я вчера за тебя не заступился? Подумай, а мне как было тяжело! *(Приваливается к часовенке, закуривает сигару.)* Нужно быть справедливой, моя крошка. Да, я сделал ошибку, порвав с тобой. Да, я сделал ошибку, женившись на Мирре. Но что поделать,— я человек старой культуры. Существуют устои, которых нельзя поколебать. Я не студент, я не социалист. Я венчался перед алтарем, я поклялся. Сегодня утром говорю моей жене: «Я до конца готов исполнить долг мужа и семьянина, но, сударыня, перед вами — труп». Это рок, это трагедия! Лиза, представь: ну, я порву с моей женой, и что же: в один прекрасный день я появлюсь у тебя с вывернутыми карманами, без копейки. Мы поем очень мило цыганские романсы друг другу... и... питаемся одной корочкой и студеной водицей. Это ирония... У меня седые виски, Лиза, я конченный человек...

Л и з а *(из-за решетки)*. Всей силой души моей ненавижу тебя. Ты — дурной сон. Не было тебя.

Д р а г о м е н е ц к и й *(заморгал)*. Что? Как же так — не было?

Вологодов *(подходит к Драгоменецкому и отшвыривает его от часовенки).* Пошел прочь!

Драгоменецкий *(отлетев, кидается на него, но опадает под взглядом Вологодова).* Хорошо, Егор, мы встретимся, как мужчина с мужчиной... *(Уходит.)*

Вологодов *(рвет замок с решетки часовенки).* Пора кончать с этой глупостью.

Лиза. Егор Иванович, не старались бы.

Вологодов. Хорошо, хорошо.

Лиза. Я сама отсюда не хочу выходить.

Вологодов. Глупости, глупости...

Лиза. Я за мучением пришла. Принять хочу все до конца.

Вологодов. Не понимаю, никогда не пойму. Бред! Бред, Лиза... *(Продолжает ломать замок.)*

Лиза просовывает руку, гладит его по голове.

Лиза. Вы бы знали меня лучше — ушли бы тогда, Егор Иванович.

Вологодов. Они надругаются над вами! Они готовят что-то невыразимо гнусное.

Лиза. У меня сердце неистовое, Егор Иванович. Все хотела смирению научиться. Прикрыться платочком, да и прожить жизнь. Не могу. Не ему, не ей хочу мстить, себе я мщу. Себе. Так бы и разорвала сердце. Не хочу больше в смирении жить. Сидишь шьешь у окошка, улица пустая, пыль, воробьи да скука. И молодость моя никому не нужна. И любовь моя — разве воробьям кинуть, чтобы расклевали по зернышку.

Вологодов. Дитя мое, дитя мое неразумное...

Вбегают дьячок и Прасковья.

Прасковья. Срамники, бесстыдники...

Дьячок. Ах-ах... Ах-ах... Срамота! Срамотища!..

Прасковья. Да в скиту, да в святом месте, да за это мало в клочки разорвать!

Дьячок. Замки ломать — ответить можете.

Прасковья. Да чего на них глядеть... Народ надо звать. Люди, люди, народ честной!.. О-о-о-о...

Ударил церковный колокол. Начался перезвон. Из церкви повалили калеки, нищие, юродивые, кликуши.

(Кинулась в толпу.) Люди, люди, страх-то, срамота-то: среди бела дня беса тешат.

Народ вывалился на двор к часовне. Ползут обрубки, дергаются юродивые. Лиза скрывается в часовенке. Вологодов остается поблизости.

Голоса. Срам, срам, срамота, срамота...

На паперти появляется Мирра, у нее в руках тарелка с мелочью, она кидает деньги в толпу. Давка, крики.

Мирра. Калеки, убогие, язвенные, гнойные, молитесь за нас.

Голоса. Матушка, кормилица, на личико дай взглянуть. Матушка, царица небесная, рученьку поцеловать...

Юродивый *(на четвереньках с ведерком в зубах, бегает, лает)*. Собаке-то кусок, собаке... Меня бог наказал, мне хвост привязал. Собаке-то кусок, собаке.

Бабы глядят на юродивого, крестятся.

Мирра. Калеки, убогие, язвенные, гнойные, молитесь за нас.

Удар колокола. Толпа раздается. Появляется Акила. Его ведут под руки две женщины. Он тяжело ступает. Голова его опущена. Он садится на паперть. Мирра целует ему руку.

Акила. Смрадно. Нечисто. Мести надо чище. Метлой их, метлой, метлой...

По толпе прошел ропот ужаса. Снова тишина.

Голоса. Метлой, метлой, метлой, метлой...

Акила *(кричит)*. Ворота отворите!

Из толпы кидаются отворять ворота, появляется новая толпа, ведут коз, коров, лошадей.

Прасковья *(кланяется Акиле)*. Батюшка, люди скотину привели. Со вчерашнего дня дожидаются, не емши, не пимши. Благослови скотину-то. *(Кидается к приведшим скотину.)* Подводите, подводите их к старцу. Не бойся, старец скотину любит.

Дьячок появляется в толпе с кружкой.

Акила. А что люди, что скотина — я не разбираю.

К нему подводят скотину, он встает.

Прасковья. Рядком ее, рядком станови.

А к и л а. Царь Давид, царь Соломон, Флор и Лавр, прехрабрый Егорий, спасите и сохраните милый мой живот, крестьянский скот. Помогите и благословите обороны чинить от черного зверя, от рыскучего волка, ползучего гада, от нечистого духа, от колдуна и колдуньи, от однозуба, и двоезуба, и троезуба, со стороны видяща и мимо идуща. Милый живот, крестьянский скот, стой крепко, аки арапский камень в арапском море, аки крепкая нерушимая Фафер-гора.

Д ь я ч о к *(поет)*. От однозуба, и двоезуба, и троезуба, со стороны видяща и мимо идуща, во веки веков — аминь.

Г о л о с а в т о л п е *(поют)*. Однозуба, двоезуба, троезуба, аки крепкая нерушимая Фафер-гора.

А к и л а *(благословляет скот)*. Бык на корову, баран на овцу, петух на курицу, щепка на щепку.

Г о л о с а. Девок, девок, девок сюда!

Из толпы выталкивают несколько девок к Акиле.

А к и л а. Ай да девки, разворотные, живородные. Что ж вы, девки, порожние ходите? На то у девки и брюхо, чтобы ходила брюхатая.

Ю р о д и в ы й *(Акиле)*. А ты портками, портками на них потряси...

А к и л а. Слышали, девки, жив дух Костя велит мне портками трясти. Потрясу портками, спляшу я с вами. *(Встает.)* Попляшем, попляшем, жива духа напляшем... *(Ударил в ладоши.)*

Горы белые стояли,
Птицы белые летали...

(Оборвал, остановился.) Что это, дети, у меня волосы дыбом встают? Нечистым духом запахло...

В толпе движение ужаса.

Г о л о с а. Нечистым духом, нечистым духом!..

А к и л а *(начинает трястись)*. Чую, чую, идет, грядет, когтями землю скребет... Бес, бес, бес... Сам сатана идет.

Народ в ужасе пятится.

(Протягивает руку.) Вот он!

Появляется Драгоменецкий. Его ведут дьячок и Прасковья. У него вид крайне смущенный и расстроенный. Мирра идет за ним, прижав кулаки к горлу.

Акила. Стой. Не подходи близко. Что с ним?

Мирра. Блуд и порча.

Акила. Я сам вижу. Подойди там, кто поздоровее, возьми его, а то не удержим.

Четверо нищих хватают Драгоменецкого.

Драгоменецкий. Осторожнее, мне так неудобно.

Акила *(читает заклинание)*. Поди и поди, злой, лихой бес, вилокосный и прикосный... Поди и поди, злой, лихой бес... *(Обрывает.)*

Наступает страшная тишина.

(Разинув рот, вытирает пот с лица.) Блудной, страшной, огненной... *(Опять обрывает.)* Она... Это она мешает... Язык окостенел... Слова не выговорю... Она не допускает... Ведьму ко мне приведите... *(Указывает на часовенку.)* Вон ведьма!

Толпа кидается к часовенке. Ломают решетку.

Вологодов. Прочь! Не сметь! С ума сошли! Он вас обманывает. *(Борется. Исчезает в толпе.)*

Решетка падает. Лизу тащат к Акиле.

Акила. Ведьма! А ну, перекрестись.

Лиза. Не хочу.

В толпе грозный ропот.

Юродивый. Заголи ведьму, осиновым колом ее в брюхо.

Лиза. Не хочу креститься, хоть руки выламывай.

Акила *(указывает на Лизу, на Драгоменецкого)*. Она на него порчу навела — сорок сороков блудных бесов. Дети, давайте все вместе потрудимся, одолеем. Ну-ка, дети... Девки, сестры, сестры, сестры... *(Притоптывает, снова запевает.)* Горы белые стояли, птицы белые летали.

Начинается общее пение, кружение; Акила, кружась, читает заговор над Драгоменецким.

Поди и поди, злой и лихой бес...
Поди и поди, злой и лихой бес...

(Снова остановился. Страшным голосом.) Мочи нет! Она мне мешает. Берите ведьму, ломайте ее... Рвите ее... Топчите ее...

Толпа юродивых, калек, нищих кидается на Лизу. Вологодова опрокидывают. Мирра издает дикий вопль. В это время из-за паперти показывается Володька, одетый чертом. Начинается неописуемый переполох. Толпа оставляет лежащую Лизу. К ней кидается Вологодов, поднимает ее.

Лиза. О, как страшно... Как гнусно!..

Вологодов. Идемте отсюда сию же минуту.

Лиза. Глядите... *(Показывает на Володьку, который прыгает и рычит.)* Это Володька, это Володька! Это он скачет... О, будь они все прокляты! Будь они прокляты!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

За воротами скита. Крылечко гостиницы, окна которой выходят в степь. Скамейка. На гостинице вывеска: «Взъезжий двор лысогорского скита». Поблизости озерцо. На крылечке в великом страхе стоят дьячок и Прасковья. За окнами яростный крик Мирры.

Дьячок и Прасковья крестятся.

Мирра *(на минутку показывается в окне)*. Не хочу шептаться, не хочу ласкаться. С ума сойду!

Акила *(в окне)*. Да чего ты хочешь-то, скажи, матушка?

Мирра *(дико)*. Не подходи, не касайся меня! Чувствами не владею!

Занавеска задергивается.

Дьячок. Беда, беда, Прасковья Ликсеевна.

Прасковья. Как брякнулась о паперть,— ведь с тех самых пор.

Дьячок. Пропали мы, совсем пропали...

Акила выходит на крылечко в крайнем расстройстве, вытирает пот со лба.

Акила. Ну и беда! Ходуном ходит.

Прасковья. Что делать-то будем?

Акила. Ума не приложу.

Прасковья. Заговор-то читал?

Акила. Читал, не помогает.

Дьячок. Володьки она испугалась. Страх-то какой — народ из скита, почитай, верст десять бежал без памяти.

Прасковья. А ты хорош,— нашел кому такое важное дело поручить.

Дьячок. Больше некому было. Извините. Не мне же народ пугать!

Акила. А где бесовка?

Дьячок. В палисаднике с Егором Ивановичем.

Акила. Не дай бог, благодетельница увидит ее,— костей не соберем.

Дьячок. Я трижды заходил в палисадник, увещевал: господа, разойдитесь честью. Егор Иванович трижды рычал на меня, как лев.

Акила. Вот беда кругом. *(Дьячку.)* Ты теперь иди к Мирре Михайловне, узнай, чего она хочет.

Дьячок. Со страху может неудобное со мной что-нибудь приключиться. Уж лучше вы, Прасковья Ликсеевна.

Прасковья. Говорю, у нее это женское, тут надо мужчине спрашивать, а я что полезу?

Акила. Иди. *(Толкает дьячка в дверь крылечка.)*

Дьячок. Подрясник, подрясник изорвете, отец Акила.

Его вталкивают в дверь.

Акила. Баню надо истопить, в баню ее.

Прасковья. Так ведь она лошадей уже велела закладывать.

Акила. Как лошадей? Уезжать собралась? Батюшки!

Прасковья. А вчера еще обещалась поддевку тебе справить, мне платье кашемировое...

Акила. Ах, горе!..

Входит Драгоменецкий.

Драгоменецкий. Папа... послушайте...

Акила. Чего тебе?

Драгоменецкий. Прошу вас, подите к ней. Нам нужно наконец выяснить отношения.

Акила. Одно тебе скажу — плохи твои дела.

Драгоменецкий. Но я порвал, порвал навсегда с Елизаветой.

Акила. А ну тебя!

Драгоменецкий *(садится на лавочку)*. Абсурд. Отказываюсь что-нибудь понимать... Кошмар...

Выходит на крылечко дьячок, радостный.

Дьячок. Слава богу.

Акила. Ну?

Прасковья. Что она?

Дьячок. Раков пожелала откушать.

Акила. Раков? Вот радость-то!

Дьячок. Прасковья Ликсеевна, где у вас бредень? Володьку надо позвать. Ах, каторжник! Натворил делов и опять, чай, в овраге завалился дрыхнуть. Зойка, Зоя! Эта куда провалилась?.. *(Уходит в ворота.)*

Акила. Ну-ка я еще попытаюсь... *(Идет к Мирре.)*

Прасковья. Уговори, чтоб не уезжала. У меня пирог с морковью поспел.

Драгоменецкий *(срывается с лавочки)*. Передайте Мирре, что я совершенно переродился. Я чувствую себя помолодевшим. Скажите ей, что я наконец поверил в чудо.

Акила. А ну тебя! *(Уходит к Мирре.)*

Драгоменецкий *(перед окном, чтобы его слышали)*. Действительно странно, Прасковья Алексеевна, во мне прилив какой-то молодой энергии. *(Засвистал.)*

Прасковья. Не свистали бы, Василий Петрович, в святом месте.

Драгоменецкий. Что?

Прасковья. Нахально это.

Драгоменецкий. Пожалуйста... *(Перестает свистеть.)*

Из ворот выходит дьячок с бреднем.

Дьячок. Володька!

Из-за угла появляется Володька.

Володька.

Сяду я на корабль трехмачтовый,
Я покину родные места,
Доплыву до страны незнакомой,
Поцелую дикарку в уста.

Дьячок. Иди со мной раков ловить.

Володька. Раков ловить не пойду.

Дьячок. Как же я один с бреднем управлюсь? Пойдем!

Володька. Снял портки, да и лезь в воду. Элементарно.

Дьячок. Как я могу без портков, я лицо духовное.

Володька. Предрассудки.

Дьячок. Прохвост, бродяга, жулик! Прасковья Ликсеевна, помогите хоть вы, а то мне одному до вечера не наловить.

Прасковья. Да ты совсем одурел, дьячок...

Дьячок. Для благодетельницы-то согрешите, Прасковья Ликсеевна.

Прасковья. Голова кругом, батюшки...

Дьячок с бреднем и Прасковья уходят к озеру.

Володька *(садится рядом с Драгоменецким)*. Холодно становится, граф.

Драгоменецкий с изумлением осматривает его, отодвигается.

Разрешите прикурить. У меня в санатории по ночам стало прохладно, придется на юг подаваться. *(Прикуривает.)* Мерси. Значит, шансии ваши падают вниз, граф.

Драгоменецкий. А? Не понимаю.

Володька. Со стороны замечаю, что вы попали в коробку.

Драгоменецкий. В какую коробку?

Володька. Полная отставка, граф, с обеих сторон. Супруга ваша только что кричала: лучше, говорит, с козлом буду жить, чем с вашей милостью.

Драгоменецкий. Да вы сознаете, с кем вы говорите?

Володька. Граф, не кипятитесь. Надо к житейским авариям относиться с пролетом. Вот насчет Лизаветы Антоновны дело обстоит более плачевно. Тут вы окончательно пошли на дно со всем грузом...

Драгоменецкий. Слушайте, вы хам.

Володька. Совершенно верно. Одолжите сигару. Граф, когда вам будет некуда деваться, обратитесь ко мне. *(Закуривает сигару.)* Мерси. Получите приятного и легкого спутника в жизни. А сигарка качество имеет, хотя слегка легковата. Обыкновенно товарищи, с которыми приходится путешествовать, личности элементарного воспитания: одно понимают — водку да в морду. С вами бы мы сошлись.

Драгоменецкий. Вы предлагаете мне себя в спутники? Вот в этих лохмотьях?

Володька. Одежду не хайте, граф, изъяны эти — главным образом для вентиляции.

Драгоменецкий. Я, кажется, не пьян... Что это за разговор?

Володька. Граф, плюньте на буржуазный строй общества, пойдем в овраг.

Драгоменецкий. Боже мой, боже мой, значит, я действительно у края бездны!

На крылечко выходят Мирра и Акила. Драгоменецкий снова срывается со скамейки.

Мирра. Хотели говорить со мной?

Драгоменецкий. Дорогая... Я просто вот уж два часа тревожусь за тебя, зная твою впечатлительность...

Мирра. Врете.

Драгоменецкий. Ты знаешь, что только для тебя, чтобы сохранить наши отношения, я подвергался этому обряду.

Мирра. Врете.

Драгоменецкий. Мирра... Ты знаешь мои принципы... Мой взгляд на священную нерушимость брачного союза...

Мирра. На кой черт вы мне нужны сейчас, когда из вас беса выгнали?.. Пустышка!

Драгоменецкий. Позволь... Я ничего не понимаю... Ты же сама настаивала...

Мирра. Мало ли на чем женщина настаивает. Настоящий мужчина всегда делает наоборот. Чего вам от меня нужно?

Драгоменецкий. Я переродился. Я предлагаю вам ехать в Италию, как два любовника... Тем более что с Егором у вас ничего не выйдет, он пошло и безнадежно влюблен в эту девушку...

Мирра. Врешь! *(Вцепилась ему в грудь, смотрит в глаза.)* Лицо расцарапаю — говори правду.

Драгоменецкий. Егор давным-давно волочится за Лизой, вы последняя узнаете об этом, моя дорогая.

Мирра *(шепотом)*. Иди. Все расскажешь, я все хочу знать! *(Увлекает его в дверь на крылечко.)*

Володька. Ну-ка, граф. *(Запел.)*

Там, где вьется река Амазонка,
Я не буду тебя вспоминать,
Буду петь и смеяться я звонко,
Черноооких красавиц, лобзать...

Из ворот в крыльцо пробегает Зоя с пирогом.

Постой-ка.

Зоя. Ах ты, господи, что тебе?

Володька. Чего несешь?

Зоя. Пирог с морковью.

Володька *(нюхает)*. Ну, вот что, Зойка. Ругали меня и притесняли. Невежественный народ заставили обманывать. Точка. Мое последнее слово — в сумерки ты ко мне придешь.

Зоя. Лопни глаза — не приду.

Володька. Тогда — прощай.

Зоя. Как это так — прощай.

Володька. Уйду. Элементарно.

Зоя. Да ты в уме? Да кто тебя научил такие слова говорить?

Володька. Заладила одно — женись. Это я-то у прилавка чаем, ситником, вонючей рыбой торговать буду? Найди себе для этого мещанина с брюхом. А я иду в широкий свет навстречу судьбе.

Зоя. Так зачем же ты меня все лето промучил, окаянный? *(Заплакала.)*

Володька. Я тебе говорил толком: ходи ко мне в овраг почаще. А ты с предрассудками. Конечно, теперь реви, покуда меня не забудешь. Эх, дура, дура,— довела меня до решения. Уйду я теперь года на два. Потом опять приду. Только уж вряд ли встретимся. Ты замуж выйдешь, развезет тебя поперек шире. А ведь до чего девка-то хороша! *(Обнял ее.)*

Зоя. Ах ты злодей окаянный...

Из ворот выходят Лиза и Вологодов; они так сосредоточены, что ничего не замечают.

Ай, пусти-ка! Все дочиста видели. *(Вырывается из рук Володьки и скрывается за дверью на крылечке.)*

Володька. Элементарно... *(Уходит.)*

Вологодов. Вы из тех женщин,— вас, ваши глаза увидишь в тысячной толпе... В вас какое-то неизъяснимое очарование, Лиза...

Лиза. Вы очень хороший человек, Егор Иванович. Только вы много выдумываете... Про меня выдумали. Очарование?.. Самая обыкновенная, темная, глупая. И душа моя темная.

Вологодов. Вам нужно глубоко отдохнуть... Говорю это вам как врач.

Лиза. На воды меня отправить, в Крым? А я закрою глаза, и опять: дворишко церковный, и вот выходит он: «Я вас не знаю». И лицо страшное, красное, гнусное... Сегодня думала: ну, я ведьма, змея, бесовка, так и рвите меня в клочки. Я ведь знала: нищие разорвали бы, Акила нарочно это подстроил.

Вологодов. Мне тяжело, что вы его все еще так ужасно любите.

Лиза. Егор Иванович, не его — я любовь свою любила. Ведь у меня другого сокровища нет. Я — нищая. Ах, нас, баб, слушать — только время терять. И без нас солнце по небу ходит. Вы мне дружбу свою предлагаете. Спасибо. Надо бы узелок мой вынести из гостиницы. Не хочу туда заходить.

Вологодов. Сейчас принесу, Елизавета Антоновна. Вы со мной поедете до города?

Лиза. Нет, одна.

Вологодов. Почему?

Лиза. Люди увидят, нехорошо.

Вологодов. Да, жил холостяком. Состарился. Надо ставить точку. Сейчас принесу узелок.

Лиза. Все, что я вам наговорила, все это умерло. Сердце мое как ледяной камень, Егор Иванович.

Вологодов. Да, да, это неизбежное состояние после, так сказать...

Окно Мирры распахивается.

Мирра *(Вологодову)*. Влюбился. В швею! Какая пошлость! Голову потерял. Ничтожество! *(Захлопывает окно.)*

Вологодов *(как бы очнувшись)*. Лиза, нужно бежать отсюда.

Лиза. Узелок-то мой не забудьте.

Вологодов. Да, да...

На берегу озера дьячок и Прасковья с бреднем.

Дьячок. Боюсь, Прасковья Ликсеевна, тону...

Прасковья. Глыбже, глыбже заходи...

Дьячок. И так вода по шею — куда же глыбже-то?

Прасковья. Да слезь с кочки-то, слезь, антихрист...

Дьячок. Тону, Прасковья Ликсеевна.

Прасковья. Тяни бредень.

Прасковья и дьячок скрываются, волоча бредень. Из-за двери на крылечко выскакивает Драгоменецкий, поспешно оправляя галстук. Окошко с треском распахивается, и оттуда Мирра выкидывает шляпу и трость Драгоменецкого.

М и р р а. На глаза мне во веки веков не смей попадаться! Паразит несчастный! *(Скрывается в окне.)*

Д р а г о м е н е ц к и й *(подбирая шляпу и трость).* В конце концов черт с вами, мадам. Я тоже плюю на ваши капиталы, на ваши религиозные излишества. *(Идет к воротам. Увидев Лизу, поклонился.)* До свидания, сударыня... До свидания, доктор... Ухожу в овраг... *(В воротах.)* Послушайте, как вас... Володька! *(Уходит.)*

Л и з а. Шляпу в окошко выкинули... А все-таки несчастный он. *(Вологодову.)* Ну, я больше не буду.

В окно летит скуфейка Акилы.

Г о л о с М и р р ы. Вон отсюда!.. Шарлатан!.. Лошадей, лошадей мне сию минуту!

На крыльцо выходит А к и л а, держится за голову.

А к и л а. Лошадей приказала... Боже мой, боже мой... Прасковья!

Появляется П р а с к о в ь я.

П р а с к о в ь я. Иду, иду, батюшка...

А к и л а. В ноги ей вались... Уезжать собралась...

П р а с к о в ь я. Ужас!

А к и л а. К архиерею жаловаться едет. В полицию, говорит, на вас донесу.

П р а с к о в ь я. Пропали, батюшка!

А к и л а. Вы, говорит, людей обманываете. Вы, говорит, притон разврата.

П р а с к о в ь я. Ну, уж это она совсем напрасно.

На крыльцо выходит М и р р а, в шляпе, натягивает перчатки.

А к и л а. Ох, куда ехать-то собралась на ночь глядя, благодетельница?

М и р р а. Довольно... Наслушалась ваших советов... Вы мне жизнь исковеркали... *(Акиле.)* Вы сводник, вы развратник!

А к и л а. Ой, неверно это...

М и р р а. В один день потерять мужа, друга, оказаться одураченной какой-то паршивой девчонкой!

Камня на камне не оставлю от вашего дрянного заведения. Все образа отниму, все вклады возьму обратно.

Акила (*Прасковье*). Кланяйся.

Прасковья валится.

Матушка, прости... Матушка, не бери греха на душу...

Мирра. Грязный мужик!.. (*Идет.*)

Акила с Прасковьей за ней.

Акила (*Прасковье*). Под ноги ей вались.

Появляется дьячок с корзиной раков.

Дьячок. Рачков принес вам, Мирра Михайловна, огромные, непостижимые.

Мирра. И тебя тоже в Сибири сгною! (*Уходит.*)

Дьячок. Мирра Михайловна... Неужели гнев распространится также и на наше семейство?

Акила. Идем, идем за ней! Под колеса лягу, а уж не дам ей уехать... Вой громче, Прасковья...

Дьячок, Акила и Прасковья уходят вслед за Миррой.

Лиза. После горячки у меня что-то с головой случилось, Егор Иванович... Потемнение находит. Сумасшедшая? Нет, я не сумасшедшая. Мне с вами покойно... Тихо... Когда вы руку мою держите — хорошо. Зачем я сюда пришла? Зачем? Сон какой-то страшный.

Вологодов. Да, да, именно — страшный сон... Но, с другой стороны, я опустившийся человек. Непривлекателен. Разговариваю только о медицине. Нелепо. Невозможно... Серый человек,— это основное... Не должен таить никакой надежды...

Лиза. Узелочек-то принесите.

Вологодов. Да, да. Несу, несу... (*Стоит.*)

Лиза (*вдруг нежно засмеялась*). Пойдемте уж вместе за узелочком.

Из ворот быстро и сосредоточенно проходят Драгоменецкий и Володька.

Драгоменецкий. Хорошо бы теперь достать спиртного.

Володька. Достанем, граф, достанем.

Драгоменецкий. Видите ли, мне необходимо выпить.

Володька. А вот проснемся пораньше, пропустим по баночке синтифарису и запечатаем подошвами.

Драгоменецкий. А, собственно, куда мы направимся?

Володька. В Китай, граф.

Драгоменецкий. В Китай? Пешком? Но ведь это страшно далеко.

Володька. Доберемся.

Драгоменецкий. Хотя, голубчик, если хорошенько выпить,— плевать: в Китай — так в Китай!

Володька.

Сяду я на корабль трехмачтовый
И покину родные места,
Доплыву до страны незнакомой,
Поцелую дикарку в уста.

Драгоменецкий и Володька уходят.

Лиза. Егор Иванович, вечер, я говорю, какой дивный. Слышите,— полынью пахнет, это из степи... Горький запах земли...

Вологодов. Как хороша, как печальна, как невыразимо коротка жизнь, Лиза.

Лиза. У меня точно с глаз повязку сняли... Егор Иванович, далеко бы уйти сейчас. Ничего, что я вас все время за руку держу?

Вологодов. Я уж с вами все время, так сказать как врач.

Лиза. Ну, уж ладно.

Уходят.

Выбегают Акила, дьячок и Прасковья.

А к и л а. Долдонь во все колокола! *(Хватает веревку от звонницы, звонит.)* Невиданное чудо покажу, чудо. Живой в гроб лягу, в гробе на небо вознесусь... Гроб давайте мне, гроб повапленный. Народ! Идите сюда, люди! Убогие, нищие! Самому царю телеграмму пошлю... Желаю живым на небо!

В воротах, заинтересованная, появляется М и р р а и н е с к о л ь к о н и щ и х.

Лечу... Лечу... Лечу, православные... На небо живым лечу.

З а н а в е с

ЛЮБОВЬ—КНИГА ЗОЛОТАЯ

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Князь Серпуховской.
Княгиня.
Екатерина Вторая.
Полокучи Анна Александровна.
Завалишин — адъютант царицы.
Санька.
Решето — шут.
Никита.
Наташа.
Дуняша.
Стеша.
Федор.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Летний вечер. Сквозь полукруглые окна закат. В саду играют на пастушьем рожке. В простенке между окон на туалетном столе горят свечи. Здесь же лежит книга. Из боковой дверцы появляется князь в стеганом старом халате и за ним Решето. Шут, стриженный и в очках, одет в коротенький кафтанчик и широкие, навыпуск, штаны.

Князь. Вот она, проклятая книжка! Недели ведь нет, как государыня прислала, и книжка-то небольшая, а какая скверная. Что бы такое с ней сделать, с этой книжкой?

Решето. Дай-ка мне, дядюшка, я брошу в речку.

Князь. Вот тоже сказал! Кабы можно,— я бы сам ее в речку бросил. Государыня сама́ книжку эту прислала княгине в подарок для чтения. А вот надо бы государыне и написать, что, мол, так и так,— от этой книжицы будет нам всем скоро пустота и разорение, потому что супруга моя совсем без ума от чтения и по саду у нас уже и нинфы и сатиры скачут, а супругу мою поучить — никак нельзя тронуть пальцем. Так бы и написал государыне, только вот робею.

Решето. Дядюшка, а ты ее спрячь подальше.

Князь. Как можно! Княгиня хватится, опять срамить начнет. Водой книгу разве покропить, святой водой?

Решето. И то. Святая вода у меня поблизости... А какая же это книга такая?

Князь *(раскрывает осторожно книгу).* Называется: «Любовь — книга золотая. Соизволением Ея Императорского Величества Екатерины Второй оттиснута в Санкт-Петербурге. На предмет воспитания светского манеру детей дворянских мужска и женска пола. Календарь для любовников. Вопросы и ответы. Стрелы Купидона. Забавные анекдоты». Вот книга!

Решето. Духовного содержания книжка.

Князь *(читая из середины).* «Что такое канапе? Ответ: канапе — место, излюбленное супругами, видом своим — диван, только поусадистее, и двое, в близком хотя соприкосновении, но могут удобно на нем сидеть, и многие в том удобный для разных шалостей и забав случай находят; любовникам сия вещь предпочтительнее постели,— коль скоро постель сминается, когда с нее встают, канапе не сминается, но выпрямляется, сохраняя тайны резвых любовников». Нет, это книга не духовная.

Решето. Да, это книжка того, скоромная.

Князь. Пускай государыня гневается, а я у княгини вышибу дурь из головы!

Решето. Вот и верно.

Князь. Вишневой тростью ее прибью. Потом сама спасибо скажет. Ведь скажет?

Решето. Обязательно скажет.

Князь. Я за жену перед богом отвечаю. Коль скоро жена не повинуется мужу, бери жезл и по спине ударяй ее, токмо не причиняя сокрушительного членовреждения.

Решето. Бить — это первое дело.

Князь. А книжицу проклятую, разокаянную в окошко. *(Идет с книжкой к окну, замахивается, чтобы бросить. С ужасом.)* В саду...

Решето. Кто?

Князь. Какой-то рогатый, с хвостом...

Решето. Аминь, аминь, рассыпься!

Князь. Да воскреснет бог и расточатся врази его...

Решето. Постой... Никак это наш, дворовый? Это Микитка.

К н я з ь. Рожа окаянная, изыде от меня в тартарары, изыде от меня, окаянная рожа, в ад кромешный. Дую на тебя и плюю!

Появляется к н я г и н я, за ней С а н ь к а.

К н я з ь. Княгиня!..

К н я г и н я. Да вы в уме, Иван Ильич, плевать на меня?!

К н я з ь. В сумерках померещилось, вижу — рожа окаянная, рогастая...

Входит Н и к и т а, одетый фавном.

Тьфу, тьфу, поганец...

К н я г и н я *(с гневом)*. Вы, чем спать после обеда с носовым свистом, греческую мифологию лучше бы твердили... Спросонок вам невесть чего мерещится... Глядеть на вас — сердце закатывается от огорчения...

К н я з ь. Сегодня, пожалуй, часик лишний перехватил. Да ведь, княгинюшка, скука-то деревенская ко сну клонит.

К н я г и н я. Распухли, поглупели и людишек распустили. Извольте послушать, каковы у вас людишки. *(На Никиту.)* Этому приказано на вечерней прохладе сидеть во всем облачении с хвостом и рогами в шиповнике, играть на дудках с меланхолией... А ты,— чем ты занимался в саду. Подойди.

Н и к и т а. Сроду не буду, матушка барыня...

С а н ь к а *(Никите)*. Подойди, когда княгиня приказывает, подойди, не пужайся.

Н и к и т а. В бане сидел...

К н я г и н я *(князю)*. Видите... В бане сидел...

К н я з ь. Ай-ай-ай...

С а н ь к а. Он, ваше сиятельство, в баню с нинфами забился,— их комары заели.

К н я г и н я. Ни сатиров, ни паче того нимф, ни других греческих богов комары не кусают,— это вы запомните.

К н я з ь. Однако, княгинюшка, комар сядет на нос или на другое место, что же делать-то?.. А девки у тебя...

Княгиня. Что?

Князь. Нинфы эти самые у тебя, почитай, совсем голые.

Решето. Срамота, срамотища!

Княгиня. Молчите! *(Никите.)* В баню от комаров забился! А куда ты дудки дел, куда рога дел, куда хвост дел?

Санька. Сознавайся.

Никита. Дудки, рога, хвост в листья закопал... Виноват... Виноват...

Князь. Ишь ты, мошенник!

Решето. Срамота, срамотища!

Княгиня. Зачем тебе это понадобилось?

Санька. Сознавайся.

Никита. Нинфы задражнили: козел да козел, крапивой стегаются...

Княгиня *(князю)*. Вот ваши людишки деревенские... Объясните ему, а у меня и слов больше нет.

Князь *(Никите)*. Ну-ка, ты, братец, пойди на конюшню, да и скажи там, чтобы тебя выпороли.

Княгиня. Опять ваша грубость! Я уже сказала, чтобы лесных богов всех, обоего пола, от порки освободить.

Князь. Как же людей не пороть, княгинюшка? Ведь так от рук отобьются.

Решето. Рабу желай до́бра, ломай ему ребра.

Княгиня *(Никите)*. В наказание тебе — повтори урок. *(Берет книгу.)* Вопрос: «Кто ты, прелестный, с козлячьим хвостом и золочеными рогами, в роще мелькающий, на свирели играющий?»

Никита. Не знаю.

Княгиня. Кто ты, я спрашиваю?

Санька. Чего забоялся?.. Княгиня спрашивает, какой ты породы. Отвечай: я, сударыня, получеловек, полузверь, называюсь — сатир...

Никита. Заучу, матушка барыня...

Княгиня. «Где обитать имеешь обыкновение, прелестный?»

Санька. Отвечай: в роще с нинфами и иными прочими греческими божествами...

Княгиня. Ну?

С а н ь к а. Он, ваше сиятельство, очень пужливый.

К н я г и н я. Вот пошлю тебя гусей пасти... Ночь не спи, заучи про греческих богов. Ступай... *(Князю.)* Руки опускаются с этим народом... Нечего сказать, большая приятность жить у вас в захолустье... Где поэзия, где забвение? Жанетта...

С а н ь к а. Здесь я, ваше сиятельство.

К н я г и н я. Позови нимф...

Санька и Никита уходят.

К н я з ь. Вот я насчет чего, княгинюшка, поговорить хотел...

К н я г и н я *(перебивая)*. Иван Ильич, просила я вас привыкнуть: нет-нет, да и взяли бы табакерку и изящно табаку понюхали. Хоть при мне-то будьте расторопным.

К н я з ь. Чихаю от того табаку, Дарьюшка, да и грех. Однако для тебя готов и понюхать. Решето мне доброго табаку натер — с толченым стеклом и канупером.

К н я г и н я. Не Решетом, а зваться приказано ему Фенимел... Боже, какая скука! *(Развернула книгу, читает.)*

К н я з ь *(подталкивает Решето)*. Помоги, братец.

Р е ш е т о *(княгине)*. Ваше сиятельство. Решетом зовусь по причине сильно конопатого лица своего, а в святом крещении — Осип. Для вас же, ваше сиятельство, не только Фенимелой, но готов петушком. *(Хлопает себя по бокам и кукаречет.)* И курочкой. *(Кудахчет и выталкивает из заднего кармана камзола красное яичко.)*

К н я з ь *(смеясь до слез)*. Княгинюшка, ведь курица, настоящая курица...

К н я г и н я. Прикажите ему убраться вон.

Р е ш е т о. Что, плохо, что ли?

К н я з ь. Уходи, сказано, уйди.

Решето обиженно уходит.

Ну и кудахчет, ловкач! Так кудахчет — закроешь глаза, и кажется тебе, что не человек кудахчет, а курица.

Во всей округе никто лучше его не кудахчет. Был у князя Лыкова шут Пузан, тот важно кричал перепелом, но помер.

Княгиня. Хотя бы вы что-нибудь изящное за весь день сказали, а то я ваших слов даже и не понимаю.

Князь *(сразу переменившись, деловито)*. Я, княгинюшка, по совести говоря, к тебе зашел за делом. Женщина ты молодая, горячая и с норовом, и ведь так, душа моя, как эту весну живем, и до беды недалеко. Матушка, выкинь дурь из головы, отдай мне прелестную книжку.

Княгиня. Вы, Иван Ильич, пейзан, невоспитанный человек.

Князь. Э, матушка, по старине живем, дураками нас, ни дедов, ни прадедов, никто не считал. А французские нравы нам не пристали. Французы читали, читали эти книжки да королю голову и отрубили... Вот оно, чтение-то... Скажи, ну что хорошего вычитала ты из этой книжки?

Княгиня *(сидит, уронив руки, глядя на свет свечей)*. Ах, кабы кто знал, какая мне охота изящного любовника себе завести.

Князь *(схватывает себя за голову, бормочет)*. Аминь, аминь, рассыпься... *(Решительно.)* Дарья! На скотном дворе сгною за такие мысли!

Княгиня. Боже мой!.. Боже мой!.. Невежа. *(Залилась слезами.)*

Князь *(упав духом)*. Ну, скажи — пошутила... Не вводи меня в грех Христа ради...

Княгиня. Не касайтесь меня холодными руками... Теперь я поняла, какой вы злодей!

Князь. Куда же податься-то?.. Вышла замуж — терпи, княгинюшка.

Княгиня. Терпеть? Чтобы красота моя даром пропала? До сырой могилы терпеть ваши грубости — не хочу!.. Погибну, и погибну здесь, как цветок осенней сыростью... В Санкт-Петербурге балы, иллюминации, любовные интриги... А вам и думы нет, что не последней была бы красавицей в свете. В монастырь уйду, чем в слезах увядать, глядя на ваше лицо противное.

Решето *(из двери шепотом)*. Наскакивай, дядюшка, наскакивай, не робей!

Князь. Принеси вишневую трость.

Решето. Несу, батюшка, несу. *(Скрывается.)*

Князь. Сей тростью дед мой бабку учил, и матушка не раз оной учена в рассуждении добротолюбной жизни. Так уж ты не осуди, княгинюшка,— горько и обидно, но долг выполнить обязан.

Княгиня. Пальцем тронете, государыне напишу, вам ноздри вырвут, сошлют на Тобол-реку, на казенные работы.

Решето приносит трость.

Решето. На палочку, батюшка, на...

Князь. В российском государстве нет такого закона, чтобы мужу за жену ноздри рвали. Уйди, Решето.

Решето. Уйду, уйду, батюшка, уйду... *(Уходит.)*

Князь. С молитовкой приступим, княгинюшка...

Княгиня. Да вы нарочно?!

Князь. Обернись задом, княгинюшка, вздень юбки.. Бить буду больно.

Княгиня *(схватывает книжку)*. Остановитесь!.. С одобрением моей крестной, государыни императрицы, напечатано здесь... Вот... *(Ищет в книге.)* О супругах. Нет, вы извольте слушать: «Вопрос: что есть супруг? Ответ: муж, рогами украшенный и глупостью подобный птице Пингвинус. Как оная птица в гнезде своем вертит головой, гордясь и чванясь, не имея к тому натуральной причины, так и супруги во всем свете смеху подобны...» Подождите, подождите... А вот: «Обмануть супруга. Супруга обмануть то же, что полководцу хитростью выиграть сражение. Но, сколь война долгими походами и кровопролитием обильна,— супруга обмануть случается без больших трудов и потерь, и даже не покидая своей постели. Примечание: многие прелестницы для сих уютных сражений предпочитают канапе». Теперь — что такое канапе?

Князь. Читал... Отдай книжку.

Княгиня. Пустите-ка...

Вырывают друг у друга книжку.
Слышно пение.

Как во греческом лесу,
Да на Парнасе,
Нимфа ягоду брала,
Грибы собирала...
Ах, Зевес ты, мой Зевес,
Глянь на милую с небес.
Нимфа в греческом лесу
Ножку напорола...
Белу ножку об сучок,
Горько плакала...
Ах, Зевес ты, мой Зевес,
Глянь на бедную с небес...

Князь. Отдай книжку...

Княгиня. Пустите-ка...

Решето. Дядюшка, помочь?

Княгиня. Девушки, девушки, Жанетта!..

Князь. Отдай книжку...

Санька *(появляясь в балконной двери)*. Батюшки, княгиню нашу убивают!

Из сада появляются Наташа, Дуняша и Стеша, одеты нимфами, то есть в коротких туниках и венках.

Нинфы! Чего смотрите, княгиню убивают!..

Санька и девушки помогают княгине, Решето — князю.

Князь. Вот она, проклятая книжка.

Княгиня. Турок кровожадный! *(Садится в кресло, обмахиваясь платком.)*

Князь. Беги, Решето, за бургомистром. Этих трех дур в дальние деревни послать навоз возить.

Решето. Правильно, батюшка, правильно. Того они и стоят, срамницы... Бегу, бегу... *(Уходит.)*

Княгиня. Неслыханное злодейство!

Санька. Воля ваша безвинно людей увечить!

Князь. А книжку на мелкие куски изорву. *(Раскрывает книжку, из нее выпадает письмецо.)*

Княгиня. Письмецо!..

Князь. Письмо какое-то. *(Поднимает письмецо.)*

Княгиня, быстро подойдя, глядит.

От кого?

Княгиня. Сама не знаю.

Князь разворачивает письмецо. Вдруг оба они вскрикивают и глядят в страхе друг на друга.

Князь *(шепотом)*. Подписано — Екатерина...

Княгиня. Государыня!.. В книге целую неделю лежало, а я не заметила.

Князь. Очки мне, очки дайте... Что пишет?

Княгиня *(берет письмо у мужа, читает)*. «Мне кажется, моя крестница, что из вашего письма, переданного мне с оказией, надлежит вывести двоякое заключение: первое, что вы меня вспоминаете в вашей глуши...»

Князь. Когда вы, княгиня, изволили писать ее величеству?

Княгиня. На прошлом месяце. *(Читает.)* «...и далее, но здесь я даю волю своему разгневанному перу, что ваш муж несносный чудак...»

Князь *(с перепугу крестится)*. Пронеси, господи!..

Княгиня. «...за что жестоко собираюсь ему отомстить!..»

Князь. Пропал, пропал совсем...

Княгиня. «...Дабы хотя немного утешить вас, обещаю проездом в Крым, куда меня везут глядеть на покоренные народы, сделать небольшой крюк — потрепать ваши розовые щечки и побраниться с вашим мужем. *Екатерина*».

Князь. Головой я ослаб, княгинюшка. Как есть ничего не понимаю.

Княгиня. Государыня будет к нам в гости.

Князь. К нам в дом сама государыня?!

Княгиня. Прочтите.

Князь *(глядя в письмо)*. Где это... «несносный чудак»... Пропал, пропал... «Собираюсь ему отомстить...» Ваше сиятельство, княгиня Дарья Дмитриевна, не рвите голову с плеч!.. *(Повалился на колени.)* Пожалейте старика... Не жалуйтесь государыне.

Княгиня *(отходя)*. Невежество и грубость должны быть наказаны. Встаньте. Вы жалок. Жанетта, помогите князю подняться.

Санька *(помогая)*. Бог-то правду видит.

Князь. Матушка, не за себя прошу,— быть всему роду нашему пусто, коли прогневается государыня.

Княгиня. Получите по заслугам.

Князь. Ох! По заслугам...

Княгиня. В зеркало поглядите, на что вы похожи,— смеху достойно.

Князь. Приказывай, что делать,— всему покорюсь.

Княгиня. Где ваш парик, я спрашиваю?

Князь. По весне еще моль побила и парик и шляпу. Недоглядели.

Княгиня *(с гневом)*. Показать-то вас даже нельзя государыне, а с нею, чаю, будут дамы и кавалеры придворные. Вот, скажут, злые шутки Гименея. Вам не молодую красавицу ласкать! Вас в огород поставить чучелой, воробьям на ужас... Супруг!

Князь. И наряжусь и ноги выверну.

Княгия. А рот раскроете?

Князь. Да, придется.

Княгиня. Что ни слово, то жестокий стыд. А поклониться? А руку поцеловать? А завести галантный разговор? *(В волнении обмахивается веером.)*

Князь. Так как же быть-то?

Княгиня *(подает ему книгу)*. Нате, извольте прочитать раза три,— хотя немного попривыкните к светским манерам.

Князь. Всю ночь не засну, буду читать. Я, княгинюшка, дьячка возьму читать эту книгу. А то и Решето у меня не хуже дьячка читает. А я с голоса вот как заучу... Ну, еще какие твои будут распоряжения?

Княгиня. Подымите вишневую трость. Подайте.

Князь. Возьми, возьми. *(Подает.)*

Княгиня. Этой вам трости вовек не прощу. Доселе не могу опомниться: даму бить тростью вишневой! Вы азиат некрещеный.

Князь. Ударь, чем терзать словами.

Княгиня *(ударяя его по спине)*. Наперед помнить вам надлежит: какие бы я ни являла перед вами поступки, сколь далеко любезность моя в рассуждении любовных шалостей ни заходила,— молчать и улыбаться.

К н я з ь. Это как же так,— я — молчать, а ты чего делать собираешься?.. Чай, грех...

К н я г и н я. Вы опять за свое?

К н я з ь. Ладно, ладно, перетерплю как-нибудь.

К н я г и н я. Говорю это вам к тому,— жену ревнуют одни мужики да гишпанцы. А вы, слава богу, российский дворянин. Оправьте кафтан, садитесь читайте.

К н я з ь *(беря книжку)*. Прости, господи, грехи тяжкие...

К н я г и н я *(девушкам)*. Давеча вы чего пели?

С а н ь к а. Как приказано: на вечерней заре — греческую, унывную...

К н я г и н я. Неправда, опять про грибы, про ягоды пели... Разве на священной горе Парнас грибы растут?.. Наташка, Стешка, Дуняшка, доведете вы меня до сердца...

С а н ь к а. Девки молодые, ваше сиятельство, на деревенский лад сбиваются.

К н я г и н я. Еще раз услышу про грибы, про пошлые ягоды,— неделю заставлю на деревьях спать, в роще... Галантную...

С а н ь к а *(девушкам)*. Утешьте княгиню, не сбивайтесь.

Д е в у ш к и *(поют)*.

Нимфа яблочком прельщена,—
Сладкий плод откушать сей...
Вдруг сатир — обыкновенно —
Смело кинулся он к ней,
Да, к ней...
  Нимфа — ах! — но резвы ноги
От сатира не спасут...
  Злой шалун схватил, о боги,
Оба в траву упадут...
Он — с ней...

Вбегает Р е ш е т о.

Р е ш е т о. Фельдъегерь! От царицы фельдъегерь прискакал...

К н я з ь. Фельдъегерь?.. От самой царицы?..

К н я г и н я. Фельдъегерь!.. Кто такой? Офицер?

Р е ш е т о. Кто его знает... Такой барин отважный...

К н я г и н я. Молодой?

Р е ш е т о. Не разобрал я со страху... Как пхнет меня: «Что ты, говорит, рот разинул!.. Веди меня прямо к княгине».

К н я з ь. То есть почему — «прямо к княгине»?

Р е ш е т о. Не понял я со страху... Веди, кричит, и веди...

К н я г и н я. Куда же ты его провел?

Р е ш е т о. Да он сам — шасть — прямо в дом.

К н я г и н я. Санька, одеваться! Скорее!.. Скорее, скорее!.. *(Князю.)* Не смейте к нему выходить. Я сама выйду.

Уходит вместе с Санькой и девушками в боковую дверь. С а н ь к а сейчас же выскакивает обратно и пробегает через комнату.

К н я з ь *(Решету)*. Вот, братец мой,— беда, откуда не ждали. *(Смотрит под ноги.)* Какой из себя приезжий?

Р е ш е т о. Страшенный! Прямо орел!

К н я з ь *(вздохнув)*. Вот, братец ты мой, беда какая.

С а н ь к а *(пробегает с ворохом платьев)*. Княгиня гневаются, чтобы книжку читали.

К н я з ь *(Решету)*. Возьми-ка, братец мой, книжку, да и почитай. *(Подает ему книжку.)*

Р е ш е т о. Откуда читать?

К н я з ь. Читай сначала.

Решето устраивается около свечи, откашливается.

Вот, братец ты мой, беда какая...

Р е ш е т о *(начинает читать нараспев, по-церковному)*. «Календарь для любовников. Во все время года люди все, от юных лет до лет преклонных, сколь ни убелены сединами власы их, никоими крепостями не убережены от сладчайших и коварнейших стрел проказливого бога любви, Купидоном или Эротом именуемого...»

К н я з ь *(вздохнув)*. Вот, братец ты мой, беда какая...

Р е ш е т о. «...Месяцев го́да, кои различную оказывают судьбу на рожденных, суть двенадцать. Месяц

генварь. Люди, в сем месяце рожденные, любят кофий...»

Князь. Подожди! А княгинино в каком месяце рождество? В мае. Прочти-ка, что там стоит про май месяц.

Решето. «Месяц май. Люди, в сем месяце рожденные, имеют тело красивое и плотное и столь жестокую ярость во всех чувствах, что мужья оных проливают горькие слезы, кляня тот день, когда отважились вступить в брак с шаловливыми сими проказницами...»

Князь. А ты не врешь? Покажи-ка. *(Смотрит в книгу.)* Переверни, читай из середки.

Решето. «Вишенье... Сей сладкий плод, именуемый в просторечии вишеньем, зреет на столь ужасной высоты ветвях, что молодая дева, взлезши на оные, все прелести свои стоящему внизу любезнику оказывает явными, отчего происходит головокружение и с древес падение...»

Князь. Тьфу, прости господи, и вишенье у них все к тому же!

В дверях появляется красивый, одетый по-дорожному офицер Завалишин. Осматривается.

Завалишин. Эй, где здесь люди? Почему никто не идет?

Князь *(кланяясь)*. Княгиня сейчас выйдет. Здравствуйте, батюшка.

Завалишин. Ты кто такой?

Князь. Я-то, батюшка, самый и есть князь Серпуховской.

Завалишин. Прошу прощенья. Адъютант ее величества Завалишин. У меня письмо к княгине.

Князь. Устали, чай, с дороги? Дорога тяжелая.

Завалишин. Ну, устать-то я не устал, а голоден.

Князь. Решето, беги к повару, торопи его, мошенника.

Решето уходит.

Присядьте, сударь.

Садятся и молчат небольшое время.

Скажите, сударь мой, в коем месяце вы рождены?

З а в а л и ш и н. Что вы сказали?

К н я з ь. Говорю, изволили в коем месяце родиться?

З а в а л и ш и н. В мае. И впрямь в мае родился.

К н я з ь. Изрядный месяц для рождения.

З а в а л и ш и н. Да, говорят, что так.

В дверях показывается к н я г и н я, одетая в роброн. Увидев Завалишина, она вскрикивает негромко, как бы в испуге, и низко начинает приседать. Завалишин раскланивается. Оба не спускают глаз друг с друга.

Княгиня... Ее величество приказали мне передать вам, ваше сиятельство, что они будут у вас проездом завтра к фрыштыку.

Княгиня в страхе растерянно глядит на него. Князь роняет на пол книгу.

К н я з ь. Пропал, пропал, как швед под Полтавой.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Туманное утро. Мокрая от росы лужайка сада. В глубине виден извилистый пруд, обросший вокруг высокими деревьями, островок и далее — волнистые поля. Вода, плакучие и пышные кущи деревьев и вся даль подернута голубоватой мглой.

На лужайке, направо, в небольшой, с круглым куполом, открытой беседке, на скамье спит к н я г и н я, завернувшись в шаль. На ступеньках сидит С а н ь к а с веткой в руке. Налево, на лужайке, стоит большая подзорная труба на треноге. В трубу смотрит Р е ш е т о. Около него в почтительной позе стоит к н я з ь, при шпаге, в шляпе и шелковом кафтане.

К н я з ь *(вполголоса)*. Ну что, еще не видать?

Р е ш е т о. Нет, будто едет кто-то.

К н я з ь. Что ты говоришь? Где?

Р е ш е т о. А вон поправее тех ветел.

К н я з ь *(глядит из-под ладони)*. То воза едут с наших лугов.

Р е ш е т о. Вот энти-то воза, а поправее-то не воза.

К н я з ь. Нет, и поправее тоже воза. Пусти-ка, я сам погляжу. *(Глядит в трубу, придерживая шляпу.)*

С а н ь к а *(встает и замахивается на птиц веткой).* Кшш! Кшш! Проклятые.

К н я з ь *(отходя от трубы).* Сильно в глазах туманится, и вся видимость кверху ногами оборачивается. Ничего не видно.

Р е ш е т о. Да, видать плохо. Как есть ничего не видно.

К н я з ь *(оглядывая лужайку, строго).* Опять птиц полон сад? *(Решету.)* Поди на людскую да разбуди караульщиков — пускай идут с ветвями по саду. К приезду ее величества всех лишних птиц в рощу прогнать. Скажи — князь, мол, крепко наказывает, чтобы птицы зря не летали, на крыши бы, на кусты не садились. Ступай.

Решето уходит.

С а н ь к а. Потише, сударь, княгиню разбудите.

К н я з ь. Все-таки ты, послушай, изволь объяснить, почему княгиня в саду ночует, а не в спальне.

С а н ь к а. Под самое утречко княгиня пошли с гостем прогуливаться и здесь сидели, а как гость пошел спать, княгиня потребовали шаль и задремали. Спят очень будко. Нет-нет, да и засмеются.

К н я з ь. То есть как,— во сне смеется?

С а н ь к а. А так уж, приятным снам, стало быть.

К н я з ь. То есть каким таким снам?.. Ага!.. Ну, а ты слышала, что гость говорил княгине?

С а н ь к а. Разные многие прелестные слова говорил.

К н я з ь. А княгиня что ему отвечала?

С а н ь к а. Отвечала, что, мол, очень довольна такие слова слушать.

К н я з ь. Довольна? Ага! А как они близко сидели на скамейке?

С а н ь к а. Сидели рядом.

К н я з ь. Рядом? Ага!.. А не говорил он ей вот этого... *(Вынимает из кармана книжку и раскрывает ее.)* Что, мол... где это тут?.. что, мол... *(водит ногтем по строкам)* «все чувства мои повергнуты в столь ужасную страсть, что, не в силах сдержать оную, хочу искать смерти, ежели ты, гордая прелестница, не раскро-

ешь передо мной вместо смертных врат врата, не столь...» Ну, дальше там все одно к одному скоромное... «На что прелестница, объятая страхом, ответствует сему сластолюбцу...»

Княгиня *(пробуждаясь)*. Ах, боже мой!.. Какой сон... Жанетта, какие чудные сновидения! Что такое? Я в саду заснула?

Санька подбегает к ней.

Ах, Жанетта, Жанетта... *(Садится на скамье, откинувшись, и мечтательно оглядывает природу)*.

Князь. С добрым утром. Как изволила почивать?

Княгиня. Ай! Кто это?

Князь. Видишь, даже ты не узнала. Мы с Решетом, княгинюшка, всю ночь не спали, как только живы еще — сами не знаем. Огляни, потрудись, изряден ли вид?

Княгиня *(с гримасой глядит в лорнет, отворачивается)*. Подскакиваете очень, как кузнечик.

Князь. Сие от сильной рези в желудке; не чаю, как доживу до вечера.

Княгиня *(морщится)*. Какие вы пошлые слова говорите. *(Саньке.)* Ах, зачем я проснулась?.. Позови нимф, пусть резвятся.

Санька убегает.

Князь. Не все же, Дарья Дмитриевна, одни прелестные слова слушать, послушай и рассудительные... В книге «Любовь золотая» сказано: «Излишняя горячность крови вред приносит немалый,— от сего чирии великие выступают».

Княгиня *(быстро встает и выходит из беседки)*. Ах, боже мой! Узнать — чай, гость уже проснулся.

Князь. Гость спит. Вот тебе.

Княгиня. Спит до сих пор?

Князь. Удивительно, как он спит долго. Уж здоров ли?

Княгиня *(с беспокойством)*. Тогда — пусть спит на здоровье.

Князь. Покушал изрядно за ужином, чаю — оттого поздно и спит. Гляжу — пододвинул себе гуся

с капустой,— так половину и съел. Вот так, думаю, кавалер придворный!

Княгиня *(с гневом)*. Не вы ли съели целого гуся за ужином! А других оговариваете. Гость в рассуждении еды столь деликатен — не верится даже, что живой человек, а не бесплотный дух.

Князь. Нет, Дарья Дмитриевна, гость гуся съел, а не я.

Княгиня. Вы с ума сошли! Вы, сударь, черный ревнивец! Вас надо опасаться.

Князь. Прости, что́ говорю, сам не понимаю.

Слева выбегают нимфы — Наташа, Дуняша и Стеша, в венках, с распущенными волосами. Их преследует Никита. Девушки бегают, уклоняются. Вышла и смотрит на играющих Санька. Никита схватил Наташу, она завизжала.

Ишь ты, поганец, как схватил девку!

Девушки *(дразнят, поют)*.

Молодой козел
На речку пошел,
Три листочка нашел...
Уж он сыт, козел,
Уж он пьян, козел,
В пляс пошел, козел...
Ловите, ловите рогатого,
Ловите, ловите хвостатого,
Рога изломаем длинные,
Бока обломаем козлиные...

Никита.

Эх, эх, эх...
Девять девок, один я,
Куда девки — туда я...
Девять девок, девять муз,
Аполлоном я зовусь...
Музы пляшут на гумне.
Куда музам — туда мне...
Эх, эх, эх...

Княгиня *(с гневом)*. Жанетта, прекрати мужицкие глупые хороводы...

С а н ь к а. Ваше сиятельство, пошлите меня гусей пасти — не слушаются меня эти кобылищи. Всю ночь учила их изящному дебошанству, они опять за свое мужицкое... *(Одной из девушек.)* Ты, Наташка, очень бойка стала.

Н а т а ш а. А чего я? Это он как схватит...

С а н ь к а. Можешь и помолчать, не отвалится.

Н а т а ш а. Молчу.

К н я з ь. Виновата, виновата,— не хотела бы, так он тебя бы не схватил... Как налетел на нее, поганец!..

К н я г и н я. Ну, довольно... Жмурки!.. Иван Ильич, дайте-ка завяжу вам глаза... Поучитесь с изяществом в жмурки играть...

К н я з ь. Что ты, что ты,— в жмурки... Да я и шагу не ступлю, упаду, убьюсь.

К н я г и н я. Сама государыня в жмурки бегает. *(Завязывает ему глаза.)* Нимфы,— в жмурки!

С а н ь к а. Без крику, без визгу,— молчком, молчком...

К н я г и н я *(толкает князя)*. Смелей, смелей... Отчаянней...

С а н ь к а *(Никите)*. Ты смотри у меня — хватать Наташку...

Н и к и т а. Я как приказано: ловить, хватать...

С а н ь к а. Ты не так ее хватаешь, как тебе приказано, а как тебе не приказано. *(Ударяет его по щеке.)* Досада моя!..

Н и к и т а. Не дерись, Саня, и без тебя голова кругом...

С а н ь к а. Все щеки тебе отобью...

Князь ходит за девушками.

К н я з ь. Кочки какие-то... Ямы преужасные... Боже мой!.. Боже мой...

К н я г и н я *(машет девушкам, чтобы увлекали князя в лес)*. Расторопнее, расторопнее, Иван Ильич, в руки не зверь ведь попадет,— лишь дева пугливая.

Князь и девушки скрываются.

Жанетта. Слушай... Я, кажется, влюблена.

С а н ь к а. Что вы! Вот радость...

Княгиня. Радость?.. Только горе пока. Так сердце бьется... Совсем одурела...

Санька. Дуреть — это самое приятное, ваше сиятельство...

Княгиня. Опять хочу видеть его и боюсь.

Санька. А чего его бояться-то? Он сам тает.

Княгиня. А ну тебя... Врешь? Неужто он спит до сих пор?

Санька. Проснулся.

Княгиня. Ой-ой! Дай руку, послушай. *(Кладет ее руку на сердце.)*

Санька. Как молотком стучит... Сейчас видела — слуга ихний кафтан тряс, а сам-то он — в халате — облокотился в окошечке, такой задумчивый...

Княгиня. Задумчивый?

Санька. И губами перебирает ваше имя, сударыня...

Княгиня. Ну тебя... Фу! *(Руки к щекам.)* Убегу лучше... Спрячусь, в орешнике спрячусь...

Санька. Напрасно, сударыня, они кавалер решительный, найдет вас и в орешнике.

Появляется Федор, бородатый мужик, распояской, босиком.

Это, сударыня, Федор... *(Подходит к нему.)* Ты бы еще к ночи явился...

Федор. Я что ж,— я пахал...

Санька. Пахал ты...

Федор. Лошадь в поле оставил, а идти-то двенадцать верст... Чего — барщина, что ли, какая?

Санька. Повернись...

Федор. Чего?.. *(Поворачивается.)*

Санька его осматривает.

Княгиня *(подходит к князю, который появился с растопыренными руками)*. Дайте мне платок, Иван Ильич. *(Снимает с него платок, завязывает себе глаза.)*

Князь. Отменно глупое занятие.

Княгиня. Нимфы, ко мне, ко мне, прелестные...

Федор. Что делать-то, говори? Время горячее, Саня, да и лошадь непоеная в поле стоит.

Санька *(окончив его осматривать)*. Изрядно страшен... Подходящий...

Федор. Чего?

Санька. Велено быть тебе лешим.

Федор. Как лешим?

Санька. Княгиня приказала,— лешим, говорю, велено тебе быть...

Федор. Это как же так?

Санька. Портки, рубаху сними, шкуру тебе дадут и рога... Сидеть вон под тем дубом на корнях,— в ладоши колотить и смеяться как можно, велела княгиня, страшнее...

Федор. Саня, ну какой я леший?.. Вот крест, гляди... Господи!.. Да за что? На барщину часу не запаздываю... Порубка в лесу числится за мной? Нет. Куренка на господскую землю не выпущу...

Санька. Ты еще разговариваешь! Иди в сторожку.

Федор. Саня, я и в ладоши-то бить не умею, я и хохотать-то не могу...

Санька *(толкает его)*. Иди, иди, у нас строго...

Федор. Ах, батюшки, что же это они выдумали?! *(Покачав головой, отходит было, но остается.)*

Княгиня с завязанными глазами ходит по лугу, протянув руки. Появляется Завалишин. Делая знак, чтобы молчали, подходит к княгине и дергает ее за конец платка. Она бросается с вытянутыми руками, но он увертывается и на лету целует ее пальцы. Княгиня останавливается в недоумении.

Княгиня. Это вы, Иван Ильич? Какой проворный стал!.. Чуть пальцы не откусил... *(Внезапно поворачивается, устремляясь вперед, и обхватывает Завалишина.)* Кто это?.. Не понимаю... Кто это? *(Не выпуская Завалишина, срывает с себя повязку.)* Ах!..

Завалишин. Я испугал вас?

Княгиня *(тихо)*. Нет.

Князь. Все-таки ты, Дарья Дмитриевна, отпустика его...

Княгиня *(Завалишину)*. Виновата.

Завалишин. Теперь мой черед.

Княгиня. Нет, нет, играть больше не хочу. Ступайте, девушки.

Девушки, Никита уходят.

Федор (*уходя, Саньке*). А скоро это самое — хохотать-то потребуется?

Санька. Как увидишь царицу, так и начинай.

Федор. На что же царице леший, скажи, пожалуйста?

Санька. Иди, не разговаривай.

Федор. Меня и так можно показать, если царице мужик добрый понадобился.

Федор и Санька уходят.

Князь (*протягивая Завалишину табакерку*). Угощайтесь, сударь.

Завалишин. Благодарствуйте. С утра охоты не имею.

Князь. В книге «Любовь золотая» читал: от частого набивания носу табаком нос мокнет и сизый бывает.

Княгиня (*поспешно*). Взгляните, сколь вид прекрасный отсюда...

Завалишин. Здесь — рай, где живет прекрасный дух или ангел во плоти.

Княгиня (*смутясь*). Кто же этот прекрасный дух?

Завалишин. Вы, сударыня, вы...

Князь. Так... А не посмотреть ли еще на дорогу? (*Отходит к трубе.*)

Завалишин. Кто это так сладко поет, прославляя вашу красоту, княгиня?

Княгиня. Соловьи.

Завалишин. Вообразить трудно, чтобы в этом земном раю иная была забота, кроме лицезрения красоты вашей да утех любовных под лютни звон...

Княгиня. Я тоже так воображаю.

Князь (*отходя от трубы*). Скажите, сударь, в каком часу ожидать надобно прибытие государыни императрицы?

Завалишин. А в каком часу взойдет государыне в голову, в таком и приедет.

Князь. Сударь, вы меня в пот вогнали... Ведь так и обед у меня весь пригорит. (*Побежал.*) Эй, люди!.. Повара!... (*Возвращается.*) Сударь, а статься может, и не по этой дороге подъедет ее величество?

З а в а л и ш и н. Захочет — по этой приедет, а захочет — и по другой. Государынин поезд стоял этой ночью в сельце Иванькове.

К н я з ь. С нами крестная сила! Да ведь я же ни одного караульщика на иваньковской дороге не поставил! А там — преглубокий, престрашный брод.

З а в а л и ш и н. Оплошность... Ай! Ай!..

К н я з ь. Оплошность? Спаси господи!

Р е ш е т о появляется с веткой в руке.

Р е ш е т о. Вот проклятые птицы, ваше сиятельство,— кругом летают, а совсем не улетают... Уж не знаю, чем их и напужать.

К н я з ь. Голова с плеч летит, а ты с птицами!.. Беги прикажи, скакали бы на иваньковскую дорогу, на Коровий брод. *(Уходя вместе с Решетом.)* Жерди взяли бы да веревки...

З а в а л и ш и н. Ваш супруг — отменный, я вижу, хозяин.

К н я г и н я. Ах, мой супруг! Желаете пройти на бельведер, там сядем.

Идут к беседке.

З а в а л и ш и н. Чувствуя ваше ко мне равнодушие, всю ночь глаз не мог закрыть.

К н я г и н я. Равнодушие! Что вы, что вы... *(Растерянно.)* Ежели вам скучно, можно развлечься. Я скличу девушек.

Они садятся. Пауза.

Вы знаете, чудо какое: в роще у нас объявились нимфы и сатиры... Право, право...

З а в а л и ш и н. О нимфах, о сатирах ли, пустых созданиях вымысла, сейчас забота, когда все чувства мои повергнуты в столь ужасное смятение.

К н я г и н я. Право, вы так опасно говорите, я лучше уйду.

З а в а л и ш и н *(горячо)*. Неужто земные чувства не трогали вашего сердца ни раз? Неужто вы столь бесчувственны, сколь прекрасны?..

Княгиня. Вы... вы... сударь, ошибаетесь весьма. *(Со смущением, отвернувшись.)* Мое сердце не раз бывало тронуто.

Завалишин. Кем? Вы молчите? Кто дерзновенный? *(Язвительно.)* Я догадываюсь — супруг ваш.

Княгиня. О нет. Мой супруг — злая шутка Гименея.

Завалишин *(хватаясь за эфес шпаги)*. Кто же? Сосед? Сродник? Проезжий?

Княгиня. Мука моя,— говорю — нет.

Завалишин. Кто ж тогда, коль не супруг и не любовник?

Княгиня. У меня одна утеха в жизни — проливать слезы над вымыслом.

Завалишин. Над вымыслом! О! Дитя невинное!

Княгиня. Иные сочинители чувствительно описывают любовь. А сама я — еще не любила.

Завалишин. Княгиня, сжальтесь, дайте мне смелость загореться надеждой — тронуть ваше сердце!..

Княгиня. Что вы! Я замужем, навек... Мой удел — в печали ждать увядания...

Завалишин *(откинувшись в другую сторону скамьи)*. Сии гордые созданья подобны изваянию из мрамора. Сколь жалок род наш, стремясь вызвать хотя бы подобие улыбки на каменных устах безжалостной статуи. *(Берет книгу, оставленную князем на скамье.)* Пусть эта книжица скажет мне судьбу. Загадайте страницу.

Княгиня. Право, уж я не знаю, какую загадать страницу. *(Дрожащим голосом.)* Вот разве тридцать седьмую, налево снизу...

Завалишин *(читает)*. «И ты, глупый, смущая нетерпеливыми речами и без того смущенное сердце прелестницы, не догадываешься взглянуть в глаза ее: они ответят красноречивее слов, что ты...»

Княгиня *(поспешно)*. Нет!.. Нет!.. То дальше, уже на другой странице.

Завалишин *(заглядывая в лицо княгине)*. Алмазы слез на глазах ваших!

Княгиня. Ничуть... Это утренняя роса...

З а в а л и ш и н. Так вы не отталкиваете меня?.. Неужто?.. О, только одно слово...

Княгиня. Нет... Нет! *(Помолчав, закрыв глаза.)* На странице пятой снизу...

З а в а л и ш и н *(читает)*. «Любовь молчалива, но тысячи громких голосов и, более того, грозу с ужасным громом и молниями заглушает ее трепетное молчание. Наклонись ухом и слушай, это бьется нежное сердце возлюбленной...» Изъясните: как мне понять?

Княгиня. Это — вымысел.

З а в а л и ш и н. Прочь вымыслы!.. Прочь глупую книжку!.. Но что с вами?

Княгиня. Право, у меня от лесного духа голова закружилась...

З а в а л и ш и н. Кружение головы — природой нам данное блаженство, не отвергайте сего дивного дара... О жизнь моя!.. *(Бросается к ее ногам.)*

Княгиня. Сядьте, сядьте же...

З а в а л и ш и н *(стремительно садится рядом)*. Я чувствую, как с ваших уст готово слететь слово. Шепните его...*(Шумно вздохнув.)* Вот над цветком толкутся два мотылька... Счастливые... Тварям безгласным послано блаженство, но не мне... *(Быстро наклоняясь к лицу княгини.)* Что? Что? Не бойтесь... Говорите же...

Княгиня *(отвернувшись)*. Я вас люблю...

З а в а л и ш и н. Сойти с ума!..

Княгиня. О, как я люблю вас!..

З а в а л и ш и н. Душа моя! *(Сжав в объятиях, он целует ее долго и страстно.)* Бежим!

Княгиня. Что вы!

З а в а л и ш и н. Скажи еще, как любишь...

Княгиня. Боже мой! Разве это скажешь словами!

Появляется князь. Размахивая руками, он спешит к трубе. Неожиданно увидев в беседке любовников, останавливается. С него слетает шляпа. Первое движение — броситься на них. Затем, овладев собой, он на цыпочках идет к трубе, смотрит в нее, причем труба то подымается вверх, то круто опускается. Наконец, вне себя, он поворачивается, выхватывает шпагу.

Князь. Эй, сударь, извольте отвечать!

Княгиня *(вырываясь из объятий)*. Валерьян! Он убьет вас.

Завалишин (*обнажая шпагу*). Я счастлив...

Князь (*бросается со шпагой*). Погоди ж ты у меня!

Княгиня. Ради бога!

Завалишин (*отбивая удары*). Доставите мне отменное удовольствие, ежели станете драться, не горячась.

Князь (*отступая*). Легче, сударь, осторожнее.

Княгиня. Ради бога, перестаньте. (*Прислоняется к колонне, закрыв лицо.*)

Завалишин. В кое место прикажете удар нанести?

Князь. Ой! Ай-ай! Сударь, так можно пропороть насквозь!

В это время появляются две дамы. Та, что впереди, несколько полная, среднего роста и миловидная. Одета в простое платье серого шелка и в тюлевом черном чепце на белокурых волосах. Та, что позади, одета пестро и богато, в красном тюрбане с кистью. У нее длинный нос и черные сросшиеся брови.

Первая дама. Остановитесь!

Завалишин, обернувшись на голос, отскакивает и опускает шпагу.

Князь. Будет... Прости, господи... Уф!..

Княгиня, отняв руки от лица, взглядывает на вошедших и испуганно приседает — реверансом.

Первая дама. Мы помешали вам развлекаться, но, сударь, нас можно извинить — так мы устали с дороги и голодны.

Князь. Прости, господи, чего в сад-то ко мне забрели,— с дороги, что ли, сбились?

Первая дама. Сударь, наш экипаж застрял в Коровьем броде, близ самого дома вашего. Одному богу известно, сколь мы были испуганы.

Князь. Зачем же вас, прости господи, по той дороге понесло?

Вторая дама. Действительно, сударь, близ места нашего злоключения стояли какие-то мужики и уверяли, что надобно ехать направо, но ее величество захотели ехать прямо.

Князь. Ее величество?.. Какое?.. Где оно?..

Екатерина (*первая дама*). Поблизости...

Вбегает испуганный Решето.

Решето. Дядюшка, дядюшка, царица в Коровий брод заехала!.. *(Увидев Екатерину, вскрикивает глухим голосом и падает)*. Батюшки!..

Екатерина. Этот добрый человек более других хлопотал у нашего экипажа. *(Глядя на князя, начинает смеяться.)* Ну, что ж... Здравствуй, ваше сиятельство, сударь мой.

Князь стоит с выкаченными глазами.

Аннет, возьмите его под руку и проведите, с ним столбняк.

Полокучи *(вторая дама — князю)*. Вашу руку, сударь.

Князь. Которую? Пропал; со всем родом пропал, погиб...

Полокучи. Ежели ее величество изволили засмеяться, все обошлось благополучно.

Екатерина *(княгине)*. Поди, поди ко мне, сорока.

Княгиня подбегает.

Ну, здравствуй, здравствуй... Чего ради князь твой меня, как медведя, испугался?

Княгиня. Он вне себя...

Екатерина. Надеюсь, Аннет приведет его в чувство. Поди к ней да познакомься: Полокучи, Анна Александровна, характера весьма решительного,— береги мужа...

Княгиня идет к Полокучи, севшей с князем на скамью, и делает ей реверанс. Полокучи встает и тоже делает реверанс.

Княгиня. Сударыня Анна Александровна, весьма счастлива видеть вас у себя.

Полокучи. Княгиня, я также весьма счастлива иметь с вами знакомство.

Екатерина *(Завалишину)*. Что это значит, сударь? Вас ни на час нельзя оставить одного. Опять любовное похождение?

Завалишин. Так точно, ваше величество.

Екатерина. Потрудитесь отдать шпагу.

Завалишин. Слушаюсь, ваше величество. *(Отдает шпагу.)*

Екатерина. Объяснитесь.

Завалишин *(рапортуя)*. Полчаса, не более того, вел с княгиней беседу о предметах чувствительных и деликатных. Столь ее красотой был поражен, что преклонил колени, чем княгиня была немало испугана, а его сиятельство князь, справедливым увлечен, хотя и ошибочным гневом, учинил мне сатисфакцию, в коей противники ни один поранен, оцарапан и побит не были.

Екатерина *(негромко)*. На этот раз вам дорого обойдется ваша дерзость. *(Решету.)* Возьми-ка шпагу господина офицера и отнеси в мою карету.

Решето берет шпагу и уходит.

Ну, князюшка, чай, теперь очнулся, поди, поди поздоровайся.

Князь срывается со скамьи и кланяется.

И языком владеешь?

Князь. Государыня, матушка... Деды и прадеды мои служили верой и правдой...

Екатерина. Знаю, знаю, все заслуги помню. Только уж больно ты чуден.

Князь. К столбняку и лишению языка склонность имею с нежных лет, с испугу впадая в оные, а также лишаюсь чувствительности во всех членах...

В это время раздается поблизости громкий и скриплый хохот и хлопанье в ладоши. Екатерина слушает с удивлением.

Екатерина. Что сие означает?

Князь *(крестится)*. Леший, ваше величество.

Екатерина. Леший?

Князь. Обманывать не могу. Виноват,— настоящего лешего не достали, ваше величество, как ни бились... Мужика взяли...

Сзади за деревьями показываются девушки и Никита.

ПЕСНЯ

Как полез Опанас
На гору́ Парнас,—
Опанасу на Парнасе
Не понравилось...

Екатерина. И леший, и нимфы, и сатиры. Не хватает одного — где же Купидон? Хотя этот ждать себя не заставит.

Князь. Ваше величество, окажите милость откушать у меня — чем бог послал.

Екатерина. Вот тут уж я предпочитаю не бога, а изрядного повара... Предложите руку Аннет...

Князь *(Полокучи)*. Сударыня, к столу прошу.

Полокучи. Князь, этой ночью я видела во сне кавалера, точь-в-точь сходного с вами.

Князь. Извините меня, сударыня, в сем я не виноват.

Екатерина *(Завалишину)*. Даю вам совет, сударь, поскорее покинуть этот дом.

Завалишин. Ваше величество, осмелюсь считать ваше приказание лишь за шутку...

Екатерина *(глядит некоторое время на Завалишина, затем лицо ее принимает насмешливое, презрительное выражение)*. Разумеется, я пошутила. Можете оставаться.

Завалишин. Слушаюсь.

Екатерина *(княгине)*. Ну, сорока, мы будем жаловаться на унылое захолустье, на скуку и на мужа... Неказист супруг, неказист... Ну, что ж, утешимся,— за этим дело не станет... Кстати, вы получили мою книгу? Последняя новость у книгопродавцев.

Княгиня. Ваше величество, эту книгу я кладу ночью себе под подушку.

Завалишин во время этих слов принес книгу, оставленную в беседке.

Завалишин. Мы наслаждались только что сим чтением волшебным.

Екатерина. Много, я вижу, успели почерпнуть из этой мудрости. Вот просвещения губительная изнанка, мы сеем злак, а вырастают плевелы. Глупая книжка... *(Берет книгу, закрывает на минуту глаза, как бы загадывая, взглядывает долгим взором на Завалишина и открывает книгу. Читает, затем с усмешкой несколько раз качает головой. Княгине.)* Сколько тебе лет?

Княгиня. Восемнадцать, ваше величество.

Екатерина. Прощаю тебе. *(Захлопывает книгу.)*

Федор *(в кустах)*. А-ха-ха! О-хо-хо! Вали, вали, вали! Пугай, пугай, пугай!..

Хор *(в кустах)*.

Как полез Опанас
На гору́ Парнас,—
Опанасу на Парнасе
Не понравилось...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В тени дома, длинного, деревянного строения с полукруглыми окнами и низенькими колоннами, близ крыльца, устроены качели, качающиеся на стойке; разрисованная доска. У качелей неподвижно стоит княгиня, глядя, как под дубом бегают, играя в волан, Екатерина и Завалишин.

Екатерина. Аннет ушла пудрить нос и заснула перед туалетным столом. Любовные приключения Аннет всегда начинаются с крепкого сна. Бедняжка цепенеет, испытывая прилив любовных чувств. Купидон поражает ее стрелами в сердце, в печень, в спинной мозг. Он беспощаден к несчастной. Зато, когда она выспится... Ого! Ее страсти начинают извергаться, как лава из огнедышащей горы. Ловите же... *(Бросает волан.)*

Завалишин. Ловлю...

Екатерина. Вы неуклюжи... Нужно уметь ловить.

Завалишин. Что?

Екатерина. Все. Удачу. Счастье. Ловите! *(Бросает.)*

Завалишин. Ловлю... *(Опять промахивается.)*

Екатерина. Что с вами? Вы стали неповоротливы, мой друг. Вы рассеянны...

З а в а л и ш и н. Ничуть. Мне лишь трудно бороться против вас.

Е к а т е р и н а. Я бы и не советовала вам... *(Далеко бросает волан.)* Вот, бегите!..

З а в а л и ш и н. Еще бы, когда сия рука привыкла бросать армии и покорять страны,— что ей закинуть в кусты волан или несчастное сердце человеческое. *(Уходит.)*

Е к а т е р и н а *(княгине)*. Мальчишка дерзок и несносен.

К н я г и н я. Да, ваше величество.

Е к а т е р и н а. Жарко так, я вся разгорелась... *(Бежит с поднятой ракеткой к лесу.)* Напрасные старания! Придется вам, сударь, изодрать чулки в орешнике... *(Скрывается в лесу.)*

К н я г и н я *(рукой закрывает глаза, из другой ее руки выпадает ракетка)*. Ни взгляда, ни улыбки... ни слова мне...

На крыльце из-за колонны появляется С а н ь к а.

С а н ь к а. Сударыня... сударыня... *(Подходит.)* Что нам с князем делать?.. Заснул за столом, так и спит в кресле... Я уж будила, будила, они только сопят носом, да страшно так...

К н я г и н я. Государыня сказала — не будить.

С а н ь к а. Ай! Что с вами? Какая вы бледная.

К н я г и н я. Оставь меня. *(Глядя в лес, вскрикивает жалобно.)* Обняла!.. Поцеловала!.. Целует!..

С а н ь к а *(шепотом)*. Так и впилась.

К н я г и н я. И он... и он,— целует, смеется...

С а н ь к а. Ваше сиятельство, вот привелось увидать: царица, а все — как по-нашему.

К н я г и н я. Куда мне деться? Куда мне сгинуть?

С а н ь к а. Подите попудритесь. Лица на вас нет.

К н я г и н я. Ах! Все равно. *(С отчаянием.)* Теперь не все ли равно мне, Саня! Пусть я хуже всех! *(Поднимает привязанное на шнурочке зеркальце.)* На что похожа стала!.. Ну, чего же ты стоишь, почему не сказала раньше, что надобно припудриться? *(Бежит к дому.)*

Из двери появляется к н я з ь в взлохмаченном парике.

Князь. Послушай-ка, вдруг я дернул головой, гляжу — нет никого в столовой. Что значит сие? И будто бы не спал.

Княгиня. До того отвратительно напились, наелись, — у всех на глазах, рядом сидя с государыней, замотали головой и спать принялись.

Князь. Врешь?

Княгиня. Государыня даже засмеялась, когда вы носом стали высвистывать, как ветер в трубе.

Князь. И носом свистел? *(Со стоном берется за голову, идет в дом.)* Пропал, пропал!

Княгиня. Подождите. *(Догоняет его у двери.)* Чего ради за голову схватились? Куда пошли?

Князь. Ах, перцовка проклятая!

Княгиня. Извольте идти к гостям. Вы — объедало и опивало! Чурбан неделикатный! И еще смеете меня ревновать! Накинулся на гостя с вашей дрянной шпажонкой, едва насквозь не проколол. Изверг!

Князь *(оторопев)*. Эх ты, как бранишься!.. Душа моя, увидишь, ей-богу увидишь, сколь буду впредь и вежлив и приятен.

Княгиня. Ничего видеть не хочу! Ах, боже!.. Запало — ревновать? Да чем ревновать-то вы можете? Каким местом! Так знайте же, и целовалась я с гостем, и он меня целовал... И еще стану и целоваться и обниматься — знайте!..

Князь *(отступая)*. Хорошо... Хорошо... Молчи уж, молчи лучше...

Княгиня *(поднеся ему к лицу зеркальце.)* Утеха для дамы? Поглядитесь-ка лучше. Отчаянье мое!

Князь. Вид ужасен.

Княгиня *(хватает его за плечо)*. Супруг мой?.. Да?.. Утеха юности моей? Пингвинус! *(С плачем убегает в дом.)*

Князь. Пингвинус!.. Решето, квасу!

Появляется Полокучи.

Полокучи. Князь, мы одни?

Князь. Да, сударыня... одни...

Полокучи. Вот удача! Князь, я решила изъяснить вам нечто...

Князь. Изъясняйте.

Полокучи. Сейчас был престранный случай со мною. Села к туалетному столу, и — ах! — впадаю в забвение и вижу — гирлянды и бантики, и вокруг все амуры, амуры, и один, вида презлого, метит мне стрелой в грудь. Но, князь, я вижу смятение чувств ваших.

Князь. Великое смятение... Совершенно так... Смятение превеликое.

Полокучи. Ах, в таком разе сядемте на качели! *(Бежит к качелям.)* Ну, садитесь же.

Князь. Анна Александровна, матушка моя, я в большой беде!

Полокучи. Качайте меня.

Князь *(садится на другой конец и качает доску)*. Будучи в нежных годах, я, сударыня,— поверить трудно, такой необыкновенный случай,— объелся болотной ягодой бзникой, с тех пор впадаю в непробудный сон как за трапезой, так и помимо оной.

Полокучи. Каково название ягоды вредоносной?

Князь. Бзника. *(Показывает пальцами.)* На кусточках, черненькая, произрастает по мокрым местам. Сладимая и противная весьма. Наелся по молодости лет и с той поры маюсь.

Полокучи. Сколь детство ваше полно было меланхолии, князь!

Князь. Анна Александровна, умолите государыню, дабы не гневалась. Страшно сказать — заснул в присутствии монарха империи Российской и носом притом свистел.

Полокучи. Князь, утешьтесь: государыня поняла ваш поступок не иначе, как вы намерение имели нас рассмешить.

Князь. Что вы! Так и поняла? *(С радостью.)* Именно так — намерение имел рассмешить. Еще до фрыштыка подумал,— дай, думаю, чем-нибудь возьму и рассмешу государыню. *(Сильно начал качаться.)*

Полокучи. Ай!.. Ай!.. Падаю!

Князь. И носом свистел для того ж.

Полокучи. Умереть можно от смеха...

Князь. У нас в роду и деды и прадеды посмеяться любили. Дед, бывало, сядет к окошечку, возьмет яблочко кисленькое, ест и морщится, вот так. *(Показывает.)* Бывало, со смеху все и лягут.

Полокучи. В жизни не видывала кавалера, столь любезного женскому полу. Сами не понимаете, князь, сколь вы милы.

Князь. Анна Александровна, и сколь же я несчастлив в супружеской жизни.

Полокучи. О! Придвиньтесь ближе. Вы раздираете мне сердце. *(Иным, низким голосом.)* Иван Ильич, объяснитесь же. Не страшитесь меня.

Князь *(молчит некоторое время, затем лезет в задний карман кафтана за книжкой; дрожащим голосом)*. В сей книжице на все случаи изрядные ответы бывают.

Полокучи. «Любовь — книга золотая»? Я слушаю вне себя.

Князь. Вот это место я ниткой заложил. «Находчивость...»

Полокучи. Находчивый тот, кто...

Князь *(говоря наизусть, дрожащим голосом)*. «Находчивый тот, кто, не теряя минуты времени золотого, случись задержаться ему с особой иного пола, хотя бы даже за углом дома, или за ширмой, или в другом уединенном месте, особу сию со всей смелостью хватает и к себе прижимает, и к устам приближает, и на восклицание: «Ах» или притворный вопль — «увы» — ответствует с находчивостью: «Сударыня, и боги в сем повинны не раз бывали», разумея под оными богов греческих».

Полокучи. Неужто на подобную отчаянность способны?

Князь. Способен.

Полокучи. Сейчас?

Князь. Да хоть сейчас.

Полокучи. Пощадите мою честь... Вы жестоки... Я в ваших тенетах, как мошка. *(Обнимает князя.)*

Он держит ее за талию.

Появляются Екатерина и Завалишин.

Екатерина. Аннет!.. Вы весьма расторопны, как я вижу.

Полокучи вскрикивает, вскакивает. Князь валится с качелей, сейчас же вскакивает и, держа в руке свалившийся парик, кланяясь, пятясь, скрывается.

Сие даже вне этикета...

Полокучи. Ваше величество, в глаз влетела мошка, и князь был столь любезен, что языком достал ее из глаза.

Екатерина. Но почему он со стыдом бежал?

Полокучи. Я просила принести свинцовую примочку для глаза.

Екатерина. Подите, сударыня, и приведите его вместе с примочкой.

Полокучи. Боюсь, с испугу не приключилось бы с ним какой беды. *(Уходит.)*

Екатерина садится на качели. Завалишин также садится на качели и с задумчивым видом покачивает доску.

Екатерина. Аннет — отважнейшая из женщин, известных в истории. Любовные сражения она выигрывает не хуже Суворова. Она права тысячу раз. В любви вздыхают и томятся только дураки. Любовь — жажда. А кто же будет ждать невесть чего у полного бокала? Его берут и пьют до дна... А если вино кислое, стакан швыряют на землю. Сегодня у меня счастливый день, Валерьян. У каждой женщины бывает день, когда она хочет быть счастливой. Когда ей улыбается солнце и улыбается тот, кого она хочет. *(Обернувшись.)* Вы все еще находите учтивым молчать?

Завалишин. Я почтительно внимаю словам той, которой изумляется весь мир.

Екатерина. Вечером вернемся ко двору,— я посажу вас под арест на две недели. Вы будете тащиться в телеге в конце поезда и глотать пыль.

Завалишин. Слушаюсь.

Екатерина. Вы влюблены в княгиню?

В это время сквозь окна видно, как вдоль них по дому, озираясь, в ужасе, пробегает князь, за ним с протянутыми руками Полокучи.

З а в а л и ш и н. Прошу истолковать мое молчание, как происходящее от сильнейшей головной боли.

Е к а т е р и н а. Очарование женщины в восемнадцать лет! Ах, друг мой, и вот вы получили взамен головную боль. Верю, награда будет гораздо более сладкая, но так часто и она оканчивается сильной головной болью, и только. В вас мало благоразумия. Вы рискуете многим, господин майор.

З а в а л и ш и н. Майор?.. Достоин ли я сего чина?..

Е к а т е р и н а. Судите сами. Надеюсь, на поле битвы против турок или татар вы будете более отважны.

В дверях появляется к н я г и н я.

А в наказание за дерзость,— вы должны быть наказаны, мой друг,— оставляю вас вдвоем с княгиней. Она мила, как Психея. Взгляните. Нет, будь я гвардейским офицером... благоразумие?! Какая скука! *(Подходит вместе с Завалишиным к княгине, стоящей в дверях.)* Все будущее, бог мой,— голову за один поцелуй!.. Иду к себе немного освежиться льдом.

К н я г и н я. Могу я услужить вам, ваше величество?

Е к а т е р и н а. Но вот досада — единственный наш кавалер умирает от скуки. Не оставляйте его одного. *(Уходит в дом.)*

Княгиня и Завалишин молча, опустив головы, идут к качелям.

К н я г и н я. Сколь душно.

З а в а л и ш и н. Душно и жарко.

К н я г и н я. И комары досаждают.

З а в а л и ш и н. Что ж, пусть пьют кровь. Хоть всю, до капли.

Садятся на качели, покачиваются, не глядя друг на друга.

К н я г и н я. После ужина государыня отъедет от нас?

З а в а л и ш и н. Так точно. Еще до ужина уедет.

К н я г и н я. Недолго погостили.

З а в а л и ш и н. И то придется заморить тройки две, покуда догоним поезд.

Княгиня. К нам гости редко заезжают. Живем — на сто верст дикие и страшные леса. Грибы да брусника — вот и все счастье.

Завалишин *(тихо)*. Княгиня, почему столь жестокий поворот чувств ваших?

Княгиня. Какой поворот? Какая была, такая и осталась.

Завалишин. Государыня сказала, что вы Психея... *(Со страстью.)* Нет! бог мой!.. Глаза слепит красота! Глядеть невозможно! *(Хватает за руку.)* Хочешь, сейчас заколюсь? У ног твоих...

Княгиня. Пустите, не верю вам, что заколетесь. *(Вырывает руку.)*

Завалишин. Не пущу руку, поколе не скажешь, что веришь.

Княгиня *(с внезапным гневом)*. Вы любите другую, сударь, не меня!

Завалишин. Неправда.

Княгиня *(вспыхнув)*. Как вы можете лгать? Я видела. В орешнике.

Завалишин. Что, что видела в орешнике?

Княгиня. Целовались!.. О, как вы жестоко насмеялись надо мной!

Завалишин. Не я целовал! А если и целовал когда — и помнить не хочу... *(Вновь схватив ее за руки.)* В первый раз бог любви Эрот жестокий сердце мое насквозь пронзил... Умираю от любви... *(Поднимает княгиню с качелей.)* Веришь мне?

Княгиня. Что вы делаете со мной?

Завалишин. Оберни ко мне лицо.

Княгиня. Не хочу.

Завалишин. Зачем зажмурилась? Раскрой глаза! Гляди на меня.

Княгиня. Вовек глаз не раскрою.

Завалишин. Слышишь, сердца наши бьются рядом?

Княгиня. Понапрасну бьются. Пустите меня.

Завалишин. Скажи, что простила...

Княгиня. Не знаю еще...

Завалишин. Скажи, что любишь...

Княгиня. Не знаю...

Завалишин. Ведь любишь? Ты не можешь лукавить сейчас... Ну, говори же.

Княгиня *(тихо, глядя в лицо)*. Люблю... Видите сами... Доныне никогда не любила, и полюбить пришлось на один часок.

Завалишин. Клянись мне, что любишь до гробовой доски.

Княгиня. Клянусь.

Завалишин. Подожди... Клянись на сей книжке...

Княгиня. Клянусь сей книгой золотой: люблю вас до гробовой доски.

Завалишин. Моя, моя, отрада жизни!

Княгиня *(внезапно освобождается)*. Но ведь я же замужем!.. Валерьян!..

Завалишин *(делает жест, как бы выпадая шпагой)*. Не суть важно.

Княгиня. Заколете его? Нет, я так не хочу!..

Молчание.

Что же нам делать?

Завалишин. Есть преткновение пострашнее.

Княгиня. Она?

Завалишин. Да. Гнев государыни немногие способны выдержать.

Княгиня. Валерьян, значит вы должны отказаться от меня.

Завалишин. Как? Ты столь легко уступаешь?

Княгиня *(с нежным упреком)*. О нет. Лучше мне одной погибнуть в слезах, в чахотке, но ты будь здоров.

Завалишин. В сколь плачевный час мы встретились. Ты — замужем, я связан присягой. Только что государыня произвела меня в майоры. Душа моя, любовь моя несказанная, лучше смерть, чем хотя бы короткий час не видеть глаз твоих.

Княгиня. Друг мой, нам нужно умереть.

Завалишин. Как! Умереть? Не видеть этого света? Не чувствовать твоих поцелуев?

Княгиня. В книге «Любовь — книга золотая» сказано: «Любви сопутствует меланхолия, как дню темная ночь».

Завалишин *(повесив голову)*. Увы, ты права.

Княгиня. Над прудом есть обрыв, обнимем друг друга и кинемся... И так, в объятиях, «вместе навеки». И над бедным прахом нашим поставят мавзолей и надпись на нем: «Здесь сладостно и печально окончилась любовь Валерьяна и Дарии».

Завалишин. Жаль только, что не сможем уже сидеть с тобою в тени того мавзолея...

Княгиня. Так как же быть-то? И жить нельзя, и умереть жалко...

Завалишин. Горестный случай...

Из-за угла появляется Санька в слезах.

Санька. Ваше сиятельство...

Княгиня. Ну, чего тебе опять? Как ты всегда не вовремя!

Санька. Сударыня, сил моих нет с Микиткой... Он уж не одну Наташку,— всех нинф стал хватать... Извините, реву, реву, не переставая...

Княгиня. Ты его любишь, Саня?

Санька. Сама не знаю, сударыня... Уж очень досадно... Такой был смирный парень, а как произвели его в сатиры, на меня и смотреть не хочет. Ты, говорит, горничная, тебе — тряпки считать, а мы, говорит, грецкие — лесные — вроде ангелов, нас, говорит, и пороть нельзя...

Княгиня. Перед вечной разлукой надо оставить добрую память. Не плачь, Саня, велю ему на тебе жениться и еще пригрожу как нужно. Хочешь?

Санька. Очень вами довольна, сударыня... Микитка, э-эй!.. Барыня зовет... Скорее...

Княгиня *(Завалишину)*. Пусть наши сердца бьются в их груди, наши поцелуи горят на их устах... Не правда ли, Валерьян?

Завалишин. Конечно, сие весьма утешительно...

Никита входит с балалайкой.

Никита *(поет).*

Полюбила одного,
Он не хочет ничего...

Княгиня. Прелестный.

Никита. Чего?

Княгиня. Хочешь взять замуж Саню?

Санька. Отвечай, окаянный.

Никита. Мы — лесные, нам это ни к чему.

Санька. Видите, сударыня, как он отвечает. Это Наташка, змея, так его научила. Давеча распознала у Анны Александровны про греческих богов, про их проказы. И не распознала она хорошее, а распознала все плохое. Дозвольте ее позвать? Наташка, барыня зовет. Скорее.

Наташа входит вместе с другими нимфами.

Наташа. Кто зовет, тот и подождет,— мы купаться идем...

Санька. Видите, сударыня.

Нимфы *(поют).*

Нимфа лен брала,
Нимфа холст ткала,
Рубашонку себе шила,
Да по самые колена —
Коротеньку.

Никита *(подпевая, с балалайкой).*

Рубашонку по колена,
По колена — ничего.

Нимфы.

На румяной заре
Она мылася,
Надевала рубашонку
На свое на бело тело —
Коротеньку...

Никита.

Рубашонку по колена,
По колена — ничего.

Санька. Сударыня, велите ему барской властью...

Нимфы.

Нимфа улицей идет,
И смеется весь народ
Да над этой рубашонкой
Коротенькой...

Никита.

Рубашонка по колена,
По колена — ничего...

Санька. Об землю расшибусь, ни пить мне, ни есть на этом свете. Сударыня, отправьте Микитку на конюшню, постылого, отправьте девок на скотный двор...

Княгиня. Ах, Саня, Саня, мне не до строгостей сейчас... Не слушаются — ну и пусть живут как хотят... Спасибо вам за веселые песни, нимфы прелестные... Вспоминайте и вы обо мне с добром. Даю вам всем вольную, резвитесь вволю на лугах и в лесах.

Наташа. Чего это она?

Никита. Да так, блажит.

Завалишин. Сие разумно. Девки все равно порченые.

Княгиня. А ты, Саня, не убивайся,— тебе оставлю все мои платьица, чулочки, башмачки, ленточки. *(Плачет.)*

Санька. Ой-ой-ой!

Завалишин. Дарья Дмитриевна, а не подумать ли еще?

Княгиня. Нет, нет,— пусть будет мавзолей над нами и на нем два голубка мраморных.

Завалишин. Ну, разве что два голубка...

Незаметно входит Екатерина, закрывает руками глаза княгине.

Княгиня. Ай!

Санька, Никита и девушки скрываются.

Екатерина. Как видно — шел дождь. Мои пальцы мокры. Что это означает?

Княгиня. Ваше величество, я плакала.

Екатерина (*Завалишину*). Сие бросает тень на вашу любезность.

Завалишин. Так точно, я был причиной слез.

Екатерина (*весело*). Не делает вам чести, господин майор. Надеюсь, вы искупите вину и за каждую женскую слезинку заплатите геройским подвигом на поле брани.

Княгиня. Ваше величество, не горьких слез он был причиной, но слез счастья.

Екатерина. Что ты сказала? Объяснитесь вразумительно.

Завалишин. По причине злой судьбы, в сей жизни, не дающей нам счастья, приняли решение броситься в воду с ужасной и превысокой кручи.

Княгиня. Мы поклялись...

Екатерина. В самом деле, вы оба спятили с ума.

Завалишин. Так точно.

Княгиня. Мы полюбили друг друга.

Екатерина. Не что иное, как бредни от чтения глупых книг... (*Княгине.*) Поди подай мне скверную книжонку.

Княгиня бежит и подает книжку.

Про мавзолей говорили?

Княгиня. Говорили.

Екатерина. Про надпись: «Здесь сладостно и печально почиет любовь» — говорили?

Княгиня. Говорили.

Екатерина. Все понятно. Господин майор, вы тоже собираетесь объясниться?

Завалишин. Никак нет.

Екатерина (*с гневом*). Собираетесь мне объяснить, что воспользовались моим советом и отдаете голову за один поцелуй?

Завалишин. Да, ваше величество, я поклялся отдать жизнь за одно мгновение любви, страстной и чистой, как глаза этой дамы.

Пауза. Входит Федор, одетый лешим.

Федор. Хохотать-то еще потребуется, что ли? А то я бы пошел. Лошаденка в поле непоеная, это во внимание надо принять? Сделайте милость...

Екатерина. Пошел прочь, дурак!

Федор (*обрадованно*). Иду, иду, матушка... Не угодил — виноват. Да ведь наше дело такое,— пора горячая, работешка не ждет. Осенью, после покрова, уберемся,— тогда сделай милость: хохотать али плясать... Новые надену лапти... Мужику, знаешь, дай волю,— он тебе спляшет...

Екатерина. Прочь! (*Швыряет книжку.*)

Федор. Извините. (*Ушел.*)

Екатерина (*Завалишину*). Приказываю вам немедленно собираться в путь. Шпагу и шляпу положите в мою карету, сами станете на запятки. Ступайте.

Завалишин. Повинуюсь. (*Уходит.*)

Появляются князь и Полокучи.

Князь. Ваше величество, виноват кругом,— мошку из глаза хотел достать у дамы.

Екатерина. Что ж из того,— не резон даме лазить языком в глаз. Уголок платка имеется на сей случай.

Князь. Платок-то у меня весь в табаке.

Екатерина. Затем,— что это за вспышки необузданного нрава? Бросаться на гостя со шпагой — сие варварства гнусный обычай. Вы, слава богу, русский дворянин...

Князь. Попугать хотел.

Екатерина. А пошлая склонность к неумеренному сну за столом!

Князь. Шутил, шутил и носом гудел смеха ради.

Полокучи. Ваше величество, могу быть свидетельницей, что князь большой шалун.

Князь. Истинно преогромный шалун... И деды и прадеды мои...

Екатерина. Довольно, сударь... Извольте собираться в путь,— я беру вас в Крым... Аннет по дороге займется вашим воспитанием.

Полокучи. Приложу все старания...

Князь. В Крым? Батюшки-светы!..

Полокучи. Благодарите ее величество...

Князь. Как же тут все так и бросить?.. Все разворуют. А как же насчет супруги моей?

Полокучи. Тс-с-с! Государыня окончила аудиенцию, и далее разговаривать не по этикету.

Екатерина отходит и садится в беседке.

Князь. Когда же ехать-то?

Полокучи. Да сей час.

Князь. Как же, в чем есть — так и поеду? Ведь две тысячи верст...

Полокучи. В пути нам неплохо будет служить бог любви.

Князь. Так-то оно так... Решето!

Решето входит с деревянной чашкой.

Решето. Квас, дядюшка, с хреном.

Князь. Какой там к черту квас! Хватай бельишка какого-нибудь да халат старый, суй в мешок... В Крым с тобой едем.

Решето. Светопреставление!

Князь. Приказано мне быть шалуном...

Решето. Да ведь года не те, дядюшка...

Князь. Сам знаю. Скажи там кому-нибудь, чтоб велели попу денно и нощно молебен служить за мое здравие...

Решето убегает.

Полокучи. Любезный князь, ведите меня.

Князь. С княгиней бы все-таки проститься...

Полокучи. Видите, государыня перчаткой играет: она раздражена. Лучше удалимся скорее. А с княгиней проститесь, садясь в мою карету.

Князь. Ладно. Служить так служить.

Полокучи и князь уходят.

Екатерина *(княгине)*. Подойди.

Княгиня торопливо подходит.

Покажись. Вытри глаза. Подними их к небу. Да... *(Отвернулась.)* Ты глупа — вот твое извинение. Разрешаю тебе клясть свою судьбу. Утешишься скоро,— на зиму приедешь в Петербург, там утешители найдутся. Разрешаю считать меня тиранкой.

Княгиня. О ваше величество...

Екатерина. Молчи. Мне лгать не смей. Ведь я одним дыханием могла испепелить тебя. Но сие было бы подобно гневу на мошку, попавшую в глаз, то есть смешно. Зимою в Петербурге снова увидишь меня приветливой. Запрещаю тебе одно: полагать, что сегодняшние мои поступки руководились страстью стареющей женщины. Гляди мне в глаза. Так. Свет полон низостей. Люди неизменны. И лицо женщины в пятьдесят лет окружено сиянием неземной красоты, если она — расточительница земных благ. Я удержала твоего возлюбленного от глупостей. О, как бы он жалел впоследствии, что за один поцелуй твоего кукольного ротика отдал всю удачу жизни. Он глуп так же, как и ты, но он красив, смел,— зачем губить его? Видишь, я уже не такое чудовище. Князя твоего беру в Крым. Ты спросишь — зачем? Никогда не будь смешной,— вот закон света. Через неделю весь мой двор будет знать о приключениях в этой злосчастной усадьбе. Так пусть смеются над твоим князем, а не хихикают в носовые платки над любовными неудачами женщины, имеющей одну лишь неудачу — время, проклятое время за плечами. Прощай. Все же вам всем, общими усилиями, не удалось мне испортить сегодняшнего дня... Взгляни еще раз мне в глаза... Я счастлива...

Входит Завалишин.

Завалишин. Карета подана.

Екатерина. Проститесь с княгиней. Когда мы расстаемся с человеком, благоразумнее думать, что расстаемся навсегда.

Княгиня. Навсегда?

Завалишин. Простите...

Екатерина *(княгине)*. Прощай. *(Завалишину.)* Идите же, мой друг, становитесь на запятки.

Екатерина, Завалишин и княгиня уходят. Слышно пение девушек:

Это разве не беда, не беда —
Уродилась лебеда, лебеда...
Не берет ее ни град, ни мороз,
Накосили лебеды целый воз.
Вся деревня весела, весела,
Наварила киселя, киселя...

Появляются девушки, Никита и Санька.

Никита.

Уехали господа, господа,—
Это разве не беда, не беда...

Наташа. Девоньки, на столе-то у них, на столе, глядите, навалено — и пряники, и изюм, и орехи, и бобы турецкие.

Санька. Не дам растаскивать барское добро!

Никита. Мы — лесные — нам все можно.

Все со смехом выносят из столовой сласти и вино.

Санька. Скажу, ей-богу скажу, нажалуюсь...

Наташа. Изюм, девоньки...

Никита. Бобы турецкие...

Девушки.

Уехали господа, господа,—
Это разве не беда, не беда...

Входит заплаканная княгиня.

Санька. Ваше сиятельство, нинфы без спросу добро растаскивают...

Княгиня. Пусть делают что хотят... Подай мне книжку... Он на прощанье мне шепнул: «С кручи в воду брось эту книжку». *(Идет к беседке и бросает книжку под обрыв.)* Прощай, прелестный вымысел, прощайте, забавы счастливые, прощай, любовь — книга золотая... *(Саньке.)* Царица села в карету —

злая, щеки трясутся... А он, а он!.. *(Рыдает.)* Влез, голубчик, на запятки, как побитый, головушка висит, и на меня ему стыдно взглянуть. Лошади как рванулись, карета как загремела, красные колеса как завертелись... Пыль поднялась, и он, голубчик, скрылся за пылью,— скрылось мое счастье... *(Рыдает.)*

Никита. Девоньки, давай, что ли, повеселей чего-нибудь...

Девушки.

Не плачь, не плачь, нимфа милая,
Ветер слезы высушит,
Счастье переменчиво,
Милый друг вернется...
Взгляни, взгляни, нимфа милая,
На цветы лазоревы,—
Солнце встанет ясное,
Милый друг вернется...

Занавес

ЗАГОВОР ИМПЕРАТРИЦЫ

Пьеса в пяти действиях, десяти картинах с прологом

(*Сценарий совместно с* ***П.*** *Е. Щеголевым*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии.

Вырубова Анна Александровна.

Лакей Вырубовой.

Князь Андроников — авантюрист.

Феликс князь Юсупов — паж.

Барышня.

Протопопов.

Сестра милосердия.

Адъютант, поручик С.

Царь Николай Второй.

Царица Александра Федоровна.

Распутин Григорий Ефимович.

Копейкин, Скворцов — сыщики.

Дуня — кухарка Распутина.

Дворничиха.

Монах.

Симанович — биржевой делец.

Добровольский.

Штюрмер — председатель Совета министров.

Генерал Алексеев.

Дежурный офицер.

Генерал Пустовойтенко.

Трепов — председатель Совета министров.

Великий князь Дмитрий Павлович.

Пуришкевич.

Рубинштейн — известный биржевой воротила.

Лазаверт — доктор.

Лакей Александры Федоровны.

Хабалов — комендант Петрограда.

Комендант тюрьмы. Военные агенты. Цыганки и цыгане.

Рабочие.

ПРОЛОГ

Маленькая комната в Трубецком бастионе, 6 мая 1917 года. У стола — председатель и члены Чрезвычайной следственной комиссии.

Председатель. Сейчас мы прикоснемся к тому главному и тайному центру, где в последние месяцы императорского режима делалась внутренняя политика. Этот центр — кучка изуверов и авантюристов,— я говорю о Вырубовой, Распутине, министре внутренних дел Протопопове, министре юстиции Добровольском, аферисте князе Андроникове, журналисте-охраннике Манасевиче-Мануйлове, банкире Дмитрии Рубинштейне, ювелире Симановиче и так далее,— эта пестрая компания возглавлялась императрицей Александрой Федоровной. Система царской власти позволила им взять вожжи управления империей. Они сажали на посты нужных им министров. Они перетасовали Государственный совет. Они подготовляли уничтожение Государственной думы путем периодического ее разгона. Они деятельно вмешивались в дела Ставки верховного главнокомандующего. Они сносились с агентами германской контрразведки. Они выписывали колдунов и хиромантов. Страна истекала кровью. Революция уже повисла над Петроградом,— они же занимались гаданиями и сверхъестественными чудесами, в распаленном чаду половой психопатии, изуверства, шарлатанства и уголовщины

подготовляли то, что нам еще не вполне известно. Мы знаем лишь отдельные куски этой мрачной картины. Сегодняшний допрос должен соединить их в одно целое. Сейчас мы допросим одно из главных действующих лиц этого тайного центра, распоряжавшегося жизнью и смертью ставосьмидесятимиллионного русского народа... Введите ее!

Комендант вводит Вырубову. Это полная, с круглым лицом, светлая шатенка. Простоватое выражение. Одета в голубое платье.

Председатель. Вас зовут Анна Александровна Вырубова?

Вырубова. Да.

Председатель. Садитесь. Вы — перед лицом Чрезвычайной следственной комиссии, которая учреждена для расследования противозаконных действий высших должностных лиц старого режима. Вы обязаны честно и откровенно ответить на все поставленные вам вопросы. Сколько вам лет?

Вырубова. Тридцать два.

Председатель. Вы сделались фрейлиной большого двора десять лет тому назад?

Вырубова. Я вышла замуж в тысяча девятьсот седьмом году, значит — сколько же это будет?

Председатель. Когда вы сделались фрейлиной, вы сразу вступили в близкие отношения с царской семьей?

Вырубова. Что вы, милый!..

Председатель. Вы не станете отрицать,— в последние годы вы были в тесной дружбе с царской семьей, в особенности с императрицей.

Вырубова. Конечно, встречались.

Председатель. Как часто?

Вырубова. Ну, они меня звали. Бывали у меня. Вы думаете — жизнь при дворе легка? Совсем не легка. Правдивому человеку трудно жить при дворе. Я была проста, так что эти десять лет ничего, кроме горя, при дворе не видала.

Председатель. На какой почве произошло ваше сближение с императрицей?

Вырубова. Мы вместе брали уроки пения. У нее был низкий голос, у меня высокий, так что это подошло. Затем брали уроки рисования. Шили, читали. *(Смеется.)* Разговаривали.

Председатель. Когда и при каких обстоятельствах в эту вашу жизнь вошел Распутин?

Вырубова. Я увидела его у великого князя Николая Николаевича.

Председатель. У бывшего верховного главнокомандующего?

Вырубова. Да, да... Епископ Феофан привел к ним интересного странника, который ясновидящий. Все были поражены.

Председатель. Чем именно все были поражены?

Вырубова. Очень просто. У великого князя заболела собака. Он приказал ветеринару, чтобы она выздоровела. Собака была безнадежна. Ветеринар в отчаянии обратился к этому страннику. Тогда странник заговорил собаку, и она выздоровела. Все тогда говорили, что это — чудо.

Председатель. Этот странник и был Распутин?

Вырубова. Распутин.

Председатель. С этого чуда, исцеления собаки, и начинается влияние Распутина на царскую семью?

Вырубова. Там многое еще было. Например, когда наследник бывал болен,— государь и государыня посылали за Распутиным, просили его помолиться. Наследник так часто бывал болен.

Председатель. Не говорил Распутин, что его жизнь как-то особенно связана с жизнью царской семьи?

Вырубова. Он видел пророческий сон и постоянно говорил: «Помните, покуда я жив, папашке с мамашкой нечего бояться».

Председатель. Кто это — папашка?

Вырубова. Так он называл государя — отца земли русской.

Председатель. А мамашка?

Вырубова. Императрица.

Председатель. Бывшие царь и царица верили в это пророчество?

Вырубова. Они считали Распутина божьим человеком, посланным им богом, верили, что его устами говорит бог.

Председатель. Вы никогда не слышали, что Распутин — хлыст?

Вырубова. Что вы! Мне он никогда не говорил ничего подобного. Мне он много рассказывал про свои путешествия,— массу. В Иерусалиме, еще не знаю где,— по всей России он ходил в веригах, пешком. Он же странник.

Председатель. Однако он в Петербурге ходил в шелковых рубашках и вериг не носил.

Вырубова. Да, ему всё дамы шили. Хотя, мне кажется, он носил что-то такое.

Председатель. Почему вам это кажется?..

Вырубова. Он говорил, что у него все тело болит...

Председатель. Может быть, у него болело от кутежей. Вы знали про его кутежи с цыганами, про пьянство, разврат?

Вырубова. Это неправда. У него было призвание снимать с людей страсти. Вот и в Тобольске, когда он семерых фрейлин заставил себя в бане мыть. Об этом так много писали в газетах. Ужасно неприятно.

Председатель. Нас интересуют ваши отношения к Распутину. Как часто вы с ним встречались?

Вырубова. У меня никаких отношений с ним не было. Во-первых, вы же знаете, ведь никакая женщина не согласилась бы любить его, ведь он старый человек. Сколько же ему было? Лет пятьдесят, я думаю.

Председатель *(показывает тетрадь)*. Это ваша тетрадочка, вы писали?

Вырубова. Это, вероятно, что-то старое.

Председатель. А новее у вас ничего нет?

Вырубова. Нет.

Председатель. Здесь записаны телеграммы. Телеграмма Распутина: «Не забудь владыке за гу-

лянку по Костроме, пусть носит. Духом радостно молюсь и целую тебя». Что это значит: «Не забудь владыке за гулянку по Костроме, пусть носит»?

Вырубова. Ах, это про епископа Варнаву.

Председатель. Очевидно. Распутин ему за хорошее угощение в Костроме просит пожаловать наперстный крест и обращается к вам, чтобы вы помогли. Варнава получил крест?

Вырубова. Получил.

Председатель. «Духом радостно молюсь и целую тебя». Разве вы позволяли Распутину целовать себя?

Вырубова. У него был такой обычай. Он всех целовал три раза, христосовался.

Председатель. А вы не замечали в этом страннике никаких особенностей,— может быть, он целовал вас не три раза, а много больше?

Вырубова. Что вы, он был такой неаппетитный.

Председатель. Телеграмма от Распутина: «Старикашку пусть бог судит,— никуда не годится, убрать бы». Кто это — «старикашка»?

Вырубова. Штюрмер, председатель Совета министров.

Председатель. Распутин требует его смещения. Оказывается, этот странник занимался немного и политикой.

Вырубова. Говорили что-то. Со мной он никогда не занимался политикой.

Председатель. А вы сами политикой никогда не занимались?

Вырубова. Я?

Председатель. Вы никогда не проводили высочайших докладов?

Пауза.

Вы никогда не устраивали министров?

Пауза.

Вы никогда не сводили императрицу с министрами?

Вырубова. Я даю честное слово, что не делала ничего подобного.

Председатель. Вы лучше честного слова не давайте.

Пауза.

Еще телеграмма от Распутина, от 2 ноября 1916 года. Из Петрограда. Срочно. Вырубовой. Поезд ее величества. Ставка главнокомандующего. «Калинин пускай пробудет только сутки. Не задерживайте его никак дольше». Кто это «Калинин»?

Вырубова. Кого-то Распутин так называл. Кто-то из этих господ. Кажется — Протопопов.

Председатель. Почему вам об этом телеграфирует Распутин?

Вырубова. Соскучился, должно быть, без него. Распутин очень любил Протопопова.

Председатель. Вам известно, что Распутин через ваше посредство провел Протопопова в министры?

Вырубова. Это, кажется, не через меня. Когда Протопопов приехал из-за границы, им очень увлекались при дворе государыни. Потом он поехал в ставку, и там государь его назначил.

Председатель. А вам известно, что эта телеграмма от второго ноября послана в то время, когда Государственная дума была в острой борьбе с Протопоповым и требовала его смещения? Распутин в этих телеграммах на ваше имя настаивал на том, чтобы вы и Александра Федоровна поддержали Протопопова в ставке.

Вырубова. Ужас что такое! Я же вам и говорю — ко мне все лезли со всякими просьбами.

Председатель. Вы знаете дело Манасевича-Мануйлова, который совершил преступление?

Вырубова. Отчаянный человек, гадкий человек.

Председатель. Но вы принимали участие в том, чтобы Манасевича-Мануйлова не судили.

Вырубова. Меня так просила какая-то дама. Валялась в ногах. Она подала какое-то прошение. Я передала, больше ничего.

Председатель. Манасевича-Мануйлова судили и осудили, но, после того как вы передали прошение, министр юстиции получил шифрованную теле-

грамму от императора, и Манасевич-Мануйлов был выпущен на свободу.

Вырубова. Разве? Очень странно.

Председатель. Перед назначением Штюрмера министром внутренних дел вы не звонили Распутину по телефону, спрашивая у него, кого назначить министром внутренних дел?

Вырубова. Никогда в жизни. Зачем? Они сами без меня могли назначить.

Председатель. Однако у нас имеются сведения из охранного отделения, что вы звонили.

Вырубова. У Распутина всегда на лестнице сыщики дежурили из охранного. В дом лезли. Он с ними даже чай пил. Они и кошек у него отравили. И писали они всякие глупости в охранное.

Председатель. А Добровольского не вы устроили министром юстиции?

Вырубова. Я его даже и не знала... Тоже — ужасный, препротивный...

Председатель. У вас в маленьком домике было свидание Добровольского с императрицей. Через три дня Добровольский был назначен министром.

Вырубова. Это князь Андроников подстроил, такой препротивный, он ко всем министрам лез, и ко мне лез, всякие конфекты посылал, врал...

Председатель. Теперь позвольте поставить вопрос прямо. Между Распутиным и Александрой Федоровной вы служили передаточным звеном. По рассуждению Распутина, имевшего неограниченное влияние на императрицу, назначались министры, убирались непригодные, подбирался определенный состав высших должностных лиц. Для чего все это делалось, какая была цель?

Вырубова. Какая цель?

Председатель. Из предыдущих допросов нам известно, что в последнее время Распутин упирал на то, что «царь негож», «папашка ничего не понимает». Нет ли связи с переменами в министерствах и мыслью, что Александра Федоровна должна быть Екатериной Второй?

Вырубова (*молчит, моргает*).

Председатель. Не шла ли речь о низвержении Николая Второго и о регенстве Александры Федоровны?..

Вырубова. Ой, милый, право, ничего не знаю...

Председатель *(кладет перед собой пакет)*. Эти документы вам знакомы?.. Ну, а теперь говорите всю правду...

Вырубова закрывает лицо руками. Темнота.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Маленький домик Вырубовой в Царском Селе. Небольшая двухсветная ампирная зала.

Вырубова *(нервно распечатывает, читает телеграммы. Сквозь зубы)*. Поздравляю... Поздравляю... Поздравляю... *(На одной из телеграмм останавливается, бросает на столик остальные, прочитывает ее, издает слабый крик.)* Невозможно... Возмутительно... *(Идет к телефону.)* Петроград... 1-53-53... Григория Ефимовича... Вырубова... Нет?.. Уехал?.. Ко мне?.. *(Вешает трубку.)*

Лакей *(входит.)* Князь Андроников.

Вырубова. Проси.

Андроников *(входит с коробкой конфет и цветами, подходит к ручке)*. Поздравляю, поздравляю, чудесная Анна Александровна... Я прямо на автомобиле, потерял две шины! Ужасные новости!

Вырубова. Садитесь.

Андроников. В вечернем заседании Государственной думы...

Вырубова. Я знаю. Какие подробности?

Андроников. Кто-то из этих левых,— я забыл фамилию, но это все равно, какой-то в грязном воротничке,— начинает говорить возмутительно дерзко... Он упоминает Распутина, он называет...

Вырубова. Меня?

Андроников. Вас, Анна Александровна... Он

требует поставить на повестку, то есть на послезавтра,— запрос об этом невероятно раздутом еврейской прессой кутеже в Вилла Родэ...

Вырубова. Никакого кутежа не было, его выдумали жидовские газеты...

Андроников. Милая Анна Александровна, мы знаем,— Григорий Ефимович возвеселился духом в Вилла Родэ... А вот — запрос. Родзянко на своем председательском кресле дребезжит в колокольчик, но так, что ни одна муха не боится. Я сидел дома, я молился... Мне звонят из Думы. Я скачу в Русский клуб. В вестибюле встречаю Орлова. Накидывается на меня: «Князь, вы слышали?.. Эти новоявленные политики — социалисты, евреи — опять лезут гнусными руками к трону... Патриоты принуждены молчать, мы на задворках»... Я говорю: «Штюрмер в клубе?» — «Нет».— «Хвостова тоже нет?» — «Нет». Тогда я звоню к Штюрмеру. Председатель Совета министров не может подойти к телефону. Я звоню к Хвостову. Министр внутренних дел не может подойти к телефону. Тогда я скачу в главное управление по делам печати, вызываю цензора, начинаю кричать на него... Он говорит: «Стенограммы Государственной думы пропускаются военной цензурой». В час ночи я влетаю к военному цензору, кричу на него. После этого мы просматриваем гранки. Я изымаю стенограмму запроса. «Читайте». Он бледнеет. Вот стенограмма. *(Показывает гранки Вырубовой, вытирает платком лоб.)* В газетах сегодня белая полоса.

Вырубова *(читает)*. Это просто дерзко.

Андроников. Это нагло. Если бы не я...

Вырубова. Вы — верный друг.

Он целует руку.

Я упомяну императрице о вашей преданности... Но совсем недовольна Штюрмером,— он поставлен на пост диктатора не для того, чтобы бездействовать...

Андроников. Анна Александровна, Штюрмер на четырех лапах стоит перед троном. Штюрмер — верное сердце. Я знаю, почему вы морщитесь: Штюрмер заигрывает с Думой. Это — игра кошки с

мышью. В конце концов ему можно приказать не играть. Что? Но другое дело — Хвостов.

Вырубова. Хвостов нам не друг.

Андроников. Он мстит Распутину за племянника, бывшего министра... Он улыбается Думе. Он смотрит сквозь пальцы на стенографические отчеты.

Вырубова. Вы полагаете, что дерзкий тон Думы?..

Андроников. Это — Хвостов... Я скажу больше,— втайне он за ответственное министерство...

Вырубова. Его поставил Штюрмер.

Андроников. Штюрмер сделал ошибку.

Вырубова. Может быть, министр внутренних дел Хвостов не имеет ничего против запроса в Думе?

Андроников. Да, да, да... И запрос состоится, если не окажут давления. Сегодня утром я три раза звонил Хвостову. «Его превосходительство занят». В этих случаях он всегда занят.

Лакей. Князь Юсупов — граф Сумароков-Эльстон.

Феликс *(входит)*. Добрый день, Анна Александровна.

Вырубова *(слегка изумленная его появлением)*. Милый князь, я очень тронута...

Феликс. Поздравляю вас...

Вырубова. Ах, было бы с чем... за этот год я постарела на сто лет... Князь, когда кончится эта противная война?

Феликс *(холодно, отчетливо)*. Когда наши почтенные промышленники, о которых так заботится Государственная дума, начнут наконец в должном количестве изготовлять пушки, ружья и снаряды.

Вырубова *(на Андроникова)*. Вы знакомы?..

Феликс. Встречались.

Андроников. Кстати, о войне. На днях я написал военному министру несколько самых серьезных писем. Я указал на недопустимость того, что транспорт — в ведении министра путей сообщения, у которого нет угля; уголь — у министра промышленности, у которого нет транспорта. И так далее. На мои письма — никакого ответа; тогда я звоню...

Феликс (*Вырубовой*). Можно курить? (*Закуривает.*)

Вырубова. Куда же девались вагоны, где наши паровозы?.. Ведь раньше мы ездили, мы возили... Нужно прикрикнуть, и транспорт будет...

Входит истерического вида барышня с цветами.

Барышня (*Вырубовой*). Поздравляю вас... Мама́ просила вам передать цветы.

Вырубова. Здравствуйте, душка. (*Целует ее.*)

Барышня. Вчера мы с мама́ были у святого старца на ухе́... Мы пели все хором... Было так чудно...

Вырубова. Я в отчаянии, что не могла быть. (*Указывая на Андроникова.*) Вы знакомы?

Андроников. Мы встречались у отца Григория.

Барышня. Вас там давно не видно, князь.

Андроников. На меня наклеветали враги перед Григорием Ефимовичем... Очень, очень тяжело, я так люблю старца...

Барышня (*Феликсу*). Вы не находите,— здесь так чудно, в Царском... Что говорят о войне?

Феликс (*насмешливо*). Война кончится в будущую пятницу.

Барышня. Что вы? Какое счастье,— мы все так этого ждем...

Феликс. Напрасно!

Лакей (*входит*). Александр Дмитриевич Протопопов.

Вырубова (*взволнованно, стремительно идет навстречу*). Проси, проси...

Барышня (*Андроникову*). Кто этот Протопопов?

Андроников. Товарищ председателя Государственной думы... На днях он вернулся из заграничной поездки...

Барышня. Какой-нибудь — красный?

Андроников. Очень умный человек.

Входит Протопопов, высокий, худой, нервный, элегантный, в визитке, подходит к Вырубовой к ручке.

Протопопов. Анна Александровна, простите, что я ворвался...

Вырубова. Наконец-то... Я так рада...

Протопопов. Я только что с корабля, жаждал поделиться своими впечатлениями... В Петрограде все раздражены, все спешат...

Он здоровается с остальными.

Вырубова. Что говорят о нас за границей?

Протопопов. Я встречал тысячу людей. Говорят, что Россия — страна чудес, божья страна. Нами правит бог...

Вырубова. Это страшно интересно, что вы рассказываете.

Протопопов. Таково мнение различных кругов: финансовых, придворных, теософских...

Вырубова *(тихо, быстро)*. Говорите же... что? Ну, что?..

Протопопов *(так же)*. Поручение исполнено. Все идет хорошо.

Вырубова *(мелко крестится)*. Слава создателю.

Протопопов. В Стокгольме я встретил одного замечательного человека: Шарль Перрен, предсказатель. Он мне гадал по руке,— Юпитер, Сатурн... Необыкновенно верно... Он сказал: в России будет все хорошо, покуда вы в связи с духом, покуда нами правят незримые силы. Странные слова...

Вырубова. Я понимаю эти слова...

Протопопов. Ночь кончается, над русской равниной всходит звезда Ариосвати, свет ее не померкнет в лучах солнца... Я много думал над этими словами... Звезда Ариосвати, это — наш дорогой мальчик.

Вырубова. Это — в астральном плане имя наследника.

Протопопов. По дороге домой, из Стокгольма, в купе со мной произошло... я не знаю, как это назвать... Я об этом никому не рассказывал... маленькое чудо. После всех впечатлений я остался один в купе

с моими мыслями, с моим маленьким евангелием... Было совсем темно, моя душа погрузилась в тишину...

Вырубова. О, как я это чувствую!..

Протопопов. Случилось необыкновенное, сверхъестественное. Я ни о чем не думал... Глаза...

Вырубова тихо вскрикивает.

Чувствую — на меня устремлены глаза... Из темноты купе смотрят на меня пронизывающие, русские, мужицкие глаза... Повелевают... Толкают... Душа охвачена восторгом, трепетом...

Вырубова. Боже, боже... Что же еще?

Протопопов. Это было,— исчезло. Меня звали, мне приказывали... Но кто? И какой крест взять на себя?..

Вырубова. Когда вы видели нашего друга?

Протопопов. Pardon!

Вырубова. Григория Ефимовича.

Протопопов. Анна Александровна, я должен покаяться как на духу. Я был предубежден против Распутина... Столько кричали в городе... левая пресса. Я был против... Я заболел... Переселился к доктору Бадмаеву. Милейший Бадмаев однажды говорит: «Я хочу к вам привезти Распутина».— «Не надо, не надо...» Я был предубежден... Он настоял... Григорий Ефимович провел у моей постели больше часу. Я увидел, что это человек необыкновенный, замечательный... Я полюбил его... Он много говорил об обаянии государя и государыни... Я понял: вот огромная задача для политического деятеля — поддерживать, развивать в населении идею обаяния царя и царицы... Когда я вышел от Бадмаева, я сжег все документы, которые начал было собирать против Распутина...

Вырубова. Что вы скажете о вчерашнем дерзком выступлении в Думе?

Протопопов. Я только что приехал, не разобрался.

Вырубова. Запрос о связи Распутина с Цар-

ским Селом, а, в сущности, цель — закидать грязью императрицу.

Протопопов. Запроса не будет.

Вырубова. Но Хвостов?.. Он откровенно попустительствует... Он не предан нам...

Протопопов. Хвостова я видел, беседовал... Думаю, что он просто стар, он был бы хорошим министром внутренних дел в мирное время...

Вырубова *(встает, идет к камину)*. Пойдемте в мой уголок...

Во время этого разговора входят: сестра милосердия и затем поручик С. с адъютантским аксельбантом. Во время перехода Вырубовой к камину они здороваются с ней.

Сестра. Дорогая моя Анна Александровна, поздравляю.

Вырубова. Здравствуйте, душка. Вы из лазарета? Как наши раненые? *(Здоровается с адъютантом.)* Очень рада, что вы ко мне заехали. Курите, у меня все курят. *(Садится у камина с Протопоповым и продолжает беседу.)*

Феликс *(адъютанту)*. Ты зачем здесь?

Поручик С. Черт его знает, сам не знаю,— отец просил заехать.

Сестра *(Андроникову)*. Наши солдатики так скучают в госпитале,— они буквально рвутся в бой.

Андроников. Русский солдат привык беззаветно умирать за царя и за родину. Я об этом писал... Лично я готов положить оружие, только взяв Берлин... Но есть и другая сторона дела. Война хороша, когда это — победоносная война. Не нужно забывать тысяча девятьсот пятый год. Лучше пусть немцы отрубят нам хвост, чем наши мужички — голову.

Феликс *(в стороне, поручику)*. Как тебе нравятся эти разговоры?

Поручик С. Но это какой-то болван,— послушай.

Феликс. Этот болван говорит то, что говорят в этом доме.

Поручик С. Государю это известно?

Феликс. Да, государю все известно...

Поручик С. Но в чем же тогда дело?

Феликс. Великие князья сто раз говорили государю: эта гадина Распутин погубит и трон и страну...

Поручик С. Брось... Ерунда...

Феликс. Мужики опять начнут жечь усадьбы... Рабочие — шататься с флагами... Мы накануне смуты...

Поручик С. Слушай, ну их к черту с политикой, поедем пить водку.

Феликс. Я хочу дождаться Распутина.

Протопопов *(Вырубовой)*. Страна возбуждена неудачной войной, не будем забывать старых уроков. Обаяние трона должно покоиться на разумных началах. Прежде всего — преданные люди,— они окружают трон. Затем, внутренняя программа,— я много об этом думал: жалованье духовенству. Священники не должны зависеть от прихоти паствы.

Вырубова. Очень, очень хорошо...

Протопопов. Затем кое-что о евреях. Надо немного смягчить этот вопрос. На Западе к нему очень прислушиваются финансовые круги.

Вырубова. Наследник должен получить прочный трон.

Протопопов. Анна Александровна, для меня нет более дорогого в мире, чем счастье царской семьи.

Вырубова встает, смотрит на каминные часы, звонит.

Андроников *(подойдя к Феликсу)*. Протопопов, кажется, метит высоко.

Феликс *(сухо)*. Что?

Андроников. Увидите, князь, я никогда не ошибаюсь.

Вырубова *(подошедшему лакею, тихо)*. Можете звать.

Лакей идет и раскрывает боковые двери.

Александр Дмитриевич, вы еще побудете?

Протопопов. К вашим услугам.

Вырубова *(идет к гостям)*. Сегодня у меня радость,— из лавры мне прислали липового меду в кадушке. Мы будем пить чай с монастырским медом...

Гости идут в боковые двери.

Андроников *(Протопопову)*. Я очень много слышал о вас. Мы должны были, Александр Дмитриевич, вместе обедать у Кашкина, обед не состоялся...

Протопопов. Помню, помню.

Андроников. Позавчера я заезжал к его высокопреосвященству. Как раз разговор был о вас. Митрополит назвал вас «апостолом господа бога». Меня это поразило. Вы верующий?

Протопопов. Очень, очень.

Андроников. Не хочу предварять событий, но, кажется, о вас думают как о министре внутренних дел.

Протопопов *(изменившись, в волнении, тихо)*. Что вы говорите... князь? Это серьезно?..

Андроников. Я никогда не говорю на ветер.

Протопопов. Вы меня ошеломили. Христос с вами.

Все гости уходят в ближайшую боковую дверь. Звонок. Вырубова сейчас же появляется из боковой двери и тщательно прикрывает ее. Из входной двери появляется лакей.

Лакей *(негромко, профессионально испуганно)*. Их величества. *(Скрывается.)*

Вырубова спешит навстречу. Входят царь и царица.

Царь *(громко и отчетливо, почти без выражения)*. Сердечно поздравляю, дорогая Анна Александровна, от всей души. Примите эту безделку в знак моей дружбы и неизменного расположения. *(Подает футлярчик.)*

Вырубова. Государь!..

Царица *(с иностранным акцентом)*. Мы вместе выбирали этот медальон, милая Ани,— это от Ники.

Вырубова *(раскрывает футляр, слабо, восхищенно вскрикивает)*. Прелестно! *(Раскрывая медальон.)* Дорогие лица.

Царь. Очень рад, очень рад.

Царица. А это от меня *(Подает платок с красным крестом.)*

Вырубова. Сана!

Царь. Это все шила Сана, сама.

Вырубова. Теперь я понимаю, Сана, почему вы скрывались от меня эти дни... Может ли быть дороже подарка...

Царица. Я работала этот платок, дорогая Ани, тысячу раз мысленно осыпая его поцелуями, пусть он покрывает вашу милую головку.

Вырубова. Как будут счастливы наши бедные раненые, когда увидят меня в нем. Это будет маленький праздник у нас в лазарете.

Царица. Вот, Ани, от нас обоих. *(Подает бутылочку).* Это вода с мощей святого Иосифа Аримафейского. Пусть эта бутылочка будет всегда с тобой, нужно испить одну капельку,— животворная вода целит и охраняет...

Царь *(у окна смотрит градусник).* Сегодня к вечеру температура должна подняться. Утром было семь градусов выше нуля, полчаса тому назад — тринадцать градусов, ветер поворачивает с востока на юго-восток.

Вырубова. Государь, как ваш кашель?

Царь. Ничего.

Царица. Он говорит — ничего, а между тем ночью кашлял. И беби кашлял. Я тревожусь,— как они поедут.

Царь. Ничего, доедем. А в Могилеве будет еще теплее. Алексеев телеграфирует, что вчера было семнадцать градусов выше нуля.

Вырубова. Я не могу примириться, государь, неужели завтра вы нас покидаете?

Царь. Война, ничего не поделаешь. Армия с нетерпением ждет меня.

Царица. Мне будет грустно без Ники и без беби. Тяжело оставаться одной, когда кругом так мало преданных людей.

Вырубова. Сана, это жестоко...

Царица. Я читаю в твоей душе, Ани, и благодарю тебя за преданность. Но ты и наш дорогой

друг, наш разумный Григорий,— вот двое, на кого я могу опереться, когда я одна...

Царь. Все-таки это странно, как же так у нас нет преданных людей?..

Царица (*страстно*). Никого, вокруг нас — пустыня, враги...

Царь. Ну, не все же наши враги, ты преувеличиваешь, Алис.

Царица. Кто же? Великие князья преданы?

Царь. Да... они настроены неважно...

Царица. В особенности Дмитрий... Григорий говорил, что в особенности нужно быть осторожным с Дмитрием...

Царь. Почему?.. Дмитрий — просто мальчишка... Я тебя уверяю, они будируют, но все же наша фамилия предана трону.

Царица. Хорошо, хорошо, ну кто еще предан до гроба? Государственный совет?

Царь. Да, пожалуй,— они тянут там в совете в разные стороны.

Царица. Родзянко со своей Думой?

Царь. Что же поделаешь, без Государственной думы трудно заключать внешние займы,— приходится мириться...

Царица. С наглостью этих господ?.. В частной жизни муж никогда бы не потерпел таких нападок на свою жену... Главная задача Государственной думы, это — распространять скверные сплетни обо мне... И никто их не ссылает, не наказывает, не штрафует...

Царь. Ты слишком много придаешь значения Думе. Я говорил с одним солдатом,— простой мужик, представь. Я его спросил: «Сидоренко, как ты относишься к Думе?» — «Не могу знать». Вот ответ народа...

Царица. Хорошо, хорошо, мой дорогой... Министры твои преданы?

Царь. А Штюрмер? Он весьма предан.

Царица. Ах, твой Штюрмер!.. Он так изменился за последнее время... Он, может быть, предан тебе, но не мне...

Царь *(разглаживает усы)*. Он послушен, он во всем соглашается со мной... Странно, странно...

Царица. А Хвостов?

Царь. Ну, вот это, кажется, порядочный, преданный человек.

Царица. Который смотрит сквозь пальцы на то, что в Думе забрасывают меня грязью?

Вырубова. Государь, позвольте показать телеграмму от нашего друга.

Царица. Когда вы ее получили?

Вырубова. Только что. *(Подает царю телеграмму.)*

Царь и царица читают вместе.

Царица *(читает)*. «Твердыня — это бог, пусть мой дух будет на небе, не на земле, а почему? Репа хороша, когда зубы есть. Хвостов беззубый, а укусить охота. В Думе лают, маму собираются мучить, а что Хвостов смотрит? Ваше солнце, а моя радость. *Григорий*».

Царь. Как это все неприятно... Алис... Ты увидишь,— я заставлю замолчать крикунов.

Царица. Дорогой мой, ты слишком добр с людьми.

Царь. Я далеко не так добр. Я, может быть, нетерпелив... Никто, кроме тебя, не считает меня добрым... А скоро я намерен стать очень резким и ядовитым, например с Хвостовым.

Царица. Не верь ему, не верь. Хвостов дурной человек, он не преданный человек. Когда он будет говорить с тобой,— не верь, будь твердым, не поддавайся ему...

Царь. Алис, что ты говоришь, я никогда никому не поддаюсь...

Царица *(поспешно)*. Его племянник, этот ужасный Хвостов-толстяк, сказал при посторонних, что он сожалеет, что Ржевскому не удалось прикончить нашего друга...

Вырубова. Оказывается, страшный яд был уже положен в рыбу, и только бог неизъяснимым чудом

сохранил нашего друга,— отравленную рыбу съели кошки и умерли...

Царица. Мне дурно при одном воспоминании.

Царь. Но затруднение в том, что нужно сначала найти преемника, а потом уже вытолкать Хвостова. Кем я замещу министра внутренних дел?.. Я теряюсь...

Царица. Слушайся нашего друга, слушайся нашего друга... Он руководит нами с помощью бога... Когда Григорий рекомендует людей, можно быть уверенным, что это хорошие люди. Если впоследствии они портятся, то это уже не его вина. Ники, мой дорогой, мы должны передать беби сильную страну... Мы не смеем быть слабыми ради нашего сына... Нужно, чтобы ему было легко царствовать... Нужно быть жестокими...

Царь. А разве я не был решителен в тысяча девятьсот пятом году?.. А?..

Царица. Будь твердым, будь твердым. Слушайся нашего друга... Мы снова в опасности... Мы окружены врагами... Против нас все, все, все... Вся страна... Дай им почувствовать твою руку. Помни, как было искони: Россия любит кнут. Это в их натуре: нежная любовь и затем — железная рука, карающая и направляющая... Как бы я желала влить свою волю в твои жилы. Бог и пресвятая дева над тобой, за тобой, с тобой... *(Закрывает лицо руками.)*

Царь *(с сердцем, но сдержанно)*. Хорошо, хорошо, Алис, я все решил раньше, чем ты. Я прогоню Хвостова... Но они все одинаковы...

Царица. Да, да, да... Они все одинаковы, все, кого ты назначаешь... Нам нужны совсем другие министры,— друзья, преданные люди, которые бы думали о нашем беби, о величии нашего трона...

Царь *(разглаживает усы)*. Они все и без того думают об этом...

Вырубова. Только что я беседовала с Александром Дмитриевичем Протопоповым... Прекрасный человек... Он сказал: «Цель моей жизни, это — счастье царской семьи»...

Ц а р и ц а. Протопопов? Как, он уже здесь?

Ц а р ь. Протопопов... Я его знаю. Я с ним говорил. Он со мной во всем соглашался. Очень воспитанный... Ну, я пошел.

Ц а р и ц а. Ники!

Ц а р ь. Я дал слово заехать в офицерское собрание и сфотографироваться группой в лазарете. Они меня просили обедать в собрании... До свидания, Анна Александровна.

Царь идет с Вырубовой к выходной двери. Царица остается за ширмочками камина. Вырубова быстро придвигается к царю.

В ы р у б о в а. Я так хочу поехать с вами в ставку!..

Ц а р ь *(вяло и досадливо отстраняет ее)*. Вы здесь гораздо нужнее, Ани... *(Уходит.)*

В ы р у б о в а *(секунду стоит с раздутыми ноздрями. Возвращается к камину)*. Он будет тверд, Сана.

Ц а р и ц а. Когда его нет около меня,— я ни минуты не могу быть покойна. Сейчас у него одно решение, а придет человек, наговорит, повлияет,— у него другое решение. Ты не заметила, Ани,— он как будто холоден со мной?..

В ы р у б о в а. Он утомлен, озабочен... Но он так нежно смотрел на тебя, Сана...

Ц а р и ц а. Ты слишком добра, ты меня щадишь... *(Страшным голосом.)* Ани, около него нет никакой женщины? Клянись мне...

Вырубова молчит.

Это то, чего я боюсь больше всего на свете... Наши враги могут подослать к нему женщину... Я ни минуты не могу жить с этой мыслью... Ани! Мы спросим бога... Дай мне икону...

Вырубова достает из шкафчика икону, к которой приделан колокольчик.

Помолимся вместе.

Вырубова ставит икону на столик, становится на колени, царица в изнеможении опускается на колени около кресла.

Святитель Николай, верный заступник, ты спасаешь на суше и на водах, предстоишь перед богом... Будь милостив ко мне, грешной... Моя душа в смятении, я не вижу, не знаю... Если есть около мужа моего какая-нибудь женщина, кроме нас двоих,— пощади, ответь, пусть позвонит колокольчик, позвони в этот колокольчик... Я буду знать, моя душа успокоится... Святитель, угодник милостивый...

Царица, схватив Вырубову за руку, замерла на коленях.

Ты слышишь?

Вырубова. Нет, это подъехали...

Царица склонилась головой на кресло. Вырубова встала, убрала икону в шкафчик.

Видишь, Сана, кроме нас, около него нет женщин.

Царица. Ани, я стара... Он теперь целует меня в темноте... Я сама гашу свет, чтобы он не видел, что я стара...

Вырубова. Сана, ты прекрасна...

Царица. Это мой последний год... Не будем об этом думать, Ани. Нам нужно сохранить его... Одна моя надежда на тебя. Я верю, ты не предашь меня... Только держи его своим обаянием, своей молодостью... И все,— клянись мне,— все до мелочей рассказывай мне. *(Целует ее в голову. Другим голосом.)* Что говорил Протопопов?

Вырубова. Он виделся в Стокгольме с Варбургом.

Царица *(взволнованно поднялась)*. Он говорил с ним о главном?

Вырубова. Варбург передал ему основные условия...

Царица. Мир, мир!.. Мы должны кончить эту войну... Она не принесет добра нашему трону... Ани... Мы накликаем на себя страшную беду... О, я не забуду девятьсот пятого года... Какой бы ни было ценой мы должны спасти трон...

Вырубова. Протопопов бесконечно предан вам. Он тот, кто нам нужен.

Царица. Я хочу его видеть. Я пройду в маленькую диванную.

Царица идет в глубину и уходит в боковую дверцу. Вырубова идет за ней. В это время из входной двери появляется лакей.

Лакей. Григорий Ефимович. *(Скрывается.)*

Вырубова спешит к входной двери. Входит Распутин.

Распутин. Ну, здравствуй, ну, цалую тебя, ну, сто лет еще жить.

Вырубова. Отец, бог мой, жизнь моя, Григорьюшка. *(Целует ему руки.)*

Распутин. Ну, ладно, ну, будя.

Вырубова. Мученье мое, алмаз мой, сосуд благодатный...

Распутин. Ну, отстань, нехорошо... Гости у тебя, что ли?.. Чай пьют?..

Вырубова. Весь день ждала тебя...

Распутин. Не мог, дела задерживают, дела, дела, Аннушка. Толстый этот, Рубинштейн Митряй, как его там, опять человека присылал, плачет, из тюрьмы просится.. Еврей хороший, полезный... Зря в тюрьму посадили, зря, зря... Я внутреннему звонил, Хвостову-то, ах, сукин сын!.. «Рубинштейн, говорит, шпиен, ты, говорит, Григорий, не суйся в это дело...» Как не суйся?.. Как ты можешь со мной так разговаривать... Хоть ты внутренний, Хвостов, ты — Ванька Каин, у тебя морда такая... Он возьми трубку да и повесть... Этот Хвостов во внутренние никуда не годится. Мамашка с папашкой у тебя?..

Вырубова. Государь только что ушел... Государыня здесь...

Распутин. Слетай к ней, позови. Мне с мамой серьезно поговорить надо.

Вырубова. Сейчас, солнце мое. *(Убегает в дальнюю боковую дверь.)*

Из ближней боковой двери появляются, незаметно для Распутина, Феликс и адъютант.

Распутин *(бегает по комнате, заглядывает за ширмы, за диван, во входную дверь)*. Нет, нет, эти дела плохие... Нет, нет, папашка никуда не годится.

Феликс при виде Распутина хватается за задний карман, где носят револьвер. Поручик С., удерживая, хватает его за руку. Распутин увидел Феликса, испугался, обрадовался, подбегает.

Феликс, здравствуй, ну, здравствуй Феликс... Гордый, неприятель, граф, граф, здравствуй.

Феликс. Здравствуй, Григорий.

Распутин. Чужой, ненавистник, а я тебя люблю... Молодой, гордый... Покажи жену... Что жену-то мне не показываешь? Ирину... Хороша жена, хороша, красивая... Прячешь Ирину-то?.. Зачем прятать, не украду... Али брезгуешь?.. А мне не ниже ее руки целуют... Нет, Феликс, встретимся мы с тобой, попомни...

Феликс. Встретимся.

Распутин. Ты сердит, знаю, за что сердит. Молод еще, молодой... А я вострее тебя вижу — о!.. Мне ничего не надо, погляжу да опять в деревню поеду, конопли сажать. Меня бог послал, правду велел говорить... Феликс, Феликс, смирись... Поклонись мамаше.

Феликс. Что же — приходи ко мне, Григорий.

Распутин. Приду, приду... Жену покажешь?

Феликс. Приходи.

Феликс и поручик С. уходят в входную дверь.

Распутин. И ты приходи, ухой угощу... Мадеры выпьем, у меня мадера хорошая... Ну, Христос с тобой, Христос с тобой... *(Убегает в двери вслед за Феликсом.)*

В то же время из дальней боковой двери выходят царица, Протопопов и Вырубова.

Царица *(Протопопову)*. Сердечно благодарю вас. Вы будете вызваны в ставку и сами расскажете государю все, что говорили мне. Будьте откровенны с его величеством. Убедите его величество, что бороться с оппозицией можно только по заключении мира...

Распутин *(возвращается стремительно).* Феликс дьявола не боится, этот человек страшный... Здравствуй, мама.

Царица *(с благоговением).* Отец Григорий...

Распутин. Здравствуй, мама, здравствуй, милая. *(Целует ее.)* А, и миленок здесь. *(На Протопопова.)* Этот человек милый. Люби его, мама. Вся беда — ничто. Только своих поддерживайте — вот где крепость. Так-то. Воля человека должна быть камнем, божья милость всегда на вас. Аминь, мама.

Царица. Аминь.

Распутин *(Протопопову).* А ты помни, миленок,— их победа — твой корабль, и никто не имеет власти на него сесть, окромя власть у бога, а почему? Ты ко мне забегай,— кротко, ласково побеседуем.

Протопопов. Слушаюсь.

Царица. Вы мне доставили искреннее удовольствие вашими рассказами, Александр Дмитриевич... *(Величественно наклоняет голову и протягивает руку.)*

Протопопов целует ее и, пятясь, выходит из комнаты, Вырубова провожает его. Царица и Распутин — одни.

Распутин. Ну, что говорил-то он? Хорошее говорил?

Царица. Он был в Стокгольме, виделся с немцами.

Распутин. Ну? Что ты! Это — доброе.

Царица. Отец, друг, скажи — что делать? Варбург предлагает мир.

Распутин. Варбург, немецкий?

Царица. Ты понимаешь, как это важно, это нужно, но это бесконечно трудно, мучительно...

Распутин. Мама, воевать чем — палками? Быть бы мне около тебя, около папы — не допустил бы воевать. А это что? Это — не драка, это — полудрака. Ружей нет — надо кончать...

Царица. Благословляешь?

Распутин. Вот Митряй Рубинштейн за это самое в тюрьме сидит... Воевать, говорит, нельзя,— все равно побьют, надо замиряться... В крепость поса-

дили... А? Невинного... А почему?.. Враги, враги... Не люди,— бесы на них действуют. Трудно тебе, мама... Господь с тобой, крепись, воля твоя крепка, стой камнем, о камень волна бьется... Все будет хорошо,— стой нерушимо. *(Наклоняется к ней.)* Сам-то — слаб.

Царица. Что?.. Что?..

Распутин. А ты что кричишь?.. Я правду говорю... Папа — слаб. Много стал вина пить. Воли нет. Пьет да сердится. Поговори с ним — войну замирять, согласится. Генералы обступят его, начнут усами трясти,— нельзя, скажут, войну кончать,— он опять согласится. Разве так можно?.. У папы — голова косяком... По ветру мотается. Папе игуменом в монастыре сидеть, фотографией заниматься... А ведь тут — государство, война... Мама, погубит он вас всех...

Царица *(всплеснув в отчаянии руками)*. Что ты мне говоришь?!

Распутин. Разве я когда зря говорю... Через меня бог сейчас говорит.

Царица. Господь, пресвятая дева!..

Распутин. Мне виденье было... Мама, государственное дело по-другому надо повернуть.. Иначе вам всем — крышка... Мама, сама возьми власть...

Царица. Что ты?!

Распутин. Папу надо отстранить. Папе табаку купим, пускай курит... А государством ему нельзя заниматься Ты — царица.

Царица. Нет, нет!

Распутин. Бери скипетр, бери державу, врагов ногами растопчи. Покуда маленький не подрастет — правь. Я за спиной у тебя да бог... Решайся...

Царица. Не могу!.. Помилуй!.. Нет, нет!..

Распутин. Как так — нет? Становись на колени!..

Царица кидается на колени.

Молись! Бей сорок поклонов!..

Царица бьет поклоны, Распутин запевает по-церковному.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Начало ноября. Квартира Распутина на Гороховой. Столовая. Кретоновая мебель. Большой стол. На окне клетка с канарейкой. В углу — граммофон. Рассвет. В дверь осторожно пролезают два сыщика — Скворцов и Копейкин; за ними входит прислуга — Дуня; сыщики потирают с холода руки.

Копейкин. Вот спасибо, Дуня,— пустила. Продрогли.

Скворцов. Студено на лестнице-то.

Дуня. Садитесь. Чай будете пить? Все равно самовар вскипел.

Скворцов. Эх, чайку бы, славно.

Копейкин. У меня грудь в мокрую погоду заваливает, одним чаем спасаюсь.

Скворцов. Ты ведь это вот, Дуня, не гляди, что наша работа легкая — наблюдение. Наша работа очень тяжелая.

Копейкин. Другой раз в подъезде так ветром прохватит, кажется лучше нужники чистить, чем эта наша работа.

Скворцов. Скука в особенности.

Копейкин. В прошлом году надо было во втором этаже наблюдать,— политические. Я на дерево, аккурат против окна, залез. А ветер так и сшибает. Сучок подломился, я — бряк, бок зашиб.

Скворцов. Григорий-то Ефимыч долго еще будет спать?

Дуня. Продрыхается, встанет.

Скворцов. Со швейцарихой, значит, нонче спит. И была бы баба, а то — глядеть не на что.

Копейкин. Скажи ты мне, Дуня, зачем он так поступает: кругом него дамочки, самое шиксанте петроградское,— а он берет с лестницы швейцариху и ведет ее к себе. Почему?

Дуня. А ну его к черту. Жеребец. Ему все равно — с кем спать. *(Уходит с грязной посудой.)*

Скворцов. Это тоже в листке отметить, Василий Иванович? Значит, сегодня взял к себе в квартиру швейцариху на предмет...

Копейкин. «На предмет» — ты не пиши. Просто, значит, «войдя в подъезд, Распутин вынул из бумажника двадцать пять рублей, показал эти деньги швейцарихе, после чего увел ее к себе на квартиру...»

Скворцов *(пишет)* «...после чего увел ее...»

Копейкин. Записывать надо, что видал и слышал, с точностью фотографического аппарата. А за рассуждения,— если рассуждать,— в отделении тебя не поблагодарят. Сыщик — это глаза и уши, понятно?

Отворяется боковая дверь, выходит швейцариха.

Рано уходишь, Матрена. Прогнал, что ли?

Швейцариха плюет, идет к входной двери, поправляя платок.

Копейкин. Дал он тебе двадцать пять рублей?

Швейцариха. Дал.

Копейкин *(Скворцову)*. Запиши. *(Матрене.)* Обожди, с тобой не шутят,— тут дело большой важности.

Швейцариха. Чего тебе еще?

Копейкин. Григорий Ефимович тебе не говорил чего?

Швейцариха. Про что говорить-то ему?

Копейкин. Не говорил ли про какие дела государственной важности?

Швейцариха. А ну тебя, кобель. *(Плюет, уходит.)*

Копейкин *(Скворцову)*. Запиши: плюнув, ничего не проговорила.

Выходит из той же боковой двери Распутин. Он с похмелья,— волосы, борода встрепаны. Вид — хмурый. Садится у стола. Сыщики при виде его вскакивают.

Распутин. Дунька, рассолу. Кобылища проклятая, Дунька!

Скворцов. Сейчас позову. *(Рысью уходит.)*

Распутин *(Копейкину)*. Садись, Копейкин...

Копейкин *(садится)*. Продрогли мы, Григорий Ефимович, на лестнице, пришли погреться. А мы рас-

считывали — вы часов до двух будете спать,— поздновато вернулись.

Распутин. А тебе какое дело, сволочь. *(Кричит.)* Дунька, сука, чтоб тебя ро́зорвало.

Входит Дуня, за ней Скворцов. Дуня ставит швырком на стол перед Распутиным чашку с рассолом.

Дуня. На, пей.

Распутин. А ты мне еще так швыркни раз. Я тебя швыркну. *(Пьет.)* Противная, стерва. Подай водки, закуски. Фу ты, черт, голова болит.

Дуня собирает закуску.

Копейкин. Где были, Григорий Ефимович?

Распутин. Где был, где был... Ты вот все, сукин сын, записываешь, терпеть я этого не могу. *(Показывает ему кукиш.)* Описывай.

Копейкин. По долгу службы, Григорий Ефимович. Вас же охраняем...

Распутин *(идет к телефону)*. Спать не могу. Кофею много пить стал. *(Говорит в трубку.)* Царское Село. Соедини с Вырубовой. Как так нельзя? Это я, Григорий Новых. То-то, нельзя. Анну Александровну попроси, это я, Григорий. *(Копейкину.)* В любое время могу кому угодно позвонить,— хочешь — самой сейчас позвоню? *(В трубку.)* Ну, это я, ну, здравствуй, Аннушка... Ну, не сплю, ну, нервы у меня расстроены. Все насчет нашего узника думаю... Да Митрия Рубинштейна... Одни неприятности... Это юстиция — Макаров — нам гадит. Про Думу слыхала?.. Маму шпиенкой обозвали,— вот те крест... Сейчас у меня Симанович обещал быть, все расскажет... Позвоню... Ну, спи, спи, господь с тобой... *(Вешает трубку, идет к столу.)* Денег нет, вот что.

Копейкин. Это у вас-то, Григорий Ефимыч, нет денег.

Распутин. А я тебе говорю, что нет. *(Выпивает, закусывает огурцом.)* Ты, дурак, думаешь — сто рублей завелось в кармане, — так это деньги. Мне надо деньги большие, я человек государственный. Я Хво-

стова сместил, Протопопова назначил. Теперь мне гребуется юстицию — Макарова — скинуть... Я свой совет министров должен подобрать. Для этого — большие деньги нужны. Фу ты, скука какая... Заведи граммофон.

Копейкин заводит.

Выпущу из тюрьмы Митрия Рубинштейна — он мне, сколько захочу, столько и отвалит,— полмиллиона.

Копейкин. Полмиллиона?

Распутин. В мое распоряжение. *(Слушает граммофон. Внезапно.)* Ах, язви его в душу!.. *(Завизжал, сорвался с места, трет лицо.)*

Копейкин. Что с вами, Григорий Ефимович?

Распутин. Вот я из-за чего спать не могу... Ах, сукин он сын... Этот мне старикашка поперек горла стал.

Копейкин. Кто, Григорий Ефимович?

Распутин *(садится, выпивает)*. Да Штюрмер.

Копейкин *(Скворцову)*. На кого замахивается! *(Дает знак — записать.)*

Распутин. Этот старикашка совсем с ума сошел... Какой он к черту министр, когда он ни черта в делах не понимает. Чуть свет глаза продерет, бисквитов с молоком натрескается и сидит в кабинете, морщится, — шишки у него, гиморой... Тьфу! Мы гадали — орел, а его в семь часов два лакея в постель волокут... Молчи, покоряйся, коли бог убил... А он — нет... Он — виляет... Он мамашке в глаза не глядит, врет... Копейкин,— я с тобой говорю...

Копейкин. Здесь, Григорий Ефимович.

Распутин. Кто Штюрмера министром посадил, я тебя спрашиваю?..

Копейкин. Вы, Григорий Ефимович.

Распутин. Так почему же он, сукин сын, меня не спросившись, в ставку поехал, и мамаша ничего не знала. *(Стучит кулаком.)* Как он смел без моего разрешения поехать в ставку, с папашей разговаривать... Папаша ему иностранные дела поручил сдуру.

Копейкин и Скворцов крестятся.

Я говорю — сдуру... Штюрмер у меня спрашивался — могу я ему иностранные дела поручить?.. Может, это сейчас — главный винт — иностранные дела... И к ним приставляю дурака, разбойника, Каина... Старикашка от рук отбился. Старикашка должен по веревочке ходить... А он сам стал прыгать. Мамаше не повинуется. *(Кидается к телефону.)* Телефон министра иностранных дел... Штюрмера... Министр дома? Как дома нет, что ты врешь, я знаю, что он дома... Ну, ну, передай министру: звонил Распутин, звонил гневно... Пусть задумается... Так и передай... *(Швыряет трубку.)* Я его сокрушу, старикашке — крышка... *(Садится, выпивает.)* Нет, дети, — тут самый корень гнилой. Корень вырвать нужно, и дело с концом... Покуда корень гнил — нет в государстве порядку... Разве я могу на его слово надеяться?

Копейкин. Про кого это?..

Распутин. Про кого?.. Пей водку, Копейкин... Я сейчас о таких делах думаю,— ты лучше за дверь отойди, а то страшно будет. На папашку, на царя не могу я надеяться...

Сыщики переглядываются, крестятся.

Он может мне каждую минуту изменить... Он несчастный человек, у него внутри недостает...

Копейкин. Не пиши этого, Скворцов, ни в каком случае...

Распутин *(разгорячась)*. Он тебе перекрестится, будет креститься десять раз, и соврет... Разве это царь?.. Царь — стена. Царское слово — вексель. А это что?.. Зачем он Штюрмера помимо меня назначил? Арап, вот он кто...

Копейкин *(Скворцову)*. Этого ты не должен слышать...

Распутин. Нет, папашка ничего не понимает... Такой царь нам не гож.

Сыщики на цыпочках выходят из комнаты.

Уеду в Тобольск от вас, паршивцы... Все ваше государство врозь поползет... *(Идет к телефону.)* Министерство внутренних дел... Протопопова... А, это ты,

аккурат. Здравствуй, Александр Дмитриевич... Здравствуй, милый, дорогой... У меня огорчение... Да как же... Маму в Думе шпиенкой обозвали... Ты что же это смотришь?.. Знаю, знаю,— огорчен... Подкапываются враги под нас... Денег нет, вот еще что... Секретный фонд как у тебя?.. Мне бы тысяч пятьдесят надо... Так, так... Да, неприятно... Митрия Рубинштейна не могу из тюрьмы выручить,— эта юстиция, Макаров,— ну, чистый разбойник, гноит хорошего человека в тюрьме, за что?.. Рубинштейн нам очень нужен, через него бог действует... Ночь не спал, все думаю... Милый, дорогой, ты ко мне заезжай, поговорить надо серьезно... Решение хочу важное принять... Ну, Христос с тобой...

Входит монах с кульком, поясно кланяется. Распутин вешает трубку.

Ну, что ты, ну, здравствуй, Ненил, ну, откуда?

Монах. С Валаама, Григорий Ефимович, с Валаама, батюшка. Гостинчику братия прислала,— снетки, Григорий Ефимович, первый улов, да уж такие жирные нонче снетки, небывалый снеток, во рту тает.

Распутин. Поди отдай Дуньке.

Монах. Слушаю, Григорий Ефимович. *(Уходит с кульком.)*

Распутин *(у телефона, шибко скребет бороду)*. 1-31-21... Машку к телефону. Как каку Машку?.. Да проститутка у вас живет, Трехгубова,— ее.

Монах возвращается.

Садись, отец,— водку пьешь?

Монах. Не употребляю, Григорий Ефимович, у нас на Валааме строжайше.

Распутин. Ври другому. Пей.

Монах. Ну, хорошо.

Распутин *(в телефон)*. Машка? Да, да, я... Ну, цалую тебя... У меня тут швейцариха была, такая баба противная, вонючая... Не могу отплеваться... Ты бы заехала, ну, через час... Постой, деньги у тебя

есть?.. Ну, рублей триста... Захвати,— ну, ну, ну, целую, целую... *(Садится к столу.)* Зачем пришел?

Монах. Надежда наша, православная, Григорий Ефимович...

Распутин. Ну, не тяни, не люблю. Говори, просить чего пришел?

Монах. Епархию желаю получить, Григорий Ефимович... Недостоин, грешный... Но хоть маленькую епархию-то... Все равно — и где подальше согласен...

Распутин. Епархию тебе?.. Это дело серьезное... Это надо подумать...

Монах. Пожалуйста. *(Кланяется.)*

Распутин *(идет, садится, пишет)*. Поди к прокурору в Синод. Покажи записку... *(Пишет вслух.)* «Милай, дорогой, не откажи»...

Копейкин *(просовывается в дверь)*. Григорий Ефимович, Симанович приехал.

Распутин. Симанович... *(Подает монаху записку, тот кланяется в пояс.)* Поговоришь с прокурором,— ко мне забеги.

Входит Симанович, монах через секунду уходит.

Симанович. Здравствуйте, Григорий Ефимович. *(Целуется с ним троекратно.)* Чрезвычайной важности дело, любезный Григорий Ефимович...

Распутин. Ну, давай, давай, давай... Люблю хорошего человека... *(Садится близко к нему, глядит в глаза.)* Ну, говори хорошее.

Симанович. Скажите, что Рубинштейн?..

Распутин. Ну, что, ну, сидит... Я папаше в ставку телеграмму послал...

Симанович. И он будет сидеть, покуда министром юстиции остается Макаров.

Распутин *(в крайнем возбуждении)*. Так ведь я охрип, кричавши мамашке-то: «Нам своя юстиция нужна».

Симанович. У вас светлая голова, Григорий Ефимович... Вам нужен свой министр юстиции, преданный и честный человек...

Распутин. Где его взять-то, где он такой?..

Симанович. Подходящий министр юстиции у меня есть.

Распутин. Ну, где он?

Симанович. В моем автомобиле, у вашего подъезда, Григорий Ефимович...

Распутин. Кто такой?

Симанович. Добровольский...

Распутин. Слыхал, и мама про него говорила...

Симанович. Прекрасный человек, преданный человек, Григорий Ефимович, нужный человек...

Распутин *(подозрительно)*. А зачем он тебе нужен? Зачем ты с ним снюхиваешься?

Симанович. Позвольте с вами быть откровенным. Ведь вы духовидец, Григорий Ефимович, от вас ничего скрыть нельзя...

Распутин. Так, так. Невозможно...

Симанович. Добровольский выдал мне векселей на большую сумму... Его дела очень пошатнулись... Он принужден занимать направо и налево... Вы понимаете, что такой человек будет нам предан. *(Показывает векселя.)* Здесь-таки — да — весь наш будущий министр юстиции... Скажите, сколько вам обещал Рубинштейн за освобождение из тюрьмы?

Распутин *(кричит)*. Копейкин... Слетай позови, в автомобиле человек сидит. *(Копейкин убегает.)* *(Схватил Симановича.)* Дай-ка я тебя в голову поцелую. Ох, жалко, ты — жид, тебя бы посадить в юстицию... Мне хоть черта, только Макарова духу бы не было. А Добровольский не выдаст? Они все сначала-то хороши.

Добровольский *(входит)*. Здравствуйте...

Распутин. Вот ты какой. Ну, здравствуй, Добровольский. Ну, поцалуемся... Ну, присядь... Чем тебя угощать?..

Добровольский. Благодарствуйте, отец Григорий...

Распутин. Ты нашей пищей не брезгуй...

Добровольский. Помилуйте...

Распутин. С человеком соли надо съесть, тогда — доверься,— так-то, милай, дорогой. Ешь, пей.

Добровольский *(склонясь)*. Благословите.

Распутин (*благословляет*). Благослови господь.

Добровольский (*целует ему руку, берет рюмку*). Благословите питие.

Распутин. Благослови господь.

Добровольский (*выпрямляясь, зычно*). За здоровье его императорского величества, ее императорского величества и его императорского высочества государя наследника. (*Выпивает одним духом.*)

Распутин (*Симановичу*). Мужик бойкий.

Симанович. Преданный человек, бросится за вас в огонь и воду.

Распутин (*Добровольскому*). Ты, милай, дорогой, к маме съезди, в Царское. Устрою тебе аудиенцию. Покажись. Нам верные люди до зарезу нужны.

Вбегает испуганный Копейкин.

Копейкин. Председатель Совета министров, его высокопревосходительство господин Штюрмер.

Распутин (*слушает, как кашляют, гремят в прихожей*). Старикашка два часа будет калоши снимать. Государством управлять! Ему гусей пасти нельзя доверить. (*Добровольскому и Симановичу.*) Отойдите от меня. (*Садится на диванчик.*)

Входит Штюрмер, худой старик с большой бородой, в мундире. На Симановича и Добровольского не обращает внимания.

Штюрмер. Это наконец становится невозможным, Григорий Ефимович. Я ничего не понимаю, отказываюсь... Или я высшая власть, или... (*Разводит руками.*) Простите... Но с властью так не шутят по телефону.

Распутин (*Симановичу и Добровольскому*). Подите-ка, миляги, в спальную посидите, я позову.

Симанович и Добровольский уходят на цыпочках.

Штюрмер. Скажите наконец, чем вы недовольны? Чем я провинился перед моим государем?.. В чем моя вина?..

Распутин. Прыгать стал.

Штюрмер. Как так прыгать?.. Я облечен вла-

стью, Григорий Ефимович, с властью так не говорят... прыгать... Ваши странные намеки по телефону... «говорил гневно»... «передай, что старикашке крышка»... В какое положение вы ставите меня перед моими секретарями, которые обязаны передавать мне все разговоры...

Распутин. Сам прыгать стал... Когда я тебя в министры сажал, ты круг меня, как кот,— курлымурлы,— мордой о коленку терся...

Штюрмер. Признавая, что через вас действует господь бог, и в этом случае...

Распутин. Помолчи. Так как же, старик,— доверились тебе, три министерства дали, а ты озорничать начал...

Штюрмер. Отказываюсь понимать...

Распутин. Опять помолчи... Без мамаши, без меня хочешь обойтись?.. Без моего благословения в ставку поехал, иностранные получил. Чепуху какую-то несешь в Совете министров... воевать, воевать! С Думой тошноту завел... Сказано тебе — распустить Думу, Дума вредная. А у тебя один глаз на нас, другой в Думу... Макаров, мошенник этот, давно его повесить надо, и мама его давно повесить просит али от крайности мундира лишить, орденов, и он — самый твой друг-приятель, канпания... И лучшие люди в тюрьме гниют, через тебя же... Все ничего... Много я от тебя терпел... Мамаше говорю: «Подожди, одумается»... А ты что, сукин сын...

Штюрмер. Нет, уж это...

Распутин *(вплоть к нему, выставив бороду)*. Старикашка зловредный... Мухомор... Против Протопопова, нашего верного слуги, подкапываться стал... Тут тебе, старый кобель, крышка... Тебя бог убьет...

Штюрмер медленно, закрыв глаза, взялся за голову.

Сволочь!

Штюрмер. Григорий Ефимович... вы отлично понимаете, что я могу немедленно приказать арестовать вас за нанесение оскорбления высшему должностному лицу империи... Материалы, имеющиеся

против вас, настолько ужасны, что если бы я их передал военному министру, военно-полевому суду... Вы сами понимаете... Но из горячей любви к государю и государыне я готов оставить без последствий... если вы одумаетесь.

Распутин. Со мной бороться? *(Берет его за плечо.)* Вот тебе бог, а вот тебе дверь... Морда мне твоя опротивела... Иди... знаешь куда?.. По-русски-то понимаешь?.. И на этом твоя карьера конченная... *(Толкает его в дверь.)* Сам отставку подай, а то стыдно будет...

Штюрмер, издав хлипнувший звук, исчезает за дверью. Распутин кидается к телефону.

Царское Село. Вырубова... Да скорее, барышня, дура сопатая... Аня, ты?.. Немедленно приезжай, как можно скорей... Штюрмера сейчас выгнал... Он мне полевым судом грозился... Вот тебе святой крест... С ума спятил... Орал на меня, у него два раза зубы выскочили... Тут против мамаши весь Петроград поднимается... Один только Протопопов за нас... Надо мамаше самой в ставку ехать... Тут — час дорог... Скорее, жду... *(Вешает трубку, бежит к столу, наливает рюмку, закусывает огурцом, с полным ртом кричит.)* Симанович, Абрашка!

Из спальни выходят Симанович и Добровольский.

Симанович. Ну, вы, знаете, Григорий Ефимович, довольно резко обошлись с его высокопревосходительством...

Распутин. Еще резче будет, дай срок. Пейте водку. *(Добровольскому.)* Ну ты, что приуныл,— заробел, что ли, испугался?.. *(Идет к граммофону, ставит Камаринского.)* Надо тебя, милай, дорогой, развеселить...В государстве нужны люди веселые... Плясать можешь?

Добровольский. Не пробовал, святой отец, не приходилось...

Распутин. Учись... Эх, музыка хороша... Сами ноги ходят... Какой же ты русский человек, если

у тебя ноги невеселые... Пляши, тебе говорят... *(Хлопает в ладоши.)*

Добровольский, крайне смущенно, начинает притоптывать.

Жги, чеши, Добровольский!.. Веселей выковыривай!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ставка Верховного главнокомандующего. На стене огромная карта военных действий. Сквозь окна в той же стене видны сотни аппаратов Морзе и телефонов. Перед картой, спинами к рампе, стоят: царь, Алексеев и три военных агента — французский, английский и японский. У телефонов — генерал-квартирмейстер Пустовойтенко.

Алексеев. На Стоходе — бой на фронте: деревня, пруды, деревня, барская усадьба.

Дежурный офицер *(читает листки сводки)*. Карпаты. Высота 5781...

Алексеев. Слушаю...

Дежурный офицер. Противник теснит наши части на всем участке.

Алексеев. Это здесь. *(Указывает на карту.)* К югу от Кирлибабы. 18 и 65 пехотные дивизии. Кирлибаба была очищена нами в среду главным образом из-за недостатка снарядов.

Дежурный офицер. Липница Дольная, Свистельники. Упорный бой. 133 пехотный полк штыковым ударом занял окопы врага.

Царь. Где это?

Алексеев *(указывает)*. Липница Дольная. Свистельники. 133 пехотный. Здесь — фанагорийцы. Здесь — лес, ручей. Удар — так. Со вчерашнего дня 133 пехотный в третий раз штыковым ударом занимает окопы врага, но удержать их будет трудно из-за недостатка снарядов.

Царь. Какие потери в 133 пехотном?

Пустовойтенко. Справка имеется. К первому ноября в 133 пехотном числилось 3485 нижних чинов, 72 офицера. По сведениям вчерашнего дня, в 133 пехотном значилось 710 нижних чинов, 14 офицеров.

Алексеев. Я полагаю — за текущие сутки 133 пехотный будет уничтожен целиком.

Царь. Превосходно... Где еще у нас бои?

Алексеев. Наиболее оживленным в настоящий момент является румынский фронт. Румыны продолжают отходить в районе Предеал, обнажая наш правый фланг, вследствие чего мы также принуждены отходить в районе Добруджи.

Царь. Гм... Румыны, что же это?

Алексеев. Ваше величество, я всегда был против удлинения нашего фронта румынским фронтом.

Дежурный офицер *(читая рапортички)*. Румынский фронт... В долине реки Альпы 1 и 7 румынские пехотные дивизии продвинулись с боями на 10 километров.

Царь *(перебивая)*. А, вы видите — мои румыны продвигаются. *(К Пустовойтенко.)* Телеграфируйте в Петроград румынскому посланнику мое поздравление.

Пустовойтенко. Слушаюсь, ваше величество.

Алексеев *(усмехаясь)*. Но в целях выпрямления общей линии фронта 1 и 7 румынские дивизии принуждены покинуть занятые позиции и оттянуться.

Царь. Ага... Что же, они успешно отступили?

Пустовойтенко. Потери 500 человек убитыми и ранеными... взятыми в плен — 18 тысяч человек...

Царь. То есть — обе румынские дивизии попали в плен?

Алексеев. Так точно, ваше величество.

Царь. Ага... Румыны... сдались... Ага... Мои солдаты не сдаются, а умирают... *(Пустовойтенко.)* В таком случае вы повремените посылать телеграмму румынскому посланнику.

Пустовойтенко. Слушаюсь, ваше величество.

Царь. Еще что на фронтах?

Алексеев. На сегодняшний день — все. *(Ставит кий в угол.)*

Царь *(агентам)*. Буду рад видеть вас к завтраку. *(Подает каждому руку.)*

Трое агентов уходят. Царь ходит по комнате.

Нельзя ли как-нибудь этих румын подбодрить? Чтобы они дрались...

Пустовойтенко. Ваше величество, генерал Аршаулов только что оттуда,— рассказывает: румынские офицеры на фронте — все в корсетах, нарумяненные, с дамами... Разумеется, драпают при первом выстреле...

Царь. Крайне неприятно. Я вас больше не задерживаю, генерал.

Пустовойтенко кланяется и уходит.

Алексеев. Румынский фронт был и будет нашим больным местом.

Царь. Я с вами не согласен, Михаил Васильевич. Я верю в румынский фронт. Если мы бросим туда еще два корпуса, мы легко зайдем в тыл, проникнем в Венгрию, и австрийцы, а за ними и немцы, покатятся. Все внимание должно устремить на юг. *(Вынимает телеграмму.)* В подтверждение — вот что телеграфирует Григорий: «Твердость — стопа божия. Против немцев не наступайте. Держись румынского фронта. Оттуда слава воссияет, господь укрепил оружие. Молюсь горячо». Вас это не убеждает?

Алексеев. Ваше величество, я верю в духовную проницательность Распутина, в пользу его молитв, но он недостаточно осведомлен в военном деле...

Царь. Он молится за нас, это главное, это все. Я вижу, опять мы с вами поспорим... Если господь не укрепит нашего оружия, то вся ваша стратегия бессильна.

Он подходит к окну. За окнами топот ног, унылая солдатская песня, музыка.

Это куда?

А л е к с е е в. Пополнение на Карпаты.

Ц а р ь. Очень хорошо... Чудо-богатыри...

А л е к с е е в. Солдат опять приходится отправлять без винтовок.

Ц а р ь. Ничего...

А л е к с е е в. Эшелоны одеты по-летнему. Скоро зима, ваше величество...

Ц а р ь. Ничего...

А л е к с е е в. Ваше величество, заполняя окопы трупами безоружных солдат, мы не выиграем войны.

Ц а р ь. Для чего вы мне все это говорите, Михаил Васильевич? Вы хотите расстроить меня или в чем-то хотите убедить? *(Наливает вино, пьет.)*

А л е к с е е в. Мои годы и преданность моему государю дают мне высшую награду — говорить правду вашему величеству...

Ц а р ь *(подозрительно)*. Какую правду?..

А л е к с е е в. Ваше величество, хозяйство страны в крайнем беспорядке. В Сибири сотни тысяч пудов мяса гниют на станциях, сливочным маслом мажут колеса. Петроград начинает умирать от голода. Транспорт разрушен...

Ц а р ь. Знаю, Михаил Васильевич, слышал, скучно.

А л е к с е е в. Председатель Совета министров Трепов будет сегодня делать подробный доклад вашему величеству о внутреннем положении страны. Я же скажу только, как солдат: если мы погибнем — нас погубит тыл...

Ц а р ь. Протопопову даны соответствующие указания.

А л е к с е е в. Я хочу обратить ваше чрезвычайное внимание на состояние тыла. Страна на краю гибели.

Ц а р ь. Кто это сказал?.. Я бы не хотел слышать от вас таких заявлений, Михаил Васильевич.

А л е к с е е в. Существующий порядок, которого я верный слуга, расшатан. Энтузиазм к войне — среди дворянства, среди крупных промышленников — колеблется... Война разорительна. Крестьянам война до смерти надоела... Деньги падают...

Царь. Неправда... Мои крестьяне будут воевать до победного конца.

Алексеев. Ваше величество, страна не надежна. Ваша единственная опора в действующей армии. Но... в армии также сильное брожение.

Царь *(страшно)*. Брожение... Какое брожение?.. Откуда брожение?..

Алексеев. У нас два миллиона дезертиров. Безответственные элементы поднимают голову. Несмотря на принятые меры, солдаты в окопах шепчутся о Распутине.

Царь. Я не желаю вас больше слушать! *(Пьет.)*

Алексеев. Имя императрицы связывают с именем грязного мужика... Нас отделяет один шаг от кровавой революции...

Царь. От революции...

Пауза.

В таком случае немедленно послать войска... Немедленно... решительно... беспощадно...

Алексеев. Ваше величество, успокойтесь... Я только предупреждаю... Пока еще преждевременно...

Царь. Преждевременно...

Пауза.

Я вас больше не задерживаю. *(Сует ему руку.)*

Алексеев уходит.

Дерзкий старик. *(Звонит.)*

Входит дежурный офицер.

Попросите председателя Совета министров, Александра Федоровича Трепова...

Дежурный офицер. Слушаюсь, ваше величество. *(Уходит.)*

Царь *(у окна, за которым опять слышна песня проходящего эшелона)*. Невоспитанный, глупый старик.

Входит Трепов. Кланяется.

Царь *(подавая ему руку)*. Александр Федорович, теперь я готов вас выслушать. Я хочу только предостеречь наперед, известно ли вам, что нас отделяет один шаг от кровавой революции?

Трепов *(перепуганно)*. Как, ваше величество,— один шаг?..

Царь. Страна на краю гибели. В Сибири сливочным маслом мажут колеса. Транспорт разрушен. Безответственные элементы поднимают голову. Это — факты.

Трепов. Вы правы, ваше величество, но не в такой еще степени...

Царь. Нужно принять меры. Милитаризировать заводы... Бунтующих рабочих — в окопы... Агитаторов судить по законам военного времени... Я сместил Штюрмера и предложил вам пост главы министерства затем, что уверен в вашей решительности. Я слушаю вас... *(Садится в кресло.)*

Трепов. Я буду говорить по четырем пунктам. Первое: о невозможности роспуска в январе Государственной думы. Второе: о необходимой отставке управляющего министерством внутренних дел Протопопова. Третье: о полном невмешательстве глубоко почитаемого мною Григория Ефимовича во внутреннюю политику и в особенности в военные дела. И четвертое: об экстренной необходимости дать дальнейший ход делам Сухомлинова, Манасевича-Мануйлова и в особенности Дмитрия Рубинштейна,

Царь делает отрицательные жесты.

Я знаю, ваше величество, вас беспокоят просьбами об их освобождении из тюрьмы. Но об освобождении не может быть и речи.

Царь. Вы привезли ваше личное мнение, Александр Федорович?

Трепов. Я повергаю к стопам вашего величества доклад, изложенный в совершенно объективных красках. Мое мнение — есть ваше мнение, ваше величество. Я исходил из тех немногих слов, которые были брошены вами на моем прошлом докладе.

Царь. Все это крайне огорчительно. В конце концов, конечно, я с вами согласен в общих чертах... Читайте, Александр Федорович... *(Скучливо усаживается в кресло, закуривает.)*

Трепов вынимает из портфеля доклад.

Трепов. Состояние железнодорожного транспорта за ноябрь месяц...

За окном раздается одной могучей глоткой припев песни проходящего эшелона. В песне звучит что-то настолько тревожное и странное, что царь поворачивает голову к окну. Трепов прерывает чтение и также глядит в окно.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Там же. Дежурный офицер бежит на цыпочках через сцену, отворяет входную дверь, становится во фронт. Входят царица, Вырубова и Протопопов.

Царица. Где государь?

Дежурный офицер. Государь работает с начальником штаба.

Царица. Доложите.

Дежурный офицер. Слушаюсь, ваше величество.

Царица. Александр Федорович Трепов еще не уехал?

Дежурный офицер. Час с четвертью тому назад председатель Совета министров отбыл с курьерским поездом в Петроград.

Царица. Хорошо. *(Указывает глазами.)*

Офицер уходит.

Я не знаю, дорогая Ани, удобно ли нам будет в наших прежних комнатах. Я предпочла бы ночевать в вагоне.

Вырубова. Государь писал, что у нас переклеены новые обои... Если там не будет сыро... *(Уходит.)*

Царица *(садится у стола, где лежат альбомы*

с фотографиями). Александр Дмитриевич, господь и святая дева укрепят наши силы, наш друг молится за нас... *(Протягивает руку, которую Протопопов целует.)* Я чувствую, здесь, в ставке, мы встретим сильное сопротивление. Будьте тверды, будьте осторожны. Постарайтесь произвести на государя самое отрадное впечатление. Григорий Ефимович указал мне на вас, я доверила вам судьбу династии.

Протопопов. Ваше величество, блаженство — положить жизнь за помазанницу божию, мою государыню, и за счастливое царствование цесаревича. *(Становясь на колени.)* Позвольте мне быть новым Иваном Сусаниным.

Царица. Вы — истинный друг. *(Целует его в голову.)* Я попрошу государя сегодня же дать вам аудиенцию.

Вырубова возвращается. Протопопов встает с колен.

Приходите к вечерне, мы вместе помолимся.

Протопопов уходит.

Где мы ночуем, Ани?

Вырубова *(подходит к царице).* Трепов уехал с приказом немедленно двинуть дело Сухомлинова и Рубинштейна и... с отставкой Александра Дмитриевича Протопопова...

Царица *(встает).* Мое сердце чувствовало это... Григорий, Григорий, помоги.

Вырубова. Быть может, ты поручишь мне с ним поговорить?

Царица. Нет. Только я одна... У меня хватит силы... Ники, Ники, что он делает со мной... Он губит и себя и беби... Ани, ты помнишь, что мне приказал Григорий?.. Он бросил меня на колени, заставил бить поклоны, потому что я сопротивлялась. Я была в ужасе от одной этой мысли... Но в такие минуты, как сейчас, я думаю, Григорий был прав... Его устами глаголал бог...

Быстро входит царь.

Ники!..

Царь. Солнышко!

Царица стремительно обнимает его.

Царица. Моя душка, мой милый, ангел... Мой страдалец...

Царь. И я рад тебя видеть... Анна Александровна, рад вас видеть...

Вырубова. Мы так истосковались без вас, государь.

Он целует ей руку.

Царица. Поцелуй ее, она заслуживает этой милости.

Царь обнимает Вырубову.

Царь. Весьма охотно.

Вырубова. Простите меня, государь, это слишком много для меня... *(Со слезами убежала.)*

Царь *(в некотором недоумении, уже сбитый с обычного равновесия)*. Гм... что с Ани?., Неприятности?..

Царица. Ах, столько было всего... Но я ни о чем не хочу говорить, мой любимый, мой чудный... Я вижу тебя, я хочу касаться тебя, мне ничего, ничего больше не нужно...

Царь. Ну, садись... Как доехала?.. Как тебе нравится наша погода?.. То дождик, то ветер...

Царица. Сейчас солнце, ослепительный день, мой единственный... *(Целует его.)*

Царь. Рад, ужасно рад... Сана, смотри, сколько я наклеил новых фотографий... *(Показывает альбом.)* Беби здоров? Девочки здоровы?

Царица. Все здоровы, и все тоскуем...

Царь *(на альбом)*. Это — сибиряки, два полка. А? Правда, чудо-богатыри? Вчера отправлены на Карпаты.

Царица. Они слишком хороши, чтобы их тратить... Душка мой, дорогой, ты знаешь, что говорит Григорий: он очень недоволен, что Брусилов не послушался твоего приказания — остановить наступление в Галиции. Наш друг говорит, что бог и святая дева внушили тебе приказать Брусилову прекратить

бесполезное кровопролитие. И Брусилов смеет не слушаться тебя.

Царь. Алексеев и Гурко говорят, что мы должны полностью использовать результаты летнего наступления. Мы взяли свыше миллиона пленных.

Царица. А каковы наши потери?

Царь. Тоже около этого, я думаю.

Царица. Останови это нелепое кровопролитие. Мы должны беречь армию для другого. В стране ненадежно, неблагополучно... Ах, как мне тебя убедить...

Царь *(сразу холодно)*. В чем меня убедить?

Царица *(спохватившись)*. Ты сам лучше меня все понимаешь. Ты мудр, ты благороден, ты честен... Я — твоя тень, твоя послушная женка... Почему ты до сих пор не отправил Алексеева в Крым, ему нужно продолжительное лечение.

Царь. Но Алексеев совсем здоров.

Царица. Работа человека, который так настроен против нашего друга, не может быть благословенной.

Царь. Что, разве Григорий так уже против Алексеева?

Царица. Душка, мой ангел... Забудем сейчас о войне. Редкие минуты, когда я с тобой, пусть будут только нашими... Мне так сиротливо без тебя. Я жажду твоих ласк... Ты, мой единственный, все мое... Приласкай твое бедное, старое солнышко...

Царь. Мне тоже по вечерам бывает тоскливо одному. Не хватает твоих ласк. Я опять стал раскладывать пасьянс, но и этого мало. Вечер долог. Думаю приняться играть в домино.

Царица. Мое милое сердце, мой единственный... О чем ты говорил с Треповым?

Царь. Он был смирный и покорный и не кричал на меня на этот раз. Во время его доклада мое лицо, вероятно, было нелюбезно и жестоко... Он так и ерзал на своем стуле. Он со мной во всем согласился, я был очень с ним ядовит...

Царица. Он говорил с тобой о Государственной думе?

Царь. Я решил не распускать Думы, а сделать небольшой перерыв, чтобы депутаты не разъезжались по деревням, где они могут мутить.

Царица. Как ты все мудро решаешь. Но представь,— Григорий просил напомнить тебе,— Думу нужно распустить как можно скорее и как можно дольше ее не собирать, чтобы не давать им возможности делать гадости...

Царь. Я решительно сказал Трепову: если в Думе опять начнут путать и мутить, то чтобы он окончательно закрыл эту Думу...

Царица. Ну, не волнуйся, забудем о скучной политике... Сегодня я видела тебя во сне,— я тебя обнимала так жарко, так горячо...

Царь. Душка моя!

Царица. А наш друг совсем не так уж уверен в Трепове... Право, право. Я просила Григория помолиться за Трепова. Он стал молиться, и представь — произошло чудо... Он не мог согнуть персты для крестного знамения...

Царь. Странно...

Царица. Григорий сказал: «Как хочешь, мама, Трепов ведет себя, как изменник, и лукав, как кошка... Не верь ему,— он сговаривается с Родзянко и с Гучковым...»

Царь. Ну, разве они сговариваются?

Царица. Да, да, он — предатель, я ненавижу лживого Трепова... Но ведь ты сам прозорливец, ты лучше меня все понимаешь... Будь сильным, будь мужчиной... Прогони Трепова... Лиши Родзянко придворного звания... А Гучкова всего лучше было бы поместить на высоком дереве... *(Шепотом.)* Повесь Гучкова...

Царь. Как же так — взять вдруг и повесить?..

Царица. Я женщина, я люблю тебя... Я могу быть безумной... Я хочу, чтобы ты был тверд. Покажи властную руку... Дай народу почувствовать твой кулак... Вот что нужно русским... Они сами хотят этого... Такова славянская натура... Когда ты ужаснешь жестокостью твой народ, страна успокоится,

Ц а р ь. Будь покойна, я не остановлюсь ни перед чем в случае малейшей попытки к возмущению. В этом отношении я тверд. Но, Сана, мне просто надоело прогонять моих министров...

Ц а р и ц а. Зачем ты подписал отставку Протопопова?

Ц а р ь. Как, ты знаешь об этом?.. Гм... Так, знаешь, как-то... По-моему, он слаб... Говорят, что он — сумасшедший...

Ц а р и ц а. С тех пор как Протопопов у власти, страна начала успокаиваться. Транспорт налаживается. Это наши враги говорят, что Протопопов сумасшедший... Он благоговеет перед нашим другом, это — благословенный человек. Дорожи этим человеком. Не напрасно мы столько выстрадали из-за него. Не поддавайся злостным наветам. Это новый Сусанин. Он приехал сюда, чтобы рассказать об удивительной реформе. Он уничтожит голод в Петрограде, он успокоит страну, он подготовит нашему беби славное царствование...

Ц а р ь. Трепов так мне наскучил жалобами на Протопопова, что я сделал вид, что согласился... Можно всегда изменить...

Ц а р и ц а. Не медли ни минуты... Пошли телеграмму... *(Подает царю бланк.)* Мой милый, счастье мое, будь императором!

Ц а р ь. Что телеграфировать?..

Ц а р и ц а. Коротко... «Повелеваю Александру Дмитриевичу Протопопову быть министром внутренних дел»...

Царь пишет.

Все остальное ты передашь ему лично. Ты мог бы сейчас принять Александра Дмитриевича?

Ц а р ь. Пожалуй.

Ц а р и ц а *(целует его)*. Я преклоняюсь перед твоей силой, твоим мужеством, обними меня крепче, крепче, твою старенькую женку... Наш друг пишет... Трудно разобрать его почерк... Это письмо тебе — окропленное святой водой... Григорий ужасно тревожится за дело Сухомлинова... Если Сухомлинов пред-

станет перед судом, то Гучков и другие негодяи воспользуются этим, чтобы забросать меня грязью... *(Читает.)* «Сухомлинова надо выпустить, а то неладно будет, не надо бояться выпустить узника, узники через страдания выше нас перед богом, молитвой пользу оказывают»...

Царь *(вертит письмо)*. А Трепов говорил, что Сухомлинов работал в пользу Германии...

Царица. Тебя обманывают... Им хотят воспользоваться для других целей... И вот еще записочка от Григория... Он умоляет тебя помочь еще одному узнику... Этот несчастный умирает в тюрьме...

Царь *(взглянув на записку)*. Он опять просит за Дмитрия Рубинштейна?.. Солнышко, но Дмитрий Рубинштейн — темный негодяй... Он играл на понижение рубля... Он в связи с германской контрразведкой...

Царица. У Рубинштейна были некрасивые дела, но и у других они были... Рубинштейн — несчастный человек, он раскаялся, он умирает в тюрьме... Григорий рыдал, как ребенок, когда просил за Рубинштейна... Он сказал: этот еврей отныне ваш преданный раб... *(Подает бланк.)*

Царь. Разумеется, если Григорий рыдал...

Царица *(диктует. Царь пишет)*. «Повелеваю освободить Сухомлинова и Рубинштейна».

Царь. Ну, душка моя, я хочу тебе показать последнюю фотографию,— прислали из Галиции: поле после атаки, шесть тысяч трупов, замечательно редкая фотография...

Царица. Еще только одно.... Мы должны вместе подумать, кем заместить Макарова.

Царь. Как — и Макарова?

Царица. Это — наш самый страшный враг...

Царь. Ничего не понимаю.

Царица. Как на отличного министра юстиции Григорий указывает на Добровольского.

Царь. Сана, милая, но это просто незаурядный мошенник...

Царица. Неправда, неправда, клевета... Он с восторгом отдаст жизнь за один твой милостивый

взгляд. О нем мы поговорим вечером, когда я положу твою милую голову себе на грудь. Протопопов и Добровольский успокоят страну и наведут порядок... Верь мне, верь нашему другу.

Входит Вырубова.

Ты была в наших комнатах, Ани?

Царь. Их переклеили.

Вырубова. Прелестно. Бледно-сиреневые обои с букетиками. Горит камин. И множество фотографий.

Царица *(целует царя)*. Спасибо за твои милые заботы... Можно позвать Протопопова?

Вырубова. Александр Дмитриевич умирает от нетерпения броситься к ногам его величества. *(Отворяет дверь.)*

Входит Протопопов.

Царь *(подходя, здороваясь за руку)*. Рад видеть вас, Александр Дмитриевич. Много слышал о ваших продовольственных планах... Очень интересуюсь... Говорите...

Протопопов. Ваше величество, вопрос разрешается просто: через две недели в Петрограде не будет очередей у лавок. Нужно приказать продавцам предварительно, накануне, развешивать продукты питания в отдельные пакетики...

Царица. Это гениально просто.

Протопопов. Обыватель не будет дожидаться, покуда продавец ему отвесит мясо, хлеб, крупу... Он берет пакетик и уходит... Очереди уничтожаются, население успокаивается...

Царица. Лучший способ в самом начале подавить революционное брожение...

Протопопов. Затем увеличить подвоз продовольствия в столицу... Нужно дать самую широкую инициативу купечеству... Открыть клапаны, дать полную свободу торговли, чтобы здоровые силы русской частной промышленности пришли на помощь государству... Ваше величество, одним росчерком пера уничтожая стеснительные законы торговли, вы

подводите под трон мощный фундамент. В молодой русской буржуазии — будущее империи.

Отдаленный грохот. Все оборачиваются к окну.

Царь. Пристреливают на полигоне шестидюймовки... Через три-четыре месяца они заговорят...

Новый грохот.

Царица. О нет... Нет... Мы не должны воевать... Мы не имеем права. Мы не можем...

Царь. Покуда мои войска не войдут в Берлин...

Дежурный офицер *(вбегает, в волнении)*. Ваше величество, цеппелин над ставкой...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет Юсупова. В нише, на диване, сидят: Феликс с мандолиной и Дмитрий Павлович. Перед ними стоит Пуришкевич. В стороне — поручик С.

Пуришкевич. Еще раз спрашиваю: решаетесь или нет? Ваше высочество, позвольте быть резким.

Дмитрий Павлович. Разрешаю, Владимир Митрофанович.

Пуришкевич. Если мы завтра,— откладывать невозможно,— именно завтра не ликвидируем Распутина,— конец, кошмар, ужас. Я даю два-три месяца сроку,— мы все полетим к чертовой матери.

Феликс *(трогая струну)*. А это далеко — к чертовой матери?

Пуришкевич. Да, ваше сиятельство,— в пасть революции.

Дмитрий Павлович. Ого!

Пуришкевич. Смертельная, неотвратимая опасность грозит монархии, порядку, православию... Мы, дворяне, помещики, цвет страны, будем растоп-

таны в первую голову. Еще на вершок отпустить вожжи,— и в армии хаос, и остервенелое мужичье разнесет по клочкам всю страну... Забастовки... Анархия!.. Ужас!.. Не дай боже нам положить оружие... Мир с немцами, это значит — через неделю революция, которой еще не видал мир. Нет, нет, нет... Мы должны победить на фронте и здесь, в сердце страны. Но где наше знамя? Кто вождь? Ныне царствующий государь, во имя блага, во имя бога, должен передать венец тому, кто силен и молод, кто поведет за собой нас.

Дмитрий Павлович. Владимир Митрофаныч, предупреждаю вас, я не могу и не должен слышать таких заявлений.

Феликс. Почему, Дими,— мы среди своих.

Поручик С. Моя шпага и моя жизнь у ваших ног, ваше высочество.

Пуришкевич. Ваше высочество, скоро закричу не я, вся Россия загремит кликами: «Да здравствует Дмитрий император».

Феликс заглушает его слова звуками мандолины.

Феликс. Все-таки у вас чертовски громкий голос, Владимир Митрофаныч.

Дмитрий Павлович. Так как же, господа, вернемся к нашему вопросу: что мы будет делать с нашим мужиком?

Пуришкевич. Когда нож у горла, нужно действовать... Распутин — это значит власть немки и германофилки, это — развал армии, это — близкая анархия... Это — козырь в руки красной сволочи. Теперь или никогда — за монархию, за православие. Боже мой, ваше высочество, ведь я же сам слышал,— солдаты смеются: «Царь с Егорием, а царица с Григорием». Это острит простой солдатишка.

Феликс. Надеюсь, вы дали ему по морде.

Пуришкевич. Нет, ваше сиятельство, я не дал по морде этому остряку,— я отошел, сгорел от стыда, потому что это — правда. В армии последний нижний чин знает теперь, что судьбою России и войны распоряжается пьяный мужик, конокрад, хлыст,

Феликс. Да, да. Я уважаю власть с хлыстом, но не уважаю власти, когда она под хлыстом.

Дмитрий Павлович. Браво.

Поручик С. Ваше высочество, не хлыстом,— шомполом должна поработать настоящая власть.

Феликс. А что, это больнее,— шомполом?

Дмитрий Павлович. Разумеется, мягкостью теперь ничего не поделаешь.

Пуришкевич. Ваше высочество, заклинаю вас на коленях, решим вопрос... Ваш голос, ваше решение... Убить Распутина, или — разойдемся, и все полетит к черту. Клянусь вам, ваше высочество, если когда-либо мне придется писать, я тысячу раз подчеркну, что ваши руки не были обагрены кровью, что вы были в стороне от этого грязного дела, вы чисты перед богом и перед нашим народом...

Дмитрий Павлович. Так как же, господа?

Пауза.

Надо решать.

Пуришкевич. Да, да, да...

Феликс. Дмитрий, я тебя уверяю, это совершенно безопасно, ни один черт не догадается. Убьем и спрячем.

Дмитрий Павлович (*вставая*). Убить...

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

До поднятия занавеса слышен цыганский хор. Комната у цыган на Черной речке. За столом — мрачный Распутин. В углу дивана — Вырубова, закутанная до бровей в мех. Верхом на стуле — Добровольский. Перед цыганами — Рубинштейн.

К нам приехал наш родимый,
Дмитрий Львович дорогой...
Митя, Митя, Митя...

Рубинштейн (*в смокинге, красный, подхватывающий*). Я выпью до дна... Я выпью за то, чтобы

наш дорогой Григорий Ефимович развеселился... Я ничего не пожалею... Дмитрий Рубинштейн умеет ценить услуги... Давайте все вместе будем любить Григория Ефимовича... Ну, споем, ребятишки...

Хор.

Хор наш поет припев любимый,
И вина полились рекой.
К нам приехал наш родимый,
Григорий Ефимыч дорогой...
Гриша, Гриша, Гриша...

Из хора выбегает цыганка с бокалом к Григорию Ефимовичу.

Вырубова *(злобно)*. Ступай на место...

Цыганка возвращается, хор замолкает.

Добровольский *(пьяный, с бокалом, перед Распутиным)*. Ты наш отец, заступник перед богом и царем... Тебе весело, и нам весело... Тебе скучно, и нам скучно... Господа, мы утомили Григория Ефимовича... Господа, давайте молчать... Будем молиться... Цыгане, пойте что-нибудь божественное...

Рубинштейн. Какую там божественную... Старинную, чавалы... *(Распутину.)* Что, добрый молодец, не весел, головушку повесил?.. Ради такого дня проси у меня полцарства... *(Тихо ему же.)* Что случилось, отец, чем ты недоволен?.. Приказывай, все будет...

Распутин. А с чего мне быть довольным?.. Что ты круг меня как жаба квакаешь... Жулики вы все...

Рубинштейн. Григорий Ефимович, как вам не стыдно, вы мне не доверяете. Сегодня у меня просто не было физической возможности реализовать значительную сумму... Я должен вам передать на дела благотворительности сто пятьдесят тысяч... При мне сейчас тысяч сорок... *(Передает деньги.)* Вы меня обижаете... Остальные — завтра.

Распутин *(прячет деньги)*. То-то — завтра.

Добровольский *(глядит на передачу денег)*. Красиво дано и красиво взято.

Распутин. Посажу тебя министром — и у тебя эта крупа заведется.

Хор поет старинную песню.

Распутин *(идет к цыганам, слушает, раздает им деньги)*. Нате, милые, дорогие... Растревожили вы меня... *(Целует цыганок.)* Грустный я сегодня... Слушаю,— ах, слушаю вас, родные, может, в последний раз...

Рубинштейн *(во время пения подсевший к Вырубовой)*. Военная партия, даже с Николаем Николаевичем во главе, это же — абсурд... Они не имеют поддержки в стране... Мы не можем дольше тянуть войну. Через год Россия — банкрот...

Вырубова. Государыня прилагает все силы...

Рубинштейн. У государыни светлый ум. Она одна понимает, что нужно стране... Если мы до весны не заключим сепаратного мира,— немцы захватят Украину, и рубль будет стоить три копейки... Хорошенькие дела начнутся тогда у нас!.. Вы разве не понимаете, что это пахнет революцией...

Вырубова. Но военная партия страшно сильна. Протопопов один против нее... Да отец Григорий... Государыня пишет каждый день в ставку, но у государя нет силы прогнать Трепова и отстранить Алексеева...

Рубинштейн. Ну, если Трепов нам мешает, Трепова мы уберем... Я возьму Григория Ефимовича в ежовые рукавицы...

Вырубова. Государь с каждым днем становится все нерешительнее. Отставка Макарова уже решена, но он не решается ее подписать... Григорий Ефимович поэтому так и мрачен...

Рубинштейн. У государя больная воля, государь болен. Нам нужно действовать решительно. *(Значительно.)* Вы меня понимаете?

Вырубова. Вы должны помочь государыне.

Рубинштейн. Когда вы увидите государыню,— передайте ей: Дмитрию Рубинштейну нужно захотеть, и он сделает. Еще ни один человек не сосчитал миллионов Дмитрия Рубинштейна...

Хор поет, цыганка пляшет. Добровольский играет на гитаре, притоптывает. Распутин подходит к Рубинштейну.

Распутин. Аннушка, это мой крестник. Хорошай, милай... О чем калякаете?.. Да, Митя, плохо... Не знаю,

что с папашкой делать... Ума не приложу... берешь его, он вывертывается,— скользкай... Тысячу раз тебе обещает и соврет... Ну, царь... Честное слово мне дал — Думу разогнать совсем. Я говорю: «Обманешь, перекрестись, папашка». Перекрестился и соврал... А ему тут еще всероссийское дворянство доклад против меня подало... Ах, как я расстроился... Вот Добровольского никак не могу добиться в юстицию посадить,— спиваться, гляди, стал парень...

Рубинштейн. Григорий Ефимович, вы ведете дело кустарно. Вы одной мистикой работаете...

Распутин. А что, плохо разве?

Рубинштейн. Вашу политику надо капитализировать... Я это сделаю... Можете быть уверены — сила за вас... Ходите всегда ва-банк...

Распутин. Анна, вот — умный челобек... Погоди, Митька, вознесу я тебя... А как это — ва-банк?

Рубинштейн. Нужно прежде всего... *(Наклоняется, шепчет ему на ухо.)*

Вырубова. Тише... *(Закрывает лицо мехом.)*

Распутин *(отскакивает)*. Так ведь я это самое мамашке и говорю! Дайте мне шампанского... Девки, пойте, милые, дорогие... Я сейчас с мамашей буду говорить. *(Бежит к телефону.)* Если жив буду, Митька, мы с тобой делов наворочаем... *(Возвращается от телефона к цыганкам.)* Девушки, дорогие, я не скушный сегодня... У меня дух взыграл... Мне Митя одно слово выговорил... Жги плясовую!.

Хор поет плясовую.

Милые мои, ни одной сегодня вам спуску не дам... Выходи, тряси плечами... *(Кинулся вприсядку. Схватил пляшущую цыганку, жарко поцеловал.)* Анна, отвернись, змея... Горячей тебя — баба, вот баба!.. *(Залпом выпил стакан, захватил бороду, кинулся к телефону.)* Царское Село... Личный телефон государыни... Да, Распутин...

Добровольский в ужасе. Хор замолкает. Рубинштейн на цыпочках идет к цыганам, машет на них руками.

Митька, куда их гонишь... Сейчас самое веселье пойдет... *(В трубку, иным голосом.)* Мама, это я, здравствуй, милая, дорогая, господь с тобой... Молюсь, молюсь о тебе, все глаза проплакал... Вижу, вижу,— тяжело тебе, уныло... А я с нашим узником освобожденным, с Митрием Рубинштейном, кротко, тихо беседую,— он очень обнадеживает... Жизнь, говорит, и все капиталы положу за маму... Хорошо, хорошо... *(Прикрыв трубку рукой — Рубинштейну.)* Мамашка тебе кланяется...

Рубинштейн подскакивает, кланяется.

Мама, помнишь, что я тебе осенью у Аннушки говорил,— скиптр, держава-то — помнишь?.. Сорок поклонов велел тебе бить?.. Мама, пора, решись... Пока я жив,— будет тебе удача, ничего не бойся... Чаво?.. Ну, господь с тобой, приляг, отдышись... А я опять буду за тебя молиться... *(Вешает трубку.)* Маму жалко... Ну, что же вы, девки, приуныли,— иди все ко мне... Настраивай гитары...

Чавалы рвут струны, цыганки окружают Распутина.

Феликс *(появляется в дверях)*. А я тебя по всему Петрограду ищу, Григорий...

Вырубова пронзительно вскрикивает. Распутин выскочил из круга к Феликсу.

Распутин. Феликс!

Феликс. Здравствуй.

Распутин. Зачем пришел?

Феликс. За тобой.

Вырубова. Не пущу.

Распутин. Помолчи, Анна... *(Глядит Феликсу в глаза.)* С добром пришел, Феликс?.. Доброе у тебя?..

Феликс. Ирина просит тебя привезти. Завтра можешь?..

Распутин. Сама просит?.. Ирина-то, сама попросила?..

Феликс. Много о тебе наслышалась, захотела видеть .

Распутин. Да ты присядь... Выпей винца... Поздоровайся... Здесь все свои...

Феликс кланяется.

Гордай, гордай, ах, ах... Милай, родной, красивай... Тебя бы надо министром сделать...

Феликс. Молод еще, Григорий Ефимович...

Распутин. Так когда же,— завтра к Ирине-то?.. А то, может, не надо...

Феликс. Я за тобой заеду...*(Уходит.)*

Распутин *(вдогонку)*. Не хочу!.. Не поеду!.. Постой, ты что задумал?.. *(Возвращается, садится.)* А ведь я поеду к нему...

Цыгане запевают, Распутин смотрит остекленевшими глазами в зал.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Посредине — двор юсуповского дворца. В глубине — решетка, за ней — Мойка. Лунный, зимний пейзаж. Направо — в разрезе — сводчатая комната: только что отделанная Феликсом столовая в полуподвале. Камин. Стол, накрытый к чаю. Винтовая лестница наверх. Наверху, над двором, — стеклянный переход. Налево, наверху, в разрезе — угол кабинета Феликса. В столовой темно. В кабинете освещено, у окна стоят Феликс, Дмитрий Павлович и поручик С — прислушиваются. Шум мотора.

Дмитрий Павлович. Остановились у большого подъезда.

Феликс. Это Лазаверт и Пуришкевич.

Дмитрий Павлович. Который час, господа?

Поручик С. Пять минут первого.

Феликс *(топнув ногой)*. Ну, что же они!

Поручик С. *(подходит к двери, отворяет)*. Идет Пуришкевич.

Все глядят на дверь, входит Пуришкевич.

Все. А-а-а!..

Феликс. Владимир Митрофанович, начало первого,— где вы пропадали?..

Пуришкевич. Могли бы прождать и дольше,— железные ворота к маленькому подъезду и по сию минуту не открыты...

Ф е л и к с. Не может быть! *(Быстро вышел.)*

П у р и ш к е в и ч *(с нервным хохотком).* Ваше высочество, позвольте поздороваться все-таки... Подъезжаем — ворота заперты. Что за черт! Мы, не останавливаясь, проскочили дальше, сделали круг мимо Мариинского театра. Подъезжаем — опять заперто... К счастью, набережная была пуста.

За дверью грохот железа.

Д м и т р и й П а в л о в и ч *(с испугом).* Что это?..

П у р и ш к е в и ч. Доктор Лазаверт. Тащит гири и цепи... Вчера достал на Александровском рынке... Вериги для Распутина...

Ф е л и к с *(входит).* Ворота я приказал отворить.

Л а з а в е р т *(входит в шоферской шубе, тащит гири и цепи).* Вот... Уф!.. Здравствуйте...

Все разглядывают цепи.

Д м и т р и й П а в л о в и ч. Мы обернем тело цепями и подвесим гири...

П у р и ш к е в и ч. Это будет нетрудно. Я пристроил петли так, что будет легко опутать...

Ф е л и к с. Господа, мы теряем время... Идемте вниз.

Феликс и за ним все идут по переходу направо и по винтовой лестнице — вниз в столовую, где Феликс зажигает электричество.

П о р у ч и к С. *(который замешкался наверху).* А граммофон?.. Его тоже вниз?

П у р и ш к е в и ч *(кричит снизу).* Тащите его в тамбур, поручик... Пластинки захватите, которые погромче...

Поручик С. несет граммофон из кабинета и ставит его в тамбуре, некоторое время возится с ним, затем спускается вниз.

Д м и т р и й П а в л о в и ч *(по пути в столовую).* Все это довольно противно,— слишком много чести, чтобы убить одного мужика.

П у р и ш к е в и ч. Ваше высочество, мы убиваем целую партию...

Ф е л и к с *(сбежав вниз, у чайного стола).* У нас еще минут двадцать... Будем пить чай.

Л а з а в е р т *(испуганно).* Как... пить чай?..

Пуришкевич. Милейший доктор, на вас лица нет... Нельзя же так нервничать в самом деле.

Все садятся к столу, Феликс у спиртового чайника.

Феликс. Эти пирожные можно есть, это пока без начинки.

Пуришкевич. Где они взяты?

Феликс. У де Гурмэ... Я узнавал, это — его любимые сладости...

Пуришкевич *(рассматривая)*. Розовые и мокка... Изволите видеть — конокрад, хлыст, животное,— и «любимые сладости»...

Лазаверт *(ест)*. Необыкновенно вкусные пирожные, необыкновенно...

Феликс. Дмитрий, тебе налить чаю?..

Дмитрий Павлович. А вдруг он не приедет?..

Феликс. Я час тому назад еще раз звонил,— он ждет.

Пуришкевич. Доктор, вы все-то не ешьте... Половинку откусили и сюда, откусили и сюда... *(Кладет пирожные на блюдечки.)* Должно иметь вид: у стола сидело оживленное общество, дамы... Услышали автомобиль и убежали...

Дмитрий Павлович. Нужно измять салфеточки...

Пуришкевич. Совершенно верно, ваше высочество,— поручик, мните...

Поручик С. Слушаюсь. *(Мнет и разбрасывает салфеточки.)*

Дмитрий Павлович. Подождите... кажется — часы... Половина первого...

Феликс. Господа, нужно ехать...

Пуришкевич. Да, все в порядке... Поезжайте, князь... Доктор, идите к автомобилю.

Все встают.

Феликс. Яд!.. А где же яд?.. Яд где?..

Лазаверт. Здесь... Со мной. *(Вынимает.)* Да... И перчатки я захватил...

Феликс. Ужасно... Главное и забыли... Скорее, скорее сыпьте его туда...

Л а з а в е р т. Слушаюсь. *(Надевает перчатки.)* Отойдите, господа, на всякий случай... Если попадет едва заметная крупинка на слизистую оболочку — смерть. *(Высыпает яд на тарелку.)*

Д м и т р и й П а в л о в и ч. Это цианистый калий?

П у р и ш к е в и ч. Циан. Представьте, кто его достал... Василий Маклаков... Яд-то он дал, но заявил, что вряд ли сам может быть нам полезен как активный деятель. «Если у вас выйдет что-нибудь не гладко — готов охотно помочь юридическим советом»... Вот кадет!.. Вчера уехал в Москву. Просил, если убьем,— послать телеграмму: «Когда приезжаете»...

Лазаверт начиняет ядом пирожные.

Ф е л и к с. И я получил от него...*(Показывает.)* Резиновая гиря образца французской полицейской палки.

Л а з а в е р т. Я начиняю только розовые...

Ф е л и к с. Да, да, с ядом будут только розовые пирожные, а мокка — без яду... Может быть, мне придется есть...

Д м и т р и й П а в л о в и ч. Ради бога, будь осторожен, Феликс...

Ф е л и к с. Я здесь отложил для себя...

Л а з а в е р т *(громко)*. Готово...

Д м и т р и й П а в л о в и ч. Идемте...

П у р и ш к е в и ч. Доктор, живей, живей надевайте шубу...

Лазаверт бросает перчатки в огонь камина, затем поднимается наверх, берет шубу и уходит через тамбур.

Ф е л и к с *(берет с камина склянку)*. Вот раствор цианистого кали... для вина...

П у р и ш к е в и ч. Это мы вольем без вас...

Из камина вылетает клуб дыма.

Доктор с ума сошел!.. Бросил в камин перчатки... Поручик, откройте форточку, невозможный дым...

Поручик С. открывает форточку.

Ф е л и к с. Ах, как это неприятно! Это может все погубить...

Пуришкевич. Не волнуйтесь, князь, голубчик... Поезжайте, господь вам поможет... *(Берет его за руки.)* Чего бы это ни стоило — привозите гада. *(Крестит его.)* Ну, с богом.

Дмитрий Павлович. Феликс, не забудьте: три раза гудок, когда подъедете.

Феликс. Ни пуху ни пера. *(Уходит.)*

За ним выходят Дмитрий Павлович и Пуришкевич.

Пуришкевич *(в дверях)*. Поручик, оставьте форточку открытой, пусть проветрится.

Поручик С. гасит свет. Пауза. Столовая остается в темноте. По двору проезжает автомобиль. Затем освещается наверху кабинет Феликса. Там Пуришкевич и Дмитрий Павлович.

Пуришкевич. Ваше высочество, при вас револьвер?

Дмитрий Павлович. Да.

Пуришкевич. У меня «соваж» — прекрасная игрушка! без осечки...

Дмитрий Павлович. Пора!

Пуришкевич. Да, пора.

С этими словами они идут через тамбур и спускаются в столовую, где офицер зажигает свет.

Поручик С. Форточку я закрыл,— дымом больше не пахнет.

Пуришкевич *(подходит к столику у окна, берет темную рюмку и наливает в нее яд из склянки)*. Яд вольем в темную рюмочку. А эта — для князя.

Дмитрий Павлович. Мне страшно, как бы Феликс не перепутал впопыхах и сам не выпил вина из этой рюмки. Или — съест розовый пирожок.

Пуришкевич. Это невозможно, ваше высочество,— князь необычайно хладнокровен — редкое самообладание.

Поручик С. поднимается в тамбур и возится с граммофоном.

Дмитрий Павлович. Итак, план действия?..

Пуришкевич. Феликс вводит Распутина через эту дверь. Говорит, что у Ирины гости и придется

немного подождать,— предлагает ему вина и чаю... В это же время доктор Лазаверт проходит через главный подъезд и соединяется с нами. Мы становимся там, в тамбуре, чтобы броситься на помощь князю, если что-либо выйдет неладное... Я думаю — смерть Распутина наступит минут через пятнадцать после того, как он войдет в эту комнату. Мы раздеваем тело, берем всю одежду Распутина, даем ее поручику,— он как раз одного роста с Распутиным,— он надевает шубу Распутина, шапку и боты, прикрывается воротником и выходит вместе с вами, ваше высочество,— Лазаверт опять за шофера,— через малый подъезд... Вы садитесь в автомобиль... Сыщики или постовой городовой примут поручика за Распутина... Вы едете на Варшавский вокзал и у меня в поезде в печи сжигаете всю одежду... Затем вы грузите автомобиль на платформу моего поезда и на извозчиках едете на Невский во дворец великого князя Сергея Александровича. Там вы берете ваш автомобиль и едете сюда, где мы с Феликсом в ваше отсутствие упакуем тело Распутина в простыню, привяжем цепи и гири... Затем мы везем тело и бросаем в Малую Невку...

Играет граммофон «Янки Дудль».

Отлично, поручик... Подходит.

Дмитрий Павлович. Да, это стройно обдумано, хорошо...

Пуришкевич. Утопив тело, мы разъезжаемся по домам, я — на вокзал. Завтра в десять, как ни в чем не бывало, я показываю мой поезд санитарной комиссии Государственной думы...

Слышен шум подъехавшего автомобиля.

Дмитрий Павлович. Автомобиль!

Пуришкевич. Не может быть так скоро.

Три гудка.

Они.

Пуришкевич и Дмитрий Павлович поспешно поднимаются в тамбур.

Дмитрий Павлович. Останемся здесь.

Пуришкевич. Поручик, дуй во всю «Янки Дудль».

Голос Распутина. Куда, милай?

Голос Феликса. Сюда, Григорий Ефимович.

Наверху, в тамбуре, стоят, прислушиваясь, Дмитрий Павлович, Пуришкевич и поручик С. Играет граммофон. Через минуту к стоящим присоединяется Лазаверт, который прошел через кабинет Феликса. В столовую входят Распутин и Феликс.

Феликс. Никого... Убежали...

Распутин. А кто убежал-то, кто, милай?

Феликс. Ирина и дамы. Пили чай, видите... Услышали, что мы приехали,— испугались...

Распутин. А я разве страшный?.. Я дамочек люблю, меня дамочки не боятся... Ирина твоя наверху, значит? Куда убежала-то?.. Туда?.. *(Идет к двери, ведущей на винтовую лестницу.)*

Феликс. К ней нельзя, туда нельзя!..

Распутин. Почему туда мне нельзя?

Феликс. Там незнакомые...

Распутин. Я и незнакомых люблю...

Феликс. Две старые дамы...

Распутин. Ну, это другое дело. *(Возвращается к столу.)*

Феликс. Григорий Ефимович, садитесь... Чай... Я налью...

Распутин. Так я не прозяб, с чего же я чай-то буду пить?

Феликс. Вот пирожные,— пожалуйста... Вот эти — розовые,— кажется, ваши любимые.

Распутин. А я у тебя есть не стану. *(Смеется.)* А-ха-ха, испугался... Чего у тебя губы-то трясутся?.. С морозу, что ли?.. Ты сам выпей...

Феликс. Выпью, выпью. *(Наливает.)* Ну, вот... Ирина с дамами сидела здесь, пили, ели... Позвольте, я положу. *(Кладет ему на тарелку.)* Эти дамы хотели раньше уехать, немного задержались... *(Разламывает пирожное и ест.)* В самом деле — почему вы у меня не хотите есть, отказываетесь от моего гостеприимства! Даже обидно.

Распутин. Съел, кабы знал...

Ф е л и к с. Что бы вы знали?

Р а с п у т и н. Кабы знал,— какое она, Ирина-то, надкусила,— вот это бы съел.

Ф е л и к с *(подавая)*. Вот это...

Р а с п у т и н. Нет, это дело темное...

Ф е л и к с. Я не понимаю... Вы просто хотите меня обидеть.

Р а с п у т и н. За что ты меня ненавидишь, Феликс?.. За что, а? милай?

Ф е л и к с *(овладев собой)*. Давайте по правде, Григорий Ефимович, начистоту.

Р а с п у т и н. Давай, давай, правду я люблю, я сам — правда...

Ф е л и к с. За что я могу вас любить? Разумеется, я вас не люблю, Григорий Ефимович.

Р а с п у т и н. Правильно, Феликс. Во, самая точка — режь правду.

Ф е л и к с. Но вами очень, очень интересуется моя жена.

Р а с п у т и н. Ну, что ты?..

Ф е л и к с. Я человек честолюбивый, хочу занять высокое положение в правительстве... Будем друзьями, Григорий Ефимович...

Р а с п у т и н. Смышленый юноша, далеко пойдешь.

Ф е л и к с. Кушайте, Григорий Ефимович...

Р а с п у т и н. Что ты ко мне с этой пищей лезешь?.. Что я — голодный?.. Я только что поужинал... Наелся... Ну, зови, зови Ирину-то. А то внезапно огорчусь, расстроюсь... Уйду, ей-богу.

Ф е л и к с. Хорошо, позову. *(Поднимается наверх, в тамбур.)*

Распутин в это время оглядывает, обнюхивает стол.

П у р и ш к е в и ч. *(Феликсу шепотом.)* Ну, что он?

Ф е л и к с. Ничего не выходит.

Д м и т р и й П а в л о в и ч. Почему?

Ф е л и к с. Это животное не пьет и не ест...

П у р и ш к е в и ч. А как его настроение?

Ф е л и к с *(растягивая)*. Неважно. По-моему, он настороже, догадывается.

Дмитрий Павлович. Идите, идите, Феликс, иначе он сюда за вами прилезет...

Феликс. Попробую еще. *(Спускается вниз к Распутину.)* Дамы уже прощаются. Через две-три минуты Ирина сойдет вниз. Очень просила вас подождать *(Идет к столику у окна, раскупоривает вино.)* А вы любите женщин, Григорий Ефимович?

Распутин. А кто их не любит-то, мертвые не любят. Женское, это — благодать божья. Это — не грех... Это — самое сладкое, сырое.

Феликс. Ха, сырое, да. *(Ставит перед Распутиным две рюмки и бутылку, наливает вино, себе берет прозрачную рюмку.)*

Распутин. Ты, Феликс, почему у доктора Бадмаева не бываешь?

Феликс. У Бадмаева, зачем? Я здоров.

Распутин. Полезный человек Бадмаев. У него травки есть. Ух, травки.

Феликс. Какие травки? *(Чокается с рюмкой Распутина и пьет маленькими глотками, внимательно следя за рюмкой Распутина.)*

Распутин. Любовные травки... Это не грех, смотри, любить никогда не грешно... Ласковые травки у Бадмаева. Нальет он тебе в рюмочку, махонькую такую рюмочку, этой травки, настоечки. *(Берет темную рюмку.)* Выпьешь, и захочется тебе бабу ласкать... Ну, сравнить ни с чем нельзя.

Феликс *(чокается)*. За здоровье Бадмаева.

Распутин. Можно. *(Пьет.)*

Феликс, вытянув шею, смотрит, как он пьет.

Сходи, сходи к Бадмаеву, нужный человек.

Феликс пододвигает ему блюдо с пирожными. Распутин берет и закусывает.

Бывает,— скучно тебе, тоска, ни на что бы не глядел... Другая травка есть у Бадмаева против этого... *(Икнул. Налил мадеры, выпил, съел пирожное.)* На что я здоров, а прибегаю, прибегаю. *(Оборвал, икнул.)*

Феликс. Действует?

Распутин. Действует, действует... *(Оборвал, пристально глядит на Феликса.)* Ты что на меня вылупился?

Феликс. Ты государыню тоже этой травкой поишь?

Распутин. Ты что?.. Да как ты смеешь про маму так говорить... Уйду я... Ну тебя к черту...*(Поднялся.)*

Феликс *(оскорбленно, надменно)*. Что?!.

Распутин берет с камина шапку.

Распутин. То-то — «что». Молод на маму лапу поднимать, дерзок...

Феликс. Ну, бросьте, я пошутил... Не уходите, Григорий Ефимович, нет, это просто невозможно... Ирина сейчас, сейчас придет.

Распутин. Врешь, ее и дома нет...

Феликс. Сядьте, сядьте, сядьте, дорогой, ну, простите. *(Сажает его на диванчик, перед которым лежит шкура белого медведя.)* Она сейчас... Хорошо?.. *(Поспешно поднимается по лестнице.)*

Пуришкевич. Что у вас там происходит?

Феликс *(отчаянным голосом)*. Яд не действует.

Дмитрий Павлович. Как не действует?

Феликс. У него только непрерывная отрыжка и слюнотечение... А съел он штук шесть пирожков и выпил две рюмки яду.

Дмитрий Павлович. Это дьявол какой-то!..

Лазаверт. А-а-а-а... *(Схватился за горло, пошатнулся, шатаясь, пошел по переходу в кабинет, где и повалился на диван.)*

Феликс. Он обо всем догадывается... Я не могу глядеть в его глаза...

Пуришкевич. Яд никуда не годится?

Феликс. Я попробовал на кошке,— сдохла...

Поручик С. Тут чертовщина какая-то...

Дмитрий Павлович. Господа, отпустим его, пускай убирается... Как-нибудь при других условиях сплавим его.

Пуришкевич. Живым Распутин отсюда не может и не должен выйти.

Дмитрий Павлович. Но как же быть?

Пуришкевич. Ваше высочество, прикажите, я спущусь и уложу его из моего «соважа».

Дмитрий Павлович. Да, но шум, выстрелы, кровь... Хлопотливо.

Феликс. Он явится домой и сейчас же будет телефонировать в Царское.

Поручик С. Яд может подействовать, когда он вернется, а там — вскрытие, и мы погибли...

Дмитрий Павлович. Тогда, господа, бросим жребий,— кому...

Феликс. Нет, разрешите уже это сделать мне. *(Сбегает вниз, где на диване сидит Распутин, часто икая. Выдвигает ящичек стола, берет револьвер.)*

Распутин. Что же Ирина-то? Врешь ты все, врешь, мальчишка... Я слышал, как ты наверху бубнил... Бу-бу-бу... Ты меня чем опоил, ах ты сукин...

Феликс быстро к нему подходит, держа револьвер за спиной. Распутин поднимается, протягивает руку.

Не смей!.. *(Секунду держит его в оцепенении взглядом.)*

Феликс. Сволочь! *(Стреляет.)*

Распутин дико вскрикивает, валится навзничь на белую шкуру. Закрывает правой рукой глаза.

Пуришкевич, Дмитрий Павлович, поручик С. молча, горохом, скатываются с лестницы. Подбегают к телу, перед которым стоит Феликс, держа револьвер.

Пуришкевич. Готов. Слава богу. *(Крестится.)*

Дмитрий Павлович. Убит. Хороший выстрел.

Поручик С. Наповал. В грудь...

Пуришкевич. Скорей, скорей, поручик, раздевайте его.

Поручик стаскивает с Распутина поддевку, сапоги, берет шапку.

Ваше высочество, не теряя минуты, поезжайте на вокзал. Сжечь шубу, шапку, боты, все, все...

Дмитрий Павлович. Да, да... Едем, едем...

Пуришкевич. Лазаверт, а где Лазаверт?.. Доктор!.. *(Бежит наверх в кабинет.)*

Поручик, Дмитрий Павлович и Феликс уходят в дверь столовой.

Пуришкевич *(наверху в кабинете расталкивает Лазаверта на диване)*. Доктор, стыдитесь, какое малодушие!.. Вставайте!.. Ну!..

Лазаверт. Мне стало дурно... Извините, моя комплекция...

Пуришкевич. Немедленно гоните на вокзал...

Лазаверт. Слушаюсь... *(Уходит.)*

Пуришкевич один наверху, в кабинете. Закуривает сигару. Прислушивается к последующей сцене внизу, в столовой, на цыпочках с револьвером идет к винтовой лестнице.

Феликс *(в то же время возвращается в столовую через столовую дверь, подходит к Распутину, садится перед ним на корточки, щупает пульс, слушает сердце)*. Да, убит...

Распутин открывает глаза. Приподнимает голову и с нечеловеческой ненавистью глядит на Феликса.

Феликс *(откидывает голову, открывает рот, в ужасе расширяет глаза)*. А!

Распутин. Феликс... Феликс... Феликс... Феликс... *(Приподнимается и хватает Феликса за горло.)*

Феликс издает дикий, раздирающий крик... Тогда Распутин бросает его и бежит к двери.

Распутин. Феликс, Феликс, все скажу маме... *(Гасит свет и исчезает за дверью столовой.)*

Пуришкевич *(сбегает с лестницы в столовую, в темноту)*. Что? Что? Что?

Феликс *(в темноте)*. Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив!

На дворе появляется бегущий Распутин. Два выстрела. Позади него появляется Пуришкевич. Схватывает зубами себя за левую руку и стреляет. Распутин падает, Пуришкевнч бьет его сапогом в голову

Пуришкевич. Собака!.. Врешь!.. Сдохнешь!..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в Царскосельском дворце. Вырубова без чувств в кресле. Протопопов, одетый в шитый мундир, перед ней со стаканом воды.

Протопопов. Ради, ради бога, Анна Александровна, вот вода... успокойтесь... Побольше мужества... Это — испытание, посланное богом... Не поддавайтесь искушению... Григорий Ефимович с вами незримо. Душа его скорбит, видя ваше отчаяние... Анна Александровна, выпейте немного воды, я умоляю. *(Отхлебывает из стакана и вспрыскивает Вырубову.)*

Вырубова *(очнувшись)*. Подождите, что вы делаете? *(Приподнялась, глядит на Протопопова.)* Замучен!.. *(Закричала, заткнула себе рот платком, судорожно сдерживаясь, рыдает.)*

Протопопов. Тише, тише, тише, нельзя так... *(Зажимает уши руками.)* Я сам могу закричать...

Вырубова. Его святое тело — отравлено, прострелено, избито...

Протопопов. Он — на небе, на небе, на небе.

Вырубова. Я хочу его здесь...

Протопопов. Невозможно.

Вырубова. Его глаза архангела, его благоухающий рот, его могучие руки... мертво... холодно... растерзано!..

Протопопов. Я вам говорю, что он свят... Он с нами, он здесь... *(Вдруг указывает на свет, падающий из окна.)* А... что это?.. вы видите?.. Вы ничего не видите?.. Кто это?..

Вырубова *(трясется как в лихорадке)*. Свет... Луч...

Протопопов. Мелькнула светлая тень...

Вырубова. Где, где, светлая тень?

Протопопов. Ах, если бы здесь была государыня, боже, боже...

Два ливрейных лакея появляются, отворяют дверь, становятся с боков. Вырубова быстро вытирает глаза, делает улыбку. Протопопов хватает портфель, замирает, весь готовый устремиться к двери. Входит царица.

Царица *(быстро, внимательно оглядывает выражение лиц у присутствующих)*. Здравствуйте, Александр Дмитриевич. *(Кивком головы приказывает лакеям удалиться.)* Какие новости вы мне привезли сегодня? Да, в эти дни не может быть хороших новостей.

Вырубова. Сана, не волнуйтесь, заклинаю вас всеми святыми...

Царица. Мне нужно успокоиться? Почему? *(Садится.)* Александр Дмитриевич, вы нашли его?

Протопопов. Да, нашли, ваше величество.

Царица *(после мгновения колебания)*. Наш друг жив?..

Протопопов. Нет, ваше величество, замучен и зверски убит...

Царица *(встает, выпрямляясь, глаза ее высыхают)*. Я плохо поняла... Что совершено над нашим святым другом?..

Протопопов. Беспримерное злодеяние...

Царица. Где найдены останки нашего святого друга?

Протопопов. В полынье под мостом на Малой Невке. Осмотр на месте обнаружил, что Григорий Ефимович был еще жив, когда его бросали в полынью. Оттуда же извлечены его шуба, шапка и один бот...

Царица. Хорошо, бог накажет русских за это... Что сделано с убийцами?

Протопопов. Я взял на себя смелость применить репрессии по отношению одного из членов императорской фамилии,— Дмитрию Павловичу запрещен выезд из Петрограда. Князь Юсупов подвергнут домашнему аресту.

Царица. Так. Я была уверена, что Дмитрий и Юсупов готовили что-то ужасное... Хорошо... Злодеи понесут высшую кару... Еще что?

Протопопов. Полиция и следственные власти производят обыск и допросы во дворце князя Юсупова. Остается только неясным один из сообщников убийства и затем труп застреленной собаки, найденный во дворце перед решеткой... Завтра я буду иметь счастье...

Царица. Труп собаки?.. *(Протягивает руку к Вырубовой, которая вынимает английскую соль и дает царице нюхать.)*

Вырубова. Мое солнышко... моя любимая... моя страдалица... *(Гладит и целует ей руки.)*

Царица. Хорошо, это уже прошло. Александр Дмитриевич, я разрешаю вам говорить неофициально. Положите ваш портфель и сядьте. Мы осиротели... Мы здесь сироты, потерявшие пастыря... Мы наденем траур... Горе заставило меня потерять самообладание, но я знаю,— именно теперь на меня ложится вся тяжесть царского венца... Этот венец хотят забросать грязью и обрызгать кровью... *(Выпрямляясь.)* Но я буду жестока, я буду беспощадна, я буду бороться до конца. Святая душа Григория поможет мне.

Протопопов поднимается, глаза его блуждают, он как бы в самозабвении, проводит рукой по волосам.

Вырубова *(в ответ на изумленный взгляд царицы)*. Сана, он видел нашего друга.

Царица. Когда?

Вырубова. За секунду перед вашим приходом.

Царица. Молчи, что ты говоришь? где видел?

Вырубова. Григорий вошел в луче солнца в окно... Сана, он и сейчас видит его...

Царица. Тише, не спугни... Я чувствую присутствие света...

Протопопов *(слегка завывающим, истерическим голосом)*. Приблизься, приблизься, прекрасный дух... Не смотри на меня так невыносимо... Облеченный в солнце... Кто ты?.. *(Вскрикивает.)* Отец... друг... Григорий... Чего ты хочешь?.. Кого ты ищешь здесь?.. меня... зачем... пощади... мне больно... зачем ты рвешь мое сердце... О, как сладок твой поцелуй.

Вырубова. Григорий целует, целует... *(Поднимает руки и несколько раз кружится.)*

Протопопов. Что ты делаешь со мной?.. Я мал, я убог, ты хочешь войти в меня... Ты входишь в меня! О Григорий, о свет небесный! *(Также поднимает руки*

и кружится вокруг себя). Во имя духа, во имя духа, во имя духа... *(Издает вопль.)*

Царица поднимается и дико смотрит на него. Протопопов начинает говорить голосом Распутина.

Ну, я здесь. Ну, я с тобой, мама. Здравствуй.

Царица. Здравствуй, здравствуй, Григорий.

Протопопов. И жив вечно... Свет вокруг меня... Ангелы... Я в Протопопова вошел... Это я, ты не бойся, мама... Протопопов хороший человек... преданный человек... держись за него, мама... Протопопов тебя спасет и Алешу спасет... Протопопов твое царство спасет... Мама, милая, дорогая, пребываю, благославляю, приказываю, мама, мама, что ты медлишь... Опомнись, бери власть... Бери державу... Единая венценосная, мать сына твоего... Александра Великая... Первая... единая... регентша... Регентша... регентша... регентша... *(Начал кружиться.)* Во веки веков... аминь. *(Упал.)*

Царица *(в исступлении).* Григорий, Григорий... я слышу тебя!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Там же, конец февраля. Протопопов ходит взволнованный, останавливается перед лакеем.

Протопопов. Ты сам из народа?

Лакей. Так точно, ваше превосходительство.

Протопопов. Обожаешь свою государыню?

Лакей. Так точно, ваше превосходительство.

Протопопов. Ты что же, всем доволен, братец?

Лакей. Так точно, ваше превосходительство.

Протопопов. Ну а не хотел бы, например, чтобы у нас была республика?

Лакей. Так точно, ваше превосходительство.

Протопопов. Ты из народа,— скажи, ну, объясни, чего они хотят?

Лакей краснеет и выкатывает глаза.

Протопопов. Я тебя спрашиваю, если будет довольно хлеба, то и все будут довольны?.. Ведь так?

Лакей. Так точно, ваше превосходительство.

Царица *(входит)*. Здравствуйте, Александр Дмитриевич, что нового в Петрограде? Ани заболела корью.

Протопопов. Ваше величество, боже, боже, горе слезное, и роскошь сделалась бесценной, и кимвалы без защиты.

Царица. Аминь. Беспорядки, я надеюсь, кончаются?

Протопопов. Ваше величество, я говорил с народом, я разговаривал даже с извозчиками инкогнито,— все обожают свою государыню, но хотят хлеба и сухарей. Беспорядочные толпы рабочих, дезертиров и обывателей продолжают скопляться на улицах.

Царица. Необходимо ввести карточную систему, и они успокоятся. Теперь карточки в каждой стране, и все довольны. У нас же ничего не умеют устроить.

Протопопов. Ваше величество, проект карточной системы у меня в портфеле. До его введения мы будем выпекать хлеб в военных пекарнях. Господь поможет нам. У нас достаточно войск. Боже, боже, храни венценосцев... Сегодня толпой убит полицейский пристав на Знаменской площади.

Царица. Он будет в раю.

Протопопов. Толпа убила еще несколько человек... Вся беда от зевающей публики, раненых солдат и курсисток, которые подстрекают рабочих.

Царица. Можно удивляться: у них нет каких-то сухарей, и они делают беспорядки. Это — исключительно хулиганское движение. Мальчишки и девчонки бегают по городу и кричат, что у них нет хлеба, исключительно для того, чтобы создать возбуждение. А рабочие бегают и кричат только потому, что не желают работать.

Протопопов. Исключительное хулиганское движение.

Царица. Я уверена, что если бы погода была очень холодная, например — мороз градусов девятнадцать или двадцать, они бы все сидели дома.

Протопопов. Хороший мороз моментально бы прекратил революцию.

Царица (*изумленно, насторожилась*). Революцию?

Протопопов. Простите, у меня жар, ваше величество, у меня бред... Я взволнован...

Царица (*показывает телеграмму*). Александр Дмитриевич, вот телеграмма государя в ответ на мои отчаянные телеграммы... «Мысленно постоянно с тобою. Дивная погода. Масса новых снимков».

Протопопов. Боже, боже, храни его.

Царица. Государь, как ребенок, не понимает, что в эти дни нельзя заниматься фотографией. Мои глаза болят от слез, но я решилась...

Протопопов. В священном заговоре императрицы примут участие все верные слуги, все, кто носит бога в сердце.

Царица. Сегодня же вы пошлете курьера в Швейцарию передать ответ графу Чернину — мое согласие... Мир...

Протопопов. Слушаюсь, ваше величество.

Царица. Я вызвала генерала Хабалова. Сейчас при вас я прикажу ему оцепить войсками Государственную думу и арестовать всех. Завет отца Григория будет исполнен.

Протопопов (*падает на колени, протягивает руки*). Приветствую правительницу России... Грядет царствие Алексея Второго...

Хабалов (*быстро входит, красный, возбужденный*). Ваше величество!

Царица. Генерал!

Хабалов. Чрезвычайно тревожные известия, ваше величество. Я прискакал, простите Христа ради... Сейчас близ Царского мой автомобиль был обстрелян...

Царица (*звонит*). Я слушаю вас.

Хабалов. Резервные полки отказываются стрелять в народ.

Царица. Они не хотят стрелять? Как же они смеют не хотеть?

Хабалов. Войска совершенно деморализованы... Командный состав арестован или разбежались... Солдаты смешиваются с толпой. Ваше величество, необходимо хотя бы один кавалерийский кадровый полк... Одного удара по Невскому будет достаточно, чтобы разогнать весь сброд.

Лакей входит.

Царица. Стакан воды.

Лакей уходит.

Хабалов. Иначе я ни за что не отвечаю.

Протопопов. Ваше превосходительство, все-таки странно — тридцать тысяч войск не могут справиться с какими-то хулиганами.

Хабалов. Попробуйте, ваше превосходительство, командовать сами петроградским гарнизоном... Казармы полны агитаторов. Повсюду разбрасываются преступные листки...

Царица. Возьмите сводный полк... Гвардейский экипаж...

Хабалов. А вдруг, ваше величество, среди них революционеры, и вы останетесь без охраны. С минуты на минуту беспорядки могут перекинуться в Царское.

Протопопов. Невозможно.

Хабалов. Нельзя ли получить кадровые войска хотя бы из Пскова?

Царица. Я телеграфирую в ставку — выслать отряд и командование поручить преданному нам генералу Иванову.

Хабалов. Слушаюсь. *(Садится, пишет телеграмму.)*

Протопопов. Главное пустить слух, что у нас много сухарей, запасы сухарей. Население обожает царствующую семью и хочет хлеба.

Хабалов. Подпишите, ваше величество.

Царица подписывает телеграмму.

Я печатаю воззвание к населению в самых решительных и успокоительных тонах: сухарей сколько угодно, подвоз муки обеспечен, население должно в порядке

разойтись по домам, крикуны расстреливаются на месте...

Лакей входит с подносом.

Протопопов. Наша опора — господь и молитвы святого друга, который там предстательствует.

За окном пение, крики, выстрелы. Лакей роняет поднос. Царица вскрикивает. Все кидаются к окну.

Царица. Что это? С флагами?

Хабалов. Я говорил — перекинулось... Это — конец...

Протопопов. Вы не смеете впадать в панику, ваше превосходительство.

Царица. Какие-то оборванцы... Возмутительно... Мои матросы не допустят...

Пение за окнами.

Они должны стрелять...

Протопопов. Стрелять... стрелять... *(Держась за голову, раскачивается.)*

Царица. Почему матросы не стреляют?..

Протопопов на цыпочках незаметно уходит из комнаты.

Царица. Вот мои матросы... Они бегут... Что они делают?..

Хабалов на цыпочках незаметно выходит из комнаты.

Они давали присягу... Они покидают меня? *(Оборачивается, видит, что осталась одна, спиной к окну, вцепилась в подоконник, глаза с ужасом расширены.)* Они ушли!..

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Там же. Вырубова сидит на койке в жару. Царица у окна. Рассвет.

Вырубова. Где государь? Сана, где государь? Пошли за ним аэроплан. Прошу тебя, котик.

Царица. Ани, ляг, тебе вредно волноваться. Я хотела послать аэроплан, но все летчики исчезли.

Вырубова. Где государь?

Царица. Государь во Пскове,— не имея за собой армии, пойман, как мышь в западню... Я буду стоять до конца. Венец дан мне богом, и один бог вправе отнять его. Если государя принудят дать конституцию,— то это еще не значит, что мы навсегда отречемся от своих прав. Бог любит своего помазанника и восстановит его в своем праве... И мы не обязаны исполнять того, что вырвано недостойным образом... О, только пусть он не дает им уступок... Никаких уступок негодяям и бунтовщикам...

Вырубова. Нас все бросили. Я боюсь. Мне страшно, Сана...

Царица. Две роты сводного полка верны мне... Они охраняют дворец и не впустят чернь... О боже, боже мой... Только бы продержаться еще несколько дней... Ани, я послала ему телеграмму во Псков и с минуты на минуту жду ответа... Я телеграфировала: никаких уступок... Пусть он будет на этот раз тверд... Войска на фронте узнают, что их императора задержали в каком-то Пскове какие-то железнодорожники и оборванцы... Войска возмутятся, разнесут, разнесут проклятый Петроград... Какая низость!.. Какая подлость!.. Задерживать своего государя... О, они потерпят жестокую кару там, в Петрограде...

Вырубова. Мне страшно... Ты слышишь... Уходят... Это войска уходят.

Царица. Ани, сегодня вершина несчастий, но бог поможет нам. Мне говорили сегодня, Дума и Советы уже грызутся не на живот, а на смерть... Временное правительство и Советы — две змеи, они грызут друг другу головы. Они уже в панике... Еще несколько дней, и эта Дума, эти депутаты, эти социалисты приползут сюда на коленях пресмыкаться, будут умолять меня взять власть...

Лакей входит с подносом, на котором телеграмма.

Вырубова. От государя?

Царица *(берет телеграмму)*. Иди...

Лакей уходит.

Не понимаю. Это — не от государя... Это — моя телеграмма ему... Псков... Тут что-то написано карандашом... «Местонахождение адресата неизвестно»... Почтовый чиновник называет императора всероссийского «адресат»!

Звонок телефона.

Вырубова. Сана, Сана, я говорю, его уже нет во Пскове.

Царица. Нет, я уверена, государь сейчас снова во главе войск.

Звонок. Царица берет трубку.

Я не могу... Это так страшно... Нет, нет... *(Опять в трубку.)* Павел, да, это я с тобой говорю... Я не понимаю тебя... Я не понимаю тебя...

Вырубова *(берет трубку)*. Сана, это известия со станции Дно... Государь отрекся от престола за себя и за наследника.

Царица. Это ложь... он лжет!.. Тогда пусть войска присягают мне... *(Бежит к окну и отворяет его.)*

Слышна песня уходящих войск.

Проклятые... И они уходят... Последние...

Вырубова. Сводный полк?..

Царица. Все... Мы брошены...

Вырубова. Я не хочу... Я не хочу умирать... Сана, мне страшно... Ты слышишь... сюда идут...

Царица. Но я не отреклась от престола. Они увидят меня, и они испугаются.

За окном крики, песня. Входят четверо рабочих с винтовками и становятся у дверей, сурово, как бы не замечая царицы.

Кто вы такие? Как вы осмелились войти?.. Пошли прочь...

Рабочий. Вы арестованы, гражданка.

Занавес

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Любовь Александровна Кольцова — девушка из провинции.

Алеша (Алексей Иванович) — вузовец.

Иван Кузьмич Шапшнев — управдом, бывший лавочник.

Адольф Рафаилович Рудик, блестяще одет. Делец.

Семен Визжалов, он же граф Табуреткин, вор.

Марго — девушка легкого поведения, сожительница Визжалова.

Михаил Михайлович Бирюков — председатель жилтоварищества.

Валентин Аполлонович Хинин — актер-эстрадник.

Евдокия Кондратьевна Журжина — домашняя портниха, средних лет.

Федор Павлович Июдин — зловредный старичок.

Теппер — крупье.

Григорий Захарович — содержатель кавказского кабачка.

Газетчик.

Левкин.

Человек в тюбетейке.

Ухов, субиряк.

Лоханкин — клубный жучок, или марафон.

Соня Огурцова — проститутка.

Посетители игорного клуба: нищий на костылях, толстомордый бандит, сердитая женщина, шкеты, торговцы и другие.

Первое действие — на дворе дома на Петербургской стороне.

Второе действие — в игорном клубе.

Третье действие — в кавказском кабачке.

Четвертое действие — на набережной у ворот дома на Петербургской стороне.

Между первым и четвертым действиями проходит несколько часов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор на Петербургской стороне. Направо и налево — двери черных ходов. У двери направо надпись: «Управдом». Сбоку, в глубине, покатая крыша сарая. На ней лежит Левкин, голый. В глубине — набережная, река, баржа с булыжником. Алеша возит тачкой камни с баржи на берег. Налево, у черного хода, на табуретке сидит Журжина, шьет. По двору гуляет Июдин с собакой. В окне, за горшками с цветами, виден управдом Шапшнев. Слышен гул воздушного винта. Июдин, Журжина, Шапшнев — в окошке, Марго — в окошке, Алеша — на набережной — поднимают головы и глядят на небо.

Хинин *(торопливо высунулся из окна)*. Что случилось? В чем дело? *(Взглянул на небо.)* Дирижабль... Эка штука. *(Скрылся в окне.)*

Шапшнев. Резиновый. *(Скрылся в окне.)*

Журжина. Летят люди выше птицы небесной, летают выше облаков. Как это они летают? Отчего, Федор Павлович?

Июдин. Водород. Накачают в баллон, посадят комсомольцев и летают. Ничего хитрого.

Шапшнев *(в окне)*. Один обыватель заинтересовался — полетать. Его подняли. Он оттуда турманом — как загудит!.. Вот тебе и полетел...

Июдин. Потише орите, у моей собаки желудок действует. *(Разглядывает в лупу что-то на земле.)*

Шапшнев. Константин!

Журжина. Дворник ушедши, Иван Кузьмич.

Шапшнев. Куда?

Журжина. С какой-то дамочкой на Елагин остров.

Шапшнев. Это ему у Рудика полтора рубля дали,— дрова носил. Нет чтобы не пропить. *(Потянул носом.)* Это откуда вонища?

Журжина. В шестнадцатом номере требуху варят,— ведь праздник, Иван Кузьмич.

Шапшнев. Какую требуху? Телячью? *(Не получив ответа, скрылся.)*

Июдин *(Журжиной)*. Я так это и знал.

Журжина. Знаете, Федор Павлович, я сегодня сон видела, такой приличный, интересный...

Июдин. У Мономаха опять пузырчатые глисты.

Журжина. Скушали они что-нибудь неподходящее.

Июдин. Пыль, несущаяся по неметеным и отвратительным улицам, содержит в себе пузырчатые глисты. Они попали в желудок моей собаки благодаря Откомхозу.

Шапшнев *(опять в окне)*. Это что такое насчет Откомхоза?

Июдин. От имени моей собаки благодарю Отдел коммунального хозяйства за санитарное состояние нашей набережной.

Шапшнев. Вот как. *(Скрылся.)*

Журжина. Федор Павлович, извините меня, расскажу вам про этот сон мой. Увидела я аккурат наш двор и все такое грязное, облупленное — обыкновенное. И будто я вот так же сижу, шью панталоны проститутке Марго. *(Кивает на окошко.)* Вон ей. И будто несут по двору шелковое платье,— вот так — на обеих руках,— белое подвенечное, с кружевам. И я еще думаю: как так? Неужели в нашем доме невеста? Кто она? И сама я плачу, сама рыдаю. И хочу спросить: кто невеста, кто она? И тут невеста выходит с черного хода и берет это шелковое платье. Знаете, кто она? Люба.

Июдин. Какая Люба?

Журжина. Ну, Люба Кольцова, из третьего номера, Любовь Александровна. Ее беднее на нашем дворе нет. Она из Рязани, рассказывают, пешком при-

шла. Ну, просто пришла в Ленинград за счастьем. И она, безусловно, голодная, безработная.

Июдин. Так что же, по-вашему?

Журжина. Нет, Федор Павлович, эта девушка должна скончаться в непродолжительном времени. Белое платье — саван.

Июдин. Ну...

Журжина. Саван. *(Вытирая глаза.)* Такая прелестная, приличная...

Марго *(высунувшись из окна, вытряхивает юбку)*. Про кого это?

Шапшнев *(из окна)*. Эй, там,— в шестнадцатом номере, трясете!

Марго. А что,— нельзя?

Шапшнев. Постановлением правления трясти ковры, дорожки, шерстяные вещи дозволяется только от шести до восьми утра.

Марго. Так это же юбчонка.

Шапшнев. Все равно, и юбку трясти воспрещается.

Марго. Извините. *(Скрылась.)*

Бирюков *(появляется на дворе с большим листом, прикрепляет его к двери управдома)*. Хочешь не хочешь, а прочтешь...

Июдин. Председатель опять какую-нибудь гадость приклеит.

Журжина *(мотает головой)*. Тише, тише.

Июдин. Мономах, назад!

Бирюков *(насмешливо)*. Мономах.

Июдин. По конституции не запрещается называть собак монархическими именами. Вот и — Мономах.

Бирюков *(зовет)*. Товарищ Шапшнев!

Шапшнев *(в окне)*. Здесь, Михал Михалыч.

Бирюков. Хорошо бы клейстеру.

Шапшнев. Сейчас я с клейстером.

Бирюков. Пролетел первый советский дирижабль, первый пробный полет. А у нас хоть бы что,— сидят, сны толкуют. Да про глисты. Да, уж у нас дом — болото!

Июдин. Не агитация — факты нужны.

Бирюков. И будут.

Ш а п ш н е в *(вышел во двор, подает клейстер)*. Вы его слюнями разболтайте, засох.

Б и р ю к о в. Опять от вас запах тяжелый, товарищ Шапшнев.

Ш а п ш н е в. Зуб лечил. Полрюмки на дупло — моментально проходит.

Б и р ю к о в *(приклеив лист)*. Почитайте. Для всех сознательных и для всех бессознательных. *(Отходит и читает список недоимщиков.)*

Ш а п ш н е в *(читает объявление)*. «Сегодня розыгрыш государственного выигрышного займа. Можно приобрести билет с перестраховкой за рубль шестьдесят копеек. Каждый должен испытать счастье. Все — на площадь Лассаля».

Б и р ю к о в. Кольцова, Любовь Александровна, из третьего номера, задолжала за четыре месяца с пенями шестьдесят семь рублей семьдесят восемь копеек,— надо бы пристращать.

Ш а п ш н е в. Стращал, Михал Михалыч.

Б и р ю к о в. Деньги, деньги нужны. *(Зовет.)* Товарищ Левкин.

Л е в к и н *(садится на крыше)*. Есть.

Б и р ю к о в. Будет тебе спать-то.

Л е в к и н. Ну и фиолетовые лучи на этой крыше! Как кипятком дерет. Третья шкура слезает.

Б и р ю к о в. Едем на взморье.

Л е в к и н *(соскакивает с крыши и бежит мимо Журжиной на набережную)*. Сейчас, за веслами сбегаю.

Б и р ю к о в *(Шапшневу)*. Постращай. А то ведь никто не платит. Ну и жители! *(Уходит за Левкиным.)*

Ш а п ш н е в. Шапшнев стращай, Шапшнев клейстер вари, и все с Шапшнева спрашивают, и всё Шапшнев не угодил, от Шапшнева дух тяжелый. *(Стучит в окно Любы.)* Гражданочка!

Ж у р ж и н а *(по поводу Левкина)*. И бежит по двору голый мужчина, как это понять, извините, Федор Павлович. В прошлое воскресенье пошла я на Крестовский, на плешь, на самый песок. Раскинулась я с ревматизмом. И что же, Федор Павлович, выходят из воды две мущины, совершенно голые, ну, со-

вершенно. Ну, такие могучие, представьте себе, выходят, и я тут одна на песке. Вы понимаете, Федор Павлович, я зажмурилась, ну, совершенно как в обмороке. Как это понять?

На соседнем дворе играет шарманка.

Шапшнев. Нет там никого. Когда это она уйти успела?

Июдин (*читает объявление*). Выиграешь черта с два.

Из дома выходит Семен Визжалов, направляется к объявлению.

Семен. Граф Табуреткин вышел на двор из своего роскошного особняка и, заметив столпление народа, воскликнул: граждане, чем интересуетесь? Здравствуйте, Иван Кузьмич!

Шапшнев. Здравствуй, сволочь!

Семен. Разрешите полюбопытствовать... (*Читает объявление.*)

Июдин (*оглянув Семена*). Да, тут нужно отойти подальше.

Шапшнев. Ты что же, сукин сын, опять в четвертом номере замок ломал?

Семен. Когда?

Шапшнев. Вчера ночью.

Семен. Кто, я? Граф Табуреткин? И тут граф, выйдя из последнего терпения, как развернется... Это не я ломал. В своем районе я никогда себе этого не дозволяю.

Шапшнев. А вот я сейчас схожу за милиционером.

Семен. У графа было восемнадцать приводов, но ни одного вещественного доказательства. Прощайте, Иван Кузьмич.

Шапшнев. Прощай, сволочь.

Из дома выходит Хинин, взволнованно.

Хинин. Что такое? Что за объявление? Опять повышение квартплаты? Заранее говорю — не плачу... Судитесь.

Семен. Будет вам трепаться-то, Валентин Аполлонович.

Хинин. А, граф Табуреткин. Здравствуй, Семен. Ну, как? Воруешь?

Шапшнев. Когда же это его профессия.

Семен. Жизнь графа была покрыта сплошным мраком... Вот, например... *(Выхватывает колоду карт.)* Колода карт. Никакой мистификации,— удостоверьтесь. Одно голое счастье. *(Присаживается, раскладывает три карты.)* Вот червонная дама. Удостоверьтесь. Гривенник ставка. Угадаете между трех карт червонную даму,— ваше.

Шапшнев. Ну, знаешь, за это...

Хинин. Брось. В трынку не играю.

Семен. Ставка — гривенник серебром. Ваши два шанса, мой — один.

Шапшнев. Знаешь, за это тебя не погладят. *(Присаживается, играет.)* Вот эта.

Семен. Угадали. Ваше.

Хинин. А ну-ка я. *(Бросает гривенник.)* Эта.

Семен. Угадали. Ваше.

Шапшнев. Иду на двугривенный...

На набережной появляется Люба, Алеша с тачкой спускается с баржи.

Люба. Алеша!

Алеша. Ну, что? Вышло место?

Люба. Ничего не вышло. И разговаривать не хотят.

Алеша *(перевернул тачку, подошел к Любе)*. Так как же теперь? *(Поправляет очки.)*

Люба. Ничего не знаю. Камни выгружать?

Алеша. Бросьте. Надорветесь.

Люба. А почему вы не надорветесь?

Алеша. Мне что... Только есть очень хочется,— в три или четыре раза против нормального... С утра и до ночи думаю о чайной колбасе.

Люба. Больше ни о чем не думаете?

Алеша *(взглянув на нее)*. Вы про что?

Люба *(зловеще)*. Скоро узнаете — про что. Пожалеете...

А л е ш а. Надо спокойно относиться ко временным затруднениям... Я думал: почему бы вам не сдать половину комнаты спокойной жиличке?..

Л ю б а. Может быть, вы еще о чем-нибудь думали?

А л е ш а *(посмотрел на нее)*. Вы про что?

Л ю б а *(рассердилась)*. Да ни про что я...

А л е ш а. Я уже предпринял некоторые шаги, но кого ни спросишь, все разъехались на дачу. Будто это какая-то европейская буржуазия,— на дачу...

Л ю б а. Бывает же такое счастье у человека,— в кармане — бац — два или три червонца... Это значит: море, песок, ветер... *(Кричит.)* Не дача, а — песок и море, и у меня — белое платье. А вы как думали?.. И чтобы мне говорили слова... А не про чайную колбасу.

А л е ш а. Какие слова?

Л ю б а. А вот такие,— каких нет в ваших книжках.

А л е ш а *(подумал)*. Вы про что?

Л ю б а. Вот вы, должно быть, многого добьетесь в жизни,— сразу видно...

А л е ш а. Я тоже так думаю... *(Поправляет очки.)*

Л ю б а. Из одного города приехали, с одной улицы... Вы-то, что же,— много умней меня, много лучше?

А л е ш а. Вы, Люба, горячее... Зато у меня больше выдержки...

Л ю б а. У вас все складно выходит... У меня ни черта не выходит. Никогда не выйдет... *(Отходит.)*

А л е ш а. Люба... возьмите у меня денег...

Л ю б а. Испугались? А? *(Внимательно глядит ему в глаза.)*

А л е ш а. Вы про что?

Л ю б а. Не испугались? Эх, вы...

А л е ш а. Цыганский пот прошибет с вами разговаривать. Загадки, вопросы. Возьмите три рубля...

Л ю б а. У вас не возьму.

А л е ш а. Почему? Я же как товарищу.

Л ю б а. Не хочу.

А л е ш а. Сложно. *(Опустив голову, рассуждает.)* Очевидно, психология женщины много запутаннее, чем психология мужчины... В то время, когда мы сосредоточиваем всю энергию на достижение одной...

Люба ушла. Он поднял голову.

Ушла... да... Я редкий осел... *(Взял тачку, покатил на баржу.)*

Шапшнев *(бросив карту, пошел навстречу Любе)*. Погодите-ка, гражданка.

Люба остановилась, нахмурилась.

Я к вам с большой неприятностью.

Люба. Ну?

Шапшнев. Что же вы,— будете наконец платить за квартиру? Это безобразие надо кончить.

Люба *(взмахнула головой)*. Сейчас — нет.

Шапшнев. Граждане, вы слышали.

Подходят Июдин, Хинин, Семен и Журжина.

Июдин. Позвольте, позвольте, в чем дело. Насчет квартплаты?

Шапшнев. Нагло отказывается. А виноват всегда Шапшнев,— почему не стращает.

Семен *(спокойно)*. За это гражданочку мало в клочки разорвать.

Июдин *(Любе)*. А на какие средства, я спрашиваю, мы будем ремонтировать крышу, которая течет?

Журжина. В шестнадцатом номере,— это у них привычка,— откроют кран в ванной и сами уйдут на весь день. И вся вода через потолок на мою кровать, и воды по щиколотку.

Шапшнев. Погоди, мы не про то.

Хинин. Граждане... Я, как представитель искусства, как артист, как трудящийся, выражаю самый решительный протест. Заматывание квартплаты надо кончить раз и навсегда. Нужно дать отпор.

Семен. Будет трепаться-то, Валентин Аполлонович...

Хинин. Гражданин Визжалов, прошу не перебивать... В моей квартире начали ремонт, развалили обе печки, и ремонт прерван на неопределенное время. *(Указывая на Любу.)* Из-за подобных безответственных личностей у нас не хватает денег на ремонт... Товарищи, задачи революционного строительства — бороться за каждую копейку квартплаты.

Шапшнев *(широко улыбается)*. Правильно.

Семен. Этот вбил гвоздь.

Июдин *(Любе)*. Нынче не девятнадцатый год. Каждое ведро помоев, которое вы изволите выливать в мусорную яму, обходится жилтовариществу в одну девятую копеечки.

Люба. Но я же говорю, что у меня нет денег.

Семен. Совершенно случайно, гражданочка, мне известно, что у вас в кошелечке водится выигрышный билет номинальной стоимостью в десять рублей золотом.

Шапшнев. Вот как — выигрышный билет?

Хинин. Ага! Выигрышный билет.

Люба. Выигрышный билет мне дала мама, когда я уезжала из Рязани. Дала на счастье.

Все засмеялись.

Июдин. Вот так счастье!

Шапшнев. Удружила мамаша!

Хинин. Так и платите им за ремонт моей печки.

Люба *(протягивает билет Хинину)*. Возьмите.

Журжина. Смотрите,— материний подарок.

Хинин. Передайте управдому.

Семен *(заглянув в кошелек Любы)*. Зловещая пустота.

Люба *(Шапшневу)*. Значит, я заплатила десять рублей в счет долга.

Шапшнев. Как так? Он этого не стоит. Да и вообще, граждане домовые жильцы, принимать ли?

Хинин. Вопрос крайне серьезный.

Июдин. Решим на летучем собрании.

Семен. На голосование. Кто воздержался?..

Шапшнев. Не вертись ты около нас, котище проклятый.

Журжина. Я воздерживаюсь. *(Отходит и садится снова около крыльца.)*

Шапшнев. Ведь, может быть, этот билет в тираж вышел.

Июдин. Не брать, нет.

Хинин. В таком случае — черт с ним.

Шапшнев. И номер какой-то подозрительный: серия «А», пять нулей, единица.

Семен (*заглядывая в билет*). Пять нулей, единица... Вот так матерний подарок.

Хинин (*заглядывая в билет*). Пять нулей, единица... Ерунда!

Июдин. Давно в тираже. (*Отходит.*)

Шапшнев. Возьмите билет, гражданочка. Завтра подаем на вас в народный суд.

Люба. Но в чем же я провинилась? Я не виновата, что у меня нет денег. Подождите немного... Мне обещали найти жиличку. Если вы меня выселите,— что же остается? В Неву, что ли, кинуться?..

Шапшнев. Нас это не касается.

Люба (*изумленно*). Вас это не касается? Но если так, то я, конечно, пойду и кинусь... и записку оставлю, что вы виноваты...

Шапшнев. Не запугаете.

Хинин. Не на таких наскочили...

Семен. Эта кинется, очень просто... (*Отходит, садится на дрова.*)

Люба (*растерянно*). Придет осень... Я поступлю на службу... Я поступлю на драматические курсы. Я заплачу. (*Обрадовалась.*) Я напишу в Рязань... Мне пришлют.

Журжина (*Июдину*). И берет она подвенечное платье, и я уже понимаю, что это — саван.

С черного хода появляется Рудик. Люба порывисто идет к нему.

Люба. Гражданин Рудик...

Рудик. Адольф Рафаилович... К вашим услугам.

Люба. Купите у меня билет... это необходимо...

Рудик (*рассматривая билет*). Серия «А». Пять нулей, единица. (*Засмеялся, протянул билет обратно.*) Я не играю. Мерси, барышня...

Люба. В таком случае... дайте мне денег... взаймы...

Рудик. Ого! (*Шарит в кармане.*) Копеек сорок...

Люба (*струсив*). Нет... шестьдесят семь рублей... Все равно — меньше...

Рудик. Вот как,— шестьдесят семь рублей или меньше... Но, знаете, денежки я держу в банке. Вы

поняли меня? Сегодня праздник, и, к сожалению, принужден вам отказать. *(Отходит.)*

Люба. Хорошо... Благодарю вас.. *(Опустив голову, медленно идет к себе.)*

Шапшнев. Адольф Рафаилович, насчет фановой трубы заявленьице надо подписать...

Рудик. Ах, эта вечная канцелярщина. *(Идет к двери управдома.)*

Хинин *(повышенно)*. Адольф Рафаилович, на два слова...

Рудик. Нуте...

Хинин. Есть контрабандные носки, дивное мыло, заграничная помада и кое-что другое...

Рудик *(оглядываясь)*. Знаете,— контрабанда...

Хинин. Вчера из Парижа... Сбегать?

Рудик. Ну, если французский товар...

Рудик и Шапшнев уходят в контору. Хинин убегает к себе. Июдин ушел на набережную, Семен сидит на дровах. Журжина шьет. Люба уходит к себе.

Журжина *(вслед Любе)*. Сердце болит за эту девушку.

Семен *(на дровах, задумчиво)*. А что такое честный человек? Нет ответа. Где они, эти честные-то? Мучительный вопрос. И кругом одна жестокая скука.

Алеша *(проходит в глубине и кричит кому-то)*. Левка, Мишка... Ты куда? Купаться?.. Подожди, я с вами...

Журжина. Ну, прямо не могу... *(Идет к Любиному окну.)*

Семен. Это из мыслей графа Табуреткина.

Журжина. В таком состоянии она,— долго ли до беды... *(Заглядывает в Любино окно.)*

Люба с силой его распахивает.

Люба. Вы зачем подсматриваете?.. Что вам еще от меня нужно?

Журжина. Виновата. *(Семенит обратно.)*

На дворе появляется мальчик-газетчик.

Газетчик. Красная вечерняя. Рождение волосатого младенца о двух головах на Выборгской стороне. Кулидж собирается проглотить Францию. Гибель Исаакиевского собора. Полный подробный список сегодняшних выигрышей государственной лотереи.

Семен. Дай газету.

Газетчик (*подает ему газету и уходит в дом*). Красная вечерняя. Тайна женского туловища...

Журжина. Девушке, молоденькой в особенности, трудно, невозможно пробиться в жизни. Затопчут люди.

Люба (*выходит из дому*). Нет, не затопчут... (*Уходит на набережную и скрывается за углом.*)

Журжина. Куда это она пошла? (*Поднялась.*) Ай... Ай... Да, Семен же, догони ее..., ай... топиться побежала...

Семен. Чепуха. (*Махнул рукой, развертывает газету.*)

Марго (*выбегает на двор*). Кто топиться побежал?

Журжина. Кольцова... Держите ее...

Марго. Евдокия Кондратьевна, как страшно!..

Голос Любы. Алеша... Алеша!..

Марго. Жива еще... зовет...

Голос Любы. Алеша...

Люба появляется на набережной.

Алеша...

Журжина. Они купаться ушедши... Вот только что на лодке уплыли...

Люба. Ушел купаться... Но ведь он слышал, что здесь происходило? (*Глядит в сторону реки.*) Хорошо. Тогда — пусть купается.

Журжина (*толкает Марго*). Помоги ты ей, Марго, ты опытная. Вот горе-то... Пальцы ломает...

Марго (*Любе*). Гражданка... извините меня... я не такая ужасно образованная, но все-таки...

Журжина. Вы ее послушайте. Она сквозь огонь и воду прошла.

Люба. В лицо им швырну деньги... Научите, где мне достать?

Марго. Это можно даже очень просто разными способами.

Журжина. Она научит.

Марго. Торговать телом вы, безусловно, не станете. Этого и не потребуется в данном случае,— сумма небольшая.

Люба. Огромная! Шестьдесят семь рублей!

Марго. Одну мою подругу, Соню Огурцову, конечно, собрались также выселять с милиционером. Туда-сюда, а платить ей тридцать червонцев за две роскошные комнаты.

Журжина *(всплескивая руками)*. Батюшки, ну, как же она?

Марго. И вдруг ее надоумили: достань, говорят, сколько ты можешь,— ну, рублей пять. Одним словом, тебе терять нечего, попытай счастья...

Люба. Счастье?.. Я хочу, хочу попытать счастья... Научите меня,— где?

Марго. Обыкновенно,— в игорном клубе.

Люба. Я пойду туда. Ваша подруга выиграла?

Марго. Кроме того,— заказала себе роскошное манто.

Люба. Сейчас туда можно пойти?

Марго. Круглые сутки отперто. Конечно — солидный игрок приезжает в клуб после трех часов ночи. Сейчас там элемент не денежный, больше со столов полтинники тырят, чем играют, но попытать можно...

Люба. Пойдемте со мной, Марго.

Марго. Евдокия Кондратьевна, у меня дома требуха варится, так вы присмотрите. А ключ Семену отдайте.

Журжина. Покойненько, покойненько идите обе, я присмотрю... Дай вам господи.

Из дома выходит Хинин со свертком.

Люба *(Марго)*. У меня только выигрышный билет. Как быть?

Марго. Ничего, там возьмут. У меня есть знакомый жучок, Лоханкин, он поможет...

Семен *(вдогонку Марго)*. Ты куда это — туфли шмарыгать?

Марго. Это уж наше дело.

Люба и Марго уходят. Журжина их провожает.

Хинин *(газетчику, который вышел из дому)*. Вечернюю!

Газетчик. Полный подробный список выигрышей государственной лотереи. Сегодняшний выигрыш в двадцать пять тысяч...

Из конторы выходят Шапшнев и Рудик.

Рудик. Пст!.. газетчик.

Шапшнев. Какой такой выигрыш?

Газетчик. Выигрыш в двадцать пять тысяч рублей, ваше междометие.

Шапшнев. А ну, дай-ка сюда газетку.

Газетчик уходит, крича на набережной. Рудик, Хинин, Шапшнев и Семен на дровах — с развернутыми газетами. Пауза.

Семен. Изобретены питательные лепешки из человеческих отбросов.

Рудик *(вздыхает)*. Эх-хе-хе...

Шапшнев. А интересно, какой это номер выиграл? *(Не спеша надевает пенсне.)*

Рудик. Ясно — какое нибудь учреждение.

Хинин. Шаляпин признал эс-эс-эс-эр.

Семен. Да, все-таки загнула эта женщина на Охте — с двумя головами младенец в бараньей шерсти. Врачи надеются определить пол.

Рудик. Пустая газета.

Шапшнев *(читая)*. Сегодняшний выигрыш в двадцать пять тысяч...

Хинин. А ведь кто-то сегодня купит газету за пятачок, развернет — его номер...

Шапшнев *(дико вскрикивает)*. А!.. *(Глядит, точно проглотил рыбью кость.)* Серия-то у нее какая?..

Хинин. У кого?

Шапшнев. Серия «А», спрашиваю?..

Рудик. Слушайте, слушайте... Да быть этого не может! *(Ищет в газете.)*

Шапшнев *(кидается к окну Любы)*. Гражданка Кольцова... Любовь Александровна... *(Стучит.)*

Рудик. Ну, да... серия «А»... пять нулей, единица...

Шапшнев *(в окно Любы)*. Я согласен... дайте билет... Вот деньги.

Хинин. Как? Выиграл этот самый билет?

Семен внимательно прислушивается, смотрит в газете. Вскакивает, идет к окну Любы.

Шапшнев *(страшным голосом)*. Куда она опять ушла?

Хинин. Позвольте, но ведь она его мне предложила.

Рудик. То есть как это вам?.. Вы мне голову не вертите... Я купил билет,— все свидетели.

Хинин. Идите к черту. При свидетелях мне первому предложила.

Шапшнев. Нет, уж вы, граждане, оставьте колбаситься. Билет предложен мне как управдому.

Семен пробирается незаметно к набережной.

Рудик. Мне это смешно даже слушать. Вы отказались, и она предложила мне...

Секунда паузы. Все обернулись в сторону Семена. Он спрашивает у снова появившейся Журжиной.

Семен. Да в какой клуб?

Журжина. Не знаю, не знаю.

Семен. Труперда! *(Поспешно уходит.)*

Рудик. Я вас рассужу... Как пить дать — билет мой.

Шапшнев *(щелкнув зубами)*. Мой билет.

Хинин. А я говорю — мой билет.

Шапшнев. А вот я за милицией сейчас пойду.

Хинин. Нет, не пойдешь.., Чувырла!

Шапшнев. И на тебя, сукин сын, донесу, контрабандист!.. Это что у тебя в бумаге?

Хинин. Не твое дело.

Шапшнев. Не мое?..

Хинин. Не твое.

Рудик. Слушайте, мы только теряем время...

Хинин (*Шапшневу*). А я вот догоню сейчас Кольцову, да и скажу, что ее билет выиграл. Вот вам всем — фига!..

Шапшнев (*засучивается*). Ну-ка, еще покажи.

Хинин. На, понюхай.

Шапшнев (*сгреб его за волосы*). Милиционер!..

Хинин. Пусти, подлец!

Рудик. Ну, перестаньте. Так мы никогда не договоримся. (*Разнимает их.*) Слушайте, я придумал выход...

Шапшнев. Придумал?

Хинин. Какой выход?

Рудик. Мы будем стараться захватить у Кольцовой этот билет. Кому из нас троих удастся забрать билет, тот берет себе пятнадцать тысяч. Остальные получают по пять тысяч. Ну, что?

Шапшнев. Придумал.

Хинин. Хорошо. Согласен.

Шапшнев. Ладно... Только вот что... Друг от друга не отбиваться... (*Журжиной.*) Ты не видала,— Кольцова в какую сторону пошла?

Журжина. Видала. Вон туда.

Шапшнев. Куда именно?

Журжина. Пошла в клуб. В карты играть. Выиграю, говорит, и в рожу им эти деньги швырну... И Семен туда же за ними пошел.

Все трое окаменели, слегка присели. Вскрикнули и побежали по набережной.

Шапшнев. Погодите меня, погодите, товарищи...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Угол комнаты в игорном клубе. Налево — ниша и два столика. Направо — арка, за ней буфет. Голые, запачканные стены. Зеленый стол. За ним — крупье Теппер. Вокруг стола: человек в тюбетейке, в рваном френче, мрачный и больной; Соня Огурцова, в розовом платье; Иван Ухов, сибиряк, лохматый, черный лицом, с провалившимися глазами; толстомордый бандит в кожаной куртке; толстая сердитая женщина; нищий на костылях; жучок Лоханкин; шкеты, торговцы, девицы, оборванцы. За аркою в буфете играет оркестр — две гармонии и пианино.

Пауза. Играющие смотрят на человека в тюбетейке. Он открывает карту.

Теппер. Банк выиграл. *(Собирает лопаткой деньги.)* Вы куда, куда деньги-то тащите? — выиграл банк, слушайте как следует.

Лоханкин. Извиняюсь. Я не ставил, извиняюсь... Я на минуточку только деньги на стол положил, чтобы высморкаться...

Соня. Он врет, гражданин крупье, он ставил.

Теппер *(зовет)*. Старшина.

Лоханкин. Чуть что — старшина. Человеку высморкаться не дают.

Теппер. В банке тридцать рублей. Прошу делать игру. *(Ставят. Он считает ставки.)* Шесть, десять, восемнадцать, двадцать шесть... Два рубля свободны... Кто ставит два рубля? *(Бандиту.)* Куда рукой-то полез? Убери руку... Полтинник свободный. Кто желает поставить полтинник? *(Соне.)* Перестаньте колоть вашего соседа...

Соня. Извиняюсь, я его не колю. Он сам мне деньги сует.

Человек в тюбетейке *(скребет под столом ноги. Глухо)*. Замучила ты меня. Отвяжись от меня.

Лоханкин *(Соне)*. Ты зачем сказала, что я ставил?

Соня. Гражданин крупье, запретите Лоханкину меня шантажировать.

Лоханкин. Задрыга!

Теппер. Ставок больше нет.

Человек в тюбетейке медленно мечет, трет карты о сукно. Входят Люба и Марго. Лоханкин подскакивает к ним.

Лоханкин. Обратите внимание на дамочку рядом с банкометом. Это аферистка. Ей ничего не стоит человека зарезать. Как она у него деньги сосет, так просто ужас.

Ухов. Карту.

Лоханкин *(Любе.)* Вы здесь в первый раз? А я вчера восемнадцать тысяч проиграл, прямо обидно.

Марго. Слушай, Лоханкин, мы играть пришли...

Ухов. Шесть.

Человек в тюбетейке. Семь.

Теппер. Банк выиграл. *(Бандиту.)* Опять вы куда ручищу-то тянете, вы не ставили. Гражданин на костылях, вам рубль. Дамочка, не хватайте деньги... Спокойно, спокойно.

Лоханкин *(Любе)*. С этим, в тюбетейке, боже сохрани, не ходите. Он вас заведет куда-нибудь на пустырь и задушит. У него все тело в лишаях. Страшно нервный. Смотрите, Сонька-то его как обрабатывает, пиявка...

Соня *(человеку в тюбетейке)*. Да не сую деньги в чулок, я проиграла. Дай, ну, дай, ну, дай трешницу...

Человек в тюбетейке. Не дам больше. Отвяжись от меня.

Теппер. Снимаете банк?

Человек в тюбетейке. Нет.

Лоханкин. Зарывается, глядите, зарывается. Это она его сосет. *(Подбегает к человеку в тюбетейке.)*

Теппер. В банке пятьдесят семь рублей. Делайте игру.

Человек в тюбетейке *(яростно чешет ноги,— Лоханкину)*. Замучили. Отстаньте от меня, гражданин.

Теппер *(считает ставки)*. Пятнадцать, двадцать семь... Лоханкин, отвяжитесь от банкомета. Пятьде-

сят три... *(Бандиту.)* Опять ручищами полезли. *(Замахивается лопаткой.)* Четыре рубля не покрыты. Вы там, в очках, заснули? Старшина!..

Лоханкин *(возвращаясь к Любе)*. Этот банк обязательно сорвут.

Теппер. Кто желает поставить четыре рубля?

Лоханкин. Ставьте. Берите меня в часть.

Марго. В самый раз поставить. Только у нас — билет, а не деньги.

Лоханкин. Наплевать. *(Берет билет.)* Я имею из него полтинник. Гражданин крупье, мы покрываем. Принимаете?

Теппер *(берет билет)*. Пять нулей, единица. Серия «А». *(Человеку в тюбетейке.)* Принимаете за четыре рубля?

Человек в тюбетейке. Принимаю.

Теппер *(бросает билет на стол)*. Банк покрыт.

Человек в тюбетейке мечет.

Марго *(Любе)*. Значит, выиграете, и у вас будет восемь рублей, и опять их поставите,— у вас будет шестнадцать, и опять их поставите,— у вас будет...

Ухов. Карту.

Лоханкин *(Любе)*. Жир. Плохо наше дело.

Люба. Почему? Мы проиграли?

Лоханкин *(указывая на человека в тюбетейке)*. Говорят, будто это московский шулер,— вот в чем беда...

Человек в тюбетейке. Восемь... *(Волнение за столом.)*

Марго. Вот черт, и нет билета.

Лоханкин. А что я говорил?

Ухов *(вскакивает, взлохмаченный, швыряет карты)*. Неправильная игра. Здесь с накладной играют. *(Общий шум.)*

Соня *(визжит)*. Деньги растаскивают.

Соня, бандит и еще несколько человек кидаются к деньгам.

Теппер *(колотит их по головам лопаткой)*. Правильная, правильная, правильная игра... Старшина!

Человек в тюбетейке, захватив деньги, встает, идет в буфет. В арке его задерживает Соня.

Люба *(Лоханкину)*. Я не понимаю,— мы проиграли?

Лоханкин. Что вы дуру-то валяете,— не понимаю... *(Скрывается.)*

Люба. Марго, Марго, где же мой билет?

Марго. У этого московского... Вот, черт возьми, неудача...

Люба. Что же нам теперь делать? Я хочу еще раз попытать счастье. Я попрошу, чтобы он на минутку вернул мне билет. Хорошо? Я только выиграю и отдам. Хорошо? Можно?

Марго. Кто его знает. Эти московские такие требовательные... От денег откажешься. Каждому своя жизнь дорога.

Люба. Ах, дорога жизнь. Моя жизнь сейчас четыре рубля стоит. *(Делает движение по направлению человека в тюбетейке.)*

Марго ее удерживает.

Марго. Сонька Ноздря с ним. Она вас даже до разговора не допустит. Лучше уж я попытаюсь. Вы посидите тут.

Марго идет к человеку в тюбетейке и скоро скрывается с ним и с Соней в буфете. Люба садится налево за столиком. Около нее останавливается Ухов, шарит в карманах.

Ухов. Были, ведь были... Оставались.

Лоханкин *(принимая жестами и выражением лица участие в поисках денег)*. Неужто остались? Неужто не все роздали?

Ухов. Нет еще. Не все роздал. Остались. *(Нашел, считает.)*

Лоханкин. Знаете, красный купец, плакать хочется,— как вы проворачиваете червонцы.

Ухов. Жалко. Очень меня жалко. *(Садится за стол Любы.)*

Лоханкин. Вот я иначе, как наверняка, не играю. В других клубах сажусь за стол, так все разбегаются. *(На ухо.)* Здесь меня еще не знают. Хотите играть пополам. Давайте деньги, давайте. Отыграемся...

Ухов (*вытянув бороду.*) Кабы ты был человек, я бы дал, а ты марафон.

Лоханкин (*шмыгнув*). Глупее глупого. (*Отошел.*)

Ухов (*кладет руку на руку Любы*). Ты что, паразит, сидишь невеселая?

Люба (*вырывает руку*). Не лезьте.

Ухов. Ну, все равно — угощу тебя мадерой, раз ты голодная. Официант, подай нам бутылочку мадеры позабористее. (*Любе.*) А ведь ты не знаешь, кто с тобой сидит, кто я?

Люба. Неинтересно — кто вы.

Ухов. Как неинтересно. Я замечательно интересный. Трое суток спать не ложился. Не хочу. В гробу насплюсь. Семь тысяч верст ехал с Алдана,— неужели за тем, чтобы спать? Все клубы обошел. Сколько я денег раскидал,— бери, кто хочет. Одну ночь за мной воры, калеки, бродяги целым табуном ходили. А проиграл... (*Приносят мадеру.*) Видишь... (*Показывает деньги.*) На дорогу осталось и за мадеру заплачу. Пей. Запомни навсегда,— угощал тебя Иван Ухов из Новосибирска. (*Отечески.*) Ты паразит, твое дело маленькое, а я большой человек, я дикий человек. Почему ты у меня денег не просишь?

Люба (*решительно*). Мне нужно ровно четыре рубля, чтобы отыграться.

Ухов (*громко захохотал*). Четыре рубля!.. Ей больше не нужно. Широко живет... Ну, до чего же люди смешные. (*Отсчитывает четыре рубля.*) Куропаточка ты моя, в тайге я долго жил, не видал вас... Вон они какие, хитрые, как комары.

Люба (*протягивает руку. Честно*). Я только поставлю, выиграю и сейчас же вернусь, чтобы доказать, что я вас не обманываю.

Ухов. Чемодан денег привез в Ленинград. Все пропер в три дня. Жалко, но не очень. Выпей мадерки.

Люба (*в отчаянии*). Не хочу.

Ухов. Опять в тайгу вернусь копать золото. Опять сюда приеду. Ждите. У меня душа веселая. Мне все — смех да хохот. Ты, девчоночка, думаешь,— в четырех

рублях свет клином сошелся? *(Молча заплакал.)* Был бы жив человек. А ты, чай, топиться хотела? Выпей мадерки.

Люба *(выпивает)*. Больше от меня ничего не потребуется?

Ухов важно, молча протягивает ей четыре рубля.

Теппер. Кто желает поставить?

Люба *(идет к игорному столу, обернулась)*. Я вернусь.

Ухов. Дурочка, дурочка. Но хитрей комара. *(Вытирает глаза. Через некоторое время уходит совсем из залы.)*

Теппер *(Любе)*. Можете поставить.

Через залу проходит Семен прямо в буфет. Любы не видит.

Лоханкин *(Любе)*. Как мы условились, значит, я имею в четырех рублях свой полтинник.

Теппер *(банкомету)*. По таблице должны прикупать.

Лоханкин. Сейчас будут деньги.

Теппер. Банк выиграл.

Лоханкин плюнул, отошел.

Люба. Ужасно. Это ужасно. *(Возвращается к столу, видит, что Ухова нет. Села. Оглядывается.)* Это совсем ужасно.

К ней поспешно подходит Семен.

Семен. Любовь Александровна... Что же это вы в самом деле... как не догадаться... сказали бы только: Семен, достань денег... Да я для вас украсть, кажется, готов.

Люба. Ничего не понимаю.

Семен. Скажите, билет при вас?

Люба. Проиграла.

Семен. Ох... Бить вас мало... Кому проиграли?

Из буфета в левую кулису идет человек в тюбетейке.

Люба. Вот ему.

Семен. Ему? Вы хорошо запомнили? Этому?..

Идет бочком, бочком, примериваясь за человеком в тюбетейке. Оба скрываются.

Люба *(встряхнув головой)*. Как все странно. *(Встала, пошатнулась, жалобно улыбнулась.)* Вот странно,— все плывет, падает, уплывает... *(Села.)* Напоили... пьяная. Этого еще недоставало.

Марго *(быстро подходит к ней)*. Отдал. *(Бросает билет на стол.)* Таких дураков сроду не видала. Безусловно, он в меня влюбился. Я и так к нему сяду и так сяду. И будто у меня чулок сваливается. Платье деру вниз, плечо заголяю. Глазами мигаю, губы облизываю. Влюбился. Сидит, хрипит. Ладно, говорит, с меня, говорит, довольно, я больной, у меня ноги чешутся. И мне билет через стол — швырк.

Люба. Вот я его сейчас поставлю. *(Встает.)*

Марго. Да вы пьяная! Когда же это вы успели? Ну, пьяным всегда везет.

Теппер. Кто желает поставить?

Люба *(громко)*. Я.

Теппер. Пожалуйста.

Люба ставит.

Ваш билет идет за четыре рубля.

Слева выбегает человек в тюбетейке, разводит руками и кричит.

Человек в тюбетейке. Люди божие!.. люди божие!..

Теппер. Что вы орете?

Человек в тюбетейке. Ограбили меня. Люди божие, помогите.

Соня *(в арке)*. Нашел, когда бога помянуть.

Теппер. Не орите. Кто вас ограбил?

Человек в тюбетейке. В нужнике. Наскочил блондин среднего роста... Опомниться не успел... Люди божие!..

Теппер. Старшина... Пройдите в комендантскую.

Человек в тюбетейке. Блондин.. в модном галстуке... я, хорошо помню.

Несколько человек его уводят в комендантскую.

Т е п п е р. Спокойно. Игра продолжается.

М а р г о. Ни в каком случае это не Семен его ограбил, он никогда себе этого не позволит в публичном месте.

Т е п п е р. Банк проиграл.

М а р г о *(Любе)*. Берите скорей деньги. Выиграли.

Т е п п е р *(Любе)*. Хотите метать банк?

Л ю б а. Хочу. *(Садится за стол.)* Только вы покажите, как нужно играть.

Т е п п е р. В банке восемь рублей. Игра сделана. *(Любе.)* Сдавайте. Карту сюда, карту себе. Еще раз.

Л о х а н к и н *(протискиваясь к Любе)*. Значит, мы банк пополам держим...

Т е п п е р. Старшина! Вывести Лоханкина.

Л о х а н к и н. Извиняюсь. *(Скрывается.)*

Т е п п е р *(Любе)*. Теперь посмотрите свои карты.

Л ю б а. У меня — дама и девятка.

Т е п п е р. В банке пятнадцать рублей.

М а р г о *(Любе)*. Снимите половину, крупье разрешит.

Л ю б а. Нет.

В залу вбегает Р у д и к, а за него цепляется Ш а п ш н е в.

Ш а п ш н е в. Вы не бегите впереди нас.

Р у д и к. Оставьте мой пиджак.

Вбегает запыхавшийся Х и н и н.

Х и н и н *(Рудику)*. Виноват, я спрашиваю — почему именно я за вешалку заплатил?

Ш а п ш н е в. Да, почему?

Р у д и к. А я за извозчика платил... Вы оба норовите на шермака.

Ш а п ш н е в. Кто оба?

Р у д и к. Что вы ко мне привязались? Идите себе домой.

Ш а п ш н е в *(зловеще)*. Домой...

Х и н и н *(дьявольски хихикая)*. Сам иди домой.

Р у д и к. Видите же,— ее здесь нет.

Х и н и н. Нет, она здесь. Больше клубов нет,— мы все обошли.

Они становятся. Играет оркестр гармонистов.

Шапшнев. Сутки здесь буду стоять, не двинусь.

Рудик. Ужасная духота. Фу!

Шапшнев. Потерпишь.

Хинин. И под роскошным костюмом часто скрывается негодяй...

Рудик. Оставьте ваши намеки.

Люба. Девятка.

Рудик, Хинин и Шапшнев заметили Любу. Первым кинулся к ней Рудик, в него вцепились. Не пускают друг друга.

Рудик. Товарищи, нельзя троим сразу.

Шапшнев. А как уговаривались?

Хинин. Да, как уговаривались?

Рудик. Поймите же, идиоты, она может каждую минуту билет проиграть.

Теппер. В банке шестьдесят пять рублей.

За столом остались два-три человека.

Марго *(Любе)*. Снимайте, снимайте. Уходите...

Люба. Но мне нужно шестьдесят семь. Тут не хватает.

Марго. Сорвут. Ну, мой совет, не зарывайтесь...

Люба. Посоветуйте мне, гражданин крупье.

Теппер. Вы можете снять, если хотите.

Рудик, Шапшнев и Хинин подошли к столу и стали напротив Любы. Улыбаются ей, кланяются, махают ручкой. Люба поднялась, глядит на них с ужасом.

Люба. Это вы?

Рудик. Это мы... *(Приветствует.)*

Хинин. Здравствуйте, дорогая, солнышко.

Шапшнев. Пришли должок с вас получить. Это я шучу.

Люба *(провела рукой по глазам. Села, взмахнула головой. Решительно)*. Банк продолжается.

Теппер. Маловато игроков.

Рудик. Вместе с выигрышным билетом в банке шестьдесят пять рублей. Ва-банк. *(Бросает на стол деньги.)*

Шапшнев. Чур, уговор.

Хинин. Да, уговор.

Р у д и к. Давайте карту.

Люба быстро сдает. Пауза.

Р у д и к *(торжествующе ударил картой)*. Восемь!

Ш а п ш н е в. Хо-хо!

Х и н и н. Наше.

М а р г о. Не послушали вы меня... Псу под хвост какие деньги...

Л ю б а. Девять.

Марго всплескивает руками.

Т е п п е р. Банк выиграл.

Р у д и к *(разводя руками)*. Первый раз такой случай.

Л ю б а. Банк продолжается.

М а р г о *(кидаясь к ней)*. Умру на этих деньгах... Не дам больше играть...

Л ю б а. Пустите... Я им отомщу...

Т е п п е р. В банке сто двадцать три рубля. Делайте игру.

Х и н и н *(Рудику)*. Режь ее, режь ва-банк...

Р у д и к. Дело в том, что я не взял с собой столько денег. Банкомет, надеюсь, поверит мне. Я заплачу завтра.

Л ю б а. Нет, я вам не верю.

Х и н и н *(отталкивая Рудика)*. Пустите. Я сам иду ва-банк.

Т е п п е р. Эклэрэ. Покажите ваши деньги.

Х и н и н. Я артист Хинин,— вам этого мало? *(Швыряет на стол бумагу.)* Вот,— если здесь не верят честному слову...

Т е п п е р. Это же не деньги, гражданин.

Х и н и н. Это контракт с неустойкой в Севзапкино.

Л ю б а. Не верю... *(Шапшневу.)* Вы — играете?

Ш а п ш н е в *(Любе)*. Часы золотые, на семи камнях, анкерные, золото двенадцать золотников,— примете против банка?

Т е п п е р. Предметы и драгоценные вещи ставить не полагается. Банк снялся. *(Кладет лопатку.)*

Через минуту он уходит совсем от опустевшего стола.

Л ю б а *(берет деньги, встает)*. Марго, смотрите, сколько денег. Я никогда столько и не видала.

М а р г о. Их даже сосчитать невозможно.

Люба и Марго отходят и садятся налево за столик. Рудик, Хинин и Шапшнев стоят в арке и совещаются.

Л ю б а. Марго, какая я счастливая. Сколько счастья в этих бумажках. Какие они грязные, мятые. Мне хочется поцеловать это счастье.

М а р г о. За квартиру заплатить это, безусловно, для вас — первее всего.

Л ю б а. Белое платье. Белые чулочки. Новенький чемоданчик и билет на поезд, на взморье.

М а р г о. Туфли парусиновые. Сонька Ноздря уверяла,— роскошные за семь с полтиной.

Л ю б а. Лежать на песке у моря. В высоте облака и ветер. И — волны, шумные, добрые.

М а р г о. А рубашки и панталоны, полдюжины, закажите у Евдокии Кондратьевны, с кружевом. *(Начинает пальцем трогать глаза.)*

Л ю б а. И знать, что тебя ждет любимый человек, близорукий, смешной...

Марго тихо заревела.

Марго, миленькая, зачем вы плачете?

М а р г о. Вам этот капитал легко достался.

Л ю б а. Марго, ребенок мой чудный, не плачьте. Возьмите у меня эти деньги.

М а р г о *(трясет головой)*. С какой стати...

Л ю б а. Мы их сейчас разделим. Ведь если бы не вы, я бы не выиграла. Вот это — управдому...

М а р г о. Обязательно.

Л ю б а. Вот эту пачку — вам. Берите,— я обижусь. В лавочку — двадцать рублей. Остается у меня... Вот так фунт гвоздей... Остается у меня... рубль, два, трешница... больше червонца... *(Спохватилась.)* Нужно ведь этому вернуть четыре рубля... *(Оглядывается.)* Лохматому. Он очень хороший человек... Он что-то мне сказал, я не помню! — но такое милое. Куропаточка ты моя, живи счастливая. *(Засмеялась.)* Марго, вы куда?

Марго. В уборную, нос надо попудрить. *(Уходит и через минуту возвращается.)*

Люба. Значит, остается у меня два с полтиной и билет. *(Рассматривает билет.)* Ну, ничего, были бы живы, друг милый Алеша,— нам нипочем.

Рудик *(проходит мимо Любы, вкрадчиво)*. Я так виноват перед вами, уважаемая Любовь Александровна, что хотел бы чем-нибудь загладить свою вину. Разрешите вас угостить приличным ужином. Поедемте с нами в ресторан.

Люба. Оставьте меня в покое. *(Отвернулась.)*

Хинин *(проходя мимо Любы)*. Божжже мой, божжжже мой... *(Сжимает руки, трясет ими.)* Божжже мой... божжжже мой... Девушка... цветущая яблонька... широко открыты глаза... Какая красота!.. *(Забирая воздух носом.)* Молиться на эту красоту...

Люба. Вы это мне говорите?..

Хинин. Бережно склониться перед весенним цветком....

Люба. Да вы с ума сошли...

Хинин. Поедемте с нами в ресторан. Мы вполне порядочные люди. Мы будем молитвенно дышать вашим ароматом...

Люба. Оставьте меня, пожалуйста, в покое.

К ней подходит Марго. Люба берет ее под руку.

Эти, троица, ругали меня последними словами, а сейчас зовут в ресторан. Марго, в самом деле,— поедемте вдвоем куда-нибудь, вы, наверно, знаете куда. Я вас угощаю ужином. Ужасно есть хочется.

Марго. К Григорию Захаровичу поедем.

Люба и Марго идут к выходу. Шапшнев преграждает им дорогу.

Шапшнев. Любовь Александровна, извините меня... с покорнейшей просьбой,— дайте денег за квартиру...

Люба. То-то. С покорнейшей просьбой. *(Отсчитывает деньги.)*

Шапшнев. Ну вот, спасибо. Такого жильца, как вы, искать надо... Я вам давеча нагрубил. Пусть

уж я сам по этой причине страдаю. Дайте мне шестьдесят рублей и билет этот. И, значит, будем квиты.

Люба. Стыдно стало.

Шапшнев. Так стыдно, так стыдно...

Люба. Вот шестьдесят рублей и вот билет. За семь рублей его приняли,— смотрите...

Шапшнев. Утречком квитанцию принесу... Спасибочки... Много вами довольны... Вот так взял!.. Вот так взял!.. *(Беззвучно смеется.)* А все кричат,— Шапшнев дурак... Ну нет, Шапшнев не дурак...

Люба и Марго идут к выходу.

Марго *(Любе, указывая на Шапшнева)*. С чего он заплясал-то, смотрите, как журавéль?..

К Шапшневу с двух сторон подходят Хинин и Рудик, угрожающе.

Рудик. Где билет?

Хинин. Покажи!

Шапшнев. Она мне не дала билета.

Хинин. Врешь!

Рудик. Мошенник!

Шапшнев *(отступая в арку)*. А вы не толкайтесь. А то за это... Не хватайте руками... А то за это...

Хинин. Отдай!

Рудик. Отдашь?..

Шапшнев. Нет у меня никакого билета.

Хинин *(хватает его за горло)*. Вот как. Нет билета?..

Рудик *(хватает его за живот)*. Шантажист!..

В дверях начинается свалка, подбегает публика из буфета.

Лоханкин. Кого бьют? Вали, вали, вали...

Шапшнев *(отбиваясь)*. Публика, публика, публика!..

Бежит кругом стола, теряет деньги и билет. За ним гонятся Рудик, Хинин, Лоханкин и нищий на костылях.

Лоханкин. Это он в нужнике грабил... Бей его...

Шапшнев. Публика, публика!..

Все проносятся в буфет.

Марго (*поднимает две-три бумажки и билет, отдает их Любе*). Чего валяются-то... Нате... И билет тут ваш и деньги...

Люба. Билет опять ко мне вернулся. Уйдемте, Марго, здесь страшно.

Они уходят. На сцене остался один Алеша, незаметно появившийся во время погони за управдомом.

Алеша. Люба! Люба! Где вы? Сказали, что она здесь. Любовь Александровна!..

В буфете заиграли на гармоньях, запели: «Помню, помню, помню я, как меня мать любила, и не раз и не два она говорила: мой миленький сынок, не водись с ворами...»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Подвал. Кавказский ресторан. В глубине — входная лестница и два окошка на уровне тротуара. Направо — стойка. За ней — дверь на кухню. Налево — уютный уголок, отделенный занавеской. В нем окошко в один из кабинетов. В глубине за занавеской — дверь в кабинетики. Стены ресторана разрисованы видами Кавказа. Различные объявления. Несколько столиков. Григорий Захарович сидит один перед стойкой на ящике от боржома, играет на гитаре, напевает.

Гр. Зах.

Ой, скучно, скучно, скучно, скучно...
Ой, пусто, пусто, пусто, пусто...
Ой, ужасно скучно, скучно...

По лестнице сбегают Хинин и Рудик, отряхиваются от дождя.

Рудик. Здравствуйте, Григорий Захарович. Что, у вас нет никого? Две дамы не приходили?

Гр. Зах. Пусто, пусто.

Хинин. Я и говорю,— они пошли пешком.

Рудик. Вот что, дорогой, мы ждем.

Григорий Захарович щелкнул языком.

Р у д и к. Что у вас найдется такое особенное, необыкновенное, чтобы угостить?

Г р. З а х. Все есть.

Х и н и н. Шампанское, например?

Г р. З а х. Шампанского нет.

Р у д и к. Тогда,— что же у вас есть?

Г р. З а х. Все есть.

Х и н и н. Приготовьте хорошей мадеры.

Г р. З а х. Мадеры нет.

Р у д и к. Что же у вас есть, в таком случае,— покушать?

Х и н и н. Шашлык по-карски с почкой?

Г р. З а х. Шашлыков нет.

Р у д и к. У вас ничего нет... Черт вас возьми!

Г р. З а х. Все есть.

Х и н и н. Что же мы будем пить, кушать?

Г р. З а х. Цыпленок табака.

Х и н и н. А вино, вино?

Г р. З а х. Обыкновенное вино, хорошее вино,— какое тебе еще нужно?

Р у д и к. Мы посидим пока в кабинете, а им вы накройте здесь. *(Показывает на уютный уголок.)* Про нас ничего не говорите. Никому. Поняли? Мы готовим сюрприз.

Х и н и н. Цветов, цветов нужно, как можно больше.

Г р. З а х. *(рассердился)*. Цветов нет. Летом не бывает цветов. На гитаре играть можно, петь можно. *(Уходит на кухню, кричит за дверью.)* Курица есть у нас? Почему курицы нет?

Р у д и к. Слушайте, вы хорошо видели, что Марго подняла билет?

Х и н и н. Билет у Кольцовой.

Р у д и к *(в дверях, ведущих в кабинетики. Поднимает палец)*. Нужно очень осторожно.

Х и н и н. Очень осторожно.

Р у д и к. Подход должен быть очень тонкий.

Х и н и н. Очень тонкий.

Оба скрываются за дверью. Из кухни выходит Г р и г о р и й З а х а р о в и ч, накрывает на стол в уютном уголке.

Гр. Зах.

Жирный, жирный цыпленок.
Вкусный, вкусный цыпленок.

С улицы входит Шапшнев, лицо избитое. Мрачен.

Шапшнев. Двое тут сейчас не приходили?

Гр. Зах. Какие двое?

Шапшнев. Один в белой жилетке, другой актер, морда такая изрытая, паршивая.

Гр. Зах. Когда, вчера?

Шапшнев. Фу, бестолочь,— только что... Ну, ладно, я вернусь.

Гр. Зах. Выпить надо что-нибудь?

Шапшнев. Разве — рюмку водки. *(Идет к стойке.)*

Гр. Зах. Холодная, ледяная.

Шапшнев. А закусить чем?

Гр. Зах. Вот огурец, чудный, сахарный, прислали из Тифлиса. Язык проглотить...

Шапшнев *(выпивает, грызет огурец)*. Да, все-таки...

Гр. Зах. Обо что, гражданин, лицо исцарапали?

Шапшнев. О водосточную трубу.

Гр. Зах. Ай, ай, ай... Эта водосточная труба на какой улице?

Шапшнев. А ну тебя в самом деле. *(Ушел.)*

Гр. Зах. *(берет телефонную трубку)*. Пять, сорок девять, тридцать. Это я говорю, Сусанна. У нас большое несчастье. Гости пришли. Цыпленка табака требуют. А на кухне одна курица и та старая. А что, петух у нас в сарае жив? Возьми петуха, принеси скорее, мы его зарежем.

Входят Люба и Марго, поглощенные разговором. Сойдя в залу, продолжают говорить — Марго стоя, Люба садится на стул.

Марго. Что вы, что вы... Я сознаю: эта жизнь — дно, самый мрак, тиски. Соня Огурцова все, что зарабатывает своим телом, проигрывает в карты. И пиво она пьет от этой жизни до того, что в почках у нее

громадные камни. Я сколько раз собиралась вырваться. Некуда. Родственники мои живут на Охте. Ну, что же, что родные,— поживешь у них день, поживешь другой, и они начинают стонать. Семен один раз рассердился и оставил мне на голове половину волос. Это разве не тиски жизни? Я ушла. Поступила на поденную работу — землю трясти в Кронверкском парке. И что же,— я скоро устаю, и я скучаю, у меня ноги тонкие, определенно дрожат от физической работы.

Гр. Зах. Кушать что будете?

Люба. Здравствуйте. Мы хотим что-нибудь поесть. У нас деньги, видите,— мы заплатим. Дайте нам что-нибудь вкусное.

Марго. Сосиски бы с капусткой.

Гр. Зах. Сосисок нет. Я вам дам цыпленок табака.

Люба. Что это такое?

Гр. Зах. Берется жирный молодой цыпленок. Животик ему разрезываешь, туда кладешь сухариков и жаришь между двумя сковородками. *(Щелкает языком.)*

Люба. Только, пожалуйста, поскорее. Побольше хлеба.

Гр. Зах. Пожалуйте в уютный уголок.

Люба. Сядем рядышком. Я слушаю, Марго.

Они садятся в уютном уголке. Григорий Захарович приносит хлеба и вина.

Марго. Главное мое несчастье, что я необразованная, короче говоря — неграмотная...

Люба. Марго, все в жизни можно поправить... Только нужно захотеть, чтобы было хорошо...

Марго. Этой зимой, конечно, по ликвидации безграмотности начал ходить ко мне один молодой человек второй ступени. Ликвидировал. «Вы,— он мне говорит,— Марго, ко всему такая способная, а в транвае не можете даже прочесть, куда он едет. Это стыдно, и вы всегда будете состоять в экономической зависимости». Я ему вполне поверила, но этот учитель второй ступени был такой привлекательный шатен, что я влюбилась и перестала понимать, что он мне го-

ворит. Семен это заметил и оставил мне на голове половину волос. Нет, я, безусловно, падшая женщина. Мне остается одно достижение: чтобы меня пускали в бар на Невском, во всякое время без кавалера. Но с моим туалетом об этом и думать нельзя. Значит, передо мной — разверстая могила.

Люба. Глупости... Как не стыдно... Смерть? — ужасно...

Марго. А вы давеча говорили,— в Неву кинетесь из-за квартирной платы.

Люба. Я была зла. Нет, раздосадована... Вы понимаете, Марго, когда человек как столб каменный. Не желает ничего чувствовать. Не понимает... *(Передразнивая.)* «Вы про что? Вы про что?» Близорукий. Ему говоришь: «хочу счастья»,— он ужасно пугается, сует три рубля... «как товарищу».

Марго. В этих случаях нужно мужчине действовать на нервы.

Люба. А их нет у него... Этот второй ступени учитель говорил вам какие-нибудь слова про любовь?

Марго. Говорить не говорил, положим, но косился. Я его, бывало, жду — волосы взобью, губы намажу, и у меня будто все голова болит,— голову роняю на сторону, ресницами мыргаю... У него так краска, знаете, в щеки и ударит. Но — аккуратно,— слов не говорил. Ликвидатор, им нельзя.

Люба. Мне в жизни никто не говорил прекрасных слов... *(Встает.)* Будто я огородное чучело.

Хинин *(приотворив дверь,— Григорию Захаровичу)*. Подливай им, подливай.

Люба *(стоя перед Марго)*. Марго, скажите правду: меня можно любить?

Гр. Зах. *(появляется в уютном уголке и наливает вино)*. Жарим, жарим цыпленка... *(Пробует вино.)* Это вино из Тифлиса. Это хорошее вино. Вы его пейте. *(Ушел.)*

Марго. Про интересную наружность тысячи найдутся — скажут. Кроме того, у вас действительно фигурка.

Люба. Но мне нужно, чтобы не тысячи,— один человек это сказал. А он — столб. Я, как лоскут, вьюсь

вокруг него, обвиваюсь... Никакого впечатления. *(Быстро вытерла глаза.)* Для него — это мелочи... Ладно... Мелочи так мелочи... *(Чокаются.)* За вас, Марго.

М а р г о. Про вашего Алешу плохого не могу сказать. Строгий гражданин.

Л ю б а. Да, он удивительный. Давно еще, в Рязани, я к его тетке в сад залезла — малину воровать. Он меня на заборе и поймал. «Ты, говорит, что здесь делаешь, стриженая?» Взял да и поцеловал в щеку. С этого часа я будто к нему привыкла. Есть люди, а есть Алеша. Так все было хорошо, просто между нами. А с этой весны — начались белые ночи, началась моя тревога. Что-то мне еще нужно.

М а р г о. Вежливости. А то у них одно — за волосы возить,— обхождение...

Л ю б а. А слов, уменья у меня нет — объяснить ему, чего я хочу. Посмотришь кругом. Мы все неученые. Нищие. Глухонемые. А сердце просит нежного, прелестного.

М а р г о. Как они пузыри пускают — эти грудные... Ну, чудно.

Л ю б а. Я такой бы была хорошей подругой. Нужно, чтобы меня полюбили. А тогда — хоть на смерть посылай. Когда на меня смотрят с ненавистью, даже спиной чувствую. Сердце сжимается. А за что меня не любить? За что обижать? Сегодня накинулись на дворе — точно я собака, на чужой двор забежала. Вот им и стыдно стало. Управдом потом так извинялся, кланялся. Говорил, что ему стыдно. И Рудик ужасно извинялся. По-моему, я даже слишком грубо ему ответила. А этот актер: «Божжже мой, божжжже мой...» *(Смеется.)* Нет, конечно, люди все хорошие. Только необтесанные, рогатые, подозрительные... Марго, я все-таки всех люблю. *(Целует ее.)* Если бы только немножко счастья мне.

В окошке над столом, где разговаривают Люба и Марго, появляются головы Р у д и к а и Х и н и н а.

М а р г о. Я вас вполне поняла. Я вас научу. Вот так же Семен: что я, что стена. А когда я ликвидатором увлеклась, он почувствовал, кого теряет,— забес-

покоился. Вы должны в вашем Алеше возбудить ревность.

Люба. Невозможно. Он каменный.

Марго. Чересчур спокоен. А я видела, как он вылупился, когда вы у Рудика на дворе деньги просили.

Люба. Бросьте вы.

Марго. Вы ему скажите, будто вы увлеклись. Кем,— спросит. Да так, мол, одним с черными усиками. Взовьется. Спать бросит. А слова эти прекрасные, какие хотите, такие и скажет.

Люба *(звонко засмеялась)*. Какие глупости говорите, Марго.

Марго. Так и так, мол, надоело жить в бедности, Алеша, влюбилась я в Адольфа Рафаилыча... К примеру.

В окошке над столом исчезают головы Рудика и Хинина.

Люба. Неужели подействует?

Марго. Средство испытанное.

Рудик *(появляется в общей зале. Григорию Захаровичу притворным голосом)*. Скучно, Григорий Захарович, хочется красивой жизни, хочется ласки...

Гр. Зах. *(из двери кухни)*. Все готово, сейчас подаю.

Марго *(схватив Любу за руку)*. Он.

Люба *(обернулась со страхом)*. Я убегу.

Марго. Роковой случай.

Хинин *(садится в общей зале на стул, притворным голосом)*. Куда бы нам поехать? К девочкам, что ли, поехать?

Рудик *(громко)*. Оставьте. Ничего не хочу. Я влюбился, Валентин Аполлонович.

Хинин. Вот так штука... В кого?

Марго *(Любе)*. Прямо как в тиятре.

Люба. Подождите. *(Слушает.)*

Рудик. Вас это удивит. Это случилось вдруг. Точно меня заколдовали. Сегодня с трех часов хожу сам не свой... Одна чудная девушка... Так и стоит перед глазами.

Хинин. Бросьте. Не платили вы алиментов? И, наверно, какая-нибудь дура в обдрипанной юбчонке?

Рудик. Не смейте так выражаться про нее! Я могу выйти из себя и ударить.

Хинин. Ладно, ладно, горячка. Кто же такая?

Рудик. Ах, не спрашивайте... Любовь Александровна Кольцова.

Люба *(вскрикивает.)* Ай!..

Марго *(быстрым шепотом)*. Не выдавайте своих чувств.

Рудик. Кто-то крикнул?

Хинин. В самом деле, кто-то крикнул... *(Встает и отдергивает занавеску в уютном уголке.)* Ба... Старинные знакомые. Любовь Александровна...

Рудик. Как? Она здесь? *(Подбегает.)* Вы здесь?

Хинин. Легка на помине.

Марго. Идите к нам. Мы одни.

Рудик. Не знаю,— разрешит ли Любовь Александровна?

Люба. Кто? Я? *(Закрыла лицо, звонко засмеялась.)* Разрешаю.

Марго *(здоровается за руку)*. Здравствуйте, здравствуйте. Садитесь.

Хинин. Григорий Захарович, вина еще две бутылки.

Гр. Зах. Куда подавать? Туда? Сюда?

Хинин. Сюда, сюда.

Хинин шумно усаживается. Рудик церемонно садится сбоку Любы, прикладывает ладонь к щекам.

Рудик. Я даже весь покраснел,— не обращайте внимания.

Хинин. Я знаю, почему он покраснел.

Марго. Скажите. Это интересно.

Рудик. Не надо.

Хинин. Он боится, что вы слышали, как он там пел про Любовь Александровну.

Рудик *(откинувшись, тонко захохотал)*. Глупости... глупости...

Гр. Зах. Несем, несем, несем... *(Появляется с блюдом.)*

Хинин. Ну-ка, что у вас там?

Гр. Зах. Как что там?... Язык проглотишь. *(Накладывает на тарелки.)*

Рудик. Я такой непосредственный, как ребенок. Любовь Александровна, вы должны простить мою давешнюю неловкость.

Люба. А я уже забыла.

Рудик. Забыли? Простили? Ой! — я сейчас что-нибудь переверну!

Гр. Зах. Кушайте, кушайте.

Хинин *(на Рудика)*. Счастлив-то до чего,— посмотрите на эту рожу.

Рудик. Да, я счастлив. *(Встает со стаканом.)* Любовь Александровна, позвольте мне выпить за вашу доброту, с которой вы простили мою, если хотите, грубость по отношению к вам.

Люба. Ну, пожалуйста... Не нужно об этом больше.

Рудик. Между нами не должно оставаться темного облачка. Сегодня я отказал вам в таком пустяке, как купить билет. Почему? Я коммерсант. Вы предложили невыгодную сделку. Я уклонился. Не будем говорить, как я мучился потом, вспоминая ваши полные слез глаза...

Люба. Ну, зачем?.. Не нужно, пожалуйста.

Рудик. Я побежал за вами. Я хотел вам проиграть эти деньги, Любовь Александровна, вы сами виноваты... Почему не сказать было просто: Адольф Рафаилович, дайте мне шестьдесят рублей... вне сделки. Я вынимаю деньги и даю.

Хинин. Широкий человек, золотой человек.

Марго. А все кричат — нэпман, нэпман...

Рудик. Любовь Александровна, во мне сейчас говорит больше, чем провинившийся человек... Больше, чем друг... Во мне говорит мужчина, у которого внезапно открылись глаза... Я поднимаю бокал за любовь!

Люба. За любовь!

Хинин. Божжже мой... божжже мой...

М а р г о *(тянется со стаканом)*. Извиняюсь, ваше здоровье, Адольф Рафаилович.

Р у д и к. Я пьян без вина.

Х и н и н *(внезапно, швыряя вилку и нож)*. Что это такое? Это черт знает что такое! Григорий Захарович, объясните мне, что это за мартышкинская мумия у меня на тарелке?

Г р. З а х. Это не мумия, это цыпленок.

Х и н и н. У него ноги лиловые. Об него собака зубы сломает.

Г р. З а х. *(от волнения щелкнул языком)*. Его нужно долго жевать. Он вкусный цыпленок. Его из Тифлиса привезли. *(Ушел, сел на ящик, взял гитару, наигрывает.)*

М а р г о. У моих родственников на Охте — свои куры. Я была у них недавно, и они жалуются, что у кур — чахотка.

Х и н и н. У кур не бывает чахотки, бывает дифтерит. *(Толкает тарелку.)* А ну его к черту. Выпьем, Марго.

М а р г о. Благодарю вас.

Л ю б а. Вы пили за любовь. Разве это не странно? Мне двадцать один год. Я в первый раз пью за любовь. Сегодня счастливый день. Все добрые. Все странные. Точно я чего-то не понимаю. Когда обижают, то это понятно. Правда? А когда все начинают тебя любить,— это непонятно. Должно быть, нужно привыкнуть. Я вам так благодарна, так благодарна всем. Я бы хотела не с вами пить за любовь и не с вами... Не сердитесь на меня... Это так прекрасно — выпить вина за любовь...

Рудик стал целовать ее руку.

Нет. Это не доставляет мне удовольствия.

Р у д и к. Я начинаю звереть, слушайте.

Л ю б а. Научите меня любви...

М а р г о *(всплеснула руками)*. Куда она катится?

Х и н и н. Оставим их вдвоем. Григорий Захарович, сыграйте-ка нам фокстротик.

Григорий Захарович играет. Хинин и Марго идут танцевать.

Р у д и к. Кроме шуток, вы — опасная девочка,

Л ю б а. Правда? Как я рада. А я всегда думала, что я овца.

Р у д и к. Вами стоит заняться. *(Схватывает ее.)* В науке любви первая заповедь — уметь целоваться. Вот так.

Л ю б а *(отстраняется)*. Вы меня не поняли. Целоваться — это просто, тут и знать ничего не нужно. Я вам объясню подробнее. Стойте вот так. Отвернитесь.

Р у д и к. Ну?

Л ю б а. Предположим, вы мужчина.

Р у д и к. Без «предположим».

Л ю б а. Вы погружены в размышление. У вас в голове лекции и принципы. В руках — тачка.

Р у д и к. Что за вздор? Ничего не понимаю!

Л ю б а. И мне хочется, чтобы вы обратили на меня внимание. Ну?

Р у д и к. Что — ну?

Л ю б а. Я что-то должна сказать... И вы волнуетесь... У вас все книжки выскакивают из головы. Вы просыпаетесь... Ну? Есть такое слово?

Р у д и к. Я вас понял... *(Изображая.)* Вы подходите — мелко, мелко, мелко... Коротенькая юбочка, стриженый затылочек, коверкот, шляпочка — фетр. Из-под вот таких ресниц — сладострастный взгляд. Удар на месте. Губы — красным кружочком. «На-рим, на-рам, на-рим, на-рам...» И я уже забыл, что у меня через полчаса срок векселю. Я качусь с вами. Тогда вы останавливаетесь около ювелирного магазина. Вы поправляете чулочек. Что за чудная ножка! Я замер. У меня уже дребезжит в голове. Я готов предложить вам зайти в ювелирный магазин... Ах, я учу вас на свою же голову, Любовь Александровна. Вы так улыбаетесь, так смотрите... Что за зубы... Как бы я вас одел... У вас богатый материал.

Л ю б а. Она сказала только: «На-рим, на-рам...»

Р у д и к. Дело не в словах, Любовь Александровна. Я хочу вам сделать самое серьезное предложение.

Л ю б а *(смеется)*. Мои дела не так уж плохо обстоят, как вы думаете?

Рудик. Но почему, почему — такая юбочка, такие чулочки... Это грешно. Вы не узнаете себя через неделю. Идемте! *(Берет ее для танцев.)*

Люба. Я не умею танцевать.

Рудик. Нужно уметь.

Марго *(танцуя с Хининым)*. У них определенно далеко зашло.

Хинин. Рудик — ходок по женской части.

Марго. Знаете, мне жалко ее. Уж чересчур горячая. Пропадет.

Хинин. А к чему тогда и жить, если не пропадать.

Марго. Зачем же всем-то пропадать? Это нехорошо. Она такая приличная, образованная.

Рудик *(танцуя)*. Больше раскачивайтесь.

Люба. Как важно для женщины, когда похвалят, ругать — это плохой способ. Женщин нужно хвалить.

Рудик. Тесней прижимайтесь.

Люба *(вдруг освободилась, смущенная, покрасневшая)*. Не хочу больше. Мне жарко.

Рудик. Действительно, жарко.

Люба *(Григорию Захаровичу)*. Можно гитару?

Гр. Зах. Возьми, возьми, душка.

Хинин *(тихо Рудику)*. Вы совсем размякли... Что вы делаете?

Рудик. Как она разгорячилась. Смотрите на нее.

Хинин. Где же билет?

Рудик. Сейчас будет. Оставьте меня.

Люба *(запела под гитару)*.

Глядишь и не видишь, и встречи не ждешь,
И мимо, веселый, идешь.
Уж лучше из сердца и с глаз бы долой
Тебя, недогадливый мой.
　　Белая ночь коротка, коротка,
　　Да не с кем ее коротать.
　　Пой мне, гитара, о счастье, пока
　　Заря не устанет пылать.
Что счастье? Его не догнать, не купить,
Когда не дано нам любить.

Так что же ты медлишь, рассвет золотой,
Над жизнью моей молодой.
Белая ночь коротка, коротка,
Да не с кем ее коротать.
Пой мне, гитара, о счастье, пока
Заря не устанет пылать...

Во время пения появляется незамеченным Алеша. Сойдя с лестницы, останавливается, потрясенный. Люба опустила гитару.

Гр. Зах. Ай, ай, ай, будь здорова, милая девушка, хорошо поешь.

Рудик. Что надо.

Хинин. Очень неплохо.

Марго *(сквозь слезы)*. Над жизнью моей молодой...

Алеша. Это вы для них пели?

Люба. Алеша!.. *(Стремительно поднимается.)*

Алеша. А я-то, осел, думаю, уж не случилось ли с вами несчастье... Разыскал наконец. В кабинетиках... Эх вы... слабенькая... докатились...

Люба *(почти задыхаясь)*. Алеша, милый... Минуточку, минуточку, выслушайте меня...

Алеша. Да тут все яснее ясного. Только ваша поспешность не совсем понятна. И выбор этих физиономий.

Рудик. Ну, ну, ну... Вы тоже — потише.

Хинин. Собственно, на каком основании врываетесь в наше общество?.. Мы и разговаривать с вами не хотим.

Алеша *(побагровел, засучивает рукава)*. Хотите драться?.. Ладно...

Рудик. Пошли прочь отсюда!

Хинин. Да позовите, Григорий Захарович, милицию...

Люба. Не нужно, не нужно, Алеша дорогой, Алеша милый...

Гр. Зах. *(становится между Алешей и остальными)*. Ну, ты ударишь, ну, тебя ударят... Ну, что хорошего?.. Ты думаешь, девушка что-нибудь плохое делала? Она кушала, вино немножко пила, пела чуд-

но... Ай, ай, как она пела чудно. Ты ишак, ты сейчас сердитый, тебе лучше уйти, ты потом придешь, я тебя завтра угощу.

Алеша *(опуская рукава)*. Это верно,— тут нужно уйти как можно скорее.

Люба *(ему вслед)*. Алеша... я пойду с вами.

Алеша. Нам не по дороге, товарищ. *(Ушел.)*

Люба опустилась на стул.

Рудик. Каков хулиган!

Хинин. Возмутительно, а еще студент.

Рудик. Вот она — современная молодежь.

Марго. Вот так всю жизнь,— начнут, начнут прилично, кончается мордобоем.

Люба *(Григорию Захаровичу)*. Сколько я вам должна?

Рудик *(подскакивая)*. Мы вас просто не отпускаем.

Хинин. Необходимо встряхнуться. Еще бутылку вина.

Люба. Мне грустно. Не сердитесь на меня. Вы такие хорошие. Марго останется. Я пойду. Отпустите меня.

Рудик. В память неизгладимого впечатления этого вечера не откажите мне. *(Вынимает из галстука булавку.)* Мелочь. Правда, это настоящий жемчуг, но в сравнении с наслаждением, которое вы мне доставили,— это нуль.

Хинин. Как артист, я настаиваю, чтобы вы приняли булавку. Я сам получаю подарки.

Люба *(равнодушно)*. Спасибо. *(Вкалывает булавку.)*

Рудик. Но это не все. Любовь Александровна, вы должны мне дать какой-нибудь пустячок.

Люба. Пожалуйста. Только у меня ничего нет.

Хинин. Носовой платок, шпильку, тесемочку.

Рудик. Может быть, это глупо, но я суеверен, как все деловые люди. Я хочу иметь кусочек вашего счастья. Дайте мне этот ваш билет. Виноват, виноват... Вы отдали его управдому, я верну этому дураку

его стоимость... Правда, смешно, солидный человек и суеверен, как деревенская баба...

Хинин *(хлопая его по плечу)*. Чудак, Рудик.

Рудик. Меня в детстве мамка уронила.

Марго *(которая сидела, пригорюнясь)*. Чтобы не было никакого скандала,— отдайте, чего просят. Я знаю: начнут добром, кончается — полголовы волос нет.

Люба *(рассматривая билет)*. Как странно... все разговоры сегодня непременно оканчиваются этим билетом. Что в нем такого? Серия «А»...

Гр. Зах. *(подходя)*. А номер какой у билета?

Рудик *(отталкивает его)*. Что вам нужно? Что вам нужно?

Гр. Зах. Да ничего не нужно. *(Щелкает языком.)*

Хинин. Успокойте этого сумасшедшего. Отдайте ему эту цацу.

Люба. Точно он заколдованный.

Рудик. Нельзя же так играть на нервах. Я на колени стану.

Люба. Какие вы странные. Какие вы оба потешные. Конечно, возьмите. *(Отдает билет Рудику.)*

Рудик *(целует билет)*. Сокровище. *(Любе.)* Итак, мы с вами поменялись. Вы хорошо запомнили. Булавку на билет. При свидетелях.

Хинин. Я свидетель. *(Идет к выходу.)*

Рудик. Счетик, Григорий Захарович.

Хинин. Да ну его к черту,— дайте ему рублей пятнадцать.

Рудик *(бросает деньги Григорию Захаровичу)*. Я спешу, счетик просмотрю завтра. *(Помахал рукой Любе.)* Пока. *(Спешит к выходу.)*

Марго. Уходят. Не простились. Нахалы.

Хинин. Значит, пополам.

Рудик. Что? Не понимаю... Виноват, позвольте пройти.

Хинин. Виноват. А условие?

Рудик. Ничего не знаю. Виноват. Мне некогда. *(Убегает.)*

Хинин. Подождите. Виноват. *(Убегает.)*

Л ю б а. Что это все значит?

М а р г о. Я побегу за ними. Узнаю. Вы меня подождите. Любовь Александровна, ведь мы ничего им не сказали неприличного... Правда? *(Убегает.)*

Л ю б а. Что произошло? Как во сне. Все были веселы, ласковы. Вдруг точно подменили людей. Злоба, ненависть, вместо человеческих лиц — собачьи морды.

Г р. З а х. Без ничего никогда не бывает, всегда бывает от чего-нибудь.

Л ю б а. Я чувствую, что-то непоправимое случилось. Будто счастье было у меня в руках, и нет его. Разве я что-нибудь сделала дурное? С каким он презрением: «Нам не по дороге, товарищ». Алеша, Алеша... Не знает, что нам-то по дороге... Я ни в чем не виновата, ни в чем не виновата.

С улицы появляются Ш а п ш н е в и С е м е н.

Ш а п ш н е в. Ага... Они здесь.

С е м е н. Ха-ха, сказал граф Табуреткин, наточив ножик.

Ш а п ш н е в *(Григорию Захаровичу)*. Ты куда их спрятал?

Г р. З а х. Адольф Рафаилович и Валентин Аполлонович ушли только что...

Ш а п ш н е в *(Семену)*. Врет, конечно.

С е м е н. Удостоверимся. Я эти кабинетики знаю. *(Уходит в кабинеты и через минуту возвращается.)*

Ш а п ш н е в *(Любе)*. Пьянствуете? По кабинетикам с нетрудовым элементом черт знает чем занимаетесь?

Л ю б а. И этот... не человек... Собачья морда...

Ш а п ш н е в. Собачья? Может, хотите сказать, что я сукин сын? Хозяин, дай-ка перо, чернил. Это время прошло, когда мы были сукины дети.

Г р. З а х. Паршивые люди какие пошли. Вот что я тебе скажу... *(Подает перо и чернила.)* Ужасная сволочь. Я эту девушку не позволю обижать.

Ш а п ш н е в. Не обидим.

С е м е н *(появляясь)*. Шапшнев. Они ушли.

Ш а п ш н е в. Ну?

С е м е н. Значит, ушли с билетом.

Ш а п ш н е в. Ну? Что ты?

Г р. З а х. С билетом, с билетом ушли.

Ш а п ш н е в. Говорил я — опоздаем... Надо с этой кончать.

С е м е н. В два счета. *(Вынимает из кармана лист.)* Образец литературного дарования графа Табуреткина.

Ш а п ш н е в *(Любе)*. Про кабинетики, так и быть, не скажу. Вам ничего не будет. Подпишите эту бумагу.

С е м е н. Читай вслух.

Ш а п ш н е в. «Я, нижеподписавшаяся, сим удостоверяю, что мной в уплату личного долга...» Почерк у тебя какой-то,— не разберешь.

С е м е н. «...дан управдому Шапшневу выигрышный билет за номером пять нулей, единица, серия «А»...»

Л ю б а *(тихо)*. Опять этот билет... С ума сойду.

Г р. З а х. Пять нулей, единица... *(Развертывает газету.)*

Ш а п ш н е в. «...В чем никаких претензий к вышеозначенному управдому предъявлять не стану».

С е м е н. «...А равно как возбуждать судебного преследования...» Коротко и содержательно.

Ш а п ш н е в. Подпишите.

С е м е н. Одну только фамилию. И можете свободно идти домой.

Л ю б а. Домой. *(Молча заплакала.)* Где мой дом? Его нет больше. Я уеду от вас в Рязань. Там, наверно, не такие злые люди. За то, что я ничего не понимаю, за это нельзя так обижать. Жестоко, жестоко смеяться. *(Вытирает глаза, хочет подписать.)*

Г р. З а х. *(подбегает)*. Ты с ума сошла! Не подписывай! Ты этот самый билет выменяла на паршивую булавку?

Л ю б а. Этот самый.

Г р. З а х. Твой билет выиграл двадцать пять тысяч!

Ш а п ш н е в. Ах... кавказская морда!..

Люба молча всплескивает руками. Пауза.

Л ю б а. Так вот почему... Так вот вы какие!..

Г р. З а х. *(гладит ее).* Ничего, ничего, душка. Ты молоденькая, переживешь. Хочешь, мы с тобой в Тифлис поедем. Будешь там виноград кушать...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Белая ночь. Набережная. На реке стоит баржа. Направо — ворота дома. Налево — кирпичные развалины. У ворот сидит Ж у р ж и н а. Около развалин И ю д и н прогуливает собаку.

Ж у р ж и н а. Последний трамвай прошел. Нет и нет никого. Сказать не могу, как я тревожусь об этой девушке. В милицию заявить,— дворника нет. Который час, Федор Павлович?

И ю д и н. Четверть второго.

Ж у р ж и н а. Отчего это, Федор Павлович, ночи у нас короткие? — четверть второго, а светло, хоть нитку в ушко вдевай. От каких явлений происходит белая ночь?

И ю д и н. Север.

Ж у р ж и н а. Скажите, лютый север. Говорят, дров нынче совсем не будет. В прошлом году об эту пору стояла баржа с дровами, а нынче — с песком, с булыжником. Чем хочешь, тем и топи... И опять же хулиганы у нас на Петроградской стороне усиливаются,— нет никаких мер бороться с ними. Ходят эти хулиганы — штаны сверху узкие, внизу болтаются клёшем, в руках у них ножи, в зубах папироски. В сумерки на Большой проспект тихой женщине и выйти страшно. Сейчас же подскакивает сзади к тебе хулиган и хватает тебя за тело и мнет с ругательствами. Я такая из-за этого стала нервная,— все вздрагиваю. Конечно, до революции у меня в спальне висели занавески на окнах и я спала. А теперь только ворочаюсь. Одиноко. Управдом Шапшнев определенно намекает, чтобы с ним перевенчаться. Но я поняла,

что он далеко не надежный. У него одно на уме — собрать со всего двора кошек, кормить их печенкой. И он, как сумерки, тащится на Шамшеву улицу в один дом самогонку пить.

Июдин. Мономах, брось нюхать гадость.

Журжина. Так и катится день за днем, будто жизни и не было,— промелькнула. Сорок лет живу в этом доме, с титешного возраста. И ничего не случилось особенного. Только штукатурка облупилась на фасаде.

Июдин. Действительно, ничего не случилось... *(С горечью.)* Не случилось.

Журжина. Был, конечно, военный коммунизм. Был. Отвратительно, как я не любила воблу кушать, Федор Павлович. Помню также, сижу у ворот, в девятнадцатом году, и вот идут двое — босые, нечесаные, но в очках. Сразу видно — ученые. Один говорит: «Куда же хуже-то?..» А другой: «Потерпи, обойдется». Обошлось, Федор Павлович. Обтерпелись.

Июдин. Вот, кажется, Марго бежит.

Журжина. Батюшки. Одна.

Входит Марго.

Ну? что?

Марго. Что было, Евдокия Кондратьевна... До того интересно. Как в тиятре...

Журжина. Люба-то где?

Марго. Идет... Такая странная... Я думаю, она с ума сошла.

Журжина. Ну, милые мои... Какой ужас!.. Да на чем?

Марго. Как в кинематографе.

Журжина. Да удивляюсь я, не томи...

Июдин. Чушь какая-нибудь...

Марго. Евдокия Кондратьевна. Билет ее этот...

Журжина. Ну?..

Марго. Оказывается... двадцать пять тысяч рублей выиграл.

Июдин *(визгливо)*. Не смейте так шутить!..

Марго. Еще днем все об этом знали, кроме нее.

Журжина. Батюшки, двадцать пять тысяч. *(Начинает топтаться, как курица.)* Батюшки, двадцать пять..., батюшки... двадцать пять...

Входит Люба.

Июдин *(Любе, строго)*. Что за нелепость рассказывает о вас эта девица?

Журжина. Любонька... правда ли, что Марго сказала?

Люба. Правда.

Июдин *(плюет)*. Дуракам счастье...

Журжина. Незамужняя, молодая...

Июдин. Но куда же вы такие деньги денете? На что вам они? Разбрасывать на тряпки? Транжирить по магазинам?

Журжина. Из-за границы будут приезжать ее сватать...

Июдин. Не кудахтайте, Евдокия Кондратьевна. *(Любе.)* Во всяком случае, вам нужен опытный, деловой человек — друг, чтобы моментально разные мальчишки не расхватали эти деньги.

Журжина. Аккурат, у меня предчувствие было: вчера бегала в гостиный двор,— получена кашадра на костюм, ну, такая кашадра, Любовь Александровна, роскошь...

Люба. Успокойтесь, денег этих у меня нет. *(Идет к воротам.)*

Июдин. Как так нет денег? Почему?

Люба. Зато досыта навидалась за сегодняшнюю ночь. В таких подвалах была, такие рожи гнусные ко мне лезли,— сыта по горло. *(Ушла.)*

Июдин. Ровно ничего не понимаю.

Журжина. Про какие она рожи?

Марго. Ей мерещится. С самого Невского про рожи говорит. Ее вроде как напугали. Адольф Рафаилович обманом выманил у нее билет на фальшивую булавку.

Журжина *(всплескивая руками)*. Подлец! Недостреленный!

Июдин *(плюет)*. Подлецам счастье...

М а р г о. И знаете, она протягивает ему билет, а у меня сердце бьется, как у мыши. То бледнею, то краснею. А сказать ничего не могу.

И ю д и н. Этим делом я займусь. Любовь Александровна, погодите-ка. *(Поспешно уходит в ворота.)*

Ж у р ж и н а. Пойдем за ней, Марго.

М а р г о. Схватил он билет, представьте, как лапой сжал его. Затрясся. И мечтает с ним скрыться. Но не тут-то было. Валентин Аполлонович ему поперек двери. Он ему: «виноват». А этот ему: «виноват». Оба как загавкают и закатились по Невскому.

Марго и Журжина уходят в ворота. Из-за развалин осторожно появляются С е м е н и Ш а п ш н е в.

Ш а п ш н е в. А что, как он домой вернулся?

С е м е н. Это его окошки?

Ш а п ш н е в. Света нет. Окна закрыты.

С е м е н. Значит, не вернулся.

Ш а п ш н е в. Боязно мне, Семен.

С е м е н. Дурак, а еще управдом.

Ш а п ш н е в. А вдруг он закричит, постовой услышит. Попадешь в историю.

С е м е н. Ты только с ним заговори, как я учил. А я уж сзади подскочу и — в рот ему кепку.

Ш а п ш н е в. А ну как он донесет?

С е м е н. Голова у тебя толкачом. Он и не заикнется. Он сам бандит.

Ш а п ш н е в. Так-то так... А все-таки, знаешь, как-то неудобно: налет, грабеж. То да се.

С е м е н. Ну и сиди до гробовой доски за фикусом в окошке. Тебе предлагают пополам деньги. Это значит — берем курьерский и — в Крым. Загорать. Граф Табуреткин, одетый как картинка, стоял около дамской купальни, опираясь на тросточку. Да ты с этих денег опять в гору пойдешь. Торговлюшкой займешься.

Ш а п ш н е в. Трудновато частникам-то. Хлопотливо.

С е м е н. Тебе котов кормить печенкой — специалист. Сволочь старорежимная. Гнилой лавочник.

Ш а п ш н е в. Ну, ты все-таки так не ругайся.

С е м е н. Я тебя зарезать должен.

Ш а п ш н е в. За что?

С е м е н. Я с тобой сговаривался? Сговаривался. У нас декрет: попятился — финку в бок. *(Показывает нож.)*

Ш а п ш н е в. Эх ты... брось. Кричать буду...

С е м е н. Тише. Идут. *(Тащит Шапшнева к развалинам.)*

Х и н и н *(входит. Грозит в пространство)*. В печать, в печать попадешь, мерзавец. Паразит. Контрабандист. Мошенник. Спекулянт. Посмотрю, как ты завтра Красную вечернюю прочтешь. Полностью: «Адольф Рафаилович Рудик... зарвавшийся аферист... заманив в ресторан молодую, неопытную девушку...» Пожалеешь... *(Уходит.)*

Из-за ворот выходят И ю д и н и М а р г о.

И ю д и н. Вы засвидетельствуете в милиции самый факт обмена булавки на билет, равно как то, что гражданку Кольцову предварительно опаивали вином и всячески старались усыпить ее внимание циничными разговорами, танцами и музыкой.

М а р г о. Я готова все это подтвердить, Федор Павлович. Я готова даже сама пострадать за это.

Оба уходят. Из ворот выходит Л ю б а с узелком. Ж у р ж и н а ее провожает.

Л ю б а. Евдокия Кондратьевна, не уговаривайте меня. Не провожайте меня. Я решила уехать на родину и уеду.

Ж у р ж и н а. Поезд еще не скоро отправляется.

Л ю б а. Подожду на вокзале. Прощайте.

Ж у р ж и н а *(сквозь слезы)*. Прощайте, Любовь Александровна, дай бог вам счастья.

Л ю б а *(обернулась)*. Счастье... *(Губы ее задрожали.)* Мимо меня прошло.

Журжина скрывается в воротах. На набережной появляется А л е ш а. Сбрасывает пиджак, расстегивает рубаху.

А л е ш а. Искупаться и спать. Отрезано. И — не думать. *(Почувствовал взгляд Любы. Обернулся.)* Куда

с узелком-то? Домой, что ли, собрались? Набузили, набузили и к маме. Эх вы... девочка.

Люба. Я не бузила.

Алеша. Лучше не оправдывайтесь. В кабаке с пьяными мерзавцами песни петь. Стыдно...

Люба. Я ни в чем не виновата.

Алеша. Чистенькая девушка. Умненькая. Так нет. Пустяковая неудача какая-то, и нос повесили.

Люба. Нет, не пустяковая неудача.

Алеша. Нет, пустяковая... С общей точки зрения и персонально...

Люба. Нет, не пустяковая... До свидания.

Алеша. Бесит эта покорность. Упорства никакого. *(Поправляет очки.)* Платочек подвязала... Богомолочка...

Люба. Видите эту булавочку. Я ее за свое счастье выменяла. *(Бросает булавку в реку.)* Пускай рыба какая-нибудь моим счастьем подавится.

Алеша *(понял в ином смысле)*. Так, так, так... Вот куда, значит, зашло в кабинетиках-то...

Люба. Нет охоты жить с вами в Ленинграде. Лучше я разведу огород, лучше я разведу кур, гусей в Рязани. И там я состарюсь и обиды моей не прощу.

Алеша. И ждать другого нечего — мещанский уклон.

Люба. Вы грубый, черствый человек... Вы ни черта не понимаете. Терпеть вас не могу. Всю жизнь ненавидела. С тех самых пор, когда вы на заборе хотели мне уши надрать за то, что я съела несчастную ягодку малины. Я и в Ленинград приехала, чтобы убедиться, какой вы отвратительный человек. Прощайте. *(Пошла.)*

Алеша. Жалко, я не знал. Жалко, я тогда ушел. Я бы выломал ребра два вашему Рудику. *(Вдогонку.)* Послушайте. Что за глупость в самом деле?.. Он насильничает, а вы помалкиваете. Куда же вы уходите? Люба...

Люба. Мне не жалко этих двадцати пяти тысяч. То есть — жалко, но не очень. Счастья ему не будет от моих денег. Я сама, дура, променяла их на булавочку.

А л е ш а. Какие двадцать пять тысяч?

Л ю б а. Да выигранные на мой билет. Не знаете, что ли?

А л е ш а. Елки-палки... Так вот оно что.

Л ю б а. Все равно, будь у меня эти деньги,— уехала бы из Ленинграда. Так что моя слабость, что я не настойчивая,— это все ни при чем...

А л е ш а. Ага... Люба... Ага.

Л ю б а. Точно что — ага... Прощайте.

А л е ш а. Дайте-ка узелок.

Л ю б а. Пустите.

А л е ш а. Нам необходимо поговорить.

Л ю б а. Пустите же.

А л е ш а. Что касается денег,— потеряли, очень жаль. Ну, проворонили и проворонили... И, наверно, это даже лучше, честное слово...

Л ю б а *(зажмурив глаза)*. Пустите мой узелок.

А л е ш а. Я вас так понял, что вы... Ну, что ли, связались с кем-то... Ваше непонятное поведение достаточно меня убеждает, что вы с кем-то связались... Мне было очень больно, когда услыхал в ресторане, как вы поете... Зря так не поют...

Л ю б а. Вам было больно?

А л е ш а. Ну да... А что? Ошибся. И вижу,— по всему фронту ошибся. Во мне сидит еще этот мелкобуржуазный пережиток.

Л ю б а. Какой?

А л е ш а. Да... эта самая...

Л ю б а. Ревность?

А л е ш а. Она с четвертого июня началась. Я и сплю оттого так крепко, чтобы ее ликвидировать. Борюсь. Поборю, а вы опять начинаете про море, луну, песок, белое платье... Разве я не вижу, что с вами делается. Люба, ответьте мне последний раз на вопрос... хотя это не мое дело, конечно... Вы — тово?

Л ю б а. Да.

А л е ш а *(упавшим голосом)*. Теперь, значит, все в порядке... *(Иным голосом.)* Кого?

Л ю б а. Да тебя же... *(Не оглядываясь, убежала.)*

А л е ш а. Кого?.. Люба... Какого тебя?... *(Бежит вслед за ней.)*

Шапшнев *(высовывается из развалин)*. Ну и девчонка, мухи ее залягай.

Семен. Симпатичная девочка... *(Глядит вслед Любе и Алеше.)* К реке ударились. Скоро не вернутся

Шапшнев. Семен, мне что-то сыро стало. Мы бы лучше домой пошли, мы бы там полбутылки выпили.

Семен. Ой, Шапшнев, не треплись.

Шапшнев. Что за время беспокойное.

Слышен голос Рудика, он напевает шимми.

Семен. Он. Готовься!

Оба притаиваются. Входит Рудик с тросточкой, весело напевает.

Рудик.

Шимми, безусловно,
Гвоздь сезона,
Шимми модный танец
Из Бостона,
Все танцуют шимми
На последний грош...

Шапшнев *(выступает)*. Гражданин...

Рудик *(отскочил)*. Кто там? Что вам нужно?

Шапшнев. Позвольте прикурить.

Рудик. Но, но, но... Знаем эти прикурки... Ба, да это вы, Шапшнев?

Шапшнев. Позвольте прикурить?

Рудик. Бросьте сердиться, дружище. Мы играли честно. Не вы, так я. Дело счастья. Так и быть, я вам сделаю подарочек...

Шапшнев *(заорал не своим голосом)*. Руки вверх!..

Рудик. Грааааабят...

Семен *(подскакивает сзади, затыкает ему рот кепкой)*. Не ори. Я тебе говорю, не кричи. Где у тебя билет? *(Шапшневу.)* Шарь, шарь по карманам.

Шапшнев *(шарит)*. Куда он его засунул?

Семен. Вот как надо шарить. *(Шарит.)*

Ш а п ш н е в. Нет нигде.
С е м е н. Щупай в подштанниках.
Ш а п ш н е в. Не вертитесь, Адольф Рафаилович.
С е м е н. Что за штука?
Ш а п ш н е в. А может, он у него за щекой?
С е м е н *(Рудику)*. Разинь рот.
Р у д и к. Милицеееейский...
С е м е н. Кричать... знаешь, за это...
Ш а п ш н е в. Можем в реку бросить.
С е м е н. Смерти не боишься! Говори, где билет?
Ш а п ш н е в. А то утопим.

Рудик падает как мертвый.

Батюшки... что это с ним?
С е м е н. Неужто помер?
Ш а п ш н е в. Что мы наделали! Разве мы этого хотели?.. Да мы ради смеха... да мы шутили...
С е м е н. Бери его, тащи в речку...
Ш а п ш н е в. А всплывет?
С е м е н. Унесет. Хватай за ноги. Поднимай. Раскачивай.

Они поднимают Рудика за голову, за ноги. Появляется А л е ш а, затем Л ю б а.

А л е ш а. Вы что тут делаете?

Семен и Шапшнев бросают Рудика. Он сейчас же садится.

Р у д и к. Ой. Прямо на хвостик. Подлецы!
А л е ш а *(хватает Семена и Шапшнева)*. Налет. Грабеж.
Ш а п ш н е в. Шутили.
С е м е н. Не хватай. Брось.

Алеша одним движением швырнул его на землю. Семен, не поднимаясь, молча глядит на него.

Ш а п ш н е в. Рукам-то воли не давайте... А то...

Алеша швыряет его на землю.

А л е ш а. Немедленно отдать билет.
С е м е н. Не нашли.

А л е ш а. Я вас всех сволоку в комендатуру. Лучше отдайте добром.

С е м е н. Отдайте, Адольф Рафаилович, а то — скука идти в комендатуру.

Ш а п ш н е в. Надо, Адольф Рафаилович, по-божески поступать. Вы гражданку ограбили, а нам страдать.

Р у д и к. Что значит — отдайте? Нынче не девятнадцатый год.

А л е ш а. Отойдите, граждане. Мы будем по правилам. *(Рудику.)* Снимайте пиджак.

Р у д и к. Это мне нравится,— дают подарки, потом силой берут их обратно.

А л е ш а. Боксом!

Р у д и к. В другое время. *(Садится на землю, задирает ногу.)*

Ш а п ш н е в. Вон он у него где...

Р у д и к. Не волнуйтесь,— я отвинчиваю каблук. *(Достает из каблука билет, отдает Алеше.)* Можете подавиться.

С е м е н. Эх, какое дело сорвалось, заметил граф Табуреткин.

Ш а п ш н е в. Товарищ Алеша, сыро, я бы домой пошел.

А л е ш а *(протягивает билет Любе)*. Получайте, Люба.

Л ю б а. Алеша, мы же говорили... *(Отдает ему билет.)*

А л е ш а. Значит, ладно... Ребятам на два семестра хватит...

Ш а п ш н е в. Так как же насчет комендатуры?

А л е ш а. Граждане... Неужели вам не стыдно?

Ш а п ш н е в. Бес попутал.

С е м е н. А что такое совесть? Нет ответа.

А л е ш а. Страшно жить среди вас. Во что вы верите, что любите, что ненавидите?

С е м е н. Мучительный вопрос.

А л е ш а. Болотные жители. У вас один желудок с зубами да с задней кишкой.

Р у д и к. Хорошенькое сравнение.

Ш а п ш н е в. О-хо-хо...

А л е ш а. Жизнь вы не погубите... Она не увянет от вашего дыхания... Не запугаете ее свинячьими харями...

С е м е н. Короче говоря — ау,— пошли денежки на грызение гранита науки.

Ш а п ш н е в *(с воплем души)*. Предлагала его за рупь шесть гривен.

Р у д и к. Страшно за свои нервы.

А л е ш а *(Любе)*. Идем, Люба...

Л ю б а. На взморье, на весь день. Да?

Они уходят. Им смотрят вслед.

А л е ш а. Да, Люба, да...

С е м е н. Многозначительная прогулочка.

Ш а п ш н е в. А как билет-то схватил. Агитатор...

Р у д и к. Противный субъект.

М а р г о *(входит, Журжиной)*. Утопленника, что ли, нашли?

Ж у р ж и н а. Милая, как я говорила, так и сбылось: и деньги при ней и сердечный интерес...

М а р г о. Евдокия Кондратьевна... Как я счастлива. Так я полюбила ее, ну, как сестру родную...

С е м е н *(вынимая колоду карт, Шапшневу и Рудику)*. Продолжим.

Рудик отвернулся, пошел в ворота, насвистывая шимми в миноре.

Ш а п ш н е в. По полтиннику.

Они присаживаются, играют.

М а р г о. Слушайте, и он ее поцеловал?

Ж у р ж и н а. И поцеловал и говорит ей: невеста моя, жена моя драгоценная... Любовь моя — до гробовой доски...

С проплывающей лодки раздались утренние веселые голоса.

З а н а в е с

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Пьеса в десяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр.
Екатерина.
Царевич Алексей.
Меншиков.
Екатерина } дочери
Елизавета } Петра.
Князь Буйносов.
Авдотья — жена Буйносова.
Ольга } дочери
Антонида } Буйносова.
Мишка — сын Буйносова.
Абдурахман — калмычонок.
Василий Поспелов — драгун.
Толстой Петр Андреевич.
Шереметев — фельдмаршал.
Апраксин — адмирал.
Ромодановский — князь-кесарь.
Шафиров.
Ягужинский.
Фон Липпе.
Никита Зотов — князь-папа.
Поп Битка.
Таратутин.
Вяземский.
Еварлаков — приказный.
Юродивый.
Поп Филька.
Федька — солдат.
Жемов — кузнец.
Свешников — купец.
Фроська.
Блек — купец.
Зендеман — шкипер.
Президент Бурмистерской палаты.
Степан.
Старик рабочий.
Князь Мышецкий.
Князь Ростовский.
Князь Мосальский.
Князь Волконский.
Князь Щербатов.
Оська — приказчик Буйносова.
Преображенец.
Первый глашатай.
Второй глашатай.
Первая немка.
Старик.
Вторая немка.
Первый сенатор.
Второй сенатор.
Подрядчик.
Иеромонах.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Воронеж. Верфи со строящимися кораблями и кузницы на берегу реки. Склады материалов, бунты леса. Василий Поспелов в драгунском мундире — на часах, на охране. Появляется князь Буйносов в старорусском облачении, Авдотья, Ольга, Антонида, Мишка и калмычонок с ворохом одежды.

Буйносов. Послушай, кавалер...

Поспелов. Куда прешь? Ну, ку́да прешь?

Буйносов. Мы из Москвы по царскому указу... По дороге-то мук натерпелись,— не приведи бог. Дороги непроезжие... Овраги неперелазные, реки полноводные — ни мостов, ни броду... Одними молитвами и живы остались... Ну — приехали с божьей помощью. А тут у вас в Воронеже дворов свободных нет... Куда нам приткнуться?.. А ведь у меня на руках две девки нежные... Рассуди. кавалер... Не на реке же на Вороне, на влажном берегу им ночевать,— тучами укрывшись, дождем умывшись...

Ольга. Да чего, батюшка, вы с ним зря-то разговариваете? Он вас и не слушает.

Антонида. Простые люди, а такие невежи.

Авдотья. Ба-а-атюшки... Заехали в грязищу, тут нам и конец пришел.

Буйносов. Не вой, дура стоеросовая. *(Поспелову.)* Кавалер, как бы нам государя Петра Алексеевича повидать? Ведь мы не малые родом.

Авдотья. Князья Буйносовы.

Буйносов. Где царь?

Поспелов *(указывая на кузницу)*. А вон там.

Буйносов. Куда ты перстом указываешь? Это же кузница.

Поспелов. Ну, вот тебе царь и на кузнице.

Буйносов. Не видано, не слыхано... Да врешь ты, кавалер... Да ты не смеешься ли над нами? *(Глядит на него и — вдруг.)* Авдотья, взгляни на него.

Авдотья. Батюшки,— он!

Ольга. Я спервоначала его признала.

Антонида. Он!

Буйносов. Ты это?

Поспелов. Ну, я.

Буйносов. Васька Поспелов?

Поспелов. Ну да, протри глаза-то.

Буйносов. Холоп! *(Хватает его.)* Стража! Хватайте беглого человека.

Поспелов. Отпусти... Не трожь царский мундир.

Буйносов. Ах ты сукин сын!

Поспелов. Царского драгуна — сукиным сыном?.. Стража! Возьмите боярина, он мундир на мне рвал.

Буйносов. Зови, зови! Я тебе кандалы набью, вор!

Поспелов. Стража!

В дверях кузницы показывается Петр, в кожаном фартуке,— он вышел взглянуть на шум.

Петр. Из-за чего шум?

Буйносов *(становится на колени)*. Государь милостивый, царь Петр Алексеевич, смилуйся...

Авдотья *(валится на колени)*. Смилуйся...

Ольга *(быстро сестре)*. Тонька, на колени не становись, делай французский политес.

Кланяются.

Петр *(глядит на них, взгляд его пронизывающий, впитывающий,— взгляд человека, никогда не привыкающего к новизне впечатлений; перевел глаза на Поспелова)*. Ну?

П о с п е л о в. Почему, не знаю — пришел этот человек, стал рвать на мне мундир, оторвал пуговицу. По регламенту — должен его отправить на рогатку.

П е т р *(Буйносову)*. Встань! Ну?

Б у й н о с о в. Врет он, врет, государь... Пуговица у него сама отлетела...

А в д о т ь я. Сама, сама отлетела...

Б у й н о с о в. Он мужик — мой кабальный. Когда от тебя, государь, приезжали брать у нас на военное ополчение людишек,—этого мужика я не отдал... Пусть, вор проклятый, сначала вернет мне должок. За ним не малые деньги: семь рублев с полтиной... Ну, как его отдам в ополчение, а его на войне убьют? А он, вор, с правежа от побоев моих убежал. Где такой закон? Вели с него мундир снять.

П е т р *(Поспелову)*. Под стражу его берешь?

П о с п е л о в. Точно так, по регламенту.

П е т р. Отпусти его, я сам разберу. *(Буйносову.)* Что ты послушался и с чадами приехал к нашему двору, на радости я тебе прощу, князь Роман Борисович, но заплатить придется.

Б у й н о с о в. Не бесчести нас, государь.

П е т р. За бесчестие и побои часового драгуна — заплатишь десять рублев, за порванный мундир — особо. *(Быстро Ольге.)* Танцевать умеете?

О л ь г а. Тайно от тятеньки учимся контердансу, минувету и немецкой польке.

А н т о н и д а. Еще не научились.

П е т р. Здесь живо научим. Живем весело. И вино пьете?

О л ь г а. И кофей пьем и вино.

П е т р. Отлично. Нам такие красавицы нужны.

Ж е м о в *(показывается в дверях кузницы)*. Молотобоец!

П е т р. Здесь!.. *(Ольге и Антониде.)* Подождите меня. *(Быстро входит в кузницу.)*

О л ь г а. Какой кавалер, Тонька!

А н т о н и д а. Только что руки чумазые.

О л ь г а. Какой обходительный!

Буйносов. Царь... От византийских императоров... Взглянуть, бывало, страшно, как на бога. Этот — в саже вымазан... Мама, сон мне, что ли, снится?

Авдотья. Тебя же обидели, отец, с тебя же десять рублев.

Буйносов. Встань, ворона,— боярскими коленами грязь вытираешь... *(Дочерям.)* А вы уж перед ним и растопырились, так и защелкали языками.

Ольга. Досыта намолчались в ваших теремах, государь нам нынче говорить приказал.

Антонида. И танцевать велел.

Ольга. И вино пить велено.

Буйносов. Замолчите, кобылищи! И ведь ничего не сказал: идти нам или стоять, как служить, где голову приклонить?

В дверях кузницы у наковальни показывается Жемов с молотком, стучит по наковальне.

Жемов. Живей, живей, подхватывай. Навались! Разом — пошел, пошел...

На наковальню плывет якорь, поднятый на блоке.

Петр Алексеич, что же ты, давай лапу...

Петр. Есть...

Жемов. Подводи. Опускай. Наклоняй. Клади. Осторожнее! Петр Лексеевич, что же ты? Лапу?

Петр. Есть... *(Появляется, неся в клещах раскаленную якорную лапу. Хочет положить ее на наковальню, промахивается, роняет.)*

Жемов. Черт безрукий!

Петр. Есть... *(Кладет лапу.)*

Жемов *(прилаживая лапу)*. Ну, молодцы... Раз-два-три... Раз-два-три...

Петр и двое молотобойцев начинают ковать молотами.

Живей, живей, раз-го-варивай!..

Буйносов. Не знаю, в какую сторону глаза отвести от стыда-то... Уйти, что ли, отсюда.

Ольга. Государь ждать приказал.

Буйносов. Чего?

Поспелов. Не толпитесь около кузни, сядьте вон там, на бревнах.

Все семейство Буйносовых идет к бревнам. Якорь продолжают ковать.

Буйносов. На бревнах, Авдотья, думному боярину. Конец это, что ли?

Авдотья. Юродивые давно кричат: скоро конец всему, антихрист народится.

Буйносов. Тише, ворона, знаешь — за такие слова...

Авдотья. Сбывается, батюшка.

Буйносов *(калмычонку)*. Абдурахман, клади нам мягкое под зад. *(Усаживается.)*

Мишка. Тонька, Ольга, дайте семечек.

Ольга. Обойдешься.

В кузнице кончили ковать. Петр в кадке моет руки.

Петр *(Жемову)*. Это кто же — черт безрукий?

Жемов. Не серчай, Петр Алексеевич, меня ведь тоже били за такие дела.

Петр. Я не виноват, клещи были неподходящие, видишь, как руку-то ссадил.

Жемов. Клещи были подходящие, Петр Алексеевич.

Петр. Помолчи все-таки...

Жемов. Можно помолчать.

Издали голоса часовых: «Смирна!»

Поспелов. Смирна! На караул!

Петр *(вытирая руки)*. Кто идет?

Поспелов. Фельдмаршал Шереметев, адмирал Апраксин, третьего не знаю, четвертый — денщик Меншиков.

Антонида. Ольга, какие пышные кавалеры!

Ольга. Это государевы министры.

Меншиков быстро входит, подходит к Петру.

Меншиков. Петр Андреевич Толстой прибыл.

Петр. Давай, давай его сюда.

Входят Толстой, Шереметев и Апраксин.

Здорово, Толстой, здорово, господин фельдмаршал, здорово господин адмирал...

Министры кланяются, сняв шляпы и метя перьями.

Мишка *(тихо)*. Глядите, перьями по земле метут, умора.

Ольга *(тихо)*. Молчи, дурак великовозрастный.

Петр. Какие вести из Константинополя?

Толстой. Дурные, государь.

Петр пронзительно взглянул на него, отходит в сторону. Толстой отходит вместе с ним.

Петр *(отрывисто)*. Говори.

Толстой. Когда шведский король учинил нам жестокую конфузию под Нарвой, цезарский посол и английский посол в Константинополе делали великому визирю приятный визит с немалыми подарками. Турки тогда едва не склонились на войну с нами.

Петр *(нетерпеливо)*. Короче, не тяни.

Толстой. Слушаю... Когда же король Карл нежданно повернул от Новгорода на Варшаву и на Дрезден и учинил конфузию польскому королю и саксонскому курфюрсту, цезарский посол и английский посол в Константинополе делали мне визит и спрашивали про твое, государь, здоровье. Нынче же, когда ты, государь, начал славно бить в Ингерманландии шведские войска, цезарский посол и английский посол делали великому визирю приятный визит и дали ему ж сорок тысяч червонцев и склонили нарушить мирные договоры с нами и грозить нам войной.

Петр. Что ты пустое мелешь, старая лиса!

Толстой. Таков великий европейский поли́тик — не допускать Российское государство к Балтийскому и Черному морям.

Петр. Хороши привез вести! Для чего же я тебя в Константинополь посылал?

Толстой. В европейский поли́тик с пустыми руками лезть напрасно, государь. Против цезарского и английского посла мы у великого визиря только под носом сорока соболями помахали, да и соболя-то

были молью траченные. Оные послы не только у визиря — у самого султана сидят на диване, кушают шербет, а нас дальше сеней и пускать не хотят.

Петр. Денег у меня нет.

Меншиков. У нас другое имеется — покрепче — для европейский политик.

Петр. Молчи, не моги встревать. *(Указывая на строящиеся корабли.)* Вот мой политик.

Меншиков. По сорока пушек — каждый.

Петр. На этой неделе оснастим «Нептуна», на нем и поплывешь в Константинополь — разговаривать с великим визирем. *(Пальцем Толстому в лоб.)* Не была бы твоя голова умна, давно бы слетела на плахе, это ты хорошо знаешь... Добудь мне мир с турками... Черт с ними, хотя бы на десять, на пять лет.

Толстой. Постараемся, коли бог поможет.

Петр. А не поможет бог — все равно сделаешь. *(Берет у Апраксина бумагу.)*

Меншиков *(Толстому)*. Сорока соболями помахал! Сорока пушками надо,— это другой разговор.

Толстой *(предлагая табакерку)*. Угощайтесь, господин денщик.

Меншиков. Данке зер.

Петр. По старинке думаете, господин адмирал, по старинке работаете... Матрозов мне нужно — худо-худо — две тысячи ребят, привыкших к морю.

Апраксин. Откуда же их взять, Петр Алексеич,— народ наш сухопутный...

Петр. Пошли на Белое море, к поморам, они волну и ветер любят.

Апраксин. Слушаю... Будет сделано.

Петр *(Шереметеву)*. Господин фельдмаршал, сегодня ты едешь к войску?

Шереметев. Сегодня, Петр Алексеевич.

Петр. В Москве — проездом — захвати сына Алексея... Довольно ему по церквам да монастырям шататься, про антихриста с юродивыми гнусавить. Пускай в твоем шатре поживет, на бранном поле.

Шереметев. Слушаю. Будет сделано, Петр Алексеевич.

П е т р. Алексашка!

М е н ш и к о в. Здесь, мин херц.

П е т р. Обедаем у тебя... Кланяйся, проси гостей... Девок проси, княжон Буйносовых. *(Рассматривает бумаги, поданные Шереметевым.)*

М е н ш и к о в *(подходя к семье Буйносовых, начинает раскланиваться)*. Боярышням Буйносовым гутен морген... Прошу пожаловать ко мне, прелестные девы, эсен, водка тринкен, чем бог послал...

О л ь г а. С удовольствием, прелестный кавалер.

А н т о н и д а. Ваши гости, прелестный кавалер.

Б у й н о с о в *(подходя)*. Постой, постой, ты сначала скажи — кто ты таков, объявись.

М е н ш и к о в *(кланяясь ему и Авдотье)*. Царский денщик Александр Данилович Меншиков.

Б у й н о с о в. Какого роду, скажи?

М е н ш и к о в. Самого подлого.

А в д о т ь я. Меншиков!.. Батюшка, в Москве все знают, что ты медведя водил и пирогами торговал.

М е н ш и к о в. Случалось.

Б у й н о с о в. Не пойду! Дочерей не пущу! Не видано это, не слыхано...

П е т р *(отрываясь от чтения бумаги)*. Князь Роман Борисович, это сынок твой?

Б у й н о с о в. Недоросль, государь.

П е т р. Эка, недоросль,— коломенская верста... Чему его учишь?

Б у й н о с о в. К ученью неразумен еще, мал.

А в д о т ь я. Дитя еще нежное.

П е т р. Вот... Отправляем в Амстердам учиться детей дворянских. *(Указывает на бумагу.)* Один у нас заболел оспой, так мы пошлем твоего взамен.

Б у й н о с о в. Мишку моего в Амстердам?!

А н т о н и д а *(быстро — сестре)*. Мишку нашего в Амстердам посылают.

О л ь г а. Вот дураку счастье подвалило...

А в д о т ь я *(завыла)*. Не берите от меня сына мово родного... Лучше в могилу нас обоих заройте...

М и ш к а *(завыл, но притворно)*. Ро́дной батюшка, ро́дная матушка, зачем меня на свет ро́дили... Пропала моя головушка...

П е т р. Подойди!

Мишка подходит, за ним Абдурахман.

В Амстердаме учиться будешь или по кабакам шляться?

М и ш к а. По кабакам... *(Повалился в ноги.)*

А б д у р а х м а н. Учиться будем.

П е т р. Это кто такой?

А б д у р а х м а н. Абдурахман, холоп.

П е т р. Поедешь с княжонком в Амстердам, присматривай за ним, чтобы там не пьянствовал.

А б д у р а х м а н. Присмотрю, Мишка будет учиться.

М е н ш и к о в. Мин херц, бородач упрямится, не идет... Меня лает...

П е т р. Дай ножницы. Роман Борисович, устав знаешь? *(Берет его за бороду.)* Быть на ассамблеях всем равно мужска и женска пола, без места... Пить, танцевать и табак курить... *(Режет ему бороду.)*

Б у й н о с о в. Государь! Батюшка!.. Боже мой! Боже мой!

П е т р. Борода — гнусна и бесполезна, ибо есть обычай невежества и старой обыкновенности... Женской породе борода зело не любезна, ибо в ней грязь и вонь... *(Меншикову.)* С него возьмешь еще десять рублей — за бороду.

М е н ш и к о в. Есть! Мин херц...

П е т р. Жемов!

Ж е м о в *(из кузницы)*. Здесь, Петр Алексеевич.

П е т р. Обедать к Меншикову. *(Антониде и Ольге.)* Обрадовали меня, что приехали... Нам красивые девицы до смерти нужны... А уж плясать научим так, чтобы каблуки отлетали...

Все уходят.

А в д о т ь я *(мужу)*. Батюшки, оголили, голова-то, слава богу, еще осталась. Бросил бы ты упрямиться.

Б у й н о с о в. Не видано, не слыхано...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лифляндская изба. За дверью шум, сердитые голоса. Дверь распахивается. Вскакивает Поспелов, таща Екатерину в изодранном платье, в солдатском кафтане поверх. Толкнув ее на лавку, оправляет на себе парик, платье.

Поспелов. Дьяволы! Шум какой подняли! Было бы из-за чего... *(Екатерине.)* Ну, ты... Не реви, говорю, замолчи. Сказано — взять тебя к фельдмаршалу и — вся недолга. Вымой личико, оправься, неряха... Как звать?

Екатерина. Ой, ой, ой...

Поспелов. Ну что — ой, ой!.. Спасибо скажи, что тебя из обоза в боярские хоромы взяли... Там бы тебя под телегой помяли драгуны... Не реви, перестань, дура... Фельдмаршал бабьей сырости не любит... Иди, я солью... *(Толкает ее к рукомойнику, подает ей умыться из ковша.)* Мой щеки, глаза мой хорошенько, вода студеная. Тебя вчерась, что ли, в плен взяли?

Екатерина. Вчера-а-а...

Поспелов. Кто взял, Федька?

Екатерина. Федика...

Поспелов. Ты по-русски-то понимаешь?

Екатерина. Понимаешь чути-чути...

Поспелов. Утиральника нет чистого... Подолом вытрись... Стирать-то умеешь?

Екатерина. Умеешь чути-чути...

Поспелов. Фельдмаршал чистоту любит... Он в Италии бывал и в Константинополе бывал, к чистоте привык... Ты возьми ведро, тряпку, вымой пол, лавки, первым делом... Поняла меня? Вон ведро... Да сними ты кафтанишко солдатский... А юбку подоткни, где рваная. А стряпать умеешь?

Екатерина. Стряпать умеешь чути-чути...

Поспелов. Чути-чути... Ты ему щи навари, чтобы ложка стояла... Фельдмаршал страсть наваристые щи любит... И все такое прочее, горячее. Чего опять плачешь, я тебя добру учу... Чтоб фельдмаршал был с тобой ласковый...

Екатерина. Он ласковый?

Поспелов. То-то, что ласковый к вашей сестре.

Федька *(врывается)*. Господин квартирьер... Зачем у меня девку отняли из обоза? Она моя добыча... Я ее на шпагу взял.

Екатерина. Он меня на шпагу взял, он меня защитил. Он правду говорит, солдаты платье уже на мне рвали, он мне свой кафтан на плечи надел.

Федька. Поспелов, отпусти девку.

Поспелов. Очумел ты,— девку для фельдмаршала привели.

Федька. Очень хорошо. Катька, надевай кафтан.

Екатерина. Сейчас надену кафтан.

Поспелов. Уйди добром, Федор.

Федька. В артикуле нет такого закону — отымать добычу у солдата. *(Тащит Екатерину к двери.)*

Поспелов *(с силой отталкивает его)*. Из-за тебя мне головой отвечать!

Федька. Ты чин не велик. *(Ударил его в грудь.)*

Поспелов *(покачнулся, но устоял)*. Ого, ты вот как, брат...

Федька. Еще хочешь?

Поспелов. Получай... *(Ударил Федьку в грудь, тот не покачнулся.)*

Федька. Не серди меня.

Поспелов. Сказано мне — девку беречь, приказ военный, живую не отдам.

Федька. Ой, не серди меня.

В это время под самыми окнами — отчаянная стрельба, лязг сабель, крики.

Екатерина. Ой, шведы!

Поспелов. Вот черт, опять шведы!.. На... *(Сует Федьке ружье, хватает пистолеты.)*

Оба выбегают.

Екатерина. Мейн готт! *(В страхе становится за печку.)*

Алексей *(вбегает в ужасе)*. Шведы!.. Шведы!.. *(Срывает с себя офицерский шарф, бросает, мечется. Выдергивает из кармана пистолет, взводит курок.)*

Проклятые, проклятые... *(Слыша голоса.)* Кто там? Кто там?.. *(Швыряет пистолет.)*

Входит Шереметев.

Шереметев. Ничего, бог милостив...

За ним входят Ягужинский, генерал фон Липпе и Поспелов.

Жалко — царевича напужали.

Алексей. Отбили шведов?

Шереметев. Отбили, батюшка... Да шведов немного и было, они тут повсюду рыскают — за хлебом, за сеном... И ведь чуть не взяли у нас обоз... Как же ты, генерал фон Липпе, их проморгал? Эх, немец ты, немец...

Ягужинский. Не подоспей Меншиков — пропал бы весь обоз.

Фон Липпе. Этот война — неправильный война. Это не научный война, это разбойничья драка.

Шереметев. Видишь ты,— не научная война. А шведа бьем и города берем... Садись, генерал, садись, полковник, садись царевич... *(Поспелову.)* Избу для царевича приготовили?

Поспелов. Все готово, велел только печь вытопить.

Шереметев *(Тихо)*. Пленную девку привел?

Поспелов. Привел.

Шереметев. Иди.

Поспелов уходит.

От Петра Алексеевича ответа не получено. Как нам быть теперь? Более того, неприятельской земли разорять нечего,— все разорили и запустошили, что могли. Осталась у неприятеля только Нарва, Ревель да Рига. Шведы уже становятся на зимние квартиры. Король Карл гоняется по всей Европе за королем Августом польским, и Карла сюда скоро не ждут. Дать ли нам отдых войску и становиться на зимние квартиры, или пойти еще побить генерала Шлиппенбаха и уж тогда окончить зимний поход? Что скажешь, царевич? Твой голос — первый.

А л е к с е й. Отец прикажет — то и делай, поменьше думай.

Ш е р е м е т е в. Петр Алексеевич думать нам велит. За то он и бояр подкосил, что плохо думали, и нас, худородных, поставил — добывать отечеству славу.

А л е к с е й. Отвяжись от меня, Шереметев. Знобит меня, отвели бы меня в избу.

Ш е р е м е т е в. Знобит — с непривычки. Петр Алексеевич тоже спервоначалу-то — стоит, бывало, под ядрами весь белый, губы закусит до крови. Потом привык.

А л е к с е й. Никогда я не привыкну... Напрасно меня из Москвы привезли... Нарочно меня — мучить привезли... Проклятые, проклятые...

Входит М е н ш и к о в, разгоряченный, в руке окровавленная шпага.

М е н ш и к о в. Видел... Изрубили к черту весь отряд. Сорок два шведа... Троих сам с седла снял. *(Вытирает шпагу о полу кафтана, бросает в ножны.)*

Ш е р е м е т е в. Ну, что ж, славно потешился, Александр Данилович. Ратная потеха — мужам утеха.

М е н ш и к о в. Жалко, царевича с нами не было, повеселился бы на коне с вострой сабелькой.

А л е к с е й. Ну тебя к черту, дурак ты, Меншиков.

М е н ш и к о в *(хохочет)*. Привыкать надо к таким делам. А ну, как Петр Алексеевич спросит, не пужался ли ты шведов, ядрам не кланялся ли? Что ему ответить?

А л е к с е й *(с ненавистью)*. Время будет — об этих словах пожалеешь, Меншиков.

М е н ш и к о в. Ну? Неужто?

Ш е р е м е т е в. Не цепляйся ты к нему, Александр Данилович. Царевич молод, от дворцовой неги взят в поход, а ты, гляди, какой боров.

А л е к с е й. Я пойду лучше. *(Идет к двери.)*

Ш е р е м е т е в. Проводи его, возьми фонарь в сенях.

М е н ш и к о в. Надоел он мне хуже горькой редьки.

Меншиков и Алексей уходят.

Фон Липпе. Господин фельдмаршал задал весьма серьезный вопрос... Что нам делать?.. Гм... Сразу я не могу ответить. Я должен хорошо подумать на сытый желудок.

За печкой вздохнули. Шереметев обернулся, кашлянул.

Шереметев. Что ж... Поди, поди, генерал, подкрепись, потолкуем после ужина.

Фон Липпе. Военная наука говорит: никогда не решай поспешно. Торопливость и голодный желудок — худший враг человеку. *(Уходит.)*

Шереметев. Навязали нам, прости господи, немца, слушать его,— до сих пор бы под Новгородом стояли, все думали...

За печкой опять вздохнули.

(Забеспокоился, взял со стола письмо, опять покосился на печку.) Ты вот что, Ягужинский, возьми-ка письмо, перебели, нынче же государю послать... Поди, поди к себе...

Ягужинский. Разреши, господин фельдмаршал,— не человек ли за печкой?

Шереметев. Кошка, кошка за печью. Поди, поди... *(Дает ему шляпу, толкает к двери.)*

Ягужинский уходит. Шереметев идет к печке. Из-за нее выходит Екатерина.

Здравствуй.

Екатерина *(делает книксен)*. Гутен таг...

Шереметев. Зовут как?

Екатерина. Элене — Катерина...

Шереметев. Хорошо зовут... Ну, Катерина, садись, не бойся, не обижу.

Екатерина. Спасибо.

Шереметев. В плен тебя взяли? Ай-ай... Бывает, бывает. Роду какого — боярышня?

Екатерина. Нет, служанка... В услужении была у пастора Эрнеста Глюка.

Шереметев. Служанка? Очень хорошо. Стирать умеешь?

Екатерина. Стирать умею. Наваристые щи умею варить.

Шереметев. Весьма хорошо. А мне, видишь ты, в походе без женщины трудновато, и холодно, и голодно, нет тебе рубашки постирать... Да то, да се... Ну, что же ты — девица?

Екатерина (*заплакала*). Нет уже.

Шереметев. Очень хорошо... Значит, замужем?

Екатерина. За королевский кирасир Иоганн Раббе.

Шереметев. Убит, чай?

Екатерина. Не знаю... Как вашим войскам ворваться в Мариенбург,— Иоганн бросился в озеро и поплыл.

Шереметев. Утонул... Плакать, Екатерина, не надо... Ты молодая, красивая... Погоди немного, по первопутку пошлю солдата в Новгород, привезут тебе платье шелковое, пестрое, шубенку лисью... Есть хочешь?

Екатерина. Очень.

Шереметев (*хлопотливо сдергивает полотенце с того, что стоит на столе*). Ах, батюшки, а есть-то и нечего... Тебе бы, чай, пряничков медовых хотелось?.. Вот мясо да хлеб черствый... Вино пьешь?

Екатерина. Не знаю. (*Быстро ест.*)

Шереметев. Значит, пьешь.

Екатерина. Значит, пьешь.

Шереметев. Ишь ты, какая голодная... Покушай, выпей, обойдись... Мы хорошо заживем... Я ведь еще ничего себе?

Екатерина. Ничего себе...

Шереметев. Меня бабенки любят... Бранить или побить — я это никогда... Само собой, и ты со мной поласковей...

Екатерина. Как вас величать?

Шереметев. Борис Петрович.

Екатерина. Выпейте со мной, Борис Петрович.

Шереметев (*наливает*). Здравствуй, Катерина.

Екатерина. Здравствуйте, Борис Петрович... Садитесь поближе уж.

Шереметев. Ишь ты какая, черноглазая...

Входит Меншиков.

Меншиков. Отвел... На печку уложил... Чистый волчонок...

Шереметев. Да господь с тобой, Александр Данилович, ты бы пошел к себе, поужинал, опосля потолкуем.

Меншиков. Так, так, так... Это кто же у тебя такая?

Шереметев. Да так, девка одна пленная, белье стирает. Ужина-то у меня и не собирали, и горячего нет, ты поди к себе, поди.

Меншиков *(глядит на Екатерину; внезапно — горячо)*. Фельдмаршал, уступи девку!

Шереметев. Да господь с тобой, Александр Данилович... Она мне самому нужна...

Меншиков. Продай... Ей-ей, продай... Не пожалею, торговаться не стану...

Шереметев. Да что ты, не надо мне твоих денег.

Меншиков. Кобылу отдам караковую!.. Бери чепрак и седло!

Шереметев. Да не хочу я твоей кобылы!

Меншиков. Ох, не ссорься со мной, фельдмаршал...

Шереметев. Да на что тебе эта девка далась, Александр Данилович! Да и девка-то худая... Все у тебя есть: молодой, взысканный... Чего ты у старика последнее отнимаешь.

Входит Поспелов.

Поспелов. Александр Данилович, царевич тебя зовет, вина требует, сердится.

Меншиков. Ладно... Фельдмаршал, подумай хорошенько... Мне ведь что загорится — через огонь полезу. *(Подходит к Екатерине.)* Ну, где тебе с такой, старому, справиться!.. Верно я говорю?

Екатерина. Где тебе с такой справиться!

Меншиков *(целует ее)*. Сахарная! *(Идет к двери.)* На другом отыграешься, фельдмаршал. *(Уходит.)*

Шереметев. Бесстыдница... Ах ты бесстыдница!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Деревянные палаты Меншикова в Петербурге.

Меншиков входит, сбрасывает шляпу, плащ.

Меншиков. Катерина, Катерина!

Екатерина *(появляется в боковой двери)*. Здесь я, Александр Данилович, свет ясный...

Меншиков. Сейчас гости будут.

Екатерина. Гости!

Меншиков. Готовь скорее, что есть дома... Дай-ка новый парик да кафтан побогаче.

Екатерина кидается к сундуку, достает.

Царь вдруг приказал — чтоб была ассамблея.

Екатерина. Александр Данилович, у нас — только холодное, горячего ничего нет.

Меншиков *(одеваясь)*. Ставь, что есть... Да на разные столы насыпь табаку кучками, да трубки, свечи, шахматы не забудь. Водки покрепче, перцовой,— иностранцы будут.

Екатерина. По какому случаю ассамблея?

Меншиков. Дура! Погляди. *(Показывает на груди портрет Петра.)* Походил я в царских денщиках, довольно. Сегодня пожалован губернатором Питербурха.

Екатерина. В сем случае позвольте поцеловать вас в сахарные уста.

Меншиков *(у зеркала, надевая парик)*. Оставь, не мешай... Я муж государственный,— целуй руку.

Екатерина. Александр Данилович, но ведь и города такого еще нет, одни болота да черные хижины.

Меншиков. Построим... А что, плохи мои палаты?.. *(Указывая в окно.)* Неву отвоевали у шведа — наша. Балтийское море — наше... Гляди: это тебе не город... К осени закончим крепость,— швед зубы сломает... Адмиралтейство — не хуже, чем в Амстердаме... По берегам дворцы будем строить... Ну, ступай, ступай, никак уж идут...

Екатерина. А мне где прикажешь быть, на кухне?

Меншиков. Побудь где-нибудь... Начнем танцевать — приоденься, отчего же, попляши... Только не суйся ты на глаза Петру Алексеевичу.

Екатерина. Отчего не соваться на глаза Петру Алексеевичу?

Меншиков. Отчего, отчего... Была у него девка Анна Монсова, он про нее узнал нехорошее и ее — долой. Вот уж около года ходит один, как голубь... Смотри, Катерина...

Екатерина. Смотрю, Александр Данилович. *(Уходит.)*

Меншиков *(в окошко)*. Эй, Шафиров, здорово... Иностранцев веди с красного крыльца... Куда же ты в грязь лезешь, потонешь, левее бери, по доскам...

Чистая перемена.

Там же. Широкие двери в глубине раскрыты. Столы. Свечи. Гости сидят за столом, пьют, курят. За одним из столов — иностранцы: купец Блек, шкипер Зендеман. Шафиров и около Меншиков с кувшином. За другим столом — Петр играет в шашки с Жемовым, около купец Свешников.

Меншиков *(Шафирову)*. Почему англичанин не хочет пить, почему скучен?

Шафиров. Господин Блек обижается, что государь на него не глядит.

Меншиков. Больно уж твои иностранцы важны приехали.

Шафиров. Деньги у них большие, Александр Данилович.

Меншиков *(купцу Блеку)*. Господин Блек, надо тринкен.

Блек *(подняв палец, предостерегая)*. Но-но-но!

Шафиров. Да он говорит — для него чересчур крепко.

Меншиков. А нам в самый раз. Не хочет, не надо... Шкипер Зендеман, выпьем за первый голланд-

ский корабль, что ты не побоялся — приплыл к нам в Петербург...

Шафиров *(переводит)*. Let's drink to the first Dutch ship in Petersburg, your health — you weren't afraid to come to us.

Зендеман. Тринкен? Можно. *(Пьет с Меншиковым.)*

Меншиков. Ты правильный человек, морской человек.

Зендеман. Крепкий водка.

Меншиков. Нам таких людей побольше. Давай еще.

Петр *(Жемову)*. Стоп! Плутуешь, брат.

Жемов. Правильно, Петр Алексеевич, отроду я не плутовал. Три пешки беру и тебя — в нужник.

Петр *(раздумывая)*. Постой, постой...

Свешников *(Жемову)*. А тебе бы, кузнец, поддаться надо.

Жемов. Зачем я ему поддамся? Мы в крепкие играем, не в поддавки.

Свешников. Все-таки.

Жемов. Это ты, купец,— все-таки... А мы — не все-таки.

Петр. Ладно. Сдаюсь. *(Меншикову.)* Данилыч, я проиграл полтину, заплати ему.

Меншиков *(подходя)*. Мин херц, Шафиров говорит — у англичанина Блека деньги большие. Только он хочет тяжелый договорчик, чтоб весь мачтовый и корабельный лес шел ему и никому больше... А уж надутый, мин херц, как пузырь, сидит. И дает дешево.

Петр встает, подходит к иностранцам. Они встают.

Петр. Выпить хочу за любезного брата моего англицкого короля.

Шафиров *(переводит)*. The tzar wishes to drink the health of his beloved brother, the king of England.

Петр. Данилыч, крепышу, самого жестокого.

Меншиков. Есть, мин херц, самого жестокого.

Блек. Every Englichman drinks the first glass to his king, the second fo the invincible Englich navy and the third — to the welfare of English trade.

Шафиров *(переводя)*. Он говорит, всякий англичанин первый-де стакан пьет за своего короля, второй-де за аглицкий непобедимый флот, третий — во здравие аглицкой торговли.

Петр. Так пусть англичанин все три стакана и выпьет во здравие. *(Сам наливает, подает.)* За короля!

Блек пьет.

За флот!.. Пей, пей, купец, сие крепко да здорово.

Блек пьет.

За барыши...

Блек. Будет... Невозможно...

Петр. То-то, с другого стакана по-русски заговорил... Пей...

Блек пьет.

Ну вот. Теперь поговорим о делах.

Зендеман *(Меншикову)*. Царь Петр умный голова.

Меншиков. А ты что думал!

Петр, Блек, Шафиров и Меншиков отходят в глубину, разговаривая. Появляется Алексей. Озирается с зябкой улыбкой, кланяется в спину отцу. К Алексею подходят Шереметев и Буйносов.

Шереметев. Здравствуй, Алексей Петрович.

Буйносов. Что опоздал, царевич, нездоров, что ли?

Шереметев. Ну, как тебе — против Москвы — на новом месте?

Алексей. Ничего... Хорошо у вас... Партикулярно...

Буйносов. Сыровато маленько, город-то на болоте... Место зыбкое...

Алексей. Ничего, стерпится, слюбится... Господь терпеть приказал...

Шереметев. Наслышаны, наслышаны, радости ждем от тебя...

Алексей. Какой радости?..

Шереметев. Что женить тебя батюшка собрался на австрийской принцессе...

Алексей. Ничего не знаю, это дело батюшки... А я еще не разумен...

Шереметев. Породниться с австрийским императором — это большой политик, царевич.

Алексей. Ты к чему это клонишь? Все вы тут загадками разговариваете... Точно и не русские люди, ей-ей... *(Отходит.)*

Буйносов. От табаку у него головка кружится.

Шереметев. От табаку ли?

Буйносов. Ох, табак, табак! Какой его сатана выдумал? А вот у меня, скажем, две девки с цепей рвутся, а ведь женихов-то здесь в Питербурхе нет... Кои молоды — все за море посланы.

Шереметев. Женихов тебе весь Преображенский полк да весь Измайловский...

Буйносов. Род-то наш уж очень знатен. Ведь князья Буйносовы от Романа Буйноса Овчины, что вышел в тринадцатом веке из цесарской земли с дружиною.

Шереметев. Так, так...

Буйносов. Три века в государевой думе сидим боярами и окольничими... Не хочется худородного-то в зятья брать, породу портить.

Шереметев. Так, так...

Буйносов. А ведь придется?

Шереметев. Ох, придется.

Буйносов. Сделай милость, фельдмаршал, уж шепни ты государю словечко: может, сам ко мне сватом приедет, все-таки честь была бы.

Шереметев. Само собой.

Проходят.

Ягужинский проходит с двумя немками.

Первая немка. Мой дедушка был пивовар, и мой папаша был славный пивовар, и мой Иоганн пивовар.

Ягужинский *(второй немке)*. Загадки умеете отгадывать?

Первая немка. Она еще боится. Она еще недавно из Москвы. Ее папаша преславный булочник в Немецкой слободе.

Ягужинский *(второй немке)*. Отгадайте изящную загадку: что лучше — любить и потерять, или вянуть — не любить, зато не потерять?

Первая немка *(хохочет)*. Она этого еще не понимает... Она очень стыдливая.

Ягужинский. Обтерпится... Мы люди веселые...

Они проходят.

В дверях шум. На четвереньках вползает огромный человек, на нем поп Битка и князь-папа — Никита Зотов.

Битка. Обидели, обидели нас, не позвали...

Князь-папа. Пьем, пьем, пьем во имя всех пьяниц, во имя всех скляниц, во имя всех кабаков, во имя всех табаков...

Битка. Аминь! Оскверняю дом сей и все пьяное собрание...

Буйносов. Тьфу! Поп, а безобразничает.

Битка. Мне царь безобразничать приказал... Мы с князем-папой с утра трудимся, бочонок водки вылакали за твою княжескую непомерность.

Подъезжают к столу, слезают с человека, берут кубки.

Князь-папа. Пьем, пьем, пьем во имя всех брюхатых, во имя всех толстозадых, во имя всех ленивых, во имя всех спесивых...

Битка. Во имя воров и казнокрадов. Аминь!

Меншиков. Будя вам орать, дьяволы!

Битка. Обидели духовное лицо! Степан, вези нас к бочке. *(Опять садится на Степана, едет по комнате.)*

Зендеман *(хохочет)*. Поп верхом на человеке!

Битка *(протягивает ему стакан)*. Трижды оскверняю питие... Пей, иностранный...

Зендеман. Русский любит шутить. Виват!

Князь-папа. Во имя всех ветров, во имя всех шкиперов...

Битка на Степане и князь-папа уезжают в глубину. Хохот гостей. Оттуда на первый план выходит Алексей, лицо его искажено, глаза расширенные, побелевшие.

Алексей. Антихристы, антихристы...

Буйносов. От табаку это у тебя, от дыма табачного, царевич... Пойдем на крыльцо, подыши ветром, сокол ясный...

Они проходят. Появляются Петр и Шафиров.

Петр *(Шафирову)*. Скажи этому пузырю: я сам повезу лес в Англию. Не продавать ему ничего... Свешников!

Свешников торопливо подходит.

Ставь водяное колесо на реке Ижоре, ставь лесопилку, пили доски, пили мачтовый лес... Воровать будешь?

Свешников. Господи, Петр Алексеевич, да для нас царская копейка дороже, кажется, своей жизни.

Петр. Помолчи... Дам тебе два барка трехмачтовых,— погрузишь лес и повезешь в Лондон.

Свешников. Петр Алексеевич, боязно, языкам мы не научены.

Петр. Учись... Приказываю. Даю год сроку... Ответишь...

Свешников. Горячий ты какой, Петр Алексеевич.

Петр. Я вас, бородачей толстопузых, знаю,— учены вы в московских рядах воровать, теперь поучитесь торговать.

Свешников. Господи, да когда же мы...

Петр. Данилыч, заготовь указ: первому негоцианту-навигатору — заграничный патент, чтоб пять лет с него не брать пошлин... Как тебя, Свешников,— Алексей... А по батюшке?

Свешников. По батюшке? Так ты с отчеством будешь нас писать? Да за это, государь Петр Алексеевич, что хочешь с меня спрашивай. Никитич я — по батюшке...

Петр. Ладно. Придет время, спрошу... Ты вот что, Алексей Никитич, поди к шкиперу Зендеману, выпей с ним, подружись, сходи на его корабль... Все там высмотри и выспроси, чтоб у нас было не хуже,

С в е ш н и к о в. Все будет сделано, Петр Алексеевич. *(Отходит.)*

П е т р. Данилыч, почему ассамблею хоронишь, почему танцев нет?

М е н ш и к о в. Мин херц, тебя только ждали. *(Вынимает платок, машет.)*

Начинается музыка.

Б л е к *(церемонно кланяется Петру, хотя не трезв на ноги)*. Сэр... Экскюз ми...

Ш а ф и р о в. Он уже согласен на нашу цену, Петр Алексеевич.

П е т р. Теперь наша цена будет дороже... *(Блеку.)* Плясать, плясать иди.

М е н ш и к о в. Мин херц, что же, начинай, кавалеры, дамы ждут.

П е т р. Бабы не вижу подходящей. *(Увидел появившуюся принаряженную Екатерину.)* Это кто такая?

М е н ш и к о в. Эта? Так, мин херц, пленная одна, за экономку у меня живет.

П е т р. Почему ее раньше не показывал?

М е н ш и к о в. Робкая очень, пугливая.

П е т р. Врешь, врешь... Пускай она мне поднесет.

М е н ш и к о в. Хорошо, мин херц. *(Екатерине.)* Поднеси чарку вина Петру Алексеевичу, поцелуй в губы, как полагается.

Е к а т е р и н а. Александр Данилович, лучше не надо этого...

М е н ш и к о в. Ты и впрямь дура. *(Наливает чарку, ставит на поднос.)* Поднеси.

Б и т к а. Ликсеич, смотри, не обожгись об девку.

П е т р. Иди к черту.

Е к а т е р и н а *(поднося чарку)*. Прошу покорно, герр Питер...

Петр выпил, поцеловал ее в губы.

Спасибо.

П е т р. Откушай и ты. *(Наливает ей.)*

Е к а т е р и н а. Спасибо. *(Пьет.)*

П е т р. Танцуешь?

Е к а т е р и н а. Очень хорошо... Спасибо...

М е н ш и к о в. Весь день, мин херц, поет да танцует между делом, такая веселая.

П е т р. И поешь хорошо?

Е к а т е р и н а. И поешь хорошо... Спасибо...

М е н ш и к о в. Заладила — спасибо да спасибо... Ты расскажи что-нибудь.

Е к а т е р и н а. Расскажи что-нибудь. Он же не простой человек. Можно вас просить, герр Питер?

П е т р *(нахмурясь)*. Просить? О чем? Ну, проси.

Е к а т е р и н а. Налейте мне еще вина в рюмку.

П е т р *(захохотал)*. Вот так попросила... Ну, попросила? Прошу, мамзель, на польский. *(Берет ее руку.)*

Е к а т е р и н а. Спасибо.

Петр и Екатерина танцуют.

Б и т к а. Ликсеич, смотри, как бы у тебя голова не закружилась.

П е т р *(танцуя)*. Плясать всем.

Общий танец.

Е к а т е р и н а. Ай! Извините, герр Питер...

П е т р. Что с тобой?

Е к а т е р и н а. Так стыдно мне... Подвязка развязалась... Извините... *(Садится, поправляет.)*

П е т р *(отходит к столу, наливает, пьет, не сводя глаз с Екатерины)*. Ловка, ловка плясать, как огонь...

М е н ш и к о в. Тут еще есть одна, мин херц, немка-булочница, ну, чистый розан...

П е т р. Я пойду — прилягу на часок. А вы тут пошумите без меня, попляшите.

М е н ш и к о в. Постель готова.

П е т р. Скажи Катерине — взяла бы свечу, посветила мне в спальню. *(Уходит.)*

Б и т к а. Ликсеич, ты шалить собрался, грех великий...

М е н ш и к о в *(проводив до двери Петра, возвращается, берет свечу)*. Катерина... Царь хочет, чтобы ты взяла свечу — посветила ему в спальне,

Екатерина. Господь с вами, Александр Данилович!.. Не понесу свечу.

Меншиков. Иди... глупая...

Екатерина. Свет мой... Жалеть будете...

Меншиков. Иди, говорят тебе... Сама виновата...

Екатерина. Сама виновата?!

Меншиков. Иди!

Екатерина уходит со свечой.

Музыканты, давай Бахусову, застольную!

Во имя всех скляниц,
Во имя всех пьяниц,
Во имя всех кабаков,
Во имя всех дураков.

Князь-папа, шкипер Зендеман и Жемов пляшут.

Жемов. Стойте, давай расстанную. *(Запевает.)* «Ясный сокол, что не весел, что головушку повесил».

За ним поют все.

Битка *(Меншикову, который поет и пьет)*. Данилыч, завей горе веревочкой...

Меншиков *(схватил его с бешенством)*. Сволочь, ты чего царю нашептывал?

Битка. А я к тому и приставлен — ему на ухо нашептывать.

Меншиков *(льет ему из кувшина в глотку)*. Пей, мгла пьяная, адский сын...

Битка. Будя... *(Валится.)*

Екатерина появляется в дверях, глядит на Меншикова. Музыка смолкает.

Меншиков *(кидается к ней)*. Ну, что, Катя, царь заснул?

Екатерина ударяет его по щеке. Меншиков кинулся к ней. Она ударила в другой раз. Он согнулся, целует ей руку.

Алексей *(из глубины глядит на Екатерину)*. Сука!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кремль. Тронная палата. Собираются монахи, бояре, купцы. Проходит Алексей, с ним — Буйносов, Таратутин и Вяземский.

Таратутин *(с бородой, в старорусском платье)*. Приехал, приехал... А уж мы не чаяли узреть. А он, месяц ясный, вот он,— приехал.

Буйносов. Три дня без отдыху скакали из Питербурха-то в Москву... Ох ти!

Таратутин. Громче, князь Роман, у меня ухи завалило.

Буйносов. Говорю: так жить знатным особам — это разве жизнь, это — тартарары.

Таратутин. А мы живем в Москве ничего себе, богу молимся.

Алексей. Молитесь, молитесь, бояре, бог милостив.

К ним подходят еще бояре.

Молитвы у нас никто не отнимет.

Таратутин *(не расслышав)*. Чего отнимать-то хотят,— денег опять, что ли, надо?

Буйносов. Ох, господи...

Вяземский. Денег! Опять денег?

Алексей. Не знаю, ничего не знаю, бояре... Мне-то, убогому, ничего не надо, ни денег, ни крови человеческой. Была бы тишина да покой... Ох, опять я гляжу на эти стены,— вот она где, Россия, дедовская, истовая...

Буйносов. Русь православная без немецких сосисок...

Вяземский. Нет ее! Кончили Русь православную! Хоть в Литву, хоть в Польшу без оглядки беги...

Алексей *(рукой коснулся его волос)*. Какой ты горячий, Вяземский, какой глупый...

Вяземский. Алексей Петрович, уж дальше поганить — некуда... В Грановитую палату, на седь-

мое-то небо — чернь влезла... Входят, гляди, как смело, купчишки, аршинники...

Таратутин. Не верит нам государь Петр Алексеевич, аршинникам стал более верить.

Буйносов. Ох ти!..

Алексей. Государь не милостив, да бог милостив. Государь делает свое, а бог свое... У гишторика Барония сказано: король французский Хильперик повреждал уставы церковные и отымал имения, а бог его и убил.

Вяземский. Убил?

Таратутин *(засопев)*. По-стариковски дозволь, Алексей Петрович, в плечико тебя... *(Целует.)*

Буйносов. Сядем, царевич, сядем, бояре,— князь Ромодановский шествует... Князь-кесарь, ох ти!

Вяземский. Монстра преужасная...

Алексей отходит от бояр, кланяется Ромодановскому, садится.

Ромодановский *(входит в царском облачении)*. Садитесь, бояре, садитесь, иеромонахи, садитесь, торговые люди. *(Садится на стул рядом с троном.)* Государь Петр Алексеевич изволил собрать вас для думы и совета о великом и неотложном государском деле. Все ли в сборе?

Входит Петр в царском облачении — в ризе, в бармах, в мономаховой шапке,— поверх голландского платья, в руках — скипетр и держава. Садится на трон.

Петр *(Ромодановскому)*. Читай, князь-кесарь.

Ромодановский *(поднявшись, читает)*. Известно, сколько положено несносных трудов для устроения государства нашего. Вернули мы наши древние вотчины на балтийском побережье. Укрепили Азов и Таганрог. Построены флоты в трех морях. В заботах о процветании торговли и разных мануфактур повелено торговым людям для ведения своих дел учредить Бурмистерскую палату и городские ратуши. Начало положено и тому, чтобы русское государство не одной византийской спесью было сильно, но стало могучим и преуспевающим в ратном деле, в мануфактурах и в горном промысле, в науках и в искусствах.

И более того преуспели бы мы, кабы не разорительная война со шведами, коим помогают европейские государства, ненавидящие нас. Восемь лет бьемся мы со шведами... Ныне кровожаждущий Карл со всем своим войском вторгся на Украину. Гетман Мазепа, ища отторжения Украины, воровски изменил нам. На Дону атаман Кондратий Булавин поднял великую смуту. Король Карл идет на Москву. В сей грозный час надлежит каждому отложить попечение о себе. О спасении государства думайте, русские люди. Казна государева пуста...

Среди сидящих волнение.

Таратутин. Казна пуста, а у нас и подавно в кармане — блоха на аркане.

Вяземский. Все, все отдали на корабли да на преображенские мундиры.

Буйносов. Пшеницу — весь урожай в казну отдал, солонины десять бочек — в казну отдал... Холопов одним толокном кормлю. А у меня две девки на выданье, платья немецкие им шей, кофием пой, а кофей — восемь гривенничков... Щеки брить каждый раз цирульнику два алтына плати... Откуда у нас деньги?

Петр. Деньги нужны немедля, бояре. Давайте любовно... Князь Таратутин...

Таратутин. Слышу плохо, государь.

Петр *(отдавая скипетр и державу Ромодановскому)*. Сядь на мое место. *(Сходит с трона, на который садится Ромодановский, достает из кармана записку.)* По фискальной сказке у тебя в чулане зарыто дедовского серебра и золота на сорок тысяч рублей.

Таратутин. Лгут! По злобе обнесли, ей-богу.

Петр. У тебя, князь Вяземский, золотой и серебряной посуды на двадцать тысяч рублей сказано, и ты ее спрятал и ешь на деревянной и глиняной.

Вяземский. Бери! Снимай рубашку!

Петр. И сниму. Ты, князь Роман Борисович, взял на откуп за десять тысяч рублев кабаки в Новгороде и Пскове, а прибыли с тех кабаков получил пятьдесят тысяч.

Буйносов. Да где они, где эти деньги? Государь, оговорили меня.

Петр *(поворачивается к монахам)*. Вы что нам скажете, божьи заступники?

Иеромонах. Государь, с нас взять нечего, одной милостыней живем Христа ради... Не дай вконец запустеть храмам божиим.

Петр. Монастырям и приходам лишние колокола снять и везти на пушечный двор. И без того на Москве колокольного звона довольно. Помолчи, отец. Кроме того, московским монастырям сообща внести в государеву казну двести тысяч рублей... Помолчи, отец, я не кончил. Да всем же монастырям и приходам выйти на крепостные работы — копать землю. И выходить не одним послушникам,— выходить всем монахам вплоть до ангельского чина... Я один за всех помолюсь, на сей случай меня константинопольский патриарх помазал... Сядь, велю... Ну, а вы, именитые купцы, что хорошего скажете?

Президент Бурмистерской палаты. Государь, дела-то наши плохи, народишко-то от войны обеднел, товаришки-то у нас залеживаются, хлебец-то, льняная кудель, кожи-то в амбаришках гниют.

Петр. Ах вы, убогие...

Президент. Изубожили, государь...

Петр. На сей случай я из Питербурха англичанина привез. *(Показывает на Блека, появившегося вместе с Шафировым в глубине.)* Вон он — ясный сокол. Такие у него прожекты — рот разинешь. Хочет взять на откуп и леса, и промыслы рудные, и торговлю. Купец — широкий. И деньги дает наличные, сколько нам нужно... Вот, подумаю, пожалуй, да все ему и отдам... А то вы — люди бедные...

Свешников. Мы — люди бедные?

Президент. Мы — люди бедные?

Свешников. Сколько тебе надо денег?

Петр. Миллион, завтра же.

Свешников. Два миллиона даем... Не русские мы люди? Купцы! Отечеству два миллиона — даем?

Купцы. Даем.

Свешников. Прикажи позвать дьяка, государь, пусть пишет расписки... Без англичанина, своими силами справимся.

Петр. Спасибо, купцы... Мой залог — вот он. Алексей, встань. Я умру — он отдаст.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Полтава. Холм. Палатка Петра.
У палатки — Петр, Меншиков и Шереметев с подзорными трубами. Под холмом — преображенцы в боевом строю. Гром пушечной стрельбы. Реплики Петра и Меншикова отрывисты, приподняты.

Меншиков. Короля на руках поднимают. Раненый. Нога обвязана.

Петр. Непобедимый Карл! Коль ты славен, Карл, Карл...

Меншиков. Короля выносят вперед войска.

Труба.

Шереметев. Двинулись конные полки. Помогай нам бог...

Петр. Вот они, непобедимые в свете шведские рейтары!

Меншиков. Как несутся, дьяволы... Прямо на наши середние рогатки... В лоб бьют, сволочи...

Трубы. Грохот пушек.

Шереметев. Прорвут рогатки, государь. Надо подсобить.

Петр. Нет... Еще не время... Пускай сия страшная кавалерия захлебнется кровью на наших рогатках.

Меншиков. Наши-то, наши... Как снопы, кидают шведов... Ох, шведы напирают здорово... Ох, и драка!

Шереметев. Прорвали первую линию... Помогай нам бог...

П е т р. Дым,— ничего не видно. Дым!

Вбегает Я г у ж и н с к и й.

Я г у ж и н с к и й. Восемь рейтарских полков атакуют наш центр... Ингерманландский, Псковский и Новгородский полки бьются насмерть... Более половины наших порублено...

П е т р. Сколь глубоко пробились шведы?

Я г у ж и н с к и й. Проломили рогаток все три ряда... Бьемся у самых редутов.

П е т р. Редуты не отдавать!.. Редуты держать до последнего. Сие важней всего... Ступай в бой.

Я г у ж и н с к и й. Есть, государь. *(Уходит.)*

П е т р. Фельдмаршал, ступай — держи оба фланга несокрушимо. Пусть шведы нажимают на центр. Пусть дойдут до редутов. Тогда — общее наступление. Окружай. Центр буду держать я... Ступай.

Ш е р е м е т е в. Будет исполнено, государь. *(Уходит.)*

М е н ш и к о в. Мин херц... Сил нет больше глядеть... Дозволь ударить...

П е т р. Вся шведская кавалерия на рогатках... Заносчив ты, Карл! Замысел ясен его — пробиться сквозь центр к нашим главным силам... *(Меншикову.)* Ступай... Заходи всеми конными полками со стороны Полтавы в тыл... Бейся, не щадя живота...

М е н ш и к о в. Будет сделано... Трубачи! *(Уходит.)*

Вбегает П о с п е л о в.

П о с п е л о в. Король с пешими полками идет в прорыв рогаток на редуты... Нужна подмога...

П е т р *(швыряет трубку, вынимает шпагу, сходит с пригорка)*. Сыны России, сей час должен решить судьбу отечества. Не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество... Порадейте, товарищи. Отечество вас не забудет...

Ф е д ь к а *(из строя)*. Порадеем, Петр Алексеевич. Не выдавали и теперь не выдадим.

П е т р. Не отдадим редутов. Вперед!

Трубы. Крики «ура». Петр с солдатами уходит в бой. Шум боя. Входит раненый Ш е р е м е т е в.

Шереметев. Люди! Кто здесь живой? Солдаты... Бегите ж... Удержите государя... Берите под уздцы его коня... *(Садится на разбитый лафет.)* Корпии мне, корпии...

Подбегают санитары.

Рви кафтан, прикладывай... Солдаты! *(Встает.)* Выручайте Петра Алексеевича,— на нем кафтан прострелен и шляпа сбита, рубится, как простой солдат... За мной... *(Уходит.)*

Шум боя. Поспелов и Федька ведут пленных генералов.

Федька. Идите расторопнее, дьяволы криворылые, к палатке идите, по-русски вам говорят.

Поспелов. Ты с ними человечнее говори,— чай, прославленные во всем свете генералы.

Федька. Человечнее! А наших они сколько поклали...

Ягужинский *(с поднятой шпагой)*. Победа! Победа! Шведы бегут! Король бежит! Победа!..

Преображенец вносит знамена.

Преображенец. Куда знамена класть? Сюда, что ли?

Трубы. Крики. Входят Петр и Шереметев.

Петр *(солдатам)*. Победа! Победа! Воины России... Сыны отечества... Чады мои возлюбленные... Без вас государству, как телу без души, жить невозможно. Вы, любя отечество, не щадили живота своего и на тысячи смертей устремлялись безбоязненно. Воины России, храбрые ваши дела никогда не забудут потомки!

Крики, трубы. Входит Меншиков, разгоряченный, с обвязанной головой.

Меншиков. Виктория, виктория! Армии шведской более нет. Порублена! Сволочи, упустили короля. Король ушел за реку...

Петр. Черт с ним, догоним... Победа, победа, Данилыч! Вот они, превеликие в свете, прославленные генералы граф Реншельд, граф Пипер, принц Вюртембергский, генерал Шлиппенбах, генерал Гамильтон... Плакать будете завтра, нынче празднуем викторию. Данилыч, отдай им шпаги. Зови в шатер... Трубачи, труби победу!.. *(Выхватывает у трубача трубу, трубит.)*

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Палаты Буйносова в Москве. Сидит Мишка в нарядном европейском платье. Около него — Авдотья. У дверей — Абдурахман.

Авдотья. Какой ты стал щепетный, будто стал длиннее, поджарый стал.

Мишка *(зевает)*. Зёр шмуциг хир, ин Москау.

Авдотья. Чего, сынок?

Мишка. Скука, грязища у вас в Москве. Тараканы в щелях, хоть бы вы на стенку зеркало, что ли, повесили.

Авдотья. Да ты отдохнул ли с дороги-то, сокол ясный? Сколько же ты ехал от Амстердама-то? Чай, месяц, а то и более?

Мишка. Зехс вохен.

Авдотья. Чего?

Мишка. Фу ты, ну, зехс вохен... Шесть недель. Ну, разучился я по-вашему — русиш шпрехен. *(Абдурахману.)* Не скаль зубы, дурак.

Авдотья. Вот и сестры твои, Антонида с Ольгой, тоже все по-заграничному стараются, да чего-то плохо выходит, язык у них, что ли, не повинуется.

Мишка. Где им, кобылам московским. В Ганновере с неделю отдыхал в трактире да в Берлине отдыхал.

Авдотья. В трактире?

Мишка. Ну, а где же еще!.. Там любой трактир почище ваших палат. Всякие фрейлены, в чепчиках,—

бйте, бйте, такие любезные, и тебе нальют и тебя уложат.

Авдотья. Кто же это — фрейлены, Миша?

Мишка. Ну, девки ихние. *(Зевает.)*

Авдотья. Миша, чадо родное, да ты там не спутался ли с кем?

Мишка. Этого я еще не понимаю, мамаша.

Абдурахман ухмыляется.

Абдурахман, по затылку наложу...

Авдотья. А у нас такая жизнь стала тяжелая, Миша. Ни тишины, ни покою. Люди стали как бешеные. Где это видано, чтобы русский человек торопился? Да столько бы работал... К антихристу торопимся,— все это говорят.

Мишка. Пустое... Просто оттого, что варвары.

Авдотья. Варвары, варвары, Миша... Опять приказано святки справлять в Москве... На пяти тысячах подвод всем Питербурхом сюда приехали. Святки! С одного конца по Москве царь ездит с машкерами, с другого царевич ездит — пьяный. И такая эта потеха происходит трудная — многие приуготовляются, как бы к смерти, особливо знатные персоны... В прошлые святки князя Лыкова напоили и давай протаскивать сквозь стул, а ведь князь какой тучный... На князе Гагарине оборвали платье и сажали его, Миша, в лукошко с сырыми яйцами... А князя Коркодинова надували кузнечным мехом.

Мишка. Как это — мехом надували?

Авдотья. Обыкновенно,— бедный, вот так раздулся — едва отходили. Нынче — еще страшнее, ожидаем, будут эти шалости...

Мишка. Вот бы посмотреть, Абдурахман!

Вбегают Антонида и Ольга.

Ольга. Мишка, а мы тебя еще толком и не видали... Ну, как мы против заграничных мамзелей?

Антонида. Вровень или чересчур?

Мишка *(оглядывая)*. Ну нет, вам до них далеко еще.

Ольга. То есть как это нам еще далеко?

Антонида. Свои — так уж надо хаить.

Мишка. Платья наверчены на вас без толку, ногами стучите. Да и жирны чересчур.

Ольга. Что ты... Нас по четыре девки засупонивают, дышать нечем.

Антонида. У нас полнота легкая, приятная, мы девы здоровые. Да ну его, Ольга.

Ольга. Миша, что ж там носят?

Мишка. Днем одно, вечером — другое. А вы с утра в робы со шлепами выкатились,— эх, варварки!..

Ольга. Ну, это у нас — ошибка. Говорят, в Париже полосатые юбки стали носить?

Антонида. Нижние.

Мишка. У француженок нижних юбок не видал.

Авдотья. Замолчите, бесстыдницы,— боярышни вы али из Лоскутного ряда шлюшки?

Ольга. Миша, значит, вот ко мне подходит кавалер,— о чем я, дева, начинаю разговор?

Антонида. Сразу ли надо говорить про любовь, про амур?

Мишка. Амур, амур,— вам и верно в Лоскутном ряду трясти подолами.

Ольга. Тогда — про что же, господи?

Абдурахман *(у двери)*. Начинай говорить, что в книге прочитала, какую музыку слушала, какую комедию в театре видела... Красиво надо говорить, умно.

Ольга. Тебя спрашивают?!

Антонида. Калмыцкая морда, пошел вон!

Мишка. Не уходи, Абдурахман, стой у притолоки.

Авдотья. Замуж, замуж им надо,— перезревают, с ума сходят...

Входит Буйносов.

Буйносов. Авдотья! Мать! Сколько у нас висело коровьих кож в подклети?

Авдотья. Шестьдесят семь кож коровьих, сама считала.

Буйносов. Вот! А он что плетет... Оська!

В дверях показывается приказчик.

В продажной росписи он шестьдесят две только проставил. Куда делось пять кож? Кто украл? То-то — поищу... У крыльца босиком на морозе настоишься, вор, покуда не найдешь... Шишь, бродяга. Пошел вон.

Приказчик скрывается.

В праздничек — нет покоя... И все из-за вас, толстомясые... Растопырили юбки, нет, чтобы поберечь дорогие платья... В обыкновенных санях они уж не могут ездить,— золотую карету им подавай... Ренские вина им подавай, кофей!.. А деньги, как птицы, летят из кармана. Да разве княжеское дело — считать кабацкие деньги, кожи продавать! Отцы, деды жили... Эх! Едешь тихонько в Кремль, посидишь в Государевой думе и покойно едешь домой... Вот и вся твоя забота. Все было свое, всего досыта. Шуба али турский кафтан от прадеда правнуки донашивали... О деньгах и не думали...

Авдотья. Все говорят — на новой копейке антихрист в мир въехал.

Буйносов. Цыц... Ты забудь про антихриста, Авдотья! Указ знаешь?

Авдотья. Какой?

Буйносов. Настрого велено ныне всем дворянкам зубы чистить.

Авдотья. Ба-а-атюшки, да ведь белые зубы только у арапов да у обезьян, у боярынь зубы всегда желтые.

Буйносов. Поди, штукатурки возьми кусочек да тряпочку, почисти зубы... Подожди. Надень шелковую бострогу с хвостом.

Авдотья. Ой, куда же я так разряжусь!.. Дома-то стыдно.

Буйносов. Царя жду... Мне сказали — Петр Алексеевич хочет быть к нам сватом.

Ольга. Ой-ой, сватом. Ой, Тонька!.. Сватом!

Антонида. Кого ж сватать? Мутер, фатер, кого?

Ольга. Не тряси руками, уж не тебя только.

Антонида. Царь лучше разберется, где пышная дева, а где сухоядение.

Ольга. Это я — сухоядение?

М и ш к а *(глядя в окошко)*. Идите щеки румянить, кобылищи, кто-то подъехал на двух санях...

О л ь г а. Сваты, сваты!..

А н т о н и д а. Сваты, сваты!

Ольга, Антонида и Авдотья уходят. Буйносов тоже идет к окошку.

Б у й н о с о в. Нет, не царь... Батюшки, никак — царевич... Вот черт принес не вовремя!

М и ш к а. Мне остаться?

Б у й н о с о в. Нет, Миша, лучше ты уйди... И женщинам скажи, чтоб не выпархивали... Царевич на отца зол... Пьет... Жену бросил. Завел себе девку из слободы... Ох, нехорошо... А какой человек,— истовый, царственный, тихоречивый. К дворянам люб, не то что... К духовным — люб... Иди, иди...

М и ш к а. Невесело живете...

Мишка и Абдурахман уходят.

Б у й н о с о в *(спешит к парадной двери)*. Пожалуйте, дорогие гости...

Входят А л е к с е й, В я з е м с к и й, приказный Е в а р л а к о в и поп Ф и л ь к а. За ними лезут, ползут н и щ и е, у б о г и е, ю р о д и в ы е.

Ю р о д и в ы е, н и щ и е *(поют гнусаво)*.

Пропел петух трижды во полунощи...
Волхвы со звездою путешествуют.
Родился царь царей во скотьем хлеву
Да на гноище, на гноище, в рубище...

А л е к с е й. С праздничком, князь Роман Борисович... А мы уж зело шумны... Питербурхские святки справляем, только уж извини — машкеры да шутовские колпаки в сугроб обронили... Много дворов объехали... У Вяземского были... Хорошо у тебя, Вяземский, по обычаю живешь, по дедовской старине... Господи, господи... Так мне жалко его стало... Разоряем, все разоряем. Ну-ка, сними кто-нибудь валенки,— жарко.

Буйносов *(отстраняя Еварлакова).* Отойди прочь, подьячий. Мне здесь по месту, по званию сапожки снимать у русского православного царя.

Юродивый. Убогие, восславим Алешеньку.

Хор юродивых и нищих. Слава тебе, слава, царь...

Юродивый. На четырех зверях восседающий.

Хор. Слава тебе, слава, царь.

Юродивый. Силы и престолы и могущества ошую и одесную взирающий...

Хор. Слава тебе, слава, царь...

Юродивый. Сатану, большого черта, в тартарары низвергающий.

Хор. Слава тебе, слава, царь.

Юродивый. А тот черт большой, сатана — с кошачьей головой, он глазами вертит, шеей дергает.

Юродивые, нищие мяукают, визжат, дергаются. Алексей хохочет.

Свят, свят, свят, наш Алеша царь...

Алексей *(вскочил, толкнул юродивого, затопал ногами на остальных).* Тише ты, замолчи,— царь! Какой я царь! Не царь я, не царь... *(Падает на лавку.)*

Еварлаков. Вот так-то, от темна́ до темна́,— не живем, все оглядываемся...

Вяземский. Отчего ж, пускай царевич слышит правду.

Филька. Истинно, истинно, правда нынче по задним дворам ходит. Правда в тайной канцелярии на дыбе стонет. Храмы божии пустеют... Золотые купола воронами обгажены...

Алексей. Замолчи, поп проклятый...

Еварлаков. Правда есть бог, а бог — тишина да покой. *(Алексею.)* Твой дед, царь Алексей Михайлович, был тишайший, а Украину присоединил и анафеме Стеньке Разину голову отрубил. А мы десять лет воюем и все без толку,— швед мир-то заключать не хочет... Православных обрили наголо, катехизис, часослов учить не велят, партикулярные книжки учить велят, и все без толку. Тем и сильна была Россия, что, прикрыв срам лица брадой, аки голубь в святом неведении возносила молитвы... А мы кораблики

строим, за море плаваем, а купцы-то наши приедут в Амстердам,— товары-то у них не берут, и так ни с чем, пропив одежонку в кабаке, и плывут обратно... Все без толку. Пропала Россия.

Вяземский. Ох, боже ты мой, замолчи, Еварлаков,— тошно.

Филька. Кораблям на России не бувать, и наукам на России не бувать.

Буйносов. Вот Мишка мой, хотя бы, чему хорошему в Голландии научился? Херес пить да мамзелей вертеть... Вот она, Европа.

Филька. С такими порядками бувать в России пусту месту.

Алексей. Пусту! Давно у нас пусто... Слышали? Отец жениться хочет на Катьке. Ее, суку, короновать будет... Царица! Под телегой взята, в солдатском кафтане приведена... Опять брюхата она, слышали? Наследника ему носит... Святки отпразднуют, и в Успенском соборе он с Катькой перевенчается. За тем и в Москву приехали. Вот когда будет пусто...

Вяземский. Двери закройте.

Буйносов *(торопится, закрывает внутреннюю дверь)*. Ох ти, ох ти, что это будет, что будет...

Вяземский. Если это случится,— на срамную девку наденут царский венец, щенка ее в ектеньях с амвона заставят возглашать,— не жить Алексею Петровичу, не жить, изведут...

Филька. Долго ли, клобук на лоб — и Пустозерск.

Алексей. Клобук на лоб?

Филька. Навечно.

Алексей. А Катькиному ублюдку царствовать? Русские вы люди? Или вы дьяволы? На крещенье на Москве-реке при всем народе кинусь в прорубь... Холопы!

Буйносов. Алексей Петрович, не ругай нас. Не живем — зубами скрежещем... Ведь только тем и живы, что надеемся на твой царский венец.

Еварлаков. Аминь.

Алексей. Вы, что же, тайны мои выпытываете?.. Проклятые, проклятые... Ей-богу, скажу отцу, ей-богу,

спознаетесь с князем Ромодановским... Из-за вас, дураков, мне голову терять! Не царь я! Нет, не царь! Не человек я... Душа изныла от страха. Шафирова, еврея, боюсь. Девьера, сатану, еврея голландского, боюсь... Поспелова, беглова холопа, боюсь. Меншикова боюсь... Ах, Меншиков, собака!.. Сколько лет меня спаивает. Кричит на меня. Будет он торчать на колу. Отцовских министров на сковороде буду жарить на Красной площади... Придет мой час... Вяземский, князь Роман,— мне ведь только переждать, без страха... Увезите меня на край света. Затаюсь где-нибудь... И вы перетерпите... Отцу не век же лютовать. Он пьет много. Долго жить ему не под силу. Господи, буду царствовать на Москве с колокольным перезвоном. В ризах византийских. С вами думу думать. Питербурх пускай шведы берут,— черт с ним, это место проклятое. Флот сожгу, войско распущу. Нас никто не тронет: мы тихо, и к нам — тихо. Все монастыри пешком обойду. Обещаю. Взгляни-ка в глаза мне, Вяземский... Взгляни, князь Роман. Поп, взгляни мне в глаза... Поп, тебе одному скажу. Не выдашь исповеди? Хочу отцовской смерти... День и ночь думаю о том... Грех это? Будут мне за это адские муки? Будут? *(Оборачиваясь ко всем.)* Слышали, что я сказал? Чего же молчите? Бегите к Ромодановскому, кричите на меня слово и дело... Признавайте царевичем Катькиного ублюдка...

Буйносов. Захмелел ты, царевич...

Еварлаков. Ничего, царевич страшной порукой вяжет.

Вяземский. Царевича оставлять в России опасно. Увезти его хоть в Польшу, а лучше к римскому кесарю. Пусть там и переждет.

Алексей. К римскому кесарю? В Неаполь? Побожитесь, целуйте крест...

Мишка *(отворяя дверь)*. Ряженые приехали.

Буйносов. Ну, пошло... *(Спешит к окошку.)*

Алексей. Кто, кто приехал?

Буйносов. Окошко-то замерзло... Батюшки, саней-то... На верблюдах, на собаках, на козлах... Царь приехал.

Алексей. Отец!

Юродивый. Большой черт с кошачьей головой... Спасайся...

Юродивые, нищие, убогие кидаются во все двери, как крысы, исчезают.

Вяземский. Спрячьте скорее царевича.

Алексей. Куда идти? Проводите меня.

Буйносов. Ведите царевича в задние покои...

Все уходят в боковую дверь, уводя царевича.

Ох ти! Ох ти! Мишка! Зови сестер.

Входят Петр, Екатерина, Шафиров, Меншиков, Поспелов, князь-папа, поп Битка и несколько человек песельников.

Петр *(стоя лицом к вошедшим, запевает)*.

Свекор с печки свалился,
Ветчиною подавился.
Любо, любо, любо, любо...

Хор.

Ветчиною подавился
Да за лавку завалился.
Любо, любо, любо, любо...

Петр.

Кабы я была вести́ма,
Я б повыше подмостила.
Любо, любо, любо, любо...

Хор.

Я б повыше подмостила,
Свекра б лучше угостила.
Любо, любо, любо, любо...

Петр. Принимай сватов, князь Роман Борисович.

Буйносов. Обрадовали, дорогие сваты. Садитесь, дорогие сваты. Не побрезгуйте нашей хлебом-

солью. Где же ваш женишок, дорогие сваты, где ваш ясный месяц?

На него, рыча, мяукая, пища, лезут страшные маски.

Петр. Выбирай любого: вот медведь, коза, преужасная мышь, конь Пегас, адский Цербер, капуцин, арап.

Буйносов. Петр Алексеевич, уж для шуток-то я стар будто бы.

Петр. А мы не шутим. Жених налицо, хотим смотреть невесту.

Мишка *(в дверях)*. Идите же, не упирайтесь.

Он втаскивает Ольгу и Антониду, за ними Авдотья.

Ольга. Пусти, пусти, пусти...

Антонида. Ах, ах, ах...

Петр *(взмахивает руками, вместе с хором)*.

Вей, вейся, хмель,
Завивайся, хмель.
Хмелюшка по выходам гуляет,
Сам себе хмель подпевает:
Нет меня, хмелюшки, лучше,
Нет меня, хмеля, веселее.

(Подходит к Антониде и Ольге, кланяется, потом Буйносову и Авдотье). Ясный месяц, жених молодой, ехал мимо, увидал белую куницу, она будто бы на ваш двор ушла. Отдайте нам белую куницу, вашу красную девицу.

Буйносов. Против твоего жениха, государь, наша невеста будет худа, плоха.

Авдотья. Которую же, батюшка, вы берете?

Князь-папа. Целуй, которая потолще.

Петр целует Антониду.

Битка. Ликсеич, руками плотно не держи девку, не для себя берешь.

Антонида. Ах, ах, ах...

Ольга *(матери)*. Видели,— сама рожу подставила.

Екатерина *(подводит Поспелова в маске арапа)*. Вот, красавица, твой суженый...

Антонида. Арап! Ой, родители!

Екатерина. Лицом — ясный месяц, сердцем — вулкан огнедышащий, душой — сизый голубь! *(Снимает с него маску.)* Такого молодца во сне не увидать.

Буйносов. Васька! Да шутите вы надо мной!

Петр. Нам не до шуток.

Буйносов. Не видано, не слыхано...

Авдотья. Осрамили, опозорили...

Буйносов. Не бывать этой свадьбе.

Князь-папа. Для строптивых у нас средства есть.

Битка. Мех кузнечный...

Меншиков. Яиц лукошко...

Шафиров. Аки верблюд сквозь игольные уши проходит, так и человеку возможно пролезть сквозь стул...

На Буйносова наступают.

Мишка. Абдурахман, гляди — начинается потеха.

Абдурахман. Князь уступит.

Авдотья. Батюшка, ты уж лучше не упрямься, ведь — святки, закон неписаный.

Буйносов *(оробев)*. Не надо!

Петр. Как решит красавица сама, так и быть посему.

Екатерина. Люб тебе жених, царский денщик?

Антонида. Отчего же... Это даже более рафине, чем князья-то нынче.

Петр. Умно говоришь, девка. Я вот подумаю, пожалуй, да ему и дам графский титул.

Авдотья *(завыла)*. Доченька, думала я, тебя рожаючи, что за беглого мужика выдадим...

Антонида. Да ступайте, мамаша, выть на черное крыльцо.

Ольга *(Антониде)*. Поздравляю, Тонька.

Антонида. Данке зер.

Все усаживаются за стол.

Петр. Василий, подними-ка стакан с большим виватом.

Поспелов. Тесть дорогой, матушка теща, уж вы простите меня, дурака деревенского, что я побоев ваших тогда не вытерпел, и как был за мной должок в семь рублев...

Буйносов. С полтиной...

Поспелов. Ушел я, горемычный, искать счастья по белу свету. Тогда Петр Алексеевич меня, дурака, научил: счастье-то само в рот не лезет, счастье надо на шпагу брать...

Меншиков. Правильно.

Поспелов. Пришлось потрудиться. Девять ран на теле ношу. И теперь чин на мне не малый. В Питербурхе на мое крыльцо князья-то без шапок входят.

Петр. Ну, уж это ты врешь. *(Идет от стола к Мишке.)*

Поспелов. Так уж вы мной не побрезгуйте, тесть дорогой, теща-матушка... *(Кланяется Буйносову и Авдотье, выпивает кубок, отходит к Антониде.)*

Буйносов *(Меншикову)*. Буйносовы в шестой книге вписаны, Александр Данилович, и с ними восемнадцать княжеских фамилий. Бесчестья чтоб не было множеству столь великих родов — дать бы ему, Ваське, графский титул поскорее.

Меншиков. Дадим, дадим, это нам раз плюнуть.

Петр *(Мишке)*. Давно прибыл из Амстердама?

Мишка. Вчерась ночью, великий государь.

Петр. Чему там научился?

Мишка. Математике, фортификации, кораблестроению, как было приказано.

Петр. Будешь держать экзамен на офицерский чин.

Мишка. Слушаюсь, великий государь.

Петр *(берет со стола сверток — чертеж)*. Посмотрим. *(Разворачивает.)* Кто чертил? Не врать,— проверю... Это что?

Мишка. Парус.

Петр. Дурак. Как сей парус называется?

Абдурахман *(шепотом)*. Грот...

Мишка. Грот-парус.

Петр. А это что?

Абдурахман (*подсказывает*). Бом-брамсель...

Мишка. Бом... парус..

Петр. Ты, я вижу, в Амстердаме из кабаков не вылезал.

Мишка. Вылезал.

Петр идет к свечке, чтобы закурить трубку.

Громче, Абдурахман.

Абдурахман. Говорят тебе,— бом-брамсель.

Петр (*поймал Абдурахмана за ухо*). Держи экзамен. (*Указывая на чертеж.*) Это что?

Абдурахман (*бойко*). Бом-брам-стеньга.

Петр. Это?

Абдурахман. Эзель-копф-брамстеньга.

Петр. Это?

Абдурахман. Брам-рей... Стеньга... Топ-стеньга... Все сие есть полное парусное вооружение трехмачтового стопушечного фрегата «Ингерманландия», спущенного в августе месяце с петербурхской верфи...

Петр. Сукин сын! Все знает! Чертил кто?

Абдурахман. Я.

Петр. А! Помню,— Абдурахман?

Абдурахман. Абдурахман, точно так.

Петр. Ну, если ты мне так же ответишь по математике и фортификации, навешу тебе офицерский кортик. А княжонка твоего — к тебе же матрозом.

Абдурахман. Отвечу, Петр Алексеевич.

Меншиков (*который, встав из-за стола, слушал экзамен и нечаянно под лавкой увидел валенки*). Мин херц, здесь Алексей Петрович. Его валенки.

Петр. Чего ж он от меня прячется? Я на него не сердит.

Буйносов. Царевич пьяный приехал, едва в дверь проводили. В чулане спит.

Петр. Разбуди. Выспится после святок.

Буйносов уходит.

Что приумолкли? Святки хороните. (*Заводит музыкальный ящик.*)

Князь-папа *(поднимая чашу, гнусавит нараспев)*. Во здравие отца нашего всепьянейшего Ивашки Хмеля и матери нашей, аки адское пламя, распаляющей помышления наши, всеблуднейшей Венус...

Екатерина *(пляшет одна)*.

Купидон, стрелой пырнувши,
Сам смеется, ах, злодей...
Купидона не боюся
Сих проказливых затей.

Меншиков. Чистая Венус, мин херц.

Петр. Ах, хороша, хороша... Катерина, осторожнее...

Алексей входит, бросается к Петру.

Алексей. Отец! Обезумел я от пьянства, от страха... Сам не знаю, что говорю.

Петр. Что-нибудь он здесь говорил?

Буйносов. Чепуху, одну чепуху... Мы уж его стыдили... И рот уж не знали чем заткнуть... Спьяну, все спьяну.

Меншиков. Сумнительно, чтоб только спьяну.

Алексей. Больной я... Головой немощен, телом хил... Чахотка у меня... Отец, отпусти за границу.

Петр. За границу? Истинно, ты весьма пьян, Алексей... Бежать от меня хочешь?

Алексей. Нет!

Петр. Я к тебе добр. С чего же ты? Что спрашиваю с тебя много? Так с кого же и спрашивать!

Алексей. Ничего мне не надо... Отрекаюсь от наследства... Не хочу царствовать... Отпусти за границу...

Петр *(бешено)*. В чулан ступай! Юродивый!.. Тварь презренная!

Екатерина *(бросаясь к Петру)*. Успокойся... Не гневайся, свет мой... Не стоит он твоего гнева... *(Гладя его голову.)* Ну вот, ну вот... Все знают,— другого такого дорогого не найти на свете... Поедем веселиться в другое место...

Алексея утаскивают.

П е т р. Катерина, матка моя, спасибо. Едем отсюда... Всешутейшие... Надевай маски. Жениха с невестой в сани. Романа Борисовича с нами же в сани... Одевайте его чертом...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Комната в замке Сент Эльмо в Неаполе. У окна сидит Ф р о с ь к а, в халате, неприбранная. У стола А л е к с е й, пишет.

Ф р о с ь к а *(раскладывая карты)*. Опять дальняя дорога, на сердце пиковый король... А ты говоришь — карты врут. *(Облокотилась, глядит в окошко.)* Господи, господи... Полгода смотрю на это море, ничего хорошего, одна простуда. Алеша, куда же дорога-то? Домой, что ли? Брось писать, кому ты все пишешь?

А л е к с е й. Сенаторам пишу... Императорский курьер скачет в Питербурх, он и передаст тайно... Сенаторы меня любят... Князь Мосальский любит, князь Мышецкий любит, князь Ростовский любит. Еще напишу митрополитам, а они шепнут попам, а попы — прихожанам... Все будет, как я захочу. Меня чернь любит.

Ф р о с ь к а. Опять во сне видела,— ем студень. Почему здесь пища такая вредная, Алеша? Как итальянцы терпят? Не привыкну вовек, и так уж юбки сваливаются...

А л е к с е й. Потерпи, Фрося. Все будет хорошо. Император даст мне войско. Турки поднажмут из Крыма. Да шведы опять поднажмут... Англичане мне денег обещали... Чернь за меня, духовенство за меня... Половина сенаторов за меня...

Ф р о с ь к а. Много спишь, Алеша, у тебя в головке путается. Никто тебе войско не даст, и денег не дадут...

А л е к с е й. Дура, рыжая дура!.. Много ты понимаешь в европейской политик...

Фроська. Дура,— а зачем сюда привез? Я же не просила... *(Глядит в окно.)* Ну, опять чертушка идет.

Алексей. Кто?

Фроська. Да все он же — Петр Андреевич Толстой.

Алексей. Сатана! *(Сует по карманам письма, комкает черновики, бросает в камин.)* Подосланный! Сатана!

Фроська. Все к тебе подосланные. Скоро уж я буду подосланная... Он вчерась говорил,— государь его послал в Италию купить подешевле идолов старинных, мраморных, да картин разных мастеров...

Алексей. Врет он! А ты поверила? Не хочу его видеть. Ну его к черту! *(Уходит в боковую дверь.)*

Фроська раскладывает карты, напевает. Входит Толстой.

Толстой. Здравствуй, Ефросинья... Одна?

Фроська. Спит.

Толстой *(подсаживаясь)*. Ну, говорила с ним?

Она фыркает.

Надо кончить это дело. Царевич по своей воле должен вернуться.

Фроська. Не хочет он ехать... И не приставай с этим. Император нам громадное войско дает.

Толстой. Кто это тебе сказал?

Фроська. Да уж знаем,— обещано.

Толстой *(берет у нее колоду, бросает на пол)*. Дура, не картам верь. Мне верь. Император обещал нам выдать царевича.

Фроська. Нет! Пугаете.

Толстой. Наложим цепи на него, на тебя, повезем в мужицкой телеге об одну конь,— что хорошего... А вернется своей волей, государь отпишет царевичу город Углич али Новгород на воеводство... Тебе деревеньку дадим душ в полтораста... Такой-то и жить в довольстве... Молодая, пышная... Шейка-то у тебя беленькая, лебединая. *(Потянулся поцеловать.)*

Фроська. Пусти... Не про тебя это..,

Толстой. Ну, как по такой шейке да топором тяпнут? Жалко.

Фроська *(отшатнулась)*. Сатана... Сатана...

Толстой. Не вернешься добром, спознаешься с топором. Иди к нему.

Фроська *(дрожит, всхлипывает)*. При вас он со мной говорить не захочет.

Толстой. Я пойду по крепостным стенам похожу... Без канители, Ефросинья, чтоб ответ был сейчас. *(Уходит.)*

Фроська *(приотворяет дверь)*. Алексей Петрович, он ушел...

Алексей. Ушел? Сатана...

Фроська. А ну вас обоих, право... Через вас такие муки терпеть... Не хочу больше здесь жить — вот и весь сказ... Который месяц в бане не парилась.

Алексей *(подозрительно)*. Что он тебе говорил?

Фроська. В Москве теперь крыжовник поспел. Девки в огородах на качелях качаются.

Алексей. Что крыжовник... Все у нас будет. Про здоровье отца он ничего не говорил? Я знаю: отцу года не прожить, гниет заживо.

Фроська. Лучше я дома полы буду мыть. Лучше мне дома куски по дворам сбирать, чем томиться в этой могиле... Думаешь — император тебе войско даст? Как же, жди... Император обещался тебя выдать государю...

Алексей. Врешь! Тебе Толстой это сказал?.. Тебя Толстой подослал? Отвечай, сука! *(Кинулся на нее, опрокинул на кровать, начал душить.)* Заодно с ним, заодно!

Фроська *(вырвавшись)*. Черт с тобой! Одна уеду... Оставайся, сумасшедший, оставайся — лягушек жрать... Ни денег тебе не дадут, ни войска... Все равно, чеп на шею набьют, увезут на худой телеге... Поганый... *(Идет к дверям.)*

Алексей кинулся за ней, удерживает.

Алексей. Погоди. Куда ты... Свет мой... Да как же я без тебя! Сядь... Потолкуем... Страшно мне, Фрося... Люди злы. Император со мной ласков, турец-

кий посол ласков, английский и того ласковее... Я все понимаю... Ну и пускай их берут, что хотят... Много ли нам с тобой нужно? Покой, да тишина, да радость...

Фроська. Не плачь, свет мой, не плачь. Разве я тебе зла желаю? От тебя под сердцем ношу. Поедем домой. Государь тебя простит. Нам город подарит,— русский, с плетнями-огородами, с белыми церквами, во садах, с монастырьком над речкой... Заживем... Поедем, свет, вернемся...

Алексей. Ох, тошно...

Фроська. Обещай. Не сходя с места... Целуй крест... *(Вытаскивает нашейный крест, дает целовать.)*

Толстой осторожно входит.

Толстой. Батюшка твой, Петр Алексеевич, мне со слезами говорил: выручи сына моего, чтоб не брал он на себя страшного греха... Чтоб именем твоим, Алексей Петрович, как сто лет назад именем Григория Отрепьева, русская земля не была б разорена из конца в конец и попрана иноземцами, так что и жилого места было не найти. Тягостен тебе царский венец — живи партикулярно. Отпиши себе города, забавляйся, чем хочешь. Но беги из Европы, царевич. Того не ведаешь, что именем твоим готовятся кровавые дела.

Алексей. Уйди, Толстой. Не сразу петлю на меня накидывай. Дай подумать... Господи, с мыслями дай собраться.

Толстой. Слушаю, царевич. *(Пятится к двери, кланяясь.)*

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Летний сад в месте скрещения Невы с Фонтанкой. Угол летнего дворца. За садовым столом — Петр с трубкой. Около — строительные рабочие, подрядчик, инженер.

Петр *(подрядчику)*. С божьей помощью, с божьей помощью! Ты не виляй с божьей помощью... *(Указывает на развернутый план города.)* На мысу Васильевского острова ставим Академию наук и рядом

Камер-коллегию. За ними — поперек, на запад по компасу и вдоль острова, с норда на зюйд — роем каналы.

Старик рабочий. Вода-то, слышь, поднимется в наводнение,— по каналам ей способнее разливаться... Это правильно, Петр Алексеевич...

Петр. Землею из тех каналов на Васильевском острове будем поднимать набережные берега.

Подрядчик. Ох, работ много, справимся ли...

Петр. Надо — справишься, а не справишься — жалеть будешь.

На площадку выбегают, играя в жмурки, Екатерина, Ольга, Антонида, Авдотья и несколько фрейлин, Меншиков, Шереметев, Буйносов, Шафиров, Ягужинский, Поспелов и несколько молодых офицеров. Две девочки — Елизавета и Екатерина — подбегают к Петру.

Екатерина-дочь. Фатер, ком шпилен, ком, ну, пожалуйста...

Елизавета. Папа, ален жуе авек ну...

Петр. Сейчас, приду, бегите, бегите...

Девочки отбегают к играющим.

Екатерина *(поймала Шереметева, срывает с него платок)*. Господин фельдмаршал! Зачем поддаетесь?.. Вам гореть...

Шереметев. Горю, государыня, горю...

Екатерина. Горю, горю... Дайте завяжу вам глаза покрепче, Борис Петрович.

Шереметев. Игра отменная.

Екатерина. Игра отменная. Ловите...

Шереметев. Где уж мне... ловить пойманное... *(Идет с завязанными глазами.)*

Все разбегаются. Екатерина садится на скамью.

Екатерина. Уморилась.

Авдотья *(около нее)*. Долго ли застудиться, матушка государыня, от реки такой сквозняк.

Буйносов *(около скамьи)*. Не приставай ты с глупостями.

Авдотья. Оставь меня. От излишнего пота, государыня матушка, шалфей надо пить.

Б у й н о с о в. Ну, что ты несешь, помолчи, Авдотья.

А в д о т ь я. Оставь меня, я статс-дама, что хочу, то и говорю.

У скамейки появляется Ш е р е м е т е в.

Е к а т е р и н а. Горю, горю... *(Убегает.)*

Авдотья и Буйносов уходят за ней. Со стороны Невы появляется А б д у р а х м а н, в офицерском мундире, с кортиком. Подходит к Петру.

П е т р. Здорово, Абдурахман. Вчерась прибыл?

А б д у р а х м а н. Яхта «Не тронь меня» благополучно бросила якорь в Кронштате, особых происшествий не было, в Штетине ваш посол передал мне на борт запечатанное письмо. *(Подает.)*

П е т р *(инженеру и рабочим)*. Идите. Около бельведера стоит солдат, попросите у него по чарке водки и по огурцу.

Г о л о с а. Спасибо, Петр Алексеевич.

Инженер, подрядчик и рабочие уходят.

П е т р *(вскрывает пакет)*. Каково было море?

А б д у р а х м а н. Весь обратный путь был ветер зюйд-вест, свежий.

П е т р *(крякает от удовольствия)*. Свежий! Эх, хорошо! *(Читает письмо, нахмурился, обернулся.)* Данилыч... *(Абдурахману.)* Позови светлейшего. *(Встает.)*

Выбегают девочки — Е л и з а в е т а и Е к а т е р и н а, кидаются к нему.

Е л и з а в е т а. Папа, вам гореть.

Е к а т е р и н а - д о ч ь. Папенька, вам, вам...

П е т р *(вынимает платок)*. Завязывай, Лизавета.

Идет с завязанными глазами, девочки со смехом убегают. Появляются Е к а т е р и н а, А л е к с е й и М е н ш и к о в. Петр схватывает Екатерину, целует.

Е к а т е р и н а. Ой! Это я, Петр Алексеевич... Ох, вижу я теперь, как вы целуетесь с завязанными-то глазами. Кто вас так научил?

П е т р *(снимая платок)*. В Карлсбаде одна мадамка, на тебя маленько похожая.

Е к а т е р и н а. На тебя маленько похожая...

П е т р. Да уж где нам, старикам...

Е к а т е р и н а. Напрасно затеяли, что старики. Молодым гребнем только волосы издерешь, старый гребень лучше чешет. *(Смеется.)*

П е т р *(Алексею)*. Ну что, привыкаешь к нашему парадизу? Повеселел, вижу, маленько.

А л е к с е й. Приятно здесь, истинный парадиз.

П е т р *(Меншикову)*. Данилыч... *(Отходит с ним к дому)*. Вот что пишет Матвеев... «Король Карл под видом графа Норда покинул Турцию. В Вене имел свидание с императором и просил денег, и ему дали. После чего под видом графа Норда поехал в Берлин и имел свидание с великим курфюрстом. В Берлине денег ему не дали, но обещали помощь. После чего король Карл тайно проехал в шведскую крепость Штральзунд и там набирает войско».

М е н ш и к о в. Мин херц, ничего у него из этого не выйдет... Шведам воевать надоело, и пуще всего надоел им Карл.

П е т р. Покудова не будет вечного мира, покоя нам нет ни на море, ни на суше. Не в шведах беда,— в тех, кто за шведами стоит.

М е н ш и к о в. Галёр надо строить больше, в них вся сила, иностранцы до этого еще не додумались. Осенью, как шведскому флоту заходить в шхеры, мы его тут бы и взяли на этих лодках.

П е т р *(Толстому, который с бумагами под мышкой показался из-за угла дворца)*. Ты зачем?

Т о л с т о й. Прости, государь, позволь тебя потревожить. *(Показывает глазами на Алексея, шепчет.)*

Петр, Толстой и Меншиков уходят во дворец.

Е к а т е р и н а *(Алексею)*. Что опять нос повесил? Праздник, надо веселиться. Один ты брюзжишь, что худая муха в осень.

А л е к с е й *(останавливает ее)*. Всех ты лаской даришь, всех озаряешь, как солнышко... Государыня...

Е к а т е р и н а. Что еще? Город тебе на кормление дали, дворец тебе строят... Деньжонок, что ли, нет?

А л е к с е й. Душа изныла. С ума схожу. Спаси, спаси... *(Падает на колени, ловит подол ее платья.)*

Екатерина. Нехорошо так, встань, Алексей Петрович.

Алексей. Спаси Ефросиньюшку.

Екатерина. Кого?

Алексей. Тогда в марте месяце Ефросиньюшку я в Берлине оставил, брюхатую. Дороги были непроезжие, и она занемогла. А Толстой меня торопил. Потом и писал и молил, чтобы ее привезли поскорее... Вчерась она приплыла из Штетина, ее с корабля взяли и прямо увезли в крепость. Толстой ей розыск чинит. Ей, бывало, грубого слова не скажешь, а ее в застенок, на дыбу... Ох!..

Екатерина. Не плачь, перестань... Ох, эти дела... Ладно уж, скажу отцу.

Алексей. Следочки твои буду целовать.

Ольга *(появляясь с Антонидой)*. Не смей, не смей, Тонька...

Антонида. Ты лучше меня знаешь этикет!

Ольга. Царей спрашивать нельзя... Надо обиняком. *(Громко.)* Ах, я вне себя, ах, я в восторге!

Екатерина. Что вы, дамы?

Ольга. Кавалеры подбивают кататься на парусах, ваше величество.

Антонида. С музыкой, ваше величество.

Екатерина. С музыкой! И я хочу тоже с музыкой.

Она уходит вместе с Антонидой и Ольгой.

Буйносов *(осторожно подходит к Алексею)*. Царевич, нынче ночью князя Вяземского взяли в железо, отвезли в крепость.

Алексей. Мне-то что,— Вяземский мне не друг.

Буйносов. Подьячий Еварлаков привезен из Москвы в цепях. Царевич, не выдавай меня.

Алексей. Я никого не выдавал, зря брешешь.

Буйносов. Бог тебя простит, как ты своих друзей перед отцом оговариваешь... Поп Филька под кнутом помер, знаешь? Юродивого Варлаама, что жил у тебя, на колесе кончили.

Алексей. Отвяжись от меня к черту, пес...

Буйносов. Я пытки боюсь. Донесешь на меня — я со страху наговорю, чего и не было... а чего и было... Помнишь, как ты кричал: «Отцу смерти хочу... Царских министров на сковороде зажарю...»

Алексей. Дьявол, дьявол проклятый..

Буйносов. Слабый ты человек, Алексей Петрович...

Алексей замахивается.

Не те времена, чтобы тебе щеку подставлять... *(Уходит.)*

Петр *(выходя из дворца, вместе с Толстым)*. Алексей!

Алексей. Батюшка милостивый...

Петр. Веселые дела узнал про тебя, зон... *(Садится.)* Не однажды писал я тебе... Много тебя бранил... Сколько раз к разуму твоему, к совести твоей стучался... Ничто не успело,— все напрасно... Что ты за человек есть?

Алексей. Вашей воле я всегда покорен, батюшка.

Петр. Лжешь! Как у лютого змея, душа твоя под человечьей личиной. Молчи, зон, лучше слушай. Я не щадил людей, я и себя не щадил, ибо нужно было много сделать... Что не домыслил, что дурно сделано,— виноват. Но за отечество живота своего не жалел. Ты ненавидишь дела мои... Молчи, молчи, зон... Ты ненавидишь все сделанное нами и по смерти моей будешь разорителем всех дел моих. Более верить тебе не могу. Да и хотя бы и захотел поверить — тебя принудят к оному любезные тебе иноземцы, да свои — бояре, да попы ради тунеядства своего... Говорим мы в последний раз... Помысли ж, как могу тебя, непотребного, пожалеть,— не станет ли жалость отцовская преступлением горшим перед людьми, перед отечеством!

Толстой. Алексей Петрович, по вашем прибытии государь поверил, что вы ему все, как на исповеди, открыли.

Алексей. Все, все открыл... Я всех выдал... Одного запамятовал — князя Буйносова.

Толстой *(усмехаясь)*. Сей нам известен.

Алексей. Батюшка, окажите милость последнюю. Дайте мне согласие на брак с Ефросиньей.

Петр. С Ефросиньей?

Толстой. Курьезите!

Петр. Нет, на брак я тебе согласия не дам.

Алексей. В монастырь меня хотите? Молод я еще для схимы.

Петр. Нет, и не в монастырь. *(Толстому.)* Прочти ему.

Толстой *(читает)*. «На розыске жившая с царевичем девка Ефросинья сказала за собой «слово и дело».

Алексей *(болезненно вскрикнул)*. Сама сказала? Нет! Не поверю.

Толстой. «Вышеназванная девка сказала — царевич-де говаривал в Неаполе часто: «Меня-де австрийский император любит, он мне войско даст, и английский король меня любит, и турецкий султан обещал помочь». И еще говаривал: «Хотят, чтоб я отрекся от престола,— я любое письмо дам, это-де не запись с неустойкой, дам, да и назад возьму... А мне только шепнуть архиереям, архиереи шепнут попам, а те прихожанам, все обернется, как я захочу... Меня чернь любит». И говорил еще: «А захотят сослать в монастырь — я пойду: клобук не гвоздем к голове прибит...»

Петр. Ты говорил все это?

Алексей. И не говорил, и не думал, и во сне не видал.

Петр. Лжешь, зон, лжешь... Сам я не отважусь такую тяжкую болезнь лечить... Посему вручаю тебя суду сената.

Алексей. Смилуйся!.. Поверь в последний раз... Оправдаюсь...

Петр. Стража...

Толстой. Господин поручик.

Федька появляется, на нем унтер-офицерский мундир.

Федька. Здесь.

Петр. В железо его.

Алексей. Отец, пожалей! Отец, не вели пытать!

Петр уходит.

Толстой. Алексей Петрович, об Ефросинье не горюй. Девка была к тебе подослана.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Сенат. Круглый стол. На стульях сенаторы. Входит Шафиров.

Первый сенатор. Господин вице-канцлер, из-за чего ж нас собрали?

Второй сенатор. Ведь некоторые даже и натощак прибыли.

Первый сенатор. Гадаем и так и эдак.

Второй сенатор. Говорят всякое.

Шафиров. Такое дело, сенаторы... На прошлой неделе был на море туман. Подошел к Кронштадту корабль под имперским флагом. Пушкой вызвал лоцмана. А лоцмана́ все пьяные.

Второй сенатор. Ай-ай-ай!

Шафиров. Государю в ту пору пришлось быть в Кронштадте. Надел он лоцманскую куртку, шапку и сам повел корабль в Питербурх. А на корабле были имперский посол и один человек, посланный от философа Лейбница. Они ведут разговор между собой, а государь стоит у штурвала и слушает.

Первый сенатор. И что же, они государя не узнали?

Шафиров. В том-то и дело — не узнали. И тут они много сказали друг другу лишнего, глядя на наши форты да на корабли.

Второй сенатор. По-немецки говорили?

Шафиров. Ну, а как же еще...

Первый сенатор. И государь не открылся?

Шафиров. Зачем? Государь пришвартовал корабль у Адмиралтейства и потребовал десять гульденов на водку.

Второй сенатор. И они дали?

Шафиров. Дали пять гульденов.

Первый сенатор. Что же они сказали лишнего?

Шафиров. А вот сейчас услышите.

Второй сенатор. Государь!

Входят Петр, Меншиков, Шереметев и Поспелов, который ставит караул у дверей.

Петр *(стоя с книгой у стола)*. Господа сенат! Нам довелось достоверно узнать о противных замыслах некоторых европейских государей... Мы никогда не доверяли многольстивным словам посланников... Но не могли помыслить о столь великом к нашему государству отвращении. Нас чтут за варваров, коим не место за трапезой народов европейских. Наше стремление к процветанию мануфактур, к торговле, к всяким наукам считают противным естеству. Особенно после побед наших над шведами некоторые государства ненавидят нас и тщатся вернуть нас к старой подлой обыкновенности вкупно с одеждой старорусской и бородами... Не горько ли читать сии строки прославленного в Европе гишторика Пуффендорфия! *(Раскрывает книгу, читает.)* «Не токмо шведы, но и другие народы европейские имеют ненависть на народ русский и тщатся оный содержать в прежнем рабстве и неискусстве, особливо ж в воинских и морских делах, дабы сию русскую каналью не токмо оружием, но и плетьми со всего света выгонять... и государство российское разделить на малые княжества и воеводства». *(Бросает книгу на стол.)* Вот что хотят с нами сделать в Европе ради алчности, не человеку, но более зверю лютому подобной... Сын мой Алексей хочет того же. Есть свидетельство, что писал он к римскому императору, прося войско, дабы завоевать отчий престол — ценою нашего умаления и разорения. Дабы государство российское вернуть к невежеству и старине... Ибо даром войско ему не дадут. Воистину не для того мы льем пушки и трудимся иногда свыше сил и жертвуем всем, даже до шейного креста, чтобы все было напрасно... Не войны мы хотим, но мира.

Столь много богатств у нас, что на двести и триста лет хватит нам трудиться мирно. Но помнить надлежит заповедь: «Храня мир, не ослабевай в воинском искусстве». Как табун коней в некоем поле, окружены мы хищными зверями, и плох тот хозяин, кто не поставит сторожа. Сын мой Алексей готовился предать отечество, и к тому были у него сообщники... Он подлежит суду. Сам я не берусь лечить сию смертельную болезнь. Вручаю Алексея Петровича вам, господа сенат. Судите и приговорите, и быть по сему...

З а т е м н е н и е

Там же. На стульях с е н а т о р ы. На троне Е к а т е р и н а. Около нее М е н ш и к о в.

Е к а т е р и н а *(встав, бледная, с трясущимися губами — Меншикову)*. Не могу, Александр Данилович, дело очень страшное. Духу не хватает. Спрашивай лучше ты.

М е н ш и к о в *(начинает спрашивать, указывая пальцем на каждого)*. Ты? Князь Борис княж Ефимов, сын Мышецкой?

М ы ш е ц к и й. Повинен смерти.

М е н ш и к о в. Ты? Князь Абрам княж Никитов сын Ростовский?

Р о с т о в с к и й. Повинен смерти.

М е н ш и к о в. Ты? Князь Андрей княж Михайлов сын Мосальский?

М о с а л ь с к и й. Повинен смерти.

М е н ш и к о в. Ты? Князь Иван княж Степанов сын Волконский?

В о л к о н с к и й. Повинен смерти.

М е н ш и к о в. Ты? Князь Роман княж Борисов сын Буйносов?

Б у й н о с о в *(поспешно)*. Царевич Алексей Петрович повинен смерти.

М е н ш и к о в. Ты? Князь Тимофей княж Алексеев сын Щербатов?

Щ е р б а т о в. Повинен смерти.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Перед занавесом. Глашатаи трубят и выкрикивают.

Первый глашатай. Посадские и слободские, всяких чинов люди, каменщики, плотники, землекопы, кузнецы, валяльщики и кожемяки, бондари, горшечники, пушечных и иных дел мастера и подмастерья, люди деревенские, пахари и огородники...

Второй глашатай. Ныне заключен и подписан вечный мир со шведами... В благодарность за тяжкие труды, понесенные народом, русский государь и сенат повелели простить всем государственным должникам и недоимщикам все их долги, недоимки и подати, кои с начала тяжкой двадцатилетней войны не уплочены были, и оные сложить с них и предать забвению...

Первый глашатай. Государь и сенат велели простить всем осужденным преступникам и сидящим под розыском и выпустить оных из тюрем на волю и дела их предать забвению...

Второй глашатай. Деревенские, посадские, слободские и всяких чинов люди,— снимай рукавицы, распоясывай кушаки, идите на Троицкую площадь, отведайте хлеба-соли на доброе здоровие, ешьте и пейте до изумления, радуйтесь и веселитесь...

Чистая перемена.

Занавес

Троицкая площадь. Столы. Толпы народа. Фонтаны, бьющие вином. Быки на кострах.

Хор старых солдат *(за столами)*.

Из-за гор то было, гор высокиих,
Из чиста поля, раздольица,—
Выходила тут сила армия,
Сила армия Петра Первого.

Капитаны идут перед ротами,
А майоры идут перед взводами,
Млад полковничек идет перед всем полком.
Капитан скричал: на плечо ружье!
А майор скричал: по ремням спущай!
Млад полковничек: во поход! — скричал.
Все солдатушки ружьем брякнули,
Ружьем брякнули, песни гаркнули...

Хор балалаечников *(позади столов)*.

Ох, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня, Ду...
Била Дуня Ваню колом на леду...
Била Ваню, приговаривала:
«Ох, Ваня, Ваня, Ваня, Ваня мой,
Ты поди-ка, сударь батюшка, домой...

Среди пирующих — Петр, Екатерина, Меншиков и другие. Меншиков под плясовую песню пустился в пляс, прикрикивая: «Эх, эх, эх, эх...» Схватил у стоящего тут же продавца пирогов его лоток и, приплясывая, кричит.

Меншиков. Эх, эх, эх, эх!.. С пылу, с жару, на грош пару... Расхватывай, новые принесу... А вот пироги с зайчатиной, со всякой всячиной, с требухой, с мясом, запивай кислым квасом...

Петр *(хохочет)*. Старое вспомнил, старое вспомнил!.. А ну, давай на стол весь лоток. Сколько?

Меншиков. Полтина, без торгу... Язык проглотишь, еще захочешь...

Екатерина. Хороши пироги, давно таких не едала.

Петр. Давай, давай вина!.. Вспомянем молодость... *(Сидящим за столом.)* А ну, ребята, где у вас тут самый старый человек?

Жемов *(указывает)*. А вот тебе самый старый человек.

Петр *(древнему старику)*. Здорово, отец.

Старик. Здравствуй, батюшка, здравствуй, сынок.

Петр. Много ли тебе лет будет?

Старик. Да много будет за сто.

Петр. Отца моего помнишь?

Старик. Отца твоего Алексея Михайловича не видел, а хорошо помню. Я тогда при нем на Брынских лесах жил, деготь гнал... Ох, плохо жили...

Петр. А деда моего помнишь?

Старик. Царя Михайлу? Не видел, а хорошо помню... Я тогда при нем за Перьяславскими горами пахал. Ох, плохо жили...

Петр. А поляков на Москве помнишь?

Старик. Молод я еще тогда был, а поляков хорошо помню. Их тогда, сударь мой, Минин с князем Пожарским под Москвой били... Я, сударь мой, от Нижнего-Новгорода пеший пошел со щитом и рогатиной... Я тогда здоровый был...

Петр. Много ты, дед, на плечах вынес.

Старик. Ох, много, сынок.

Петр. Ну, здравствуй. *(Обнимает его.)*

Слышны крики толпы. Роговая музыка. Подплывает корабль. Сидящие за столом поднимаются, приветствуют его криками: «Виват!» С корабля сходит Абдурахман с перевязанной головой, со шведским знаменем в руке. За ним — офицеры и матросы.

Петр. Виват!

Абдурахман *(развертывает перед Петром шведское знамя)*. Сей флаг сорван с побитого нами и взятого на абордаж флагманского шведского корабля. Сорвал знамя сей матрос прозвищем Гуляйвитер.

Петр обнимает матроса, потом Абдурахмана. Берет из руки Меншикова кубок с вином.

Петр. В сей счастливый день окончания войны сенат даровал мне звание отца отечества. Суров я был с вами, дети мои. Не для себя я был суров, но дорога мне была Россия. Моими и вашими трудами увенчали мы наше отечество славой. И корабли русские плывут уже по всем морям. Не напрасны были наши труды, и поколениям нашим надлежит славу и богатство отечества нашего беречь и множить. Виват!

Пушки, трубы, крики.

Занавес

ЧЕРТОВ МОСТ

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Руди, он же маркиз Амедей Дамьяк, 30—35 лет.

Майк.

Гарри.

Агния — королева.

Зигфрид, принц Рейнский,— ее жених.

Барон Фома Хунсблат — премьер-министр и глава концерна тяжелой промышленности.

Блиц — его секретарь.

Барон Артур Зелкин — депутат парламента от рабочей партии.

Зизи — его жена.

Виктор — рабочий.

Азалия — камер-фрау королевы.

Эрнст Фицжеральд.

Граф фон дер Рюббе.

Рабочие. Маски. Лакеи.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Место действия — Европа. Бар около бензиновой колонки. На заднем плане — красивый пейзаж, по которому проходит шоссе. У колонки стоит Майк, коренастый сорокалетний человек в комбинезоне. Слышен гудок машины, затем взрыв лопнувшей камеры.

Майк. Готово. Левая передняя шина.

Гарри (*востроносый человек, помоложе Майка. За стойкой бара*). Майк, а ведь это — он... Наш красавец.

Майк. Он и есть. Удачно...

Входит Руди, красивый, шикарно одетый молодой человек, в руке у него стальная колючка.

Руди. В чем дело? Чьи это веселые шутки? (*Изумленно.*) Алло, Майк...

Майк. Алло, Руди.

Руди. Где хозяин колонки?

Майк. Я здесь вместо него.

Руди. А где хозяин колонки?

Майк. Я ему купил билет.

Руди. Далеко?

Майк. Не стоит спрашивать...

Руди (*показывая на колючку*). Это твоя работа?

Майк. Видишь ли, Руди, мы разбросали по шоссе эти колючки, преследуя сразу две цели: во-первых,

нужно подработать бару с напитками... Патент стоил чертовски дорого...

Гарри. У нас все оформлено по закону, Руди.

Руди. Алло, Гарри.

Гарри. Алло, Руди.

Майк. Ну и понятно, что, покуда меняют шину, пассажир не станет же тебе сидеть, как филин,— он выпьет рюмочку и что-нибудь да расскажет. Таким образом мы ориентируемся,— это во-вторых. Чертовски трудно работать в незнакомой стране, Руди...

Руди. Перемени камеру, налей десять галлонов эссенции и протри переднее стекло...

Майк. Из тебя бы вышел хороший киноартист, Руди... *(Идет.)* Алло, Руди...

Руди. Что тебе еще нужно?

Майк. Мы, кажется, напрасно пересекли океан.

Руди *(садясь перед стойкой)*. Ты испугался лягавых?

Майк. Нет, я не испугался лягавых, Руди. Моя совесть чиста. Но мы прямехонько попали в сумасшедший дом,— вот что я думаю. Хуже,— попали в пекло, к самым настоящим чертям: другого я не могу сказать про добрую старую Европу.

Руди. А ты думал, что здесь пасутся овечки?

Майк. Нет, я знаю, что люди — везде люди. Но здесь среди людей разъезжают с сигарами, с туго набитыми бумажниками чистые дьяволы. Ты уж мне поверь: моя бабушка была ирландка, и она кое-что знала, и кое-чему научила меня... Вот ты, к примеру говорю,— не из первых кандидатов в царствие небесное, можно сказать, ты и драчун, и нахал, и мот, и пьяница...

Руди. Но, но, но...

Майк. Но ты все-таки человек, Руди... А эти хотя и одеты как джентльмены, но у них черное нёбо... Это сверхчеловеки.

Звук лопнувшей шины.

Правая передняя камера. *(Уходит.)*

Руди. Что это с ним? Майк хочет переменить профессию?

Гарри. У Майка это началось, как только мы слезли с парохода. Он очень чувствителен ко всякой несправедливости. Живи Майк в более гуманные времена, из него бы вышел прекрасный проповедник. Он не совсем хорошо начал говорить про тебя, Руди. Он говорит, что ты нечестно играешь.

Руди. Это все потому, что вы оба — мелкие жулики.

Гарри. Он говорит, что ты бросил нас в чужой стране на произвол судьбы и третий день развлекаешься, будто ты и в самом деле аристократ... Нам самим пришлось шевелить мозгами... Было немало хлопот с этим баром и с колонкой... Мы выкатили двести долларов за патент, Руди,— как будто мы сами делаем деньги...

Руди. Я начинаю жалеть, что связался с вами. Какие новости?

Гарри. Свадьба королевы откладывается до четверга.

Руди. Это было во всех газетах.

Гарри. Парламент отказывается выдать королеве знаменитое бриллиантовое ожерелье, предлагает ей на свадьбу надеть стекляшки...

Руди. Об этом сообщили все громкоговорители... Что еще?

Гарри. В городе очень неспокойно, Руди. Толком никто ничего не говорит. Но что-то у них готовится. Как бы нам не попасть в чужую драку, Руди.

Руди. Храбрецы вы с Майком, я погляжу.

Гарри. Когда непонятно — всегда страшно, Руди. А это ты знаешь: в столицу прибыли двенадцать гангстеров из шайки Аль-Капоне. Они постараются нас опередить.

Руди. Чушь! Я не боюсь конкурентов. Большое дело — мое. А ребята пускай подработают,— буржуазных чемоданов хватит на всех.

Входят Артур Зелкин, его жена Зизи и Майк. На Артуре Зелкине серая визитка, красный галстук, соломенная шляпа и пенсне. Большие демократические усы. Зизи — лет тридцати, одета эксцентрично.

Это что еще за франт с демократическими усами?

Г а р р и *(быстро)*. Вождь здешней рабочей партии. Она, жена-то его, вчера вылакала у меня целую бутылку виски.

З е л к и н *(Майку)*. Чтобы заработать парочку флоринов, мой бедный друг, нужно немножко потрудиться, немножко потрудиться.

М а й к. Удивляюсь людям, которые ездят на немецких машинах. Это нахальные машины... Их и чинить-то не стоит. Гарри, куда провалился французский ключ?.. Что за проклятое хозяйство!.. *(Находит ключ и уходит.)*

Зелкин и Зизи садятся на табуреты перед стойкой.

З и з и. Бармен, сода-виски...

З е л к и н. Зизи, спросите для разнообразия хотя бы лимонаду...

З и з и. Убирайтесь к черту! Кто пьет лимонад! Когда вы перестанете быть мещанином... Прежде всего женщина должна быть спортивна.

З е л к и н. Хорош спорт — с утра надуваться виски... Это уже не спорт, просто скверная мода...

З и з и. Моды нет, есть стиль! Важен стиль. Хелоу, бармен, корочку лимона... Бармен, вы держите пари...

Г а р р и. Охотно, мадам...

З и з и. На королеве будет настоящее ожерелье из бриллиантов... Держу пари... *(Кивнув растрепанными волосами на мужа.)* Их дурацкий парламент целую неделю непрерывно заседает: можно ли выдать королеве из сейфа настоящие бриллианты... А вдруг ожерелье окажется в кармане штанов у одного из двенадцати гангстеров. От имени рабочей партии мой муж произнес историческую речь. Он сказал: нет! Королева наденет стекляшки... Вот рабочая оппозиция трону!

К стойке подходят н е с к о л ь к о р а б о ч и х с мешками для инструментов.

З е л к и н. Зизи, мы здесь не одни... *(Громко.)* Всем известно, что я говорил о сорокачасовой неделе... Вопрос о бриллиантах — это козырь, которым я бью консерваторов... Рабочие требуют, чтобы на королеве были стекляшки, королеве придется склониться перед рабочими предместьями...

З и з и. Ты просто ловко свел сорокачасовую неделю на стекляшки. За это я тебя ценю, мой зайчик... Но, увы! Королева смела. Королева плюет на десять с половиной метров в сторону твоих рабочих предместий. Королева наденет бриллианты...

В и к т о р *(один из рабочих).* По маленькой пивка...

З е л к и н. Ба, ба, ба... Виктор! Добрый день, старина. Я вижу, вы не можете сосчитать мелочь, мой бедный друг,— позвольте вас угостить... Бармен, товарищам по большой кружке...

В и к т о р. Благодарю вас, господин барон Артур Зелкин, мой стакан невелик, но я привык пить из своего стакана...

З е л к и н. Мой бедный друг, зови меня просто Артур Зелкин, старина Зелкин — без глупого баронского титула... Этой побрякушкой хотели меня купить... *(Машет пальцем.)* Хе-хе-хе... Господа консерваторы, дешево вы цените рабочие массы и их вождей. Вот какие дела... Сорокачасовую неделю мы проведем, сто тысяч чертей! *(Хлопает Виктора по животу.)* Проведем, куманек! Что же ты стесняешься, вот мой живот. Ну — хлопни...

В и к т о р. Лучше уж я воздержусь... Неровен час, да и живот заболит у вас.

Рабочие засмеялись.

З е л к и н *(обняв Виктора за талию, отводит его).* Давай покалякаем минутку... Что такое у вас происходит,— безработные опять начинают собираться группами? В чем дело? Почему это мне не известно? А? Появились какие-то организаторы? А? На пустырях, говорят, происходят митинги?.. А?..

В и к т о р. Ничего не слыхал, господин барон.

З е л к и н. Какие-то листовки расклеиваются у вас на окраинах?

В и к т о р. Не слыхал, не видал.

З е л к и н. Будто бы готовится какое-то выступление в день свадьбы королевы?.. А? В чем дело? А?

В и к т о р. Ничего не знаю.

З е л к и н. Друзья мои, я — социалист, я иду с массами, я болею за них. Откуда такое недоверие? Что хо-

тят безработные? Увеличения пособия? Так первым же делом нужно обратиться ко мне. Вопрос об увеличении пособий на очереди в парламенте. Правда, время не совсем для этого подходящее... С промышленностью ой, ой, ой, как туго... Но ничего,— будем надеяться, будем надеяться... Только, товарищи, зачем, зачем вмешивать политику в чисто профессиональное движение! Еще и еще повторяю: пример России — печальный пример, печальный пример. Этим путем нам идти нельзя... Вы требуете сорокачасовую неделю, вы требуете пособий,— спокойствие, господа, спокойствие...

Уходит с Виктором. За ним уходят и рабочие, выпившие пива.

Зизи. Мое пари повисло в воздухе?

Руди. Идет.

Зизи. Тысяча флоринов, что на королеве будут бриллианты.

Руди. Десять против одного, что королеве придется надеть стекляшки...

Зизи. Придется?

Руди. Да, придется, мадам.

Зизи. Вы гангстер?

Руди. Вам это угодно, мадам?

Зизи. Я не люблю заменителей. Вы немец?

Руди. Бразильянец, мадам.

Зизи. Пускай вы бразильянец! Вы будете на карнавале в четверг вечером в королевском парке?

Руди. Я для этого приехал, мадам.

Зизи. О'кей. Вас устраивает жених королевы — Зигфрид принц Рейнский?

Руди. Мадам, меня устраивают только женщины.

Зизи. Вы превосходный нахал. *(Бросает монету на прилавок.)* Бармен, два виски, сода — бразильянцу и мне. Принц Рейнский — идиот.

Руди. Это никому не мешает.

Зизи. Это очень мешает. Королеве девятнадцать, она едва может управлять автомобилем. Ее будущий муж — принц консорт — для того, чтобы ответить на простой вопрос, принужден думать около пяти минут. Муж королевы должен быть фюрером. Нам нужен

вождь. Мы должны сжечь парламент вместе с моим мужем. Нами должен управлять мировой нахал...

Руди. Небольшая автомобильная катастрофа могла бы поправить дело...

Зизи. Но где найти ей мужа взамен этого идиота? Есть беглые короли: испанский, португальский, русский и дюжина германских. Беглого она не хочет.

Руди. Нужен ариец?

Зизи. Нужны по крайней мере восемь поколений чистой арийской крови. Но это чушь. Наша академия наук устанавливает арийство от ледникового периода. Нужен — принц, герцог, во всяком случае — не ниже маркиза. Блондин, голубоглазый, с длинным черепом. Как женщина, я нахожу, что не в этом суть. Но это — международный стандарт...

Руди. О'кей! Берусь найти такого человека...

Гарри поперхнулся.

Зизи *(с восхищением)*. Вы — парень — тот, что надо... Но вы наткнетесь на упрямство королевы. Она взбалмошна... Бросим политику... Где мы сегодня ужинаем?

Руди. У меня...

Звук лопнувшей камеры.

Гарри. Правая задняя.

Майк *(показываясь)*. Лопнули все четыре баллона, как миленькие.

Гарри. Мировой случай.

Майк *(показывает пальцами рога)*. Этот — из тех самых: чернонёбый. *(Скрывается.)*

Входят Фома Хунсблат и его секретарь Блиц. Оба идут к бару.

Зизи *(вызывающе)*. Добрый день, барон.

Хунсблат *(мрачно)*. Добрый день... ничего себе добрый день, кровяное проклятие! *(Садится в стороне.)* Кто поставляет нам автомобильные баллоны?

Блиц. Берлин.

Хунсблат. Это для нас обязательно ломать шею на немецких баллонах?

Блиц. Обязательный экспорт германских балло-

нов указан в брачном контракте и утвержден парламентом.

Хунсблат. Достаточно нам, что у этого принца Рейнского гнилые мозги,— какого черта мы должны еще ввозить вместе с ними гнилые баллоны!

Блиц. Упрямство королевы!

Зизи (*обернувшись*). Барон! Ваше здоровье!..

Хунсблат. Я пью только йод, мадам, йод с молоком.

Зизи. Вам нужно заниматься спортом.

Хунсблат. Что мне нужно, кровяное проклятие! Мне нужно тряхнуть вашего супруга так, чтобы его социал-демократическая душонка выпорхнула, как жаворонок, из жалкого пиджачишки. Вот что мне нужно.

Зизи. О-ла-ла-ла-ла, какой темперамент! (*Соскакивает с табурета и подходит.*) Барон! Невозможное может стать возможным. Минутку... Грубить будете после... Барон, может быть, я нашла того, кого нужно для королевы... Стопроцентная полноценность!

Хунсблат. Кто такой?

Зизи. Мой любовник.

Хунсблат. Ну, это — понятно... Я спрашиваю,— принц, король? Имя? Раса?

Зизи. Черт! А я не спросила... Хелоу, бразильянец...

Руди (*подняв рюмку*). Алло, мадам...

Зизи. Ваше имя?

Руди. Амедей...

К Хунсблату поспешно подходит Зелкин.

Зелкин. Барон, что случилось? Маленькая авария? Вы не ранены? Позвонить врачу?

Хунсблат (*встает, отходит. Поворачивается к Зелкину*). Слушайте, господин Артур Зелкин... Сегодня вторник, завтра среда, послезавтра четверг... Времени для вас больше чем нужно — выяснить, что происходит в этих ваших притаившихся рабочих предместьях...

Зелкин. А что, что, что случилось?..

Хунсблат. В том-то и дело, что еще ничего не

случилось, но может случиться, кровяное проклятие! Мне не нравятся эти таинственные митинги на пустырях, какой-то там шепот по заводам, листовки, афишки...

З е л к и н. Милорд, митинги и афишки — это работа коммунистов.

Х у н с б л а т. Кровяное проклятие! Коммунистов нет на территории королевства... Социал-демократов не останется на территории королевства... И вы собственными руками посадите себя в концлагерь...

З е л к и н. Тише, тише, тише, милорд, нас слышат...

Х у н с б л а т. Сегодня вторник, завтра среда. В рабочих предместьях должен отражаться безоблачный закат... В четверг рабочие от всех избирательных округов должны принести к ногам королевы чувства глубокого удовлетворения.

З е л к и н. А как быть с безработными?

Х у н с б л а т. Безработным раздадите бумажные флажки с портретом королевы и принца... Бесплатно — суп и по две сосиски... *(Внезапно схватывается за боковой карман.)* Вам известен наш торговый баланс второго квартала? Перед чем мы встали сегодня утром? Пятьдесят миллионов флоринов — пассив! Кровяное проклятие!

З е л к и н *(поднял руки к голове)*. Цифры говорят за себя...

Х у н с б л а т. Довольно играть в демократию! Пора стать мужчинами. У нас один выход! *(Подходит к бару.)* Добрый день...

Р у д и. Добрый день...

Х у н с б л а т *(садясь)*. Амедей — это я знаю, а как должен именовать вас полным именем?..

Р у д и. Маркиз Амедей Дамьяк...

З и з и. Маркиз! Дамьяк! Он француз!

Р у д и. Француз, мадам, но родился в Рио-де-Жанейро...

З и з и. Умру... умру... Не могу... Бармен — три виски, сода...

Х у н с б л а т. Прибыли на коронацию, маркиз?

Р у д и. Да, барон.

Хунсблат. Как вам нравится у нас в Европе, маркиз?

Руди. Этот парень у колонки,— я только что с ним болтал,— уверяет, что Европа — сумасшедший дом... Не знаю, чем бы я мог вам помочь. Я человек действия, политика меня мало забавляет. Вы ждете моего совета? О'кей!.. Найдите какого-нибудь буйного сумасшедшего, объявите его гением и фюрером, и пускай он расправляется у вас в Европе... Клин надо вышибать клином...

Зизи *(в самое ухо Хунсблату)*. Это государственный ум... У него длинный череп, он блондин, он бешеный ариец... Умру, умру, не могу...

Хунсблат. Ваша поездка, маркиз, чисто увеселительного характера?

Руди. И да и нет...

Хунсблат. Любопытно, очень любопытно...

Руди *(настороясась)*. Простите, что именно вам любопытно?

Взрыв автомобильной камеры. Женский крик. Все вскакивают. Затем автомобиль, в котором сидят королева и принц Рейнский, наезжает на колонку. Вслед выскакивает разъяренный Майк.

Майк. Не жмите педаль, говорю вам, девчонка! Сбросьте газ! Готово... Как будто она в посудной лавке,— ей не было места развернуться!.. Давайте шоферскую книжку! Или платите двести долларов...

Зелкин. Вы с ума сошли! Это королева!..

Майк. А по мне, будь она хоть сама богородица,— за рулем надо думать!.. Тем лучше, если она королева,— пусть платит две тысячи долларов... Или снимаю номер с машины. Это уже как бог свят.

Королева *(обиженно)*. Хорошо, я с вами не спорю, я заплачу две тысячи долларов... *(Принцу.)* Месье...

Принц. Мадам...

Королева. Заплатите же... *(Вылезает из машины.)*

Принц. Мерси... *(Сидит неподвижно. Затем судорожно схватывается за карман и вытаскивает деньги.)*

Королева (*кланяясь, идет к бару, садится*). Пожалуйста...

Гарри. Сода-виски?

Королева. К сожалению, ничего спиртного... Воды без сиропа...

Гарри. Майк, у нас нет воды без сиропа...

Майк. Возьми из радиатора...

Принц. Вот... (*Дает Майку деньги.*)

Майк. Что вы мне даете?

Принц. По курсу, видите ли, четыре марки за доллар, видите ли, восемь тысяч германских рейхсмарок...

Майк. Ну, знаете ли, сэр «Видите ли», обклейте себе чемодан этими марками...

Принц. Мерси... (*Берет деньги обратно.*)

Майк. Сунул мне германские марки выпуска двадцать третьего года...

Королева. Месье...

Принц. Мадам...

Королева. Я бы очень хотела немедленно заплатить этому человеку за испорченную колонку...

Принц. Мерси... (*Продолжает сидеть неподвижно.*)

Майк. Я понимаю, что сгоряча перехватил немножко. Да я не жаден. Помиримся на половине и разойдемся, как честные люди... Только я бы на вашем месте не слишком доверялся джентльменам, у которых карманы набиты всякой фальшивой дрянью.

Королева (*гневно*). Месье...

Принц. Мадам...

Королева. Я жду...

Принц. Мерси... (*Продолжает сидеть неподвижно.*)

Королева быстро поворачивается спиной, облокачивается о стойку, закрывает лицо руками.

Гарри. Черт меня возьми, мадмуазель, стоит трепать нервы из-за такого парня... Да он и хорошего удара кулака в рожу не стоит...

Зелкин. Какая мучительная пауза...

Зизи. Никогда не поверю, чтобы у этого дегенерата не было с собой денег...

Зелкин. Я, кажется, отдал бы жизнь, чтобы выручить королеву.

Зизи. Ну, и заплати...

Зелкин. Оставь меня в покое...

Хунсблат *(подходя к королеве)*. Моя королева, разрешите мне уладить недоразумение...

Королева. Да, да, да... Разрешаю...

Хунсблат кланяется, делает знак секретарю Блицу.

Хунсблат *(Блицу)*. Уладьте недоразумение...

Блиц *(Майку)*. Так, так, так... Мне ваше лицо, кажется, знакомо...

Майк. Но-но! Без этих штучек... Не пойман — не вор. Платите деньги...

Хунсблат *(Блицу)*. Заплатите... *(Королеве.)* Моя королева, вы видите,— как я был прав...

Королева. Я ничего не хочу видеть...

Хунсблат. Моя королева, я всегда был против вашего брака с принцем... В Берлине, очевидно, были плохо осведомлены об его умственных способностях. Принц — это роковая ошибка. Умоляю вас, покуда еще не поздно,— подумайте... События, которыми я не хотел бы омрачать ваше безоблачное утро, заставляют меня быть настойчивым... Королева, мы у края пропасти и... Нам грозит финансовый крах. Парламент бессилен... Барон Зелкин не владеет массами...

Королева. Не хочу, не хочу слушать ничего неприятного...

Хунсблат. Принц не сможет выполнить тех штурмовых задач, которые наша промышленность в дни великого кризиса возлагает на мужа нашей королевы... Нет и нет. На трон рядом с вами должен сесть человек с волчьей хваткой... Фюрер... Нам нужен фюрер немедленно... Королева, откажитесь от принца...

Королева. Я его ненавижу...

Хунсблат. Но вы настаиваете на этом браке.

Королева. Я хочу быть замужем...

Хунсблат. Вас ждет разочарование... Фамилия принцев Рейнских известна тем, что вот уже семь столетий мужчины этой фамилии не способны к исполнению элементарных обязанностей. Род принцев Рейн-

ских поддерживается исключительно через героическое самоотвержение жен этих принцев. Арийская кровь принцев Рейнских, увы, не полноценна. Там есть, что угодно: и французы, и русские, и балканские славяне, и монголы, и даже...

Королева. И — ничего не помогло?

Хунсблат. Нет...

Королева. Ваш парламент навязал мне этого господина, и я же оказываюсь виновата: я упряма, я взбалмошна... Что вы от меня хотите!

Хунсблат. Я обдумаю. Позвольте мне сегодня же продолжить этот разговор.

Королева. Позволяю... *(Идет к машине.)* Боже мой, такая хорошенькая машина, неужели она совсем испорчена?.. Месье.

Принц. Мадам.

Королева. Машина сломана...

Принц. Мерси...

Королева. Покиньте машину.

Принц вылезает.

Поднимите капот. Взгляните...

Принц поднимает капот.

Если вы не исправите машину, вам придется идти пешком... Она должна быть исправлена... Я этого хочу... Мотор должен работать. Будьте мужчиной... Лезьте под машину... Посмотрите там...

Принц. Мерси... *(Лезет под машину.)*

Зелкин. Принц перепачкается... Может быть, кто-нибудь другой?

Зизи. Шатап!

Королева. Мотор должен работать! Мотор должен работать!

Руди *(с папироской в зубах подходит к машине, заглядывает в мотор, что-то делает, садится за руль, включает стартер, вылезает)*. Вы можете ехать, королева.

Зизи. Ваше величество, разрешите нарушить этикет,— представить маркиза Амедея Дамьяк...

Руди *(бросая папироску).* Добрый день...

Королева. Маркиз, я очень, очень благодарна вам...

Руди. К вашим услугам... Алло, бармен, бутылочку сухого... Королева, позвольте считать, что вы у меня в гостях...

Зелкин. Это же скандал! Остановите его...

Зизи. Молчите, он знает, как нужно разговаривать с женщинами...

Королева. Мне кажется, маркиз, что здесь все же вы у меня в гостях...

Руди. За канавами, по обе стороны шоссе,— это ваши владения. Мои — это шоссе, колонка и бар... Америка, Европа, десять тысяч километров, двадцать тысяч километров, полтораста километров в час — это мое королевство... На большее не претендую,— какое мне дело, что там мелькает мимо: города, республики. *(Подает королеве бокал.)* Я мчусь через мир, я король широкой дороги...

Хунсблат. Которая идет прямехонько...

Руди. Никуда. И всюду. К наслаждению... Случается, что я нарушаю правила общежития... Вам это не нравится? Я закуриваю папиросу и мчусь дальше... Темпы, темпы... Мчатся мимо лица, пейзажи, фабрики, леса, автомобили. Я останавливаюсь, чтобы взглянуть на женщину, поманившую меня пестрым платьем. Ты хочешь разделить со мной короткое счастье? Садись рядом... Не хочешь — прощай, копайся в своем столетнем огороде... Дальше, дальше... И вот я в вашем королевстве. Если я слишком дерзок — прикажите меня арестовать.

Королева. Маркиз, вы нисколько не дерзки... Вы очень эксцентричный молодой человек... *(Протягивает пустой бокал.)* Можно еще?

Руди. Я вас предупредил — тем лучше... Господа, не думайте, что я — поэт, которому можно подсунуть наклейку от пивной бутылки вместо пяти долларов... Я практичен и не привык останавливаться ни перед чем... Однажды на берегу океана за чашкой кофе я увидел в газете фотографию королевы. Я бросился на пакетбот, я пересек океан. Я знал, что встречу вас

здесь, королева. Авария с вашей машиной была предусмотрена.

Зелкин. Слушайте, что он говорит...

Зизи. Он просто — гениален.

Хунсблат. Врет, как полноценный парень.

Руди. Я хотел сказать вам, королева, что вы прежде всего восхитительная женщина...

Зелкин. Довольно! Я требую уважения!

Королева *(вздохнув)*. Маркиз, будьте скромнее, мы среди народа...

Руди. Парламент хочет вас превратить в бездушную куклу. Лишить вас любви, свободы, красоты...

Зелкин. Ш-ш-ш-ш-ш...

Зизи *(мужу)*. Шатап!

Руди. Как! На вашей шее будут блистать стекляшки! А не переливаться созвездия бриллиантов, озаряя радужными лучами синеву ваших глаз...

Зизи *(упав на прилавок)*. Виски без содовой.

Руди. Я готов начинить мою машину динамитом и взорвать сейф государственного банка, чтобы достать для вас ожерелье...

Зизи. Он хочет проиграть мне пари!..

Королева. Маркиз, на этот раз вы ошиблись. Сегодня вечером ожерелье будет принесено во дворец. Вы увидите меня в ожерелье. Я так хочу...

Хунсблат. Браво, моя королева, браво...

Зелкин. Как депутат, я ничего не видел и не слышал...

Королева. Маркиз, я принуждена буду говорить о вас с министром двора. Этот педант потребует от меня вашей родословной... Маркизы Дамьяк очень древнего рода?

Руди. Да... Герб Дамьяков насчитывает все-таки одиннадцать столетий...

Королева. Как они размножаются? Не при помощи одних только женщин?

Руди. Род Дамьяков... Гм... Это люди сумасшедшей силы... Бродячие рыцари, которые одним духом выпивали бочонок пива, съедали барана и платили трактирщику доброй затрещиной... Рыжебородые бандиты, сидевшие, как коршуны, в своих замках вместе

с борзыми псами и пленными турчанками... Наш родоначальник, Амедей Дамьяк, брал штурмом Иерусалим... Говорят, он там повеселился... Подробно известны его похождения,— до сих пор в Палестине есть деревни из одних только Дамьяков. Впрочем, Дамьяки всегда были бедны. В конце концов они проедали и пропивали свои города и замки. Мы поправляли свои дела, вступая в любовные связи с коронованными особами. Это было своего рода ремесло, вызванное необходимостью. Дамьяки бурно и весело прожили свои одиннадцать столетий. Нас любили, и мы любили... В сущности, Дамьяки — царствующий дом Европы...

Королева. Вы знаете... Я немножко устала... Вы знаете — я первый раз в жизни так много пила... Маркиз, все будет хорошо? Молчите, не отвечайте... До свиданья, маркиз... *(Садится в машину.)* Вы меня провожаете, господа... *(Трогает машину. Вскрикивает.)* Ай, там человек!

Принц *(вылезая и поднимаясь)*. Я ничего не могу найти... Мадам...

Королева. Садитесь. Нет, не рядом,— сзади... *(Уезжает вместе с принцем.)*

Руди. До свидания, королева, я вслед за вами...

Хунсблат. Маркиз, не откажите ко мне обедать ровно в шесть.

Руди. О'кей... Благодарю.

Хунсблат уходит.

Есть от чего сойти с ума... *(Быстро уходит.)*

Зелкин. С этими бриллиантами... Я ничего не понимаю... Нужно перестраивать всю нашу политику. Мы в оппозиции, мы говорим: не время роскоши, когда на улицах безработные. Накормите их сначала, потом надевайте ваши коронные бриллианты... Это же удар по мне, если королева наденет ожерелье... Пойми,— завтра в парламенте мне придется повернуть вопрос с головы на ноги...

Зизи. Плевала я на твои вопросы, на твою партию, на парламент... Отдать своими руками другой

женщине человека, которого я ждала всю жизнь!.. Если бы королеве было шестьдесят лет! Но ведь она в него вцепится, вцепится, вцепится...

Зелкин. Замолчите, сударыня, вы перешли границу порядочности. Вы — пьяны... Садитесь в машину, черт возьми! *(Уходит, уводя Зизи.)*

Гарри. Что ты там ни говори, а Руди — орел: врал так, будто мы сидим в кино...

Руди *(возвращаясь. взбешенный)*. Алло, Майк! Ты не накачал баллон, мерзавец! Не накачать ли мне сначала твою рожу!

Майк. Ты куда торопишься, Руди?

Руди. Обедать к премьер-министру... Потом — не знаю куда. Потом ужинаю с этой девкой. Потом — не знаю... Вот что, ребята... Вы мне нужны сейчас, как бифштекс покойнику... Я затеваю новую игру... Даю вам полсотни долларов — все, что у меня имеется в эту минуту... Да у вас еще тысяча... Ол'райт? Убирайтесь сегодня же вечером за океан...

Майк. Нет, Руди, не сойдемся.

Руди. Сколько?

Майк. Ожерелье, Руди, ожерелье... Это цена твоей совести, мой мальчик.

Руди садится, закуривает.

Мы с Гарри, да и ты отчасти, не виноваты, что нам приходится зарабатывать на хлеб иными способами, чем это сказано в законах. Законы не мы с Гарри писали. Ты честно обещал нам купить королевское ожерелье и честно вернуться с нами домой. Что же получается? Тебя вмазывают в грязную историю, Руди. Тебя обрабатывает эта рыжая дьяволица и этот сверхчеловек с черным нёбом. Что они задумали — я еще точно не знаю. Но я вижу, что происходит у них в Европе... Происходит здесь большое мокрое дело. Честным людям здесь не место, и тебе в том числе...

Руди. Долго мне еще нужно слушать?

Майк. Я кончаю; мы с Гарри решили так: хотя ты и смазливый и достаточно легкомысленный парень, но душу ты пока еще дьяволу не продал... Ты честно

выполнишь свой долг. Сегодня ночью ты пойдешь во дворец...

Гарри. Мы всё подготовим, мы будем с тобой.

Майк. Сегодня ночью ты купишь ожерелье, мы немедленно катим в океанский порт, садимся на пароход, и пусть я лучше лишусь царствия небесного, чем еще раз попаду в эту Европу и тебя сюда пущу...

Руди *(сбрасывая пиджак)*. Давай решим проще: один против двоих.

Майк. Ну, и что хорошего — испортим тебе красивую сопатку. Стоп! Ножом не нужно, Руди... *(Предупреждает его движение.)* Уж лучше меня ножом никто не владеет в Соединенных Штатах... Соглашайся...

Гарри. Мы с Майком так и решили, Руди: если ты нас продашь — мы позвоним по автомату во дворец и расскажем, какой ты маркиз Амияк... Это я говорю к тому только, чтобы ты согласился...

Руди. Спасибо, ребята, спасибо... *(Сорвав с себя воротник. Закрыл лицо руками.)*

Майк. Ты счастливый, мой мальчик, тебе везет, тебе всегда и во всем везет... Нужно немножко подумать и о своей совести.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната во дворце. Большой камин-очаг. Ночь. Королева перед зеркалом примеряет бриллианты. Около нее — камер-фрау Азалия.

Азалия. Видеть, как унижают мою королеву, и молчать! Это пытка, пытка, пытка...

Королева. Моя дорогая Азалия, когда скверная погода, вы тоже уверяете, что это происки социалистов...

Азалия. Ваше величество, вы шутите, стоя на вулкане. Парламент поднял руку на королевские прерогативы! Парламент никогда раньше не осмеливался

этого делать. Парламент наполовину состоит из социалистов... Моя чаша переполнена...

Королева. Красиво, правда?

Азалия. Ах, ваше величество! В Берлине этот господин, не будучи даже королем, все же не позволил себе наступить на ногу. Он сказал социалистам: пошли вон! Он сказал либералам: пошли вон. И чтобы навсегда отбить охоту у них собираться, сжег парламент...

Королева. Эта маленькая баронесса Зелкин выиграет пари в десять тысяч флоринов. Маркиз Дамьяк поплатится за легкомыслие,— чему я очень, очень рада...

Азалия. История с ожерельем — прекрасный предлог для вашего величества покончить навсегда опасную и недостойную игру в парламент... Мы должны быть решительны! Если нужно, чтобы полетели головы,— пускай полетят головы! Бог вас простит. Взгляните в глаза ваших предков... *(Указывая на портреты.)* Из глубины могил они взывают к вашей решительности... Исторический час пробил...

Королева. Моя дорогая Азалия, к чему поднимать шум? Все устроилось очень мило: барон Зелкин взял обратно свое заявление рабочей партии, премьер-министр позвонил министру внутренних дел, а тот позвонил в государственный банк, и добрейший директор банка сам привез мне ожерелье... Если я всю ночь буду думать, как разогнать парламент,— завтра я проиграю теннисный матч... Вы просто кровожадны, Азалия!

Азалия. Благодарю вас, ваше величество... Должно быть, моей беззаветной службой у покойной королевы я действительно заслужила это название... Кровавая Азалия!

Королева. Перестаньте сморкаться, Азалия... *(Снимает бриллианты.)* Вы же знаете, что меня легко уговорить... Ванна готова?

Азалия. Да, ваше величество, вам время брать ванну.

Королева. Принц Рейнский! Мне начинает казаться, что это совсем не так ужасно... Принц ни-

сколько не обременителен... *(Идет к дверям.)* Все, что я могу ожидать от его красноречия, это: «Мерси, мадам!» Иногда это удобно, не правда ли? *(Остановилась в дверях.)* Вы должны помнить, Азалия: при нашем дворе были маркизы Дамьяки?

Азалия. Через несколько минут я вспомню, ваше величество.

Королева. Вы расскажете мне в постели. *(Уходит.)*

Азалия. Святая дева, какое легкомыслие! *(Берет ожерелье, запирает в несгораемый шкаф.)* От социалистов можно ожидать всего... *(Идет к телефону, набирает вертушку.)* Граф фон дер Рюббе? Добрый вечер, граф... Нас подслушивают. Будем говорить шифром: вместо «королева» говорите «она»... Я также вместо «королева» буду говорить «она». Ваш совет выполнен... О парламенте я беседовала с ней только что со всей решительностью, я сказала: разогнать и сжечь... «Она» выслушала благосклонно... Граф, я виновата,— относительно евреев у меня это просто выпало из головы... О евреях я дополню — завтра же утром... Принц Рейнский? Да, да, на нем она продолжает настаивать. Простите... Что изменилось? Ситуация? Вы меня пугаете... Но принц ваш соотечественник... Граф, повторите, немного спокойнее... «Принц оказался круглым идиотом»... Но разве вы не знали этого раньше, граф?.. Ах, так... Вы понадеялись на расовые качества... Но как же быть теперь?..

Из камина вылезают Майк и Гарри.

Майк. Бери старушечку...

Гарри бросается на Азалию, Майк открывает окно.

Азалия. Социалисты! На помощь!

Гарри. Самое благоразумное — молчать, как в утробе матери...

Майк. Ты поаккуратнее со старушечкой, а то она брыкнет на тот свет. Заткни ей рот кепкой...

В окно влезает Руди.

Р у д и. Ожерелье здесь?

М а й к. В несгораемом шкафу, замок шифрованный без ключа.

Р у д и *(увидел Азалию, быстро закрыл себе лицо)*. Завяжите ей глаза.

Г а р р и. Бесполезно, Руди...

Р у д и. Сволочи... Вы что ее?

М а й к. Сама соскочила с копыт, мы к ней и не прикасались.

Г а р р и. Обморок. Очухается...

Р у д и. Покройте ее чем-нибудь... Как это неосторожно!

Руди рассматривает шкаф.

Секретный замок без ключа. Майк, провода и паяльник.

М а й к. Есть. *(Подает ему инструменты.)*

Р у д и. Включай!

Вспышка пламени. Руди режет замок. Открывает шкаф. Вынимает ожерелье.

Оно... Красиво! Созвездие! *(Разрывает его на две половины.)* Оба вы до седых волос можете честно теперь посиживать в кофейне, покуривать ваши трубочки. Ну, живо, живо — лезьте в трубу... *(Идет к окошку.)*

М а й к. Руди, мы же делим эту штуку на три части...

Р у д и. Отказываюсь. В два часа пятнадцать скорый поезд на Роттердам: немедленно на вокзал...

М а й к. Ты остаешься здесь?

Р у д и. Я свое слово выполнил. До остального вам нет дела.

М а й к. Не порядок... Мало ли какая дурь может влезть тебе в башку. Мы с Гарри не будем спокойны. Ты поедешь с нами.

Г а р р и. Так, Руди.

Р у д и. Это насилие над моей свободой?

М а й к. Мы живем среди насилия, мой мальчик... Вот вернемся домой, сбудем эти камушки,— за кружкой пива ты сможешь досыта рассказывать нам сказки про свободу...

Г а р р и *(у окна)*. Все равно тебе другого пути

нет,— только через трубу на крышу. В саду полно стражи.

М а й к. Лезь, лезь в трубу...

Р у д и *(выхватывает у Майка ожерелье)*. О'кей! Я застал вас на месте преступления... Я во дворце по любовным делам... Мне поверят...

Бросается к двери. Дверь растворяется. Входят Х у н с б л а т и его секретарь Б л и ц — оба с ручными пулеметами.

Х у н с б л а т. Спокойно. *(Блицу — указывая на Майка и Гарри.)* Наденьте на них наручники. Добрый вечер, маркиз... *(Берет у него ожерелье, другую половину ожерелья берет у Гарри, несет к шкафу.)* Чистая работа... Это кто же из вас троих? *(Затем подходит к лежащей Азалии, приподнимает покрывало. Морщится.)* Ай, ай, ай!.. Вот это уже нехорошо. Это совсем глупо... Черт возьми,— задушили? Болваны!

Г а р р и. Потяните ее за нос,— старушечка дурака валяет...

Х у н с б л а т *(тормошит Азалию)*. Жива! Ну, слава богу...

Азалия приподнимается.

Закройте глаза, графиня...

А з а л и я. Социалисты во дворце!.. Спасайте королеву!..

Х у н с б л а т. Встаньте. Идите, не оборачивайтесь. *(Ведет ее к двери.)* Успокойте королеву: ожерелье на месте, социалисты ликвидированы. Попросите королеву не ложиться спать... Дайте знать принцу Рейнскому, что нам придется с ним говорить,— он не должен быть очень пьян. *(Выпроваживает Азалию и закрывает за ней дверь.)* Вот что, ребятки. К сожалению, обстоятельства государственной важности требуют, чтобы вы замолчали навек...

Г а р р и. Давайте уж лучше поиграем в суд, что ли,— уж повиснуть на веревке — так знать, что по закону.

М а й к. Не оскорбляй ихнее правосудие, Гарри, иначе они тебя повесят два раза: сначала за ноги, потом за шею.

Хунсблат. Уведите их.

Блиц. Встать! Марш...

Майк. Руди, советую тебе умереть честным жуликом.

Блиц. Философствовать будешь, когда тебе намылят веревку. *(Выталкивает Майка и Гарри за дверь.)*

Хунсблат. Сигарку, маркиз...

Руди продолжает сидеть неподвижно, опустив голову.

Вам обеспечено двадцать пять лет одиночки.

Руди. Скучно...

Хунсблат. Я думаю! *(Пауза.)* Тогда начнем с другого. Вы любите власть?

Руди. Власть? *(Вскидывает голову, быстро встает)*. Стоп! Я с вами начну разговаривать при одном условии: Майк и Гарри должны быть немедленно отвезены в Роттердам и в полном порядке посажены на пакетбот.

Хунсблат. Они станут болтать лишнее.

Руди. Не беспокойтесь — они умеют держать слово.

Хунсблат. А если их уже повесили?

Руди. Вы плохо знаете меня, господин министр... Если я решил, я — решил. Если я сказал, я — сказал... *(Берет сигару, закуривает.)*

Хунсблат. Я могу вас уничтожить раньше, чем вы докурите сигару до этикетки... Господин Мишель Рибо...

Руди. Пожалуйста... Откуда вы знаете, что я — Мишель Рибо?

Хунсблат. Королевская тайная полиция дала мне все сведения о вас с той самой минуты, когда ваша воровская шайка села в Нью-Йорке на пакетбот, вы — в каюте люкс, а те двое — палубными пассажирами.

Руди. Майк и Гарри не профессиональные жулики. Во всяком случае, они не взыскательны, вы смело их можете отправить из Роттердама палубными пассажирами.

Хунсблат. Положите сигару.

Руди. Я еще не докурил до этикетки.

Хунсблат. Браво, маркиз, браво... *(Идет к телефону.)* Блиц, они еще живы? *(Пауза.)* Так вот — снимите наручники с этих парней, отвезите их в Роттердам и посадите на пакетбот. Условие — полное молчание...

Руди. С борта они должны дать мне телерадиограмму.

Хунсблат. Предусмотрительно. *(В телефон.)* Нужна от них телерадиограмма... *(Вешает трубку.)* Все будет в порядке. Итак, маркиз...

Руди. Я вас слушаю...

Хунсблат. Вы мне нужны...

Руди. Это ясно.

Хунсблат. Вы, может быть, даже догадываетесь?

Руди. Не совсем. Очевидно, для какого-нибудь особенно грязного дела...

Хунсблат. Грязных дел не бывает... Дела бывают удачные и неудачные.

Руди. Оставьте философию. Вы хотите подсунуть меня любовником королеве? Охотно, если это не слишком меня свяжет. У вас счастливая мысль.

Хунсблат. Э-э-э-э, маркиз, не угадали... Я считал вас более честолюбивым человеком.

Руди. Если выбирать между веревкой и королевой... Сам дьявол бы не задумался... А вы не находите, что королева очень мила... У нее сверхженский темперамент.

Хунсблат. Да... Стоило бы все-таки вам дать затрещину. Вы читали известное сочинение господина Гвалтера: «Полевая книжка фашиста»?

Руди. На первом курсе университета. Довольно нахальная книжка, не правда ли? Она должна нравиться разоряющимся лавочникам. Хотя как-то ночью я попал в кабинет одного лондонского банкира и нашел ее у него на столе... К сожалению, я не дочитал этой книжки: дела моего отца во время кризиса лопнули, как мыльный пузырь, и мне пришлось начать борьбу за существование,— мою борьбу... Если бы я опирался на международный капитал, как этот господин Гвалтер,— уверяю вас, я бы достиг гораздо боль-

шего... Он скорее хитер, чем умен, нахален, чем проницателен...

Хунсблат. Что же вам помешало заняться политикой?

Руди. Любовь к женщинам, легкомыслие и жажда поглощать пространства... Мне всегда казалось слишком громоздким, неуклюжим — чисто по-немецки — поглощать пространства при помощи посылки в не принадлежащие мне пространства бомбовозов и тяжелой артиллерии... Я предпочитаю колеса моего автомобиля... Заставлять семьдесят пять миллионов немцев щелкать зубами от хронического голода в доказательство того, что они единственная полноценная раса, которая должна заселить все пространство земного шара... Это же чистейшее людоедство... Барон, мы все-таки светские люди...

Хунсблат. Вы мальчишка...

Руди. Не протестую...

Хунсблат. И вы все-таки мне нравитесь. Из всего возможного я выбираю именно вас...

Руди. В качестве кого я вам нравлюсь?

Хунсблат. Вы могли бы не перебивать меня в течение минуты и тридцати секунд?

Руди. Пожалуйста...

Хунсблат. Шестая часть земного шара — шестая! — населена русскими. Они там не спят... А вы можете спать спокойно? Я — нет... В двух километрах отсюда, в рабочих кварталах, нам уже копают могилу... Этим шекспировским могильщикам помогают все! Голодные чиновники, голодные интеллигенты, голодные мещане, парламентские болтуны! Им помогает пресса! Такой-сякой поджарый брюнетик в пенсне на мокром носу готов за пару флоринов выкопать мне любую могилу. Армия, флот, полиция — все на поводу у проклятого парламента! Так вот, кровяное проклятие! Мы говорим: довольно колебания! Человечество достаточно повеселилось! Трудящиеся слишком уверенно стали рассуждать, что их социальные бредни можно осуществить... Бредни, я повторяю вам! Будь я господом богом, я бы истребил этих тружеников и заменил их муравьями соответственной величины... К порядку!

За дело! Мир устроен не для веселья... Деньги требуют сурового поведения от человека... Не наша вина, что ты родился на свет,— работай! Отдохнешь в могиле... Работай, забыв о счастливых бреднях... Работай, не надеясь более ни на что... Работай, покорно возвращаясь в свое стойло и благословляя хлеб в кормушке... Господа трудящиеся, по стойлам! Вам это не нравится? Будет война, чтоб навести порядок... О, какая будет война. Большая, истребительная, беспощадная... Мы не людоеды, молодой человек... Но вот эту самую могилу, которую нам копают, мы наполним кровью наших могильщиков... Шестая часть земного шара, где они устраивают коммунистический рай, должна стать белым пятном... Я отрастил себе ноготь — я сам расчерчу на куски эту часть света... Кровяное проклятие! Либо мы, либо они! Мы переходим к высшей форме хозяйства: работающий человек становится на место отживших животных — лошади и вола... Они роют нам пропасть, но мы перейдем через нее по чертову мосту. Я вам рассказываю о программе максимум... Что же касается — с чего непосредственно нужно начинать...

Руди. Простите, полторы минуты прошли... Я вас понял. Вы предлагаете мне заняться политической деятельностью... Что это будет: шпионаж, подделка документов, провокация, вербовка бандитов?..

Хунсблат. Я предлагаю вам стать мужем королевы и фюрером.

Руди. Мне?.. Простите, я еще не отказываюсь... Но почему именно мне?..

Хунсблат. Потому что вы профессиональный нахал и вор...

Руди. Простите, я просил бы...

Хунсблат. Потому что в вас отбор уже произведен... Вором может быть только человек полноценный, ловкий, наглый, решительный, как голодный зверь, человек, до самых потрохов освобожденный от бабушкиных сказок... Умственной деятельности мы с вас не спросим. Думать за вас буду я... Вы — драться, лгать, дурачить, натравливать, пугать, хамить в мировом

масштабе. Мне понравилась ваша философия о большой дороге. Вы тот самый парень, кто, не моргнув глазом, зачеркнет девятнадцать столетий этой самой, черт ее подери, гуманитарной культуры...

Руди. А что ж! Если сделать вентиляцию и подвести отопление — из готических соборов могли бы получиться неплохие гаражи...

Хунсблат. Никаких компромиссов! Библиотеки, музеи, памятники, весь этот старый хлам — взорвать, сжечь и развеять... Человек должен забыть все... История человечества начинается с января тысяча девятьсот тридцать третьего года... Мы будем рубить головы за одни только мысли о справедливости.

Руди. Гм. Знаете что,— не лучше ли мне все-таки сесть за решетку?.. а?

Хунсблат. Я говорил с вами так в первый и в последний раз. Дальнейшее будет значительно проще. Вы будете спать с королевой, тратить деньги и орать во всю хриплую глотку на фашистских собраниях. Я разрешаю вам со всей яростью обрушиться на меня — представителя тяжелой промышленности... Можете намекнуть, что я даже неарийского происхождения... Призовите к погрому моих универсальных магазинов... Частично — этот погром я допущу,— он разовьет аппетит... Зовите к захвату моих банков и разделу моих миллиардов поровну между лавочниками... Обещайте возродить цеховые корпорации сапожников, скобарей, кожемяк и так далее... Распишите этим болванам пиршества под старыми липами,— земной рай: жрать, пить и блевать... Втолкуйте им: все это будет, будет, если они выдадут нам головой парламент. И тогда вы возьмете власть...

Руди. Вы уверены, что я именно тот самый человек?

Хунсблат. Да. Вы — фюрер. Вы еще несколько нерешительны — ничего, аппетит придет во время еды. *(Звонит по телефону.)* Если королева не спит, передайте, что я покорнейше прошу ее сюда... *(Вешает трубку.)* Королева мягка, как воск, но взбалмошна... Все дело может сорваться. Маркиз, распустите хвост...

(Звонит по телефону.) Кофе, ликеры, шампанское в личные покои королевы... *(Вешает трубку.)*

Руди. Знаете что... Мне не нравится ваш тон, господин барон Фома Хунсблат. Вы кричите, вы развязны. Чертыхаетесь... Вы не у себя в конторе, вы не в кабаке... Понятно вам?

Хунсблат *(остолбенел. Потом захохотал, хлопнул Руди по плечу)*. Ну, ты действительно — парень тот, что надо...

Руди *(сбрасывает с плеча его руку)*. Мы с вами не пили еще брудершафта. Будьте любезны открыть окно,— здесь воняет вашими сигарами, и вышвырните за дверь эти стрелялки... *(Указывает на ручные пулеметы.)*

Входит лакей с подносом, вином и прочим.

Хунсблат *(запирая оружие в шкаф, лакею)*. Открой окно и ступай прочь...

Лакей открывает окно и уходит.

Ну?..

Руди. Что — ну?

Хунсблат. Правильно... Ничего не скажешь... Правильно... фюрер.

Руди. Застегните жилет и поправьте галстук. Идет королева.

Входит королева в длинной розовой рубашке и в кимоно.

Королева *(Хунсблату)*. Вы предлагаете мне продолжить сегодняшний разговор... Я хочу спать... *(Увидела Руди. Поглядела на Хунсблата.)* Что это значит? *(Подошла к креслу, села.)*

Руди. Я возвращался в гостиницу. Я остановил мою машину, чтобы взглянуть на эти окна,— мне почудилось очертание женщины сквозь полураздвинутые портьеры. Я выскочил из машины и подошел к живой изгороди. Я видел, как вы сняли ожерелье и положили его на столик. Вы спросили о чем-то. Я хотел, чтобы прозвучало мое имя... Вы засмеялись и ушли... Мое сердце отчаянно билось. Тогда я заметил двух лю-

дей, вылезающих из камина.. Они были страшны. Я понял: вам грозит опасность. Я перескочил через изгородь и открыл окно... И — вот я здесь — в покоях вашего величества...

Хунсблат. Эти двое были опасными террористами, моя королева. Мне был известен каждый их шаг... Но я опоздал на несколько секунд...

Королева. По-моему, вы лжете оба...

Руди. Королева, красивой женщине никогда не говорят правды... Ложь, как шелковый ковер, ложится у ее ног... Идти по лжи легко и комфортабельно... Ложь — язык любви...

Королева. Все же иногда хочется знать правду...

Руди. Зачем? Женщина всегда успеет узнать правду. Зачем торопиться... Если я буду говорить, что каждое ваше движение — поворот головы, улыбка, взгляд — отдается во мне сумасшедшим волнением... Вы скажете — это ложь. Но вы невольно умножите ваши грациозные движения, и вам самой они станут казаться особенно удачными... Если я скажу, что аромат, идущий от ваших волос, от ваших губ, от ваших рук, от вашего платья,— туманит мне сознание, как грозовые тучи, и я весь в предчувствии грозы... Вы не поверите, но все же вы с особенным любопытством будете следить за моим растерянным взглядом, за дрожью моего голоса... Вам даже может показаться, что я в самом деле схожу с ума от любви...

Королева *(встает, подходит к столику, на котором стоят напитки, наливает бокал. Он дрожит в ее руке, не отпив — она ставит его на место)*. Вы оба пришли говорить со мной о принце. Послезавтра он станет моим мужем... Я решаю мою судьбу,— для меня это важнее, чем все, что делается в Европе, в Китае, во всем свете... Принц мой жених... Я привыкла к этой мысли. Это почти то же, что если бы он был моим мужем... Почти то же самое. До сегодняшнего дня я чувствовала себя очень спокойно... Я удачно играла в теннис. Я получила шоферские права. Остался еще один день моей жизни... Неужели нельзя подождать... Уверяю вас — послезавтра я, наверно, заинтересуюсь политикой и другими развлечениями.

Хунсблат. Моя королева, вы защищаетесь... *(Прикладывает платок к глазам.)* Вы защищаетесь, как дитя, от двух агрессоров... Я готов сложить оружие...

Руди. Не делайте этого...

Хунсблат. И не подумаю. Увы, моя королева, на днях английский посол сказал мне: Англия сделала все, что могла, стоя на страже всеобщего мира... Англии остается только молиться, чтобы испанцы, чехи, австрийцы и французы были в раю у господа бога... Английский посол плакал, как ребенок, о судьбе вашего королевства...

Королева. Вы мне грозите?

Руди. Королева, прикажите его вышвырнуть за дверь?..

Королева. Я ничего не в состоянии понять. *(Пьет вино.)* Принц будет моим мужем...

Хунсблат. Ну, что ж... Завтра я создам комиссию по невмешательству в ваши личные дела. Перенесем спор в комиссию.

Королева. Маркиз, защитите меня...

Руди. Сударыня! Я всегда готов идти на полшага впереди вас,— ударами расчищая вам дорогу... Я готов с восторгом исполнить малейшие ваши прихоти и любоваться ими... Я готов к услугам вашего дурного настроения, вашей скуки, вашего веселья и ваших страстей... Но я должен получить на это право, сударыня...

Хунсблат. Право мужа королевы...

Королева. Что? Честное слово, вы сошли с ума, оба...

Хунсблат. Мы не сошли с ума... Принцы Рейнские и маркизы Дамьяки!.. Одиннадцать столетий, там — семь,— не говоря уже о разнице в остальных качествах...

Королева. У меня нет сил... Пускай решает сам принц...

Хунсблат *(в телефон)*. Попросите принца... Что? Ну, тем лучше. *(Вешает трубку.)* Для европейской прессы мы представим дело так: вы пожертвовали

принцем и личным счастьем ради спасения всеобщего мира...

Входит принц в смокинге. Он пьян, но чрезвычайно корректен.

Хунсблат. Его высочество принц Рупрехт Младший...

Королева. Месье...

Принц пытается ответить, но только подавляет икоту.

Вы — мой будущий муж... Вы должны руководить моим поведением... Месье, предупреждаю вас, я, кажется, готова наделать глупостей...

Принц снова не в состоянии ответить.

Умоляю... Скажите мне — в первый и последний раз: вы любите меня?..

Принц испытывает волнение, но не отвечает.

Месье, мне предлагают другого мужа вместо вас... Одно движение вашей твердости, я тоже буду тверда..

Принц. Но-но-но! Никаких еще мужей...

Королева. Принц проявляет твердость...

Принц. Я проявляю большую твердость...

Хунсблат *(Руди)*. Кончайте эту позорную сцену.

Руди. Хорошо. Отвернитесь... *(Идет к королеве.)* Агния... Агния...

Королева *(протягивая руки для защиты)*. Нет, нет, нет...

Руди. Агния... *(Схватывает ее и начинает целовать.)*

Королева *(без сил висит у него на руках, но не уклоняется от поцелуев)*. Я боролась... Я хотела быть честной до конца... Я же знаю: самое греховное, самое ужасное — это страсть к мужчине... Я боролась... Бог меня оставил...

Принц. Я утверждаю — происходит большое неприличие. *(Уходит.)*

Хунсблат. Все в порядке, моя королева, все в порядке. Вы спасли королевство, вы спасли трон...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Королевский сад. Открытая беседка, где на столе — микрофон. Сад иллюминирован, над деревьями луна. Проходят Хунсблат и Блиц.

Хунсблат. Откройте все ворота в королевские сады. Пускайте публику.

Блиц. В карнавальных костюмах и масках?

Хунсблат. В масках и без масок, в костюмах и без костюмов... Обыватели еще не настолько утратили чувство действительности, чтобы приходить без штанов. Пускайте всех.

Блиц. Господин барон ничего не опасается?

Хунсблат. Я ничего не опасаюсь. Повсюду разместите оркестры... Побольше фокусников, шпагоглотателей, публика любит это... Как можно больше спиртных напитков. Что делается в городе?

Блиц. Центральные улицы оживлены, все кафе переполнены... Некоторое недоумение, даже испуг вызвало сообщение об отставке принца и поспешное обручение королевы... Публику особенно удовлетворило снижение цен на спиртные напитки. Веселятся и пляшут на всех перекрестках.

Хунсблат. Пляшут, как сумасшедшие?..

Блиц. Почти что, господин барон.

Хунсблат. Это хорошо. Что делается в предместьях?

Блиц. В рабочих предместьях — тишина и полное спокойствие.

Хунсблат. Войска?

Блиц. В одиннадцать тридцать войска начнут оцеплять предместья... В одиннадцать сорок отдельная колонна направится к парламенту...

Хунсблат. Все-таки, почему спокойно в рабочих предместьях?

Блиц. Вас это не должно волновать, господин барон...

Хунсблат. Меня это волнует...

Блиц. Войска войдут в затихшие улицы, и мы будем брать по квартирам, сонных, из кроватей...

Хунсблат. Там не должно быть спокойно... Кровяное проклятие!

Блиц. Министр внутренних дел отклонил план создания искусственного возбуждения на окраинах.

Хунсблат. Трус! Прохвост! Министр внутренних дел так раскормил своих провокаторов,— за полкилометра их можно узнать по брюху и сытой роже... Позвоните в отдел пропаганды, пускай человек пятьдесят мексиканских агентов отправляются в рабочие кварталы, в кабаки, в кафе, кинематографы... Возбудить! Наэлектризовать! Перевернуть пару автобусов... Проломить головы полдюжине полицейских... Несколько револьверных выстрелов... Небольшую баррикаду... Я хочу видеть противника открытым...

Блиц. Я боюсь, что — поздно, господин барон...

Хунсблат. Поздно? Никогда не произносите при мне этого слова. Что это у вас?

Блиц. Перехваченная телеграмма маркизу Дамьяк...

Хунсблат (*берет телеграмму, но, не найдя в карманах жилета пенсне, возвращает ее Блицу*). Прочтите.

Блиц (*читает*). «По дороге в Роттердам нас одиннадцать раз пытались угробить, но мы вывернули машину и — все в порядке, знаем о твоих успехах, держи ухо востро. Майк...»

Хунсблат. Кого нужно было повесить за это? Может быть, вас, Блиц? Ступайте... Мексиканских агентов для скорости перебросьте на автокарах...

Блиц. Вы просили напомнить: через две с половиной минуты маркиз должен быть у микрофона.

Хунсблат. Помню.

Хунсблат и Блиц уходят в разные стороны. Из-за беседки появляются Майк и Гарри.

Майк. Видишь, я был прав: мальчик нашей телеграммы не получил, значит, его надо предупредить другим способом...

Гарри. Майк, мы же влезли в самую пасть.

Майк. Я и сам вижу, что мы здесь, как две вши на ладони.

Гарри. Тут уже нас непременно повесят, Майк...

Майк. Ты правильно рассуждаешь, Гарри...

Гарри. Майк, давай-ка лучше отсюда...

Майк. А ты можешь бросить своего товарища в трудную минуту?

Гарри. Скажем — не могу...

Майк. Ты сам бы себе сказал тогда: я — трус и подлец?

Гарри. Пожалуй бы, сказал.

Майк. Если твой товарищ на краю гибели — должен ты рискнуть своей шкурой?

Гарри. Ну, должен.

Майк. Вот, когда ты так поговоришь со своей совестью — тогда тебе станет ясно: хочешь ты или не хочешь, а надо выручать нашего мальчика...

Гарри. Майк, идут...

Майк и Гарри скрываются. Входят Зелкин с большим бумажным свитком и Зизи.

Зелкин. Мы пришли немножко рано, Зизи... Пройдемся. Неполитично вылезать первыми... Почему ты так странно смотришь на меня? Мы же условились... Ты возьмешь адрес, как жена депутата, облеченная доверием масс... Делаешь реверанс и передаешь адрес королеве со словами: «Ваше величество, десятки тысяч добрых, благодарных рабочих кладут в ваши милостивые руки...» Понимаешь: тут очень тонкий оттенок,— я не говорю — «Повергают к стопам вашего величества». Нет! Рабочие, сохраняя чувство собственного достоинства, кладут в руки ее величества «свои чувства глубокого удовлетворения и надежд...» Ты поняла, как я подковыриваю? «Надежд на мирное разрешение некоторых экономических противоречий...» Под адресом десять тысяч подписей: моя, секретарей профсоюзов и других...

Зизи. Боже, какая скверная фальшивка! Хватило же у тебя терпенья подписать десять тысяч фамилий...

Зелкин. Это не меняет дела... А может быть, я лично опросил всех по телефону? Момент чрезвычайно обостренный. Я предвижу крутой поворот в

сторону диктатуры капитала... Наше положение весьма щекотливое...

Зизи. Только трусы боятся щекотки...

Зелкин. Я не боюсь щекотки! Во что бы то ни стало я должен удержать власть в рабочих округах... Я должен удержать большинство в парламенте, придется уступать и одним, и другим, спасая и то, и это...

Зизи. Сколько тебе хлопот, мой зайчик...

Зелкин. Будешь ты у меня когда-нибудь президентшей... Итак, после короткой речи ты снова делаешь реверанс королеве и ее жениху.

Зизи. Нет...

Зелкин. Что — нет?

Зизи. Я всецело на стороне крупного капитала... Подавай эту бумажонку сам...

Зелкин. Я требую повиновения! Я требую, как глава семьи, черт возьми!

Зизи. Шатап...

Зелкин. Я залеплю вам пощечину, сударыня,— публично!

Зизи. Глядите! Социалист...

Зелкин. Молчать! Прежде всего я — мужчина, вы — моя жена...

Зизи. Вы не мужчина, увы! Если бы только вы осмелились публично залепить мне пощечину... О-ла-ла... Я бы вам поцеловала руку, мой тигр! Мало еще быть просто подлецом... За это дешево платят сегодня... Смелым, инициативным подлецом,— о! Это — стиль!.. Я разочарована.

Зелкин. А что такое? Ты что-нибудь слышала обо мне?

Зизи. Игра проста: только две комбинации, третьей нет... В первом случае тебе дают хорошего пинка,— ты вылетаешь на тротуар, где в самом благоприятном случае торгуешь спичками и шнурками для ботинок... Во втором случае тебя просто расстреливают...

Зелкин. То есть — как расстреливают? Кто? За что? А! Ты, как всегда, несешь чушь. Маркиз в хороших отношениях с тобой?

Зизи. Позавчера во время ужина и после ужина маркиз был любезен свыше всякой меры...

Зелкин. Закинь ему за меня словечко, это не помешает... Зизи... Ты же добрая баба...

Зизи. Как все распутницы... Ах, милый друг, меня, как пушинку, подхватывает ураган мятежа...

Зелкин. Какого мятежа? О чем ты говоришь?

Зизи. И я не знаю,— где я буду завтра... Должно быть, очень далеко от тебя...

Появляются Руди и Хунсблат.

Хунсблат. Микрофон здесь, в павильоне...

Зизи. Ваше высочество... *(Делает реверанс.)*

Зелкин исчезает, делая жене знаки.

Руди. Мадам... *(подходит к ней.)* Кошечка, как дела?

Зизи. Незабываемо...

Хунсблат *(из павильона)*. Ваше высочество, через минуту вы у микрофона...

Руди. Хорошо, хорошо, займитесь там чем-нибудь... *(Зизи.)* Слушай,— незабываемо?.. Когда мы встретимся?

Зизи. Я бешено ревную.

Руди. Кошечка, не будь буржуазкой и не царапайся...

Зизи. Королева — хороша, хороша?.. Отвечай — хороша?

Руди. Отчего же,— королева — премилая девочка... Как воздушный пирог со сливками... Если бы ей было лет тридцать, как тебе...

Зизи. Я должна видеть тебя всегда, каждый день, каждую минуту... Амедей, Амедей... У меня есть деньги... Мой муж успел наворовать,— всё, всё на моем текущем счету... Нам хватит надолго... Только мчаться с тобой в автомобиле. Чтобы жизнь проносилась мимо, не останавливаясь... Я не хочу застывших очертаний! Вперед, вперед,— рука на твоем плече, голова на твоей груди... Я хочу жить... Брось королеву... Брось все, все. Уедем...

Руди. Кошечка, будь благоразумна...

Зизи. Не хочу благоразумия... Я боюсь... Ты не представляешь даже — как страшно в городе сегодня...

Люди пляшут, скачут на улицах, у всех остановившиеся глаза... Они видят смерть... Я не пьяна, я не в бреду... Я — в ужасе... Сегодня ночью будет переворот... Я все знаю... Но, может быть, слишком поздно... Я не могу объяснить тебе разумнее. Ужас кричит во мне: а вдруг уже поздно! Мы обречены, мы все обречены...

Руди. Прежде всего — хладнокровие... Я хочу быть фюрером,— имею я на это право, черт возьми?.. Сорвется — плевать... Ты вот что,— завтра переведика деньги в Париж, на всякий случай...

Зизи. О мой тигр...

Хунсблат. Время, ваше высочество...

Руди идет в павильон к микрофону. Хунсблат говорит в микрофон.

Внимание, внимание, внимание... У микрофона жених королевы, его высочество герцог Норд, маркиз Дамьяк...

Руди *(у микрофона)*. Граждане королевства, приветствую вас...

Хунсблат. Дайте прямо расовую теорию...

Руди. Я вырос по ту сторону океана, но я уроженец вашей страны. Я — ариец. Окружность моего черепа — сорок восемь сантиметров, высота — от надбровных дуг до темени — десять сантиметров... Я длинноголовый, голубоглазый блондин. В поперечном разрезе мои волосы имеют овальное сечение. Одиннадцать столетий мои арийские деды скрещивались со стопроцентными арийками... Я — хозяин жизни...

Хунсблат. Я уже слышу бешеные аплодисменты...

Руди. Со всею твердостью я говорю вам: земля нашего королевства, леса и реки, заводы, фабрики и магазины, сам воздух — принадлежат нам, чисторасовым арийцам, и только нам...

Хунсблат. Давайте — о евреях.

Руди. Наша страна засорена представителями низших рас. Из них наиболее нетерпимые — это евреи,

Они круглоголовы, черноваты и кудреваты... Уж это одно лишает их места под солнцем. Ваши виноградники гибнут от филлоксеры, земля дает скудный урожай, ваши дети болеют коклюшем и корью, зимой вы мерзнете у холодных каминов... Вы всё еще уверены, что причина этому стихийные бедствия... Нет! Обрадую вас! Фашистская наука нашла истинного виновника: это — евреи... Это они причина того, что вы пьете жидкое пиво, едите неудобоваримый хлеб, простаиваете в очередях за жирами и кряхтите под тяжестью налогов... Вы станете самым счастливым народом, как только вытряхнете из вашей страны всех круглоголовых, черноватых и кудреватых... Я говорю это вам, я — сын арийского солнца...

Хунсблат. И это будет вашим официальным титулом!

Руди. Я говорю вам: позор на голову тех арийцев, кто скрещивается с еврейками.

Хунсблат. Хорошо, сильно...

Руди. И говорю вам, если хотите, чтобы в нашей стране наступил земной рай,— лишите евреев огня и воды, лишите их права дышать воздухом... Бейте стекла в еврейских лавках... Мажьте им двери дегтем.

Хунсблат. Крови, крови, требуйте крови, черт возьми...

Руди *(ему)*. Сегодня я не в настроении...

Хунсблат *(в микрофон)*. Внимание, внимание, внимание... Сын арийского солнца, герцог Норд, продолжит беседу с вами завтра в тот же час, на той же волне...

Руди *(вытирая платком лоб)*. Слушайте, Фома Хунсблат, если вы еще раз будете мне говорить под руку, я не на шутку натравлю моих подданных на ваши универсальные магазины, мы вам выпустим пух... Я не марионетка, кровяное проклятие!

Хунсблат. Вы сказали блестящую речь, ваше высочество... Представители великих держав слушали ее с удовлетворением...

Руди *(наливая себе вино)*. Кстати — об этих представителях... С кем у нас сердечная дружба, с

Англией или Германией, кто нас собирается проглотить?

Хунсблат. И те, и другие.

Руди. Мило.

Хунсблат. Англия нас глотает исподволь, пережевывая вставными зубами,— банк за банком, фабрику за фабрикой, со слезами жалости и комитетами по борьбе с глотанием... А Германия, как щука,— хап! И мы — в фашистском желудке...

Руди. Вы могли бы аппетитнее выражать ваши мысли...

Хунсблат. Железный фашистский желудок — это то, что нам нужно. Это значит: завтра же мы переводим наши заводы на военную продукцию, рабочее население — на трудовую повинность, а страну — на твердый режим... Мы сами с усами, кровяное проклятие! Если наша тяжелая промышленность вольется в фашистский блок, мы будем распоряжаться в Европе, как на кофейной плантации... Мы Англию запрем на островах, как крысу в мышеловке... Понятно вам? Держитесь твердо. Я иду за королевой.

Хунсблат уходит. В глубине проходят две женские маски. Руди кидается к одной из них.

Руди. Погоди-ка, цыпка... *(Танцует с ней.)*

Королева входит в костюме бабочки. Руди оставил девчонку и подходит к ней.

Королева. Я вам нравлюсь?

Руди. Ночная бабочка...

Королева. Вы угадали. Я ночная бабочка. Этот костюм — со значением. Наденьте маску, идемте, я отчаянно хочу танцевать, но только с вами...

Руди. Пошлем к чертям всю политику...

Королева. Да, да, пожалуйста...

Руди. Будем плясать, дурачиться и целоваться...

Королева. Сударь... Хотя да, будем... Мне тревожно сегодня, сама не знаю почему. Взгляните, какая большая луна над деревьями... Как будто ей никакого нет дела до нас... Это — жестоко... Взошла над

иллюминацией, и дела нет, что здесь — у живых людей — бьются сердца. Плывет в тумане, как над мертвым миром.

Руди. А если нам удрать потихоньку,— на машину и — в путь? Ваша головка на моей груди, ваша рука на моем плече...

Королева. Ну, куда мы с вами уйдем от этой жизни? Достаточно снять маску,— ах, все исчезнет... Ах, мы обреченные, мой друг...

Блиц *(входит)*. Великие представители следуют.

Королева. Боже, какая скука...

Удаляются в танце. Входят Рюббе и Фицжеральд.

Рюббе *(Фицжеральду)*. Я же вас не бью по голове пивной кружкой,— чего же вам еще...

Фицжеральд. Но ваш несколько повышенный тон, граф...

Рюббе. Я говорю на языке дипломатии... Повторяю — из этого королевства вы уберетесь к чертовой матери...

Фицжеральд. Простите, граф, но вы забываете, что наш великий флот...

Рюббе. Вашему великому флоту в конечном счете мы предоставим спокойно плавать вокруг Южного полюса.

Фицжеральд. Простите, граф... Во избежание могущих произойти осложнений я бы хотел указать, что на суше и на море мы в три с половиной раза сильнее вас...

Рюббе. Гром и молния! Вы мне грозите? Прекрасно... Моя империя знает, что ей делать со своей армией и воздушным флотом.

Фицжеральд. Зачем столько страсти... Взамен этого королевства мы готовы развязать вам руки на востоке. Помимо Австрии, Чехословакии или даже Клайпеды сколько там прекрасных стран... Какой простор. Какие лакомые кусочки. Но что касается этого королевства — мы принуждены топнуть ногой.

Рюббе. Что? Я ослышался?.. Топнуть ногой? Как это делается? Может быть, так? *(Наступает ему на ногу.)*

Фицжеральд. Чувство гордости, граф, заставляет меня только промолчать.

Рюббе хохочет.

Хунсблат *(подходя к ним)*. Королева и герцог Норд выразили желание неофициально пожать вам руки, господа...

Фицжеральд. Спешу, спешу... *(Спешит к королеве.)*

Рюббе *(Хунсблату)*. Мой фюрер только что лично звонил мне: большие маневры имперских войск передвинуты к вашей границе...

Хунсблат. Прекрасно...

Рюббе. От себя добавляю: если сегодня же ночью не решитесь на освежающие меры,— маневры имперских войск будут перенесены на вашу территорию...

Хунсблат. Еще до полуночи герцог Норд объявит установление в королевстве фашистского режима... Рабочие предместья будут очищены.

Рюббе. Решитесь?

Хунсблат. О да... Предместья оцеплены войсками...

Рюббе. Помогай вам германский бог. Вырежьте всю сволочь до последнего щенка...

Хунсблат. Но — создастся некоторое затруднение...

Рюббе. На заводы и фабрики мы вам пришлем немцев из концлагерей... Это дисциплинированные немцы... Кормить их нужно только раз в сутки — овсянкой и картофелем.

Хунсблат. Пожалуйста, мы сможем давать и мясо...

Рюббе. Не нужно. Мясо и жиры — вредны. Не портите нам немцев, черт возьми... *(Идет к королеве, стоящей с Фицжеральдом и Руди в павильоне.)*

Хунсблат. По этикету — королеву и герцога под масками нельзя узнавать...

Рюббе *(королеве)*. Приветствую тебя, красивая маска. *(Руди.)* Приветствую.

Фицжеральд. Здесь рассказывают, что эти маски — обручены. Я верю слухам и нахожу,— трудно выбрать лучшей пары. Она — вся грация, вся невинность. Он — все мужество, все добродушие,— такой парень пробьет кулаками дорогу в жизни для себя и своей милой... *(Смеется.)*

Рюббе. Это все — стихи... Я скажу по-солдатски... Что за костюм на тебе, маска?

Хунсблат. Ночная бабочка...

Рюббе. Ночная бабочка,— значит, ты летишь на огонь... Ну вот, когда у этого твоего парня огонь начнет чадить — предлагаю тебе свой огонь нибелунга — сжечь твои крылышки... *(Делает движение, чтобы взять королеву за подбородок.)*

Королева *(пытаясь отстраниться)*. Амедей!

Руди *(кидаясь к Рюббе)*. Эй, вы, черт вас возьми!

Хунсблат *(загораживая Рюббе)*. Вы пьяны, ваше высочество.

Руди. Это животное ведет себя неприлично.

Хунсблат. Вы пьяны, ваше высочество. *(Увлекает его в сторону.)*

Рюббе. На вашего молодчика, королева, не мешает надеть железную узду.

Королева. Ах, Амедей такой порывистый...

Фицжеральд. А моя точка зрения, что хороший удар в переносицу никогда не вредит добрососедским отношениям...

Они отходят в глубину.

Хунсблат. Вы необузданный и фантастический идиот.

Руди. Что?

Хунсблат *(тихо)*. Я вас выдумал не для того, чтобы вы путали мне карты, щенок...

Руди. Но, но, но...

Хунсблат. Тихо, вам говорят... Вы осмелились повысить голос в присутствии графа фон дер Рюббе... Граф фон дер Рюббе больше чем наместник бога на земле... Если он потребует, вы ляжете на живот и будете лизать ему ботинки... Идите и почтительно извинитесь...

Руди. Ну, знаете, когда я был просто вором...

Хунсблат. Молчать, повиноваться... Или завтра же я найму себе другого фюрера, клянусь дьяволом...

Их заслоняют танцующие маски. К концу танца появляются королева, Фицжеральд; к ним присоединяются Руди и Хунсблат. Вбегает Зелкин, весь вид его дезорганизованный.

Зелкин. Господа, парламент горит...

Королева (*затыкая уши*). Ай!..

Зелкин. Парламент горит...

Хунсблат. Замолчите, или вам заткнут глотку раз и навсегда.

Зелкин (*Руди*). Парламент горит с четырех концов. Парламент оцеплен войсками...

Руди. Ну, и нечего вам волноваться, все в порядке...

Королева. Но ведь можно вызвать пожарных...

Хунсблат. Блиц, Блиц... Где этот мерзавец... (*Идет к телефону.*)

Зелкин. Кто бы мог подумать, господа, кто бы мог подумать...

Королева. Так всегда,— достаточно только захотеть повеселиться — что-нибудь помешает...

Руди. Этот господин действует мне на нервы...

Руди и королева уходят в глубину.

Фицжеральд (*Зелкину*). Побольше хладнокровия, мой добрый друг.

Зелкин (*с ужасом*). Они его подожгли...

Фицжеральд. Никогда не нужно ставить точек над и... У вас есть какие-нибудь документы, подтверждающие...

Зелкин. Документов сколько угодно...

Фицжеральд. Могу я предложить вам место в машине...

Зелкин. Я вам все расскажу, все, все...

Фицжеральд. И поступите разумно.

Уходят. Появляются королева и Руди.

Руди. Слушайте-ка, что у вас тут происходит?

Королева. Народ бежит, оркестры умолкли, над городом зарево.

Хунсблат (*бросая телефонную трубку*). Простите, королева, на несколько минут я должен вас покинуть.

Появляется Блиц.

Блиц. Вы меня звали?

Хунсблат. Блиц, на всякий случай, где моя чековая книжка?

Блиц. Вашу чековую книжку и наличность в долларах я положил в блиндированную машину.

Хунсблат. Где граф фон дер Рюббе? Я должен немедленно его видеть.

Они уходят.

Королева. Если я заплачу — будет очень неприлично?

Руди. Подождите... Никаких слез, черт возьми... Телефон сломан... Слуги исчезли...

Королева. Можно вас взять под руку, Амедей... У вас сильная рука... Как бы я хотела быть прачкой или булочницей. Как бы мы с вами хорошо поженились и жили. Вы бы пекли булочки, я бы стояла в хорошеньком передничке у прилавка... Вы бы хотели так?

Руди. Где, черт возьми, может стоять моя машина?

Королева. А королевой вы меня не станете любить... Да и вообще... Стрясется фашистский переворот либо революция... (*Сморкается в кружевной платочек.*)

Руди (*торопливо целует ее*). Нужно немедленно засмеяться.

Королева. Спасибо... Я попробую...

Появляются Майк и Гарри — оба в масках.

Ай!

Майк (*снимает маску.*) Не бойтесь, барышня, это я — Майк, а это — Гарри. Пришли за нашим мальчиком.

Королева. Кто эти люди?

Руди. Жулики.

Королева. Ай!

Майк. Вам нечего нас бояться, барышня, мы, пожалуй, много честнее ваших министров, скажем — мы единственные честные люди в этой игре.

Гарри. Майк, рассуждать будешь после... Минута дорога.

Руди. Что там происходит, я ничего не понимаю?

Майк. Я и сам мало понимаю, но вижу, вышло у них здорово. И не придется ли нам переменить мнение насчет Европы... У них было условлено, видишь ты,— когда фашисты подожгут парламент,— это сигнал: чернонёбых на фонари!

Гарри. Мы тебя предупреждали, Руди,— не лезь в грязную историю: после твоей речи в микрофон тебя ищут, чтобы повесить на первом фонаре...

Королева. Они не смеют!.. Герцог Норд неприкосновенен...

Руди. Поймите, черт вас возьми, когда я говорил в микрофон — я меньше всего думал, о чем я говорю. Плевал я на расовую теорию! Я не навязывался им в фюреры! А что бы я стал делать, если этот мешок с жиром, Фома Хунсблат, предложил мне двадцать пять лет тюрьмы...

Королева. Маркиз!

Руди. Маркиз! Я такой же вор, как вот эти,— и все это прекрасно знали, и вас за жулика замуж и выдавали...

Королева. Боже милосердный, возьми меня к себе...

Майк. Барышня, да ничего другого и не могло получиться в этом сумасшедшем доме... Кроме того, он погорячился,— это мы жулики, он — авантюрист... Не огорчайтесь,— он прекрасный, образованный человек... И никогда не был подлецом,— только вот до последнего случая, когда полез в фюреры, но уж тут его развратила обстановка...

Гарри. Это мы с Майком настаивали на вашем ожерелье... Честно говоря — вначале — Руди тоже мечтал... Но, как увидел вас,— тогда у колонки,— наотрез: не буду у нее покупать ожерелье. Верно я говорю, Майк... А мы: купишь, а то позвоним из автомата...

Королева. Кто вы такой, месье?

Руди. А я и сам не знаю...

Майк. Он — жертва общественного безобразия.

Королева. Месье, если я вам отдам это роковое ожерелье,— вы обещаете до конца жизни быть честным человеком?

Руди. Ну, конечно, обещаю...

Майк. Смотри, ты дал слово девушке...

Королева, взглянув на Руди, идет. Он бросается за ней.

Руди. Агния... Едемте в Париж... Я буду булочником, проповедником, журналистом,— кем только вы захотите. Верьте мне...

Королева. Я вам верю, но вы слишком сложный тип для меня...

Зизи *(вбегает)*. Наконец-то, Амедей!.. Бежим... В городе восстание... Ловят провокаторов и фашистов... Ужас, ужас!.. Моего мужа арестовали, его казнят, он будет мучеником, я — горда... В банке не хотели принимать, но я накричала, в последнюю минуту удалось перевести в Париж двести тысяч флоринов. Едем, едем, едем.

Королева *(возвращаясь)*. Нет. Я не отдам вас этой противной женщине. Сударыня, я еще королева. Я вам предлагаю — оставьте нас... *(Снимает с себя ожерелье и отдает Руди.)* Возьмите, пусть это будет нашим свадебным подарком...

Зизи. Это мой любовник, сударыня.

Королева. Я тоже могу постоять за себя, сударыня.

Зизи. Это мой мужчина, повторяю вам, сударыня.

Королева. Теперь-то уж наверно он будет моим, сударыня... *(Руди.)* Скажите, что нужно брать с собой в дорогу?

Руди. Зубную щетку, немножко пудры...

Королева. Ждите меня здесь. *(Уходит.)*

Майк. Теперь я удовлетворен, Руди. Я тут угнал блиндированную машину. Шофер-то оказался своим парнем. И спрятал ее в кустах... Все в порядке, катись...

Руди. А, черт, жалко все-таки девчонку.

Гарри. Иди, иди, не пачкай чистую работу.

Руди. Эх, в конце концов — мы свое дело сделали. *(Уходит.)*

Гарри. Майк, эта баба перевела двести тысяч в Париж, давай ее в машину...

Майк. Вот и видно, что ты мелкий, нечистоплотный жулик. Вы, барынька, не горюйте, вы в огне не сгорите и в воде не утонете...

Майк и Гарри убегают.

Зизи. Плюю вам на хвост, королева... О-ля-ля... Я раньше вашего буду в Париже... Есть еще аэропорт... *(Убегает.)*

Хунсблат *(торопливо идет к телефону)*. Центральная станция. Говорит премьер-министр... Фома Хунсблат... Дайте мне заведующую... Блиц!

Блиц. Здесь...

Хунсблат. Что там за курятник на центральной телефонной станции?

Блиц. Станция захвачена.

Хунсблат. Что? Кем?

Блиц. Не знаю.

Хунсблат. Вы пьяны?

Блиц. Нет еще.

Хунсблат. Вызовите мне немедленно командующего войсками...

Блиц. Он арестован.

Хунсблат. Кем?

Блиц. Не знаю.

Хунсблат. Вы с ума сошли? Или я сплю?.. Что происходит в городе?..

Блиц. Если бы я знал, что происходит в городе,— я бы с этого начал мой доклад...

Хунсблат. Войска заняли рабочие предместья?

Блиц. Нет.

Хунсблат. Почему не было выполнено мое распоряжение? Что? Не знаете? Мексиканские провокаторы были пущены в рабочие предместья?

Блиц. Были пущены.

Хунсблат. Ну, и что же?

Блиц. Их частью сейчас же повесили, частью утопили в неподходящих местах.

Хунсблат. Кто?

Блиц. Не знаю.

Хунсблат. Вы сознательно ничего не желаете говорить?

Блиц. Для чего я буду говорить, когда нужно не говорить, а удирать как можно скорее, если уже не поздно...

Слышны как бы раскаты грома.

Хунсблат. Что это?

Блиц. Не знаю.

Хунсблат. Это канонада?

Блиц. Очевидно.

Хунсблат. Постойте, постойте, дайте мне собраться с мыслями... Что могло случиться? Где граф фон дер Рюббе? Пускай он немедленно двинет войска через нашу границу.

Блиц. Граф фон дер Рюббе арестован...

Хунсблат. Кем?

Блиц. Не знаю...

Хунсблат. Тогда что же мне делать? Постойте, постойте... Где моя блиндированная машина?

Блиц. Она исчезла.

Хунсблат. Как исчезла? Но ведь они уже подходят к парку... Они нас схватят... Они нас повесят...

Блиц. Вне всякого сомнения, повесят и немедленно... Вас-то уже во всяком случае... *(Свистит.)*

Хунсблат. Перестань... Что ты делаешь, мерзавец?

Блиц. Покупаю себе жизнь... *(Кричит.)* Сюда, сюда... Я задержал Фому Хунсблата... Я, я, я...

Хунсблат. Замолчи, кровяное проклятие... *(Душит его.)*

Блиц. Все равно... Поздно... Идут...

Голоса, тени от приближающихся людей. Хунсблат поднимает руки.

Занавес

Посвящается
Людмиле Толстой

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Драматическая повесть в двух частях

Часть первая

ОРЕЛ И ОРЛИЦА

Пьеса в одиннадцати картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Васильевич.

Марья Темрюковна — черкесская княжна, затем царица.

Михаил Темрюкович — ее брат.

Василий — блаженный.

Филипп — игумен Соловецкого монастыря, затем митрополит московский.

Малюта Скуратов.

Василий Грязной.

Федор Басманов.

Князь Курбский Андрей Михайлович, Князь Воротынский Михаил Иванович, Юрьев Никита Романович — воеводы.

Сильвестр — поп, правитель государства во время юности Ивана.

Авдотья — жена Андрея Михайловича Курбского.

Ваня, Андрюшка — его сыновья.

Козлов Юрий Всеволодович.

Шибанов.

Князь Оболенский-Овчина Дмитрий Петрович.

Киязь Репнин Михаил Дмитриевич.

Киягиня Старицкая Ефросинья Ивановна — тетка царя Ивана.

Князь Старицкий Владимир Андреевич — двоюродный брат царя Ивана.

Юрген Ференсбах — ливонец.

Магнус — принц датский.

Висковатый } дьяки.
Новосильцев }

Новодворский — городской воевода.

Лекарь.

Скоморох.

Слуга.

Первый бирюч.

Второй бирюч.

Третий бирюч.

Первый купец.

Второй купец.

Третий купец.

Первый ремесленник.

Второй ремесленник.

Купчиха.

Мужик из Раздор.

Толмач.

Двойна — полоцкий воевода.
Женщина с узлами
Ремесленник
Молодой шляхтич
Толстый пан
Босой монах
Богатая шляхтянка
Пожилой купец
Первый латник
Второй латник
Третий латник
Старая женщина
} жители Полоцка.

Бояре, опричнники, воины, скоморохи, слугн

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Палата с низким крестовым сводом. Прямо на стене — живопись: юноша стоит, раскинув руки, в одной — хлебец, из другой течет вода; с боков его — коленопреклоненные бояре, воеводы, священнослужители и простой народ; одни ловят ртом воду, другие указывают на хлебец. Над головами — грифоны держат в когтях солнце и луну. Внизу картины изображен огонь неугасимый и мучения грешников.

В палате — с боков печи — на скамьях сидят бояре, окольничие, московские и думные дворяне. Все без шуб, в одних однорядках, в кафтанах, у всех — посохи и шапки в руках. Заметно, что в палате жарко натоплено. В высоком железном светце горят свечи. В палате три двери: прямо в стене дверь, обитая золоченой кожей, в стене направо — низенькое дверное отверстие и налево — такая же низенькая дверь.

На печной лежанке сидит князь Михайла Репнин, с тощей бородкой, редкими волосами по плечи. Справа от него на лавке сидит князь Дмитрий Оболенский-Овчина, лет под пятьдесят, тучный и зверовидный, с красным лицом, изломанными бровями.

У правой двери, откуда из соседней палаты льется свет свечей, стоит молодой князь Андрей Михайлович Курбский. У него суровое, правильное лицо, курчавая темная бородка, выбритая на подбородке, щегольские усы, одет он в длинный темный кафтан, в сафьяновые сапожки с сильно загнутыми носами. Он прислушивается к тому, что происходит в соседней палате. Из глубины через палату в правую дверь мимо Курбского проводят под руки древнего старика в посконной рубахе, в новых лаптях. Старик идет, будто упирается, лицо поднято, рот разинут.

Репнин. Колдуна повели.

Оболенский. Ничего теперь не поможет. Соборовать надо.

Репнин. Омыть да в гроб. А гроб-то забыли сделать. Ах, ах, слава земная: Казанское царство покорил, Астраханское царство покорил, а в смертный час гроба некому сколотить. Господь-то мог бы помочь, да, видно, не захотел.

Оболенский. Не дал, не дал господь ему покняжить. Волчонок, весь в отца, а лучше сказать — в деда. Да и весь-то род Ивана Калиты — скаредный, кровопийственный. Покняжили, напились человечьей крови. теперь запустеет род Ивана Калиты... Аминь. *(Живо оборачивается к боярам.)* Вот князь Андрей Курбский,— прапрадед его кто? Святой Ростислав — третий сын великого князя Мстислава; а он, Андрей, как холоп, стоит у двери... А род Ивана Калиты — от последнего, от младшего сына Мономаха, от Юрия Долгорукого... Милые мои! Юрию дали Москву в удел. В те поры в Москве дворов-то всего десяток было худых да тын гнилой на ручье Неглинном. Князю Юрию зипунишки крашеного не на что было купить. Поставил он на реке Яузе кабак да на Мытищах другой кабак — торговать хмельным зельем, брать с купцов десятую деньгу. С того он, Юрий, и Долгоруким прозываться стал, что руки были долги к чужой мошне.

Репнин *(начинает трястись от смеха)*. Подарил, подарил...

Курбский. Не смеяться, князья, ризы разорвать, рыдать нам бог повелел...

Оболенский. Рыдать? Нечем. Слез-то нет, высохли, князь Андрей Михайлович.

Репнин. Далее что же про род Ивана Калиты?

Оболенский. С тех пропойных денег и пошел сей худой род. В Золотой Орде ярлык купил на великое княжение! Мимо старших-то родов! Иван Третий, дед этого волчонка, зная свою худость, в жены взял византийскую царевну, чтоб ему от императоров греческих крови прибыло... И бороду сбрил себе. Да не быть Москве Третьим Римом, не быть этому! От голи кабацкой Москва пошла, голью и кончится.

Репнин. Церковь близко, да идти склизко, кабак далеко, да идти легко.

Из соседней палаты выходит лекарь, немец в черном коротком платье, на котором нашиты астрологические знаки. Вынимает платок, подносит к глазам.

Курбский. Ну что? Скажи, лекарь...

Лекарь. Хофнунгслос.

Курбский. Без надежды?

Лекарь. Готт аллейн кан им хельфен[1].

Курбский. Он жив еще? Слышу, стонет, вскрикивает...

Лекарь *(махнув рукой, уходит в дверь, что в глубине палаты)*. Пускай царю русский кольдун помогайт.

Репнин. Собака, нехристь. Прошел, и дух от него скорбный.

Оболенский. Не быть Москве деспотом. От Владимира святого и по сей день навечно господь поставил княжить на уделах князей Ростовских, Суздальских, Ярославских, Шуйских, Оболенских, Репниных...

Репнин. Стой, князь Оболенский-Овчина! Не хочу тебя слушать. *(Боярам.)* Невзначай, в пустой речи,— ишь ты,— место наше утянул — Оболенские, а потом Репнины. Мы, Репнины, от Рюрика — прямые. Мои племянники твоему второму сыну в версту.

Оболенский. Твои племянники ровня моему сыну? Слезь с печи, я сяду, а ты постой — у двери.

Репнин. Это я слезу — тебе место уступлю?

Оболенский. Слезешь, уступишь.

Репнин. Ах, вор, ах, собака!

Входит Сильвестр, высокий, сутулый, постный, с пристальными глазами, одет в широкую лиловую рясу.

Сильвестр. Князья, местничать-то нашли бы палату где-нибудь укромнее, подалее. Государевой душе покой дайте.

Курбский. Сильвестр, поди, послушай...

Сильвестр. Кончается государь?

[1] Только бог может ему помочь.

Курбский. Хрипит так-то страшно... Как брат он мне был, вместе книги читали при восковой свече. Ради славы его тело мое изъязвлено ранами. И все то червям могильным брошено... Ум мутится...

Сильвестр. Смутны твои речи, князь Андрей... От тебя жду, чтобы ты был тверд. *(Нагнувшись, шагает в дверь, ведущую в соседнюю палату.)*

Оболенский *(Репнину)*. Слезь! Ай за бороду стащить?..

Репнин. Эй, Митрий, я вцеплюсь — не оторвешь тогда...

Сидящий среди бояр игумен Соловецкого монастыря Филипп — строгий, истощенный постами человек лет шестидесяти, в узкой рясе с заплатами, поднял посох и стукнул о дубовый пол.

Филипп. Аки бесы бесовствующие, псы бешеные, лаетесь из-за места на печи! Князья удельные, умалилась ваша гордость, приобычась лизать царские блюда. Быть вам холопами царя Московского.

Оболенский. Боже мой, малый на великих глас поднял!

Репнин. Не кричи на нас, Филипп, ты хоть и Колычев, да место свое знай. Мы перед тобой — не на исповеди в Соловецком монастыре. То-то.

Из соседней палаты появляется Сильвестр, нахмурен, решителен.

Сильвестр. У государя уже пена на устах... И ворожба не помогла. Очнулся царь Иван и вымолвил одно слово: «Крестоцелование». Князья, бояре московские, и думные дворяне, и ты, игумен Филипп, думайте — час дорог: кому будете целовать крест на царство? Сыну царя Ивана, младенцу, за коим стоит весь род дворян московских Захарьиных, не любых нам, да Воротынские, да Юрьевы... Или крест целовать двоюродному брату его, князю Старицкому Владимиру Андреевичу, который живет и думает по отчей старине?

Оболенский. Себе! Крест на княжение каждый себе будет целовать, чтоб каждому на вотчинах своих сидеть и государить, отныне и навечно.

Сильвестр. Князь Дмитрий Петрович, люби слово не сказанное, бойся слова сказанного. Я бил челом княгине Ефросинье Ивановне, смиренно просил ее с сыном, князем Старицким Владимиром Андреевичем, прийти к нам на совет и думу.

Репнин. Думать нам недолго. Князь Старицкий — кроток и старину почитает, пусть сидит на Москве царьком.

Сильвестр. Князю Старицкому — первому крест целовать, пусть он нас и рассудит в нашем великом смущении.

Оболенский. Князь Старицкий пойдет ко кресту по своему месту,— одиннадцатым.

Репнин. Истинно так.

Оболенский. И первому идти мне.

Репнин. Тебе?

Оболенский. Мне.

Репнин. Место твое седьмое.

Оболенский. Чего? Чего? Ах, собачий сын, досадник! Дайте мне разрядную книгу, вон в печурке лежит.

Один из бояр встает, отсунув кверху рукава, обеими руками с бережением берет из печурки большую книгу в коже с медными застежками и подает ее Оболенскому. Тот так же отсовывает рукава и, сев на скамью, отстегивает застежки, раскрывает книгу и, мусля палец, медленно листает ее. Курбский подходит к Сильвестру.

Курбский. Поп, ты сам-то тверд?

Сильвестр. Господь меня не вразумил еще: и так и эдак. Что лучше для твердыни власти? Скорблю, плачу, лоб разбил молясь.

Курбский. Издревле в великокняжеской избе собирались удельные князья с великим князем, как единокровные, как равные,— думали и сказывали,— войну ли, мир ли. За такое благолепие целую крест.

Сильвестр. Ты — непобедимый воевода, будь смел, скажи про древний-то обычай князьям и боярам, тебя послушают.

Курбский. Клятву дал царю Ивану на том, чтобы его сыну помочь возвысить царскую власть — по

примеру византийскому, примеру императоров римских. Ужаснулся я, но дал клятву. Поп... В силах тебе клятву мою резрешить? Разорвать ее, как грамоту кабальную?

Сильвестр. Клятву разрешает бог да совесть... А я — червь малый.

Входит княгиня **Ефросинья Ивановна Старицкая с сыном.** Она тучна, в широких одеждах и в накинутой шубе темного шелка; голова и щеки ее туго обвязаны златотканым платом; в руке — посох, другой рукой она держит за руку сына **Владимира Андреевича**,— ему лет под тридцать, он среднего роста, нежный, с блуждающей улыбкой. За Ефросиньей — **дьяк** с кошелем.

Ефросинья. Преставился? Помер?

Репнин *(сполз с лежанки, поклонился и опять сел)*. Будь здорова, матушка Ефросинья Ивановна, нет, не помер еще, томится и нас томит.

Ефросинья. Что за напасть! Третьи сутки не спим, не едим... Кто его душу держит? Уж не когтями ли? Чего ж она не летит ко господу? А я уж поминки принесла. Как быть-то? *(Дьяку.)* Ивашко, отдай кошель игумену Филиппу, он раздаст, кому надо. Сына моего привела к вам, князья и бояре. Володимир, сядь на печь. Князь Михайло, уступи место сыну моему.

Репнин. Ефросинья Ивановна, не утягивай моего места.

Голоса бояр. Не надо, не надо.

Оболенский *(показывая книгу)*. Ты вот с чего начинай, Ефросинья Ивановна,— с нашей чести...

Ефросинья. Сядь, Володимир.

Владимир Андреевич. Матушка, я еще молод, перед старыми людьми постоять — отечеству моему порухи большой не будет.

Оболенский, Репнин и другие бояре. Добро, добро, добро!

Ефросинья. Будь по-вашему. Володимир, стой без места. Пришли мы сказать вам, князья и бояре, что ни я, ни Володимир, сын мой, целовать креста Иванову сыну не хотим... Хоть голову на плаху.

Голоса бояр. Добро, добро.

Ефросинья (*указывая на дверь*). При его, Ивана, малолетстве давно ли ваши головы летели прочь, на Москве Шуйские да Глинские ваши дворы разбивали, шубы с ваших плеч обдирали. Опять того ж хотите? Нужен вам вот какой царь: ты ему шепнул в ухо или ты шепнул. А царь-то кроток, милостив, царское ухо приклончиво. У тебя, князь Ухтомский, али у тебя, князь Масальский, вотчины-то захудали, обезлюдели. Ай, ай, бедные! На то и царская казна, чтобы своим подсобить. Шепнул, глядь, и опять зажил на вотчине волостелем... Плавай, как блин в масле.

Голоса бояр. Добро, добро.

Ефросинья. Филипп, а ты раскрой кошель, не стыдись. Кто возьмет хоть рубль, хоть пятьдесят рублев — я на том памятки не беру.

Входят Михаил Иванович Воротынский и Никита Романович Юрьев — воеводы. Воротынский — с умным, открытым и суровым лицом. Юрьев — средних лет, дородный.

С чем, воеводы, пришли?

Воротынский. А тебе, матушка Ефросинья Ивановна, надо бы сначала поклон вести по-ученому да вперед меня слова не молвить.

Ефросинья. Ох, князь Воротынской, ты, чай, не в поле на коне, а я не татарин. Как напужал.

Юрьев. Государыня, выдь в сени, послушай: Москва гудит, как бы чего не вышло. Люди царя Ивана любят.

Ефросинья. И ты с ними заодно?

Воротынский. Мы с Никитой Романовичем Юрьевым пришли крест целовать сыну царя Ивана. Служили царю Василию и царю Ивану и сыну его будем служить своими головами. А ты, Владимир, не хоронись за материнский подол, служить тебе не хочу... А придется — и драться с тобой готов.

Ефросинья. Холоп! Смерд смердящий! Вор! Шпынь ненадобный! Как у матери твоей утробу не разорвало!

Воротынский *(отталкивая ее)*. Пошел молоть бабий язык!..

Ефросинья. Видели? Убил, убил меня... Что же вы... Бояре!..

Сидящие в палате зашумели, поднялись с лавок.

Оболенский *(наседая)*. Воротынской, Воротынской... За чьи деньги крест целуешь?

Репнин. Захарьевых да Юрьевых денежки. Христопродавец!

Оболенский. Мятежники!

Ефросинья. Ободрать обоих да выбить прочь!

Репнин. Их ко святому кресту нельзя допускать. Юрьев, крошки мясные с бороды смахни, пост ведь.

Ефросинья. Псарям их отдать! Псарей зовите! Псарей!

В правой двери появляется царь Иван. На нем длинная белая холщовая, будто смертная, рубаха. Он высок ростом, плечи его подняты. Лицо его с горбатым, большим носом, с остекленевшими глазами пылает и все дрожит.

Курбский *(громким голосом)*. Царь! Царь Иван!

Иван. Кого псарям кинуть? Терзать чье тело? Меня кинуть псарям? Сына моего, младенца, из колыбели взять,— псарям, псам на терзание? Настасью, жену, волшбой извели... Меня с сыном, сирот горьких, заживо хороните? Не вижу никого... Свечей зажгите. *(Идет к светцу, берет несколько свечей, зажигает, вставляет в светец. Голова его кружится, ноги подкашиваются, он садится на лежанку.)* Сильвестр, светец души моей. Ты здесь? Не откликается. Придешь, когда третьи петухи закричат. Воротынский, князь Михайло. Подойди ко мне, стань о правую руку... Никита Юрьев, пришел крест целовать? Я тебя любил. Стань о левую руку. *(Нагнув голову, покачиваясь, разглядывает лица, и они, видимо, плывут в глазах его.)* Уста жаждут, губы высохли, язык почернел... Пустыня человеческая суха... Душа моя еще здесь, с вами, а уж горит на адском огне злобы вашей. *(Опять вскинув голову, глядит.)* Курбский, ты

здесь? Подойди ко мне, друг. Дай испить последний вздох любовной дружбы.

Глаза всех устремляются на Курбского. Он кивает кудрявой головой и подходит к Ивану.

Курбский. Дай на руки тебя возьму, отнесу в постелю.

Иван. Вынь меч. Сей час нужен меч! *(Увидев протискивающегося к нему Сильвестра)*. Гряди ко мне, гряди, поп...

Сильвестр. Молился я, государь, и господь тебя воздвиг. Велико милосердие...

Иван *(исказившись, встает во весь рост, бешеным движением срывает крест с груди Сильвестра. Протягивает крест перед собой)*. Целуйте крест по моей близкой смерти — сыну моему... На верность государству нашему... Володимир, подходи первым... Ефросинья, подводи сына.

Бояре в смятении. Все молча придвигаются к Ивану.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Там же. У дубового стола, с одного края, сидит Сильвестр и пишет, положив бумагу на колено. Около лежат свитки грамот и книги. Другой конец стола покрыт полотенцем, там стоят солонка, чашка с квасом, ковшик и на деревянной тарелке хлебец. Входит Филипп, смиренно кланяется. Сильвестр встает и низко кланяется.

Сильвестр. Садись, Филипп. Что поздно пришел?

Филипп. Живу далеко, на подворье. Шел пеший. Зачем ко мне послали? Зачем понадобился царю?

Сильвестр. Не знаю.

Филипп. Царь, говорят, смирён?

Сильвестр. Смирён... Ужаснулся смерти. Она, проклятая, бездну разверзла перед его очами, в тьме смрадной все грехи свои прочел... Как встал от одра болезни, наложил на себя сорокадневный пост,

Ф и л и п п. Дешево свои грехи ценит.

С и л ь в е с т р. Строг ты, Филипп... А здесь язык надо бы прикусить.

Ф и л и п п. Чего государь держит меня в Москве? Проелся я на подворье. Впору милостыню просить. Домой хочу, на Соловки...

С и л ь в е с т р. Чай, на Москве каждый боярский двор тебе родня. Только постучись в ворота.

Ф и л и п п. Невместно это мне.

С и л ь в е с т р. Гордыня колычевская — вот где у тебя щель, Филипп.

Ф и л и п п. Ты, поп, знай свое место! Чин на мне ангельский.

С и л ь в е с т р. Прости.

Ф и л и п п. Царь, говорят, войну новую затевает?

Сильвестр продолжает писать.

Мало ему вдов горемычных, мало ему сирот... Нужна ему потеха кровавая... С Ливонией война, что ли?

С и л ь в е с т р. Не быть этой войне... И казны у нас нет и лето было дождливое, весь хлеб сгнил, людишки и без того мрут... Бояре стеной супротив войны стали.

Ф и л и п п. Это хорошо. Жить надо тихо. Пчела ли зазвенит, или птица пропела — вот и весь шум. Да бей себя в перси, не переставая,— кайся... Вот как жить надо.

С и л ь в е с т р. Войны не допустим.

Слышен заунывный звон колокола. Сильвестр встает.

Поди, Филипп, посиди в сенях. Царь спросит — я тебя скличу.

Филипп уходит налево. Из двери в глубине выходят И в а н и блаженный В а с и л и й. У Ивана темная бородка и усы выделяются на бледном лице. Он в смирном платье. Блаженный Василий — согнутый старичок в рубище.

И в а н. Входи, входи, блаженный, не бойся... *(Сильвестру.)* На паперти,— вышел я, народ раздался, пропустили ко мне блаженного... Он мне: «Царь, царь, на денежку...» И подает мне милостыню. *(Показывает.)* И люди все закричали: «Василий блаженный царю денежку подал».

Василий *(оглядывая палату)*. Высоко живешь, родимый... Солнце красное, месяц ясный, звезды частые — все твое... Красно, пестро... Могучий наш-то... Ай, ай, ай... Наш-то-о, хо-хо.

Иван. Пожалуй меня, блаженный, откушай со мной хлеба.

Василий. Ох, как бы твой кусок на моем горбу не отозвался, ты ведь хитрой.

Иван. Грешен, грешен, хитрый, двоемысленный.

Василий. Ну, врешь, ты умной. *(Садится.)* Ты гордой.

Иван. Грешен. *(Ломает хлеб.)* Прими для бога. Посоли покрепче. Я ем хлеб несоленый.

Василий. Я соль люблю. Дорого соль продаешь, родимый. Слезами куски-то солим.

Иван. Соль ныне будет дешева.

Василий. Дешева? О, хо-хо... Соль дешева! Ой, врешь.

Иван. Я сказал.

Василий. Ты меня не обманывай... Я ведь все расскажу людям.

Иван. Блаженный, ты на что мне денежку подал?

Василий. А я — дурак, я не знаю.

Иван. Ты меня давно на паперти поджидаешь. Мне все ведомо. Скажи.

Василий. Боюсь вон энтого.

Иван. Это — поп. Духовник мой.

Василий. Духовник! А под рясой хвост у него...

Сильвестр. Государь, прикажи меня не срамить всякому юроду...

Иван ударил руками о стол и засмеялся.

Этот Васька — вор на Москве известный, черный народ дурачит, бегает по площадям, по торговым рядам, нашептывает на добрых людей... Каждую ночь с кабацкой теребенью пьян валяется по кабакам.

Василий. Обидели.

Иван. Не ругай его, Вася — мудрый. *(Гладит его по голове.)* Не пужайся, я в обиду не дам... Скажи, зачем денежку дал?

Василий. Мне люди велели... Подай, сказали, царю денежку — мимо бояр.

Иван. Мимо бояр? Так сказали?

Василий. О, хо-хо...

Иван. А на что мне денежка?

Василий. Царь воевать собрался, ему денежка пригодится.

Иван. Сильвестр, слушаешь?

Сильвестр. Слушаю, государь.

Иван *(блаженному).* С кем я воевать собрался?

Василий. О, хо-хо...

Иван. Что люди говорят? *(Взял его за плечи, притянул.)* Скажешь?

Василий. Какой ты грозной... Я уйду лучше... Пусти.

Иван. Что на Москве шепчут?

Василий. Сам догадайся, родимый, сам... сам...

Иван оставляет его, стремительно встает и уходит в правую дверь.

Сильвестр. Вор, сучий сын, рвань подворотная... Язык тебе отрежу!..

Василий. Ой, ой! А я ничего не вымолвил... Не режь мне язык, поп,— без языка я страшнее буду.

Иван возвращается с шапкой, полной денег, подает ее Василию.

Иван. Шапку прими в дар, милостыню раздай людям — кои ко мне с любовью.

Василий. Денежек полный колпак!.. О, хо-хо...

Иван. Иди с миром.

Василий. Преклони ухо. *(Шепчет ему на ухо.)*

Иван криво усмехается.

Вот как на Москве говорят: наш-то Иван — большая гора.

Василий блаженный уходит. Иван, нахмуренный, садится у стола.

Сильвестр. Государь, бояре ближней думы тебя ждут, съехались давно... Ты велел приготовить

грамоту к великому магистру ордена Ливонского. Грамоту я набело переписал. Сам будешь читать в думе или прикажешь мне?

Иван. Пусть бояре ждут. А скучно станет — пусть едут по дворам.

Сильвестр *(страстно)*. Зачем отсекаешь ветви древа своего? Зачем кручину возвел на ближних своих? Чем тебя прогневили? Чем не угодили? Между князей, бояр, верных слуг,— стоишь ты, как сосуд пресветлый в облацех фимиама славословия...

Иван *(с усмешкой)*. В облацех фимиама суесловия и празднословия...

Сильвестр. Ум твой стал, как щелок и уксус. Где смирение твое, где кротость? Каким еще несытством горит твое сердце? К совету мудрых ухо твое стало непреклонно, гневно лицо твое даже и во смирении... Ты — победитель, как Иисус Навин, рукой остановил солнце над Казанью и месяц над Астраханью... Все мало тебе... Жить тебе в кротости да в тихости, как бог велел... Ты ж замыслил новую потеху кровавую... И уже ты страшишься совета мудрых.

Иван. Молчи, поп, не вводи меня в грех... Не подобает священникам царское творити... Филипп пришел?

Сильвестр. В сенях ждет.

Иван. Поди позови.

Сильвестр уходит. Иван берет одну из грамот, читая, качает головой. Присев к столу, пододвигает медную чернильницу, выбирает перо, вытирает кончик о кафтан и начинает черкать грамоту и надписывать.

Из левой двери входит Федор Басманов — красивый ленивый юноша с женскими глазами.

Чего тебе?

Басманов. Посланный твой Малюта Скуратов прибыл из Пскова. Ждет. Я ему сказал, чтоб шел в баню, уж больно черен с дороги-то.

Иван. Зови, зови...

Басманов. Воля твоя.

Иван *(вслед ему)*. Федька... Скажи, чтоб дали фряжского вина да еды скоромной.

Басманов. Скажу. *(Уходит.)*

Иван *(продолжая писать)*. Ах, поп, поп... Все перекроил, елеем смазал.

Входит Малюта Скуратов — широкий, красный, со всклокоченной бородой, в валенках, в дорожном сермяжном кафтане. Кланяется в пояс. Иван встает и обнимает его.

Иван. Малюта... Друг, здравствуй на много лет.

Малюта. Тебе на много лет здравствовать, Иван Васильевич.

Иван. Ты вовремя приехал. Я здесь — один, равно как в заточении, меж лютых врагов моих... Видишь, в смирном платье: смирение на себя наложил, чтобы псы-то притихли до времени... Тогда, в смертный час, все понял, все увидел, — у человеков сердца стали явны в груди их, алчность злобную источая...

Малюта. Что ж Сильвестр твой?

Иван. Сильвестр мне более не помощник... Он — с ними... Позавчерась в думе говорю: несносно нам более терпеть обиды от магистра ордена Ливонского, от немецких рыцарей, от польского короля да литовского гетмана... Куда там! Думные бояре уперлись брадами в пупы, засопели сердито... Собацкое собранье! Князь Ухтомский отвечает: «Нет-де между нами единения, чтоб начинать войну с Ливонией, то дело несбыточное...» Князь Оболенский-Овчина предерзостно говорит мне: «Сидели-де мы века смирно, бог нас за то возлюбил, все у нас есть — сыты, а ты, царь, по младости лет жить торопишься...» Я и те слова стерпел... Ибо яда и кинжала боюсь...

Малюта. Что напраслину говоришь на себя, тебе ли бояться, государь... Ты — орел...

Иван. Верные люди нужны для замыслов моих... Тогда обид мне не терпеть...

Малюта. А я тебе, Иван Васильевич, обиду новую привез, горше прежних...

Иван *(удивленно, настороженно)*. Это хорошо. Это — радость. Кто еще нас обидел?

Входят Федор Басманов и слуги с едой, питьем, миской для мытья и полотенцем.

Басманов *(слугам, держащим миску, кувшин и полотенце.)* Приступите к нему, кланяйтесь.

М а л ю т а *(Ивану)*. Ты послал Ганса Шлитена в германские города сведать и промыслить добрых людей, искусных в ремеслах, в пушечном и литейном деле, в зодчестве... *(Обернувшись к слугам, сурово.)* Отстаньте. Идя к царю, я руки мыл.

Б а с м а н о в *(слугам)*. Приступайте ближе, кланяйтесь ниже.

М а л ю т а *(покачав головой, засучивается, моет руки)*. Ганс Шлитен двести семьдесят добрых искусников нашел и отправил их через Ревель в Москву. *(Махнув на слуг.)* Идите прочь.

Б а с м а н о в. Государь, стол накрыт,— фряжское вино и еда скоромная, перец, уксус, мушкатный орех...

И в а н. Садись, ешь, пей, Малюта.

Б а с м а н о в. Мне быть кравчим аль уйти?

И в а н. Налей вина ему и мне.

Б а с м а н о в. Тебе — грех пить, государь, Сильвестр заругает.

И в а н. Федька, ударю.

Б а с м а н о в. Воля твоя.

М а л ю т а *(садится за стол)*. Нанятых по твоему приказу искусников и ремесленников — двести семьдесят добрых людей — в Ревеле на морском берегу били и платье на них драли и велели им опять сесть на корабль и плыть обратно, в Любек.

И в а н. По чьему приказу была обида моим людям?

М а л ю т а. По приказу великого магистра Ливонского ордена рыцаря Фюрстенберга.

И в а н. Ну, что ж, это — радость.

М а л ю т а. По его же письму в городе Любеке твоего верного слугу Ганса Шлитена заковали в железо и посадили в яму.

И в а н. Радость мне привез... Ну, что ж... Будем и мы в решении тверды! *(Взял нож и вдруг с диким криком всадил его в стол.)*

Б а с м а н о в *(обернулся к нему, блуждая улыбкой)*. Давно бы так. А то все — квас да хлеб без соли...

М а л ю т а. Государь, уж не хотел тебя кручинить. Слушай: из Ливонии перебежчики мне сказывали,— в Ревеле великий магистр после обедни говорил рыцарям гордые слова: московскому-де войску только

на татар ходить, а против нас, рыцарей, оно слабо, пусть к нам сунутся московиты — мы их копейными древками до Пскова и до Новгорода погоним.

Иван. Дурак!.. Чего меня гневишь? *(Закрывает лицо рукой, встает и уже спокойный подходит к аналою, где прикреплена свеча и лежит книга. Страстно втиснув пальцы в пальцы, взглядывает на образ. Глаза его снова возгораются, он оборачивается к столу.)* А вам, собакам, то и потеха, то и радость, что огонь из глаз моих и речи с языка несвязные. *(Возвращается к столу.)* Гнев ум туманит, то-то вам веселье, бесам. *(Наливает себе вина.)* А нож всадить надо бы в тебя было, Малюта. Впредь остерегайся разжигать мой гнев, я — костер большой, опалю. *(Жадно пьет.)*

Басманов. Откушай, государь, на голодное брюхо захмелеешь...

Иван. Поди скажи думному дьяку, что с боярами говорить буду завтра... Пусть съедутся до заутрени.

Басманов уходит. Иван разрывает грамоту, которую только что писал, подсаживается к Малюте.

Тебе откроюсь... Тому пятьсот лет, как прародитель наш, князь Святослав киевский, объехал на коне великие границы русской земли. Нерадивы были правнуки его, измельчали землю, забыли правду. Один род Ивана Калиты ревновал о былом величии. Ныне на меня легла вся тяга русской земли... Ее собрать и вместо скудости богатство размыслить. Мы не беднее царя индийского, бог нас талантами не обидел. О нашей славе золотые трубы вострубят на четыре стороны света... А я, убогий и сирый, мечусь в этой келье... Душно мне, душно, Малюта...

Малюта. Бог тебе дал ум, и талант, и ревность великую. А уж мы — слуги твои — не поленимся, подсобим...

Иван. Мало, мало... Мне мудрость змия, лисы лукавство, свирепство пардуса и — члены его... Магистр Фюрстенберг гордо сказал: русских одними копейными древками погоним в дремы лесные да степи песчаные, вранам на съедение... Так они хотят, чтоб

с нами было, хотят и на неметчине, и в Польше, и в Литве. Так не будет... Казань и Астрахань — начало... Коней наших будем поить в Варяжском море, где я захочу! Малюта, не мешкая, надо везти пушечное зелье, свинец, солонину и сухари в Новгород и Псков, ставить ратные запасы близ украин литовской и польской... Новгородским кузнецам — ковать ядра для великих стенобитных пушек... Пошлешь в Казань за войлоком — шить ратникам тегилеи, в Астрахань пошлешь за добрыми татарскими луками...

Малюта. Так и впрямь — война, государь?

Иван. Язык свой прибей к нёбу гвоздем... А я покуда боярскую неохоту буду ломать. В Ливонию поведет войско Андрей Курбский. Я сам пойду на Полоцк, добывать нашу древнюю вотчину.

Входят Сильвестр и Филипп. Сильвестр с недоумением глядит на скоромные яства и вино.

Сильвестр. Государь, ты ел сие и пил?

Иван. Бес попутал... Уж как-нибудь отстучу лбом грехи-то... Будь здоров, Филипп, садись.

Филипп. С тобой не сяду.

Иван. Ну, сядь на лежанку, оттуда скоромного не слышно. Ах, ах, постническое пребывание! Как птица — не сей, не жни и в житницу не собирай... Ушел бы я к тебе в монастырь, Филипп, скуфеечку бы смирную надел,— так-то мило, в унижении просветлел бы.

Филипп *(грозит пальцем)*. Гордыня!

Иван. Куда податься-то, Филипп? Душу свою надо положить за други своя, не так ли? А другов у меня от Уральских гор до Варяжского моря, все мои чады. Вот и рассуди меня с самим собой. Душонку свою скаредную спасу, а общее житие земли нашей разорится. Хорошо или нет мимо власти царствовать? На суде спросят: дана была тебе власть и сила — устроил ты царство? Нет, отвечу, в послушании и кротости все дни в скуфеечку проплакал. Хорошо али нет?

Филипп. Плачь, плачь, Иван. В грехе рождаемся, в грехе живем, в грехе умираем. Дьявол возводит

нас высоко и мир пестрый, как женку румяную, грешную, ряженую, показывает нам. Хочешь? Нет, отыди, не хочу! Глаза свои выну, тело свое раздеру.

Иван. Спасибо, Филипп. Суровый такой ты мне и нужен... Хочу, чтоб ты сел в Москве на митрополичий престол...

Филипп (*с ужасом замахал на него руками*). Отступи, отступи!

Иван. Не плюй на меня, я не дьявол, митрополичий престол — не ряженая девка.

Малюта засмеялся. Все обернулись к нему.

Малюта. Филипп, не берись с государем спорить. Мы из Неметчины привозили спорщиков преславных, лютеранских попов, и тем он рот запечатал.

Филипп (*страстно*). Отпусти меня с миром, Иван Васильевич, дай умереть в тишине.

Иван. Власть тебе даю над душами человеческими. Терзай их, казни казнями, какими хочешь. В Москве, знаешь, как живут бояре? Ни бога, ни царя не боятся. В мыслях — вероломство, измена, клятвопреступление... Угодие плоти и содомский грех, обжорство да пьянство... В храме стоят, пальцами четки перебирают, ан по четкам-то они срамными словами бранятся. Ей-ей, сам слышал. Бери стадо, будь пастырем грозным.

Филипп заплакал. Сильвестр кашлянул в руку.

Сильвестр. Слаб он, государь, власть не под силу ему.

Иван. А меня, помазанника божия, яко младенца неразумного, держать посильно вам было? А ныне — зову доброе и нужное творити — у вас уж и сил нет? Отведи его в митрополичьи покои, пусть поспит, а наутро подумает. Уходите оба с глаз моих.

Сильвестр. Идем, Филипп.

Филипп. О, печаль моя...

Иван. Веди его бережно.

Филипп и Сильвестр уходят.

Малюта. Спасибо за хлеб-соль, Иван Васильевич. Пожалуй, отпусти меня домой. В баню сходить с дороги да жену, вишь, не видал полгода...

Иван *(внезапно оборачиваясь)*. Кого не видел?

Малюта. Жена у меня молодая... Ждет, чай, соскучилась, коли дружка не завела...

Иван *(глаза его становятся пустыми, темными, напряженными)*. Меня не ждет жена... На жесткой лавке сплю. Неладно одному, нехорошо... Вечер долог, сверчки в щелях тоску наводят. Возьмешься читать — кровь шумит и слов не разбираю в книге. Виденья приступают бесовские, бесплотные, но будто из плоти...

Малюта. После смерти царицы Анастасьи срок положенный прошел. Ожениться надо тебе, государь.

Иван *(резко)*. Иди... Отнеси поклон твоей государыне. Иди!

Малюта. Спасибо, государь. *(Уходит.)*

Иван *(один)*. Жена моя, Настасья, рано, рано оставила меня. Лебедушка, голубица... Лежишь в сырой земле, черви точат ясные глаза, грудь белую, чрево твое жаркое... Холодно оно, черно, прах, тлен... Смрад... Что осталось от тебя? Высоко ты. Я низко. Жалей, жалей, если ты есть. Руки мои пусты, видишь. Лишь хватают видения ночные. Губы мои запеклись. Освободи меня, ты — жалостливая... Отпусти... *(Идет к столу, наливает вина, оглядывается на дверь.)* Кто там?

Входит Басманов.

Басманов. Прости, побоялся войти, слышу, говоришь сам с собой. Дьяк Висковатый прибежал с посольского двора, сказывает — великие послы приехали.

Иван. Откуда?

Басманов. Из Черкесской земли.

Иван. Сваты?

Басманов. Сваты. Два князя Темрюковичи. Пришли по твоей грамоте. Полсотни аргамаков привели под персидскими седлами, гривы заплетены, хвостами землю метут. Наши хотели отбить хоть

одного, украсть. Драка была с черкесами. И княжна Темрюковна — с ними же. Висковатый сказывал: чу́дная юница. В штанах широких девка, глаза больше, чем у коровы, наряжена пестро — чистая жар-птица.

Иван. Беги на посольский двор. Скажешь князьям: государь-де велел спросить о здравии, да с дороги ехали б ко мне ужинать, просто, в простом платье. Тайно. Бояр-де не будет, один я. С сестрой бы ехали, с княжной. Мимо обычая.

Басманов. Воля твоя.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Там же. Много зажженных свечей. За дверью, что налево, играют на деревянных дудках. Из двери, что в глубине, входят скоморохи. Они в заплатанных кафтанах, в вывороченных шубах, некоторые в овечьих, в медвежьих личинах, с гуслями, с бубнами. Войдя, они заробели, застыдились; озираясь, крестятся на углы. Расталкивая их, проходят слуги с блюдами, с еидовами. Скоморох — кудрявый, чернобородый, хитрый мужик.

Скоморох. Посторонитесь, посторонитесь, ребятушки, дай слугам пройти... Ну, что, все ли тут, все ли живы?.. Ой, страшно! Как его будем тешить, чем его потешать? *(Услышал дудки)*. Слушайте, слушайте... Вон его тешат-то чем... Ай, ай, ай — худо, плохо... Ребятушки! А ведь это — Сеньки-кривого, скомороха, дудошники... Ей-богу — его... Дурак, бродяга! Гляди ты, во дворец пробрался! Обида, ребятушки.

Из левой двери быстро выходит Басманов.

Басманов. Чашник! Меду больше не надо, не велено. Давай еще романеи, скажи ключнику, чтоб старой выдал. *(Увидел скоморохов.)* Здравствуйте, скоморохи, разбойнички, воровская дружина.

Скоморох. Не занимаемся такими делами, боярин. Мы сказки говорим, ста́рины поем, пляшем да промеж себя смешно бьемся. Мы — дружина добрая, спроси хоть всю Арбатскую слободу.

Басманов. А что невеселы?

Скоморох. Ели мало. С пустого брюха легли спать на подворье, да, вишь, нас разбудили, в сани покидали, мы испугались.

Басманов. Испугаешь вас, дьяволов,— калачи тертые.

Скоморох. Да уж, терли, терли, боярин, больше некуда.

Басманов (*указывая на левую дверь*). Идите туда смело.

Скоморох. Какое уж там смело, вот страх-то... (*Громким, веселым голосом.*) А вот они, вот они, дорожные старички, добрые мужички, в пути три недели, гораздо поспели, прямо с дороги князю с княгинюшкой в ноги... И-эх!

Все скоморохи ударили в бубны, заиграли на дудках, на домрах, на гуслях.

Скоморохи.

И-эх! На улице — дождь, дождь,
А в горнице — гость, гость.
На улице — тын, тын,
А в горнице — блин, блин.

Приплясывая, скоморохи уходят в левую дверь, в палату, где пирует царь.

Басманов. И-эх! «А в горнице — блин, блин!..»

Входит Василий Грязной, сотник, молодой, сильный, равнодушный; он — в колонтарах, с кривой саблей на бедре, на левой руке — небольшой щит.

Грязной. Федор!

Басманов. Грязной, вот диво-то,— черкесы здоровы пить, их нашим медом не увалишь. Турьи рога потребовали. Государь мне только подмигивает: подливай. А сам — из чаши да под стол. По правую его руку — черкешенка, ни кусочка, ни глоточка, только ресницами махает. Царь ее глазами так и гложет.

Грязной берет у бегущего слуги ендову.

Слуга. Сотник, оставь, нельзя!

Грязной. Стукну — умрешь. *(Наливает из ендовы в щит и пьет.)*

Слуга убегает.

Басманов. Это — романея, не захмелей. Ты чего пришел?

Грязной *(выпив все)*. Кислятина заморская. Тьфу... Бояре в сенях шумят, так-то бранятся, в латы мне жезлами бьют. Да на крыльце их более полста,— крик-та! Да челяди боярской с ножами, рогатинами бежит за ихними санями во все ворота. Не знаю — что и делать. Драться с ними? Как царь-то велит?

Басманов. Никого не пускать строжайше. Пусть думные бояре идут в палату, там ждут.

Грязной. Ладно. У меня юношей добрых десятка полтора,— справимся как-нибудь.

Басманов. А чего бояре всполохнулись?

Грязной. Черт их знает,— проведали, что царь пирует один с черкешенкой.

Из левой двери входит Иван. На нем светлое платье, золотая тюбетейка и вышитые сапоги. Хватает подсвечник со свечой, подает Басманову.

Иван. Свети. *(Уходит вместе с Басмановым направо.)*

За дверью налево слышна песня скоморохов. В двери — прямо — появляется князь Репнин.

Репнин. Не пожар ли? Что за притча? Ночь вызвездила ко вторым петухам, во Кремле все спят, а у государя в окнах свет. Здоров ли государь? Чего так поздно бодрствует?

Грязной. Иди, иди, князь Михайло, тебя не звали.

Репнин. Грязной, сотник! Отвечай вежливо, я ближний человек.

Грязной. Ближний, хоть дальний — пускать не велено.

Репнин. Как ты меня не пустишь, холоп? *(Поднимает жезл.)*

Грязной *(начинает засучиваться)*. Стукну — умрешь. Ушел ай нет?

Репнин. Конюх! С тебя голову снимут, а я еще и в глаза плюну. *(Скрывается за дверью.)*

Входит Иван, за которым Басманов несет свечу. В руках Ивана — медвежье одеяло и несколько парчовых, шитых жемчугом подушек. Все это он сам стелет на лежанке. В дверях, в глубине, появляется Сильвестр. Иван увидел его, содрогнулся и — сквозь зубы.

Иван. Не вовремя пришел.

Сильвестр *(в мрачном исступлении)*. Согрубил еси богу... Кайся, кайся, трехглавый змий,— еще даю тебе срок покаяния. В отчий храм среди нощи ввел блудницу и упоил ее, и она хохочет и свищет, и сам упился, аки жук навозный. Кайся! Кому уподобился ты?

Иван. Сильвестр, в моей душе свет. Не хочу тебе злого. Уйди с миром...

Сильвестр. Не уйду... Иван Васильевич, твою совесть мне бог велел стеречь.

Иван. Моей совести ты не сторож. Ее некому стеречь, ниже тебе, собака, дура.

Сильвестр. Не уйду... Пострадать за твою душу хочу...

Иван. Грязной... Вели отнести его в сани. Пускай везут подальше от Москвы, прочь с глаз моих...

Сильвестр. Опомнись, государь...

Иван. Я опомнился, поп... И видеть тебя более не хочу... Ты, ты от юности моей держал на узде мою волю. По твоему скаредному разуму мне было и есть, и пить, и с женою жить... Ты, аки бес неистовый, благочестие поколебал и тщился похитить богом данную мне власть... Прочь от меня,— навеки... *(Усмехаясь.)* Бумаги, чернил тебе пришлю, пиши себе в уединении книгу Домострой, аки человеку жити благопристойно.

Грязной. Идем, поп.

Сильвестр. Государь, не вели!

Грязной. Не выбивайся,— стукну, поздно будет. *(Уводит Сильвестра.)*

Иван идет в палату.

Басманов. Государь, народу полон дворец, во все щели лезут.

Иван. Пусть Грязной умрет на пороге,— никого не пускать. *(Быстро уходит.)*

Басманов спешит к двери в глубину, затворяет ее за собой, и там сейчас же начинается возня и злые голоса. Из палаты выходит черкесская княжна, она в широких шароварах и в пестром тюрбане, из-под которого выпущены косы, поверх платья на ней узкий черный казакин. За ней идет Иван.

Присядь или приляг. Здесь тихо, поговори со мной.

Княжна Марья оглядывается, садится на подушки. Иван стоит перед ней.

Чего боишься? Я не варвар, не обижу.

Марья Тебя — бояться! Будешь ножом резать, руки ломать, косы рвать — не заплачу.

Иван. Ну, что уж так-то закручинилась, касатка?

Марья. Отец, братья меня продали, увезли за тысячи верст,— мне же не кручиниться? Чего стоишь, как холоп? Прилично тебе сесть.

Иван. На змею похожа, что ни слово — вот-вот ужалишь.

Марья. То — касатка, то — змея. Хотела бы я орлицей быть. Выклевала бы тебе глаза, расправила бы крылья, полетела бы на мои горы.

Иван. А я бы кречетом обернулся и настиг тебя, прикрыл. Вот беда с девками норовистыми! А царицей хочешь быть? Пойдем в чулан — покажу тебе сундуки, коробья,— откроешь один — полный жемчуга, откроешь другой — бархаты из Мадрида. Откроешь еще — соболя, бобры, лисы. Чье это? — спросишь. Твое, скажу, царица, для твоего белого тела, для твоих черных кос, для твоих легких ног. А ты: уйди, постылый. Так, что ли? Чем же я тебе уж так-то не мил?

Марья. Уж не из-за твоих ли сундуков с жемчугами да соболями будешь мил?

Иван. Станом я не тонок и не ловок, и нос у меня покляп, и разговор тяжел. А на коня сяду, охотского сокола на красную рукавицу посажу, да колпак сдвину, да завизжу! Румянцем зальешься, глядя

на меня. Мой-то, скажешь, суженый — чисто вяземский пряник.

Марья. Поскачешь, да упадешь, как мешок.

Иван *(засмеялся)*. А хочешь — покажу, как со зверем бьются один на один? Велю привести медведя. Ты на печку залезь, а я пойду на него с одним ножом.

Марья. Врешь.

Иван *(засмеялся)*. Нет, не вру.

Марья. Не знаю, зачем ведешь простые речи, смешишь меня. Напрасно меня в такую даль завезли, чтобы дурака слушать.

Иван вспыхнул, глядит на нее, она не опускает глаз.

Иван. Ты — умна... Смела... А думал — дикая черкешенка!

Марья *(с гордой усмешкой)*. Я в Мцхете в монастыре училась книжному искусству и многим рукоделиям. В Тбилиси при дворе грузинского царя мне подол платья целовали. А тебя мне слушать скучно.

Иван. Это хорошо. Это — удача. *(Встает и ходит кошачьей походкой. Берет подсвечник и переставляет его, освещая лицо черкешенки.)* Добро, добро, что не хочешь со мной шутить. Послушай другие речи. К твоему отцу, Темрюку, послал я сватов не за твоей красотой.

Марья. За черкесскими саблями послал. Свои-то, видно, тупые.

Иван. Московские сабли остры, Марья Темрюковна. Добро, добро, дразни меня, я мужик задорный. На Москве — в обычае на кулачках биться, а в большом споре и на саблях. А с такой красивой девкой — выйти на поле — уж не знаю, чем и биться. Слушай, Марья. Я еще младенцем был — мою мать, царицу Елену, отравили бояре. В этих палатах, тогда еще они голые были, меня, царенка, держали пленником. По ночам не сплю, голову поднимешь с подушек и ждешь: вот придут, задушат. Бедного, бывало, за сутки один раз покормят, а то просвирочку съем, тем и сыт. Что передумал я в эти годы! Не по годам

я возрос, и сердце мое ожесточилось. А был я горяч и к людям добр. Великое добро искал в книгах,— едва слова-то складывать научился. Ночью свечечку зажгу, книгу раскрою, и будто я и участник и судья всем царствам, кои были, прошумели и рушились. Вот и вся моя забава, вся моя отрада. Гляжу на огонек, босые ноги стынут, голова горит, и вопрошаю: не более Рима, отшумела слава Византии под турецкими саблями. В камни бездушные, в прах и пепел обратились две великие правды. Остались книжные листы, кои точит червь. Да суета сует народов многих. Попы-то римские отпущением грехов торгуют на площадях. А что Мартын Лютер! Церкви ободрал, с амвона ведет мирские речи, како людям в миру жити прилично. Ни дать ни взять мой поп Сильвестр. Спорил я с лютеранами — тощие духом. У заволжских старцев, да хоть у того же еретика Матвея Башкина в мизинце более разума, чем у Лютера. Любой заморский король или королишка всю ночь играет в зернь и в кости да ногами вертит и с немытой рожей идет к обедне. Где ж третья правда? Ибо мир не для лжи и суеты создан. Быть Третьему Риму в Москве. Русская земля непомерна.

Марья *(с изумлением)*. Царь, зачем говоришь мне тайные мысли? Разве я тебе друг?

Иван. Не может быть друзей у меня. Был другом Андрей Курбский, и тот нынче в глаза не глядит. Дел моих устрашатся друзья и отстанут в пути.

Марья. Что я тебе? Девка злая, глупая, укусить не могу, не посмею. А ты — щедр.

Иван. Верю в твою красоту, Марья. Не хочу обнять на свадебной постели бездушную плоть твою. Как жену любезную хочу. Царицей прекраснейшей в свете вижу тебя. Сходишь по лестнице и милостыню раздаешь из рук, и милостыня в глазах твоих, и милостыня на устах твоих. Исповедницей будь моим мыслям, они в ночной тишине знобят, и кажется, и руки и ноги становятся велики, и весь я — широк и пространен и уже вместил в себя и землю и небо. Оторвав лицо от груди твоей, привстану и скажу: дано мне свершить великие дела.

Марья. Дано. *(Слезает с печурки и, подойдя, целует у него край кафтана.)*

Иван. Сядь, как прежде, а я сяду у ног твоих. Завтра пришлю сватов. Колымагу венчальную велю обить соболями... Край подола твоего поцеловал бы ловчей грузинского царевича — штаны на тебе, подола-то нет.

Марья. Царь, будешь любить меня?

Иван. Запугаю ласками, — что делать-то. А то невзначай и задушу.

Марья. Прими наш обычай. *(Прижимает руки к груди и, закрыв глаза, целует его.)*

Иван вскакивает, отходит. Входит Малюта.

Малюта. Прости за помеху, государь. Народ бежит к Кремлю, кричат: бояре-де собираются тебя извести. Как бы драки не вышло.

Иван. Я выйду на крыльцо, покажусь. Вели принести фонари.

Малюта. Трудно через сени пробиться. Бояре стеной ломят. Васька Грязной пьян.

За дверью шум. В дверь ломятся. Малюта обнажает саблю. Марья, соскочив с лежанки, вынимает из-под казакина маленький кинжал, Иван, смеясь, берет ее за руку.

Иван. Спрячь. У нас ножи найдутся. Уйди, голубка, в спальню, это — дела мужские. *(Отводит ее направо, в спальню, быстро возвращается и прикрывает левую дверь в палату. Малюте.)* Впусти.

Дверь, что в глубине, распахивается, и в палату катится Васька Грязной и тотчас вскакивает на ноги. За ним вваливаются бояре, впереди всех Оболенский. Наливаясь злостью, он кричит, и бояре угрожающе поддакивают ему.

Оболенский. Государь, о здоровье твоем скорбим... За тем пришли...

Бояре. За тем пришли к тебе...

Оболенский. Поп Сильвестр закричал, как в сани-то его понесли, будто черкесы тебя зельем опоили...

Бояре. Зельем тебя опоили...

Оболенский. Тайно от нас басурманку сватаешь... Срам!..

Бояре. Срам... Срам...

Репнин. А мы-то во студеных сенях зубами стучим, ждем, когда государь пировать кончит... Более на пир-то нас не зовут.

Бояре. Срам!.. Срам!..

Курбский. Государь, для чего к пороховой башне обозы подходят?.. Ядра грузят, бочки с зельем? Про войну, будто бы, нам ничего не известно...

Иван *(махнул на него рукой)*. Молчи, молчи... *(Боярам.)* По какой нужде пришли ко мне?

Оболенский. Отошли девку площадную, идем с нами в думу, будем говорить...

Бояре. В думу, в думу... Говорить хотим...

Оболенский. Ты нам рот не зажимай... *(Указывая на бояр.)* Гляди, не ниже тебя рюриковичи стоят... Каки таки дела у тебя мимо нас... Самовластия твоего более терпеть не хотим!

Иван *(кидается к Оболенскому и вытаскивает у него из-за голенища нож)*. Нож у тебя, князь Оболенский-Овчина! *(Кидается к другому и выдергивает у него нож из-за пазухи.)* Нож у тебя, князь Масальский... *(Ударил рукоятью ножа третьего в грудь.)* Кольчугу зачем надел, князь Трубецкой? Изменники! Наверх ко мне с ножами пришли! Псы! Холопы! Царенком меня не задушили, теперь — поздно! В руке моей держава русская, сие — власть. Советов мне ваших малоумных не слушать... Неистовый обычай старины, что я — равный вам, забудьте со страхом... Русская земля — моя единая вотчина. Я — царь, и шапка Мономахова на мне — выше облака... Сегодня думе не быть... Ступайте прочь от меня! Малюта, возьми фонарь — проводи рюриковичей черным крыльцом...

Из левой двери появляются два брата Темрюковичи, у них в руках — рога. За ними толпятся скоморохи.

Михаил Темрюкович. Царь Иван Васильевич, что же ты нас бросил одних на тоску, на кручину и сестру нашу увел? Скучно нам без тулумба-

ша... *(Скоморохам.)* Играй, зови на пир царя с невестой...

Иван *(засмеялся)*. Скоморохи, а ну — ударьте в ложки, в бубны... Стойте... Воеводы, Курбский, Юрьев, Морозов, Шуйский, вы останьтесь, опосля с вами буду говорить. Грязной, потешь князей и бояр, чтоб не скучно им было с моего крыльца в сани садиться...

Грязной *(скоморохам)*. Слухай меня, теребень кабацкая. *(Запевает.)* «Как по морю, как по морю, морю синему, плыла лебедь, плыла лебедь с лебедятами...»

Скоморохи грянули в бубны, в ложки. Выйдя из правой двери, на них, на пятящихся князей и бояр, с изумлением глядит Марья Темрюковна. Иван хохочет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Громоподобные удары пушек. Крики. Дребезжащий набатный звон. Поднимается занавес. Средневековая площадь в городе Полоцке. В глубине видна круглая башня замка, на ней развевается польское знамя. На площади — горожане: женщины, шляхтичи, ремесленники, монахи, несколько купцов. Все напряженно прислушиваются, глядя в сторону крепостной стены.

Женщина. Матерь божья, пощади нас... Матерь божья, пощади нас...

Женщины громко плачут.

Ремесленник. Большие у московитов пушки, таких пушек, пожалуй, никто еще не видал...

Молодой шляхтич *(другому)*. Ядра по сто фунтов весом, матерь божья! Стенам не выдержать...

Толстый пан *(с багровым носом)*. Чума его возьми, схизматика проклятого! Чтоб его черт уволок в самое пекло!

Босой монах *(подходит)*. Прогневался господь, вострубили трубы Иисуса Навина, пали стены иерихонские... Молитесь, молитесь, уж зверь жаждет мяса человеческого...

Крики ужаса.

Богатая шляхтянка. Иезус-Мария, царь московский шею младенцам перегрызает, кровь пьет...

Женщина. Лицо у него, как у быка, в шерсти,— видели...

Крики ужаса.

Босой монах. Раздавайте имение свое, ризы разорвите, одну душу спасайте...

Пожилой купец *(другому в меховом плаще)*. Пустое болтают бабы... Царь Иван, говорят, суров, но разумен. Нарву повоевал, церкви и купеческие амбары не тронул, и суд оставил прежний, и купцам пожаловал беспошлинно пять лет торговать в московском царстве...

Пушечный выстрел.

Молодой шляхтич. Эка двинули,— башня зашаталась...

Женщина. Стены, стены падают...

Толпа затихает.

Пожилой купец. У датского короля купил он несколько кораблей и хочет очистить Балтийское море от немецких и шведских пиратов,— поступок добрый царя Ивана.

Входят воевода Двойна и Козлов, за ними — трубач.

Двойна *(кричит толпе)*. Готовы уж встречать царя Ивана! Уж стремя его готовы целовать! Прячьтесь, бесовы дети, в подполья, в погреба. Прочь отсюда!

Толпа расходится. К воеводе подходит латник.

Первый латник. Воевода, в стене — великий пролом, московиты идут на приступ, нужна подмога...

Двойна. Послать немецкий полк... Вот булава моя, покажи полковнику, пусть ударят на московитов да пробьются к шатру царя Ивана... А голову его мне принесут,— сто червонцев тому храбрецу.

Козлов. Позволь мне попытать счастья...

Двойна. Нет, Юрий Всеволодович... Ты нужен нам для иного дела... Покуда, слава богу, западные

ворота в наших еще руках... Уходи, со всем поспешением скачи в Москву... Чего б ни стало — увидь князя Владимира Андреевича Старицкого... Все, о чем говорили мы с тобой,— перескажи ему... Вдохни в него решимость... Сам господь милосердный посылает ему такой случай... Пусть лень московскую князь переборет, да не робеет пусть: под Полоцком царя Ивана мы задержим... Противу силы его медвежьей хитрость выставим политичную,— на польскую рогатину напорется Иван. Так чтоб в Москве не мешкали...

Козлов. А что велишь передать моему господину?

Двойна. С князем Андреем Михайловичем Курбским сносится гетман Радзивилл, они договорились... Спеши, час дорог. Ступай...

Козлов. Будь на меня надежен... Прощай, великий воевода. *(Уходит.)*

К воеводе подходит другой латник.

Второй латник. Московиты приступают к городу со всех сторон. Лестницы несут и осадные щиты...

Двойна. Лить на головы им свинец расплавленный, смолу горящую...

Второй латник. Воевода... На московитах — войлочные кафтаны и колпаки, смоченные водой... Не поможет...

Двойна. Трус! Иди и умри достойно рыцаря литовского. Позор, позор!..

Второй латник уходит. Подходит третий латник.

Третий латник. Воевода! Пушкари перебиты, пехота отступает, конница повернула коней...

Двойна. Кто отступает? Кто повернул коней? *(Бьет его плетью.)* Собака! Московиты должны поворачивать коней от нас...

Женщина *(бежит с узлами)*. Ратуйте... Московиты уж в городе...

Двойна. Поднять мою хоругвь... *(Трубачу.)* Труби... Латники, за мной, на стены...

Трубач трубит. Двойна уходит. Горожане снова осторожно появляются из-за домов, из дверей.

Богатая шляхтянка *(протягивая руки из окошка)*. Спасите души наши...

Молодой шляхтич. Эк ее разбирает, как свинью под ножом...

Толстый пан *(выскакивает из двери, размахивая саблей, за ним — испуганные челядинцы с рогатинами)*. Не пройдут проклятые схизматики! Не позволим! Коли их — вот так! Руби их — вот так! Чтоб головы летели прочь!

Старая женщина *(из окошка над дверью)*. Пан Сбигнев, пан Сбигнев, бросьте на землю вашу сабельку, идите спрячьтесь в чулан...

Толстый пан. Брысь, старая ведьма! Научу я московитов рубиться на саблях!

Молодой шляхтич *(смеясь)*. Кварту водки со страху вытянул пан Сбигнев, ишь бесится...

Женщина *(бежит обратно с узлами)*. Татары... Спасайтесь...

В толпе волнение. Босой монах катит бочонок, за ним бежит ремесленник.

Ремесленник. Стой, стой, отец, куда же ты у меня из кухни бочонок подхватил?

Босой монах. Брат, гони от себя суету, молись в час страшный...

Ремесленник. Какая суета! В бочонке ж мед добрый!

Босой монах. В бочонке этом — адская бездна и тартарары! Молись, молись, грешная душа. *(Укатывает бочонок.)*

Ремесленник стоит, чешет в затылке. Молодой шляхтич смеется.

Молодой шляхтич. Молодец монах! Отважным людям сегодня будет добрая пожива... Затрещат погреба, вспенятся меды столетние...

Близится шум битвы. Выходят, сражаясь, рыцарь в латах и двое русских. Толпа с криками разбегается.

Грязной *(появляется, вслед сражающимся)*. Не так, не так бьетесь, сиволапые... А ну-ка, расступись... Стой крепче, рыцарь... *(Выходит против него.)* Сда-

вайся, чего там! Э, какой ты сердитый,— немец — знатко... Как желаешь,— сразу тебе душу выпустить или только половину, а за другую червонцами? *(Наседает на него, отбивая щитом удары меча.)* Держись крепче!

Изловчась, ударяет его шестопером по шлему, рыцарь шатается, роняет меч, падает.

Я и говорю: стукну — умрешь... *(Ратникам.)* Обдирай с него латы, неси в мой шатер...

Ближе звон оружия. Несколько русских латников пробегают, сражаясь. Входит Малюта с огромным волнистым мечом. Тяжело дышит, глаза его блуждают, борода стоит торчком. Идет прямо на Грязного, тот пятится.

Малюта! Ты чего? Это я, Василий...

Малюта. Тебе где сказано быть, гулящий? Тебе что государь приказал?

Грязной. Так я же вот для чего...

Малюта. Охотничаешь! За рыцарями гоняешься, дерешься? Латы обдираешь!

Грязной. Да лопни глаза, ей-ей, дьявол этот невзначай подвернулся. Я тут зачем? Гляди... *(Указывает на башню.)* Отсюда на ладони — и замок и ворота... Вели, сбегаю за большой пушкой, отсюда и ударим... Вот я зачем отлучился...

Малюта. Велю. Беги. Проворней.

Грязной. А ты — латы обдираю... Этих лат у меня...

Грязной живо уходит. Малюта стоит, опершись на меч. Из-за домов, из дверей и окон глядят на него горожане. Одни вскрикивают, другие осторожно кланяются. Толстый пан с пищалью просовывается в дверь. Малюта грозит ему пальцем. Пан роняет пищаль, его утаскивают в дверь.

Появляется Грязной, за ним много ратников тащат большую пушку.

Давай, давай, давай, голуби... Навались, навались, ангелы небесные...

Пушку утаскивают в глубину. Входит Басманов.

Басманов. Малюта, государь велел тебе сказать, что воевода Двойна с войском отступает к замку...

Малюта. Знаю.

Звуки рожков и литавр. Появляются стрельцы с бердышами и становятся на страже.

Входят воеводы — Юрьев и Морозов. Воины несут хоругви, среди них большую, царскую, на которой изображен Георгий в огненном плаще. На коне, которого ведут под уздцы двое татарских царевичей, въезжает царь Иван. Он — в кольчуге и золотых латах, в островерхом шлеме, на плечи накинута черно-соболья шуба. Остановившись, глядит в сторону замка. Оттуда доносится пушечный выстрел и крики наступающих. Польское знамя на башне опускается.

Государь, дело твое свершилось,— Полоцк наш...

Иван. Остановить ярость вóев, да никого не язвят ни мечом, ни копьем...

Воеводы уходят.

Глашатаям кричать по городу: мир всем.

Малюта *(обернувшись к горожанам, которые снова начинают появляться)*. Государь велел быть миру, подходите бесстрашно.

Кое-кто выносит из дверей хлеб, соль, вино. Женщина, бегавшая с узлами, опять появляется, бросив узлы, всплескивает руками, глядя на царя Ивана.

Молодой шляхтич *(бросается на колено, протягивает Ивану саблю)*. Государь, я твой слуга.

Еще несколько молодых шляхтичей протягивают сабли.

Иван. За добро — спасибо, службу вашу принимаю.

Богатая шляхтянка *(толстому пану, который вышел из двери и гордо крутит усы)*. Пан Сбигнев, поклонись страшному московиту, отдай сабельку.

Толстый пан. Не поддамся.

Подходят купцы. Среди них — красивая девушка с коромыслом и ведрами. Купеческие слуги стелют перед царским конем алое сукно.

Пожилой купец *(девушке)*. Не бойся, подходи смело.

Девушка подходит, присев, ставит ведра и, взяв одно, поит царского коня.

Иван. Спасибо, девица, что дала моему дорожному коню испить воды полоцкой.

Пожилой купец (*указывая на расстеленное перед конем сукно*). Государь, здравствуй на много лет, входи в город с миром и любовью.

Иван. Спасибо, торговые люди добрые, что постлали моему коню красную дорогу.

Татарские царевичи ведут коня по сукну и останавливаются. Из глубины выходят Грязной, воевода Двойна — без шлема, с опущенной головой; несколько рыцарей несут польские и литовские знамена и на щите — ключи от города.

(*Гневно.*) Воевода Двойна, зачем с оружием встал против нас! Иль похваляешься, как мышь, льва победить? Раб лукавый, безумный, оберегал от нас похищенную землю нашу дедовскую и кровь нашу пролил!

Двойна. Государь, я верно служил моему королю Сигизмунду Августу, я исполнил долг...

Иван. Подай мне ключи от города.

Двойна замешкался, закрыл лицо, вздрагивая плечами. Грязной взял щит с ключами и поднес ему. Двойна взял ключи.

(*Негромко, внятно.*) На коленях, на коленях подай ключи владыке и царю земли русской.

Литавры, рога. Склоняются знамена.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Моленная в доме у княгини Ефросиньи Старицкой. Лампада и свечи перед множеством икон. На стуле из рыбьего зуба сидит митрополит Филипп, усталый, опустив голову. Около него — Владимир Андреевич, Репнин, Оболенский-Овчина и все князья, кто был в третьей картине.

Входит Ефросинья. Кланяется митрополиту и князьям.

Ефросинья. Володимир, все ли в сборе?

Владимир Андреевич. Все, матушка.

Оболенский. Все, все пришли, кого государь за бороду хватал, — обиды помним крепко...

Ефросинья. Нет с нами одного — князя Андрея Михайловича Курбского... Нарочного посылала к

нему в Ливонию, да он сказался недосугом,— города, вишь, воюет государю Ивану Васильевичу. Государь от тех городов спесью раздувается, а нам — слезы...

Репнин *(Филиппу)*. От слез глаза вытекли... Москва-то уж не наша, Кремль уж не наш... Во дворце ведьма сидит, Марья Темрюковна. Крови нашей жаждет. Не сыта. Филипп, ты поверх глядишь, ты под ноги погляди,— крови-то уж по щиколотку, как бы нашей крови по колено не стало...

Оболенский *(Филиппу)*. Знаешь, какие на Москве опалы? Каждый день дворцовые шалуны с Мишкой Темрюковым ворота ломают у опальных-та... Рюриковичей в медвежью яму сажают...

Ефросинья. Помолчите, владыке все известно... Прости, владыко, что докучаем тебе ради мирских дел... Да мимо тебя нам не думать, ты — один, наш столп древний...

Филипп. Дел мирских не бывало, мирская суета есть...

Ефросинья. Снизойди к нам. Собрались мы слезно молить тебя: разрушь крестоцелование князя Андрея Михайловича Курбского, жернов на шее его — клятва царю Ивану, сними ее.

Оболенский. Без твоего благословения князь Андрей решиться не может. Ты ему вели, чтоб он полки свои от ливонских городов повернул на Москву...

Репнин. У Ивана когти в Литве увязли... Москва пуста, последний стрелецкий полк уходит... Курбский шутя войдет в Москву-та...

Ефросинья *(вытаскивая за руку Владимира Андреевича перед Филиппом)*. Вот он, жданный Москвой, кроткий, смиренный... По ночам личико у него светится. Спрашиваю: «Володюшка, что во сне видел?» —«Ангелов, матушка, все ангелов вижу». Ответствуй, Володимир, не врет мать?

Владимир Андреевич. Разное во сне вижу, всякое, маменька, часто и ангелов вижу...

Ефросинья. Князья, не это ли блаженство и умиление!..

Репнин. Филипп, и обвился бы сей юноша, как виноград, вокруг твоей святости...

Оболенский. А мы бы при нем расселись тихо, немятежно, избранной радой, как в прежние-то времена...

Князья. Добро, добро, добро...

Филипп *(глядя поверх)*. «Власть тебе даю над душами человеческими, терзай их, казни казнями многими...» Ох, не мне ли ты уготовил терзание и казнь... Где пресветлая тишина моя? Где чистота моя, невиноватость моя? Уж стоял, чист, у врат вечных и поворотил вспять... В грех и в смрад. *(Князьям.)* Что вы хотите от меня, безжалостные? Взять грехи ваши на себя и обременить совесть мою? Вопию: отступите, отыдите от меня прочь...

Ефросинья. Пустое! К твоей святости пятна не пристанет, Филипп... *(Князьям.)* Сходите кто-нибудь, скличьте Козлова, он в сенях стоит. *(Филиппу.)* Князя Курбского постельничий Юрка Козлов прибежал из-под Полоцка с великими вестями. Выслушай его, владыка...

Входит Козлов в крестьянском армяке, в лаптях. Низко всем кланяется, встряхивает волосами, останавливается перед Филиппом.

Целуй крест у владыки — говорить правду.

Козлов *(целует крест наперсный у Филиппа, который подставляет ему Владимир Андреевич)*. Целую крест на правде, не покривить в слове ни в едином.

Ефросинья. Говори.

Козлов. Короли польский, свейский и датский, великий гетман литовский и великий магистр ордена Ливонского встают войной на царя Ивана, негодуя на дерзостные замыслы его. Но к вам, князьям и боярам, у них злобы никакой нет. Буди на Москве царь иной — смирный и старозаветный — будут у них с Москвой дружба и мир...

Ефросинья. Стыда нечего таить — мы не крест на верность целовали царю Ивану, а хвост бесовский.

Князья. Истинно, истинно...

Оболенский. Филипп, одним своим словом разреши: мир или войну...

Репнин. Мир, чтобы сиротам-то, вдовам-то сухие куски слезами не обливать...

Филипп. О, совесть... Горько нам плакать с тобой... *(Владимиру Андреевичу.)* Подойди. *(Крестит и целует его в голову.)*

Князья. Целование дал Володимиру...

Ефросинья. Аминь... И второе благословение, владыка,— князю Курбскому... Вот грамотка ему от тебя... Приложи перстень к печати... Козлов ему отвезет...

Козлов. Коней загоню насмерть — через два дня доставлю моему господину...

Ефросинья. Приложи перстень.

Оболенский. Стукни вот тут в воск...

Князья. Приложи перстень, владыка...

Владимир Андреевич *(услышав тяжелые шаги).* Матушка, поостерегитесь.

Входит Малюта. Все отшатываются от Филиппа. Малюта подходит к нему под благословение. Оборачивается к князьям и глядит на них с недоверием, с подозрением.

Ефросинья. Опоздал, батюшка, митрополит вечерню отслужил, мы отстояли... Милости прошу в столовую избу ужинать...

Малюта. Ужинать тебе одной придется, Ефросинья Ивановна... Владыка Филипп, и вы, князья, и ты, князь Владимир, собирайтесь в поход. Государь идет из Полоцка с победой и большим полоном. Ночевать будет в Коломне. Быть вам во сретенье государя без отговора... А тебе, Филипп, придется перед государем печаловаться за князя Андрея Михайловича Курбского... Такая беда с ним случилась, с прославленным-то воеводой,— руками разведешь... Глупость или измена... *(Внезапно Козлову.)* А ты что за человек?

Козлов начинает мычать, трястись, кричать дурным голосом.

Ефросинья. Юродивый, Юрко, вслед за митрополичьим возком прибежал,— божий человек...

Малюта. Сумнительно...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Глубокая арка крепостных ворот, тускло освещенная висячим фонарем. Воет ветер. В глубине, куда едва достигает свет, копошатся два человека. Они отходят от этого места. Один из них, Козлов Юрий Всеволодович, вытирает руки о полу кафтана. Другой, Шибанов, идет впереди него к низкому отверстию в толще арки и со скрипом отворяет железную дверцу.

Шибанов. Спускайся, князь Андрей Михайлович.

Появляется Курбский с фонарем в руке. Он без шапки, в дорожной шубе.

Шапочку-то забыл, что ли, впопыхах, надень мою, холопью, сделай милость...

Курбский. Где стража?

Козлов. А вон, лежат спокойно, двое...

Шибанов. А которая стража на стенах, не услышат — ишь вьюга как кричит, угрюмая, ливонская...

Курбский. Кони где мои?

Козлов. Кони стоят в овраге, недалече... Все припасено в сумах переметных, будь без сомнения... Да и скакать нам только ночь, на заре будем у поляков...

Шибанов. Князюшка, а грамоту охранную королевскую не забыл?

Курбский. Шапку одну только забыл... Юрий Всеволодович, так ли я поступаю? Непривычно мне — спросонья, натянув шубенку, бежать в ночь, как вору. Как в омут головой...

Козлов. А лучше будет, Андрей Михайлович, когда тебя в простых санях, закованна, в Москву повезут? Да придет к тебе в застенок худородный тиран зубы скалить. Решайся... Отворять ворота?

Курбский. Подожди...

Шибанов. Андрей Михайлович, как бы городской воевода не вернулся с объезда...

Курбский. Мне еще и Мишку Новодворского бояться! На кол его велю посадить! Я еще владыка в Ливонии...

Козлов. Велеть-то велишь, а сажать будем мы, что ли, с Шибановым? Только всего твоего войску и осталось...

Шибанов *(Козлову)*. Воевода Новодворский, знаешь ты, вредный человек,— не дал нам подвод и коней! Врет, кони и подводы у него есть. А сам тайно в Москву нарочного погнал, сказать, что князь-де неведомо куда хочет отъехать с семьей и рухлядью.

Козлов. Знаю... *(Курбскому.)* Не ошибся ли ты, Андрей Михайлович? Надо ли было тебе войско подводить под сабли гетмана Радзивилла? Не лучше ли было, соединясь с ним, идти прямо на Москву — ссаживать царя, покуда тот стоял под Полоцком? А ты бежал от своей же силы...

Курбский. Не тебе меня учить, дурак! Ставленников да блюдолизов царя Ивана у меня в войске была половина. Под польские сабли им и дорога. Войско было негодное. Любой король или курфюрст мне войско даст... Не хотелось бы только приходить в польский стан одвуконь, с одной сумой переметной. Не так надо Курбскому отъезжать от московского царя... *(Шибанову.)* Достань мне людей ратных, лошадей, телег под рухлядь... Достань тотчас... Велю...

Шибанов. Поздно, Андрей Михайлович.

Козлов. Чего стыдишься бежать одвуконь!.. В Литве и Польше вельможи между собой тебя не Курбским зовут, но величают великим князем Ярославским... А в Москве царь Иван, вернувшись из-под Полоцка, великих-то князей стал за седые бороды хватать...

Курбский. Лев-кровоядец! Пузырь, раздутый яростью! Скудоумец многоречивый! Посадский царек! Вишь — Москва ему тесна! Нужно ему великое царство! Уделы наши ему нужны, богом данные. Род Курбских — от святого князя Ростислава Мономаховича, стол наш в граде Ярославле был и пребудет вовеки... Он меня, что ли, как собаку хочет согнать? Не верю тебе, Юрий Всеволодович, не пошатнуть Ивану с конюхами своими, с посадскими да безродными людишками вековые столпы — князей Мстиславских

род, и Шуйских род великий, и Оболенских, и Репниных, и Воротынских... О нас летописи глаголют. Царство Иваново, как марево в пустыне, как прелесть бесовская, развеется и будет местом пустым, лишь ветер подует с запада...

Козлов. А покуда для тебя уж кол поставлен на Красной площади, Андрей Михайлович...

Шибанов. Решайся, князюшка...

Курбский. Холопы! Живот мой заботитесь спасти... А царь Иван, развалясь за яствами да чашами, уж посмеется, ехидна, над убогим бегством моим... Блюдолизы меня трусом и собакой назовут... Царский шут, взлезши на шута верхом да погоняя его по заду пузырем с горохом, закричит, что-де то князь Курбский от тебя отъезжает... Этого хотите? Ох, стыд! Ох, мука!.. *(Шибанову.)* Ступай, разбуди княгиню, пусть придет сюда с детьми.

Шибанов. Свет мой, князюшка, не надо...

Курбский. Ступай, ступай... Не могу уехать, не благословя детей.

Шибанов. Будь так... *(Уходит тем же ходом — в боковую дверцу.)*

Курбский *(Козлову)*. Я написал эпистолию царю Ивану... Пусть не смех — желчь выступит на устах его... Будет ему больно... Схватится царапать писáлом своим ответ,— знаю, знаю,— да со злости нагородит нелепицу на позор всему свету... С кем отослать эпистолию?

Козлов. Пошли Шибанова, он смел, передаст письмо царю в руки.

Курбский. Жаль верного раба, замучают в Москве.

Козлов. На то и раб, чтоб за господина принять муки.

Из боковой дверцы выходят Шибанов, княгиня Авдотья и два мальчика.

Авдотья. Батюшка ты мой! Чего ж ты среди ночи-то на ветру стоишь? Да в чужой шапке... Ай беда какая? *(Увидела в глубине трупы, вскрикнула.)* Ой, господи помилуй!

Курбский. Тихо, тихо... Беда большая, Авдотья... Государь опалился на меня... Отъезжаю от его службы...

Авдотья. Хорошо, батюшка... Отъезжай, батюшка... Тебе, чай, виднее...

Курбский. Еду одвуконь... Тебя и детей взять с собой не могу...

Авдотья. Хорошо, батюшка... Ты бы у нас живто был...

Курбский. Авдотья, мы с тобой пожили, слава богу... В чем виноват — прости...

Она было заголосила.

Тихо, тихо. Буде заточат тебя в монастырь — претерпи, ешь хлеб черствый, муки телесные прими, пострадай уж за весь род наш...

Авдотья. Хорошо, батюшка, исполню, как ты сказал...

Курбский. Сыновей береги больше своей души... Заставят их отречься от меня, проклясть отца,— пусть проклянут... Этот грех им простится, лишь бы живы были...

Авдотья. Да что ты говоришь-то! Да страсти-то!..

Курбский. Не вечно царствие царя Ивана... Три короля поднялись на него в защиту Ливонского ордена... Скоро, скоро конец варварскому царству московскому... Подведи сыновей...

Авдотья *(подводит мальчиков)*. Ванюшка, касатик, стань на коленочки, попроси у батюшки благословеньица.

Ваня. Родной батюшка, прошу у вас родительского благословеньица...

Авдотья. И ты, меньшенький, на коленочки встань, лапушка, Андрюшенька...

Курбский *(обнимает, крестит сыновей. Вытирает глаза)*. Бог вам поможет... Помните отеческое благословение,— будут вас гнать и терзать, пойдете вы босы и голы, помните: вы — князя Курбского сыновья и враг у вас один — царь Иван. *(Шибанову.)* Василий, стань под благословение...

Шибанов кидается перед ним на колени.

Благословляю тебя, нелукавый раб, поспеши к царю Ивану в Москву и в руки самому отдай сию эпистолию... *(Передает ему свиток.)* Да письмецо вот это передашь тайно княгине Ефросинье Старицкой и поклон... *(Передает другой свиток.)* Сначала — письмо княгине, потом — царю эпистолию, ибо будет тебе тяжко.

Шибанов. Будь спокоен, князюшка, исполню твою волю...

Козлов. Князь Андрей, пора...

Курбский. Ступайте, дети, господь вас храни...

Авдотья. Батюшка, перекрести уж ты и меня...

Курбский. Прощай, жена... Прости, бога ради...

В ворота резкий стук. Козлов кидается к воротам и глядит в щель.

Козлов. Воевода!..

Курбский *(махает руками на жену и детей)*. Идите, идите... Проворнее...

Авдотья с детьми спешит к железной двери. Снова стук в ворота.

Голос Новодворского. Стража... Отворяй...

Курбский *(Козлову)*. С ним — ратники?

Козлов. Нет... Один...

Курбский. Отвори...

Козлов отворяет ворота. Входит воевода Новодворский.

Новодворский *(Козлову)*. Ты что за человек? *(Шибанову.)* А ты кто?.. А, княжий холоп... *(Увидел Курбского.)* И князь здесь... Чего не спишь-то, Андрей Михайлович? Под воротами будто бы тебе не место... За город — я государю отвечаю... А ты — лежи на лавке, отдыхай после бранных трудов. *(Засмеялся.)* Ничего, и на старуху бывает проруха... Хоть ты и великого роду и вельми преславный воевода, а наперед помни: идешь в поход — не вози ратников в санях вповалку, ратник — не пьяная баба на масленицу... Растянул обоз на десять верст, пушки — в санях, под рогожами, и оружие в сено попрятано, и пищали не заряжены... Эх, великородные! Тебя так ленивый не побьет... Пой-

дем, князь, пойдем — медку выпьем, коли не спится в такую ночь... Тьма проклятая, зги не видать.. Поехал в объезд — в какой-то овраг нечистый меня занес, конь ногу сломал, стремянный убился... Эй, стражники! Надо людей из оврага выручить... *(Увидел трупы, быстро оглянулся, попятился, берясь за саблю.)* А-а! Вот вы здесь по каким делам... Грех-то какой! *(Кричит.)* Стража!

Курбский. Кончай его!

Шибанов с ножом, Козлов с саблей кидаются на воеводу, который отбивается саблей.

Холоп царский, черная кость, собака! *(Ударяет воеводу кистенем.)*

Воевода падает.

Открывай ворота...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Спальня царицы Марьи Темрюковны. Кровать с высокими перинами, покрытая тканным жемчугом покрывалом. Поставцы с золотой посудой, кованые сундуки и ларцы из рыбьего зуба. На раскладном стуле сидит Марья Темрюковна в домашнем русском платье. Девушка, стоя за ее спиной, медленно чешет ей волосы. Марья Темрюковна перебирает струны восточного инструмента — тар. На ковре на полу сидят девушки и поют.

Девушки

Ты стучи, трещи, лют мороз,
Ты крути, мети злой метелицей.
По лесам звери попрятались,
Га́лочье, воро́ночье понахохлилось,
Стары люди на печи кряхтят.
Одной девице не холодно.
Красной девице мороз — не мороз,
Снега белые расступаются,
Буйны ветры преклоняются,
Душа-девица свово ладу ждет.

Быстро входит Михаил Темрюкович. Он бледен, дорогая шуба на нем накинута на одно плечо. Марья Темрюковна, оставив струны, вскрикивает.

Марья. Брат!

Михаил Темрюкович. Государыня, прости, я с челобитьем...

Марья. Девы, отойдите.

Девушки отходят в глубину спальни.

Михаил Темрюкович (*полувытаскивает саблю из ножен*). Сестра, взгляни.

Марья. Кровь! Чья?

Михаил Темрюкович. Наскочили на меня холопы княгини Ефросиньи Старицкой.

Марья (*расширяя глаза, страстно*). Где?

Михаил Темрюкович. На Воздвиженке. С ножами, да много их... Стремянного моего стащили с коня, задавили. Одного я зарубил, да не стал более биться, ушел через мост.

Марья (*изумленно*). Не стал биться?

Михаил Темрюкович. Сестра, заступись перед государем. К нему уж побежали с оговором на меня...

Марья. Ах, враги, враги! Что ни день — смелее, наглее. Трус ты, Михайла, тебе бы наехать на людишек, да саблей их, да конем потоптать. Ах, руки мои слабые!

Михаил Темрюкович. Сестра, плохо в Москве... Боярские холопы да площадные подьячие грамоты на базарах мечут, а где и кричат, что ливонская война проклята богом, теперь-де три короля на нас поднялись, царскому войску тех королей не побить, а будто уж началось: большой полк князя Курбского пропал весь...

Марья. Ложь! Тебе, Мишка, стыдно грязь площадную ко мне заносить!..

Михаил Темрюкович. Сестра, где сейчас Андрей Курбский?

Марья. Курбский — в Ливонии...

Михаил Темрюкович. В Ливонии ли? А может, в Литве? Говорят, он тайные письма прислал в Москву князьям, боярам...

Марья. Слушать тебя не хочу! Дурак ты! Князь Курбский нам верный слуга и друг...

Михаил Темрюкович. Экая ты горячая... Ох, смутно... Вчерась последний стрелецкий полк ушел в Ливонию... Около государя нас кучка осталась... Зарежут нас в Москве, как баранов... Сестра, слушай... В Москве шепчут, что-де сто́ит только взорвать пороховую башню, что в Китай-городе, у государя пушечного зелья не будет, и тогда войне конец... И как-де подожгут пороховую башню — с этого-де и начнется резня...

Марья. Ты подлинно пьян, Мишка... Государю только на Лобное место выйти да очами повести, перед его очами грозными Москва упадет ниц...

Михаил Темрюкович. Упадет ли? Сестра, ведь на площадях кричат, что ты — всему зараза, ты-де царя волшбой извела и разума лишила...

Марья. Я его волшбой извела, разума лишила! Враги, враги! Уж меня с мужем моим разлучают. Каждую ночь Иванушко мой придет, бедный, обнимет жарко. А проснусь среди ночи — и нет его на постели. Одна до утра мечусь, как наложница.

Михаил Темрюкович. А где же спит государь?

Марья. Где читает, пишет — там и спит, одинешенек, на лавке. Подремлет до первых петухов и уж зовет дьяка Висковатого или дьяка Фуникова и думает с ними. С лица осунулся, глаза провалились. Прежде ел много и вино пил, теперь — чуть ущипнет хлеба — и сыт...

Голос за дверью. Пусти меня к ней, пусти, холоп!

Марья Темрюковна снова садится на стул, берет тар, перебирая струны, оборачивается к девушкам.

Марья

Ты приди, приди, ладо милое,
Ладо милое, желанный мой...

Девушки

В темной улице, в переулочке
Заждалась я, дева, соскучилась.

Снег летучий мне щеки выщипал,
Белу грудь мою злой мороз остудил.

Врывается Ефросинья Старицкая. С посохом, в шубе, с порога кланяется царице.

Ефросинья. К тебе, государыня.

Марья. Что поздно пожаловала, я — почивать отхожу.

Ефросинья. Мне во дворец двери не заказаны. А ты все песни поешь? По нашему-то обычаю тебе на ночь надо богу лбом стучать.

Марья. Перечить мне будешь — опалюсь гневом.

Ефросинья. На мужнину-то тетку? Не бывало этого, не в обычае. *(Села плотно на стул.)* Челом не бью, прости, ноги слабы. Пожалуй меня, царица, я к тебе с обидой.

Марья. Тебя не жалую, Ефросинья Ивановна, не с добром приходишь,— глазами шаришь по углам, как мышь, да по Москве ссору плетешь...

Ефросинья. Спасибо тебе, государыня, что меня мышью обозвала. Да берите меня, да казните меня! Утянули нашу честь,— батюшки, что же это!

Марья *(гневно)*. Пришла на моего брата жаловаться? Он вон стоит, бей на него челом.

Ефросинья *(увидела Михаила Темрюковича, всплеснула толстыми руками, тихо заголосила)*. Ох, ох, святые заступники, как зрит-то он на меня, разбойник, душегуб. Да как жива-то я еще, батюшки.

Марья. Девы, прочь идите, спать ложитесь.

Девушки уходят.

Михаил Темрюкович *(Ефросинье)*. Что же ты,— говори на меня, облыгай.

Ефросинья. Не вращай, батюшка, бельмами, не испугаюсь. *(Царице.)* Братец твой да с товарищами: с князем Афонькой Вяземским, да с князем Андрейкой Овцыным, да с князем Васькой Темкиным, да с Ванькой Зубатовым, да с Сашкой Суворовым — всю Москву разбили. А этот их атаман,— лютой пардус.

Михаил Темрюкович. Врет.

М а р ь я. Молчи, пусть она скажет.

Е ф р о с и н ь я. Горячего вина напьются да, как бесы, кресты-то с шеи рвут и прочь мечут и давай по Москве гонять, народ саблями сечь, конями топтать!

М и х а и л Т е м р ю к о в и ч. Врет, старая чертовка!

Е ф р о с и н ь я. Да я ему и говорить не дам. В кабаках кругом задолжал. По Суконным рядам с товарищами пойдет,— купчишки-то лавки закрывают, бегут кто куда. Смущение в народе. А он, знай, похваляется: я — царский шурин, мне только царице шепнуть. Царская казна — моя казна.

М а р ь я *(гневно, брату)*. Говорил? Оправдывайся...

Е ф р о с и н ь я. Рта ему не дам раскрыть. Да ты, что ли, не слышала воплей-то на Воздвиженке, как они моих верных людей били, меня, старую, из саней вытащили в сугроб.

М и х а и л Т е м р ю к о в и ч. Ох, змея, врет!

Е ф р о с и н ь я. На истине евангелие поцелую. *(Слезает со стула и бьет челом.)* Государыня, выдай мне головой Мишку Темрюкова, разбойника, и товарищей его, воров, душегубов.

М и х а и л Т е м р ю к о в и ч. Государыня, здесь измена явная. Они замыслили, чтобы около государя ни одной верной сабли не осталось.

Е ф р о с и н ь я. Врешь, гордый пес!

М и х а и л Т е м р ю к о в и ч. Вели пытать ее и меня! Под пыткой скажем правду.

Е ф р о с и н ь я. Палачом меня не пугай, наезжий черкес.

М и х а и л Т е м р ю к о в и ч. Вели нас вести в застенок.

Входит ц а р ь И в а н. Он мрачен, угрюм. Останавливается перед Михаилом Темрюковичем. До половины вытаскивает его саблю, усмехается.

И в а н. Гуляка, пьяница, дурак, прямой дурак. *(Подходит к Ефросинье.)* Обесчестили тебя, бедная. Мишкиной головы просишь?

Е ф р о с и н ь я. От вдовьей слабости, государь, уж лишнее что сказала,— ты не гневайся.

Иван. Погоди, не такое еще вам всем будет бесчестие. Как черви капустные, пропадете. Слушал я тебя за дверью — душа изныла. Волчица овцеобразная!

Ефросинья. Батюшка, государь, да что ты... Я, может, сдуру покричала маленько.

Иван. Скоро, скоро поставлю вам в Москве земскую волю. Тогда и не маленько покричите. Пошла прочь!

Ефросинья. Ахти, я глупая, ахти, неумелая! Прости, государь, прости, государыня. *(Торопливо ушла.)*

Царь Иван опять ходит, опустив голову.

Иван. Славу державы моей доверил ему... Могутность воинскую вручил... Тайные думы мои сказывал ему просто... Уж и не знаю... Чарой его обнес, что ли? Шубейкой его, убогого, не пожаловал? Грозил ему? Не помню. Отступил он от Ревеля, простояв до зимы напрасно,— я ногти с досады грыз, а ему отписал так-то ласково, отечески. Что он томил наше войско без славы, я и то ему простил, щадя его гордыню.

Марья. Прилег бы ты, ладо мое, дай — сапожки сниму...

Иван *(дико)*. Заплатил мне за все... Ехидны ядом изъязвил он мое сердце. Ум мутится!.. Больней не мог он ужалить меня...

Марья *(гладит ему голову)*. Ладо мое, затихни. Я здесь, с тобой. Просияй. Вымолви, кто твой обидчик?

Михаил Темрюкович *(гремя саблей, вращая глазами и усами)*. Кто обидел тебя? Имя скажи.

Иван. Андрей Курбский бежал от нас. Отъехал к польскому королю.

Марья. Ладо мое, то — добро для нас,— Курбский был вором, собакой, от века дышал на тебя изменой...

Иван. Позором нашим купил себе отъезд... Под Невелем, уговорясь, дал разбить себя гетману Радзивиллу... Войско утопил в болотах. Сам одвуконь бежал... За все то польский король ему — на место яро-

славских-то вотчин — город Ковель жалует с уездами... Воля ему теперь без моей узды... Княжи стародедовским обычаем. Томлюсь — казни ему не придумаю... (*Вынимает из кармана свиток.*) С Васькой Шибановым эпистолию мне прислал вместе с Васькиной головой... (*Тыча пальцем в свиток.*) «Почто, царь, отнял у князей святое право отъезда вольного и царство русское затворил, аки адову твердыню...» Ему царство наше — адова твердыня! А уж я-то — сатана — на московских пустошах пью кровь человечью!.. А он-то за королевским столом меды пьет, гордый ростиславич, а меды покажутся кислы — в Германию отъедет и дважды отечество продаст... «Почто, царь, поморил еси казнями многими единородных княжат от роду великого Владимира, кого твой дед и отец еще не разграбили и не казнили?..» Каких княжат? Выдай мне их, Андрей, поименно... Да мы и без него пальцем в окошко все их дворы пересчитаем... Вот они, вон,— крыши медные... Стонут княжата! Служба им — неволя! Неохота в кольчугу влезать — брюхо толсто... Ах, бедные! Дремать бы им немятежно по вотчинам своим! Да царь-то, с совестью прокажённой, хочет царство свое в одной своей руке держать, рабам своим не давать над собой властвовать... Противно разуму сие... Это ли православие пресветлое? — мне быть под властью рабов! Я есмь русская земля! Почто я казни на них воздвиг! А я еще казней на них не воздвигал... Еще не воспалился разум мой...

Марья. Брат, государю бы до первых петухов поспать безбурно. Уйди, оставь нас.

Михаил Темрюкович. Государь, голова моя и сабля эта — твои.

Иван (*отмахнулся*). Поди, поди, гуляка.

Михаил Темрюкович уходит. Марья снимает покрывало с постели.

Марья. Взгляни на меня ласково, ладо мое.

Иван (*подходит, усмехаясь*). А что, Темрюковна, побьют меня три короля, побьют и царство разорят?

Марья. Ты их сам, батюшка, на-полы разобьешь. (*Идет к поставцу и из кувшина наливает чару вина.*)

Иван. Подвяжем мы лапотки с тобой и побредем в чужие земли — куда глаза глядят, Христовым именем, былые царь с царицей. Где хлебца дадут, где кваском напоят,— вот и хорошо.

Марья. А ну, пойдем, мне и горя мало. Выпей, месяц мой ясный.

Иван *(берет чашу и, не отпив, ставит ее)*. Не короли мне страшны,— Москва. Толща боярская. Им на разорении земли — богатеть да лениветь! Им государство — адова твердыня! Замыслил я неведомое, Марья Темрюковна,— небывалое. Да, видно, еще слаб да робок. С малых лет боярами пуган. А ждать нельзя. Побьют меня три короля. Вот ум и бьется о стены.

Марья *(опять подает ему чару, и он пьет)*. Отгони черные мысли, развесели сердце, пожалуй меня любовью, чтобы нынче постелю нашу тихий ветер качал, румяная заря в лицо ладу моему светила.

Иван *(целует ее)*. Не сыт я тобой. До гроба сыт не буду. Ярочка белая, стыдливая... Глаза дикие, глаза-то угли. Ну, что, что дрожишь? Косами меня задушить хочешь? Задушусь твоими косами, царица. *(Отстраняет ее и глядит ей в лицо.)* Нарумянилась сегодня али заждалась? Что за наваждение? Что с тобой, Марья? *(С испугом видит, как лицо ее розовеет, выделяется все отчетливее.)*

В дверь стук.

(Бешено кидается к двери.) Кто посмел?

Михаил Темрюкович *(просовывается в дверь)*. Государь, пожар великий в Китай-городе. Горит кругом пороховой башни. Как бы не случилась беда!

Иван. Кто во дворце?

Михаил Темрюкович. Все ближние: Грязной, Вяземский, Суворов...

Иван. Беги за ними! Буди! Да пошли за Малютой.

Михаил Темрюкович убегает, Иван надевает кафтан.

Жена, подай саблю.

Марья. Государь, кольчугу надень.

Иван. Не надо. Набат слышишь? Не одному мне Курбский письма прислал. Завтра с Лобного места поговорю с Москвой опричь всего... Опричь всего... *(Отрывает от себя руки Марьи.)* Ложись, да не спи, жди, вернусь.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Лобное место на Красной площади. За кремлевской стеной, покрытой дощатой деревянной кровлей, видны купола соборов и золоченые, луженые, причудливые крыши деревянных дворцов. Зимний день. В морозной мгле висит красноватое большое солнце. Слышны хриплые звуки костяных рогов и протяжные голоса бирючей. Стекающийся отовсюду народ не виден, так как пригорок Лобного места значительно выше площади. У подножья Лобного места похаживает Федор Басманов. Он в черном кафтане. На ножнах сабли висит большая кисть в виде метлы.

Голос первого бирюча. Закрывай лавки, бросай торговать, государь сказал идти на Лобное место!

Голос второго бирюча. Мужики деревенские, люди слободские, посадские, айда на Лобное место!

Голос третьего бирюча. Князья, бояре, окольничие и всяких чинов дворцовые и приказные люди, идите на Лобное место!

Басманов *(поманивает вниз — туда, где шумит толпа)*. Поближе, поближе, торговые люди, ничего не бойтесь,— самые добрые — выходите по одному.

Купцы и за ними ремесленники поднимаются на пригорок и кланяются Басманову.

Первый купец. Купец скобяного ряда, Шестопалов, где стать-та?

Басманов. Колпачком прикройся, кушачок отсунь, стой весело.

Первый купец. Да уж как можем...

Второй купец *(с лицом и бородой, как пишут на иконах)*. Мы — купцы Алексеевы, нитошники, канительщики.

Басманов. Эва, какой ты старый.

Второй купец. Бяда! Татарское иго помню. А я еще ничего...

Первый ремесленник. Мы — оружейники с Арбата.

Второй ремесленник. Кожевенники от Мясницких ворот...

Басманов. Ремесленникам стоять отдельно.

Ругань, крики. Выбегает толстая румяная женщина в двух шубах и трех платках.

Купчиха. Как — зачем бабу вперед? Как — зачем бабу? Купчиха я добрая. Здравствуй, боярин.

Басманов. Здравствуй, печь.

Купчиха. Уж и печь! А я вправду, что — печь, на мне хоть блины пеки.

Басманов. Чем торгуешь, добрая?

Купчиха. Да что ты, батюшка! Да в обжорном ряду да я первая купчиха. Да ты ел ли пироги-то мои? Пресвятая богородица, да в лавке у меня, что хошь, спрашивай, и отказу нет, и ходить тебе больше некуда...

Первый купец. Расступись, народ, суконная сотня идет.

Третий купец. Кланяюсь тебе, боярин,— суконной сотни купец Калашников.

Басманов. Живешь поздорову, Степан Парамонович?

Третий купец. Торгуем помаленьку.

Купчиха. Живем по-божьи: кто кого обманет.

Третий купец *(строго)*. Вдова?

Купчиха. Вдова.

Третий купец. И видно, что бить некому.

Басманов *(мужикам, которые подходят)*. Христиане, подходите, подходите, не бойтесь. Откуда?

Мужик. Мы — мужики из деревни Раздоры.

Басманов. А что высоко подпоясались? Али драться собрались?

Мужик. Само собой — не для шуток народ сгоняют.

Крики, щелканье кнутов.

Басманов *(кричит в ту сторону)*. Не пускай их близко! Князья, бояре, из саней вылезайте, идите пешие...

Скоморох *(выскакивает из толпы, размахивает бумагой)*. А вот я — с челобитьем на нашего воеводу, большого боярина — такого-то доброго да милостивого, что зажили мы богато, есть стало нечего, скота много — две кошки дойных да мышь на сносе, медной посуды — крест да пуговица, а в огороде — репей да луковица.

Хохот. Вдали шум и ругань. Размахивая длинными рукавами, полами шубы, спешит князь Оболенский-Овчина, чтобы стать первым у Лобного места. За ним несколько бояр.

Оболенский. Куда хочу — туда еду, где хочу — там из саней вылезаю. Шубу на мне всю ободрали. Четыреста лет мы, рюриковичи, пешком-то не ходим. Обида!

Басманов. Князья, бояре и всяких чинов приказные люди,— становитесь по левую руку.

Оболенский. Это ты тут главный, Федька? Дожили! Он — лапотник — наверху, я — внизу... Обида!

Басманов. Вытрись платочком, князь, прохлади спесь,— лопнешь.

В толпе смех.

Оболенский. Сгинь, смерд! *(Кидается на него с посохом. Бояре с приговором: «Уймись, уймись»,— оттаскивают его.)*

Появляются княгиня Ефросинья и Владимир Андреевич, затем князь Репнин.

Ефросинья. Народу-то черного, подлого! Да кто их, страдников, пустил к Лобному месту?

Владимир Андреевич. Недоброе государь задумал. Не уйти ли нам, любезная матушка?

Ефросинья. Ничего не бойся, стой кротко,— мать за тебя все сделает.

К ней подходит Репнин и — тайно.

Репнин. Человек найден.

Ефросинья *(перекрестясь)*. Кто таков?

Репнин. Из немцев. На Варварке вино курил и пиво варил. Царь велел шинок его разбить. Оттого он зол.

Ефросинья. Достаточно ли зол?

Репнин. Мстить хочет.

Ефросинья. Надежен ли?

Репнин. До денег жаден. Ловок и увертлив.

Ефросинья. Здесь он?

Репнин. Вон — стоит.

Оболенский *(боярам)*. В храм пресвятой богородицы нас никого, ближних, не пустили. Не хочет царь Иван с нами молиться богу. Не достойны! С кем же он обедню стоит? Сам третий: он, царица да — тьфу! — третий с ним — поганый татарин, касимовский царенок, Симеон Бекбулатович...

Среди бояр смущение, ропот: «Несбыточно это... Небывало...»

Оболенский. У него на Воздвиженке на дворе стоят два десять кобылиц дойных. Симеон Бекбулатович кобылье молоко пьет и жеребячье мясо ест, а царь — его крестный отец — жалует его нам на бесчестье.

Перезвон колоколов. Люди снимают шапки, крестятся.

Басманов *(народу)*. Царь и государь Иван Васильевич вышел!

На переднем плане — безмолвная сцена: Ефросинья и Репнин проходят мимо человека в кожаных узких штанах, в широкой бархатной куртке, в плоской шапочке с пером. Репнин кивает Ефросинье на человека, она улыбается ему, немец понимающе подмигивает и приоткрывает полу куртки, под которой у него спрятаны лук и стрела. Ефросинья роняет кошель. Немец быстро поднимает. Мимо проходит Василий блаженный.

Василий *(Ефросинье)*. Копеечку дай, дай, добрая.

Ефросинья. Нету, нету, нету ничего.

Василий. Все отдала, милостивая?

Репнин. У царя проси копеечку, ну — пошел, пошел... *(Толкнул его.)*

Василий. Пожалели бояре копеечки... Ох, ох!

В толпе ропот: «Не трогайте, не трогайте блаженного». Особенно громко зашумели мужики.

Мужик. Эх, боярин-ста, ты нашего не замай...

Первый ремесленник. Зачем толкаешь блаженного, ай разуму нет!

Первый купец. Иди к нам, Васенька.

Второй купец. На, божий человек, поешь просвирочку.

Василий *(идет, взмахивая руками)*. Кыш, кыш, кыш. На куполах-то вороны, кыш! На крышах-то вороны, на деревьях-то вороны. Кыш! От вороньих крыл свету не видно... Кыш! Кыш!

На Лобное место всходит Василий Грязной. Он в черном кафтане, в черной шапке, к поясу привязана метла. Положив руку на рукоять сабли, оглядывает толпу.

Грязной. Московские люди, государь хочет с вами говорить.

Сейчас же у подножья Лобного места становятся с бердышами Михаил Темрюкович, Темкин, Суворов и другие. К ним Басманов подводит юношу лет восемнадцати, также одетого в черное.

Басманов. Не робей, становись с ними.

Грязной. Кого привел?

Басманов. Царь велел ему стоять.

Грязной. Кто таков?

Басманов. Борис, окольничего Федора Годунова сын.

Грязной. Пусть стоит.

На Лобное место всходит Иван. Толпа затихает. Позади него Грязной и Симеон Бекбулатович — толстый, круглолицый, без бороды, с висячими усами, в парчовой золотой шубе, высоком колпаке с лисьей опушкой. Иван кланяется на три стороны.

Иван. Прощайте, прощайте, прощайте!

Толпа разом вздохнула и затихла. На Лобное место вскарабкался Василий блаженный и сел пригорюнясь.

Жития нам в Москве более не стало... Сколь ни грозил я и ни вразумлял, враги мои, недоброхоты людские,— князья и бояре мои, и окольничие, и все приказные люди, а с ними вкупе епископы и попы, держа за собой поместья и вотчины великие да жалованье государское получая к тому же, обо мне, государе, о государстве нашем, обо всем православном христиан-

стве радеть не захотели... От недругов, с кем ныне ведем войну, государство оборонять не хотят... Ищут расхищения казны. Мучительства ищут всем добрым христианам. Попирают благочестие душ своих ради сребролюбия, ради сладости мира сего, мимотекущего. А захочу я кого казнить,— милые мои! Да крик-та, да шум-та! Епископы да попы, сложась с боярами да с князьями, начнут печаловаться о воре-то. Уж я для них — лев-кровоядец, я для них — дьявол злопыхающий... Твердыня адова — им самодержавное государство наше... Хотят жить по-старому,— каждому сидеть на своей вотчине, с войском своим, как при татарском иге, да друг у друга уезды оттягивать... Разума нет у них и ответа нет перед землей русской... Государству нашему враги суть, ибо, согласись мы жить по старине, и Литва, и Польша, и немцы орденские, и крымские татары, и султан кинулись бы на нас черезо все украины, разорвали бы тело наше, души наши погубили... Того хотят князья и бояре, чтобы погибло царство русское... Увы! Рассвирепела совесть моя. С князьями и боярами и наперсниками их жить в согласии более не можем. С великой жалостью сердца надумали мы оставить Москву и поехать куда-нибудь поселиться опричь.

Опять вздох в толпе, плач и опять тишина.

Василий. Так, так, батюшка, так, так...

Иван. Хотим жить по-новому, на своих уделах и думать и скорбеть о государстве нашем опричь земщины. Вам, гости именитые, купцы посадские, и слобожане, и все христианство города Москвы и деревень московских, сомнения в том на меня никакого не держать. Гнева и опалы на вас у меня никакой нет.

Крики: «Горе нам! Горе нам! Останься! Останься!»

На расхищение вас не отдам и от рук сильных людей вас избавлю.

Мужик. Батюшка, не тужи, надо будет,— мы подможем.

Третий купец. Ты, государь, только спроси, а уж мы дадим...

Иван *(кланяется налево — боярам)*. Не люб я вам. Хочу рубища вашего али еще чего худого? Припала мне охота есть вас, кровь вашу пить? Так, что ли? Прощайте. А как вам, князьям и боярам, без царя жить не мочно, жалую вам царя. *(Дернул за руку и вытащил вперед себя Симеона Бекбулатова.)* Вот вам царь всея земщины. *(Кланяется ему.)* Жалую тебя, государь Симеон Бекбулатович, князьями и боярами моими, уделами и уездами ихними и градом Москвой.

Симеон Бекбулатович, сопя и вращая глазами, поправляет на голове высокий колпак. Бояре пятятся, закрываются руками, ахают, начинают кричать: «Бес, бес».

Оболенский. Черт в него вошел, черт!

Репнин. Государь головой занемог!

Ефросинья. Царица его зельем опоила!

Иван. Отходите от меня, изменники, в земщину. *(Берет у Грязного метлу.)* А мы идем опричь, не щадя отца и матери, брата и сестры, не щадя рода своего, этой метлой мести изменников и лиходеев с земли русской.

Василий *(вдруг поднялся, заслоняя собой Ивана)*. Не надо, не надо! Не отнимайте дыхания его.

Тишина. Звон стрелы. Пронзительный женский крик.

Купчиха. Убили!

Василий падает, пронзенный стрелой. Иван наклоняется к нему, схватывает его повисшую голову, прижимает к себе и глядит в толпу страшными глазами.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Палата нового дворца в Александровской слободе. В замерзших окнах — сумрак раннего рассвета. Басманов, поднимая фонарь, вглядывается в лица сидящих на лавке — дьяка Висковатого, дьяка Новосильцева, Юргена Ференсбаха — молодого человека, ливонца, и князя Воротынского.

Басманов. Висковатый — здесь. Новосильцев — здесь. Юрко Ференсбах.

Тот вскакивает.

Сиди, сиди смирно. Списки принес?

Ференсбах. Так, так,— списки рыцарей я принес...

Воротынский *(заслоняясь рукой)*. А ты не слепи фонарем в глаза-то, шалун.

Басманов. Мне же отвечать, Михайло Иванович,— государь накрепко приказал прийти всем пораньше.

Новосильцев. Когда он спит только?

Басманов. А почитай, совсем не спит.

Входит Малюта.

Малюта. Здорово. *(Садится.)*

Басманов. По-здоровому тебе, Малюта.

Малюта *(Басманову)*. Ефросинья Ивановна опять к царице пошла?

Басманов. Не одна, с внучкой. Царица пожелала осмотреть княжну.

Малюта. Подлинно ли царица пожелала видеть Ефросиньину внучку?

Басманов. Княжну нынче будут принцу Магнусу показывать, не знаешь, что ли...

Входит Грязной, прямо с мороза, трет уши, топает ногами.

Грязной. Ох, братцы! Опричнина — потрудней монашеского жития. Полсуток с седла не слезал.

Басманов. Ты, невежа, на конюшню пришел ногами стучать?

Грязной. Да ведь мороз-жа. До костей пробрало и в брюхе со вчерашнего дня петухи поют.

Малюта. А ты привык воевать вокруг ендовы с медом, опричник.

Грязной. Не цепляйся ко мне, Скуратов. Взгляни лучше, каких я коней отобрал двенадцать тысяч голов. Один иноходец, сивый, с черным хвостом — ну, колыбель.

Малюта *(с усмешкой)*. Колыбель.

Басманов *(мигнув ему)*. Василий, сегодня возвеселимся.

Грязной. Что ты говоришь! Эх, вот бы... Давно что-то не веселились.

Басманов. Приказан большой стол.

Грязной. По какому случаю?

Басманов. Обручать будем принца Магнуса с княжной Старицкой.

Грязной. Ох, я и напьюсь до удивления...

Басманов. Да государь-то что-то суров.

Входит Иван со свечой. Взглядывает в окна, гасит свечу и садится на стул у стены — напротив лавки, с которой вскакивают сидящие на ней. К нему подходит Басманов.

Иван. Собаки выли всю ночь.

Басманов. Это замечалось, государь.

Иван. С чего собаки выли?

Басманов. Зверя чуют, государь. Мороз очень крепок, зверь из лесов вышел.

Иван. Зверя чуют. Зачем Ефросинья ночевала во дворце?

Басманов. Ты сам приказал княжне Старицкой с бабушкой быть наверху.

Иван. А тебе б стать против меня да спросить смело, если чего не понял... Думать ленивы стали...

Басманов. Да где же Ефросинье с княжной ночевать? Все подклети у нас забиты опричниками. Да она нынче тише воды, ниже травы.

Иван. Так, так, вы все правы, один я крив. Давеча кричали громко у ворот и с фонарями бегали,— что случилось?

Басманов. Умора, государь,— из Москвы бояре пожаловали целым обозом, да заблудились в лесу-то. Я их от ворот повернул в слободу — стать на мужицких дворах. Здесь, говорю, не Москва, здесь — опричнина. Так-то обиделись.

Иван. Обедать их позови, а посадить за нижний стол.

Басманов. Воля твоя,— только крику будет много, государь...

Иван. Дьяки...

Висковатый и Новосильцев поспешно подходят к нему, кланяются. Иван достает из кармана два свитка.

Два послания написал ночью,— императору Священной Римской империи и аглицкому королю. *(Висковатому, передавая грамоту.)* Тебе ехать в Вену... *(Новосильцеву.)* Тебе — в Лондон... Пустые слова стали говорить про меня при королевских дворах. Я, вишь, головой занемог... Царство свое разоряю потехи ради... Сажусь пировать — за столом у меня девки срамные песни кричат, а я, распаляясь похотью, им груди ножом порю, кровь пью... Князья и бояре, восстав единодушно, меня за то из Москвы прогнали, как пса бешеного... Укрылся я здесь, в Александровской слободе, с опричниками, сиречь — ворами, скоморохами, разбойниками... Вот и поднялись на меня три короля совершить божеское правосудие. Воеводы мои вместе с Андрюшкою Курбским разбежались, и войска у меня более нет, по лесам хоронится... Ах, ах, как такого царя земля терпит...

В и с к о в а т ы й. Кто же сказкам таким поверит, государь!

И в а н. Верят! Свидетели моим злодеяниям пересылаются из Москвы в Варшаву и далее. Слухи, как птицы, летят... Грузны седалища у князей удельных, непомерны чрева у бояр моих, языки их остры для клеветы. *(Новосильцеву.)* Как ты станешь говорить с аглицким королем?..

Н о в о с и л ь ц е в. Скажу, что ты, государь, скорбишь о великих трудах аглицких торговых людей, за то, что им далеко плыть из Лондона в Архангельск, и хочется тебе, чтоб плыли они коротким путем — через Варяжское море в Нарву, в Ревель и Ригу...

И в а н. Так, так, так...

Н о в о с и л ь ц е в. И только любви ради и дружбы к аглицким торговым людям начал ты ливонскую войну...

И в а н. Не поверят, дьяк. Они люди умные... Про короткий путь в Москву они лучше тебя знают... Скажешь: воюю я со шведским королем, который запер проливы в Варяжское море, и воюю с польским королем, которому помогают немцы и в Ригу аглицких кораблей пускать не хотят. Не лучше ли будет аглицкому королю не сидеть, сложа руки, дожидаясь конца

моих бранных трудов, а послать бы свои корабли — подмочь мне с моря... Вот тогда и заговори с ним о любви-то...

Новосильцев. Понял, государь.

Иван. И еще скажешь: третий король, Христиан Датский, который аглицкому королю больше других досадил, нынче со мной в любви и мире, и я выдаю племянницу мою за сына его принца Магнуса... Вот какой я человекоядец... *(Висковатому.)* Твоя служба в Вене будет труднее... Как станешь говорить с императором?

Висковатый. Двоесмысленно, государь...

Иван. Так, так... В Вене люди коварны. Там надо пужать да собольими шубами одаривать. Говори, что у нас с императором один враг — турецкий султан, случится беда — ему никто не поможет, помогу один я. А турецкому послу, подарив шубу с моего плеча, скажешь невзначай, что ныне у меня на коней посажены двадцать тысяч опричников, искусных к бою...

Висковатый. Государь, а буде в Вене станут спрашивать, что за диковинка — опричнина?

Иван. Скажи,— бранная сила моя. Скажи,— перестали мы терпеть старый обычай — сидеть царем на Москве без своего войска, а случись война — кланяться удельным князьям, чтоб шли на войну со своими мужиками, с дубьем да рогатиной... Захотели мы — великий государь — войско свое, великое иметь, ибо земля наша велика и замыслы наши велики... И такое войско, опричь всего, мы завели... А впрочем, этого императору не говори, зачем ему знать... Скажи только: государь нынче правит государством один, собирает доходы в одну казну и нашел молодых воинов, любящих смертную игру, и их припускает близко к себе, и во всем им верит. То есть опричнина...

Висковатый. Так, государь.

Иван. Да не уставай повторять турецкому послу, что ныне мы хана Девлет Гирея не боимся, наш степной воевода Михаил Иванович Воротынский всю Дикую степь сторóжами преградил от крымских татар, у него в степи сто тысяч станичников с коней не сса-

живаются. *(Воротынскому.)* Так ли, князь Михайла? *(Подходит к Воротынскому и обнимает его.)* Михайло Иванович, здравствуй... Здоров ли?

Воротынский. Здоров, государь.

Иван. Экий ты какой седатый стал. Княгиня, княжата, княжны — все здоровы ли?

Воротынский. Здоровы, государь.

Иван. А ты печален? Нужды у тебя нет ли какой?

Воротынский. Есть у меня нужда.

Иван. Говори, проси...

Воротынский. Государь, отпусти меня в монастырь.

Иван. Что ты? В келью хочешь? На покой? А крымский хан пускай лезет через Оку, жжет Москву?

Воротынский. Стар я. Телом еще силен, но головой немощен. Не уразумею,— что творится. К чему, зачем это? Приехал из степи в Москву, иду во дворец,— на твоем отчем троне сидит татарин пучеглазый, усами шевелит, как таракан. И которые бояре ему — царскому чучелу, страшилищу — уж кланяются, деревенек просят.

Иван *(громко, весело и злобно засмеялся)*. А ты не поклонился?

Воротынский *(гневно)*. Нет!

Иван. Обидел, обидел великого царя Симеона. Он же ваш, земский. А я только князек худородный на опричных уделах.

Воротынский. Не пойму! Плач и стенание в Москве: у монастырей земли отбирают, вотчинных князей с древних уделов сводят и с холопами гонят на Дон и далее. Зачем?

Иван. И твой стольный град Воротынск мы в опричнину взяли, прости, Христа ради, да — нужда. По смоленской дороге до Литвы, и по ржевской, и по тверской до самой Ливонии все города и уезды опричникам моим розданы малыми частями. Помнишь ли золотые слова премудрого Ивашки Пересветова: «Вельможи-то мои выезжают на службу цветно и конно и людно, а за отечество крепко не стоят и

лютою против недруга смертною игрой играть не хотят. Бедный-то об отечестве радеет, а богатый об утробе». Вот — правда. *(Указывает на Ференсбаха.)* Вот, поверил ему, пленнику. Он из Ливонии мне семь тысяч юношей привел с огненным боем.

Ференсбах. Так, так. Воины добрые.

Иван. Васька Грязной двадцать тысяч молодцов собрал по уездам, да таких, что и на кулачки против них не становись, одел их, обул и смертному бою научил. То есть опричнина. Ну, ну, прости, Михайла Иванович, что кричу и ядом слюны на тебя брызгаю. Люблю тебя. Таких-то богатырей у нас мало. Не серчай, на — прими,— теплое с моего тела,—отцов крест медный. *(Снимает с себя крест, надевает Воротынскому, целует его в голову.)* Поди отдохни. За обедом сядешь со мной.

Воротынский. Государь, отпусти меня в монастырь.

Иван. Курбский в Польшу бежал, ты — к святым старцам? Ужалил, ужалил... Скорпия! Вот вы как ненавидите меня... *(Садится на стул, закрывает рукой глаза.)* Содрать с него кафтан, дать рубище ему. Нищим захотел быть,— лишь не служить нам. Изменник!

Воротынский. Не изменник я.

Иван. Врешь! Смрад от тебя. Труп живой. Иди от меня прочь! Напяль клобук, сиди на гноище. Не замолить тебе сегодняшнего греха. А я тебя забыл.

Воротынский *(стоя перед ним, опустил голову, расставя руки)*. Трудами, ранами и кельи не заслужил?

Малюта. Уходи, чего стоишь?

Басманов. Уходи, князь, не гневи государя.

Воротынский, со всхлипом, поклонился Ивану, который и не взглянул на него, и, пошатываясь, вышел. Малюта тихонько рукой помахал на дверь Висковатому, Новосильцеву, Ференсбаху; они молча, поклонившись, тоже ушли; за ними вышел Басманов.

Иван. На что тогда сказано: возлюби? На что тогда умиление сердца? На что ночи бессонные?

У лучшего и храброго поднялась рука поразить меня, когда ему на шею крест теплый с груди надевал.

Малюта. Все они таковы, государь. Свой — за своего; разворошил древнее гнездо, так уж довершай дело.

Иван. Так, так, Малюта... А я — робок? Доверчив? Да плаксив, что ли? Письма врагам пишу, когда плаха нужна и топор? Чего глаза отвел? Договаривай.

Малюта. Не мне тебя учить, ты — в поднебесье, мы — в днях сущих рассуждаем попросту. Да вот хотя б Василия-то убили на Красной площади. По розыску будто бы ничего не найдено, а ведь дело это большое, тайное, боярское.

Иван *(подскочил к нему.)* Что ведомо тебе о Васильевом деле?

Малюта. Государь, нынче ничего тебе не скажу, жги меня огнем.

Иван отходит к окошкам, в которые уже пробился солнечный свет.

Грязной. Эх, государь, дал бы ты мне сотни три опричников,— чесанули бы мы боярскую Москву. Такой бы испуг сделали.

Иван. Врешь, лукавый раб. То добро, чтоб верить человеку. А что ж, и обманут. Девять обманут — казни их. Десятый не обманет. За десятого бога благодари. Десятый — найден, люби его. Достаточно у меня темных ночей да собачьего воя, допросов к совести моей. Не для кровопийства утверждаем царство наше в муках. Ты не смей усмехаться, что я много писем пишу врагам моим. К письменному искусству страсть имею, ибо ум человеческий — кремень, а жизнь мимотекущая — огниво. Жизнь я возлюбил. Я не схимник. *(Толкнув в грудь Грязного.)* Ну, ты — становись на кулачки.

Грязной. Что ты, государь, я ударю,— умрешь-жа...

Иван. А ну — выдержи. *(Ударяет его в грудь.)*

Грязной отлетел на несколько шагов. Иван засмеялся. Входит Басманов.

Басманов. Государь, дозволь. Время тебя наряжать. Принц скоро будет.

Грязной. Постой, давай, что ли, додеремся.

Иван. Ну, ну, знай свое место... Поди скажи дьяку, чтобы тебе указ написали — ехать тебе вместо князя Воротынского в степь воеводой.

Грязной. Мне, конюху, большим воеводой в степь? Да батюшки... Честь-та!..

В глубине дворца слышен женский крик, встревоженные голоса, топот ног. Иван весь вытягивается, слушает. Вбегает Михаил Темрюкович.

Иван. Царица?

Михаил Темрюкович. Нет, нет!.. Девка ближняя, любимая царицы, упала вдруг да белая стала, забилась, и пена у ней на губах. Падучая, что ли?

Иван. Ефросинья была наверху?..

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Там же. За столом на троне сидит Иван, в царском облачении, направо от него Марья, в царском облачении, налево — принц датский Магнус, длинный молочно-розовый молодой человек, в куртке с прорезными рукавами, в коротком бархатном плаще. Напротив него — Владимир Андреевич. За троном Ивана — Висковатый, который переводит ему слова принца; за стулом принца — толмач, иноземец, приземистый, бритый, остроносый. Столы, где сидят опричники и бояре, не видны зрителю,— они размещены в глубине, по обе стороны столбов, поддерживающих расписные своды палаты.

Иван торжественно важен, но говорит с лукавством. Он берет руками с блюда, стоящего перед ним, и накладывает на золотую тарелку, которую держит Басманов.

Иван. Хлеба, мяса и плодов земных у нас достаточно, хотим мы делать со всеми народами любовь. Мужик — паши ниву, понукай лошадку,— с богом! Купец — садись на кораблик, плыви по синему морю, торговых городов для всех хватит,— выноси товары,

сняв колпак — зазывай добрых людей,— свягое дело. *(Кончил накладывать куски на тарелку.)*

Басманов понес ее принцу с поклоном.

Басманов. Принц датский Магнус, государь тебя жалует блюдом — лосиной губой в рассоле с огурцами.

Магнус, которому толмач все время переводит на ухо, встает и кланяется Ивану.

Магнус. Благодарю, великий государь, за блюдо...

Иван *(вытирая полотенцем руки)*. Ужаснулись мы, услыхав, как французский король тешился в ночь на святого Варфоломея. В стольном граде Париже по улицам кровавые ручьи текли. Это ли не варварство! В угоду вельможам надменным, князьям да боярам своим зарезать, как баранов, тысячи добрых подданных своих. А вина их в чем? По Мартыну Лютеру хотят богу молиться. Эва,— их грех, их ответ. С богом у них и будет свой расчет. Варвары, ах, варвары — европейские короли!

Магнус *(толмачу, который быстро ему переводит)*. Чего он все проповеди читает! Пил бы да ел спокойно, говорил бы о деле.

Иван *(Новосильцеву)*. Чем недоволен принц?

Новосильцев. Не терпится — о деле хочет слышать.

Иван. Потерпит, пускай привыкает к русскому чину. *(Магнусу.)* Обижаются на меня короли, будто я хочу Ливонию положить из края в край пусту и копытами коней моих берега Варяжского моря вытоптать... Варвары, варвары, на свою меру меряют меня! На что мне Ливония пуста и безлюдна? Ливония — издревле русская земля, но люди в ней живут нерусские, так что же мне их резать, как французскому королю подданных своих в ночь на святого Варфоломея? Всякая тварь бога любит по-своему, и бог всех любит. Пускай молятся по Мартыну Лютеру, лишь бы жили мирно и исправно. И суд, и расправу, и обычай,

и торговое дело оставлю — какие были в Ливонии. Будь ливонское королевство под твоей, Магнус, державной рукой — наш меньшой брат.

Магнус *(толмачу)*. А про деньги на почин моего двора он ничего не сказал?

Толмач. О деньгах не вымолвил.

Магнус *(встает — Ивану)*. Если велишь мне быть королем и правителем Ливонии — хочу оправдать доверие, завоевать Ревель одной своею шпагой. Отдай мне Ревель.

Иван *(Новосильцеву)*. Экий петух долговязый и глуп к тому же... *(Магнусу.)* Возьмешь приступом Ревель — отдам город тебе в столицу.

Магнус *(которому толмач перевел слова Ивана)*. Спасибо, спасибо, великий государь... Твой слуга...

Иван. А для начала любовного согласия между нами хотим закрепить его союзом естества, по примеру предков человеческих Иакова и Лии...

Магнус *(толмачу)*. Что за черт, не хочет ли он мне подсунуть дурную да старую девку?

Иван *(Новосильцеву)*. Чего он всполохнулся?

Новосильцев. Испугался, что обманем с девкой.

Иван *(засмеялся)*. А стоило бы его на козе женить. *(Громко.)* Что же не видно, не слышно суженой-ряженой, или заспалась крепко, или еще чулочки не надела на белые ноги?

Владимир Андреевич *(встает)*. Государь, вели мне пойти за дочерью.

Иван. Поди, поди, скажи: суженый уныл сидит, не пьет, не ест, ножом всю скатерть испорол.

Владимир Андреевич. Иду, государь. *(Поклонившись, уходит.)*

Иван *(Марье)*. Чего глаза опустила, слова не молвишь, сидишь, как на поминках?

Марья. Государь, прости, буду весела.

Иван. А чего бледна, смутна-то чего?

Марья. Не гневайся на меня, ладо мое.

Иван. Или младенец, что ли, томит тебя?

М а р ь я *(тихо, со страхом)*. Нет, младенец как будто покоен.

В глубине появляются О б о л е н с к и й и Р е п н и н. За ними несколько опричников.

О б о л е н с к и й. Что хотите со мной делайте,— не сяду и не сяду за нижний стол...

Р е п н и н. С мужиками, с конюхами нас посадили, спасибо тебе за честь, за место, великий государь.

О б о л е н с к и й. Господи! Куда же теперь деться-то, свет клином, все под твоей властью, Иван Васильевич. *(Заплакал.)*

М а г н у с. Чего они кричат? Кто эти люди?

И в а н. Мои шуты. Великие искусники,— уж рассмешат, так до слез.

О б о л е н с к и й. Воистину шутами сделал ты нас. Выйдешь на двор-та, взмахнешь рукавами,— над опустелой Москвой одни вороны тучами. Добился своего. *(Становится на колени.)* Делай с нами, что хочешь, только убери от нас царя Симеона. Вернись в Москву.

Р е п н и н. Насмешил Москву. Весь свет насмешил... Уж будет!

М а г н у с. Мне не смешно, и никто не смеется.

И в а н *(Оболенскому)*. Шут, плохо веселишь гостя. *(Репнину)*. Ну, а ты чем позабавишь?

Опричники подталкивают Репнина к столу.

Б а с м а н о в. Петухом покричи или в чехарду попрыгай, ну-ка, чего заробел, князь...

Р е п н и н. Вот я сел, вот я сел! *(Шлепается на пол и, оскалясь, глядит на всех.)* Тут мое крайнее место. Уносите меня отсюда, вперед ногами.

И в а н *(Магнусу)*. Не смешно?

М а г н у с *(захохотал)*. Очень смешно.

И в а н. Еще смешнее будет. *(Опричникам, указывая на князей.)* Унесите их, нарядить обоих по чину.

Опричники с хохотом подхватывают брыкающихся князей и уволакивают их из палаты. Магнус катается от смеха. Иван зло кусает конец шелкового платка.

Мы люди простые. Забавы у нас невинные.

Появляются **Владимир Андреевич** и **Ефросинья**, которая ведет княжну под покрывалом.

Ефросинья. А вот и суженая-ряженая наша.

Владимир Андреевич. Принц Магнус, по обычаю, тебе встать, да у юницы покрывало поднять, да в уста ее поцеловать, да чару за ее здравие пить.

Магнус *(толмачу)*. Черт меня возьми, будь что будет!

Ефросинья. Принц-батюшка, девки у нас на Москве красивые, а эта — внученька моя — как ландыш лесной, как ясный месяц среди звезд.

Владимир Андреевич *(наливает чару)*. Принц Магнус, прими-ста от дочери моей поцелуй и чару.

Магнус. Готов исполнить волю великого государя и царя всея России.

Иван *(кусая платок)*. Еще бы ты попятился.

Магнус поднимает на княжне покрывало и отшатывается, пораженный ее красотой.

Магнус. Несказанная красота!

Иван. Не обманываем, торгуем честно.

Магнус. Хорош русский обычай! *(Целует княжну.)*

Княжна, обмерев от страха, как кукла, подставляет губы.

Ефросинья. Довольно и одного разика, батюшка, сладкого понемножку.

Магнус. О, я счастлив!

Марья встает, держа обеими руками чашу.

Марья. Принц Магнус, хочу пить здравие твое и нареченной невесты. *(Идет к принцу и княжне.)*

В это время к Ивану подходит встревоженный Малюта и — на ухо.

Малюта. Государь, ничего не пей, не ешь и царице не вели ни пить, ни есть.

Иван. Что?

Малюта. Девка, которая кричала утром, померла. Была отравлена.

Иван сходит с трона и идет к Марье.

Марья *(принцу)*. Кинжалу подобно красота женская сердце пронзает, и нет покоя сердцу уязвленному, нет ему исцеления, лишь одна ему любовь исцелительница.

Иван *(Марье — тихо)*. Не пей.

Марья. Вино чистое, государь... За любовь пью эту чашу. *(Выпивает, кланяется, идет к столу.)*

Иван идет за ней.

Иван. Девка твоя умерла.

Марья. Марфуша умерла? *(Покачнулась.)* Смерть бродит около нас. Я утаила от тебя... Давеча, гляжу, яблочко на столе откуда-то взялось. Надкусила его и Марфуше отдала... Она и съела... *(Покачнулась.)* Кружится голова моя, от вина, что ли... Иванушко, я лишь кусочек съела маленький, и не понравилось мне яблочко... Горькое такое... *(Упала на стул.)* Страшно... Дитя не шевелится во мне, лежит, как мертвое... Не забывай меня, ладо мое.

Иван. Царице плохо!

Ефросинья. Господи, что это с ней?

Владимир Андреевич. За врачом пошлите, эй, кто-нибудь, за врачом!

Магнус *(толмачу)*. Царица беременна, дело пустое, от этого не помирают. *(Отходит в глубину.)*

Марья. Ладо, возьми лицо мое в руки... Видеть тебя хочу... Где глаза твои страшные? Наклонись ближе, что же ты... Месяц мой ясный, муж мой, батюшка мой... Орел мой сизокрылый... *(Вскрикнула.)* Плохо мне!.. Прощай! Прощай! Не забывай...

Иван *(падает на колени около нее)*. Очнись! Марья! С тобой в гроб велю себя положить. Слышишь ты меня?

Марья. Слышу.

Иван. Дыханья у нее нет больше. Уста холодеют. Уходит в тьму без возврата. *(В отчаянии падает*

на пол, рвет на себе волосы.) Покинула, покинула, покинула... Ушла, любезная... Где ты, Мария? Дайте умереть мне... Быть не хочу! Смерть, смерть проклятая!

С хохотом опричники приволакивают Оболенского и Репнина, одетых в шутовские кафтаны и колпаки.

Малюта *(всем)*. Уходите прочь! Государь хочет быть один.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Там же. Ночь. Под сводами палаты темно. Свет от погребальных свечей падает только на покрытый парчой гроб на высоком помосте со ступенями. У изголовья гроба за раскрытой книгой стоит Иван. То, что лежит в гробу, нам не видно, лишь видно лицо царя. Хор, невидимый под сводами, поет: «Придите, дадим последнее целование».

Из-под темных сводов палаты двигаются опричники и бояре для прощания с Марьей Темрюковной.

Грязной, перекрестясь, поцеловал, нахмурился, вздохнул, встретился взглядом с Иваном, покачал головой, прошел...

Басманов, целуя, заплакал, зло вытирая слезы, оглянулся в темноту на бояр, прошел.

Магнус *(замешкался у гроба, всплеснул руками, жалобно сморщился)*. О, государь!..

Иван помахал ему кистью руки, чтобы принц не нарушал тишины, проходил бы.

Михаил Темрюкович *(шумно бросился к гробу, приник, зарыдал)*. Сестра, сестра!..

Иван *(сквозь зубы, негромко)*. Проходи, не мешкай...

Оболенский, со всклокоченными волосами, тяжело дышит, всходя по ступеням. Поднес персты ко лбу; затряс распухшим лицом. Встретился с неподвижным, испытующим, холодным взглядом Ивана, захлебнулся от волнения и страха. Иван коротким кивком приказывает ему пройти. Малюта истово прощается, медленно, сурово взглядывает на Ивана, который шевелит губами, читая по книге. Проходит.

Е ф р о с и н ь я *(еще издали видит настороживишиеся глаза Ивана. Идет смело, со сжатым ртом, с платком для слез в левой руке. Перекрестясь, взглядывает на покойницу, закидывает голову, заламывает руки и начинает голосить так, что невыносимо слушать этот вопль)*. Ах, да зачем, зачем ты нас покинула... Ах, да на кого ты нас оставила... Ах, да не с нами, не с нами душенька твоя голубиная...

У Ивана задрожало все лицо, он вытянул шею, вслушиваясь. Ефросинья грохнулась на колени, поклонилась гробу и, тяжелая, плачущая, сползла со ступеней.

Р е п н и н *(движения его озабоченны, торопливые, мелкие. Исполнив обряд прощания, хочет отойти, но, притянутый взором Ивана, поворачивается к нему и — горестно, просто)*. Жертва злобы нашей, жертва окаянства нашего. Перед успением красоты этой — все шелуха, ветром гонимая, все — суета сует.

И в а н *(с тихой ненавистью, раздельно)*. Проходи.

Ведут под руки митрополита Ф и л и п п а. Иван вытягивается, будто ему не хватает дыхания.

Ф и л и п п *(преклоняется перед гробом, дает последнее целование и, опираясь на посох, глядит на Ивана)*. Зачем ты стоишь у гроба? Не молишься ты. Не скорбь, не покорность воле божией, не кротость червя земного в душе твоей! Как тигр, ты ищешь жертвы. Отмщения алчешь. Доколе же тебе лютовать? Смирись, не оскверняй великой тишины успения.

И в а н *(весь сотрясаясь от гнева, но сдерживаясь)*. Молчи. Только молчи, одно говорю — молчи, Филипп. Молчи и благослови ее.

Филипп благословляет покойницу и широким размахом креста осеняет Ивана. Царь отшатывается. Ко гробу на помост грузным шагом всходит М а л ю т а. Филипп повернулся к нему, потом взглянул на Ивана, тяжело вздохнул через запекшиеся уста.

Ф и л и п п. Брезгаешь, государь?

И в а н. Да...

Ф и л и п п. Прощай, государь.

И в а н. Прощай...

Малюта помогает свести митрополита с помоста. Под сводами движение, шепот. Ко гробу идет В л а д и м и р А н д р е е в и ч. Он бледен, лицо опущено, в руке, так же как у матери, шелковый платочек. Владимир Андреевич поднимается, закрыв глаза, медленно крестится, чуть прикасается к покойнице и сейчас же, будто от обильных слез, подносит платок к лицу. Иван поднимает руку и отрывает платок от его лица. Губы Владимира Андреевича растягиваются в блуждающую жалобную улыбку. Иван, потрясенный, вплоть придвигается к нему.

Ты?.. Ты?.. *(Схватывает Владимира Андреевича за руку, вместе с ним спускается с помоста и садится на последнюю ступеньку.)*

Владимир Андреевич, не сопротивляясь, опускается рядом с ним.

Владимир, брат,— ты убил ее?

В л а д и м и р А н д р е е в и ч. О чем спрашиваешь? Не пойму я, братец Иван.

И в а н. Ты на ухо мне сказывай, тихонько. Яблочко царице ты положил на стол?

В л а д и м и р А н д р е е в и ч. Господи, господи, ничего не знаю.

И в а н. И вино было отравленное? Ты, что ли, за столом отраву подсыпал? *(Гладит его по голове.)* Отвечай, не бойся. Беда-то больно большая. На Красной площади Василия ты убил?

В л а д и м и р А н д р е е в и ч. Нет, нет, нет!

И в а н. Братец, Владимир, не говори — нет, говори — да. Я все знаю. *(Указывает на гроб.)* Она перстами незримыми вдруг мне глаза открыла.

Владимир Андреевич ударил себя в лицо ладонями, плечи его затряслись.

Поплачь, поплачь, ты уже стоишь у врат смерти, Владимир. А совесть-то ведь больше жизни, знаешь. Стыд-то — страха смерти сильнее...

В л а д и м и р А н д р е е в и ч. Братец, опутали меня.

И в а н. Знаю... знаю...

В л а д и м и р А н д р е е в и ч. Не хотел я престола твоего, ни казны твоей... Страшился я, говорил им.

Иван. Кому? Кому говорил?

Владимир Андреевич. Братец, да как их перечислю-то? Все ищут твоей погибели... Ты вот казначею Фуникову веришь...

Иван. Ну? Ну?

Владимир Андреевич. Он в Варшаву да в Вильну тайно подарки посылает, чтобы король-то нам всем помог.

Иван. Врешь... Ох, врешь!

Владимир Андреевич. Чего мне врать, я теперь всех тебе выдам. Чай, знаю,— у митрополита Филиппа в келье собирались. Я не хотел, плакал, как Филипп-то благословил меня на царство.

Иван. На царство русское тебя благословил? Как же так? А ведь я еще жив. И яблочко он тебе дал?

Владимир Андреевич. Господи, тоска-то какая! Нет, нет, не давал! Да вот еще, братец, в Новгороде заговор большой.

Иван *(схватил его за плечи)*. Сейчас уж ты не ври...

Владимир Андреевич. Крест святой поцелую.

Иван. Сейчас, сейчас дам тебе святой крест... *(Отпустил Владимира и начал шарить у себя на груди.)*

Владимир Андреевич. Новгородский-то епископ Пимен да с боярами переговариваются с Литвой, чтоб Новгороду от тебя отпасть...

Иван. Владимир, страшными пытками тебя буду пытать.

Владимир Андреевич. Дай, дай крест, поцелую.

Иван. Креста нет, другому предателю на шею надел. Ах, зачем же я щадил вас? *(Ударяет себя в голову.)* Убогий... Сонливый... Нерадивый... *(Стремительно встает, поднимается к гробу и горестно прощается с Марьей.)* Прощай, прощай, красота моя... Прощай, орлица моя. *(Закрывает покрывалом гроб, оборачивается к опричникам.)* Малюта! Вели стучать в литавры и трубить в рога!

Среди опричников движение.

(Закрывает лицо рукой, мгновение так стоит, опускается на колени, страстно прижимает руки к груди, поднимает голову.) Гол и нищ перед тобой, господи... Отнял у меня веселие, теплое гнездо души моей... Более я не человек... Хлеб и вода — пища моя, жесткая доска — ложе мое... Умер я, умер, господи... И восстал слуга твой нелукавый, несу тяжесть непомерную царства... Исполни меня ярости хладной... Не отомщения хочу... Но да не дрогнет моя рука, поражая врагов пресветлого царства русского... Да свершится великое... *(Встает, спускается с помоста.)* Опричники, в поход... Басманов, саблю мне подай...

Часть вторая

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Пьеса в двенадцати картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Васильевич.

Анна — княгиня Вяземская.

Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Годунов Борис Федорович, Василий Грязной, Федор Басманов, Суворов, Темкин — опричники.

Челяднин Иван Петрович — ближний боярин.

Князь Оболенский-Овчина Дмитрий Петрович.

Князь Мстиславский Иван Федорович.

Юрьев Никита Романович.

Князь Шуйский Василий Иванович.

Козлов Юрий Всеволодович.

Пимен — митрополит новгородский.

Князь Острожский — воевода новгородский.

Василий Буслаев.

Сигизмунд Август — король польский.

Кетлер — великий магистр Ливонского ордена.

Константин Воропай — посол литовский.

Магнус — принц датский.

Девлет Гирей — крымский хан.

Мустафа — великий улан.

Висковатый Иван Михайлович — дьяк.

Переводчик у литовского посла.

Толмач у крымского хана

Касьян — писец.

Мамка Анны, княгини Вяземской.

Хлудов, Путятин, Лыков, Калашников — купцы.

Первый мужик.

Второй мужик.

Опричники, бояре, дворяне, митрополиты, купцы, посадские, мужики, писцы, служки, немецкие рыцари, магистр Фюрстенберг, воевода Двойна, турецкий посол.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Каменный мост через Неглинную. Налево — Троицкие ворота Кремля. Направо — ворота Опричного двора; они окованы луженым железом, на створках — жестяные львы, стоящие на задних лапах, с разинутой пастью и зеркальными глазами; надо львами — черный орел. За кирпичной стеной Опричного двора видны медные и луженые крыши деревянных палат. У самой стены — звонница с наружной лестницей.

На мосту, со стороны Опричного двора, стоит Борис Годунов в черном кафтане и черном колпаке.

Из Кремля доносится колокольный звон. На звоннице Опричного двора тоже зазвонил опричник.

Троицкие ворота в Кремле отворяются. Выбегают нищие и убогие, рассаживаются на земле, поют Лазаря.

Из ворот Кремля выходит Василий Шуйский в цветном кафтане и раздает денежки нищим.

Шуйский. Нате, нате, безвинно обиженные... Нате, нате, сироты божьи... Нате, нате, молельники наши.

Нищие вопят и теснятся к нему.

Ну вот и пуст кошель... *(Идет по мосту, сняв колпак, кланяется Годунову, который с усмешкой следил, как он раздавал милостыню.)* Здравствуй, Борис... Или вас, опричников, с «вичем» сказывать велишь? Борис Федорович, поздорову...

Годунов. Молод, гляжу ты, Василий, а разумом не обижен.

Шуйский. Погибнешь нынче без разума, Бориска. Мне бы, недорослю, без печали прохлаждаться за батюшкиной спиной... А я уж саблей опоясался. Нынче знатным родом да высоким тыном у себя на дворе не отгородишься... Да ведь и ты, Бориска, одним разумом дышишь,— чай, и твое житие на ниточке висит...

Годунов. Чего ты ко мне привязался, ступай к себе на земский конец...

Шуйский. Бориска, Бориска, собачья голова, чай, у тебя у седла осталась, не кусайся... Вспомни-ка, давно ли мы, бывало, Бориска да Васютка, так-то дружили,— водой не разольешь... Что из того, что на тебе черный кафтан, на мне — зеленый... Кафтан к телу не приклеен,— сорву его с плеч да брошу в Неглинную... Ей-ей...

Годунов. Никогда у нас с тобой дружбы не было, врешь...

Шуйский. Ну, будь так, не серчай... Ах, тяжела клятва опричная,— отрекохся от отца с матерью и друга забудь... Бориска, почему нас, Шуйских, великий государь не жалует, чем мы провинились?

Годунов. Великий государь праведных жалует, а неправедных казнит.

Шуйский. А мы неправедные? Господи! Вернее Шуйских нет слуг у государя... Бориска, улучи время — шепни ему: Васька, мол, Шуйский хоть молод, да зорок,— ох, как служба его может пригодиться... Меж удельных князей я — свой и с боярами — свой...

Годунов. Не буду о тебе шептать государю.

Шуйский. Ну? А как за это государь да и спросит с тебя,— знал-де, да не сказал...

Годунов. Чего знал? *(Схватил его за грудь.)* Лиса коварная...

Шуйский. Государь будет отходить ко сну, ты наклонись да и шепни: Васька-де многое знать может... На нас люди смотрят, Бориска, отпусти кафтан... Что буду знать — скажу тебе, а ты — ему... Тебе от того — власть, а мне — покой... Дай в уста поцелую...

Г о д у н о в *(отталкивая его)*. Не верю я тебе, пошел прочь...

Ш у й с к и й. А ты все-таки мои слова запомни.

На звонницу поднимаются опричники в скуфейках и черных подрясниках, под которыми видны сабли: М а л ю т а, А ф а н а с и й В я з е м с к и й, В а с и л и й Т е м к и н, Ф е д о р Б а с м а н о в, А л е к с е й С у в о р о в.

С у в о р о в. Не спешат что-то великородные,— растрезвонились...

Б а с м а н о в. Служит митрополит Пимен новгородский, он любит древний чин...

С у в о р о в. Как бы за такую докуку не осерчал государь...

Б а с м а н о в. Для того Пимен и томит со службой, чтобы государь осерчал...

Т е м к и н *(Вяземскому)*. Гляди, посол литовский пеший идет.

В я з е м с к и й. Посол литовский две недели добивался, чтобы ему к воротам на коне подъехать, только и выторговал — пройти под руки по сукну.

С у в о р о в. Ишь с досады-то как спесью надулся...

Б а с м а н о в. Ах, кафтаны на них хороши! Что-что, а кафтаны хороши...

Из ворот Кремля выходит литовский посол В о р о п а й, его ведут под руки р ы ц а р и, перед ним люди из его свиты стелют сукно. Годунов, подбоченясь, становится в конце моста, у Опричных ворот.

Г о д у н о в. Что за люди идут?

Посол остановился. Среди свиты его — смущение. Вперед выскакивает п е р е в о д ч и к.

П е р е в о д ч и к. Великий посол литовский Константин Воропай шествует к великому князю Московскому.

С у в о р о в *(Басманову)*. Это — как так! К великому-де князю! Ах, собака,— «царя» не хочет выговорить...

Т е м к и н. Малюта, слышишь — бесчестье государю...

М а л ю т а. Слышу, слышу,— выговорит он все положенное...

Годунов. Великого князя Московского мы не знаем; про такого не слыхали...

Опричники на звоннице громко засмеялись.

Суворов. Годунов ответит! Ох, зубаст!

Годунов. В царствующем граде Москве пребывает — божьей милостью — государь Иван Васильевич, царь всея России, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Ливонский, царь Казанский, царь Астраханский и других земель оттич и дедич...

Переводчик *(послу)*. Московиты велят сказать полный титл...

Воропай. Будь так. Пусть отворят ворота.

Переводчик. Великий посол литовский шествует к божьей милости государю Ивану Васильевичу, царю всея России, Московскому, Киевскому, Владимирскому, Новгородскому, царю Казанскому, царю Астраханскому...

Годунов. Царя Ливонского пропустил...

Суворов. Годунов-то! Вот крючок! А!

Воропай. Ничего не опускай... Русские упрямы... Скажи...

Переводчик. Царю Ливонскому и других земель оттич и дедич...

Суворов. Выговорил, собачий сын...

Годунов *(ударяет в ворота рукоятью сабли)*. Великий посол литовский пришел.

На звонницу к опричникам поднимается царь Иван. Черная борода его с проседью на скулах. На худощавом лице резкие морщины и тени под глазами. Держа на ладони, он щиплет и ест просфору.

Переводчик *(Воропаю)*. Сам царь вышел на звонницу...

Воропай. Который из них — царь?

Переводчик. Вот — тот, в одеянии монашьем.

Иван *(звонарю-опричнику)*. Замолкни! *(Глядит вниз на Воропая, и тот с изумлением глядит на царя.)* Отворите ворота.

Ворота отворяются, выходит стража — опричники в черных кафтанах. Посол со своей свитой проходит в ворота.

М а л ю т а. Государь, двинулся Земский собор... Сойди вниз, как бы люди не увидали тебя в простом платье...

И в а н. А увидят — в рукав смеяться, что ли, станут?

М а л ю т а. Смутятся, государь, смутятся люди...

И в а н. Я стою высоко... Плохонький мой подрясник ризами золотыми покажется им, скуфеечка — солнцем ярым на моей голове... Не так ли?

М а л ю т а. Нет, не так... Не всем так покажется, государь.

И в а н. Душа у тебя, Малюта, как дождь осенний... *(Указывая на выходящий из ворот на мост Собор.)* Укажи перстом... Кто из них мой враг? Епископ Пимен новгородский, что ли? Скажешь — Челяднин? Или князь Мстиславский? Ножи у них, ядом напитанные, за пазухой? Нет, Малюта, враги нынче со мной примирились... Хоть и тяжел я для них. Чада мои, спесивые, строптивые, как агнцы, шествуют на Опричный двор... *(Звонарю.)* Звони в большой, звони гласом грома небесного... *(Передает Малюте просфору, схватывает конец веревки от колокольного языка и, поднимая длинные руки, с яростью начинает звонить.)* Так надо, так надо встречь русской земле...

М а л ю т а *(опричникам)*. Заслоните государя...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Палата в Опричном дворце. Стены из красного елового леса. Окна с мелкими свинцовыми переплетами расположены высоко и украшены наличниками из резанных по дереву виноградных листьев и лоз. На стенах — ковры с изображением Адама и Евы, четырех стихий, Правосудия, Добродетели. На поставцах — золотые кубки, кувшины и блюда. На возвышении, на стуле, резанном из слоновой кости,— ц а р ь И в а н. На нем — парчовый кафтан, расшитый кругами жемчуга, шапка, низанная драгоценными камнями; к трону прислонен посох, украшенный индийскими самоцветами. С боков трона — боярин Ч е л я д н и н и князь М с т и с л а в с к и й держат на подушках скипетр и державу. Ниже их стоит дьяк В и с к о в а т ы й. За троном — р ы н д ы.

Перед царем Иваном стоит литовский посол Константин Воропай. В палате на скамьях под окнами — члены Земского собора.

Воропай. Королевство Польское и Великое княжество Литовское, божьим вразумлением соединясь унией, столь великую силу возобладали, что не только турецкого султана и крымского хана, но и твое, государь, бесчисленное войско можем одолеть...

Среди опричников, стоящих за троном и сидящих на скамьях, ропот.

Иван *(с усмешкой)*. Ошибся ты, Константин Воропай,— в грамоте того не сказано, что-де «можем одолеть...».

Воропай. Воистину сказано, великий государь.

Иван. В грамоте к тем высокопышущим словам прибавлено: «можем-де одолеть с божьей помощью»... Разверни, прочти... Ан бог-то, глядишь, по-своему рассудит: вам ли даст победу али мне, грешному, с моими худыми людишками.

Воропай *(держа развернутую грамоту)*. Прибавлено — «с божьей помощью», точно.

Иван. Читай далее...

Воропай. Мой всемилостивейший король Сигизмунд Второй Август, радея о душах христианских и в нежелании пролития невинной крови человеческой, хочет с тобою, государь, сказать дружбу и мир на десять лет...

Оболенский *(сидя на лавке, вздохнул всей утробой)*. О господи, наконец-то...

Иван быстро обернулся к нему.

(Оболенский замотал лицом.) Молчу, молчу, государь, разумею...

Иван *(Воропаю)*. Видишь — чашу меда жаждущим принес,— весели сердца далее...

Воропай. Всемилостивейший мой король Сигизмунд Второй Август ради дружбы и мира готов не спорить с тобой о городе Полоцке, взятом тобой на саблю. Ин Полоцк будет твой. Готов признать твоими повоеванные тобою немецкие орденские города Нарву и Юрьев.

Иван. К чтению книг ты прилежен, Константин?

Воропай. Прилежен, государь.

Иван. Дьяк принесет тебе летописи русские и свечу потолще. Пободрствуй над старинными письменами. Прощаю тебе на первый раз твое невежество.

Воропай. Но города Ригу и Ревель и повоеванные тобой ливонские города Венден, Вольмар, Раненбург, Кокенгаузен, Марьенбург с поветами и городками признать твоими не можно, зане королевство Польское и великое княжество Литовское взяло те города у немецких рыцарей орденских под защиту и на том стоит крепко. И тебе из тех городов ливонских уйти и за них не спорить. Да будет на том божье благоволение. Аминь. *(Свертывает грамоту.)*

Иван *(обернувшись к опричникам)*. Приведите пленников.

Малюта уходит.

Константин Воропай, не казнил бы ты смертью страшной раба, кто в безумии расхитил именье твое, так что дети и внуки, нищенствуя, пошли бы меж двор куски собирать? Ответь...

Воропай. Так, государь, казнил бы того раба...

Иван. Подними на меня глаза. Вопроси... Перед тобой раб лукавый, трижды окаянный? Убоясь мук душевных да скорой седины в бороде, ища себе чаши сладкого вина да сладчайшей забавы с женкой,— отеческую землю хочу расхитить? Та̀к ли? Что есть Ливония? От времен Владимира Святого — наша древняя вотчина. Прочти сие в летописях наших. Могу ли я, нож взяв, отрезать от груди кусок мяса да послать брату моему Сигизмунду Августу, прося мира? Приблизься, потрогай меня перстами: изменник я отечеству моему? Ах, тогда придумывайте мне страшную казнь!

Воропай. Государь, я говорил лишь, что вручено мне...

Иван. Срам и бесчестье тебе вручено! Рукой безумца написано послание твоего короля!

Воропай. Неслыханное дело, государь, гневно кричать на посла королевского...

Иван. Кричать? Ты смел, да прост... *(Вонзает посох в помост.)* Недалеко ты был сейчас от немоты вечной.

Малюта вводит пленников в оковах: великого магистра Ливонского ордена Фюрстенберга, полоцкого воеводу Двойну, немецких, литовских и польских рыцарей.

Малюта. Государь, привел пленников...

Воропай *(взглянув на них)*. О господи, боже милостивый!

Иван *(Воропаю)*. Грозишь одолеть меня с божьей помощью. Гляди... Перед тобой — великий магистр ордена Ливонского, преславный рыцарь Фюрстенберг. Спроси его,— кому в этой войне бог помогает? Чьи седины срамом повиты? Мои или его? Спроси славного воеводу полоцкого Двойну, не он ли передо мной землю целовал, прося живота? *(Указывая на остальных.)* Рыцари! Да дюжие какие! Где уж нашим людишкам с ними справиться без божьей-то помощи... Константин, спроси еще великого магистра: цепи, что на нем, взяли мы не из его ли разбитого обоза? Для меня, для воинов русских вез он те цепи... Да кованы-то как ладно, крепко. На звене на каждом — клеймо: Магдебург... А я курфюрсту магдебургскому не раз отписывал, прося с кротостью — прислать книг латынских добрых. А он на место книг послал врагу моему цепи для меня... Цепи для меня! Воистину греха не боитесь вы, живущие на закат солнца... Курфюрсты да короли скудоземельные... Как паучки, сидя в городках своих, раздуваются злобой да коварством... Стыдно мне за род человеческий... Уйди, Константин, иди, дабы не сказать мне лишнего...

Воропай. Прими, великий государь, слова мои не во гнев, но в милость. *(Низко кланяется.)*

Иван протягивает ему руку для поцелуя. Воропай, пятясь, уходит вместе со свитой.

Годунов подносит Ивану таз и кувшин, Шуйский — утиральник. Иван моет руки.

Малюта. Перебежавший к нам рыцарь тебе челом бьет, государь, на службе и жалованье. Искусен всякому бою.

Иван. Который?

Малюта *(указывая)*. Вот этот.

Иван. Имя его?

Малюта. Генрих Штаден из Ганновера, бывалый человек.

Иван. Покормить мясом — будет зверь?

Малюта. Зверь будет, государь...

Иван. Покорми, опосля приведи на двор, — погляжу, попытаю. Дьяк... Висковатый...

Дьяк Висковатый подходит.

Магистру Фюрстенбергу милости не будет.

Висковатый. Государь, обещано ему снять цепи...

Иван. Не будет... Скажи ему: не выручат его три короля — ни польский, ни свейский, ни датский... Сказано: прощай врагам своим. Не умею... Грешен... Уведите пленников...

Висковатый. Слушаю, государь.

Пленников уводят. Иван, вытерев руки, бросает утиральник. Челяднин и Мстиславский в то же время уносят скипетр и державу и затем занимают места на скамье.

Иван *(обращаясь к Собору.)* Что скажете, отцы духовные? Что скажете, князья, бояре? Что скажете, добрые люди московские и других городов? Кончать ли нам войну или будем биться далее? Воюем четырнадцать лет. Преклонили под нашу державу царства казанских и астраханских татар, томивших нас прежде под игом, и тем возвратили древние границы княжества Святослава — прародителя нашего. В жестоких наездах побили мы броняносные войска Ливонского ордена, томившего под игом русские земли по Неве, и Нарове, и Чуди, и Двине, и вывели коней наших на берег Варяжского моря... Короли — недоброхоты мои, — негодуя о славе русской, — не хотят мира, но хотят пролития крови нашей и оскудения нашего... Стонет русская земля... Как быть нам?..

Шуйский *(Челяднину, который проходит мимо него)*. У государя глаза веселые, Иван Петрович, будь сторожек...

Пимен. Новгородская и псковская земля пусты лежат, как от чумы. Где было сто дворов — стоит один. Людишки о хлебе забыли, как звери лесные — едят кору с дерев, а иные разбрелись врозь. Втуне звонят колокола церковные. Мир есть елей на язвы наши. Хватит тебе, государь, чести от Полоцка, Нарвы да Юрьева... И те не стоят крови, за них пролитой. Мира жаждем...

Бояре, переглядываясь и взмахивая пестрыми платками для пота, заговорили: «Мира, мира хотим». Среди купечества и посадских — смущение.

Мстиславский. Не под силу нам война. Уж как-нибудь сдержи сердце-то. Поторгуйся с польским королем, может, уступит... Как воевать дальше? Отписал мне управитель: по деревнишкам меж пустых дворов одни лисы да зайцы скачут. Истину сказал митрополит Пимен новгородский: мира жаждем...

Оболенский. Обнищали, оскудели, обезлюдели, обезлошадели... Последнее отдали на эту прорву... Землицу-то уж бабы пашут...

Голоса на скамьях: «Бабы, бабы пашут...»

Иван. И то все, что можете сказать о великом деле, для коего мы живем и трудимся и пот кровавый проливаем? Иван Петрович Челяднин, возлюбленный слуга наш, скажи ты, порадуй...

Челяднин. Не неволь, государь,— ум мутится в таком деле, уста запечатаны...

Суворов. Когда надо — у земских уста запечатаны.

Малюта. Ибо изменой дышат...

Вяземский *(Малюте)*. Замолчи, сатана, Иван Петрович честный человек.

Малюта. Я всегда молчу, князь Афанасий...

Челяднин. Оттого литовский посол замерил высоким безмерием слова свои, что весь свет поднялся против тебя, государь... Короли идут с запада. Крымский хан топчет конями Дикую степь; плывут в Азов корабли султана турского; ногайские татары, и Астрахань, и Казань только и ждут его помочи... Спрашиваешь — как быть? Мы давно уже думать-то пере-

стали... Не знаю... Думай ты... А нам — умирать покорно, коли велишь умирать...

Малюта. Гиена лукавая... Ах, гиена...

Вяземский. Правда-то, видно, как рыбья кость тебе — поперек горла воткнулась...

Малюта. Дал ему бог ума и пронырства, а не дал совести,— так-то, князь Афанасий...

Иван. Жду, Иван Петрович, каков твой будет аминь?..

Челяднин. Аминь, государь,— твоя воля...

Иван. Огорчил меня, Иван Петрович, опечалил... Моя воля — не для смерти вам, но для жизни... Господен разум вращает солнце и звезды и бытие дает червю и человеку. Кто восстал против господнего порядка? Сатана! По злобе к живому и сущему. И ввергнут сатана в ад, в пепел безобразный. Волю мою утверждая — уподобляюсь миродержателю, и в том вижу добро и порядок добрый, укрепление земли, изобилие плодов и благочиние людей. Волю мою утверждаю по совету с совестью моей в тревоге и в трепете вечном... Аз есмь единодержатель и ответ держу даже за каждую слезу вдовью... Некто, повергающий меня в прах, как Давид Голиафа, всю землю русскую повергает... Мне — срам и бесчестье — вся земля русская стыдом закрывает лицо свое... Позвал я вас для совета и дела, как отец, ибо трудны дела наши... Пусть скажут опричники. Сабли у них изострены, кони под ними пляшут... Знаю, знаю — черные кафтаны с метлой да собачьей головой для иных из вас — хуже чумы... Опричный двор — здесь на Воздвиженке — преужасное звериное логовище, недаром на воротах-то — львы дыбом поставлены... Потешается-де царь Иван, глумится над Москвой... Любезных опричников землей верстает, а вотчинных князей да бояр с земли сводит... Чего потупились? Правду говорю... Не ради потехи завели мы опричнину... Спросите их: отдавать ли немцам наши древние, кровью возвращенные, ливонские города, как нам велит Константин Воропай?.. Быть ли стыдному миру? *(Суворову.)* Скажи ты...

Суворов *(земским)*. Вы — люди пешие, мы на конях сидим... Вы много речей слушаете,— мы одно

слушаем... *(Подносит саблю к уху.)* Подруга верная, укажи дорогу... *(Свистнул саблей по воздуху.)* Она прямую дорогу скажет... Чего там!

Среди опричников — одобрение.

Басманов. Вот что, земские люди,— нам не только городов — десятины одной не отдавать ливонской земли... Аминь!

Суворов. Турки под Азовом али татары в Дикой степи,— потеха любезная... Гуляй! Чего там!..

Одобрение.

Темкин. Где мне скажет государь стать — там стану, хоть тридцать три короля с нами бейся... Велено одолеть — одолеем...

Оболенский. Гляди — беснуется княжонок! Родословец-то свой пропил, в чужом кафтане ходишь. Стыдно, князь Темкин.

Темкин. Я — опричник, хоть не ниже тебя сижу, князь Оболенский-Овчина.

Оболенский. Сядь, сядь рядом — я тебя спихну с лавки, щенок...

Малюта. Земские люди... Государь у вас не спрашивает — отдавать ли города немцам... Государь у вас спрашивает — любите ли вы его? Любите ли его, как мы любим? Для того мы, опричники, черные кафтаны надели, чтоб не жену, не детей, не отца с матерью любить, а любить одного государя... Ну, простите...

Иван *(Вяземскому)*. А ты что молчишь, Афанасий? Тебе бы первому подать голос... Или хлеб, что ли, мой недостаточно солон? Или саблю на молодую жену променял,— скучно тебе с нами?

Вяземский. Государь, я твой слуга... Умру, где прикажешь...

Иван *(махает на него платком)*. Стань на место. *(Годунову, который во время этого разговора подошел к нему.)* Привезли?

Годунов. Только что, государь... Везли без отдыха,— я подставы до самой Твери выслал... Уж больно страшны, не знаю, как их и показать. Я им по ковшу вина поднес...

Иван. Веди.

Годунов. Веду, государь. *(Уходит.)*

Иван. Обидно нам было видеть великую тесноту наших торговых людей в Варяжском море... Задумали мы позлатить былую славу Великого Новгорода, и Пскова, и Нарвы... Да как позлатишь, когда прямой разбой кораблям русским. Послушайте, поглядите, что сделали они с нашими торговыми людьми...

Годунов открывает дверь. Слуги вводят троих ободранных людей. Раны их открыты, лица распухли, волосы и бороды дико взъерошены. Они вопят, простирая руки.

Купец Хлудов. Князья, бояре, люди московские, глядите, что с нами сделали.

Движение ужаса среди посадских.

Купец Путятин. Ох, лихо, лихо... Мертвы ли мы, живы ли мы — не знаем сами...

Купец Лыков. Убили нас, убили, убили, до нитки ограбили...

Купец Хлудов. Тело наше терзали, кровь нашу лили... Знаете ли, кто сделал это над нами, кто нас примучил?

Купец Калашников *(поднимается со скамьи, всплескивает руками)*. Господи! Это же —Хлудов, Кондратий, первой сотни московский купец.

Купец Хлудов. Это я, я, Степан Парамонович... С того света вернулся, и мать родная не узнает.

Купец Калашников. Кто же вас, купцы, примучил и ограбил, какой вор?

Купец Путятин. Плыли мы, видишь, из Нарвы, на датском корабле в Англию мирным, честным обычаем...

Купец Лыков. Убили нас, убили, убили, до нитки ограбили.

Купец Хлудов. Немцы ливонские налетели на нас в море,— топорами рубили, ножами резали, с корабля нас в морскую пучину ввергли... За то лишь, что московские мы купцы.

Купец Путятин. Тем только и спаслись, что рыбаки нас подобрали...

Купец Лыков. Волны морские нас топили, рыбы нас кусали, птицы нам власы рвали...

Купец Хлудов. Люди московские, князья, бояре, купцы тороватые, скажите, как нам быть теперь, скудным человечишкам, у кого милостыню просить, как нам с голоду выть на холодном дворе? Государь, помоги нам, заступись...

Купец Путятин. Отец родной, помоги, пожалей...

Купец Лыков. Пожалуй нас милостыней твоей, убиты, ограблены...

Иван. Мы вас жалуем кораблями, и товарами, и кафтанами добрыми с нашего плеча...

Хлудов, оба его товарища и купец Калашников закричали: «Спасибо, великий государь».

А что толку? Отплывете из Нарвы,— опять обдерут вас немцы и в море покидают. Такого ли мира с королями хочет Земский собор?

Купец Калашников. Государь, я суконной сотни купец Калашников, дозволь сказать...

Иван. Тебя мы станем слушать, Степан Парамонович, как глас колокольный.

Купец Калашников. Люди московские, купеческая кровь льется, купеческие слезы в груди кипят... Истину сказал нам государь Иван Васильевич,— такого мира нам не надобно...

Иван *(перебивая его)*. Уныние, а не благое строение в царстве нашем будет прежде, покуда не установится наша бранная сила. О ней забота гложет мои ночи. Ты, епископ Пимен, гневно велишь нам мира... А в былые времена монахи-то кольчугу надевали и мечом опоясывались... Вспомни-ка, Пимен, как многие попы да монахи, яро не даваясь врагу, в церквях сжигались... А ты, бедный, задремал на лавке... Вложи персты в раны порубленным, посеченным, дай им целование, благослови на отмщение...

Пимен *(встает)*. Веселись, государь, на скоморошьем игрище, а я пойду ко двору... *(Идет к двери.)*

Тишина. Иван обводит взором собрание. Раздается легкий треск — с рукоятки его посоха, которую он стиснул в руке, сыплются и падают на ступени драгоценные камни. Шуйский кидается поднимать их.

О б о л е н с к и й *(Челяднину).* Ишь зверь в нем клокочет...

Ч е л я д н и н. Хорошо, хорошо, пускай Москва видит зверя-то в нем.

И в а н. Владыка, вернись...

П и м е н. Напрасно ты посмеялся надо мной... Буду яр... Нам с тобой добром не сговориться, Иван Васильевич...

С у в о р о в *(Басманову).* Это как надо понимать?

Б а с м а н о в. На рожон лезет владыка.

Малюта идет и становится в дверях на пути Пимена.

И в а н. Еще прошу — вернись...

П и м е н *(Малюте).* Отступи от двери.

М а л ю т а. Подобает тебе смириться... Смирись...

П и м е н. Прочь! Прочь, нечистый!

Ш у й с к и й *(со всхлипом, в наступившей тишине).* Ах, да страшно-то как!

И в а н *(сходит с трона и медленно идет к Пимену).* Взгляни, Пимен, как люди со стыда глаза опустили... Утри пену с уст... ибо уста у человека для благоухания... На, утрись. *(Подает ему платок.)*

По палате проносится общий вздох облегчения.

Видишь, как люди добра хотят. Дай мне доброе целование...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Опочивальня царя Ивана. Стены обиты тисненной золотом кожей. Постель приготовлена на широкой лавке. Дубовый стол с книгами и свитками, у стола — венецианский стул. В углу — лампады перед темным ликом с гневными глазами. Близ стола на лавке сидит М а л ю т а. Б а с м а н о в подливает масло в лампады.

Б а с м а н о в. Не люблю я, когда ты в опочивальню ходишь. Опять не дашь ему спать. Бес в тебе, что ли, сидит? Что ты за человек,— не пойму...

М а л ю т а. Чего масло трещит? Доброе масло не должно трещать. Опять воды подмешали?

Басманов. Я воду подмешал, я масло ворую... Это масло прислано в дар от султана турского, прямо с Афона, две бочки. А из Вены от императора пять бочек прислали, но масло вонючее. Мы его по худым монастырям роздали.

Малюта. Император — пять бочек, а султан — две... Так и будем отдаривать... Зря ты сказал, что во мне — бес... Дурак ты, Федька... Такой дурак,— только около постели тебя и держать... Перед смертью блаженной памяти митрополит Макарий взял с меня клятвенное целование: жену и детей своих забудь, о сладостях мира забудь, о душе своей забудь... Обрек на людскую злобу...

Басманов. Чтобы ты при государе, как цепной пес...

Малюта. Я и есть пес... Государь доверчив, нежен, без меры горяч... Совершит — потом головой бьется... Устал я, Федька...

Басманов. А ты подремли, я окликну, когда надо...

Малюта. И он тоже ведь обречен на людскую-то злобу. Чего легче,—пил бы, да ел бы, да прохлаждался, а бояре бы за него думали, а на уделах бы князья княжили... Жили бы, не тужили, как при царе Горохе... А он ворота на хребет взвалил да и понес...

Басманов. Какие ворота?

Малюта. Ворота от града нам с тобой не видимого,— от града Третьего Рима, сиречь — от русского царства...

Басманов. Да... Напрасно это все, по-моему...

Малюта. Чего напрасно?

Басманов *(смахнул слезу)*. Не видишь, что ли,— он, как свеча, горит... Разве человеку вытерпеть этакой жизни...

Малюта. Единодержавие — тяжелая шапка... Ломать надо много, по живому резать... А другого пути ему нет... А еще чего турский султан прислал?

Басманов. Фиников.

Малюта. Дай горстку.

Басманов. Ей-богу — в чулане, идти далеко... Да и ключи у государя...

Малюта. Врешь... Уж кто собака, так это ты...

Басманов *(достает из кармана горсть фиников)*. На, что ли...

Малюта начинает медленно есть финики.

Слушай, а ведь у него опять на уме женщина... Ей-ей... Мучается как... Знаешь кто? Сказать?

Малюта. Нет, не говори. Я и без тебя знаю. Нехорошо это. Добром это не кончится...

За низенькой дверью, едва различимой в полумраке, голос Ивана: «Наклонись, наклонись, голову зашибешь».

Малюта встает и отходит в тень, так же отходит в тень и Басманов. Входят Иван и Воропай.

Иван. Возлюбил я тебя, Константин, хоть и осерчал вчера, а нынче возлюбил...

Воропай. Теснота в моей гортани... Молчать не могу... Великий государь... Молвь о тебе шумит по всей Литве и Польше... Шляхта саблями рубится,— оные за тебя, оные против... Все горячие головы за тебя...

Иван. Вот дивно-то! С чего бы?

Воропай. Сигизмунд Август стар и немощен,— ждем его смерти... Кому быть королем? Прости... Захмелел я от твоих речей, то ли от меду твоего... Ехал я к тебе, ждал зверя увидеть во образе человеческом...

Иван. Зверя-человекоядца — так Андрей Курбский тебе говорил обо мне...

Воропай. Истинно,— Андрей Курбский много ругал тебя, и Радзивилл, и Мнишек, и Сапега. На смерть меня провожали в Москву. Зачем черная слава о тебе летит? Или велик ты слишком?

Иван *(резко)*. Кого прочат в польские короли?

Воропай *(шепотом)*. Не выдавай... Тебя, великий, тебя, грозный.

Иван. А нам о том и заботы нет... *(Быстро уходит в темноту и сейчас же возвращается с костяным ларчиком.)* За то, что вышла у нас с тобой любовь,— прими, Константин, от души к душе.

Воропай. Великий государь, спасибо...

Иван. Жену твою Катериной зовут? Здесь щепа от колеса великомученицы Катерины.

Воропай преклоняет колено, целует полу его кафтана.

Воропай. Матерь божья!

Иван. Вспомни-ка писание,— ангел поразил мечом огненным римлян, кои терзали на колесе чистое тело Катерины, и колесо разбил... Не терзаема ли — подобно так — земля русская. Прими щепу. На ней кровь запеклась.

Воропай. Истинно ты щедр и велик, пресветлый государь.

Иван *(поднимает, целует его)*. Прощай, Константин, нелегко тебе было с нами... То ли дело на западе; весело живут и короли, и вельможи,— странишки махонькие, делишки махонькие... А у нас дела — великие, трудные... И мы — люди трудные... Иди с миром...

Воропай уходит. Иван останавливается посреди палаты, нахмурясь, усмехается. К нему подходит Малюта.

Опять приступил когтями рвать мою совесть, рыжий...

Малюта. Он тебе не друг. Он недруг... Ты ему святыню отдал...

Иван. Нет, я ему святыни не отдавал... Щепа как щепа... За обман — бог простит... Константину и его людям пришли завтра столетнего меду бочку... Шляхта из-за меня саблями сечется, слышал? Не откажемся, коли выберут в польские короли... Королей-то у них выбирают, слышь, как у нас губных старост да целовальников... Ах, Константин, Константин, двуликий Янус... Нет... Ни за литовский княжеский стол, ни за польскую корону — равно Ливонии им не отдам. *(Малюте.)* Что у тебя ко мне? *(Отходит к окошку.)*

Малюта. Опять хлопоты с зятем твоим, с принцем датским Магнусом,—топчется около Ревеля, не может его взять, а вернее, не хочет. Просит еще денег и войска в подмогу, а сам тайно ссылается со свейским королем.

Иван. Кому известно это?

Малюта. Мне известно.

Иван. Еще что?

Малюта. Годунов говорил со мной о Ваське Шуйском,—что-де Васька многое знает и хочет быть полезен...

Иван. Еще что?

Малюта молчит.

Завтра потолкуем. Спать хочу. Светает.

М а л ю т а. И то бы лег спать, чем в окошко глядеть на голубей... Иван Васильевич, борода-то уж с проседью. Ты думаешь — никто не видит, как ты чуть свет тайком пробираешься в Успенский собор?.. Стража отворачивается, люди с дороги окорачь лезут со страху... Как ты греха не боишься? Душа у тебя бездонная, что ли?

И в а н. Будешь за мной тайно следить — убью своими руками...

М а л ю т а. Ты велел мне правду говорить,— терпи...

И в а н *(подходит, глядит в глаза)*. Напугать меня хочешь? Ты сильнее меня хочешь быть? Малюта! А ну-ка — уйди...

М а л ю т а. Ах, боже мой, боже мой... *(Уходит.)*

И в а н *(один.)* Спина согнется, коленки застучат, повиснет мясо на костях,— тогда, что ли, покой?.. Плоть алчная! *(Садится на постель.)*

Появляется Б а с м а н о в, приседает, чтобы стащить с него сапоги.

(Иван отпихивает его.) Ты мне еще руки, ноги свяжи, повали меня на постель,— подушку грызть... Сговорились с рыжим?

Б а с м а н о в. Да ничего я с ним не сговаривался... Пойдем, если хочешь.

И в а н. Куда — пойдем?

Б а с м а н о в. Ах ты, господи...

И в а н. В Успенский собор на голубей глядеть?

Б а с м а н о в. Ну да, на голубок...

И в а н. Ты меня к ней подвел, ты мне на нее указал, отравил мое сердце... Искуситель...

Б а с м а н о в. Государь, чего маяться-то. Э-ва,— полюбилась чужая жена... Мы все твои... Мигни, приведу, хоть сейчас.

И в а н *(тихо, с ужасом)*. Кого приведешь?

Б а с м а н о в. Да ее жа... Она, чай, уж там, у ранней... А князь Афанасий, пьяный, спит здесь, на Опричном дворе... Самое удобное...

И в а н. Молчи, молчи...

Б а с м а н о в. Да государь жа, не стоит она твоих мук... Приведу, ей-ей... Ломаться станет — припужаю...

Султан нам фиников прислал — финиками ее заманю. Сдастся. Я здесь — лавку еще одну приставлю, постель помягче приберу,— пошалишь с ней, успокоишься...

Иван. Напугаешь ее, искусишь,— и придет краса моя?

Басманов. Ей-ей, придет,— бабы все одним лыком шиты.

Иван. Придет краса моя... Горе ей тогда. Ах, горе мне будет!.. Не верю тебе, пес желтоглазый... Не придет она сюда... Грозить будешь,— обомрет, упадет, умрет — она же, как яичко голубиное в пуховом гнезде... А у меня — клочья седые... Не любит меня, не хочет... Афонька, пьяный, ей люб...

Басманов. Вот наказанье привязалось!.. Хочешь, с Афонькой Вяземским поругаюсь, зарублю его? Со вдовой легче справишься... Ладно? А то приворотного зелья достану, ей-ей... Вели.

Иван. И приворотным зельем не хочу ее неволить. Скажи лучше, как жало вырвать из сердца? Плачу, душу разверзаю перед рабом последним,— не стыдно ли? Дай простой кафтан, колпак, плат темный — лицо закрыть... Постою около нее. Она вздохнет, молясь, я вздохну, она припадет, я припаду... Она глаза на купол поднимет, я загляжусь на нее... Не испугаю, чай, уродством-то моим? *(Надев кафтан, взяв шапку, платок, уходит.)*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Едва озаренные румяным рассветом сквозь окна столбы Успенского собора, покрытые живописью. Откуда-то из глубины слышен голос дьячка, читающего часы.

У одного из столбов стоят Анна — княгиня Вяземская и старуха мамка.

Анна. Не буду больше сюда ходить... Столбы какие страшные... Лики святых глазастые... Хорошо в церкви низенькой,— здесь и святого духа на кумполе не видно. Чего молчишь, мамка?

Мамка. Слушаю тебя, княгинюшка, слушаю, дитятко.

Анна. Боюсь я Москвы... В деревеньку хочу... Прохлаждались бы там век без печали... В Москве и кукушка-то не кричит, одни разбойники свистят по ночам... А у нас на Истре сейчас — заря румяная, туман над речкой, кукушка в роще проснулась... Мамка, почему меня муж не любит?

Мамка. Любит он, моя княгинюшка, любит, касаточка.

Анна. Любил бы — дома ночевал...

Мамка. Служба царская неволит его, сердешного...

Анна. Голубиться хочу, ласкаться хочу... Жила без печали с батюшкой, с матушкой, с подруженьками... Для чего тогда замуж выдали?.. Глаза выплакивать у косящата окошка, на постылых воробьев глядеть? А он худой какой стал, мамка, бледный... Тоска у меня, не будет мне в Москве счастья...

Появляется Иван, в простом кафтане, руку с платком он держит у лица, закрывая лицо до глаз.

Мамка, опять этот человек, что за наказанье!

Иван по-положенному прикладывается к иконе, потом встает близко от Анны.

Мамка, у него глаза черные...

Мамка. А ты гляди на огоньки, лапушка, думай про доброе...

Анна. Помнишь,— нагадала мне про черные глаза?.. Мамка, а может, это — Кудеяр-разбойник, уйдем-ка лучше...

Мамка. Он смирно стоит, и кафтан на нем хороший,— купец какой-нибудь...

Анна. Мамка, как дышит, боюсь...

Мамка. Чай, горе какое, вот и дышит, бога просит.

Анна. Он на меня дышит, да глядит, да жарко...

Иван. Анна, не бойся меня...

Анна. По имени назвал...

Мамка. Господи помилуй!

И в а н. Голубка... Сердце себе ножом вырежу, тебя не трону, не страшись...

А н н а. Ох, грех какой, чего тебе надо-то? Помочь, что ли?

И в а н. Дитя безгрешное... Вели мне уйти, вели, вели...

А н н а. Лучше я уйду от тебя... Ты не хмельной ли?

И в а н. Любовным зельем опоен...

А н н а. Ой! Отойди от меня, бесстыдник...

И в а н. Огонь чрево пожирает,— сердце стонет... Искушение мое... Заря прекрасная... Царство небесное променивают на такую красу...

А н н а. Постой, ты про кого говоришь-то?

И в а н. Про тебя, невинная...

А н н а. Про меня? Ой, мамка, уйдем скорее...

М а м к а *(Ивану)*. Бесстыжий ты человек, а еще одет чисто...

Анна и за ней мамка уходят вперед, за колонны.

И в а н. Пойди, пойди, умойся росой, утрись светом...

Входит М с т и с л а в с к и й. Иван быстро проходит вперед, за колонны, вслед за Анной.

М с т и с л а в с к и й *(оглядывается)*. Поздненько, поздненько, надо бы уж им быть... *(Подпевает голосу дьячка, прикладывается к иконам.)*

Входит О б о л е н с к и й, также осматривается, крестится.

О б о л е н с к и й. Ты один, князь Иван Федорович?

М с т и с л а в с к и й. Человек какой-то еще здесь,— не наш...

О б о л е н с к и й. Отойдем к притвору... Ах, ах... Ночь я не спал, ворочался,— истома, докука...

М с т и с л а в с к и й. Всех нас думы гложут, Дмитрий Петрович...

О б о л е н с к и й. Ты посуди: село Бородино у меня отняли под опричнину, можайские вотчины на куски поделили, опричникам пожаловали, из города Дмитрова меня выбили. Ныне сижу, как пес голодный, на двух деревеньках, и те не отческие, а купленные... Землю мне, видишь ты, царь отвел за Рязанью,— пустоши великие в степи... Не поеду я за Рязань!

М с т и с л а в с к и й. Тише гуди, Дмитрий Петрович, тайну соблюдай...

О б о л е н с к и й. Князя Репнина царь вконец разбил и оголодил, да и зарезал потом... Мне что остается? Плюнуть ему в глаза, как князь Репнин,— разорил, нá теперь — режь меня...

М с т и с л а в с к и й. А тебе бы делать, как делает братец твой двоюродный, Иван Петрович Челяднин.

О б о л е н с к и й. А как это?

М с т и с л а в с к и й. Он вотчины свои жертвует монастырям и жертвенные листы пишет особенные,— не навечно, а на небольшой срок...

О б о л е н с к и й. Кто же его так надоумил?

М с т и с л а в с к и й. Князь Курбский ему письмо прислал, так посоветовал...

О б о л е н с к и й. Ох ти!

М с т и с л а в с к и й. Хоть не Ивану Петровичу, а уж детям его вернутся вотчины-то.

Входит Ч е л я д н и н.

Ч е л я д н и н. Князь Иван Федорович, князь Дмитрий Петрович, просил я вас быть к обедне поранее ради великого дела. Тайно приехал один человек с письмами от короля Сигизмунда Августа и князя Андрея Михайловича Курбского. Я эти письма читал и готов вам показать, да и сжечь их нужно...

О б о л е н с к и й. Приехал-то что за человек?

Ч е л я д н и н. Надежный. Он с Курбским тогда отъехал в Польшу,— Юрий Всеволодович Козлов, княжий постельничий... Послушайте его и удостоверьтесь,— воистину ли хочет Сигизмунд Август нам помочь.

Входит К о з л о в, одетый в суконный купеческий кафтан. У него сухощавое, злое, презрительное лицо с плоскими усиками и небольшой бородкой. Подойдя к Челяднину, он, не здороваясь, прикладывается к иконам.

О б о л е н с к и й. Он?

Ч е л я д н и н. Он.

К о з л о в *(говорит, глядя на икону)*. Все еще думаете, князья, бояре! А царь вам по одному головы сечет. На Земском соборе не могли отстоять мира,

войну приговорили. Спасибо! Московские купцы уж деньги собирают царю в кошель... А вы — потомки князей удельных — только рукавами машете,— ахти да ахти.... Смеются над вами в Польше и Литве...

Оболенский. Что ты! Над нами смеются?.. Врешь!

Мстиславский. Вольной шляхте легко смеяться. У нас рот запечатан.

Козлов. Все вы стали смердами царя Ивана, в шутовские колпаки обрядились...

Оболенский. Опомнись! Кому ты говоришь!.. Пес!..

Челяднин. Не кричи на него, Юрий Всеволодович от великой обиды говорит. Правду говорит...

Козлов. Хожу по Москве, земля сапожки жжет. На Красной площади — плахи да колеса на шестах — в чьей крови? В вашей, князья. Вами сыты вороны, галки московские,— крик-то какой птичий — уши заткнешь да прочь бежать! Один волостель на Москве — царь Иван с опричниками! Ах, стыдно! Ах, обидно!

Мстиславский. Творится небывалое,— все мы ждем конечного разорения.

Оболенский. Постыдил — и будет, без тебя сыты стыдом-то. Дело говори.

Козлов. Сигизмунд Август послал меня к вам и велел сказать: королевское ухо преклонилось к вашим страданиям, король готов помочь, ежели вы сами начнете...

Оболенский. Чего мы начнем?

Козлов. Мятеж.

Оболенский. Ахти! Мятеж!

Мстиславский. Трудное дело, опасное дело...

Челяднин. Не так, князья, не так. В одной Москве тысячи детей боярских можно посадить на коней; холопов, охочих погулять с ножом да кистенем, на каждом дворе — тьма... Только крикни: «Бей черные кафтаны!» Великий Новгород и Псков против Ивана встанут поголовно... Они давно к Литве тянут, таить нечего — Литва для нас не чужая. *(Указывая на Василия Шуйского, который медлен-*

но подходит.) Хотя бы за Шуйским, пойдут единодушно все замоскворецкие посады.

Шуйский. Как знать, как знать, пойдут ли,— не спрашивал... *(Зажигает свечечки.)*

Оболенский. Исполать тебе, Иван Петрович, если так говоришь,— тогда дело святое... Только надо — дружно в колокола-то ударить... Ты как, Иван Федорович, думаешь?

Мстиславский. Дружки мои, а ведь и в Византии императоров свергали, и ослепляли, и на растерзание черни бросали... Нам, чай, и бог простит...

Оболенский. От бога же издревле у власти стоим... А ему — Ивану худородному — кто власть давал?.. Черт ему власть дал... На опричниках сидит,— против этой скверны всю Москву поднимем.

Шуйский. А не поднимется Москва — как отвечать станем?

Оболенский. Как отвечать станем?

Челяднин. Что ты, Василий, пустое несешь. Поднимется Москва.

Козлов. А не подымется Москва,— я и один с тираном управлюсь,— при отъезде я благословение получил... *(Показывает нож.)*

Из глубины, из-за колонн, быстро выходят Анна и мамка.

Анна. Боюсь, боюсь, домой пойду, и не проси меня...

Мамка. Вот — люди, с ними побудем... Как же ты — не отстояла обедню-то?

Анна. Это — искуситель, мамка,— сроду я таких речей не слыхала... Ноженьки мои не стоят, головушка кружится... Нет, нет, не буду стоять обедни, на волю хочу...

Анна и мамка уходят. Во время их появления Челяднин, Козлов, Оболенский, Мстиславский и Шуйский осторожно, поодному, уходят вглубь, за колонны. Запевает хор. Появляется Иван, глядит вслед Анне. Из-за другой колонны быстро идет Козлов. Увидев Ивана, останавливается пораженный. Рука его лезет за пазуху.

Иван. Что глядишь на меня, человек? Слушай, слушай... *(Указывая в глубину, где поет хор.)* Воз-

любим и умилимся. Ибо живем для любови... И мучаемся, и мучаем, и душу свою надрываем, и бьем себя в грудь, и власы раздираем, и так хотим, ибо в великих страстях жизнь наша, и нет иной... Се человек...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Полуразрушенная, пробитая ядрами зала средневекового замка. Огромный очаг из грубых камней, где пылают обрезки бревен. Перед очагом — на сиденье, прикрытом медвежьими шкурами, сидит старый король Сигизмунд Второй Август, на нем — меховой кафтан и дорожные сапоги, под ногами — ковер. В стороне на полу — его латы и оружие. На коленях он держит самострел. В глубине залы — грубо сколоченный стол на козлах, уставленный оловянной посудой и кубками. По другую сторону очага сидит на обрубке дерева магистр Кетлер, в черном плаще, под которым виден панцирь. Магистр мрачно смотрит в огонь. Перед королем стоит Воропай.

Подвывает ветер, в пробоины виден рассвет. Время от времени под сводами залы кричит филин.

Сигизмунд. Не обращай на меня внимания, пан Константин, я не обрываю золотой нити нашей беседы, я лишь слежу за этим проклятым филином,— всю ночь он не давал мне закрыть глаз... Продолжай...

Воропай. Царь Иван Васильевич умен и просвещен, как никто другой. Его ум — особенный, русский, трудный для нашего понимания. Царь готов сидеть без сна за книгой всю ночь при тоненькой свече, и даже соколиная охота не часто прельщает его... Царские кладовые полны сокровищ не меньших, чем у царя индийского...

Сигизмунд. Черт возьми, я всегда ему завидовал! Откуда у него столько денег?

Воропай. Царь стал полновластным хозяином неизмеримых земель бывших вотчинных княжеств, которые он взял в опричный удел. Ему принадлежат два завоеванных татарских царства...

С и г и з м у н д. Он ловко устраивает свои дела, не то что мы с вами, магистр Кетлер.

В о р о п а й. Все мытные сборы, солеварни, торговля пенькой, дегтем и корабельным лесом, вывоз икры в католические страны — все идет в его казну... Сам же он часто довольствуется в обед звеном печеной рыбы, несоленым хлебом и ковшиком кваса...

С и г и з м у н д. О, варвар!..

В о р о п а й. Движения души его, как все в нем,— своевольны,— он предается иногда разгулу и тогда особенно и непонятно опасен.

С и г и з м у н д. С ним это тоже бывает? Т-с-с-с... *(Поднимает самострел.)* Птица дьявольски любопытна, сейчас я отлично ее вижу... Продолжай, пан Константин.

В о р о п а й. Он завершает дело, завещанное отцом и дедом: собрать и укрепить русскую землю. Он раздвинул границы московские от Урала до Варяжского моря; он создал новое войско из служилых людей — опричников и окружил себя преданными псами... Он возвысил царскую власть, уподобляясь византийским императорам, и на пути к самовластию его не останавливают ни родственные связи, ни святость старины. Одна мечта владеет его разгоряченным умом...

С и г и з м у н д. Стать новым Тамерланом, завоевателем вселенной... Старая сказка... *(Стреляет под своды.)* Ранен!..

К е т л е р. Убит, весьма меткий выстрел, ваше величество...

С и г и з м у н д. Вы мне льстите, магистр,— я, как всегда, промахнулся... *(Бросает самострел.)* Лучше выпьем вина...

Воропай наливает вина ему и магистру.

Какая же мечта владеет нашим любезным братом царем Иваном?

В о р о п а й. Он верит, что Московское царство должно стать источником добродетели и справедливости. Он неимоверно горд тем, что он — русский царь...

Кетлер. Хотел бы я заживо содрать с него кожу, да и возить по ярмаркам на потеху просвещенным народам...

Сигизмунд. Вы забываете, магистр, что царь Иван — помазанник и мой брат, и мечтать в моем присутствии о содрании с него кожи — не совсем учтиво. Итак, пан Константин?

Воропай. Царь Иван — умный и опасный враг, великодушный и верный друг...

Сигизмунд. И мой великодушный друг снова послал в Ливонию сто тысяч опричников и татар и заставляет меня дрожать от холода в дырявом замке... Он не хочет мира, черт возьми!

Воропай. За миром, сказанным тобой, царь Иван увидел лишь острие германского меча...

Кетлер. Разрази меня господь бог — ничего не понимаю... Я велел бы повесить такого посла...

Сигизмунд. Тогда — уйди от греха, пан Константин... Да пришли ко мне Юрия Всеволодовича Козлова, если он способен ворочать языком...

Воропай уходит.

Скучно, магистр...

Кетлер. Король, наш орден отдал Ливонию под твою державную руку не для того, чтобы московские гарнизоны продолжали осквернять наши замки и города...

Сигизмунд (*мешая кочергой угли*). Несомненно, несомненно...

Кетлер. Тысячи рыцарей стекаются со всей Германии на помощь нам... Сегодня мы сильнее, чем десять лет назад. Мы отвоюем у варвара святую Ливонию и нанесем ему такой удар, что Европа навсегда избавится от восточной угрозы...

Сигизмунд. И Европа будет тебе рукоплескать,— браво, браво... Разгром Московского царства развлечет многих. Увы, за последние годы история стала беззубой старухой... После ночи святого Варфоломея ничего как будто не случилось занимательного...

Кетлер. Король, приезжие рыцари требуют денег и кормов...

Сигизмунд. Мой денежный сундук к твоим услугам, магистр,— черпай из него, покуда не увидишь дно... Увы, я не так богат, как царь Иван... К тому же в жизни все пустеет — и сундуки с казной, и душа с ее желаньями... Скучно, скучно, магистр...

Кетлер. Благодарю, король... Позволь привести к тебе трех храбрых рыцарей, прибывших сегодня из Бранденбурга и Швабии.

Сигизмунд. Они голодны?

Кетлер. Им не терпится испытать крепость мечей на головах московитов. *(Отворяет дверь.)* Войдите, благородные рыцари...

Входят три рыцаря. На них грубые железные латы, неуклюжие сапоги и пыльные плащи, порыжелые от непогоды.

Сигизмунд. Великолепные бродяги!

Кетлер. Рыцарь фон Розен, рыцарь фон Штейн, рыцарь фон Вольф.

Рыцари подходят к королю и преклоняют колена.

Сигизмунд. Рыцарь фон Розен, бедный искатель приключений, по вашим сапогам и панталонам я вижу, что у вас больше желаний, чем золотых цехинов... И у вас дела не лучше, фон Штейн и фон Вольф. Не беда, вы молоды, тысяча чертей! За стол, рыцари!.. *(Встает, идет к столу.)* Набивайте желудки ветчиной и колбасами, заливайте вином адский пожар в кишках... Рассказывайте, скольких купцов вы ободрали ночью на лесных перекрестках, скольким девушкам развязали пояс на юбке, сколько раз и в каких именно магистратах вас собирались повесить? Пью за ваши волчьи зубы.

Кетлер. Рыцари, за здравие нашего короля!

Рыцари *(вскочив, кричат)*. Хох, хох, хох нашему королю Сигизмунду Августу...

Сигизмунд. Великолепная здравица! Не задумываясь, они признали меня своим королем. А ведь проезжай они немного далее на восток, чего поди, кричали бы здравицу моему брату, царю Ивану.

Кетлер. Никогда, храни нас бог!

Рыцари. Никогда, храни нас бог!

Кетлер. Король! Верность — святое знамя германского рыцаря...

Рыцари. Верность.

Кетлер. Ты посмеялся над ними, вспомнив, должно быть, о несчастном рыцаре Генрихе фон Штадене, ставшем опричником у царя Ивана. Король, вот письмо от Штадена. Он предлагает мне помощь. Будучи приближенным к царю, он узнал все входы и выходы, — как пройти через леса и болота к Москве и как всего проще побить московское войско. Для завоевания Московского царства понадобится не более десяти тысяч рыцарей, хорошо закованных в броню. Генрих фон Штаден пишет о сказочных сокровищах царя Ивана, которыми мы можем завладеть...

Рыцари. Хох, хох, хох...

Кетлер. Он предлагает для устрашения русских превращать в пустыню их землю, а пленных привязывать кверху ногами к бревну и, насадив их, как на вертел, по сорока и более человек, бросать с бревном в реку...

Рыцари хохочут.

Сигизмунд. Остроумно придумано... Чем еще позабавите меня?

Кетлер. Мы споем тебе славную песню рыцарей, идущих на восток.

Кетлер и рыцари *(поют)*.

Солнца адский огонь...
Шагает мой верный конь...
Рыцарю путь на восток...
Боже, как путь далек...
Стой! — зазвенел мой меч...
О шпору звенит мой меч...
Рыцарь, очнись — враг.
Шли ему вечный мрак.
И снова шагает конь.
Крепка у рыцаря бронь.

Входят Воропай и Козлов с обвязанной головой, в изодранном платье.

Сигизмунд. Продолжайте, продолжайте, рыцари, не обращайте на меня нимало внимания, шумите и пейте, как в придорожном трактире. *(Встает и отходит на свое место к очагу.)* Здравствуй, Юрий Всеволодович, долго ты гостил в Москве.

Козлов *(бросаясь к его ногам.)* Всемилостивейший король, в Москве меня опознали, я скитался по лесам, умирая голодной, озябая студеной смертью... С боем перешел границу.

Сигизмунд. Что скажешь о нашем брате любезном?..

Козлов. Царь Иван обрядил опричное войско новым оружием, привезенным из Англии и Голландии. Как чума, его войско несется по Ливонии. Он жаждет ныне всего христианского мира разорения. Гордости его и самовластию нет предела. Дьявол вселился в него. Опасность велика. Он — коварен, хитер, кровожаден...

Сигизмунд *(Воропаю)*. Кому мне верить,— ему или тебе?

Воропай. У людской молвы — глаза крота, уши осла и язык змеи.

Сигизмунд. Так будем верить тому, чему мы хотим верить. *(Козлову.)* В Москве перед самовластием царя Ивана склонились покорно — удельные князья и великовельможные бояре? Так ли?

Козлов. Нет, всемилостивейший король... Господь уже занес руку над бесчинством царствия его... В Москве, и Новгороде, и Пскове люди на площадях кричат: «У опричников-де собачьи головы у седла, то слуги антихристовы...» Князья и княжата сабли наточили и в пищали свинец забили, готовясь к мятежу... Многие тысячи холопей их, как верные псы, рвутся с цепи... Мы ждем только знака, знаменья твоего...

Сигизмунд. Юрий Всеволодович, и я ждал обещанного знамения, да и ждать перестал...

Козлов. Прости... Казни... Был я близко от него,— лишь руку протянуть... И нож зажал... Не смерти испугался, не лютых пыток... Из очей его вышел свет столь ужасный, как будто передо мной предстал Егорий Храбрый!

Сигизмунд. Кто?

Воропай. Святой Юрка. Так русские зовут Георгия Победоносца, поразившего змия...

Козлов. Колени мои застучали, нож выпал... Прости... Вели еще раз посягнуть... Выполню... Верь...

Сигизмунд. Я тебе ничего не велел, раб... Ниже греха брать на душу... Ступай на поварню... *(Встает, идет к столу.)* Рыцари, дарю мой кошелек тому, кто застрелит филина, мешающего вашему королю покойно спать... Позабавимся охотой. Затягивайте песню и — начнем...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На башне новгородского детинца. У зубцов, глядя вниз, стоят Василий Шуйский и Челяднин. Внизу крики и шум драки. Набатный звон.

Шуйский. Сбесились новогородцы! Весь день спокойно было,— на тебе: вдруг лавки закрыли, в набат ударили и — драка на мосту...

Челяднин. Как бы на башню сюда не влезли,— обдерут шубу, да и побьют еще,— ах, разбойники, ах, воры!

Шуйский. Мост трещит, как бьются... Эка сила ломит силу... Потеха!..

Челяднин. Чернь проклятая!.. Кто их мутит противу нас?..

Шуйский. Не в нас дело, Иван Петрович. Подожди, кричат...

Челяднин. Чего кричат?

Шуйский. За шумом плохо слышно...

Входит разъяренный митрополит Пимен, за ним — три служки. Он останавливается около зубцов и глядит вниз.

Челяднин. Владыка, из-за чего спор поднялся?

Пимен. В Новегороде от века повелось — дела и споры на мосту решать кулачным боем меж стороны Торговой и Софийской...

Шуйский. Ломит наша сторона... София ломит!

Челяднин. Владыка, не для того мы в Новгород пришли, чтобы кулачными боями тешиться... Единодушия хотим от вас... Скажи им высокое слово, уйми брань...

Пимен. Единодушия нет... Люди соблазнены. Вышли из воли нашей... *(Тихо.)* Прокляну...

Шуйский. Про Литву кричат... Из-за Литвы у них спор...

Челяднин. Что им до Литвы?.. Сидели б смирно...

Шуйский. Кричат — «измена»...

Пимен. Измена? Кому измена? Богу? С богом денно и нощно мы пребываем... Лишь в бесовском Ивановом царстве не хотим быть...

Быстро входит воевода — князь Острожский.

Острожский. Мятеж! Вся Торговая сторона встала за Москву... Черт им какой-то в уши нашептал...

Челяднин. Да чего хотят-то они?

Острожский. В Софию пробиться, к собору... Чтоб им мощи святого Антония показали... *(Челяднину.)* И жернов, великий камень, на коем святой Антоний в мимо прошедшие времена приплыл по Волхову,— и жернов им подай...

Шуйский. С Торговой стороны еще бегут, да дюжие какие... «Мощи, кричат, мощи покажи...»

Челяднин. Владыка, подними мощи святого Антония, пусть чернь узрит...

Острожский. Нет мощей в соборе... Увезены...

Челяднин. Святыня новгородская увезена из Софии! О, господи! Куда? В Литву, что ли?

Острожский. Куда увезены — то дело тайное...

Пимен. Пусть царь Иван в смолу кипящую ввергнет меня,— мощей святого Антония ему не отдам...

Челяднин. И жернов, великий камень, увезен?

Острожский. Утоплен в знаемом месте.

Челяднин. Ай, ай, ай, поторопились вы...

Острожский. Иван Петрович, у нас уже и грамоты польского короля и гетмана литовского под алтарем положены... Ждали — вот-вот придет князь

Курбский с войском вызволять нас из московского ига...

Челяднин. Литва не поможет сейчас,— связана войной... Надо начинать самим, не мешкая. В Ильин день ударим в набат единодушно в Москве, в Новгороде и Пскове... Мы готовы, вы не робейте...

Шуйский. К мосту человек идет,— здоров, ох здоров! — подпоясан, рукавицы натягивает, плечами переваливается... Этот позабавится на мосту...

Острожский *(глядит вниз, с тревогой)*. Владыка, Васька Буслаев подходит... За ним — его ватага... Не выдержим...

Пимен *(оборачиваясь к служкам)*. Ванюша, Костка, Микитушка, снимите-ка подрясники да скуфейки, сбегите вниз, подсобить нужно,— потешьтесь.

Трое служек торопливо кланяются в ноги Пимену, приговаривая: «Благослови, владыка»,— и, на ходу стягивая подрясники, сбегают через пролом башни. Крики и шум драки сильнее.

Шуйский. Буслаев стену ломит, дьявол!

Челяднин. На вашей стороне неужто нет богатыря?..

Острожский. Владыка, благослови закрыть ворота... Придется раздать оружие...

Пимен. Делай по совести.

Острожский идет к пролому. В это время взрыв криков. Из пролома на площадку башни выскакивает Буслаев в разорванном кафтане и собольем колпаке, сбитом иа ухо.

Острожский *(отступая перед ним)*. Буслаев, Васька! Не озоруй!

Буслаев. Кого тут бить?

Пимен *(поднимая крест)*. Пади ниц, шалун!

Буслаев *(валится ему в ноги. Поднявшись, целует крест, вырывает крест из руки Пимена и сует Шуйскому)*. На, княжонок, подержи. *(Пимену.)* Теперича бить можно тебя? Чертушка! Зачем Новгород продаешь?

Острожский *(кидается на него с шестопером)*. Давно я тебя ищу!

Буслаев *(вырывает у него шестопер и также сует Шуйскому)*. Подержи. *(Острожскому.)* Давай рассудимся на кулаках, по чести. Бей первый, воевода.

Острожский. Вор! *(Со всей силой ударяет его.)*

Шуйский во время драки скрывается в пролом.

Буслаев *(пошатнувшись от удара)*. Ой, светушки, не могу, ступил комар на ногу. А ну! Вдарь еще, князь Острожский. Боишься? Теперича, аз, купец молодой, буду тебя судить по-божьи. Эх, что-то плечико мое не разворачивается... *(Замахивается.)* А ну-ка, перед смертью скажи, воевода, за сколько серебреников святыню продал?

Острожский. Не глумись, бей, ушкуйник!

Пимен *(встает между ними)*. Что уподобляешься бесподобным опричникам яростивого царя Московского? Чадо неразумное! Не о вас ли, не о Новгорода ли мимошедшей славе плачем мы кровавыми слезами. Вольные! Неволя уготована вам, топор да плаха.

Буслаев. Ох, светушки, испугался-то я как, владыка. Это кто же меня на плаху пошлет?

Пимен. Царь Московский! Уготовил он всем истому вечную... Что вы, малоумные, о Польше и Литве шумите? Вертоградом зеленым зацветет Новгород под Литвы державной дланью. Вкусим от мира и благолепия... Опричников ждете? Укусят они вас больно песьими зубами... Не шали, Василий... Иди-ка на площадь, кричи, собирай ватагу... Копья изострите, щитами прикройтесь, становитесь крепко в воротах новгородских... Забудем, братия, междоусобие, един у нас враг.

Челяднин. Аминь!

Буслаев *(Пимену)*. Шалун не я,— ты шалишь, владыка... Вот тебе мой ответ: мощи святого Антония и его каменную лодку покажи тут же, сейчас, либо тебя будем метать с этой башни в Волхов и воеводу Острожского и бояр московских покидаем туда же. *(Подходит к пролому, свистит.)* Ребятушки, детушки, сюда, наверх, в детинец! *(Возвращается к Острожскому.)* Стой теперь крепко.

Острожский *(схватывает из кучи оружия алебарду)*. Ребятушки твои за воротами остались. *(Кричит.)* Ко мне! На помощь!

Из пролома выскакивают служки: Ванюша, Костка и Микитушка, дети боярские и Шуйский.

Вяжи ему руки!

Буслаев. Да ну? А ведь я дался... Ой, горе горькое, побили, связали купца молодого, растрепали ему русые кудри. Берите меня... *(Кидается на вооруженных, расталкивает их и через зубцы спрыгивает с детинца.)*

Внизу рев толпы.

Шуйский *(кидается к зубцам и глядит вниз)*. Дьявол! Прямо в Волхов прыгнул.

Острожский. Стреляй! *(Выхватывает у одного из вооруженных лук и несколько стрел и, подскочив к зубцам, стреляет.)*

Челяднин *(останавливает его)*. Князь Григорий, не гоже так, не надо, уйми гнев, не дразни чернь...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Русский лагерь в Ливонии. Густой туман. Около царского шатра на пнях сидят подьячие и, положив на колено бумагу, пишут. Дьяк Висковатый, в накинутом на плечи нагольном тулупе, диктует им. Около него — воеводы: Никита Романович Юрьев и Иван Федорович Мстиславский. В глубине, в тумане, слышен скрип колес, голоса, окрики, ржанье коней.

Юрьев *(Висковатому)*. Крепость-то мы осадили кругом, да начинать опасно,— видишь, какой туман, своих побьешь. Вот прояснит, тогда ударим из больших пушек и полезем на стену...

Висковатый. Эх, Ливония,— одна-то сырость. И лагерь же выбрали где поставить... Ни сесть, ни лечь, ни богу помолиться...

Юрьев. А что в Москве слыхать, Иван Михайлович?

Висковатый. В Москве — смирнехонько... *(Подьячим.)* Рты разинули! Пишите... *(Диктует по грамоте.)* «Ногайские татары — наги и бесконны и тебе не помогут, напрасно нам грозишь ногайцами. И султан турецкий тебе не помощник,— султан ходил в прошлом году на Астрахань, да ни с чем и вернулся, только войско притомил и людей приморозил». *(Стукает одного подьячего тростью по голове.)* Чего язык высунул! Пиши — татары — твердо-аз-твердо-аз-рцы-еры,— татары...

Юрьев. Крымскому хану пишете?

Висковатый. Хану, хану... Ссорим его с турским султаном и с польским королем. Как вы опять в Ливонию полезли,— польский король ему, Девлет Гирею,— тридцать шесть телег прислал всякой рухляди и просит дружбы. Девлет Гирей написал поносное письмо государю — требует, чтобы мы посадили в Казани царьком его сына Адыл Гирея, а не посадим — грозит прийти на Оку и Москву сжечь...

Юрьев. Крымский хан любит того, кто больше ему даст,— тот ему и друг...

Висковатый. Истинно, Никита Романович... *(Диктует.)* «...Тебе, хан Девлет Гирей, об Астрахани да Казани нам не поминать. Бог нам эти царства дал в бережение, и мы — сам знаешь — сидим на коне, и сабля наша изострена. Мы государи великие и бездельных речей слушать не хотим. Государи между собой ссылаются поминками, а городами да царствами не ссужаются,— этому статься нельзя. Польский король тебе послал поминки, как холопу своему. Зачем ты их взял? Попросил бы у меня, чего тебе не хватает,— я бы дал без корысти, как другу...»

Юрьев *(смеется)*. Письмо государь творил?

Висковатый. Никому не доверяет, все сам. *(Подьячим.)* Пишите... Девлет,— добро-есть-веди-люди-есть-твердо-ер...

В глубине появляется Годунов и, обернувшись, кричит в туман.

Годунов. Пушкарям, когда стенобитные пушки поставят на месте, по чарке водки... *(Висковатому.)* Иван Михайлович, меня спрашивали?

В и с к о в а т ы й. Обожди... Буки-он-глагол-ер — бог...

Г о д у н о в *(Юрьеву)*. Никита Романович, дозволь молвить.

Ю р ь е в. Ты, опричник, чего спрашиваешь?

Г о д у н о в. Будто бы к нам Васька Шуйский ночью пришел с мужиками — конно и оружно? Дивлюсь...

Ю р ь е в *(кивая в туман)*. Вон он — тебя ищет.

Годунов отходит в том направлении.

В и с к о в а т ы й. Кого нам в Дикую степь послать большим воеводою? Точат, точат сабли в Бахчисарае. Войска у нас в степи мало, нужен человек тяжелый.

Ю р ь е в. По родословцу большим воеводой в степь ехать князю Ивану Федоровичу Мстиславскому.

М с т и с л а в с к и й. Нынче не по роду честь, а кто побойчее — тот тебе и на шею сел, тот и величается. Велели быть в степи воеводой Ваське Грязному! Мужику! Конюху! Мы и руками развели. Спасибо хану, что Грязного в плен взял. Да я, да после Васьки? Смеешься надо мной, Никита Романович.

Ю р ь е в. Мы все строптивы, князь Иван Федорович, да сила солому ломит.

М с т и с л а в с к и й. Не поеду в степь...

В глубине сцены Ш у й с к и й, подходит к Годунову.

Ш у й с к и й. Здравствуй, Борис Федорович.

Г о д у н о в. Ты зачем приехал в лагерь?

Ш у й с к и й. Погулять на коне с вострой саблей, Борис Федорович.

Г о д у н о в. Ишь какой прыткий. Сидел бы лучше дома со своими князьями-то...

Ш у й с к и й. С удельными мне не по пути стало, Борис Федорович. Смердят. А я жить хочу. У государя выслужиться хочу какой ни на есть службой... Был я в Новгороде. Вот страх-то. Едва ноги унес. Да оттуда, проезжая батюшкиными вотчинами, пригнал вам полтораста мужиков добрых в помочь.

Г о д у н о в. Ох, не знаю, кого ты перехитрить хочешь...

Шуйский. Верь мне, Бориска... Хитрые-то вам нужны, глупые — не нужны... Помнишь, у Опричных ворот ты на мне кафтан рвал... А ведь мы тогда с тобой договорились,— счастье вместе искать...

Годунов. Ну? Ты чего знаешь? Говори...

Шуйский. Да — говорить ли? Ведь руки, ноги дрожат. Про Москву, про Новгород ничего здесь не слыхали,— какие там чудеса готовятся?

Годунов. Какие чудеса?

Шуйский. Отойдем подальше.

Уходят. В тумане вспыхивает тусклое пламя, раздается пушечный выстрел.

Юрьев. С крепости ударили.

Мстиславский. Взяли крепость, отдали, опять возьмем и опять отдадим... О господи, когда конец-то?

Со стороны шатра появляется Иван. У него поверх кольчуги накинута баранья шуба. Поднимает голову.

Иван. Ветерок?

Юрьев. Нет, государь, тихо. Это ядро пролетело, и ветви зашумели.

Иван. Воевода, мне ветер нужен!

Юрьев. Ждем,— солнышко повыше поднимется, тогда потянет.

Иван. Вели готовиться. Чтоб лестницы осадные в руках держали. У гуляй-города колеса смазать, а то дюже скрипят. У каждой пушки поставить бочку уксуса и поливать, не уставая,— стрелять будем докрасна... Войска благословили?

Юрьев. Нет еще, государь.

Иван. Благословить войска...

Юрьев. Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Иван *(останавливает Мстиславского)*. Князь Иван Федорович, помирись со мной. Перед смертным часом рубаху чистую надень, и душа будь чиста...

Мстиславский. Пригинаешь ты нас, государь, как ветер сухую траву.

Иван. Нужно пригинать-то вас, Иван Федорович... Вам трудно, и мне — трудно... Вернемся в Москву, опять будешь первым, а здесь уступи Юрьеву...

Мстиславский. Государь, в родословце будет отмечено, что я ниже Юрьева был...

Иван. Сам в родословце помечу, что ты выбивался, а я волю твою сломал...

Мстиславский. Ломай, ломай древний лес, государь... Тебе виднее... *(Уходит.)*

Иван *(Висковатому).* Скорописца мне.

Висковатый *(одному из подьячих).* Касьян!

Касьян живо кланяется в ноги Ивану, поправляет висящую на шее чернильницу, ловко из-за уха достает свежее перо, из-за пазухи — свежий свиток пергамента.

Иван *(Висковатому).* Иван Михайлович, выкупать мне у хана воеводу Ваську Грязного, или пускай еще потомится в плену?

Висковатый. Человек-то он храбрый и верный.

Иван. Храбрость — дорога, а верности и цены нет, так, что ли? Много ли у меня верных? Их бы всех собрать, как лалы и алмазы,— украсить ими державу нашу. Души человеческие в тумане вокруг нас бродят... В тумане путь наш... *(Подходит к скорописцу.)* Пиши. «Ты мне отписываешь, Грязной, что по грехам взяли тебя крымцы в плен. Надо было тебе, Васюшка, без пути средь крымских улусов не ездить; ты, что ли, думал: в объезд поехал с собаками за зайцами? Или думал — в Крыму будешь шутить, как у меня, стоя за кушаньем. Ты сказываешься великим человеком; что греха таить,— мы вас, мужиков, к нам приблизили, надеясь от вас службы и правды. Только, видно, крымцы не так крепко спят, как вы, умеют вас, неженок, женок, ловить. Стыдно, Васюшка. Мы перед ханом не запираемся, что был ты у нас в приближении, и с великой досадой дадим за твой выкуп две тысячи рублев, а до тех пор такие, как ты, по пятьдесят рублев бывали...» *(Скорописцу.)* Дай перо... *(Подписывает письмо и — Висковатому.)* Пошлешь в Бахчисарай с Годуновым.

Висковатый *(подавая ему другие письма).* Подпиши хану, государь.

Иван *(проглядывая письмо).* Буде хан спросит Годунова: кто у нас в степи большим воеводой? В грамоте того не сказано.

Висковатый. Быть старшему по месту князю Ивану Федоровичу Мстиславскому.

Иван. Глуп он, дремуч и неповоротлив...

Висковатый. Да роду-то уж больно знаменитого... Его отец и дед татар били жестоко...

Иван. Будь так, впиши воеводой Мстиславского. *(Взглянув на появившегося из тумана Малюту.)* Ветер мне, ветер подай, Малюта...

Малюта. Государь, беда большая...

Иван. Говори...

Малюта. В крепости сидит противу нас в осаде твой зять, принц датский Магнус.

Иван *(вскрикивает, точно его ужалили)*. Не верю!

Малюта. Ночью, как в крепость пробился обоз с хлебом, я мужика одного с телеги сбил и въехал в ворота, на базар. Все сведал. В крепости рыцарей-броняносцев — три тысячи, да латников с огненным боем тысяч десять. Пушечного зелья у них много, и хлеба запасено...

Иван. Ты видел Магнуса?

Малюта. На городской стене перед ним несли королевскую хоругвь, и рыцари, бывшие с ним, руку ему целовали.

Иван. Не верю. Глаза твои обманули... Магнус с нашим войском стоит под Ревелем.

Малюта. Был. А как немцам сюда подходить,— бросил войско и прискакал сюда и племянницу твою, принцессу, с детьми привез. Ждали, что он будет оборонять город,— он сразу отворил ворота немцам и наших осадных людей всех им выдал...

Иван. Выдал, предал принц датский... *(Притянув к себе Малюту.)* Ну, а ты мне верен? Как душу мне твою увидеть? Совесть ощупать? Ведь я тебя, раба, ни золотом, ничем не одарю... Верен?

Малюта. Государь, о верности разве спрашивают,— чай, грех.

Иван. Приведи мне Магнуса... Сам лезь на стены... Пробейся к нему... Возьми живого...

Снова вспыхивает свет и грохочет пушка.

М а л ю т а. Достану, приведу живого... Поди взгляни, войска готовы, и фитили горят у пушкарей, и стрелы на тетивы наложены.

Иван и Малюта идут в глубину, в туман. Из шатра, поставленного по другую сторону сцены, выходит В я з е м с к и й, глядит в сторону уходящего с Малютой Ивана.

В я з е м с к и й. С дружком своим не расстается...

В и с к о в а т ы й. Поздно спишь, Афанасий...

В я з е м с к и й. Да сырость проклятая, разломило, ноют раны мои...

В и с к о в а т ы й. А зачем озорничаешь — без спросу шатер близко царского шатра поставил?

В я з е м с к и й. Иван Михайлович, ведь скучно стоять на болоте-то с лягушками. А ко мне вчерась жена приехала.

В и с к о в а т ы й. Сомневаюсь — хочет ли государь видеть тебя близко...

В я з е м с к и й. А вы все тому и рады, что государь меня ознобил! Псы цепные! Чем я перед ним провинился? Не лаской веет, в глаза не допускает взглянуть. За что? Бывало — Афонька да Афонька, часу без меня не мог... Что ж я — опальный?

В и с к о в а т ы й. А жену возишь за собой зачем? По турецкому обычаю, что ли?

В я з е м с к и й. Да скучает без меня, глупая,— все плачет...

В и с к о в а т ы й *(подьячим)*. Кончили? Ступайте кашу есть, опосля скличу.

Подьячие уходят.

С огнем играешь, Афанасий, не сносить тебе головы. *(Уходит.)*

В я з е м с к и й *(вдогонку ему)*. Погоди — рано меня хоронишь... Как бы опять не стал у меня блюда за столом лизать!..

Из глубины возвращается И в а н.

И в а н *(Вяземскому)*. Почему ты не на коне?

В я з е м с к и й. Великий государь...

Иван. Ступай к своему полку... *(Оглянув его, злобно усмехнулся.)* Иди к Малюте, скажи,— велю тебе быть с ним, когда на стены полезете... Щитом его прикрывай,— за каждую его рану ответишь. А убьют тебя, красавца, церковку на костях поставлю...

Вяземский. Великий государь.

Иван. Иди...

Вяземский. Позволь челом бить на последней милости... Болен я, саблю едва могу поднять... Убьют — так уж ты не оставь ее-то... Призрей ее-то... Как отец родной. Она ведь как дитя малое...

Иван. Афонька! Ты чего путаешь?

Вяземский. Чую, сложить мне голову... Для того и велел привезти ко мне государыню-княгиню мою...

Иван. Анну!

Вяземский. Анну, Анну...

Иван. Где она?

Вяземский. В шатре.

Иван. В шатре? Своей волей приехала?

Вяземский. Сама, сама пожелала. У нее ведь ни отца, ни матери,— сиротка... Она, как птичка, к гнездышку жмется...

Иван. Отдаешь ее в дочери мне? А ну, как я отец окажусь дурной,— ее не по-отцовски начну ласкать?

Вяземский. Господи, она — дурочка, на всякую ласку согласна...

Иван. Так и сговорились с ней, что согласна?

Вяземский. О чем гневаешься-то?.. Не понимаю, государь...

Иван. Все понимаешь!.. Змий!.. Сводник, растлитель!.. Жене твоей, что ли, медной крышей терем покрыть? Покрою... Ожерелье жемчужное в два пуда на шею повесить? Повешу, чтоб удавилась... Продал, продал непродажное... Или не поверить тебе? Своему виденью верить?

Вяземский *(шепотом)*. Мне для тебя-то разве чего-нибудь жалко? Самое дорогое отдаю... И чиста, и кротка, и бела... Зайди в шатер, поговори с ней...

Иван. Нет, Афанасий... Не пойду в шатер,— я мертвый... И тебе тоже нехорошо быть живым...

Вяземский. Государь, я же по глупости если что сказал... Смилуйся...

Иван. Не кричи... Умирай тихо... *(Левой рукой схватывает его за лицо, правой прижимает к себе с такой силой, что Вяземский задыхается.)*

Из шатра появляется Анна. Кидается к Ивану, отталкивает его, обхватывает руками мужа.

Анна. Кто ты — у меня мужа отымать! Уйди, злой человек... *(Обернув голову, глядит на Ивана,— вскрикивает.)* Он! Это он!

Вяземский. Тихо, тихо, Анна...

Анна *(Ивану)*. Черными глазами не сверкай... Царь... Казни нас обоих...

Иван. Анна, подойди ко мне...

Вяземский. Ну что уцепилась, глупая... Подойди к государю...

Иван. Аннушка, подойди ко мне.

Она отпускает мужа и, притянутая взглядом Ивана, подходит к нему. Иван низко ей кланяется.

Милая, красе твоей кланяюсь...

Анна. Иван Васильевич, не надо, нехорошо... *(Обернулась к мужу, но он ушел в шатер.)*

Иван. Успеешь к мужу... Побудь еще. Глядеть на тебя — сердце стонет... Какими словами обласкать тебя, голубка? Во сне блаженном такие-то живут...

Анна. Ох... Что ты так-то убиваешься... Чай, мне жалко... Стыдно мне... Ах, батюшки...

В это время — усиливающийся шум ветра в вершинах сосен. Из тумана — крики: «Ветер, ветер, ветер!»

Иван. Дивно, Анна!.. Ты вышла из шатра — и развеялся туман... Счастливая... А я еще не мертв, не жалей меня, не стыдись, что мучаешь. Слышишь, ветер,— знак добрый...

Крики, звон оружия. Туман развеивается клочьями, сквозь них проступают зубцы башен. Тяжело ударяют русские пушки. Из шатра выбегают Вяземский в шишаке и кольчуге, пристегивая саблю.

Вяземский. Анна!

Анна не оборачивается, глядит на Ивана. Он, как кулачный боец, уперся в бока, следит, как в тумане проходят ратники с лестницами, другие — тащат гуляй-город. Трубы, грохот пушек. Из-за царского шатра выбегают опричники, среди них — Басманов, Суворов, Темкин.

Басманов. Эй, конюхи, коня государю!

Темнота. Снова — свет. Солнце висит низко. Над башнями — черный дым пожара. Из царского шатра слуги вынесли и поставили на ковер золоченый стул с орлом на спинке, с грифонами наместо подлокотников. Трубят рога, литаврщики бьют в огромные литавры, похожие на котлы. Приходят воины с добычей и складывают ее у царского места, около которого стоит Висковатый. На другом конце сцены у своего шатра стоит Анна.

Висковатый *(ратникам)*. Дрова сваливаешь? Клади бережнее. Положил, имя сказал писцу и отступи в сторонку,— никого не забудем... *(Кому-то — невидимому за кустами.)* Сотник, присматривай, чтобы шлемы с головами не приносили, головы бы из шлемов вынимали и прочь выбрасывали... Эка, варвары!..

Анна *(глядя в сторону крепости)*. Вон он! Как молния, сверкнул! Конь под ним прыщет, рвы, канавы между копыт пускает. Стал у ворот, конь в землю по колена врос,— вот как его конь встал у ворот. Пленные все ниц упали, стяги, знамена перед ним наклонилися... А он — грозен — глядит, на шлеме солнце горит...

Висковатый. Чего ты, княгиня, как из сказки причитываешь? Ушла бы в шатер.

Анна. У его у буланого коня дым из ноздрей, пламя изо рта,— видела своими глазами.

Висковатый. Нынче государь грозён. Победа большая. Пощады городу нет,— не то что в прошлые годы...

Анна. Повернул коня, опять скачет.

Висковатый. А ты все-таки уйди,— бабе здесь не место: народ разгоряченный. Собери мужу попить, поесть, а поглядишь в щелку.

Анна уходит в шатер. Входит Басманов с черным знаменем, на котором нашит белый крест.

Басманов. Куда поставить?

Висковатый. Прислони к стулу.

Басманов. Где у тебя писец? *(Обернулся к писцу.)* Пиши: десятник первой опричной сотни, Федор Басманов, с бою взял знамя магистра ливонского.

Висковатый. Хвастай умеренно, Федор.

Басманов. Ладно. Причем при взятии знамени двух рыцарей-знаменосцев рассек на-полы...

Входит Суворов, гоня перед собой на аркане трех рыцарей: Розена, Штейна и Вольфа.

Суворов. Налетел на них, понимаешь, как закричу по-татарски, одного сбил конем, другого — булавой по башке, он и руки раскинул, грохнулся с седла, третьего сдернул арканом... Ахнуть не успели — я их скрутил. Где писец?

Висковатый. Рыцари или так — латники?

Суворов. Латники! Эх ты, чернильная душа! Первейшие германские рыцари,— королевских кровей... *(Рыцарям.)* Гляди веселей,— чего там! Опосля поднесу зеленой, русской, по чарке...

Рыцари кивают ему, повторяя: «Русский — хорошо, водка — хорошо».

(Толкает их к писцу.) Говорите имена, дьяволы...

Входит Темкин, волоча Козлова.

Темкин. Злого черта добыл! Всю кольчугу на мне иссек саблей. *(Писцу.)* Имени он не говорит, пиши приметы. Это птица особенная.

Козлова замечает Шуйский и протискивается ближе к нему.

Темкин *(Козлову)*. Ты кто — поляк, литовец, русский?

Шуйский *(Темкину)*. Убей его, это вредный человек.

Темкин. А ты поди сам — добудь такого, тогда распоряжайся.

Входят Малюта и Вяземский с завязанной головой, они ведут Магнуса, у которого на шлеме — корона, на плечах — плащ с горностаем.

Вяземский. Принц датский Магнус,— взят мной и Скуратовым...

Висковатый *(горестно)*. Принц Магнус, что ты сделал?

Магнус. Я король этой несчастной страны! Развяжите мне руки. Это неприлично!

Висковатый. Развяжите руки зятю государеву.

Малюта *(развязывая ему руки)*. А государя обманывать прилично?.. Эх, принц, принц... Не шали, стой смирно...

Магнус. О, какой вздор! Я отказываюсь что-либо понимать!

Малюта. Сейчас поймешь!

Появляется Иван — разгоряченный, весело оскаленный. Садится на стул, ставит саблю между колен и, наклонившись, глядит на Магнуса.

Иван. Поздорову живешь, зятек?..

Магнус. Великий государь, я пришел оправдаться.

Иван. Спасибо... А я думал — принес мне ключи от Ревеля. *(Протягивает руку.)* Где ключи? Дай...

Магнус. Не по моей вине не был взят Ревель. Ты велел быть при войске дуракам: Иоганну Краузе, Иоганну Таубе, Францу Вахмейстеру и Юргену Ференсбаху,— это хорошие военачальники за пивной кружкой. Они продали твою службу шведскому королю за две тысячи марок. Ночью они зажгли русский лагерь, и с ливонским полком, в котором все до одного — разбойники и бродяги, как вот эти рыцари, ушли черт их знает куда. Русские полки выбежали из горящего лагеря, и я остался один... В большом страхе я прискакал в этот город...

Иван *(Висковатому)*. Врет?

Висковатый. Нет, не врет, государь — так было под Ревелем.

Малюта. Не врет, но главное утаивает.

Иван. Посадил я тебя королем в Ливонии, прекрасный город этот дал в столицу. А ты ворота отворил моим лютым врагам. Затеял со мною брань.

Изменой и хитростью хочешь отнять у нас кровью завоеванное! Что мне с тобой делать? *(Глядит на него, на опричников, останавливает взгляд на Малюте.)*

Малюта. Кончать, государь?..

Иван *(Магнусу)*. Стань на колени, твое королевское величество.

Магнус. О нет! Тебе этого не простят. Не унижай меня перед мужиками... Не надо...

Иван. Пустое,— нас и без того все короли бранят...

Висковатый *(наклонясь к уху Магнуса)*. Вымаливай свою голову...

Иван. Не прибудет тебе чести, что не хочешь у меня в ногах поваляться... Магнус, Магнус, где твоя честь? Потерял ее, потеряешь и голову... *(Быстро нагнулся, сорвал с него корону, швырнул на землю, крикнул.)* Кончай его, Малюта!

Магнус *(упал на колени)*. Виноват... Прости... *(Хватает его за ноги.)* Дьявол попутал... Пощади...

Козлов *(исступленно)*. Стыдно! Варвара безумного колена обнимать! Встань, принц датский!

Все отшатнулись от Козлова, только Шуйский остался близ него.

Шуйский *(негромко)*. Откуси себе язык.

Иван *(ищет глазами, кто крикнул, и встречается со взглядом Козлова)*. Ты крикнул? А ведь я тебя знаю... Не тебя ли я в церкви по голове погладил? Вот ты кто?

Козлов. Не боюсь тебя! Мучитель человеков! Над бесами владыка, ибо сам бес...

Иван. Погоди, погоди... Ведь тогда мы с тобой не договорили... Подведите его ближе...

Козлов. Порази меня жезлом... Варвар! Ничего тебе не скажу... Язык мой вырви,— слова от меня не узнаешь. На тебе мой язык!

Козлов втягивает голову в плечи и, помогая себе рукой, откусывает язык и выплевывает его к ногам Ивана. К Козлову кинулись опричники, окружили, повели.

Иван. Видишь, Магнус, легко ли мне быть государем? Русские люди яры, ни мук, ни смерти не бо-

ятся: ишь — язык откусил, чтобы товарищей своих не выдать... А чести у него, изменника, больше, чем у тебя... Малюта, возьми его под стражу, пусть поразмыслит над своей совестью...

Магнус. Великий государь, искуплю вину...

Иван *(Годунову)*. Подними корону, отдай ему для ношения... Не будь ты сыном любезного брата нашего Христиана — я бы осерчал не так.

Магнуса уводят.

(Взглядывает на трех рыцарей). А эти кто?

Суворов. Мой полон, государь,— с одного наезда — трое...

Иван. Имена их?

Суворов *(справляясь у писца)*. Рыцарь Фриц Розен, рыцарь Вольдемар Штейн, рыцарь Ганс Вольф... Прынцы,— чего там!

Иван. Хотят ли они служить у нас?

Суворов *(Висковатому)*. А ну-ка, спроси их по-немецки.

Висковатый *(рыцарям)*. Великий государь хочет простить вам службу у польского короля и спрашивает, согласны ли вы своею волей служить царю русскому без воровства и отъезда?

Рыцари *(живо переглянулись, повеселели и, преклоняя колена, закричали)*. Хох, хох, хох! Царь Иван Васильевич!

Иван *(Висковатому)*. Хорошо. Скажи им, что я не беру их на службу. *(Годунову.)* Борис! Повезешь хану письма, так заодно подаришь ему этих рыцарей. Посади их на телегу добрую, да чтоб не отощали в дороге. Хану скажешь, что-де кланяюсь ему тремя рыцарями, а понравятся — и еще пригоню. За них немалые деньги выручит хан Гирей...

Годунов. Большого выкупа не выручит, государь,— на Неметчине нынче голодно, рыцарь дешев.

Иван *(сходит с трона)*. Афанасий, сходи попроси княгиню,— жажду, милости прошу — поднесла бы мне меду своими руками.

Вяземский быстро уходит в свой шатер.

(Подходит к Шуйскому.) Не думай, что я глух. Как имя тому, кто язык себе откусил?

Шуйский. Обезумел я, государь, как он тебя, святыню, бранить стал поносными словами...

Иван. Имя скажи.

Шуйский. Козлов, родственник Андрея Михайловича Курбского... Государь, Борису Годунову все известно...

Годунов. Дело тайное и страшное, государь... Шуйский всех выдал...

Иван. Подожди. Не огорчай меня.

Из шатра выходит Анна с подносом и чашей. Иван стремительно оборачивается к ней.

Анна. Милости прошу, государь Иван Васильевич, испей во здравие...

Иван подходит к ней, опустившей глаза, берет чашу, жадно выпивает, бросает чашу на землю.

Иван. Спасибо, счастливая... *(По обычаю целует Анну в губы три раза и еще раз так, что у нее дрожат руки и колени.)*

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Низкий сводчатый подвал на кирпичных столбах. В глубине — мрак. На переднем плане, на лавке у приземистого стола, сидит Иван, закрыв рукой глаза. Перед ним — свеча в железном светце и много листов с показаниями. С краю стола сидит Малюта и читает вполголоса по листу, относя его далеко от глаз.

Малюта. Боярин Бутурлин, Андрей Андреевич, вооружил дворовых холопов более сотни... Окольничий Нарышкин, Василий Степанович, вооружил дворовых холопов восемьдесят душ, некоторых же — огненным боем... Боярин Салтыков, Александр Петрович, вооружил дворовых холопов два ста душ... Боярин Колычев, Михаил Семенович, брат митрополита московского Филиппа, вооружил дворовых холопов и мужиков деревенских тысячу душ...

Иван. Филипп взят под стражу?

Малюта. Бог над ним смилостивился — митрополит Филипп отошел с миром...

Иван взглядывает на него.

Ночью вчера задушен у себя в келье...

Иван. Зачем ты это сделал?

Малюта. Читать далее, государь?

Иван. Зачем ты это сделал?

Малюта. Не годится тебе брать на себя Филиппову кровь. В Москве Филиппа чтут...

Иван. Читай далее...

Малюта. Князь Дмитрий Петрович Оболенский-Овчина пригнал из своих вотчин пять ста мужиков и вооружил же...

Иван. Всего сколько жаждущих моей погибели?

Малюта. По московскому списку,— князей твоего рода — семеро, князей удельных, бояр и окольничих — сто двадцать два... В новогородском списке более того... Щадил ты их, государь, и развелась измена...

Иван. Щадил? Да, щадил...

В глубине подвала, в темноте, неясно различимые люди проводят кого-то, стонущего тяжко и хрипло. Иван отнимает руку от глаз, вглядывается. Малюта идет в темноту и возвращается с листом.

Малюта. Провели князя Дмитрия Петровича Оболенского-Овчину, пытали в третий раз. *(Просматривает список.)*

Иван. «Вошел страх в душу мою и трепет в кости мои...» Не ошиблась ли совесть, не помутился ли разум? Доколе еще вырывать плевелы и сучья гнилые рубить? Остаюсь гол, как древо... Господи, молил со смирением и слезами, и яростно истязуя себя, и с пеной во рту молил... Сделай так, чтобы русская земля от края до края лежала, как пшеница, чиста... Хотел я веселиться и плясать, как царь Давид... И — вот сижу в застенке,— кровь на руках и кровь на кафтане заскорузла, и душа уже не хочет оправдания... Бедно видение сие, и горек позор человеческий...

М а л ю т а. Дмитрий Петрович оговаривает князя Ивана Федоровича Мстиславского, что-де о мятеже знал и говорил: императоров-де византийских свергали и ослепляли, а нам-де и бог простит...

И в а н. Оболенский врет! С себя вину спихивает... Несбыточно! Оговор!.. Мстиславский чист!.. Не могу я корни рубить! *(Хватает у него допросный лист.)*

М а л ю т а. Здесь Оболенский и про второй твой корень сказал... Читай ниже... Как его кнутом ударили, оговорил — Ивана Петровича Челяднина... Что-де он всему мятежу был заводчик и вождь...

Иван бросает лист, встает и ходит от стены к стене, засунув руки в карманы черного кафтана.

Ну, да Челяднин — гиена известная... Велишь взять его под стражу?

И в а н. Челяднин! Его мать, Аграфена Ивановна, меня на руках вынянчила, оберегала от боярской злобы. Нам по три годочка было, обнявшись, сказки слушали да засыпали на лавке под треск сверчков... Он у трона мой скипетр держит... Богат несчетно... Взыскан у меня более, чем я у бога... Ищет терзать мои внутренности? Гиена! Все, все таковы! Ненавидят, строптивые псы, хозяина своего... Богатины ленивые... Идут от обедни, распустив брады, ладаном да розой помазанные, закатив зрачки — милостыню раздают... И так хотят жить, обнявши богатство свое перстами... И был бы я любезен им, сидя в синклите их, надувшись глупостью да ленью да им кивая... На плаху головы их! Пусть клянут! Грай вороний да лай собачий мне их вопли! *(Обернулся в темноту.)* Басманов!

М а л ю т а *(глядя на лист)*. Оболенский-Овчина еще и третьего оговорил...

И в а н. Кого?

М а л ю т а. Страшно сказать...

Входит Б а с м а н о в. Иван подтаскивает его к свече.

И в а н. Что не глядишь в глаза? Что бледен? Оговора боишься? Бойся — если виноват... Нынче мы этой свечой во все души светим... *(Оставил Басманова, сел у стола, закрыл лицо руками и — спокойно.)* Ступай

на двор к Ивану Петровичу Челяднину... Возьмите его, в чем есть... Привезешь его на седле... Торопись...

Басманов. Как уж тебе и сказать-то,— подойти к тебе страшно... Иван Петрович Челяднин нами нынче на заре найден на берегу Неглинной, на куче навозной, убитый и ободранный... Из гостей он, что ли, конный ехал. Как он туда попал, кто его убил? И его стремянный лежит неподалеку...

Иван *(Малюте)*. Кто убрал Челяднина?..

Малюта *(вздохнул)*. Не знаю... Государь, не знаю.

Иван. Плохо метет твоя метла...

Басманов. По моему-то разуму, это дело Васьки Шуйского,— может, я дурак, не спорю,— это он... *(Уходит.)*

Малюта. А третьего он оговорил — князя Афанасия Вяземского.

Иван *(вскочив)*. Афанасия! *(Кидается в темноту.)*

Малюта. Государь, ты к Дмитрию Петровичу? Он вряд ли говорить способен. *(Берет свечу и уходит за Иваном.)*

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Бахчисарай. Высокий узкий зал ханского дворца, перегороженный занавесом. Перед занавесом стоят Годунов и ханский толмач — шустрый человечек в халате и туфлях.

Толмач. Ваш царь сидит на троне, а наш хан сидит на диване, превыше всех. По обе руки от него сидят царевичи — сорок четыре ханских сына.

Годунов. Сорок четыре сына! Сколько же хану лет?

Толмач. Хану не так много лет,— жен у него много.

Годунов. Тьфу, поганые.

Толмач. Не плюйся, за это у нас плетьми бьют. Но сегодня царевичей не будет. Они прохлаждаются на соколиной охоте.

Годунов. Зачем врешь. Время сейчас не для соколиной охоты.

Толмач. Думай, как хочешь... Ты пойдешь к хану по этому ковру. Иди, маленько приседая,— вот так... *(Показывает.)* Подступив к хану, упадешь на лицо.

Годунов. Да ты в уме! Русского царя послу перед крымским ханом на лицо падать? Не стану.

Толмач. Заставим, золотой, серебряный.

Годунов. Не знаю, как вы меня заставите. Касьян!

Появляется писец Касьян с большим мешком.

Шапочку достань кунью. *(Толмачу.)* Государь приказал тебе шапочкой этой кланяться.

Касьян достает шапку.

(Встряхивает ее, дует на мех и подает толмачу.) Носи во здравие.

Толмач. Шапочка, шапочка...

Годунов *(угрожающе-твердо)*. Шапка!

Толмач. А на колени перед ханом стать можешь, золотой, серебряный?

Годунов. Поклонюсь хану перстами до полу.

Толмач. Ой, ой, ой! А с каким титлом будешь выговаривать царя Ивана?

Годунов. С великим титлом.

Толмач. Зачем тебе это нужно? Хан соскучится слушать.

Годунов. Кинжал будете приставлять к горлу — все равно скажу великий титл, с царем Казанским и Астраханским.

Толмач. Позволим только сказать: государь Иван Васильевич, царь Московский.

Годунов. Касьян, достань беличью шубу.

Касьян достает из мешка шубу, подает Годунову.

(Встряхивает ее и подает толмачу.) Государь велел тебе этой шубой кланяться, носи во здравие.

Толмач. Ай, ай, ай! Худая шубенка, рыжая, траченая.

Годунов. Ах ты, вор, собака! С государева плеча шуба!

Толмач (*услышав шаги, поспешно прячет шубу под ковер на одном из диванов*). Идет Мустафа, великий улан, кто у хана возлежит на сердце. Золотой, серебряный, кланяйся ему ниже.

Из-за занавеса появляется одноглазый мрачный татарин в халате и тюрбане.

Мустафа (*Годунову*). Ты что за человек?

Толмач (*низко кланяясь*). Борис Федорович Годунов, посол московский...

Мустафа. Ты привез письма к возлюбленному аллахом нашему хану Девлет Гирею?

Годунов. Я привез письма и поминки.

Мустафа. Дай мне. Скорее. Хан ждет...

Годунов. Мне велено письма отдать хану в собственные руки. А тебе не отдам.

Мустафа. Повинуйся мне, сын праха!

Годунов. Повинуюсь одному царю моему да богу нашему.

Мустафа (*багровеет, хватает Годунова за грудь*). Дай письма! Московит проклятый! Сын девки! Дай письма! Гяур, собака!

Годунов (*пятясь*). Я бы на коне сидел, ты бы меня, мужик гололобый, так не бесчестил,— я бы тебе дал отпор. Не рви мою грудь, я сюда не драться приехал.

Мустафа (*из-за пояса выхватывает кривой нож и бесится, вертя им вокруг шеи Годунова*). Нос отрежу! Уши оторву... Дай письма,— без головы останешься!..

Годунов. Ты, Мустафа, круг моей шеи ножом напрасно не примахивай,— мы смерти не боимся... Убьешь — одним мной у государя будет ни людно, ни безлюдно.

Мустафа. На кол тебя посажу!

Годунов. Врешь, этого с посланниками не делают! Касьян! Шубу соболью вынь из мешка...

Мустафа завращал глазом на толмача. Толмач встал лицом к стенке. Касьян достал шубу.

(Встряхнул ее и подал Мустафе.) Государь велел этой шубой тебе кланяться. Носи во здравие.

Мустафа. Это что за шуба?.. На худых пупках шуба.

Годунов. А и дурак же ты, Мустафа. Шуба на всех сорока соболях седых. Такой шубы у самого аллаха нет.

Мустафа. А ну, дай еще чего-нибудь.

Годунов. Опосля, вечером, приходи, найду какой-нибудь рухляди...

За занавесом послышалась музыка — зурна, деревянная дудка, бубен.

Мустафа. Ай, ай! Хан сел на место. *(Исчезает за занавесом.)*

Годунов. Касьян, скажи, чтоб несли поминки да вели бы рыцарей на арканах.

Касьян уходит.

(Толмачу.) Василия Грязного я где увижу?

Толмач. Грязного сюда же приведут. Его, золотой, серебряный, при тебе бить будут... Ох, не скупись...

Двое юношей появляются из-за занавеса и раздвигают его. На диване сидит хан Девлет Гирей в полосатом халате и чалме, украшенной драгоценными каменьями. У хана — крашеная красная борода, неподвижное лицо с насурмленными бровями. По сторонам от него сидят Воропай и турецкий посол, уланы и мирзы.

Мустафа. Хан, великий, непобедимый, тот, кто хитрее лисицы и сильнее льва, гроза царств и похититель миллиона миллионов пленников, исполнись милости, повели послу царя Московского подойти к тебе со страхом.

Хан кивает. Годунов подходит и кланяется, касаясь пальцами пола.

Годунов. Божьей милостью, государь Иван Васильевич, царь всея России, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Ливонский...

Воропай укоризненно закачал головой.

...царь Казанский, царь Астраханский...

Хан *(заткнул пальцами уши)*. Ай-ай-ай!

Все мирзы и уланы заткнули пальцами уши и закачали головами, повторяя: «Ай-ай-ай».

Толмач *(Годунову, торопливо, шепотом)*. Пропусти царя Казанского и Астраханского, не серди хана, золотой, серебряный...

Годунов *(громко)*. Царь Казанский и Астраханский и земель оттич и дедич... Тебе, брату своему, хану Девлет Гирею, шлет поклон и письмо. *(Подает хану письмо.)*

Толмач становится около хана на колени, распечатывает письмо и шепотом читает его. Рабы разносят кумыс.

Хан *(во время чтения сердито взглядывает на турецкого посла и — Мустафе)*. Обнеси кумысом турецкого посла.

Мустафа выхватывает из рук раба пиалу, которую тот поднес уже турецкому послу. Толмач продолжает читать.

(Сердито посматривает на Воропая.) Твой король, видно, беден, что прислал мне оловянную посуду да бараньи шубы. На что нам бараньи шубы, у нас в Крыму баранов и без того достаточно.

Уланы и мирзы засмеялись.

На оловянной посуде у нас рабы едят, а татары кушают на золотой да серебряной.

Уланы и мирзы защелкали языками.

Воропай. Великий хан, шубы, присланные тебе моим королем Сигизмундом Вторым Августом, не бараньи, но самого тонкого козьего меха и крыты утрехтским бархатом. Посуда же точно — оловянная, аглицкой, предивной работы и по цене как бы серебряная.

Годунов *(хану)*. Великий хан, мой государь тебе про то и пишет, что буде нужда у тебя в дорогой посуде, только пожелай да попроси, у государя чуланы ломятся от золотых кубков да блюд.

Хан (*Мустафе — на Воропая*). Обнеси его кумысом. (*Опять наклонил к толмачу ухо и, слушая чтение, вдруг подскочил на подушках.*) Князя Мстиславского царь послал в Дикую степь? (*Высунув из рукавов халата руки с крашеными ладонями, ударил пальцами о пальцы.*) Ай, князь Мстиславский! Ай, князь Мстиславский! (*Взглянул на Годунова.*) Радуюсь за царя Ивана, ныне князь Мстиславский запрет Дикую степь на семь замков. (*Раскачиваясь, закрыл лицо руками.*) А моим-то татарам уж и погулять на конях будет негде. (*Обернувшись, к уланам и мирзам.*) Пропали наши древние юрты — Астрахань и Казань,— князь Мстиславский в Дикой степи воеводой...

Татары закрыли лицо руками и закачались.

Ну, да голодны мы не будем,— с левой стороны у нас Семиградье, а с правой — Черкессия, стану их воевать и от них еще сытее буду.

Годунов. Великий хан, мой государь посылает тебе поминки.

Русские воины вносят седло с чепраком, украшенные драгоценными каменьями, и дорогое оружие. Хан и татары жадно смотрят, щелкая языками.

Сабля, седло и чепрак от самого Пора, царя индийского... Шелом, щит и колонтары — от самого Ахмеда, царя персидского. И еще сорок возов всякой мягкой рухляди стоят на твоем дворе. Прими во здравие.

Русские вводят на арканах трех рыцарей.

Еще государь кланяется тебе славными рыцарями, немецкими королевичами — Фрицкой Розановым, Ганькой Вольфовым да Володькой Штейновым.

Воропай (*вскочив*). Хан, я покупаю рыцарей! Даю за каждого по триста злотых.

Хан. Продавать не тороплюсь,— слава аллаху, я еще не нищий. (*Толмачу.*) Спроси, хотят ли они мне служить?

Толмач (*рыцарям*). Великий хан хочет, чтобы вы приняли веру Магомета, хан пожалует вас землей,

табунами и женами, и будете ему служить. Согласны ли?

Рыцари. Хох! Хох! Хох! Великий хан, Девлет Гирей!

Хан *(Мустафе)*. Жалую их чашкой кумыса.

В это время двое дюжих татар привели на растянутых цепях Василия Грязного. Борода его спутана, платье на нем истлело, весь вид его дикий и страшный.

А вот Василий Грязной, славный русский князь, кто у царя Ивана возлежал на сердце. Не сердись, Годунов, мы его в цепях привели оттого, что чрезмерно зол и дик... Царь Иван соскучился по нем. Ай-ай-ай... Что же, отпущу Грязного царю Ивану. Какой дашь выкуп?

Годунов. Пятьсот рублев.

Хан. Прибавь немножко.

Годунов. Хан, даю деньги великие.

Хан. Ай-ай-ай! Нехороший ты человек, Годунов... Вот что... Мы будем царева любимца бить, а ты будешь прибавлять. *(Кивнул Мустафе, тот кивнул татарам, которые начали стегать Василия Грязного плетьми по спине. Хан, отвернувшись, кушает шербет.)*

Грязной. Борис! Прибавь сотню, ну их к черту.

Годунов. Хан, даю тысячу рублев.

Хан. За такого богатыря тысячу рублев? Что ты,— стыдно тебе скупиться, а еще русский. Бейте еще...

Татары стегают Грязного.

Грязной. Стой на тысяче, Борис, выдержу.

Годунов. Не сойдемся, хан. Уйду...

Хан *(татарам, которые стегают)*. Покрепче... Посильнее... Побольнее...

Грязной. Терпи, Борис.

Годунов. Прощай, хан. *(Кланяется, идет.)*

Хан. Годунов, постой... Ну, немножко прибавь... Ой, ой, ой... Только ради нашей любви к царю Ивану,— давай тысячу... Освободите пленника. *(Подымается с подушек.)*

Занавес закрывается. Годунов и Василий Грязной выходят перед занавесом.

Грязной. Спасибо, Борис, выручил. *(Грозит за занавес.)* Ох, навернутся теперь на меня гололобые. Заставляли аллаху кланяться. Хотели на татарской девке женить,— едва отбился. Борис, не верь хану ни в едином слове... Сыновья его, сорок четыре царевича, по Дикой степи рыщут, с каждым по туману,— по десять тысяч татар. Готовятся к походу на Москву. Беда, Борис! Кто у нас в степи большим воеводой?

Годунов. Иван Федорович Мстиславский.

Грязной. Батюшки! Продаст. То-то про него татары все лопочут. Пропустит он их к Москве... Продаст Мстиславский...

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Декорация шестой картины. Площадка башни новгородского детинца. Стоят Иван и митрополит Пимен. Похоронный звон колоколов. Глухой гул толпы внизу. В наступающей тишине — частая дробь литавр, кончающаяся ударом. Вскрики, и снова — гудение толпы.

Иван *(Пимену)*. Гляди. Чего глаза отвел... Провожай своих чад. Гляди. Повели князя Острожского,— с кем ты Новгород Литве продавал. Молись, молись скорей, а то душа-то его выпорхнет непокаянная...

Пимен. Господи, желчь в моей слюне, воспаление ненависти в мыслях моих!.. Порази его... Чуда молю. Ненавижу, ненавижу, ненавижу тебя, безумный всадник, земли своей пожиратель...

Иван. Не бранись, я злее не стану, легкой смерти тебе не подарю... Новгородские богомазы твой лик на досках не запечатлеют...

Пимен *(нагнувшись вниз, поднял руки к голове)*. А-а-а-х!

И будто в ответ долетел многоголосый вскрик: «А-а-а-х!»

Иван. Вот и выпорхнула душа князя Острожского... Гляди, гляди, молись, троих ведут, князей Ухтомских... Ты их соблазнил, ты их привел на плаху,— мо-

лодые да красивые какие... И этих чад невинных виноватыми сделал... Взошли на помост, обернулись! На тебя глядят, Пимен. Не на меня глядят, на тебя... Когда сердце мое опять станет мясом трепетным, я-то о них помолюсь, да жарко, да горько...

Пимен *(с пеной у рта)*. Не смейся... Не мучай меня, не пытай... Кто тебя такого в мир послал? Ох, суд тебя ждет, суд! Подойди ближе, в глаза плюну...

Иван быстро закрыл глаза рукой. Из пролома появляется Буслаев.

Буслаев. Царя тут нет?

Пимен. Василий, богом заклинаю, спаси мир от зверя...

Буслаев. А ну тебя, с ума свихнулся, бабий вопленник. *(Ивану.)* Царь, довольно тебе лютовать... Суди, казни, на то ты государь. А это уж не суд,— начинается озорство... Опричники твои по лавкам кинулись, красный товар грабят... *(На Пимена.)* Разбивай его монастыри, коли тебе деньги нужны, а добрых купцов не трожь...

Иван. Кто ты?

Буслаев. Здравствуй! Ваську Буслаева не знаешь? Про нас, Буслаевых, пять сот лет песни поют. Я тебе толкую — верховодит разбоем твой же опричник, немец толстомордый, Генрих Штаден... Я уж было с ним схватился...

Иван. Ты — любишь ли меня?

Буслаев. Если ты царь справедливый — я тебе друг. А уж кому Васька Буслаев друг — спи спокойно... Так сделай милость, а то народ обижается...

Иван. Беги у моего стремени... *(Идет к пролому — пошатнулся, Буслаев поддерживает его.)*

Буслаев. Эх, что же это ты,— всю грудь ногтями изорвал...

Иван *(отталкивает его)*. Не собрался ли ты меня жалеть!

Пимен *(Буслаеву)*. Не соблазняйся! Удуши его,— се зверь, поднявшись из пропасти адской, пожирает мир.

Иван в бешенстве, шагнув к Пимену, поднимает посох, чтобы поразить его острием.

(Выставив бороду.) Вонзи! Будь проклят, кровопивец!

Иван *(опускает посох)*. В гордыне поверженной, в исступлении ума долгие годы будешь отмечать дни свои угольком на стене... А я помолюсь, чтобы бог тебе дни длил, смерти не давал... Адские муки примешь при жизни... Вот моя казнь тебе за измену...

Буслаев. Слышь, государь, крик-то какой, пойдем... Я за стременем побегу с охотой...

Иван. Пойдем, отважный.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Декорация третьей картины. Опочивальня Ивана. Басманов вводит Анну. На ней — меховая шапочка, под широкой шубой — темное платье.

Басманов. Тебе бы давно надо прийти... Он — почитай — каждый день спрашивает,— где ты, да что, не обижают ли тебя, когда Афоньку-то в железа взяли? Садись куда-нибудь.

Анна. Опочивальня его?

Басманов. Где он почивает — не знаем, про то у нас не спрашивают... Он обрадуется,— только ты повеселее будь.

Анна. Где государь?

Басманов. Опять,— где государь? Поменьше спрашивай.

Анна. В застенке?

Басманов. Вот — земщина темная! Другого дела государю нет — в застенке кровь пить! Государь сидит с опричниками — землю делят.

Анна. Казненных?

Басманов. А то чью же? Для того и головы поотрубали князьям, боярам,— теперь у государя земли в опричном уделе, слава богу, много. Ты что все дрожишь? Угощу тебя сладкой вещью,— ну, такая сладость... *(Достает из кармана и протягивает Анне.)* Косточки на пол не плюй, у нас — чисто...

А н н а *(отстраняя его руку)*. Не хочется.

Б а с м а н о в. Финики.

А н н а *(глядя на серебряный таз, кувшин и утиральник на лавке)*. Государь моет руки в тазу в этом?

Б а с м а н о в. Моет. Вот придет, я ему солью.

А н н а. Зачем руки моет? От чего отмывает?

Б а с м а н о в. Анна, что у тебя на уме? *(Присел перед ней, взял ее платочек, встряхнул, перевернул ее руки ладонями вверх.)* Ты зелья какого не принесла ли? Не уйти ли тебе лучше?

А н н а. Куда мне теперь идти?

Б а с м а н о в. Ай, ай, ай... Двор-то Афанасия мы разорили... У родных, что ли, живешь? Слушай,— про мужа, про Афоньку, ты лучше ему не заикайся... Проси чего-нибудь,— он рад будет, если попросишь,— узорочья, мягкой рухляди, деревеньку под Москвой попроси, да он тебе и городок подарит...

А н н а. Идет? Он? *(Поднялась, отошла к столбу, под свод.)*

Входит И в а н. Он осунулся, потемнел, глубже и жестче обозначились морщины. Не замечая Анны, остановился, подсучивая рукава, и двинулся к рукомойнику.

И в а н. Федька...

Басманов начинает сливать ему на руки, усмехаясь и посматривая в сторону Анны. Иван взглянул на него.

Ты чего зубы скалишь? *(Медленно повернулся.)* Анна! *(Стремительно ступил к ней и остановился. Бросил утиральник.)* На руки мне смотришь? Они чистые, Анна.

А н н а *(низко поклонилась ему, выпрямилась, заломила руки)*. Ах... Век бы тебе не слезать со светлого коня...

И в а н. Не убивайся... Твой Афанасий жив...

Басманов уходит.

А н н а. Спасибо тебе, государь...

И в а н. Велю его постричь. Сошлю в глухую пустынь, к медведям да птицам — отмаливать свою измену... Еще что тебе надо?

А н н а. Ты, светлый, как ты мог...

И в а н. Чего я мог? Крови столько пролить? А тебе что за беда? Говорю,— Афанасия не казню, живи спокойно...

А н н а. Афанасий мне давно чужой... Вот в какой грех ты меня ввел...

И в а н. Ты не за него пришла просить? Зачем ты пришла, Анна?

А н н а. К тебе...

И в а н. А... Ждал я, давно ждал — придут взыскующие к моей черной совести... Только не тебя ждал... Ну, что ж... Суди... От тебя стерплю.

А н н а. Плахи в Москве понаставил... Головы рубишь... По площади в черной шапке, с нечесаной бородой, с опричниками скачешь, ровно Кудеяр-разбойник... Эх, ты... Про тебя бы малым ребятам — лучину зажечь — сказки рассказывать... Вот какой ты был Иван-царевич... У коня твоего дым летел из ноздрей... Теперь про тебя в Москве и шепотом говорить боятся... Эх, ты...

И в а н. Таких речей тебе не придумать и таких слов не подобрать, какие сам себе повторяю... Аннушка, голубка сизая... Гляди — постель моя постылая, а ночь долгая... Все огоньки в лампадах пересчитаю, бороду ногтями исскребу,— оттого она и нечесана... Знаешь ли ты, как быть одинокому? Сладко одинокому в лесной келье — ему и птица махонькая — друг... Сядет на ветку, взодрав зоб и нос, и славит и славит, и он — отгоревший старичок — вслед за птицей славит... А я, как волк, лежу в логовище, оскалив зубы... А дело мое — не волчье... Их дело волчье... Мое дело — добро человекам...

А н н а. Нет!

И в а н. Нелегко добро творить, легче — злое... Трудно тебе это понять,— как-нибудь поверь... *(Берет с подставки для книг, что около изголовья постели, листочки.)* Вот... Синодики, поминальные записи, угрызения мои... Прочти, не страшись,— тут твоего Афанасия нет... И князь и раб — все записаны... Казненные, в муках усопшие,— все на этих листках... Глядя в поминальные-то,— полночи бормочу, до воспаления

глаз: прости им, господи... Все, все будут прощены. Одному мне с обремененной совестью трудно идти на суд... Есмь грешник великий, ибо взял на себя в гордости и в ревности больше, чем может взять человек... Не оправдываться хочу,— мысль непомерное мерит, и я тверд... Но тяжко мне, Анна... Неприютно... Была у меня любимая жена. Знаешь ты, как орлица защищает птенцов в гнезде,— расправя крыла, клекоча, грозя очами? Так жена берегла меня от уныния. Обовьет горячими руками, стиснет горячим телом, возьмет мою душу в свою... Хлеб земной был мне сладок и вино веселило. Убили мою орлицу. Теперь живу один. Малюта Скуратов — и тот стал меня бояться... Вино жжет внутренности. В черной шапке по площадям скачу, давлю добрых людей... Тело мое не возлюблено... Ну, что ж, пришла мне выговаривать... Кори, жалуйся... Хоть голос твой послушаю...

Анна. Не выговаривать пришла. К тебе пришла... Наяву, во сне — все дороги к тебе одному... С того утра, с той обедни нестоянной — подхватила меня темная буря, лихой ветер...

Иван. О чем ты говоришь, Анна?

Анна. О чем говорю, о ком думаю,— о тебе одном... Не ломай мне руки, батюшка... Мужа забыла, прялку за окошко закинула. Умываюсь поутру — на щеках вода кипит от стыда... Одно перед глазами — скачет, скачет мой Иван-царевич, а я за ним клубочком качусь... А ты — вон какой оказался...

Иван. В котел кипящий кинусь, чтоб ты, Анна, увидела — и я чист перед тобой...

Анна. Да чего уж... Шла к тебе, думала — поругаю, побраню... А мне жалко тебя... А мне хоть и душу свою погубить...

Иван *(схватил ее за локти, прижал к себе)*. Лазоревые глаза твои, невинные... Далеко ли до них мне идти еще? Аннушка... Останься у меня...

Анна. Нет... Так нехорошо... Тебе этого не нужно делать... Тебе это спокою не даст...

Иван. Ты что задумала?

Анна. Батюшка мой... Желанный... Осталось мне — прикрыться черным платочком...

Иван. Смилуйся!..

Анна *(отошла от него, всплеснула руками)*. Мне-то разве легко это? *(Громко, по-ребячьи заплакала.)*

Иван. Анна...

Анна кланяется ему низко.

Анна... Вернись...

Анна. Прощай, любимый, прощай, неразлучный... *(Кланяется еще, уходит.)*

Иван. Чего же ты хотел бы еще? Ах, мука нежданная... Доколе же, доколе... *(Садится на постель.)*

Входит Басманов.

Басманов. Велел ее в соболью полость укутать потеплее да в золотой повозке отвезти...

Иван, сморщившись, глядит на него.

А уж как плачет... Любит тебя, государь... Очень чистенькая бабочка... Дозволишь зайти Борису Годунову да Василию Грязному? Они из Крыма. Рассказывают — Дикую степь из конца в конец проскакали, а войск наших не видали,— крымским татарам дорога на Москву открыта... Что такое? Велишь им зайти?

Иван кивает. Встает, сутуло идет к столу, садится. Басманов вводит Годунова и Грязного.

Грязной. Великий государь Иван Васильевич, спасибо тебе... А тысячу рублев моего выкупа у хана мы выторговали обманом... А другую тысячу отслужу своей головой...

Иван. Где князь Мстиславский? В Рязани в осаде или в поле с войском?

Годунов. Великий государь, князь Мстиславский — изменник. Узнав о казнях бояр и князей, он дорогу открыл Девлет Гирею,— на Москву идут сорок крымских царевичей...

Иван молчит некоторое время, вперя взор в Годунова, потом спрашивает еле слышно.

Иван. Повтори, я не уразумел...

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стан Грозного, огороженный телегами. Горят костры. Ночь. Вдали огромное зарево пылающей Москвы. Голоса сторожевых: «Не спи, не спи...» У шатра на седельных подушках сидит Иван. У его ног — Касьян, который пишет при свете железного фонаря.

Касьян *(читает продиктованное ему царем)*. «Ливонский лагерь. Воеводе Юрьеву. Здравствуй, Никита Романович, на множество лет. А мы, слава богу, здоровы и духом крепки. Только кручинимся, что долго нет от тебя добрых вестей. Скорее отпиши нам о новом взятии городов ливонских да о побитии войск любезных братьев наших короля польского да короля свейского...»

Иван *(задумчиво)*. Пиши дальше...

Входит Годунов в кольчуге и плоской железной шапочке.

Ты из Москвы?

Годунов. Из Москвы, государь.

Иван. Москва горит?

Годунов. Москва горит с четырех концов. Дерево жа, сушь, ветер... Головни несет по всему городу... Колокола звонят сами собой и рушатся с колокольнями. Народ бежит в Кремль, в воротах давка, по людям ступают... Львы, что сидели под башней, клетку разломали, мечутся по Красной площади. И слон сорвался с цепей. Горят ряды, горит Китай-город.

Иван. Что ж ты молчишь про Опричный двор?

Годунов. Опричного двора более нет, государь.

Иван. Многие этого хотели.

Годунов. Золотую посуду, коробья с дорогой рухлядью да книги я успел вывезти... Да и сам едва ушел вплавь с конем через Москву-реку...

Иван *(Касьяну, диктуя)*. «Случилась у нас беда невеликая. Хан Девлет Гирей, с сорока сыновьями и войском в триста тысяч татар, небрежением нашим перелез через Оку меж Серпуховом и Коломной, отрезал меня с обозом от большого войска и подошел к Москве. Но только зажег посады и слободы, а

Москвы-реки не перешел, да и сам огня испугался... С божьей помощью мы с ханом справимся,— жалко только — много людей в плен увел и много скота поворовал. Ты, Никита Романович, чтобы за границами про нас пустое не болтали, найди перебежчиков, пошли их в Польшу, а найдутся — и в Неметчину пошли, пусть всюду говорят, что я с ханом повраждовал да и помирился, у нас началась любовь — какой не бывало...» *(Протягивает руку.)*

Касьян подает ему свиток и перо. Иван подписывает и — Годунову.

Хан, должно быть, ждал, что ему мою голову в мешке принесут, да с тем мешком и въедет в Спасские ворота,— над Москвой царить и княжить?.. Прослышаны мы, что у хана уж ярлыки написаны,— как в былое время при Батые, али хане Узбеке, али Мамай-хане,— раздавать русскую землю во княжение... Ах, ах, а я-то — грешный — поторопился, князей-то повывел... Чего смутный стоишь?

Годунов. Дозволь сказать тебе правду, государь...

Иван. Если ты смел — скажи правду.

Годунов. Государь, с ханом нам не справиться... Государь, беги в Ярославль, а лучше — в Вологду... Под Москвой стоят два земских полка да мужики деревенские с дубинками. Им хана под Москвой не удержать, ведь один — на десятерых! Большому войску ты велел отходить без боя от Коломны на север,— не уйти войску от ханской сабли, если хан покончит с Москвой... Беги, часа не медли.

Иван. За такие речи голову рубят, Борис.

Годунов. Знаю, государь. С тем и говорю...

Иван. Худо, стыдно отвечают мои опричники... *(Указывая на зарево.)* Видишь... Возлюблена богом Москва, возлюблена земля русская... В муках бытие ее, ибо суров господь к тем, кого возлюбил... Начала ее не запомнят, и нет ей скончания, ибо русскому и невозможное возможно... Так надо отвечать, стоя передо мной в страхе... А ханов на нас много наезживало...

Входит Малюта.

Иван. Под Москвой выстоят земские полки?

Малюта. Люди осерчали,— надо выстоять...

Иван *(Годунову)*. Возьми коня позлее, беги к большому войску, вели воеводам, оставя обоз, с поспешностью повернуть к Москве, навстречу хану... А голова твоя у меня в залоге. Ступай.

Годунов уходит.

Годунов успел вывезти казну. Возьми, не скупясь, сколько нужно, скачи на подставных конях в Ливонию, уплати жалованье войску и недоданное уплати до последней денежки... *(Подает письмо.)* Письмо отдашь Никите Романовичу.

Малюта. Послать бы тебе кого-нибудь другого...

Иван. С ханом управимся, хан сыт грабежом. Это еще не беда, Малюта... Беда впереди, если нам Ливонии не удержать...

Малюта *(берет письмо)*. Великий государь, прощай...

Иван. Прощай. Без победы не возвращайся. Отдыха не проси ни у меня, ни у бога... Отдыха нам нет...

Малюта кланяется, отходит. Из глубины появляются мужики.

Малюта. Что за люди?

Первый мужик. Деревенские, от татар бежали.

Второй мужик. Вы мужиков-то, слышно, по лесам собираете?

Первый мужик. Мы сами вышли. Искать не надо...

Второй мужик. Беда-то какая, а? Конец света, что ли... Страх-то какой...

Малюта. Биться с татарами станете?

Второй мужик. Само собой, не сидеть же сложа руки...

Первый мужик. Железное бы нам чего-нибудь дали,— поспособнее для бою.

Малюта. Хлеб, пшено и оружие дадут, ступайте в обоз. Там же вас и в начало возьмут...

Первый мужик. Вот — спасибо.

Второй мужик. А энтот у вас кто сидит, важный?

Малюта. Приступите бережно, поклонитесь ему.

Иван (*стремительно поднимается с подушек, подходит к мужикам*). Крымский хан гуляет под Москвой,— гляди, как весело... А мне уж негде голову приклонить... Мой ли в том грех, что такая беда? А если и мой грех — выручайте меня... Не можно жить в стыде... Душа моя стонет, как вдовица,— выручайте меня...

Первый мужик. Батюшка, мы-то поможем...

Второй мужик. Мужика ты не знаешь, что ли... Сдюжим...

Близкий топот коней. Голоса сторожевых: «Стой, стой, кто едет?» Малюта вытаскивает саблю. Входит Суворов и Темкин.

Суворов. Здорово, государь. Как раз с князем у стана съехались. Я с левого крыла, из-под Москвы.

Темкин. Я с правого крыла... Государь, вести добрые.

Суворов. Татары насмерть остановлены под Москвой... Чего там!

Темкин. Под Серпуховской слободой двинули на них гуляй-город да несколько тысяч телег с огненным боем.

Суворов. Под Рогожской слободой налетело на нас татар — не счесть, туманов десять... Алла, алла! Пылью солнце заволокло... Мы начали коней поворачивать и заманили татар на рогатки... А на рогатках мужики, вот эдакие лешие, с копьями поставлены, их хоть по колено в землю вбей, и начали мы татар сечь... Все поле увалили... Одни их кони теперь мечутся за Яузой.

Снова топот коней и крики сторожевых. Входит Василий Грязной в кольчуге и шлеме.

Грязной. Не пожалеешь, государь, что заплатил за меня тысячу рублев... Такую птицу поймал в поле. Сам дивлюсь... Не давался, одноглазый черт, маленько пришлось его помять... Веди его, ребята...

Двое опричников втаскивают связанного Мустафу.

Мустафа, первый улан у хана.

Иван. Развяжите дорогого гостя.

Грязной *(развязывает Мустафу).* Кланяйся государю большим поклоном.

Мустафа хрипит, косится на Ивана.

Спрашивай вежливо о здравии. Покоряйся, варвар, а то я тебе напомню Бахчисарай.

Иван. Отступи от него. *(Мустафе.)* Что молчишь, улан? Или без меры испугался моих воинов?

Мустафа. Делай свое дело, царь Московский, сажай меня на кол. Тогда увидишь, как я испугаюсь.

Иван. На кол я тебя не посажу.

Мустафа *(с ужасом).* Как же ты будешь меня мучить?

Иван. Дам коня, отпущу к хану... Ты ему скажешь — я-де спрашиваю: «Поздорову ли живет хан Девлет Гирей?»

Мустафа *(дико засмеялся).* Хан здоров!

Иван. Доволен ли был хан нашими поминками?

Мустафа. Хан твои поминки враз проглотил да и не сыт.

Грязной. Смотри, я тебя научу отвечать государю.

Мустафа. Наши древние юрты Астрахань и Казань — вот какие поминки хочет от тебя хан... Царского венца да твоей головы — вот какие поминки...

Грязной. Государь, дозволь, я его успокою.

Иван останавливает его.

Мустафа. Почему ты не вышел против хана на Оку, а сидишь за телегами... Были бы в тебе стыд и дородство — ты бы вышел против хана и помер бы с честью.

Грязной *(вместе с другими опричниками закричал).* Пришибить его, собаку!

Иван снова останавливает их.

Иван. И еще, Мустафа, спроси хана, достаточно ли остра его сабля, что он похваляется отрубить мне голову? Мамай-хан посильнее его был, да и от того одна сабля осталась, что висит на моем поясу. *(Снимает с себя саблю.)* Взята она на Куликовом поле

в ханском шатре, когда хан Мамай, даже бросив жен своих, бежал в великом страхе. Отвези саблю в поминок любезному брату нашему Девлет Гирею, коли он еще не сыт моими прежними поминками.

Мустафа *(берет саблю, целует)*. Мамай-хан, Мамай-хан, алла иль алла...

Грязной. Понимай, Мустафа, загадку. *(Захохотал, за ним засмеялись опричники.)*

Иван. Дать ему доброго коня. *(Грязному.)* А ты ему верни, что с него ободрал... *(Отходит к шатру.)*

Грязной. Государь жа, он и без того доволен до смерти... *(Вытаскивает из-за пояса и вынимает из карманов нож, кинжал, пояс с золотыми пряжками, кошель.)* На уж, это твое... И это, пожалуй, твое... А это — мое... И это мое... Идем за телеги...

Опять конский топот и окрики. Быстро входит Мстиславский, в кольчуге, в разодранном плаще, с непокрытой головой.

Иван. Отыскался!

Мстиславский *(рухает перед ним на колени)*. Принес тебе мою голову...

Иван. Мало! На что мне твоя голова!

Мстиславский. А мне она и более того в тягость, государь.

Иван. Ты Москву из пепелища подними... Слезы русских людей, в плен гонимых, подотри... Посеченных воскреси...

Мстиславский. Виновен!

Иван. Ты навел хана на Москву?

Мстиславский. Я.

Иван. Какими казнями тебя казнить? Какую муку придумать? Привязать тебя на древо высоко, лицом к Москве горящей, чтоб ты глядел на дело совести твоей, покуда вороны глаза не выклюют...

Мстиславский. Готов на эту муку, государь...

Иван *(берет его за волосы, откидывает его голову, впиваясь, глядит в глаза)*. Что ты есть за человек — кровь от крови моей?

Мстиславский. Спрашивай, спрашивай... Я увел сторожевые полки в Рязань... Я снял сторожи по крымской дороге... Оголил Дикую степь... Мустафа

ссылался со мной... Хан обещал мне ярлык на великое княжение... Ум мутится от горя... Жена, сыновья, внуки — на дворе московском — сгорели заживо. Мне гореть в огне вечном, в исподних ада... Великий государь, порадуй меня мучением плоти...

Иван *(Малюте).* Не уразумею, что делать с ним?

Малюта. Пошли его к войску. Пусть рубится насмерть... Татары его знают в лицо... Татарам будет страшен Мстиславский...

Иван *(глазами ищет Касьяна. Тот подбегает с фонарем и садится).* Пиши... «Я, Ивашко Мстиславский, богу, святым церквам и всему православному христианству веры не соблюл... Государю своему и всей русской земле изменил. Я навел крымского хана Девлет Гирея... В чем даю крестоцеловальную запись на вечный позор роду своему...» *(Малюте — на Мстиславского.)* Попа к нему с крестом... *(Отходит и облокачивается на обочину телеги, глядя на пожар.)*

Малюта и Мстиславский присаживаются на корточки около Касьяна. Мстиславский слабым голосом повторяет Касьяну слова царя.

Мстиславский. Я, князь Иван Мстиславский, даю сию крестоцеловальную запись...

Иван *(глядя на пожар).* Горит, горит Третий Рим... Сказано — четвертому не быть... Горит и не сгорает, костер нетленный и огнь неугасаемый... Се — правда русская, родина человекам...

КОММЕНТАРИИ

В богатом и разнообразном литературном наследии А. Н. Толстого драматургические произведения занимают значительное место. К этому жанру писатель обратился в самом начале творческого пути. Еще в 1900 году он написал свою первую пьесу — одноактную комедию «Путешествие на Северный полюс». За ней последовали фарсы «О еже, или Наказанное любопытство», «Дьявольский маскарад, или Коварство Аполлона», «Муха в кофее (Сплетни, которые кончаются плохо)», пьесы «День Ряполовского» и «Дуэль», трагедия «Опасный путь, или Геката».

«Драматическое искусство страшно захватило меня, и я (что самое главное) чувствую в нем больше сил, чем в писании романа»,— утверждал он в 1913 году после создания комедии «Насильники» (Архив А. Н. Толстого). Впоследствии Толстой прославился именно как романист, но увлечение драматическим искусством он сохранил на всю жизнь.

А. Н. Толстой написал 42 пьесы. Среди них есть исторические и бытовые драмы, памфлеты и трагедии, но больше всего — комедий. Писатель очень любил этот жанр и создал немало превосходных его образцов. Уже в дореволюционных своих комедиях — «Насильники», «Ракета», «Касатка», «Горький цвет» («Мракобесы») — он выступил как талантливый продолжатель традиций русской классики и один из лучших представителей критического реализма XX века.

Революция, заставившая писателя задуматься над вопросами исторического развития нации, пробудила у него глубокий интерес к прошлому своей родины. В советскую эпоху центральное место в драматургии Толстого заняла историческая тема. Трагедия «Смерть Дантона» и сатирическая комедия «Любовь —

книга золотая», исторические хроники «Заговор императрицы» и «Азеф», три варианта драмы о Петре Первом, пьеса «Путь к победе», драматическая повесть «Иван Грозный» — таковы разнообразные опыты писателя в области исторической драмы.

А. Н. Толстой считал драматургию одним из самых трудных и самых важных видов литературы. В своих статьях, письмах, беседах он вновь и вновь возвращался к вопросам драматургического мастерства, призывая молодых драматургов учиться у Шекспира, Гоголя, Чехова, Горького. Сам Толстой много и упорно работал над художественной формой своих пьес. Решая сложнейшую задачу воссоздания истории в драматургических образах, писатель старался ввести зрителей в живую атмосферу эпохи, отразить в человеческих характерах и судьбах ее ведущие, типические черты. Драматургия А. Н. Толстого остро конфликтна, его пьесы насыщены действием, борьбой. Жизненная достоверность характеров, замечательное искусство диалога, чистота и образность языка отличают лучшие драматические произведения этого большого художника.

В настоящем томе публикуются пьесы А. Н. Толстого разных лет, начиная с первой опубликованной и поставленной в театре комедии «Насильники» (1912) и кончая последним драматическим произведением писателя — дилогией «Иван Грозный» (1941—1943).

НАСИЛЬНИКИ

Написана в 1912 году, тесно связана с ранними рассказами и повестями А. Н. Толстого из цикла «Заволжье».

«Это была старая тема о дворянском развале, с тем только добавлением, что в нее проникла струйка современности»,— отмечал впоследствии автор в статье «Мой путь».

Из рассказа «Мечтатель» («Агей Коровин») вырос образ героя пьесы, Клавдия Коровина, добродушного и ленивого. Первоначально пьеса называлась «Лентяй», а основной темой ее сам автор считал любовь — земную, чистую, радостную любовь, которая пробуждает Клавдия к жизни от долгого, томительно-ленивого сна. «...главное лицо пьесы — Клавдий, а идея пьесы — торжество любви, и любви такой, которая утверждена сущим объектом — Нина»,— писал А. Н. Толстой. (Письмо А. А. Бостриму, 9 марта 1913 г.)

После того как пьеса была принята к постановке Малым театром, А. Н. Толстой по совету директора театра А. И. Сумбатова-Южина изменил название «Лентяй» на «Насильники», перенеся тем самым акцент на разоблачение современных Простаковых и Собакевичей. Находя новое название нежелательным, царская цензура старалась под разными предлогами оттянуть его утверждение. «...драматическая цензура до сих пор не хочет утвердить этого названия»,— сообщал А. Толстой в одном из писем 1913 года. Через много лет он вспоминал: «Со стороны Александра Ивановича Южина принять эту пьесу было большим мужеством, как это и выяснилось впоследствии. В «Насильниках» выводились дикие помещики, зубры, драчуны, пьяницы, невзнузданные насильники,— дичь и глушь, отчаяние. В те времена директор императорского театра мог жестоко поплатиться за такую пропаганду». («Моя первая пьеса», Полн. собр. соч., т. 15.)

«Насильники» — первая пьеса А. Н. Толстого, поставленная на сцене. Премьера комедии в Московском Малом театре состоялась 30 сентября 1913 года. В спектакле выступила в роли Квашневой Ольга Осиповна Садовская — замечательная актриса, реалистическим, глубоко народным искусством которой восхищались Островский и Лев Толстой.

В исполнении О. О. Садовской роль Квашневой стала центральной в спектакле. И благодаря ей особенно сильно зазвучала тема насилия и произвола титулованных самоуправцев, которую автор подчеркнул в названии пьесы. Успеху спектакля во многом способствовала также превосходная игра В. Н. Пашенной в роли Нины Степановой, В. О. Массалитиновой (Катерина), Н. К. Яковлева (Клавдий Коровин) и В. Ф. Лебедева (Нил Перегноев).

Постановка «Насильников» вызвала широкий общественный резонанс. «Отношение критики и публики страстное, многие с яростью набрасываются на это полубеллетристическое произведение»,— вспоминал писатель в неопубликованной автобиографии 1916 года.

Действительно, зрители отчетливо разделились на две группы. Прогрессивная часть публики выражала свое одобрение шумными аплодисментами, реакционеры бурно возмущались. На одном из первых представлений разыгрался скандал. «Несколько лож (занятых симбирскими помещиками) свистали в ключи. По-

сле десятого представления пьесу запретили на императорской сцене»,— писал Толстой. («О себе», Полн. собр. соч., т. 13.)

Столь же различными, подчас взаимоисключающими, были отзывы критики. «Воскресли звероподобные Скотинины, Митрофанушки и их присные»,— писал рецензент журнала «Маски» А. Вознесенский, недовольный тем, что «прежде всего бросаются в глаза в пьесе сугубо и ярко подчеркнутые «жестокие» нравы эпохи... Персонажи, которым место в комедиях Фонвизина, говорят о конституции, о событиях действительно наших дней, и действие переходит в резкий крикливый памфлет, заставляя политиканствующего зрителя видеть здесь сатиру на зубров».

По-иному отнесся к пьесе критик газеты «Русские ведомости»: «Насильники» — изображение одичания, дошедшего до зверства... Драки, крики, ругань тяжело и трудно переносимы для зрителя, но как же представить «насильника» без драки, как изобразить животное без схватки? Главный же повод для становления мнений заключается в отношении автора к зоологии зубров. Здесь и художественные соображения, и достоинства или недостатки техники отступают в сторону, и представляется простор общественным симпатиям или антипатиям». («Русские ведомости», 5 октября 1913 г.)

Общественное значение комедии Толстого признавали и сторонники и противники спектакля. Критики единодушно отмечали, что «Насильники» резко отличаются от всего, поставленного в последнее время на сцене Малого театра. Действительно, пьеса Толстого не имела ничего общего ни с натуралистическими произведениями «благонамеренных» эпигонов Островского (Невежин, Шпажинский и др.), ни с бульварно-обывательской драматургией Рышкова, Сургучева, Урванцова, заполнившей в годы реакции казенную сцену. В эпоху «дворянского оскудения», когда в литературе и искусстве процветал декаданс, модной стала эстетическая стилизация прошлого, любование «красивой жизнью» дворянских усадеб. Естественно, что в этой обстановке комедия Толстого, продолжавшая традиции русского критического реализма, прозвучала как острая и непозволительная сатира на правящий класс российской монархии и была снята с репертуара.

Пьеса «Насильники» была впервые напечатана в журнале «Заветы», 1913, № 1, с посвящением О. О. Садовской. В театрах комедию играли по тексту: «Насильники». Комедия в 5-ти актах, 6-ти картинах. Издание журнала «Театр и искусство», СПб. 1913

(литография, 2-е издание). В 1914 году пьеса «Насильники» с подзаголовком: «Лентяй». Комедия в 5 актах. Текст постановки в Императорском Малом театре в Москве 30 сентября 1913 года» — была напечатана в «Первом драматическом альманахе», издание журнала «Новая жизнь», СПб. 1914. Печатается по тексту этого издания.

КУКУШКИНЫ СЛЕЗЫ

В первой редакции называлась «Выстрел».

Написана в 1913 году на материале рассказа «Два друга» (в более позднем варианте «Актриса», см. наст. Собр. соч., т. 2).

Комедию «Выстрел» А. Н. Толстой написал по предложению В. И. Немировича-Данченко для Московского Художественного театра. Зная высокие требования этого коллектива, драматург отделывал пьесу особенно тщательно. «...я пять месяцев работал над «Выстрелом» и ничего другого не писал»,— сообщал он Немировичу-Данченко в одном из писем 1913 года. (Архив музея МХАТ.) Однако в Художественном театре пьеса поставлена не была. 20 октября 1914 года состоялась ее премьера в другом московском театре — К. Н. Незлобина. Особого успеха спектакль не имел, хотя критика отмечала своеобразие пьесы, сочные краски, интересный образ «современной актрисы, изломанной, кривляющейся, несчастной». («Театральная газета», 1914, № 41.)

Сам драматург не был удовлетворен пьесой и отказался от ее публикации. «Выстрел» был напечатан только для театра — литографским способом (издание «Театральной газеты», типолитография И. Ф. Смирнова, М. 1914).

В 1917 году А. Н. Толстой переработал комедию. В новой редакции она получила название «Кукушкины слезы». Сохранив старый сюжет, автор во многом изменил характеры героев. Иным стал прежде всего образ Огневой. Драматург наделил ее умом и талантом, превратив из жалкой и взбалмошной «кукушки без гнезда» в женщину, измученную жизнью, но способную нежно любить и отстаивать свое счастье. Более цельным и решительным человеком стал Хомутов. Изменились и другие персонажи пьесы: Бабин, Наташа; поэтичнее стала история их любви.

Переделывая комедию, драматург отказался от многих эпизодов, замедлявших развитие действия. Исчезла сцена ревности, которую устраивала Наташе воцарившаяся в ее доме Огнева.

Всего несколько реплик осталось от большой роли Анютки. Автор снял ее разговор с Наташей о любви и картину «мести» Бабину, которого по просьбе Анютки избивали три мужика.

Текст новой пьесы значительно экономнее. Драматург вычеркнул лишние реплики, сократил пространные монологи. Живее, образнее, реалистичнее стал язык героев комедии.

Несколько изменился конец пьесы. «Выстрел» заканчивался решением Хомутова стать управляющим графским имением.

Впервые пьеса «Кукушкины слезы» была напечатана в сборнике Клуба московских писателей «Ветвь», М. 1917. Вошла в Собрания сочинений А. Н. Толстого, «Книгоиздательство писателей в Москве», 1918 (том X, «Комедии о любви») и Гиз, т. XIII, 1929.

В 1929 году, включая пьесу в Собрание сочинений (Гиз), драматург заново отредактировал ее. Особенно большой правке подверглись диалог Наташи и Бабина во втором действии и конец пьесы. Финальную реплику Огневой: «Постойте... постойте. *(Кукует кукушка.)* Шесть... семь... восемь. *(Упала головой на руки. Заплакала.)*» — Толстой снял, заменив ее появлением почтмейстера с телеграммой.

В январе 1918 года «Кукушкины слезы» были поставлены в Петрограде, в Александринском театре. Почти одновременно состоялась премьера комедии в московском театре К. Н. Незлобина.

Критика встретила пьесу Толстого и ее постановки крайне недружелюбно. В большинстве случаев рецензенты даже не замечали отличия новой пьесы от «Выстрела». Возражая критикам, отрицавшим достоинства комедии, Ю. Соболев писал в журнале «Рампа и жизнь» (1918, № 5): «Только лишенные малейшей наблюдательности и обиженные памятью могут говорить, что эти две вещи «одно и то же». Да, содержание их общее... Но насколько была неуклюжей внешняя форма «Выстрела», настолько же четкой, компактной и прозрачной стала она в «Кукушкиных слезах». Как же не заметить этой коренной переработки двух последних актов? И как не оценить такой огромный авторский труд? Говорят, что и «Кукушкины слезы» только «скользят по жизни», не задевая ее глубин,— не знаю, верно ли это, но вот чувствую, как глубоко волнует меня эта смешная история о бедной провинциальной актрисе, одинокой, как кукушка. И, кажется мне, я понимаю авторское пристрастие к сюжету, уже дважды подвергшемуся переделке».

Комедия «Кукушкины слезы» ставилась и на периферии — в 1919 году в Старой Руссе, в 1924 году — в Одесском театре имени Шевченко.

Печатается по тексту XIII тома Собрания сочинений А. Н. Толстого, Гиз, Л. 1929.

КАСАТКА

Написана в 1916 году (дата окончания — 16 ноября), тематически тесно связана с «семейными хрониками», которыми Толстой начинал свой писательский путь, и особенно — с одной из ранних повестей «Заволжского цикла» — «Неделя в Туреневе» (более позднее название «Петушок». См. наст. Собр. соч., т. 1).

В 1916 году в доме Толстых гостила тетка писателя, Мария Леонтьевна Тургенева, из рассказов которой Алексей Николаевич не раз черпал сюжеты своих ранних произведений. «Пребывание тети Маши у нас в доме весной и летом 1916 года, несомненно, способствовало написанию пьесы «Касатка», сюжет которой заимствован из бурной жизни любимого племянника тети Маши, Леонтия Комарова. Еще ранее тот же сюжет использован был Толстым в повести «Неделя в Туреневе»,— вспоминает Н. В. Крандиевская-Толстая. (Архив А. Н. Толстого.) По ее же свидетельству «Касатка» написана была одним духом, скоропалительно, недели в две...»

«Ни одну пьесу я не писал так легко и весело, как «Касатку»,— отмечал А. Н. Толстой. (Архив А. Н. Толстого.)

Сюжет «Касатки» в общих чертах совпадает с сюжетом «Недели в Туреневе», но тема пьесы иная. В повести Толстой рассказывал о духовном вырождении дворянства, о запустении и развале старых усадеб, о насильниках, живущих «под старыми липами».

В пьесе тема насилия совершенно исчезает, сменяясь новой (основной для предреволюционного творчества писателя) темой могучей очищающей силы любви. Так по-разному — в разные периоды творчества — осмысляется и преломляется в произведениях Толстого один и тот же жизненный материал.

Первая постановка «Касатки» была осуществлена Московским Драматическим театром. Премьера состоялась 12 декабря 1916 года. «Пьеса имела огромный успех,— вспоминает Н. В. Крандиевская-Толстая.— Автора и актеров вызывали раз

десять. В течение нескольких месяцев «Касатка» шла с аншлагами. Блестящие отзывы прессы сопровождали спектакль и в столице и в провинции...» (Архив А. Н. Толстого.)

Среди актеров, игравших в «Касатке», были крупные мастера: М. Блюменталь-Тамарина, М. Нароков, Н. Радин. Роль тетушки, по свидетельству современников, стала одной из лучших в репертуаре Блюменталь-Тамариной.

В 1923 году «Касатка» была вновь поставлена в Москве, в театре «Комедия» (премьера 21 мая 1923 г.). Играли в ней те же, горячо полюбившие ее актеры. Спектакль пользовался большим успехом у советского зрителя. «Пьеса и исполнители пережили революцию и не увяли... значит, это настоящая человеческая (для человека от человека — сердце к сердцу) пьеса, значит, актеры, игравшие ее,— люди, через старость пришедшие с нами ко второй жизни». (См. рецензию Ю. Слезкина в журнале «Театр и музыка», № 11, 22 мая 1923 г.)

Сам Толстой очень любил эту свою пьесу и даже играл в ней роль Желтухина. Во время первого своего выступления — в январе 1922 года в русском театре в Риге — он исполнял написанный специально для этого спектакля и не вошедший ни в одно издание пьесы «Романс Желтухина»:

Огнями ресторан сиял,
Румынская запела скрипка,
И ты глядела в дымный зал
С печальной, нежною улыбкой.

Я подошел. О, будь со мной,
Люби меня. Ты сжала руки.
Какою дивною тоской
Нам пела скрипка о разлуке.

Забудь. Приди. Люби. Живи...
И билось сердце странно, сладко...
О вспомни эту ночь любви,
Красавица моя Касатка...

Впоследствии А. Н. Толстой не раз играл эту роль во время летних поездок с театрами по Советскому Союзу.

Особенно интересны два представления «Касатки», устроенные в мае 1933 года Московским отделением Союза писателей в пользу подшефной МТС. Толстой не только выступил в этих

спектаклях вместе со своими друзьями-актерами: Н. Радиным, М. Блюменталь-Тамариной, Е. Шатровой, В. Массалитиновой, Н. Белевцевой, но и заново отредактировал текст пьесы. По-новому зазвучали многие реплики Маши, князя, Варвары, Желтухина; более резким стало объяснение Раисы с Ильей перед свадьбой.

Особенно большим изменениям подверглось последнее (четвертое) действие комедии. Усилились тревожные нотки в написанном заново разговоре Ильи и Маши на пристани, после бегства. Беспокойство за будущее, неверие в долговечность счастья зазвучали в новых словах Касатки, обращенных к Варваре: «Если вам дорог Илюша... Я буду ему верной женой... Покуда он сам захочет,— буду любить его... Я скверная, я дурная, у меня ничего нет, у меня ничего нет... Но я буду любить его... Он будет, наверно, недолго со мной, я знаю... Но — пусть, но — пусть...», «Пусть счастье будет мимолетным, но будет счастье...»

В новом варианте финала драматург устами Желтухина так выражал основную идею комедии: «Я говорю,— вот она любовь-то... Необыкновенно грозное явление природы... Я где-то читал, что с ней даже наука отказывается бороться... А нам, конечно, старикам, одно остается — надеяться, что все будет к счастью...» Кстати, в этом варианте будущее самого Желтухина складывалось менее удачно: раздосадованная Варвара уходила, не пригласив его к себе «на хлеба». Комедия заканчивалась словами письма, которым Желтухин надеялся смягчить сердце тетушки: «Жизнь это тяжелая и даже нелепая штука... И неужели вы способны, дорогая тетушка, беспощадно оттолкнуть обиженное этой жизнью существо, ведь несколько недель, проведенных под вашим гостеприимным кровом, вдохнули бы в меня новую жизнь... Ах, тетушка, тетушка...»

В дальнейшем, включая «Касатку» в Собрание сочинений («Художественная литература», т. VIII, М. 1936) и в сборник «Пьесы» («Искусство», М.—Л. 1940), драматург эту правку не учитывал.

«Касатка» — одна из самых популярных пьес А. Н. Толстого. В конце 30-х — начале 40-х годов она ставилась во многих театрах Советского Союза. «...шибко пошли мои пьесы и в особенности «Касатка»,— отмечал Толстой в октябре 1940 года. (Архив А. Н. Толстого.)

«Дорогой Алексей Николаевич, вчера большим успехом Владивостокском Крайдрамтеатре имени Горького прошла премьера

«Касатки». С радостью осуществили новый постановочный вариант»,— телеграфировали автору артисты Владивостока 12 февраля 1941 года. (Архив А. Н. Толстого.) Примерно в этот же период «Касатка» шла в Москве (в театре Драмы и Комедии), Алма-Ате, Семипалатинске, Феодосии и ряде других городов. Сценическая жизнь пьесы не прекращается и сейчас. В 1956 году — спустя 40 лет после написания «Касатки» — ее с успехом поставил Областной драматический театр г. Черкасска. В следующем сезоне постановку комедии осуществил Драматический театр г. Урюпинска, в 1958 году — Московский гастрольный театр.

Напечатана «Касатка» была впервые в 1916 году, в издании «Театральной библиотеки», а затем — в 7-й книге литературно-художественного сборника «Слово» («Книгоиздательство писателей в Москве», 1917). Входила во все собрания сочинений А. Н. Толстого.

Печатается по тексту сборника «Пьесы», «Искусство», М.— Л. 1940.

РАКЕТА

Написана весной 1916 года для Московского Драматического театра. Однако труппе она не понравилась. «А. Н. Толстой читал нам у себя дома «Ракету». Нам она не очень понравилась. Нашу оценку автор принял без малейшего неудовольствия», — вспоминал артист М. С. Нароков. «Я вам напишу пьесу получше этой»,— сказал драматург. Впоследствии он утверждал, что неудачная, по его мнению, «Ракета» была разбегом для написания «Касатки». (Архив А. Н. Толстого.)

Впервые поставлена в Петрограде, в театре Сабурова, 18 октября 1916 года. Спектакль не имел успеха. Театру не удалось передать драматическую напряженность пьесы, ощущение предгрозовой атмосферы, которым, по замыслу автора, должна быть пронизана «Ракета». Поставленный в чисто комедийном стиле, спектакль обнажил и подчеркнул недостатки этого произведения Толстого. «Ни Грановская в главной роли, ни режиссер Арбатов, ни роскошная постановка — не спасли пьесы»,— писала в своих «Воспоминаниях» Н. В. Крандиевская-Толстая. (Архив А. Н. Толстого.)

В начале 1917 года «Ракета» была показана на сцене Малого театра. Премьера состоялась 16 января. Толстой, находившийся в это время в Москве, ожидал ее с большим волнением.

«Ракета» провалится, я уверен»,— писал он жене. Действительно, отзывы критики были резко отрицательными. Но у зрителей пьеса имела несомненный успех. Спектакль делал полные сборы, и демократически настроенная часть зрителей бурно аплодировала исполнительнице главной роли Е. Т. Жихаревой, горячо передававшей протест Даши против буржуазной морали, ее стремление к новой, чистой и радостной жизни. «...Вы так играли финал пьесы, что было ясно, что Даша, вся обращенная к будущему, уйдет в эту новую жизнь, как в революцию»,— писал Жихаревой один из зрителей спектакля.

Интересно, что в первоначальном неопубликованном варианте пьесы (Архив А. Н. Толстого) прямо говорилось о революционных настроениях героини. «Никита, нам нужно сделать что-то огромное для людей, для всей России»,— восклицала Даша в последнем акте. «Если в России случится такое, для чего нам нужно умереть? Ты готов? Но не так, чтобы с надрывом и жертвой, а радостно...» — спрашивала она.

Иным был финал пьесы:

«Даша. Ты слышишь музыку? Какие громкие трубы! Никита, я чувствую, что-то случилось. Что-то происходит сейчас с нами, со всеми людьми, точно рушится все старое и люди освобождаются от злых, дурных снов. Что это? Настает новая жизнь? Теперь ты знаешь, куда мы должны отдать все силы?

Табардин. Да.

(За кулисами гул, чуть слышны солдатское пение, музыка)».
(Архив А. Н. Толстого.)

В окончательной редакции пьесы призывы героини звучат менее определенно. Драматург почувствовал, что та Даша, которую он нарисовал в первых актах, еще не готова, не может быть готова к революционной борьбе, и ограничил протесты и стремления своих героев кругом моральных проблем. При этом Толстой старался сохранить в пьесе атмосферу предгрозья, предчувствие близкого перелома, которое зрители так ясно ощутили впоследствии в спектаклях Малого театра.

Впервые напечатана в книге «Комедии о любви» — в X томе Собрания сочинений А. Н. Толстого, «Книгоиздательство писателей в Москве», 1918. В последующие собрания сочинений не входила.

Печатается по тексту книги «Комедии о любви».

МРАКОБЕСЫ

Впервые под названием «Горький цвет» напечатана литографским способом «Театральной библиотекой М. Соколовой», 1917. Вошла в сборник «Гр. А. Н. Толстой. Горький цвет. Пьесы», Русское универсальное издательство, Берлин, 1922.

«Я отлично помню момент ее написания,— вспоминал драматург в статье «Формализм — идейная пустота художника».— Это был как раз июль — август 1917 года. Я жил под Москвой и бродил по оврагам, заросшим березой, придумывая сюжет».

Момент, с которого должна начаться сценическая жизнь героев комедии, был найден не сразу. Об этом свидетельствуют черновые наброски первого акта, хранящиеся в архиве А. Н. Толстого. Действие начинается в них задолго до появления Лизы у церкви, где венчают Мирру и Драгоменецкого. Черновики раскрывают «предысторию» событий, описанных в окончательной редакции пьесы, знакомят с прошлым Лизы — племянницы дьячка, капризной, романтически настроенной девушки, которая увлекается французскими романами и мечтает о появлении прекрасного графа.

По первоначальному замыслу автора любовная интрига должна была развиваться стремительно. Во всех набросках граф — Драгоменецкий — появляется уже в первой сцене. Он красив, богат, но в городе не напрасно шепчут о его «темном прошлом». В одном из набросков выведен и Вологодов — в этом варианте постоялец дьячка и отвергнутый жених Лизы. Мотив разорения Драгоменецкого вначале отсутствовал. Постепенно изменялись характеры действующих лиц. Проще и строже становилась Лиза, драматичнее ее любовь к Драгоменецкому. «Роковые страсти» сменялись обстоятельствами реальной будничной жизни, и все большее место занимал в пьесе «старец» Акила и весь окружающий его душный мир наживы, мракобесия, изуверства.

Пьеса «Горький цвет» предназначалась автором для Московского Драматического театра. Роль Драгоменецкого А. Н. Толстой писал в расчете на исполнение Н. М. Радина — создателя блестящих сценических образов Бельского и Шилова в пьесах «Касатка» и «Нечистая сила».

2 сентября 1917 года состоялась премьера комедии в Московском Драматическом театре (постановка Ю. Озаровского). Спектакль, в котором участвовали известные актеры — М. Блю-

менталь-Тамарина, М. Нароков, Н. Радин, Е. Шатрова, вызвал многочисленные отклики прессы.

По свидетельству современников, в образе Акилы (исполнение Нарокова) публика того времени видела портрет Распутина. Действительно, создавая эту роль, драматург стремился отразить черты Григория Распутина. А. Толстой был хорошо знаком с вышедшей весной 1917 года книгой Сергея Труфанова (бывшего иеромонаха Илиодора) «Святой черт» и почерпнул из нее ряд материалов для характеристики Акилы и его окружения. Однако полностью отождествлять Акилу с Распутиным, конечно, нельзя. «Герой» комедии Толстого проще, примитивнее, он действует в другой среде, круг его возможностей гораздо уже.

Весной 1924 года драматург переработал пьесу. Центральное место в ней заняла отсутствовавшая в первом варианте комедии сцена в скиту, когда Акила «изгоняет» из Драгоменецкого «блудного и пьяного беса». Новый вариант пьесы под названием «Изгнание блудного беса» был поставлен в 1925 году режиссером Н. В. Петровым в Ленинградском государственном академическом театре драмы. Тогда же А. Н. Толстой совместно с П. Е. Щеголевым начал работать над сценарием одноименного фильма. «Трагикомедия суеверия» — так определил драматург «сквозное действие» будущей кинокартины.

Как видно из хранящейся в архиве А. Н. Толстого схемы сценария, автор хотел оставить неизменными основные сюжетные положения комедии. Но действие фильма должно было развиваться уже после революции, в годы нэпа. Лиза становилась дочерью чиновника, погибшего в борьбе за революцию; Драгоменецкий — молодым актером драматической труппы, приехавшей на гастроли в провинциальный городок; Мирра — богатой вдовой, «покупающей» оставшегося без денег актера; Егор Иванович Вологодов и «природный анархист» бродяга Володька объединялись в образе «веселого человека», студента Московского политехникума Володьки, который разоблачает темные махинации Акилы и помогает Лизе освободиться от влияния мракобесов.

Большое место в замысле сценария занимали «народные сцены» и разоблачение «хитро подстроенной механики Акилиного ясновидения и чудотворства».

Иным, чем в пьесе, должен был быть финал:

«Народ громит скит, добирается убить Акилу за обман. Сцены темноты, растерянности, отчаяния — подорванной веры.

Пожар скита. Бегство Драгоменецкого. Мирра требует у Акилы чуда. Акила и Мирра гибнут в огне.

Володька и Лиза покидают городок. Картины мирной трудовой сельской жизни. Лиза пробуждается от тяжкого сна. Новая любовь. Они приезжают в Москву». (Архив А. Н. Толстого.)

Работу над сценарием А. Н. Толстой не закончил. Но десять лет спустя он вновь вернулся к этой теме и создал третий вариант пьесы — «Акила». Под этим названием комедия была напечатана в журнале «Молодая гвардия», 1936, № 1. Одновременно начались репетиции «Акилы» в МХАТ II. Спектакль не был показан из-за закрытия театра.

Новая редакция пьесы не вполне удовлетворяла Толстого. Драматург продолжал работать над ней и после опубликования. Уточнялись и углублялись характеристики действующих лиц, все более зловещей и близкой к своему историческому прототипу становилась фигура Акилы. В последнем (четвертом) варианте комедии история несчастной любви Лизаветы Антоновны окончательно отодвинулась на второй план. Центральной стала связанная с образом Акилы сатирическая тема «распутинщины», разоблачение религиозного дурмана, ханжества, мракобесия. Именно эту тему и подчеркнул автор в новом названии — «Мракобесы».

В мае 1938 года, вскоре после завершения писателем четвертого варианта, комедию «Мракобесы» поставил Киевский театр Красной Армии. В дальнейшем к ней не раз обращались периферийные театральные коллективы. В 1939 году пьеса с успехом шла в Вологодской области (спектакль Устюбинского колхозно-совхозного театра). Осуществлена была постановка «Мракобесов» в городском театре Комсомольска-на-Амуре (1954) и Балашовском Областном передвижном театре (1955 г.).

Печатается по тексту сборника «Пьесы», «Искусство», М.— Л. 1940.

ЛЮБОВЬ — КНИГА ЗОЛОТАЯ

Первая редакция комедии написана в Одессе в начале 1919 года, непосредственно перед отъездом писателя за границу, в эмиграцию. «Бегство из Одессы. Кончал 3-й акт пьесы»,— записывает А. Н. Толстой 3 апреля 1919 года в своем дневнике.

Впервые вышла отдельным изданием (Берлин, книгоизда-

тельство «Москва», 1922). В дальнейшем входила в Собрания сочинений А. Н. Толстого в изданиях Гиз (т. XIII), «Недра» (т. XIII), «Художественная литература» (т. VIII). Осенью 1936 года А. Н. Толстой переработал пьесу. Вторая ее редакция, публикуемая в настоящем Собрании сочинений, впервые появилась в 1940 году, отдельным изданием («Искусство», М.—Л. 1940), и в сборнике «Пьесы» («Искусство», М.—Л. 1940).

В театральный сезон 1920—1921 года в Париже, в театре Жака Копо «Старая голубятня» была осуществлена первая постановка комедии «Любовь — книга золотая». В 1923 году над пьесой начали работать артисты Первой студии МХАТ. Премьера спектакля «Любовь — книга золотая», поставленного артисткой Первой студии С. Г. Бирман, состоялась 3 января 1924 года. Екатерину II играла Л. Дейкун, княгиню — Е. Корнакова, князя — Л. Волков, Саньку — С. Гиацинтова, Никиту — А. Благонравов, старого шута Решето — В. Попов. Спектакль шел в декорациях Д. Н. Кардовского.

Критика встретила комедию недоброжелательно.

Суровую оценку получил первый вариант пьесы Толстого в «Правде»: «Любовь — книга золотая» — ненужная пьеса. Это произведение А. Толстого от начала до конца зализано такой сентиментальностью и настолько бессодержательно, что в сравнении с ней пьесы отчасти аналогичные по содержанию и по теме, вроде известной «Псиша», кажутся шедеврами и революционными произведениями» («Правда», 8 января 1924 г.). Интересно, что «Любовь — книга золотая» сопоставлена здесь с пьесой Ю. Беляева «Псиша» (1912), посвященной быту крепостных актеров XVIII века. Упоминанием о тематической близости этих произведений рецензент подчеркивал, что главным в комедии А. Н. Толстого он считает не традиционный любовный сюжет, а изображение крепостных «сатиров» и «нимф». Правильность такой трактовки впоследствии подтвердилась — переделывая пьесу в 1936 году, драматург развил и выдвинул на первый план именно эту тему.

Вторая редакция комедии значительно отличается от той пьесы-шутки, которую Толстой написал в 1919 году. Перерабатывая произведение, драматург старался освободить его от элементов стилизации, перевести в реалистический план.

Существенным изменениям подверглись характеры действующих лиц, и прежде всего — характер императрицы; иным стал финал комедии. В новой редакции Екатерина выступает уже не

идеальной государыней, кроткой и благородной. Теперь мы видим в ней властную и жестокую самодержицу, привыкшую к беспрекословному подчинению со стороны своих подданных, и в то же время — капризную женщину, увядающую красавицу, которая блеском власти пытается заменить утраченное очарование молодости.

В пьесе 1919 года Екатерина, узнав о любви своего фаворита Завалишина к молоденькой княгине Дарье, подавляла свое чувство, чтобы устроить счастье крестницы. «А все же, Валерьян, вы не испортили мне счастливого дня,— говорит она Завалишину в финале первого варианта комедии —...Мне лишь удалось сделать открытие, что вот такая сорока оказывается посильнее короны Российской империи...» Во второй редакции стареющая императрица беспощадно сметает с пути соперницу.

В редакции 1936 года сильны элементы сатиры, почти отсутствовавшие в первоначальном варианте. Драматург равно высмеивает и домостроевские взгляды старого князя, и поверхностное, однобокое увлечение екатерининского дворянства античной культурой. Причудливо сплетая галлицизмы и искаженные образы греческой мифологии с чисто русскими, простонародными выражениями, Толстой создает яркую пародию на «галантный» язык придворной знати XVIII столетия.

В 1936 году специально для новой пьесы были написаны курьезные «оргические» песни, которые дворовые девушки упорно распевают на русский лад. Пародируя «античные» гимны XVIII века, Толстой широко пользовался народным песенным творчеством. Песни, которые по приказанию княгини исполняет крепостной хор: «Как во греческом лесу, да на Парнасе...», «Молодой козел на речку пошел...», «Как полез Опанас на гору Парнас...», «Нимфа лен брала, нимфа холст ткала...» и др., несомненно, подсказаны драматургу шуточными произведениями русского фольклора.

Значительно глубже и реалистичнее раскрывается во втором варианте комедии тема крепостнических отношений. Исчезает «патриархальная» близость между господами и слугами. Превращение дворовых в «лесных богов» происходит теперь далеко не в столь идиллических тонах, как в первой пьесе. Господская «блажь» вызывает у занятых работой крестьян досаду и озлобление. Княгине то и дело приходится жаловаться на «распустившихся людишек», которые не желают выполнять ее прихотей.

Горькой иронии полна песня девушек о «богатом» урожае лебеды. И уж совсем непочтительно звучат обращенные к императрице слова крепостного «лешего» Федора: «Хохотать-то еще потребуется, что ли? А то я бы пошел. Лошаденка в поле непоеная, это во внимание надо принять...»

Идиллия разрушается, и из-под изящной греческой маски выглядывает подлинное лицо русской деревни XVIII века, со всеми тяготами нищеты и крепостного права.

В редакции 1936 года Толстому удалось преодолеть характерные для первоначального варианта пьесы стилизаторские тенденции и создать веселую, реалистическую комедию с элементами исторической сатиры. Сам автор считал, что общий строй новой пьесы определяется, в первую очередь, сатирическими мотивами. Не случайно он хотел увидеть второй вариант своей комедии именно на сцене театра Сатиры. В сентябре 1940 года А. Н. Толстой передал «Любовь — книгу золотую» этому театру. Постановка осуществлена не была.

Печатается по тексту сборника «Пьесы» («Искусство», М.— Л. 1940).

ЗАГОВОР ИМПЕРАТРИЦЫ

Написана в 1925 году в соавторстве с профессором П. Е. Щеголевым.

Известный историк литературы и общественной мысли Павел Елисеевич Щеголев был членом Чрезвычайной следственной комиссии, назначенной Временным правительством для расследования преступлений царских министров и близких к Николаю II лиц. С 1924 по 1927 год в Ленинграде выходили под редакцией Щеголева стенографические отчеты комиссии под названием «Падение царского режима» (7 томов). В первых трех томах были напечатаны протоколы допросов и показания А. А. Вырубовой, Н. А. Добровольского, А. Д. Протопопова, Б. В. Штюрмера и др. Многие из этих материалов были использованы в пьесе «Заговор императрицы».

Исторические документы, на которых строится пьеса, подобраны П. Е. Щеголевым. Совместно составлен сценарий (план) произведения и определено его содержание. В дальнейшем Толстой работал над пьесой один.

Интерес А. Н. Толстого к теме последних дней самодержавия не случаен. Еще до Великой Октябрьской революции, летом

1917 года, писатель выступил с пьесой «Горький цвет» (см. комментарии к пьесе «Мракобесы»), в которой воссоздал атмосферу «распутинщины». Тематически «Заговор императрицы» связан и с трилогией «Хождение по мукам», в первой части которой (роман «Сестры») изображены события, предшествовавшие Великому Октябрю.

«Заговор императрицы» был впервые показан на сцене Московского театра «Комедия» 12 марта 1925 года (постановка А. Петровского и Б. Вильнера). В целом, отрицательно оценивая этот спектакль, критика отмечала удачное исполнение ролей Распутина (Стефанов), Николая II (Топорков), Протопопова (Леонтьев) и Феликса Юсупова (Кторов).

Неделю спустя — 19 марта 1925 года состоялась премьера «Заговора императрицы» в Большом Драматическом театре в Ленинграде. (Постановка А. Лаврентьева, худож. В. Щуко, муз. оформ. Ю. Шапорина.) Роль Распутина в этом спектакле исполнял Н. Монахов, Николая II — В. Софронов, царицы — Н. Комаровская.

В 1925—1926 годах «Заговор императрицы» был одним из самых популярных спектаклей. Почти в течение двух сезонов он шел одновременно на шести сценах столицы, в том числе — на сцене Государственного Академического Малого театра (премьера 13 июля 1925 г.).

В Большом Драматическом театре в Ленинграде пьеса выдержала 173 представления. Тогда же, в 1925 году, она была поставлена еще в двух ленинградских театрах — Василеостровском и Драмтеатре Госнардома. К осени 1925 года пьеса шла уже в 13, а в следующем, 1926 году,— в 14 городах.

Постановка «Заговора императрицы» в этом театре пользовалась шумным успехом.

«Пьеса «Заговор императрицы» в хорошо продуманном выполнении Большого Драматического театра является одной из лучших постановок этого года»,— утверждал один из первых зрителей спектакля.

«Заговор императрицы» как революционную хронику, хорошую политическую сатиру можно только рекомендовать рабочему зрителю...», «...Пьеса необычайно убедительна в театре...», «...Все артисты вполне на высоте своего призвания, особенно Н. Ф. Монахов, дающий на редкость яркую фигуру Распутина, пожалуй, даже более яркую, чем она в действительности бы-

ла»,— говорилось в других отзывах. (См. журнал «Жизнь искусства», 1925, № 12.)

Критика, напротив, оценила и пьесу и ее постановки отрицательно. Преувеличив действительные недостатки произведения, рецензенты безоговорочно причислили «Заговор императрицы» к серии интимных «дворцовых» драм, рассчитанных на дешевую сенсацию.

Несмотря на этот, довольно суровый, приговор критики, пьеса пользовалась такой популярностью, что авторам даже предложили создать на ее основе кинофильм. Содержание будущего киносценария под названием «Заговор Распутина» было опубликовано в журнале «Жизнь искусства» 22 сентября 1925 г., № 38. Однако работа над сценарием не была доведена до конца.

Пьеса впервые напечатана в 1925 году в Берлине (издание авторов). Первое издание в Советском Союзе: «Заговор императрицы». Историческая пьеса, с 6 снимками с постановки Большого Драматического театра в Ленинграде, Гиз, Л. 1926.

Печатается по тексту XIV тома Собрания сочинений А. Н. Толстого, изд. «Недра», М. 1930.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Написана в августе — сентябре 1926 года. Первоначально называлась «Кому достанется». Впервые напечатана в приложении к журналу «30 дней», 1926, № 12. Вошла в собрания сочинений А. Н. Толстого в изданиях Гиз (1929, т. XIII), «Недра» (1930, т. XIII) и «Художественная литература» (1936, т. 8).

Историю создания пьесы драматург рассказал в письме В. В. Вересаеву от 12 января 1927 года: «...В сентябре 1926 года я написал комедию «Чудеса в решете». Материалом для нее послужили обстановка и персонажи дома, где я живу на Ждановской набережной. «Чудеса в решете» — это комедия мещанских нравов сегодняшнего дня. Ее тема — молодая жизнь, пробивающая сквозь дебри еще не изжитого быта двора, улицы, кабака. Когда я обдумывал сюжет пьесы, то есть ту завязку, которая заставляет персонажи группироваться вокруг единого стержня (сквозного действия) и совершать те самые ускоренные, более ускоренные, чем в обычной жизни, действия и поступки,— что и составляет ткань драматического, в особенности комедийного, представления,— когда я искал таковой сюжет, вероятный, жиз-

ненный и понятный массам,— в это время началась кампания выигрышного займа. О выигрышных билетах кричали газеты, афиши, рекламы в кино. Сама жизнь давала мне сюжет: выигрышный билет. И когда я приложил его к быту нашего двора, все персонажи ожили, пьеса была готова, я быстро ее написал». (Архив А. Н. Толстого.)

Называя «Чудеса в решете» «бытовой комедией типов и нравов», А. Н. Толстой подчеркивал, что главное в ней — сатирическое изображение современного мещанства. «Природа пьесы идет по гоголевскому родству. Я так и думаю, что ставить ее нужно в гоголевских тонах»,— писал он артисту В. А. Подгорному. (Архив А. Н. Толстого.)

29 октября 1926 года «Чудеса в решете» были показаны на сцене Московского Драматического театра. В спектакле выступили М. Блюменталь-Тамарина, Б. Борисов, Н. Радин. Большой успех выпал на долю В. Поповой, создавшей живой и лиричный образ «девушки из Рязани», Любы Кольцовой.

Месяц спустя пьеса была поставлена в Ленинграде. 26 ноября состоялась премьера в театре «Комедия» с Е. М. Грановской в роли Марго (режиссер — К. П. Хохлов, художник — Н. П. Акимов).

В 1926—1927 годах «Чудеса в решете» шли во многих театрах. В декабре 1926 года комедия была поставлена в Ташкенте (театр им. Свердлова) и Ростове-на-Дону (театр им. Луначарского), в 1927 году — в ленинградском «Молодом театре» и Государственном Краснозаводском театре русской драмы (Харьков). В 1928 году пьеса Толстого, переведенная на еврейский язык, шла под названием «Гановим-трест» в еврейском театре Муздрамкомедии.

В многочисленных откликах на спектакли критики отмечали «приятную лиричность» комедии, «умелое использование хотя и не новых, но забавных положений», живописный и свежий язык. Но в целом пьеса в большинстве рецензий оценивалась отрицательно. «Персонажи этой пьесы достаточно трафаретны и нежизненны,— писал в журнале «Новый зритель» (1926, № 46) Як. Апушкин.— Вернее — это даже не персонажи, не живые люди с плотью и кровью, но некие театральные маски, творимые современной нашей драматургией. У каждой из этих масок есть свои предки, свои предшественники и свояки. Они рассеяны по всем нашим театрам, по всем пьесам, написанным за последние три года. Ал. Толстой объединил их в одном спектакле, и они

проходят перед зрителем веселым (нужно отдать должное), но малозначительным парадом».

Многие критики, не заметив «гоголевского родства» пьесы, безоговорочно отнесли ее к числу «комедий о любви». В рецензии на спектакль ленинградского театра «Комедия» К. Тверской писал о «Чудесах в решете» как о пьесе, «ни к кому и никуда не адресующейся, никого не осмеивающей, лишенной какого бы то ни было социального значимого содержания...» («Рабочий и театр», 1926, № 48). Другие, напротив, критиковали комедию за излишнюю «сатиричность». «Здесь быт проходного двора, мещанского болота, взбаламученного революцией... Ни на что большее автор, по-видимому, не претендовал»,— писали рабкоры того же журнала «Рабочий и театр» (1926, № 49).

В 1926 году А. Н. Толстой выступил со статьей о «Чудесах в решете», ответив в ней на многие упреки критики. «Внутренняя, психологическая тема комедии — оптимизм молодой жизни, пробивающейся сквозь уродливые облики и звериные маски окружения,— в сущности, оптимизм всего нашего молодого государства,— писал драматург.— При постановке «Чудес» в Москве печать меня, между прочим, упрекала в том, что я дал трафарет типов. Да, я знаю, что и в других современных пьесах можно найти таких же персонажей, как управдом, вор, проститутка, темный делец, зав, рабочий. Но пользоваться одинаковыми типами и явлениями — я считаю вовсе не недостатком драматургии, а скорее ее заслугой: ведь всегда и везде искусство в каждую данную эпоху отображало одни и те же явления и сюжеты, и из этого выработались бессмертные произведения.

Заговорив о сюжете, не могу не остановиться на обвинении меня критикой в банально благополучном его разрешении. Последнее мне диктовалось, с одной стороны, опитимизмом взятой мною темы, а с другой — волей зрителя, выработавшейся под влиянием его личных наблюдений как жизни, так и отображающего ее спектакля. Конечно, можно было придумать любой самый трагический конец. Но, выработав определенный взгляд на театр, как таковой, я считал это совершенно для себя недопустимым; главная задача драматурга — уловить волю зрителя к добру, злу, счастью, горю и т. д. и преломить ее в себе, как в фокусе коллектива идеальных зрителей, и беда, если он обманет веру зрителя в правду; это с его стороны — великое моральное преступление». («Театры и зрелища», приложение к журналу «Жизнь искусства», 1926, № 48.)

Тот же сюжет — погоню за выигрышным билетом,— только построенный на другом жизненном материале, А. Н. Толстой впоследствии использовал в пьесе «Сто тысяч».

Печатается по тексту 8-го тома Собрания сочинений, «Художественная литература», Л. 1936, с поправками автора.

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Написана в 1937—1938 годах. Впервые напечатана в журнале «Молодая гвардия», 1938, № 3, под заглавием: «Петр I, пьеса в 4-х действиях и 10-ти картинах. Третий вариант». С некоторыми поправками включена в сборник «Пьесы», «Искусство», М.—Л. 1940.

Тема Петра Первого и Петровской эпохи — одна из важнейших в творчестве А. Н. Толстого. Начав ее разработку в 1917 году (рассказы «Первые террористы», «Наваждение», «День Петра»), писатель не переставал возвращаться к ней до конца жизни. На материале петровского времени были написаны не только три книги знаменитого романа, но и сценарий фильма «Петр Первый», три пьесы, рассказ «Марта Рабе».

Первая пьеса А. Н. Толстого об эпохе Петра — трагедия «На дыбе» («Петр Первый») была написана в 1928 году. Пьеса раскрывала историческую прогрессивность смелых начинаний Петра. Вместе с тем с морально-этической точки зрения драматург продолжал сурово осуждать своего героя. Созданный в трагедии образ Петра I очень противоречив. Крупный государственный деятель, патриот, заботящийся о благе отечества, он в то же время страшный деспот, самодержец, ненавидимый всем народом.

Серьезной ошибкой драматурга явилось отрицание ведущей роли народа в борьбе за национальную независимость родины. Построив трагедию на исторически-ложном конфликте между царем-преобразователем и противостоящим ему отсталым народом, А. Толстой преувеличил роль Петра Первого в укреплении и обновлении русского государства. Впоследствии, отрицательно оценивая «На дыбе», автор признавал, что «в первом варианте Петр попахивал Мережковским», а вся пьеса была «сверху и донизу насыщена пессимизмом». (А. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 575.)

Осенью 1934 года, вскоре после выхода в свет второй книги романа «Петр Первый», А. Н. Толстой начал переработку «На

дыбе». Обогащенный опытом создания романа, он сумел по-новому подойти к драматургическому воплощению Петровской эпохи. «Вторая редакция пишется в ином, чисто реалистическом стиле, по-новому даются характеры действующих лиц, по-новому дается прежде всего фигура самого Петра. Теперь это человек реального действия,— рассказывал драматург в статье «Роман, пьеса, сценарий».—...В новой пьесе «Петр» дается иная концепция, ставятся и разрешаются новые технические задачи. Очертания характеров действующих лиц даются не в словах, а в поведении».

Действительно, вариант 1934 года коренным образом отличается от пьесы «На дыбе». Прежде всего изменилось решение основной проблемы произведения — проблемы народа и личности в истории. Теперь уже Толстой видит в народных массах не тормоз исторического развития, а главную движущую силу истории, активно участвующую в преобразовании страны.

Центральная тема второго варианта пьесы — героическая борьба русского народа за целостность и независимость России. Петр выступает уже не как герой-одиночка, опередивший свой век, а как «человек реального действия», «огромная фигура, выдвинутая эпохой». Отказавшись от противопоставления Петра народу, драматург снял трагическую окраску произведения, перевел пьесу, как он сам говорил, из пессимистического в оптимистический план.

Изменение концепции пьесы повлекло за собой переработку всего комплекса художественных средств — построения и развития конфликта, композиции, образной системы.

Возникший у писателя замысел народной драмы потребовал широкого показа тех социальных групп, на которые опирался Петр в борьбе с боярством. В то же время драматург сузил круг приверженцев царевича Алексея, подчеркнув этим обреченность реакции.

Значительным изменениям подверглась композиция пьесы. Одним из серьезных художественных недостатков пьесы «На дыбе» было отсутствие четкого композиционного построения. Она представляла собой как бы серию разрозненных картин из жизни Петра I. Во втором варианте отбор и последовательность эпизодов обусловлены внутренней логикой развития основного конфликта.

По мысли автора, пьеса делится на три тематических цикла: первый — «организация победы», второй — «противодействие ре-

акции мероприятиям Петра», третий — «разложение нового общества». (А. Н. Толстой. О пьесе «Петр I». Полн. собр. соч., т. 13, стр. 506.)

В первом варианте пьеса заканчивалась сценой наводнения в Петербурге, как бы символизировавшей крушение всех планов Петра. Отбросив ее, драматург значительно смягчил пессимистическое звучание финала. Но тема одиночества Петра, его общественной и личной трагедии осталась и во втором варианте. Режиссер спектакля «Петр Первый» в Ленинградском государственном академическом театре драмы Б. М. Сушкевич справедливо отмечал, что последняя картина пьесы, рисующая распад «гнезда Петрова» — «это не только эпилог личной, «созидательной» темы Петра, но и пролог ко всему XVIII веку — веку дворцовых переворотов, расцвета дворянского предпринимательства и хищнической борьбы придворных группировок». («Литературный Ленинград», 19 мая 1935 г.)

Такое решение финала пьесы тесно связано с существовавшим тогда у Толстого замыслом довести роман о Петре до середины XVIII столетия. «Третий том будет посвящен послепетровской эпохе вплоть до царствования Екатерины II»,— сообщал он в 1933 году. (Полн. собр. соч., т. 13, стр. 572.) Впоследствии планы писателя изменились. Он решил закончить роман годами высшей славы Петра, отказавшись от изображения заката его деятельности. В соответствии с этим в 1938 году, при создании третьего варианта драмы «Петр Первый», заключительная сцена была кардинально переработана.

Третью редакцию пьесы А. Н. Толстой писал одновременно с второй частью киносценария «Петр Первый». Многие картины и эпизоды в этих произведениях совпадают. Из сценария драматург перенес в пьесу разговор царевича с Ефросиньей в неапольском замке «Сент-Эльмо». Полностью совпадает с текстом сценария речь Петра в Сенате. Одинаково решена в обоих произведениях картина Полтавской битвы. В первых двух вариантах пьесы полтавская победа была показана лишь отраженно, в эпизоде переправы разбитых шведов. В 1938 году драматург перенес действие на поле боя, в сердце русской армии, где Петр с командного пункта следит за наступлением своих войск.

В третьем варианте Толстому удалось полнее, чем в прежних пьесах, показать патриотическую устремленность Петра, его большой талант полководца и организатора. Более широкое отражение получила героика народной борьбы за национальную

независимость русского государства. Ярко и сильно зазвучала отсутствовавшая ранее тема иностранного вмешательства в дела России.

Правильно показав героическую борьбу народа за укрепление русского государства, Толстой, однако, не сумел с достаточной полнотой раскрыть противоречия Петровской эпохи. Многое из того, что было найдено драматургом в пьесе 1934 года, обеднено и утрачено в последней редакции. Прежде всего это относится к теме крестьянской революции, пусть неполно, но все же достаточно четко раскрытой во втором варианте. В пьесе 1938 года эта тема совершенно отсутствует. Толстой устранил образы «кабального мужика» Воробья и бывшего разинского атамана Лоскута,— а с ними всякое упоминание о восстаниях крестьян в эпоху Петра I и о непосильных тяготах, которые приходилось переносить народу.

В архиве А. Н. Толстого хранится следующий план переработки второго варианта «Петра» в третий:

«Выбросить:

1. Первую сцену.
2. Канатный завод (бывш. 8 картина).
3. На набережной (бывш. 9 картина).
4. Сцена в крепости со смертью Алексея (бывш. 11 картина).

Оставить:

1. Вторую картину. Петр в Воронеже. (Петр посылает в Голландию Мишку Буйносова. Вопрос о войне...)
2. Лагерь Шереметева (развить).
3. В доме у Меншикова (бывш. 4 картина. Сделать купюры).
4. Сцена в Думе (добавить текст).
5. Полтава.
6. У Буйносова. (История с калмычонком, сцена с Алексеем. Сцена с Алексеем кончается бегством Алексея к Римскому кесарю).
7. Сент-Эльмо.
8. Сцена на Неве с Алексеем.
(Летний сад не окончен. Начать картину в Летнем саду. Приезд Толстого. Петр уходит. Алексей и Екатерина. Входит гневный Петр, разговор с Алексеем. Соединить две картины.)

9. Сцена на корабле.
10. Сенат. (Повинен смерти. Речь Петра о предстоящем бое.)
11. Праздник. (Приход кораблей.)»

Как видно из этого плана (почти полностью осуществленного), Толстой стремился максимально развить эпизоды, рисующие военную и политическую деятельность Петра. Вместе с тем все сцены, связанные с изображением народного протеста — казнь стрельцов на Красной площади (картина первая); бунт на канатном заводе купца Жигулина; покушение на Петра на набережной Невы,— оказались исключенными.

В число действующих лиц третьего варианта «Петра» драматург ввел Федьку Умойся-Грязью. В романе он — кабальный мужик князя Буйносова. Голодное житье боярского холопа, служба в царском войске, каторжные работы — такова вкратце его история. Фильм как бы продолжает и развивает ее. На экране мы видим Федьку Умойся-Грязью во главе беглых холопов, его судьба исторически правдиво отражает тяжкую долю крепостного крестьянства и растущий протест народных масс против бесчеловечного угнетения. Ничего этого нет в последнем варианте пьесы. Теперь Федька — солдат преображенец, участник войны со шведами, верный слуга царя.

В третьем варианте «Петра» проявилась свойственная многим произведениям конца 30-х годов тенденция к идеализации исторических личностей (см. образы Петра, Меншикова, Екатерины во втором и третьем варианте).

Не показан в этой редакции и конфликт Петра с его сподвижниками. Исключив сцены, рисовавшие разложение новой знати, Толстой представил путь Петра значительно более легким и гладким, чем он был в действительности. Многообразие исторических противоречий эпохи не нашло отражения в варианте 1938 года. Драматург раскрыл только положительные стороны деятельности Петра I. Классовая направленность петровских реформ, их крепостнический характер оказались затушеванными.

Третий вариант пьесы «Петр Первый» был впервые поставлен в Ленинградском государственном академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Премьера состоялась 10 апреля 1938 года. Главную роль исполнял Н. К. Черкасов. Екатерину играла Н. Н. Бромлей, Алексея — А. А. Ян, Меншикова — В. В. Меркурьев, Ефросинью — Е. П. Карякина. В центре спектакля был

конфликт между Петром и Алексеем, которого А. А. Ян трактовал как умного и расчетливого врага. В новой постановке была усилена тема социального переустройства России и ярче подчеркнута патриотическая идея борьбы за национальную независимость. Роль Петра, однако, не вполне удалась Н. К. Черкасову. Созданный им образ был слишком рассудочным, спокойным, уравновешенным. Сам актер чувствовал неполноту такой трактовки Петра. Через много лет, вспоминая о своем выступлении в этой роли, он писал в «Записках советского актера»: «Что же касается роли Петра I, которая вначале особенно привлекла меня возможностью раскрыть образ положительного героя, то должен признать, что роль не удалась: она не лежала в границах моих данных... И хотя А. Н. Толстой остался удовлетворен моим исполнением, я был далек от того, чтобы разделить его мнение».

Постановка получила восторженные отзывы критики. Правильно отмечая высокую патриотическую идею спектакля, живое и яркое отражение исторической эпохи, превосходный язык, рецензенты, однако, почти не упоминали о существенных недостатках толстовской драмы.

В короткое время третья редакция «Петра I» обошла многие театры Советского Союза. В 1938 году она ставилась в Краснодаре, Сталинграде, Днепропетровске, Ташкенте; в 1939 году — в Иркутске, Барнауле, Иванове, Ярославле; в 1940 году — в Новосибирском театре «Красный факел» и, наконец, в 1948 году — в Грозненском областном драматическом театре имени Лермонтова.

Одной из лучших постановок «Петра Первого» явился спектакль Ярославского театра имени Волкова (режиссер Д. М. Манский). Показанный в 1939 году на гастролях в Москве, этот спектакль получил высокую оценку столичных зрителей.

Характерно, что, несмотря на всеобщее признание и большой успех пьесы, драматург не считал работу над ней завершенной. С просьбой о дальнейшей переделке «Петра» обращались к писателю и коллективы ряда театров. Вдумчиво и увлеченно работавшие над пьесой артисты Ярославского театра предложили автору снять последнюю картину. «Восприятие целостного образа спектакля несколько ослабляется к концу,— писал Толстому в 1939 году художественный руководитель театра имени Волкова Д. М. Манский.— ...Минуя 9-ю картину (за исключением моно-

лога Петра), народную сцену и сцену со стариком в 10-й, нам думается, можно достичь большего драматического напряжения и лучшего восприятия всего спектакля в целом». (Письмо от 28 сентября 1939 г. Архив А. Н. Толстого.)

В 1938 году Толстой написал несколько новых сцен для предполагавшейся постановки «Петра Первого» в Малом театре. К сожалению, сейчас невозможно судить о характере этих добавлений, так как спектакль не был выпущен, а рукопись сценического варианта пьесы затерялась во время войны.

О намерении драматурга создать четвертый вариант «Петра» свидетельствует и его письмо в редакцию газеты «Правда», относящееся к 1940 году. «Театр Моссовета предложил мне переработку моей пьесы «Петр I»,— сообщает Толстой,— это займет время между окончанием романа («Хмурое утро».— *А. С.*) и началом пьесы об Иване Грозном. Сроки крайне уплотнены. Но ничего не поделаешь, эпоха наша такова, что работать с развальцем не приходится...» (Архив А. Н. Толстого.)

В марте 1941 года А. Н. Толстой заключил с театром имени Моссовета договор на новый вариант пьесы «Петр I». Автор обязался внести в пьесу следующие изменения:

а) сократить количество картин, уплотнив пьесу во времени и по месту действия, а также по числу действующих лиц;

б) усилить центральный конфликт Петра и Алексея, подчинив его развитию и разрешению сквозное действие пьесы;

в) развить картину Полтавского боя. (Архив А. Н. Толстого.)

Выполнить этот план Толстому не удалось. Затянувшаяся до начала войны работа над трилогией «Хождение по мукам» помешала ему написать четвертый вариант пьесы «Петр Первый». Попытки воссоздать в драматургических образах эпоху Петра остались в какой-то мере незавершенными.

Печатается по тексту сборника «Пьесы», «Искусство», М.— Л. 1940.

ЧЕРТОВ МОСТ

Замысел комедии возник у А. Толстого во время поездок 1936—1937 годов по Европе. Побывав в Германии, Италии и других европейских странах, писатель особенно остро почувствовал, какую огромную опасность несет миру фашизм. «Я достаточно нагляделся на него в Европе и счел себя вправе рассказать в форме искусства свои впечатления и свое отношение к

врагам. Я считаю это своевременным и нужным»,— писал А. Н. Толстой. (Архив А. Н. Толстого.)

В первой редакции пьеса называлась «Парень тот, что надо» (комедия-фарс в 3-х действиях). Работу над ней драматург начал в сентябре 1938 года и закончил 23 апреля 1939 года, создав за это время шесть последовательных редакций.

11 ноября 1938 года отрывок из второй редакции пьесы, уже получившей название «Чертов мост», был опубликован в ленинградской «Красной газете». Несколькими днями ранее автор передал пьесу Московскому театру сатиры и Камерному театру.

А. Н. Толстой придавал большое общественное и политическое значение постановкам комедии «Чертов мост», подчеркивал «необходимость ее в нашей борьбе с фашизмом». «...меня бесконечно меньше интересуют вопросы качества моей пьесы, как вопросы чисто эстетические, меня почти исключительно интересуют вопросы проблемные, философские, социальные, поднятые в этой пьесе. Не нужно забывать, что так называемая фашистская идеология, расовая теория, ненависть к рабочему классу и к коммунизму вдалбливается в головы миллионов»,— писал он в черновом наброске письма в Союз советских писателей. (Архив А. Н. Толстого.)

Утверждая, что художественное качество пьесы в данном случае интересовало его меньше, чем обычно, драматург был, однако, не совсем прав. Многочисленные редакции «Чертова моста», хранящиеся в архиве писателя, свидетельствуют, что Толстой упорно и тщательно работал над художественной отделкой произведения. Шесть раз переделывая комедию, автор добивался не только усиления ее политической актуальности и остроты, но и большей художественной выразительности образов, сочности языка, жизненной достоверности ситуаций. Так, например, в черновых вариантах пьесы долго сохранялись роли японского посла Сукаки и итальянского посла Пиколо. Их разговор с новоявленным «фюрером» Руди в сцене праздника в королевском саду был великолепной пародией на дипломатические ноты фашистских государств-агрессоров. Однако непосредственного участия в развитии действия эти персонажи не принимали, и в окончательной редакции драматург исключил их из числа действующих лиц.

Совершенно новый смысл приобрел в последней редакции эпизод ссоры Руди с германским послом фон дер Рюббе. В первоначальном варианте Руди, защищая честь королевы, набрасы-

вался на посла с кулаками и вызывал этим всеобщее одобрение. После переделки ситуация стала более жизненной: правители маленького государства трепещут перед «всемогущей» фашистской державой, и Хунсблат немедленно пресекает порыв Руди.

Несколько изменилась финальная сцена пьесы. В первых вариантах Хунсблату мешал скрыться от восставших его секретарь Блиц. Услышав, что рабочие, которых он звал, уже близко, Блиц говорил своему бывшему хозяину: «Теперь, господин барон, перед смертью позвольте отчитаться... От всей моей поруганной, испоганенной, охамленной жизни,— примите... *(Плюет ему в лицо.)*» (Архив А. Н. Толстого.)

Однако поведение Блица в предыдущих сценах не давало оснований для такой развязки, и драматург изменил финал.

«Чертов мост» — острый антифашистский памфлет, «сатира-буфф» — по определению автора. «В Европе персонажи таких политических памфлетов — обычно лишь схемы, постоянные маски, носители тех или иных тем и положений,— писал А. Н. Толстой в одном из вариантов незаконченной статьи о своей пьесе.— «Чертов мост», сохраняя манеру политического памфлета, получился все же комедией характеров, потому что персонажи: Фома Хунсблат и королева, Руди, Зизи, Зелкин, Майк и Гарри — вполне реальные типы, расхаживающие по городам Европы и гремящие с парламентских и других трибун; они лишь поставлены в несколько гротесковое положение.

Я повторяю — в «несколько», потому что политика некоторых европейских держав могла бы с успехом предоставить не менее гротесковые ситуации для самой злостной сатиры, если бы эти ситуации не разрешались слишком трагично.

В особенности я хотел бы подчеркнуть типичность главного персонажа пьесы Фомы Хунсблата — «идеолога» и реализатора фашизма во всем его безумии и обреченности.

Показывать подготовку революции, которой диалектически заканчивается пьеса, не входило в мои задачи: этого не допускал гротесково-сатирический стиль «Чертова моста». Неизбежность революции возникала уже из самого показа взбесившегося фашистского мира, взбесившегося от сознания неумолимой реальности существования рядом с ним этого другого мира «могильщиков капитализма». (Архив А. Н. Толстого.)

Развернутое определение жанра пьесы А. Н. Толстой дал в своем выступлении на вечере встречи с сотрудниками Народного

комиссариата иностранных дел 15 января 1939 года. «Я называю эту вещь комедией,— сказал автор перед чтением пьесы.— На самом деле ее нужно было бы назвать трагикомедией. Во всяком случае, в таком стиле она ставится здесь в Москве в двух театрах — в Театре Сатиры и в Камерном театре.

Это — памфлет на фашизм. Форма фарсовая. По форме — это фарс, по содержанию — это реализм, по целеустремленности — это памфлет. Так что, видите ли, это сложная вещь.

Я это говорю предварительно только для того, чтобы вы не начали искать в этом какого-нибудь натурализма, примеряться, в какой стране это происходит. Происходит это приблизительно где-то на Западе, может быть это Голландия, может быть Бельгия, может быть Дания,— это не важно. Во всяком случае, это происходит в какой-то западноевропейской стране в наши дни, в стране, которая, видимо, стоит на грани этого фашистского переворота».

На вопрос слушателей, почему королева сделана «в некотором смысле положительным типом», автор ответил: «Это сознательно. Королева — это 19-летняя девушка, самая обыкновенная такая мещаночка, которая в самые решительные минуты думает, что лучше быть булочницей, стоять в передничке у кассы и торговать, чем вся эта грязная и страшная история с этим королевством, переворотами и т. д.

Здесь вообще два положительных типа — это два жулика и отчасти Руди. Это также сознательно сделано. В этой всей игре, они говорят, мы единственные честные люди. Иными словами, это общество, которое здесь изображено и которое не является даже почти и карикатурой, если хотите, дошло до такого нонсенса, до такого абсурда, что в нем положительными людьми могут явиться два жулика. Вот это так и сделано». (Архив А. Н. Толстого. Впервые опубликовано в комментариях Ю. А. Крестинского к пьесе «Чертов мост», Полн. собр. соч. А. Н. Толстого, т. 15.)

Пьеса «Чертов мост» была впервые поставлена в Московском театре Сатиры 9 марта 1939 года. Режиссеры В. Станицын и Л. Крицберг подчеркнули в своей работе комедийный жанр произведения, его сатирическую направленность. В манере острого гротеска были сыграны артистами В. Хенкиным и К. Пугачевой роли депутата парламента Артура Зелкина и его жены Зизи. Инфантильной, глупенькой девушкой изображала свою ко-

ролеву артистка Н. Слонова. Трусливым и истеричным маньяком выглядел Фома Хунсблат в исполнении Р. Корфа.

По-иному «прочел» пьесу коллектив Камерного театра под руководством А. Я. Таирова (премьера 16 марта 1939 г.). «Новая пьеса Алексея Толстого в трактовке этого театра не только занимательный гротеск; это прежде всего умная и острая, насыщенная философской мыслью пьеса,— писал в статье «Две постановки» В. А. Мануйлов.— В Театре Сатиры зрители смеются, может быть, больше, чем в Камерном, но постановка Камерного театра заставляет над многим задуматься. Это спектакль большой сценической культуры и большого режиссерского такта...» (Архив А. Н. Толстого.)

После вероломного нападения гитлеровских войск на Советский Союз А. Н. Толстой вновь обратился к пьесе «Чертов мост» и на ее основе создал для самодеятельных коллективов одноактный антифашистский памфлет «Фюрер», напечатанный в 1941 году издательством «Искусство».

Комедия «Чертов мост» при жизни автора не издавалась. Впервые она была опубликована в 15-м томе Полного собрания Сочинений А. Н. Толстого, Гослитиздат, М. 1953. Печатается по тексту последней — шестой редакции пьесы (машинопись с авторской правкой), хранящейся в архиве А. Н. Толстого в институте Мировой литературы имени А. М. Горького.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Написана в годы Великой Отечественной войны (закончена в 1943 году). Замысел драматической повести относится к значительно более раннему периоду. Еще в 30-х годах, в период работы над романом «Петр Первый», Толстой глубоко заинтересовался личностью и деятельностью Грозного, рассматривая его как политического предшественника Петра. «Алексей Николаевич... очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материалы — книги, портреты — и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать»,— сообщал А. М. Горькому в письме от 31 января 1935 года директор Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич.

В 1938 году А. Н. Толстой побывал в бахчисарайском дворце-музее. Он внимательно ознакомился с хранившимися там материалами о дипломатических отношениях Ивана IV с Крымским ханством и записал заинтересовавшие его сведения о пребывании в татарском плену Василия Грязного и выкупе его Годуновым. Впоследствии дополненный документальными данными этот материал нашел отражение в драматической повести.

В декабре 1940 года писатель заключил с Комитетом по делам искусств при СНК СССР договор на пьесу «Иван Грозный». «...Подготовляю две работы, к которым приступаю немедленно после окончания романа «Хмурое утро» — это пьеса о начале созидания русского государства из эпохи Ивана Грозного и, наконец, третья часть романа «Петр I»,— сообщал он в марте 1941 года в статье «Над чем я работаю». Предполагалось, что пьеса будет закончена в сентябре — к открытию нового театрального сезона.

Начавшаяся в июне 1941 года война внесла свои поправки в рабочий план писателя. Ведущее место в творчестве А. Н. Толстого заняла публицистика. В его статьях и очерках того периода неизменно звучала тема героического прошлого русской нации. Напоминая советским воинам о славных подвигах наших предков, писатель часто обращался к образу Грозного, раскрывая в нем черты правителя-патриота, полководца, неустанно охранявшего русские рубежи. Время правления Грозного возникает в толстовских статьях как «эпоха русского ренессанса, которая так же, как эпоха Петра Великого, отразила огромный подъем творческих сил русского народа». (Полн. собр. соч., т. 14, стр. 373.)

Толстой утверждал, что Иван Грозный «справедливо считается создателем русского государства». «Многолетняя, победная вначале борьба Ивана Грозного окончилась военной неудачей, но русское государство было создано и широко раскинулось до Каспия и до Байкала. Земля стала единой и отечество единым»,— писал он в статье «Стыд хуже смерти».

В публицистике первых военных месяцев уже были намечены в общих чертах и тема и историческая концепция будущих пьес о Грозном. К непосредственной работе над драматической повестью Толстой приступил в октябре 1941 года, в Зименках, недалеко от г. Горького, на берегу Волги. «Она была моим ответом на унижения, которым немцы подвергли мою родину,— вспоминал впоследствии писатель.— Я вызвал из небытия к жизни великую страстную русскую душу — Ивана Грозного, чтобы

вооружить свою «рассвирепевшую совесть». (См. наст. Собр. соч., т. 1, стр. 62.)

В Зименках были написаны первые три картины пьесы «Орел и орлица», первоначально называвшейся «Иван Грозный». Работа над последующими картинами шла в Ташкенте, куда Толстой переехал в ноябре 1941 года. В конце февраля 1942 года пьеса была закончена. Отрывок из нее под заглавием «Иван Грозный». Сцены из второй картины» впервые появился на страницах газеты «Литература и жизнь» 21 марта 1942 года. В том же году она была напечатана целиком в издательстве «Искусство» (М.—Л., 1942) на правах рукописи тиражом в 200 экземпляров под названием «Иван Грозный. Пьеса в 9-ти картинах».

Вначале А. Н. Толстой предполагал ограничиться одной пьесой. Решение продолжать разработку темы Грозного было принято позже, после обсуждения пьесы литературной и театральной общественностью Москвы и Ташкента.

В июле 1942 года, в ответ на просьбу внести некоторые исправления в текст «Грозного», драматург телеграфировал директору Малого театра И. Я. Судакову: «Переделки ни к чему не приведут. Ноябре будет новая пьеса». Произведение об эпохе Ивана IV мыслилось в то время как драматическая трилогия. Однако впоследствии изменился и этот замысел. Когда была окончена вторая пьеса — «Трудные годы» (Москва, апрель 1943 г.), драматург понял, что в ней завершается и самый яркий период жизни его героя. «Третью часть писать не буду,— говорил он Б. В. Ромашову после обсуждения «Грозного» в Малом театре.— Это страшно. Это такой мрак. Крушение всех его надежд. Нельзя писать в такое время. Не подниму. После войны как-нибудь». Не желая показывать последние годы царствования и смерть Ивана IV, Толстой отказался от создания трилогии. Пьесы «Орел и орлица» и «Трудные годы» были объединены в драматическую повесть в двух частях «Иван Грозный».

Первые издания пьес А. Н. Толстого о Грозном во многом отличаются от окончательного текста драматической повести. По просьбе автора его произведение широко обсуждали в Институте истории Академии Наук СССР, в литературных и театральных организациях. Чутко прислушиваясь к мнению советской общественности, А. Н. Толстой несколько раз перерабатывал свое произведение.

Наиболее серьезным переделкам подверглась первая пьеса — «Орел и орлица».

В октябре 1943 года Толстой завершил работу над окончательным вариантом драматической повести «Иван Грозный». В новой редакции автор снял комические элементы в изображении бояр и значительно усилил их отрицательную характеристику. Благодаря этому была достигнута бо́льшая напряженность в развитии основного конфликта, ярче показана историческая правота Грозного в его борьбе с оппозиционным боярством. Переделывая дилогию, драматург стремился глубже раскрыть формирование характера Ивана IV, психологически более тонко обосновать постепенное превращение порывистого, страстного, доверчивого юноши в грозного государя. В последнем варианте драматической повести резче подчеркнуты абсолютистские устремления Ивана IV, утвердившего на Руси принцип неограниченной самодержавной власти. Более четкое освещение получила и внешняя политика Грозного, в образе которого А. Толстой оттенил теперь черты тонкого и дальновидного дипломата.

Дополнения и изменения, внесенные в образную ткань драматической повести, потребовали некоторой композиционной перестройки. Писателю пришлось перекомпановать отдельные картины, ввести ряд новых сцен и эпизодов.

В первом опубликованном варианте пьеса «Орел и орлица» состояла из девяти картин. При переделке Толстой исключил четвертую картину — «Двор баронской мызы под Ревелем», где было показано, как в беседе с пленным ландмаршалом Филиппом Беллом у Курбского созревает решение перейти на сторону польского короля Сигизмунда Августа. В окончательной редакции эта сцена заменена тремя новыми картинами: «Площадь в Полоцке» (картина четвертая), «Моленная в доме у Ефросиньи Старицкой» (картина пятая) и «Арка крепостных ворот. Бегство Курбского» (картина шестая).

Интересно, что в первоначальном варианте шестой картины Курбский отводил от себя обвинения в сговоре с польскими воеводами. Вот как звучал его диалог с Козловым:

«Курбский. Так ли все в Москве, Юрий Всеволодович, как ты говоришь? Царь гневен, что я войско потерял. А мало я городов повоевал ливонских — славы и чести его ради? Короли трепещут при имени моем! А мне — спросонья, среди ночи — натянув шубенку — дрожать от страха под воротами! Как в омут бросаюсь... Уж я и гол и нищ... Вам, холопам, живот дорог, нам — гордость честнее живота...

Козлов. Андрей Михайлович, часу тебе нельзя медлить... Не веришь мне: ей-ей, Малюта Скуратов сказал царю, что ты-де войско нарочно подвел под сабли гетмана Радзивилла.

Курбский. Оговор, бесовский оговор...» (Архив А. Н. Толстого.)

В последней редакции Курбский уже не отрицает того, что он преднамеренно погубил войско Ивана IV. В его речи слышна теперь не оскорбленная гордость опального вельможи, а закоренелая ненависть феодала к посягнувшему на его права царю-самодержцу. Это заострение отрицательной характеристики Курбского связано с общим направлением работы Толстого над образами бояр.

Показу боярства как крупной реакционной силы, пытавшейся парализовать начинания Ивана IV, посвящена и другая картина, введенная драматургом в окончательный текст пьесы — «В моленной у княгини Ефросиньи Старицкой». Раскрывая в ней тайные замыслы врагов Грозного, А. Толстой хотел показать реальное существование боярских заговоров, которые, по утверждению большинства дореволюционных историков, существовали лишь в воспаленном воображении царя.

Сцену в Полоцке Толстой поставил непосредственно после исповеди Ивана перед Марьей Темрюковной. Этим создавалось необходимое нарастание действия — вырвавшаяся на волю мысль Грозного претворялась в дела. Картиной взятия Полоцка автор, кроме того, дополнял образ Грозного-полководца и раскрывал положительную программу его завоеваний.

Введение трех новых картин повлекло за собой и некоторые изменения в составе действующих лиц пьесы. В варианте 1942 года отсутствовали такие персонажи, как Юрий Всеволодович Козлов, воевода Новодворский, слуга Курбского Василий Шибанов, полоцкий воевода Двойна. В то же время при редактуре автор исключил роли Филиппа Белла и князя Ухтомского, а воевода Петр Иванович Шуйский был заменен Юрьевым.

Более глубокое обоснование получило в последней редакции такое важное мероприятие Грозного, как учреждение опричнины. Драматург расширил речь Ивана IV на Лобном месте, дописав новые строки (от слов «хотят жить по-старому»... до «Увы! Рассвирепела совесть моя...»), обличающие предательскую политику бояр-вотчинников. При переделке следующей, девятой картины Толстой также сделал большую вставку, вложив в уста Ивана

развернутое определение опричнины как «бранной силы» царя, «великого войска великого государя».

Существенные изменения были внесены в последний диалог царя с Сильвестром и в речь Ивана IV, обращенную к ворвавшимся во дворец вооруженным боярам (картина третья). Усиливая гневные, повелительные интонации, А. Толстой в то же время насыщает монолог Грозного конкретными заявлениями о силе и неограниченности царской власти. Так, слова Ивана: «Вся русская земля наша — единая вотчина, и я ей пастух...» — заменяются более категоричным утверждением: «Русская земля — моя единая вотчина. Я царь, и шапка Мономахова на мне — выше облака...» В обращение Ивана IV к боярам автор вводит новое слово: «Холопы»; к словам «неистовый обычай старины, что я — равный вам, забудьте...» добавляет: «забудьте со страхом».

В первоначальном варианте пьесы причины удаления Сильвестра из Москвы не были до конца ясны читателю. Создавалось впечатление, что Иван IV идет на разрыв со своим наставником необдуманно, в порыве гнева, раздраженный его упрямством. После правки этот эпизод приобрел совершенно другое звучание. Внесенные в окончательный текст слова Грозного: «Я опомнился, поп. И видеть тебя более не хочу... Ты, ты от юности моей держал на узде мою волю. По твоему скаредному разуму мне было и есть, и пить, и с женою жить... Ты, аки бес неистовый, благочестие поколебал и тщился похитить богом данную мне власть... Прочь от меня,— навеки...» — не оставляют сомнений в том, что решение царя непоколебимо. Теперь уже он карает не докучливого советчика, а человека, превысившего свою власть, мешавшего ему самостоятельно управлять государством.

При переработке финальной сцены писатель значительно расширил заключительный монолог Грозного, дополнив его страстной молитвой («Гол и нищ перед тобой, господи...»), выражающей решимость царя беспощадно бороться с изменниками.

Вторая часть драматической повести «Иван Грозный» — пьеса «Трудные годы» — также насчитывает несколько вариантов. Черновые записи писателя свидетельствуют, что по первоначальному замыслу большое место в «Трудных годах» должны были занимать дипломатические переговоры Грозного с английской королевой Елизаветой. Используя сведения о планах военного и торгового союза с Англией, который Иван IV думал закрепить женитьбой на племяннице Елизаветы, драматург хотел

показать стремление России к расширению дружественных связей с западными державами. Решив начать пьесу сценой приема русского посла в Лондоне, Толстой предполагал дать затем другую картину, посвященную судьбе длительных англо-русских переговоров. Сохранился набросок этой сцены: «Сцена. Иван и английский посол. Он привез отказ от Елизаветы. Иван говорит ему отповедь. О том, каково стало царство русское. Четыре тысячи и более верст от Урала на восход солнца. Волга стала русской рекой. И Ливонские отчины, и Москва... А Елизавета — пошлая девка и т. д.». (См. А. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 701.) Впоследствии Толстой отказался от этого замысла, перенеся акцент на события Ливонской войны и защиту национальной независимости русского государства.

Многократно варьировал драматург картину вторую («Палата в Опричном дворце, Земский собор»). Особенно серьезной переделке был подвергнут первоначальный текст беседы Грозного с литовским послом Воропаем и концовка картины, которую автор дополнил сценой примирения царя с его ярым врагом — новгородским митрополитом Пименом. В то же время, перерабатывая десятую картину (казни в Новгороде), автор сократил полную ненависти к царю речь Пимена, оставив из нее лишь несколько реплик.

В процессе работы не раз менялся и замысел финала. В одной из черновых рукописей сохранился эпизод у царского шатра, которым Толстой вначале хотел закончить дилогию: «Иван идет к шатру. Из шатра выбегает Анна, простоволосая, в темном платье. Взглянула на зарево, всплеснула руками и опустилась у ног Ивана.

Анна. Москва... Москва. Огонь. Огонь.

Иван поднимает ее на руки, приближает ее лицо к своему.

Иван. Зачем выбежала? Дитя неразумное... Поди ляг опять, укройся... Чего боишься? Я никуда не отойду... Я насторожe... Анна, Аннушка... Открой глаза, покажи небо лазоревое... *(Целует ее, несет в шатер.)*

Голос сторожевого. Не спи... Не спи... Не спи...» (См. А. Н. Толстой, Полн. собр. соч, т. 10, стр. 704.)

В печатном тексте пьесы эта сцена отсутствует. Писатель исключил ее, чтобы показом личного счастья героев не снижать политического звучания финала.

Пьеса «Трудные годы», так же как «Орел и орлица», была впервые напечатана на правах рукописи («Искусство» М.—Л.,

1943). Полностью драматическая повесть «Иван Грозный» опубликована в 11—12 книжке журнала «Октябрь» за 1943 год (вышла в свет в марте 1944 г.), причем при подготовке к следующему — отдельному изданию («Искусство», М. 1944) текст дилогии вновь подвергся некоторой переработке.

Драматическая повесть «Иван Грозный» построена на обширном документальном материале. Помимо трудов дореволюционных историков: Н. М. Карамзина (VIII и IX тома «Истории государства Российского»), С. М. Соловьева (VI том «Истории России с древнейших времен»), В. О. Ключевского («Курс русской истории» и «Боярская дума древней Руси») и книг советских ученых: Р. Ю. Виппера («Иван Грозный», 1922) и С. Ф. Платонова («Иван Грозный» и «Смутное время», 1923), писатель широко привлекал произведения самого Грозного и его современников, мемуары, записки, письма, летописные и фольклорные памятники эпохи. В работе над дилогией А. Н. Толстой использовал переписку Грозного с Курбским, «Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.», письма Ивана IV к плененному татарами воеводе-опричнику Василию Грязному, духовное завещание царя 1572 года, «Историю о великом князе Московском» А. М. Курбского, «О Москве Ивана Грозного» немца-опричника Генриха Штадена, «Сказания» Альберта Шлихтинга, «О государстве русском» Джильса Флетчера, «Псковские летописи», «Степенную книгу», «Домострой», сочинения Ивана Пересветова и Ермолая Еразма и такие, более поздние трактаты, как «Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви» ключаря собора Василия Блаженного Иоанна Ковалевского. В художественной ткани дилогии нашли отражение и фольклорные материалы, взятые драматургом из сборников П. Симони, Кирши Данилова, П. Киреевского, П. Рыбникова, А. Григорьева, А. Гильфердинга, Н. Ончукова и других. Многие из названных книг с пометками писателя хранятся в его библиотеке.

Литературные памятники эпохи и произведения народного творчества подсказали А. Н. Толстому многие черты психологической характеристики Грозного. В мемуарах и письмах драматург находил интересные сведения об отношениях царя с опричниками и теми или иными представителями боярской оппозиции, существенные подробности быта и нравов того времени. Вместе с тем подбор материалов был в известной мере односторонним. Драматург широко использовал те документы, которые подтвер-

ждали сложившийся в его сознании образ царя-патриота и оставлял без внимания свидетельства бессмысленной жестокости властителя, болезненной мнительности Грозного.

Драматическая повесть охватывает основные события 1553—1571 годов — от болезни Ивана Грозного до пожара Москвы, подожженной полчищами хана Девлет Гнрея. Но в ряде случаев автор допускает значительные хронологические сдвиги. Так, уже в первой картине, воспроизводящей события 1553 года, сообщается о смерти жены Грозного, царицы Анастасии, которая на самом деле умерла в 1560 году. Помолвка датского принца Магнуса с племянницей царя, Евфимией Владимировной Старицкой, состоялась в 1570 году, то есть несколько позже, чем это изображено в драматической повести. В той же сцене помолвки есть упоминания о событиях Варфоломеевской ночи, в действительности происшедших в 1572 году. За хронологические рамки дилогии выходит эпизод с провозглашением Касимовского царевича Симеона Бекбулатовича земским царем (1574), отнесенный писателем ко времени учреждения опричнины. Во второй картине пьесы «Трудные годы» показаны Земский собор 1566 года и приезд литовского посла Воропая, в действительности приезжавшего в Москву в 1572 году.

Не вполне совпадает с летописными свидетельствами изображение бегства Курбского в шестой картине пьесы «Орел и орлица». Существенно изменены драматургом обстоятельства гибели Марьи Темрюковны. В «Трудных годах» целиком вымышлена история любви Грозного к Анне Вяземской.

Все эти отступления от исторических фактов необходимы писателю для того, чтобы сгруппировать в дилогии важнейшие события царствования Ивана Грозного, как можно полнее и глубже раскрыть характер героя.

Чрезвычайно важную роль сыграло изучение документальных материалов в работе писателя над стилем драматической повести. Язык толстовских пьес несет на себе ощутимые влияния летописных памятников и публицистических произведений XVI века. Поэтическая образность и афористичность речи Грозного во многом подсказаны драматургу подлинными эпистолиями царя; в грубоватом, сочном, чисто народном языке Василия Грязного, Буслаева, скоморохов слышны отзвуки русских сказок, песен, былин; строгая торжественность насыщенной библейскими образами речи Сильвестра напоминает о стиле церковнославянских книг.

Драматург заимствовал из документов эпохи наиболее типичные выражения, обороты речи, старые, вышедшие в наше время из обихода словосочетания. В тексте произведения можно обнаружить и «переведенные» на современный язык цитаты из литературных памятников. Так, из сочинений Ивана Пересветова взяты слова, которые Грозный, слегка перефразируя, повторяет в девятой картине пьесы «Орел и орлица»: «Вельможи-то мои выезжают на службу цветно, и конно, и людно, а за отечество крепко не стоят и лютою против недруга игрой играть не хотят. Бедный-то об отечестве радеет, а богатый — об утробе...» Близко к подлиннику письмо Ваське Грязному, которое Иван IV диктует в седьмой картине пьесы «Трудные годы». Контаминацией цитат из писем Курбского и ответной «эпистолии» Грозного является монолог царя в седьмой картине «Орла и орлицы», построенный в форме заочного спора с бежавшим в Литву Курбским.

Органическое вплетение подлинных текстов в языковую ткань дилогии достигается путем внесения в них синтаксических изменений. Писатель легко переводит старинные, архаические построения в современную речь, сохраняя при этом характерные стилевые особенности и образность языка XVI столетия. Сравним несколько фраз из драматической повести и подлинного послания Ивана Грозного Курбскому:

Текст послания:	*Текст драматической повести:*
«Но ради привременныя славы и сребролюбия, и сладости мира сего, все свое благочестие душевное со христианскою верою и законом попрал еси...»	«Попирают благочестие душ своих ради сребролюбия, ради сладости мира сего мимотекущего».
«...ино се ли совесть *прокаженная,* яко свое царство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? и се ли *сопротивен* разуму, еже не хотети быти работными своими владенну? и се ли *православие пресветлое,* еже рабы обладаему и повеленну быти?»	«Да царь-то, с совестью прокаженной, хочет царство свое в одной своей руке держать, рабам своим не давать над собой властвовать... Противно разуму сие... Это ли православие пресветлое? — мне быть под властью рабов!»

А. Н. Толстой не злоупотреблял использованием цитат. Они вводились в дилогию очень осторожно, только в особенно важных в идейном смысле местах. Обычно же монологи и диалоги

действующих лиц, не имея прямых соответствий в исторических памятниках, близки к ним по своим выразительным средствам. В языке персонажей драматической повести все время слышатся то отзвуки летописи, хронографа, «Степенной книги», псалтыря, то отголоски народных песен и сказок. Так, в словах Ивана Грозного: «Мы не беднее царя индийского, бог нас талантами не обидел. О нашей славе золотые трубы вострубят на четыре стороны света...» — образ «Сказания об индийском царстве» тесно сплетается с «золотыми трубами» из псалтыря, насыщая речь царя ароматом старинной книжности.

В библейском стиле выдержана речь католического монаха, возвещающего о падении Полоцка: «Прогневался господь, вострубили трубы Иисуса Навина, пали стены иерихонские...» О поэтических образах «Слова о полку Игореве» заставляют вспомнить призывы Пимена: «Копья изострите, щитами прикройтесь, становитесь крепко в воротах новгородских...» или слова Грозного: «Сабли у них изострены, кони под ними пляшут».

Драматическая повесть «Иван Грозный» вызвала живой интерес театральной общественности. Крупнейшие деятели советского театра — В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, Н. П. Хмелев, И. М. Москвин, В. Н. Пашенная, К. А. Зубов высоко оценили произведение А. Н. Толстого. «Толстой талант огромный. В исторических картинах по выписанности фигур, по языку, я не боюсь сказать, что не знаю ему равных во всей нашей литературе. Ряд сцен в его пьесе превосходит все, им до сих пор написанное»,— утверждал В. И. Немирович-Данченко после прочтения первой части дилогии. (Письмо А. Н. Толстому (июнь 1942 г.). «Ежегодник МХАТ», 1948, т. 1.) Произведением выдающейся талантливости назвал драматическую повесть будущий исполнитель роли Ивана Грозного Н. П. Хмелев. О «червонном золоте русской речи», о «художественно совершенных образах» толстовской дилогии с восхищением говорил К. А. Зубов.

Первая часть дилогии — пьеса «Орел и орлица» — была впервые поставлена в Малом театре (премьера 18 октября 1944 г.). Ставил спектакль И. Я. Судаков. Роль Грозного исполнял Н. А. Соловьев, Марьи Темрюковны — Д. В. Зеркалова, Ефросиньи Старицкой — В. Н. Пашенная, Курбского — Н. А. Анненков, Василия Блаженного — А. П. Грузинский, Малюты Скуратова — А. И. Ржанов. Декорации были выполнены П. П. Соколовым-Скаля.

В дальнейшем спектакль подвергся некоторой переделке. Из-

менения были внесены не только в сценическую трактовку образов, но и в текст пьесы. По просьбе театра Толстой уменьшил количество картин, снял сцену в Полоцке и объединил вторую и третью картины. Был сделан ряд купюр в монологах Грозного и Андрея Курбского, сокращены некоторые эпизоды. Усилению темы реакции способствовало введение новых персонажей: Масальского, Ухтомского, Трубецкого, пополнивших лагерь боярской оппозиции.

В новой постановке (режиссеры П. М. Садовский, К. А. Зубов и Б. И. Никольский, художник П. П. Соколов-Скаля) спектакль был впервые показан 3 марта 1945 года.

Вторая часть драматической повести — пьеса «Трудные годы» — была поставлена в Московском Художественном театре. В роли Грозного должен был выступить Н. П. Хмелев, но внезапная смерть оборвала работу артиста. Хмелев умер на репетиции, в костюме и гриме Грозного, 1 ноября 1945 года — за несколько дней до премьеры. Его последняя и лучшая роль осталась не показанной широкому зрителю.

20 июня 1946 года состоялся первый спектакль «Трудные годы» в МХАТ с М. П. Болдуманом в главной роли. Анну Вяземскую играла К. Н. Иванова, Малюту — А. Н. Грибов, Василия Шуйского — Л. А. Волков, митрополита Пимена — С. Блинников, Федора Басманова — Ю. Л. Леонидов, Челяднина — А. И. Чебан. Постановка А. Д. Попова и М. И. Кнебель, декорации П. В. Вильямса.

Несколько позже пьесы А. Н. Толстого о Грозном были поставлены в театрах Новосибирска, Казани, Горького, Риги, Челябинска, Иркутска, Красноярска, Саратова и многих других городов Советского Союза.

Постановки драматической повести получили широкий отклик в печати. Назовем статьи Н. Погодина «Иван Грозный» в Малом театре» («Известия», 30 мая 1945 г.), С. Голубова «Новая постановка пьесы Ал. Толстого на сцене Малого театра» («Правда», 30 мая 1945 г.), Б. Емельянова «Иван Грозный» в Художественном театре» («Литературная газета», 3 августа 1946 г.), Л. Левина «Великая русская душа» («Иван Грозный» в театре «Красный факел»), («Советская Сибирь», 27 ноября 1945 г.).

Печатается по тексту: «А. Толстой, Иван Грозный. Драматическая повесть в двух частях», «Искусство», М. 1944.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Николаевич
ТОЛСТОЙ
Собр. сочинений, т. 9

Редактор *Л. Красноглядова*
Художеств. редактор *Ю. Боярский*
Технич. редактор *Ф. Артемьева*
Корректоры *Б. Брагина и Л. Коншина*

*

Сдано в набор 4/VIII 1959 г.
Подписано к печати 14/X 1959 г. А08070
Бум. 84 × 108$^{1}/_{32}$—24,75 печ. л. 40,6 усл.
печ. л. 32,25 уч.-изд. л.+1 вкл.=32,30 л.
Заказ № 3396. Тираж 650000 экз.
Цена 11 р. 50 к. С 1.I.1961 г. цена
1 р. 15 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

11 р. 50 к.
С 1.I.1961 г. цена 1 р. 15 к.

АЛЕКСЕЙ
ТОЛСТОЙ
9